ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ

EAWARN

ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ

ISBN 978-5-4211-0241-0

9 78 5421 102410

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук

Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов

ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ

Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика

Под редакцией
М.Ю. Мартыновой и В.В. Степанова

Москва
2019

УДК 316.7 314.7
ББК 63.529
И374

Публикуется за счет средств гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-09-20061 «XIII конгресс антропологов и этнологов России» (рук. М.Ю. Мартынова)
Часть 1 подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики» (рук. М.Ю. Мартынова)
Части 2 и 3 подготовлены в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

И374 **Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика** / ред. Мартынова М.Ю., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2019. – 433 С.

ISBN 978-5-4211-0241-0

В книге публикуются научные доклады одноименного Симпозиума XIII Конгресса антропологов и этнологов России, представленные экспертами Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), сотрудниками Института этнологии и антропологии Российской академии наук, других российских научных центров, посвященные средствам измерения и оценки языковой ситуации, этнического и иного культурного многообразия в России и за рубежом в целях совершенствования инструментария Всероссийской переписи населения 2020 года и разработки предложений корректив государственной национальной политики в регионах Российской Федерации.

Для специалистов в области межнациональных отношений, языковой, образовательной и миграционной политики, ученых гуманитарной сферы и представителей общественных организаций этнокультурной направленности.

УДК 316.7 314.7
ББК 63.529

ISBN 978-5-4211-0241-0

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2019
© Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), 2019

Содержание

Предисловие 6

Часть 1. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Языковое богатство России в аспекте федеральной политики и региональных инициатив *(Мартынова М.Ю.)* 7

Русский язык – язык гражданской нации *(Тишков В.А., Степанов В.В.)* 21

Поддержка этнокультурного и языкового многообразия на новом этапе этнополитики *(Зорин В.Ю., Орешин С.А.)* 33

Языковая палитра и этнокультурное образование в Пермском крае *(Черных А.В., Каменских М.С.)* 50

Некоторые размышления о родных языках, языковых статусах и историях (на примере удмуртского языка) *(Загребин А.Е.)* 62

Репрезентация языковой политики и национальных движений Российской Империи в учебниках по истории Приволжского Федерального округа *(Илизарова В.В., Плеханов А.А.)* 65

Общественное восприятие мигрантов и культурно-языкового многообразия в Мордовии *(Мартыненко А.В.)* 72

Опыт языковой политики в Чувашии: день сегодняшний и ретроспектива 1990-х *(Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.)* 81

Актуальные аспекты языковой политики в Калмыкии *(Волгин В.Л.)* 90

Контакты и стереотипы в контексте культурного многообразия Карачаево-Черкесии *(Щербина Е.А.)* 99

Этноязыковая ситуация в Кабардино-Балкарии *(Аккиева С.И.)* 111

Проблема сохранения ногайского языка в России *(Джумаева Д.К.)* 118

Языковая ситуация в сфере образования в Казахстане *(Савин И.С.)* 122

Английский язык в мультикультурной Великобритании (к проблеме коммуникации и интеграции) *(Руднев В.В.)* 130

Социолингвистическая ситуация на севере Нигерии *(Суетина Ю.Г.)* 134

Часть 2. ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ И ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ

Измерение культурного многообразия России *(Степанов В.В.)* 140

Множественная этническая идентичность населения в приграничном регионе (на примере Белгородской области) *(Бубликов В.В.)* 155

Этническая категоризация казаков во всероссийских переписях населения *(Кочергин А.А.)* 165

Восприятие культурного многообразия жителями московского региона: миграционный аспект *(Кульбачевская О.В.)* 176

Отношение к переписи населения жителей Москвы (по данным массового опроса 2019 года) *(Подлесных О.Н.)* 186
Зигзаги этностатистики: особенности переписей населения в Башкирии в 1989, 2002, 2010 гг. и прогноз на 2020 гг. *(Габдрафиков И.М.)* 193
Миграция в ЕАЭС как пространство новых возможностей и вызовов *(Амелин В.В.)* 196
Быть россиянином в России *(Барышная Н.А.)* 201
Социальная мобильность мигранта в поликультурной среде *(Мокин К.С.)* 208
Этнодемографическая характеристика коренного населения предгорий Северного Алтая (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года) *(Николаев В.В.)* 225
Переписи населения как инструмент замера ассимиляционных процессов (на примере финно-угорских народов) *(Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н.)* 233
Миграционные настроения в мигрантском сообществе: этнодемографические трансформации в Республике Коми и на европейском севере России *(Шабаев Ю.П.)* 240
Этнокультурные трансформации в приграничном регионе: мифы и оценки (Воронежская область) *(Черникова В.В.)* 256
Этнологический мониторинг как элемент системы информационно-аналитического обеспечения принятия управленческих решений: крымское измерение *(Сенюшкина Т.А.)* 264
Проблема государственного учета аборигенных сообществ Российского Севера *(Пивнева Е.А.)* 273
Переселенцы в Карелии в начале XXI века *(Яловицына С.Э.)* 283

Часть 3. МЕТОДЫ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПОЛЕВАЯ ЭТНОСТАТИСТИКА

Студенческая молодежь о культурных различиях и гражданской интеграции *(Старченко Р.А., Степанов В.В.)* 292
Цыгане России: мобильность и социальная коммуникация *(Черных А.В.)* 300
Изучение интернет-пространства как метод этнологического исследования *(Малькова В.К.)* 313
Репрезентация этнических проблем и конфликтов в СМИ: основные маркеры ксенофобии *(Родионова Е.В.)* 322
Этнокультурная идентификация турок-месхетинцев (ахыска) в Кабардино-Балкарии *(Аккиева С.И.)* 330
Молодежь и мигранты: понимание культурного многообразия (опыт Костромской области) *(Белова Н.А.)* 339
Мониторинг общественного восприятия инокультурной миграции в Марий Эл *(Орлова О.В., Чемышев М.В.)* 346
О мониторинге миграционной и этнической ситуации в Приволжском федеральном округе *(Воронцов В.С.)* 353

Социально-политические установки интеграционных стратегий мигрантов из центральноазиатских государств *(Мухаметшина Н.С.)* 359
Мигранты и рынок труда Новосибирской области: возможны ли межнациональные конфликты? *(Шевцова Е.В.)* 365
Восприятие мигрантов через призму культурных различий: пути интеграции в Омской области *(Смирнова Т.Б.)* 373
О политике поддержки этнокультурного многообразия в Хабаровском крае *(Ивагин А.П., Мотрич Е.Л.)* 387
Культурное многообразие и миграция в Приморье *(Ермак Г.Г.)* 394
Мигранты в Тобольске и проблема культурного шока *(Квашнин Ю.Н.)* 414
Национальные идентичности в Австрии *(Холлер Е.В.)* 421
Авторы 429

Предисловие

В данной книге публикуются научные доклады Симпозиума «Измерение культурного многообразия» XIII Конгресса антропологов и этнологов России (г. Казань, июль 2019 г.), представленные экспертами Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), сотрудниками Института этнологии и антропологии Российской академии наук им. Н.Н. Миклухо-Маклая, других российских научных центров, посвященные средствам измерения и оценки языковой ситуации, этнического и иного культурного многообразия в России и за рубежом в целях совершенствования инструментария Всероссийской переписи населения 2020 года и разработки предложений корректив государственной национальной политики в регионах Российской Федерации.

Разделы книги концентрируют внимание читателя на важнейших тематических направлениях мировых исследований в области статистического учета культурного многообразия, они повторяют названия соответствующих секций Симпозиума: «Языковая ситуация и языковая политика», «Измерение культурного многообразия и переписи населения», «Методы этнологических исследований и полевая этностатистика».

Представление об изменчивой, пластичной и сложной культуре все еще с трудом воспринимается управленческой элитой, а нередко и не воспринимается вовсе. Это характерно не только для России и бывших советских республик, но и других стран, в том числе стран Западной Европы и Америки, где все еще доминирует представление о четком и однозначном разделении людей «на языки», на «общины», «национальности», «расы» и прочие категории. Культурное многообразие предстает в виде упорядоченной мозаики с четкими линиями водоразделов (отсюда и пресловутая политика мультикультурализма), а факты смешения и множественности воспринимаются как досадная случайность и отклонение от нормы. Эти представления не являются научными, они подтверждены не наукой, а обыденным бюрократическим сознанием, в логике которого любые объекты, с целью облегчить задачи управления, подлежат упрощению; таким объектам надлежит быть неизменными и в малом количестве. Эти представления, порождая общественные коллизии, концептуально присутствуют в законах о языках и образовательной сфере, в государственных программах по преодолению различных форм социальной и культурной дискриминации, в программах поддержки самобытности уязвимых культурных групп. Присутствуют они, а зачастую и доминируют, в программах государственных переписей населения.

Авторы научных докладов в этой книге на обширном исследовательском материале представляют языковую и этнокультурную ситуацию в России и мире, как не являющуюся чем-то неизменным, как сложное явление, подверженное переменам из-за множества социальных факторов.

На основе конкретных научных исследований авторы показывают, что необходима новая, более адекватная картина языковых и культурных реалий, учитывая которые, становится возможным заблаговременно предупреждать общественные противоречия и конфликты.

Часть 1. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Языковое богатство России в аспекте федеральной политики и региональных инициатив[1]

Мартынова М.Ю.

Возможно, эпоха агрессивной глобализации завершена или завершается, особенно, что касается нивелирования культур и языков. В условиях, когда в мире нарастает многокультурность, все более актуальной становится проблема сохранения самобытности населения, передачи молодому поколению традиций. Но для молодежи в многоязычном и поликультурном обществе важно найти баланс между потребностями групп или индивидов и задачами консолидации гражданского общества в интересах единого государства.

Одним из действенных инструментов социального конструирования идентичности, на мой взгляд, является образовательная политика. То, что люди принадлежат к разным культурным традициям обусловлено, прежде всего, воспитанием и социализацией. Немалая роль в воспитательном процессе принадлежит образованию, прежде всего школьному. В этой связи рассмотрим вопросы школьного образования и изучения национальных языков в регионах России.

Уже неоднократно отмечалось исследователями, что язык как явление социальное, имеет две основные функции: наряду с практическим коммуникативным предназначением он играет и символическую роль, формирует чувство родственности с группой и одновременно является значимым для дифференциации сообществ. Эти коллективы могут быть разными – возрастными, профессиональными субкультурными и проч. Наиболее отчетливо по разным, т.ч. языковым, признакам проявляются группы, имеющие связь с национальной или этнической идентичностью. Подобные формы идентичности следует рассматривать в тесной связи с языком. В этом случае он является не просто инструментом общения в социальном коллективе, но и обеспечивает «адептам» ощущение отличия от прочего мира и внутренней сплоченности.

[1] Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики».

Есть языки, которые признаны официальными сразу несколькими государствами и нациями. В то же время довольно много стран, в которых население говорит не на одном языке, а нескольких. Тогда, как правило, государства, которые образуются в результате объединения нескольких этнических групп или народов, должны иметь язык внутригосударственного общения. Примерно половина стран в мире имеют государственные языки. В некоторых из них – государственный язык один, в других – их больше. Есть страны, где существует один государственный язык для всей страны и, в дополнение к нему, государственные языки для отдельных регионов. Еще один вариант – отсутствие государственного языка для всей страны, но наличие такового для отдельных ее частей. И, наконец, в ряде стран понятие государственного языка вообще отсутствует. В большинстве подобных случаев, однако, практикуется какой-то один язык. Дабы упредить общественные разногласия, во многих странах принимаются официальные документы, в которых устанавливаются сферы использования тех или иных языков. Но воплощение буквы закона в практическую плоскость – нелегкая задача.

В России еще в 2013 г. правительство утвердило федеральную целевую программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», в которой сформулировано пять целей: воспитание общероссийской гражданской идентичности; поддержка этнокультурного развития народов, населяющих нашу страну; укрепление межнационального мира и согласия; обеспечение прав гражданина в области удовлетворения национальных потребностей; содействие в адаптации и социальной интеграции мигрантов. На эти задачи и тенденции государственной социальной политики не могла не отреагировать педагогика. Все чаще стали говорить о том, что ключевой целью общего образования является формирование гражданской идентичности подрастающего поколения.[2] При этом отмечают, что этническая идентичность может существовать одновременно с гражданской идентичностью, они не взаимоисключают друг друга.

Понятие «идентичность» включено в Федеральный государственный образовательный стандарт нового поколения. В стандарте подчеркивается, что он, в частности, «направлен на: обеспечение формирования российской гражданской идентичности обучающихся; сохранение и развитие культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации, реализацию права на изучение родного языка, овладение духовными ценностями и культурой многонационального

[2] См., напр., материалы круглого стола «Новый стандарт общего образования: стартовал пилотный проект» от 22.11.2007 (http://standart.edu.ru/doc.aspx?DocId=331).

народа России; воспитание и социализацию обучающихся, их самоидентификацию посредством личностно и общественно значимой деятельности, социального и гражданского становления».

На формирование идентичности оказывают влияние разные учебные предметы, прежде всего гуманитарной направленности – язык, литература, история, география, религиоведение, история родного края, обществознание. В первую очередь представляется важным остановиться на проблеме языка преподавания. Тем более что вопрос о выборе языка школьного обучения для России в настоящее время является одним из принципиальных. Как известно, 14 августа 2018 г. вступил в силу принятый в окончательном чтении 25 июля Государственной Думой и подписанный 3 августа Президентом РФ В.В. Путиным закон, дающий школьникам и их родителям право выбирать, какой язык будет изучать ребенок в качестве родного[3]. Русский язык закон тоже включает в перечень для изучения в этом качестве. Предмет «Родной язык» остается в обязательной части учебных планов, а не переходит в факультативную составляющую, что особо подчеркивают авторы закона.

Против первоначальной версии законопроекта выступали и власти, и общественность во многих республиках, в частности, в Татарстане, Кабардино-Балкарии, Чечне, Калмыкии, Северной Осетии. Не до конца прекращены дискуссии и сейчас. Нарекания вызвал тот факт, что закон закрепляет за гражданами право не изучать языки национальных республик, в которых эти граждане живут. По мнению значительной части национальных активистов, переход изучения языков на добровольную основу повлечет за собой утрату культуры народа. Местные элиты и этнонациональная интеллигенция республик восприняли действия Центра как принижение статуса их языков. Именно поэтому республики крайне болезненно отреагировали на решения властей, посчитав, что тем самым Москва ставит под угрозу само существование титульных языков республик. Авторы же инициативы о праве на выбор языка полагают, что на основании закона дети не будут принуждаться изучать в качестве родного язык, который родным для них не является. Большой резонанс в стране вызвали слова Президента РФ В.В. Путина в июле 2017 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле о том, что недопустимо заставлять кого-либо учить неродной язык. Россия была ввергнута в полемику о языках, общественная дискуссия по этому вопросу развернулась по всей стране.

В июле 2017 г. Минобрнауки было поручено проверить ситуацию с преподаванием языков в восьми республиках России (из 22-х), где республиканские государственные языки изучались в школах в обязательном по-

[3] Закон РФ «Об образовании». 273-ФЗ. Гл. 2, ст. 14. Язык образования.

рядке. Это – Татарстан, Якутия, Ингушетия, Калмыкия, Северная Осетия, Марий Эл, Чувашия, Коми. В остальных республиках языки титульного населения изучались добровольно. В регионах прошли прокурорские проверки. Генпрокуратура проверила добровольность изучения языков народов РФ в регионах России и обнаружила нарушения во всех национальных республиках. Но самое большое количество жалоб родителей школьников на принудительное обучение национальному языку и уменьшение часов русского языка зафиксировано в Татарстане, Башкортостане, Якутии и Чувашии. По итогам прокуратура направила представления о вынесении штрафов и должностных взысканий. Минобразования РФ разработало методические указания, согласно которым изучение государственного языка республики будет добровольным. Минобразования РФ более жестко отрегулировало образовательные стандарты и установило объемы изучения родного и государственного национальных языков.

Родители школьников, ранее недовольные обучением их детей национальным языкам (акции русскоязычных родителей в Татарстане и Башкортостане периодически повторялись с 2011 г.), начали еще активнее писать отказы. В то же время в Башкортостане прошло несколько митингов в поддержку башкирского языка. В Татарстане также прошли митинги с требованием вернуть обязательное преподавание татарского языка в школах. Педагоги Чечни высказали мнение, что факультативное обучение не сможет обеспечить базового знания родного языка. Они говорили и о том, что желательно изучение языка «титульной нации» всеми жителями Чечни. Президиум парламента Кабардино-Балкарии поддержал обращение Госсовета Татарстана о необходимости «сохранить право изучения родного языка в обязательной части школьной программы для всех народов России». В Нальчике 26 июня 2018 г. прошло заседание представителей общественных движений, преподавателей, учителей и правозащитников. Общественная дискуссия по языковому вопросу возобновилась в Чувашии и Коми. Активисты из Северной Осетии обратились к Президенту РФ Владимиру Путину оставить осетинский язык обязательным для изучения в школах республики. В 2014 г. они уже обращались к властям с просьбой не принимать поправки к закону о родных языках, согласно которым для дополнительного изучения можно будет свободно выбирать родной язык[4].

Как сторонники, так и противники этнокультурного образования обычно приводят аргументы, обосновывая свои точки зрения. Как пример того, что принцип добровольности изучения языков в республиках правилен, академик В.А. Тишков описывает ситуацию в северных нефтегазовых поселках Республики Коми, где почти не проживают представители ти-

[4] Данные получены в ходе опроса и из материалов СМИ.

тульного народа, но в школьной программе коми язык был обязателен: «Чем были недовольны часть учеников и их родители? Не только тем, что приходилось тратить школьное время на изучение языка, который мог быть довольно труден для освоения и ничего, с точки зрения некоторых родителей, не добавлял для финальной школьной аттестации и для вступительных вузовских экзаменов. Даже освоив республиканский государственный язык и оставшись проживать в регионе, применять его в повседневной жизни особой нужды не было: все вокруг говорят на русском. Это, например, характерно для Северной Осетии и Мордовии, где подавляющее большинство жителей дома и на работе используют русский язык. Особое недовольство вызывала ситуация у тех, кого можно условно назвать “двойными меньшинствами”, то есть у представителей нерусской национальности, проживающих как бы не в “своей” республике. Тогда ученик-ингуш, проживающий в Пригородном регионе Осетии, должен был обязательно изучать в школе осетинский, а не родной ингушский, а чуваш в Татарстане – изучать татарский, а не чувашский, и т.д. От этой части жителей республик и было больше всего жалоб. Но высказывали недовольство самые разные категории, в том числе и татары в Татарстане и башкиры в Башкирии, которые хотели бы иметь больше учебных часов для подготовки к ЕГЭ»[5].

А исполнительный директор Региональной общественной организации «Национально-культурная автономия удмуртов республики Татарстан» М. Иванова не согласна и задается вопросом, почему нельзя считать татарский язык языком межнационального общения на территории Татарстана? По ее словам, 18% удмуртского населения в Республике Татарстан знает татарский язык. Недавно она столкнулась с информацией о том, что эта цифра увеличилась до 35 процентов. В языке татарстанских удмуртов, говорит активистка, присутствует большое количество тюркизмов, да и вообще их речь очень близка к татарской.

Создалась парадоксальная ситуация: ущемленными в правах себя считали как сторонники, так и противники изучения национальных языков в школах. По данным ВЦИОМ, опубликованным на сайте организации 27 ноября 2017 г., за обязательное преподавание национальных языков в школах республик РФ выступили 33% россиян. Еще 56% опрошенных были уверены, что национальные языки должны быть дополнительным предметом на выбор родителей и школьников. Еще 8% заявили, что такого предмета вообще не должно быть в школе, а 3% затруднились с ответом. Считают, что в основном преподавать национальные языки нужно в начальной и средней школах соответственно 60% и 58% респондентов. С

[5] *Тишков В.А.* Язык до конфликта не доведет? //Известия. 7.12.2017.

проведением таких уроков в старшей школе согласен 41% опрошенных. Возникшее в стране общественное напряжение, связанное с ограничениями языкового и этнокультурного образования, довольно существенно. В российском образовании идет поиск оптимального сочетания изучения русского языка при сохранении и поддержке языкового разнообразия жителей России[6].

Масштаб языкового многообразия России беспрецедентен. Согласно Всероссийской переписи населения, в стране зафиксировано 277 языков, а реально их порядка 150, около 100 языков – письменные, в т.ч. на 59 создаются литературные произведения, издаются книги и журналы, ставятся спектакли. При этом русским языком, обладающим статусом государственного на всей территории России, владеет 98,2% населения. Кроме того, 23% владеет еще 38 языками. Остальные 114 языков распространены лишь среди 1% населения. Таким образом, наблюдается, с одной стороны – языковое единство в России и языковое доминирование русского языка, с другой – большое языковое и культурное разнообразие.[7]

Среди языков есть такие, на которых говорят миллионы людей, но есть и те, которыми владеют только тысячи, сотни или даже десятки человек. Закономерно, что наиболее распространены языки, которыми пользуются самые многочисленные в стране национальности. Большинство языков массового владения обладает статусом республиканских государственных языков в пределах отдельных субъектов РФ. Больше всего в России людей, говорящих на татарском (5,3 млн, 3,7% населения) и башкирском (1,4 млн, 1%) языках. Далее следуют украинский – 1,3%, чеченский (0,9%), чувашский (0,9%), армянский (0,6%), аварский (0,5%) языки. Якутским владеет 0,3% населения России.[8]

Относительно правового статуса языков РФ, напомню, что Конституция РФ устанавливает статус языков, функционирующих на территории страны: государственный язык РФ, республиканские государственные языки, родные языки. Государственным языком страны на всей ее территории является русский язык (ст. 68, п.1). Конституция РФ дает республикам право устанавливать свои государственные языки и использовать их в органах государственной власти и местного самоуправления, в государственных учреждениях республик наряду с государственным языком страны. Статусом республиканских государственных языков наделены 25 языков в 19 республиках. Их статус закреплен Конституцией РФ, конституциями

[6] Сайт ВЦИОМ 27 ноября 2017 (https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8804)

[7] *Степанов В.В.* Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации // Европейская языковая хартия и Россия (ред. Соколовский С.В., Тишков В.А.). Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: ИЭА РАН, 2010, № 218, с. 11.

[8] Там же. сс. 21–22.

республик и республиканскими законами о языках. Кроме того, некоторые языки в ряде республик не имеют статуса государственного, но обладают аналогичными функциями. Это 14 с наибольшим количеством носителей языков в Дагестане, карельский, вепсский и финский языки в Республике Карелия. Отметим, в ряде республик РФ (Карелия, Хакасия, Адыгея, Коми, Бурятия, Удмуртия, Башкортостан, Алтай, Мордовия, Марий Эл, Саха–Якутия) титульные национальности составляют численное меньшинство среди местного населения, что, естественно, влияет на языковую ситуацию в этих республиках.

Особое место среди языков, на которых говорят жители Российской Федерации, занимают языки малочисленных народов – миноритарные языки. В настоящее время в их список включены 54 языка.[9]

Согласно основному закону, человеку и гражданину предоставлено право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Конституция также гарантирует всем народам России право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Право получения образования на любом языке народов России предусмотрено федеральным законодательством. В то же время языки России обладают разной степенью социальных функций в силу объективных причин (численность носителей, компактность расселения, наличие традиций использования языка и др.). Но важным, на наш взгляд, является и такой фактор, как языковая политика. Россия на протяжении истории придерживалась разных моделей языковой политики, что находило отражение и в системе образования.

Россия как многоэтничное и поликультурное государство имеет давние традиции образования на разных языках. Организацию школьной системы в многоэтничном государстве, определение задач школы не только как института просвещения, но и как инструмента языковой и духовной интеграции народов, общество ставило еще в 60-е годы XVIII в. С советского периода истории страны можно говорить о целенаправленной языковой политике. С 1917 по 1935 гг., согласно идеологическому контексту того времени, декларировалось равенство всех народов и, соответственно, поддерживалось просвещение на разных языках. Наивысший расцвет образования на родных языках в нашей стране приходился на 1934 г., когда обучение велось на 104 языках. С конца 1930-х и в 1940-е годы был взят курс на процесс русификации. В этой связи в 1938 г. Совнарком СССР принял Декрет «Об обязательном обучении русскому языку в школах национальных республик и областей»[10]. Он был направлен на двуязычное образова-

[9] Язык и общество. Энциклопедия. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 12.

[10] Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13.03.1938 № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» (http://lawru.info/dok/1938/03/13/n1195090.htm)

ние. Постепенно происходил отказ от принципа «школа на родном языке» и переход основной части национальных школ на русский язык обучения. В 1952 г. вводятся новые учебные планы со значительным увеличением часов на изучение русского языка. Период национально-русского двуязычия длился с 1935 по 1959 г. Реальным поворотом к утрате двуязычия и переходу обучения на русский язык стал закон «Об образовании» 1959 г., в котором содержалось положение о добровольном выборе родителями языка обучения их детей, это привело к тому, что русский язык как язык обучения стал доминировать. В 1960-е годы основным типом национальной школы в РСФСР становится школа с русским языком обучения и с преподаванием родного языка и литературы в качестве учебных предметов. К концу 1970-х годов образование можно было получить лишь на 14 языках народов СССР. А число языков, изучавшихся в школах как предмет, к середине 1980-х годов снизилось до 44-х. Национальная школа практически растворилась в общеобразовательном пространстве. В советский период истории нашей страны государство спонсировало этнические идентичности через правовые нормы и государственные институты и в то же время декларировало идею сближения народов, выравнивания их экономического и культурного развития. Все это находило отражение и в образовательной политике[11].

В России 1990-х, судя по принятым документам – законам «О национально-культурной автономии», «О коренных малочисленных народах», Концепции государственной национальной политики и др. этническая политика все больше определялась как политика мультикультурализма. Мультикультурализм при всей многозначности понятия подразумевает пафос стремления к равноправию различных культур, а также модели их равноправного существования в противовес модели гегемонии одной культуры. Не будем забывать, что концепция интеграции полиэтнического общества в сочетании со стратегией политического и культурного равноправия и согласия не может не реализовываться в образовательной сфере. В начале 1990-х годов обучение на разных языках стало возрождаться во всех субъектах Российской Федерации. Согласно Федеральному закону «Об образовании» от 10 июля 1992 г. «граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в рамках возможностей, предостав-

[11] *Мартынова М.Ю.* Поликультурное пространство России и проблемы образования // Этнографическое обозрение. 2004. № 1 С. 37–51; Мартынова М.Ю. Школьное образование и идентичность / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2013. № 234; Мартынова М.Ю. Школьное образование как ресурс культурной и национальной идентичности //Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 г. Ежегодный доклад Сети этномониторинга и раннего предупреждения конфликтов /Ред. Тишков В.А, Степанов В.В.. М.: ИЭА РАН, 2012, сс. 236–243.

ляемых системой образования» (ст. 6, п. 2). В этот период роль нерусских языков в общественном процессе заметно возросла.

Востребованность системы национального образования оказалась высокой. По данным Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования (ЦНПО ФИРО) Минобрнауки России, в 1989 г. в общеобразовательных учреждениях функционировало (в качестве языков изучения и обучения) 55 языков. К 2010 г. в системе государственного образования работало около 9 тыс. «национальных» школ, изучалось уже 89 языков народов России[12]. Из них на 39 велось обучение. В старших классах школы языками обучения являлись алтайский, башкирский, бурятский, марийский (луговой), татарский, удмуртский, чувашский, эвенкийский, юкагирский, якутский и другие. В качестве учебного предмета в школах Российской Федерации изучалось еще 50 языков. При этом предмет «родной язык» преподавался в основном на всех ступенях общеобразовательных школ (с 1 по 11 классы). По данным на 2018 г. в российском образовании используется 105 языков. Из них 24 в качестве языка обучения и 81 изучается как учебный предмет. Но учебники, прошедшие федеральную экспертизу есть только на 7 языках, остальные – инициативные.

В системе общего образования в качестве государственного языка республики изучались следующие языки: башкирский, татарский, коми, чувашский, саха. В практически моноэтнических республиках, таких как Ингушетия, Чечня, Тува можно считать, что изучение родного языка осуществляется в статусе государственного. Характер двуязычия в республиках, безусловно, определяет и степень бикультурности среды. Необходимо отметить тенденцию, пусть незначительного, но все же увеличения в местах компактного проживания представителей тех или иных народов национальных государственных школ, где родной язык является языком обучения или предметом изучения (в основном за счет роста таких школ в городах). В начале 1990-х годов их было в среднем по России около 13%, в первое десятилетие нового века, 2000-е годы – 45%[13]. Так, на территории России в 2010 г. действовало: 47 армянских школ, 85 – казахских, 66 – азербайджанских, 19 – туркменских, и других. Например, в Республике Татарстан функционировало 56 чувашских, 18 удмуртских и 9 марийских дошкольных учебных заведений. Работало 140 чувашских, чувашско-русских, чувашско-татарских школ, где изучали родной язык более 83 тыс. детей.[14]

[12] Текущий архив Минобрнауки РФ.
[13] *Артеменко О.И.* Удовлетворение этнокультурных образовательных потребностей народов России: государственность, этническая идентичность // ЕврАзийский юридический журнал. 2011. № 8 (39), сс. 124–131.
[14] Текущий архив Минобрнауки РФ.

Правда, если исходить из характера использования и господдержки, то российские языки по-прежнему находятся не в одинаковом положении. В наиболее выгодном положении – русский, татарский, башкирский, якутский языки. На них ведется весь цикл образования. Больше всего школ с родным языком в Татарстане, Башкортостане, Якутии, Тыве. Так, в общей сети образовательных учреждений Республики Саха (Якутия) школы с родным языком обучения в 2010 г. составляли более 40%, Республики Башкортостан – 45%, Республики Татарстан – 60%, а Республики Тыва – 80%. Соответственно увеличивается и количество детей изучающих свой родной язык. В Республике Татарстан, например, доля детей, обучающихся на родном языке, увеличилась с 12% в 1991 г. до 50% в 2006 г., в Республике Башкортостан – до 40%. В Дагестане, где по официальной статистике 32 языка, преподавание в школах ведется на 14 языках (ряд языков не имеет письменности), начальная школа – на родном, дальнейшее обучение – на русском.[15]

Школы с нерусским языком преподавания у нас в стране традиционно носили название «национальная школа». Закон РФ 1992 г. «Об образовании» заменил это понятие. В подзаконных актах Министерства образования РФ такие школы стали обозначаться как школы с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения. Как правило, эти учебные заведения ориентированы на обучение детей разных национальностей и в первую очередь в регионах их компактного проживания.

В 1990-е гг. в посткоммунистических странах повсеместно наблюдалась активизация этнического самосознания, что сопровождалось формированием организаций и движений, в том числе и тех, которые заботились о путях этнокультурного развития, о сохранении своих языков и культур. Для образовательной политики идея поликультурного и поликонфессионального социального пространства стала в эти годы одной из базовых. Тогда школы с преподаванием на разных языках стали создаваться не только в регионах компактного проживания тех или иных народов, но и в условиях иноэтничного окружения. Лидером в этом отношении стала Москва. Здесь возникли школы с т.н. этнокомпонентом, в которых изучались языки и культура разных народов. С нее брали пример и другие города. Например, в Оренбургской области родной язык как предмет в тот период изучался в 146 школах. А с учетом факультативов и кружков этнокультурный компонент образования использовали более 200 школ, в том числе с татарским языком – более 90, казахским – 55, башкирским – 47, мордовским – 17, чувашским – 6. Количество детей, охваченных всеми видами обучения, составляло более 14 тыс.

[15] *Артеменко О.И.* Указ. соч, с. 130.

Отметим, что концепции и подходы к многогранности образования не оставались неизменными и в последние годы. В 2007 г. на основании Федерального Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» от 01.12.2007 № 309-ФЗ, был ликвидирован т.н. национально-региональный компонент в образовании. В российских регионах и прежде всего в республиках неоднократно высказывались требования законодательно его восстановить. Отметим, что, с одной стороны, этот компонент спровоцировал некоторые общественные разногласия, поскольку способствовал воспитанию этнически ориентированной личности. С другой стороны, он все-таки позволял удовлетворить потребности населения в изучении и поддержании региональных языков и культур.

Произошел также ряд других изменений в сфере образования. Этому способствовала некоторая корректировка национальной и языковой политики в стране в целом. Как уже было отмечено, Правительство России 25 августа 2013 г. утвердило федеральную целевую программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» на 2014–2020 годы[16]. О внимании к роли государственного русского языка свидетельствует ряд решений на высшем уровне. Так, в 1996 г. Правительством РФ была утверждена на 2001–2005 гг. целевая программа «Русский язык». В 2000 г. был восстановлен ликвидированный в 1997 г. Совет по русскому языку при Правительстве РФ, в 2005 г. был разработан новый вариант законопроекта «О государственном языке РФ».

«Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации», утвержденная Указом Президента РФ 19 декабря 2012 г. на период до 2025 г. рассматривает языковую политику в качестве одного из главных политических направлений стратегического развития страны. В ней, в частности, сказано: «Культурное и языковое многообразие народов России защищено государством. В Российской Федерации используются 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используются 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета изучения».[17]

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что педагогические технологии требует особой взвешенности подходов. В России в разные периоды истории отношение к этнокультурному образованию и т.н. «национальным» шко-

[16] Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718 г. Москва «О федеральной целевой программе “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)”» (https://rg.ru/2013/09/02/edinstvo-site-dok.html).

[17] Стратегия Государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О стратегии Государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

лам менялось. Новый закон «Об образовании» касается изучения родного языка как предмета, а не языка, на котором ведется обучение. Но представляется, что эти две образовательные составляющие взаимосвязаны и являются звеньями одной цепи. Оценивать работу нового закона и новых подходов можно будет спустя некоторое время. Пока же отметим, что дискуссии вокруг проблемы родного языка подстегнули интерес к изучению и развитию всей палитры языков народов России. На проблему отреагировали власти как в центре, так и в регионах, стали развиваться институты общественного управления системой образования.

В Башкортостане, к примеру, утверждена Программа развития родных языков. На нее в 2019 – 2024 гг. предполагается выделить более 683 млн руб. (на русский язык – 32 млн, на башкирский – 172 млн и на остальные – еще 478,7 млн). Создана ассоциация учителей башкирского и родных языков. Председатель Кабинета министров Чувашии подписал указ о том, что авторы лучших детских книг на чувашском языке получат денежные призы в размере 200 тыс. руб. Конкурс прошел в седьмой раз.

В Казани 27–30 августа 2018 г. прошел Фестиваль национальных литератур народов России, на круглых столах которого обсуждались современные тенденции и состояние развития национальной литературы, проблемы перевода с национальных языков. Татарстан потратит почти 28 млн руб. на новые учебники по татарскому языку. В Татарстане 12 ноября 2018 г. запустили первый детский телеканал на татарском языке круглосуточного вещания. Создан сайт, на котором можно будет смотреть канал в России и за рубежом. В Казани 28–30 октября 2018 г. прошел Молодежный конкурс песен на родном языке для коренных народов «Амадины».

В Удмуртии в нескольких городах и районных центрах с октября 2018 г. стартуют курсы удмуртского языка. В Москве 27 ноября 2018 г. впервые праздновался Всемирный день удмуртского языка. Мероприятие приурочено к принятию закона Удмуртии о государственных языках и иных языках народов Удмуртии, благодаря которому удмуртский язык получит статус государственного в УР. В Сыктывкаре (Коми) 25–26 октября 2018 г. состоялась VI Международная конференция «Родные языки в условиях двуязычия». В Карелии опубликована азбука в стихах на ливвиковском наречии карельского языка.

В Дагестане появилась Ассоциация учителей родных языков и литератур. В Ботлихском районе Дагестана 14–15 июля 2018 г. состоялся уже второй Республиканский слет учителей аварского языка. Он собрал, по данным пресс-службы администрации г. Махачкалы, более тысячи педагогов из 32 муниципальных образований республики. Республиканский фестиваль родного языка прошел в Дагестане в феврале 2019 г. В Дагестанском государственном университете разрабатываются он-лайн уроки по

родным языкам. Планируется записать он-лайн уроки по семи языкам. Они предназначены для повышения квалификации учителей родных языков. Для повышения интереса детей к изучению родных языков в Дагестане создаются анимированные азбуки лезгинского, аварского, лакского, кумыкского, даргинского, чеченского, ингушского, осетинского, кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков, их озвучат дети. В Ингушетии также разрабатывается мобильное приложение с уроками ингушского языка. В Карачаево-Черкесии на научно-практической конференции «Табуловские чтения» в ноябре 2018 г. более 100 ученых и педагогов представили доклады, посвященные проблеме изучения абазинского языка. В Осетии стали выпускать обучающие мультфильмы на осетинском языке.

Народы Севера и Сибири тоже не отстают. Наиболее успешна в плане обучения на родных языках здесь Якутия. В Якутии еще раньше существовал Совет по языковой политике при главе республики, создано специальное Управление по вопросам языковой политики. Работают программы в сфере образования и культуры. Среди летних детских лагерей Югры самым популярным летом 2018 г. было этностойбище «Нумсанг ёх» (Мыслящие люди), где впервые проводилась языковая смена. Ее главной целью было стремление погрузить детей в хантыйскую языковую среду. Большинство детей до приезда в лагерь не говорили по-хантыйски, некоторые знали лишь отдельные слова. Занятия по специальной программе позволили им преодолеть языковой барьер и вызвали желание продолжить занятия в будущем. Ко дню тувинского языка детский литературный сайт «Радуга Тувы» представил новую серию «Российская классика на тувинском языке». В Хакасии объявили конкурс на сочинение на родном языке.

Очевидно, что в свете современных реформ и дискуссий позиции родных языков только усилились. В частности, это касается коренных малочисленных народов Севера, т.к. местные власти теперь обязаны создавать условия для изучения их языков. Научная группа культурологов (лингвистов) Сибирского федерального университета на основе полевых материалов разрабатывает письменность для энцев, малого народа Красноярского края (срок окончания проекта– 15 декабря сего года). На сегодняшний день энцы – практически единственный таймырский северный народ, не имеющий юридически зафиксированной письменности. (В 1986 г. Наталья Терещенко опубликовала проект энецкого алфавита с лесным диалектом языка в опоре). В Красноярском крае готовят учебники эвенкийского языка, там первые за несколько десятилетий подготовят учителей эвенкийского языка. На Таймыре выберут лучшего учителя родного языка. В Хабаровском крае изданы учебники по нивхскому, удэгейскому и ульчскому языкам. Больше внимания изучению различных языков стали уделять не только в республиках. В частности, в Ульяновской области на конферен-

ции педагогов родных языков, состоявшейся 20 августа, глава области Сергей Морозов предложил запустить проект по изучению родных языков народов региона на разговорном уровне. Здесь планируется организовать дистанционную школу по продвижению родных языков Курсы родных языков стартовали в Ставрополе (изучаются грузинский, черкесский, абазинский языки).[18] VI фестиваль языков прошел 24–25 ноября 2018 г. в Великом Новгороде. Состоялись презентации самых разных языков: нанайского, грузинского, эсперанто, марийского, польского, сербского, китайского, бурятского, сербского и многих других.

Общество тоже может повлиять на выбор детьми своего родного языка. Например, со ссылкой на министра образования и науки Республики Ирину Азимову, 16 января 2018 г. ТАСС сообщил, что в Северной Осетии 99% родителей школьников выбрали осетинский язык для изучения детьми по предмету «Родной язык». В то же время в Башкирии в 2018/2019 учебном году башкирский язык в качестве родного будут изучать 15,6% школьников, татарский – 9,45%, а русский – 63,05%[19]. Марийский язык как родной будут изучать 10% школьников Марий Эл[20]. В Татарстане татарский язык как родной выбрали 68% школьников, образование на татарском языке в РТ получают 70 тыс. детей. Русский как родной выбрали 30% учащихся РТ. Еще 2% школьников выбрали другие языки: чувашский, марийский, мордовский, иврит и др.

О реакции федеральной власти на проблему языкового многообразия России свидетельствует тот факт, что Президент РФ В.В. Путин 26 октября 2018 г. подписал Указ о создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов РФ. Учредителями Фонда являются Минпросвещения России и Федеральное агентство по делам национальностей, фонд формируется за счет бюджетных ассигнований. Цель создания фонда – создание условий для сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации, являющихся национальным достоянием и историко-культурным наследием Российского государства.

Государственная дума 29.10.2018 провела парламентские слушания на тему «Языковое многообразие Российской Федерации: состояние и перспективы». Напомню, что ООН объявила 2019 год Международным годом родных языков.

Все это вселяет оптимизм в отношении сохранности языкового богатства России и ее культурного многообразия в будущем.

[18] Данные получены в ходе опроса и из материалов СМИ.
[19] https://www.idelreal.org/a/29439082.html
[20] https://nazaccent.ru/…/28298-marijskij-yazyk-kak-rodnoj-bud…

Русский язык - язык гражданской нации[1]

Тишков В.А., Степанов В.В.

В наших публикациях мы уже писали, что ряд базовых концептов-категорий в отечественной социолингвистике и в практике языковой политики нуждаются в существенных коррективах, а именно: имеет место неоправданно жесткая связка между языком и этничностью, отраженная в таком постулате как «язык национальности» или «национальный язык», под которым почти исключительно понимаются именно этнические языки. Клише «язык национальности», «родной национальный язык» применяют даже если большинство представителей общности уже не используют этот язык и даже им не владеют. Отсюда, например, происходят сентенции о «незнании своего родного языка», которые побуждают законодателей к разработке очередных бесперспективных законопроектов и бюджетоёмких госпрограмм.

Дополнительное ужесточение связки «этнос и язык» имело место и в ходе недавней (2017-2018 гг.) общественной кампании по проблеме школьного изучения родных языков в российских республиках, а также в результате последовавших за этим законодательных и нормативных установлений. Начиная с Закона РСФСР «О языках народов РСФСР» 1991 г. и Конституции Российской Федерации 1993 г. (статья 68) в нашей стране утвердилось понятие «родные языки народов Российской Федерации», которым, наряду с государственным русским языком, Основной закон «гарантирует народам» право на их сохранение и «создание условий для их изучения и развития». Принятые в 2018 г. поправки к федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» содержали следующие положения:

«Федеральные государственные образовательные стандарты дошкольного, начального общего и основного общего образования обеспечивают возможность получения образования на родных языках из числа языков народов Российской Федерации, изучения государственных языков республик Российской Федерации, родных языков из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка.

Граждане Российской Федерации имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в

[1] Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики».

том числе русского языка как родного языка...» (ст. 14, п. 4 в ред. Федерального закона от 03.08.2018 N 317-ФЗ).

«…Свободный выбор языка образования, изучаемых родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся…» (ст. 14, п. 6 в ред. Федерального закона от 03.08.2018 N 317-ФЗ).

Как следует читать эти основополагающие тексты? Однозначно только как о, что у каждого народа есть свой единственный родной язык. Другие варианты как бы законом и не предусматриваются. А тем не менее, такие варианты есть, и они весьма не редки, причем настолько, что диктуют необходимые коррективы, если не в законах, то хотя бы в рутинных процедурах фиксации языковой ситуации для выработки более адекватной языковой политики.

Русский как родной язык. Наша исходная позиция заключается в том, что в случае использования категории «родной язык», под ней следует понимать материнский (точнее – родительский) язык или же основной язык знания и общения (первый язык).[2] На этом же понимании основывается современная академическая мысль и общественная практика полилингвальных стран, за исключением России и некоторых стран бывшего СССР. Данный вопрос имеет не только сугубо академическое значение, ибо практика фиксации распространенности того или иного языка только по числу их гипотетических носителей определенной национальности ведет к серьезным искажениям реальной языковой ситуации в том или ином сообществе, а отсюда – к неадекватной, зачастую – репрессивной, политике в отношении того или иного языка и его носителей. Если бы последние советские переписи населения фиксировали реальное распространение русского языка и его использование среди населения СССР, то едва ли получилось бы навязать ему после распада страны статус языка меньшинств и подвергнуть откровенной дискриминации. Если бы было официально признано, что для большинства населения новых независимых государств (таких, как Беларусь, Молдова, Украина, Латвия, Кыргызстан, возможно - Казахстан) для большей или значительной части жителей основным языком знания и общения, т.е. родным языком, является русский язык, то реальных шансов на установление официального двуязычия и его международную поддержку было бы значительно больше. Однако последняя Всесоюзная перепись населения 1989 г. зафиксировала число назвав-

[2] Тишков В.А. Языки нации //Вестник Российской академии наук, 2016, том 86, № 4, с. 291–303; Тишков В.А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик //Полис. 2019. № 3, сс. 127-144.

ших русский язык своим родным языком среди нерусского населения 18,7 млн. чел., из которых на территорию РСФСР приходилось 7,5 млн. чел. (27,6% всего нерусского населения России). При этом 69 млн. бывших граждан СССР нерусской национальности указали, что они свободно владеют русским языком (из них в РСФСР таких было 16,4 млн. человек, т.е. 88% нерусского населения). Что в действительности скрывалось за этими переписными данными? Прежде всего радикальное занижение степени распространенности русского языка как основного (первого) языка знания и общения, ибо русский язык в качестве родного языка указывали только те, кто совсем не знал «языка своей национальности». Отсюда и сама по себе абсурдная сентенция: «он(она) не знает своего родного языка». Отсюда и аргументы этнического национализма в языковом вопросе об обязательной норме соответствия «этнос и язык»: у каждого этноса есть свой язык, и этот язык и есть родной язык т.н. *этнофора* (представителя этнической общности)[3]. Подобные установки и неадекватная статистика позволили сделать русский язык «наказанным языком», сведя его в новых независимых государствах к статусу языка меньшинств, хотя в реальности это был язык большинства, по крайней мере, в доброй половине республик бывшего СССР к моменту их образования в качестве независимых государств. Все это теперь в прошлом, хотя в повестке некоторых бывших советских республик вопрос об официальном двуязычии, на наш взгляд, остается актуальным.

В данной статье мы обращаемся в вопросу о статусе и реальном функционировании русского языка на территории Российской Федерации. Причем, строго языковедческие сюжеты, как например, вопросы языковой вариативности или функциональной грамотности находятся вне данного анализа. Нас интересует прежде всего фиксируемое официальной статистикой знание и использование русского языка населением страны. А вот здесь и кроется существенная проблема в расхождении трактуемого наукой и практикой категориального аппарата и реальной языковой ситуацией.

Кстати, нынешние исследователи призывают различать понятия «этнический язык» и «родной язык» и предлагают считать последним не только «язык этноса», но и родительский (первый выученный) язык или же «язык, постоянно употребляемый индивидом в повседневном общении или язык, имеющий для индивида наибольшую коммуникативную значимость».[4] В реальности эти рекомендации не используются даже самими

[3] Словарь этнолингвистических терминов. Отв. ред. М.Ю. Михальченко. М., 2006; Язык и общество. Энциклопедия. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016.
[4] Язык и общество. Энциклопедия. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016, с. 601.

учеными, не говоря уже о практиках языковой политики, а тем более – статистиках.

Если исходить из многозначного и достаточно условного понимания «национального языка», «родного языка», то возникает еще одна проблема практики: может ли человек иметь больше одного родного языка и следует ли это признавать на уровне закона и статистической процедуры? Современная наука выступает за возможность «родного многоязычия». Авторы вышеупомянутой энциклопедии приводят пример русско-украинско-молдавского многоязычия в Приднестровье, когда респонденты, владеющие тремя языками и часто меняющие язык при повседневном общении, при ответе на вопрос о родном языке называют родными все три языка.[5]

Что касается российской ситуации, то здесь двуязычие и трудность в определении единственного языка в качестве родного существует во многих регионах, а также среди выходцев из российских республик, проживающих за их пределами. Наши исследования показали, что примерно 12-15%[6] опрошенных граждан готовы указать наличие более одного родного языка в случае, если такая возможность будет предоставлена во время переписи населения 2020 года.

Таким образом, мы делаем вывод, что отказ от понимания национального, родного языка, как раз и навсегда кем-то установленного «языка этноса», а также фактическое признание (не только в нормах закона) права и возможности каждого определять в качестве родного тот язык, какой сам считает родным, в том числе возможности определять для себя более одного родного языка, существенно изменит представление о языковой ситуации в России. Как показывают наши многолетние исследования, эта картина изменится в пользу большей распространенности русского языка в качестве родного, а также в пользу ряда крупных языков в тех регионах, где эти языки имеют хождение (например, татарский язык в Татарстане). В этой коррекции нет никакой политической подоплеки, и даже наоборот – она направлена на ослабление идеологической ангажированности статистки советского времён, исходящих из представления о жестком разделении языков по разным народам.

Национальный язык. Ситуация запутанности и неадекватности наблюдается и в случае использования категории «национальный язык», по-

[5] Там же.

[6] Степанов В.В. О конфликтном восприятии культурных различий //Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2018, с. 28; Степанов В.В. Идентичность крымчан и качество российской переписи в Крыму //Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов (ред. В.Ю. Зорин, Р.А. Старченко, В.В. Степанов). – М.: ИЭА РАН, 2017; Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе (Ред. Тишков В.А., Степанов В.В.) – М.-Оренбург-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017; и др.

скольку и здесь далеко не все однозначно с точки зрения науки и общественно-политического дискурса. Сотни отечественных словарей и социолингвистических трактатов придерживаются дефиниции, что это язык нации в его литературной и устной форме со всеми возможными региональными вариантами (диалектами и говорами). Бытовое понимание национального языка подразумевает язык народа, язык этнической общности. В Российской Федерации общераспространенным является понимание русского языка как национального языка русского народа, как государственного языка Российской Федерации и как языка межнационального общения.[7]

Еще чаще термин «национальные языки» используется в отношении языков нерусских народов. Однако если обратиться к новейшему изданию «Большой российской энциклопедии», то обнаруживаем прилично скорректированное описание этой категории: национальный язык – это язык гражданской нации, стоит в ряду понятий «диалект», «язык народа», существует в устной и письменной формах и формируется на базе языка одной из этнических общностей, участвующих в формировании нации, одновременно со становлением самой нации.[8] Но там же указано и второе значение национального языка, как не общегосударственного, как языка одного из народов на территории государства. Указывается, что в этом значении термин является синонимом «родного языка».

Как правило, нация имеет общий язык, но составляющее ее население может говорить на многих языках. Однако возможно существование двух и более национальных языков у одной нации, например, в крохотном Люксембурге таковыми являются люксембургский, французский и немецкий. Несколько национальных языков имеют швейцарцы. У канадской нации два национальных языка: английский и французский. Не менее часты ситуации, когда две или более нации имеют один национальный язык,[9] например, в США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии – английский язык, большинство латиноамериканских наций используют испанский язык. Могут быть случаи, когда при языковом множестве и отсутствии языка доминирующей общности, в государстве трудно определить национальный язык. В этом случае языком данного государственного сообщества (гражданской нации) может быть избран язык бывшей метрополии, как, например, это было в Индии, пока к английскому языку не был добавлен второй язык индийской нации – хинди как язык наиболее многочис-

[7] Язык и общество, с. 388.
[8] Большая российская энциклопедия ныне доступна на сайте Министерства культуры РФ (https://bigenc.ru/linguistics/text/2253668).
[9] Национальный язык не всегда закреплен законодательством как государственный, это определяется правовой и политической традицией конкретной страны.

ленной этнической общности этой страны. Подобным образом сложилась ситуация в Нигерии, где при огромном количестве местных языков, далеко не изученных и даже не открытых наукой, имеется общий национальный английский язык. Национальный язык гражданского сообщества, как правило, является его государственным или официальным языком. В этом контексте рассмотрим положение русского языка в России, т.е. не только как языка русского народа, но и как национального языка российского народа – гражданской нации.

Переход на русский язык. И в современной России, и в прошлые столетия переход на русский язык в бытовой сфере не был принудительным и не подразумевал отказа от других языков. Благодаря преимущественно добровольному выбору в России население использует русский язык в большей степени, чем язык, соответствующий этнической принадлежности гражданина. Самый низкий уровень владения этническими языками – среди российских белорусов (24%), украинцев (35%), бурят (45%). Утратили положение «единственных» родных языки многих представителей народов Российского государства, например, у карел, мордвы, удмуртов, калмыков, из северокавказских групп – у осетин, кабардинцев, адыгейцев. Для значительной их части русский язык является вторым или первым родным. На русский язык в качестве первого языка перешли многие малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также представители тех национальностей, которые живут в городах – украинцы, белорусы, евреи, цыгане, российские немцы и другие.

Вот пример наиболее новых, с точки зрения официальной статистики (микропепись 2015 г.), сведений о языках коренных малочисленных народов. Из более 5 тыс. носителей селькупского языка используют этот язык 89%. В сравнении с другими малочисленными языками благоприятным можно назвать положение ненецкого языка с более чем 20 тыс. носителей, а также и хантыйского с 7-10 тыс. носителей. Их использование составляет более 60% от числа владеющих этими языками. Прочие малочисленные языки имеют гораздо меньшее хождение. Чукотский язык (4-5 тыс. чел.) используется в половине случаев владения этим языком. Языки челканский, тубаларский, телеутский используются половиной или 40% носителей. Лишь треть или пятая часть используют языки ульчский, эвенский, ительменский, юкагирский, вепсский, мансийский, шорский, кумандинский. Еще меньше пользователей, на уровне 15-10%, у языков нганасанского, долганского, эвенкийского, корякского, эскимосского, нивхского, нанайского.[10]

[10] Степанов В.В. Языковая ситуация в России //Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Издание 2-е, исправленное и дополненное. – М.: ИЭА РАН, 2018, с. 105.

Самое важное в проблеме параллельности или смены языка в пользу русского – это добровольность и преимущества, которые получает гражданин, свободно владеющий им с самого детства. Здесь важно не только признать право на смену языка и на указание двух родных языков, но и поощрять русско-этнонациональное двуязычие. Признание права на родное двуязычие снимет напряжение и чувство неловкости, которое испытывают многие россияне, когда им приходится выбирать между родными для них языками отца и матери или просто между двумя в равной мере родными для них языками. Для России это особенно важно, ибо большинство нерусского населения владеет в равной степени русским и своим этническим языком или даже в большей степени русским.

К сожалению, реальное распространение русского языка в качестве родного языка не находит должного отражения в переписях и многих исследованиях. Язык имеет огромное значение для государства и для того народа, который объединён под его суверенной властью. Государство – это прежде всего институты, бюрократия, армия, тексты законов, технические инструкции и т.д. Конечно, лучше, дешевле и даже безопаснее, если в государстве говорят на одном языке – языке большинства населения. Ясно, что армейские приказы и технические регламенты электростанций и реакторов должны быть изложены на одном языке. Язык демографического большинства, а в редких случаях язык политически господствующего меньшинства устанавливается в качестве государственного (официального) языка. В нашей стране по Конституции и Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» им является русский язык, который находится под защитой в разных сферах его использования.

Но так было не всегда. В постсоветский период необходимое внимание властей к русскому языку стало уделяться лишь в связи с разработкой в начале 2000-х гг. законопроекта,[11] а затем и принятием в 2005 г. упомянутого федерального закона о государственном языке.[12] Далее последовал президентский указ о Годе русского языка.[13] По мнению правоведа Е.М. Доровских, известной своими разработками в сфере языкового регулирования, принятие этого закона заключалось не в улучшении позиций русского как этнического языка, а в целях закрепить единый общегосударственный язык как необходимый признак единого государства – язык, который в силу своего реального положения способен быть источником и средством консолидационного процесса. Решить вопрос языкового единства государства было на тот период задачей насущной. По сути, это была

[11] Проект федерального закона в тот период именовался "О русском языке как государственном языке Российской Федерации".
[12] Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации" от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ.
[13] Указ Президента РФ от 29 декабря 2006 г. N 1488 "О проведении Года русского языка".

ключевая мера поддержания целостности России. На протяжении первого постсоветского и в начале следующего десятилетия существовали реальные угрозы государственной целостности. К их числу следует отнести всевозможные нормотворческие идеи регионального автономизма и суверенности. Известна т.н. «Концепция Государственной программы по сохранению и развитию языков народов Российской Федерации» 1992 года, в которой русскому языку в России отводилась роль «языка этнической диаспоры».[14] Для предупреждения рецидивов подобного типа и был принят упомянутый закон. Соответственно, в современной юридической науке понимание правового положения русского языка исходит из факта и необходимости его преимущественного использования на территории всей страны.[15]

Правоведы указывают, что важнейшая цель наделения русского языка статусом государственного заключается в создании единого коммуникативного информационного пространства, в первую очередь, нормативно-правового для ясного понимания государственными службами и каждым индивидом своих обязанностей и прав. В широком значении цель установления государственного языка заключается в обеспечении единства политического.[16] По мнению правоведа Л.Н. Васильевой, позиции русского языка сегодня являются мощным фактором единения многонациональной России, и одним из гарантов укрепления ее целостности.[17]

В действующем законе о госязыке говорится о “нормах современного русского литературного языка”, о “правилах русской орфографии и пунктуации”, о том, что порядок их утверждения определяется Правительством РФ. Трудности в этом вопросе связаны с пониманием языковой нормы, обязательностью её применения, значимостью в жизни современного социума. Очевидно, необходимо сосредоточиться на соблюдении языковой нормы русского языка прежде всего в самой России. В странах СНГ и Балтии складываются свои, несколько отличительные национальные варианты русского языка, которые заслуживают признания и изучения. Отечественная система языков представляет собой оригинальный вариант отечественной языковой хартии в отличие от европейской языковой хартии.

В целом в России сочетаются две выдающиеся языковые ипостаси. С одной стороны, наша страна обладает уникальным, сохраняющимся и поддерживаемым государством языковым разнообразием, с другой стороны,

[14] См. подробнее: Доровских Е.М. Правовые аспекты национально-языковой политики в Российской Федерации //Журнал российского права, 2008, N 11.
[15] Доровских Е.М. Русский язык: совершенствование правового регулирования //Журнал российского права, 2007, N4.
[16] Белов С.А., Кропачев Н.М. Что нужно, чтобы русский язык стал государственным? //Закон. 2016, N10.
[17] Васильева Л.Н. Сохранение позиций русского языка как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации //Юридическое образование и наука, 2005, N3.

несёт перед миром и самой собой ответственность за свой национальный язык – русский, без которого невозможно представить мировую культуру и современную цивилизацию.

В Российской Федерации с её многообразием языков накоплен уникальный опыт “языкового строительства” в досоветский и советский период и налицо постсоветские правовые и другие инициативы по признанию и поддержке нерусских языков. Но в какой мере можно говорить о русском языке не только как о государственном, но и как о языке всеобщего знания и общения? Такая постановка вопроса в отношении русского языка в России вполне правомерна, чего, кстати, нельзя сказать о многих других странах с культурно сложным составом населения. Например, в США значительная часть населения в крайне ограниченном объеме или вообще не владеет английским языком, предпочитая, например, испанский. В Канаде лишь часть населения владеет французским языком.

Во время Всероссийской переписи населения 2010 г. из 142,9 млн. жителей страны сведения о знании языков дали не все, но большинство – 138,3 млн. чел. Из них о незнании русского языка заявили 0,8 млн., т.е. 0,6%. А о том, что владеют русским языком, сказали 137,5 млн. или 99,4%. Та же распространенность владения русским языком подтверждена микропереписью 2015 г., аналогичной была и по итогам переписи 2002 г. – 99,2%.

Для сомневающихся по поводу качества переписей укажем, что сведения о владении русским языком отсутствовали в 2010 г. о 4,5 млн. – это те, кто самолично не участвовал в переписи, и они были учтены в переписи через паспортные столы только по параметрам «пол» и «возраст». Такие были не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и Вологодской, Владимирской, Ивановской областях, где абсолютно преобладает русское население. Поэтому и среди непереписанных основная масса, конечно, знает русский язык. Следует учесть, что какая-то часть населения осталась вообще не учтенной переписью. По нашим оценкам, порядка 2 – 2,5 млн. чел., из которых большинство – иностранцы, проживающие в России год и более (по условиям переписи, население, пребывающее в стране не менее года, это постоянное население). В таком случае, на момент переписи общее население могло составлять 142,9 млн. + 2,5 млн. = 145,4 млн. Если допустить, что абсолютно все эти иностранцы не знают русского языка (что, конечно, невозможно), то и в этом случае общее количество населения, не знающее русского языка составит 3,4 млн., т.е. не более 2%.

Таким образом, 98-99% населения России владеет русским языком. При этом русские составляют 80,9%, русский язык полагают своим родным 86%, а 19,6 млн. чел. или 14% населения при переписном опросе заявили, что у них другие родные языки. Это свидетельствует о высокой сте-

пени лояльности к русскому языку, распространении двуязычия или полном переходе на этот язык, а также, что особенно важно, свидетельствует о множественной языковой ситуации, при которой русский язык, наряду с этническими языками, является родным для разных групп населения. К сожалению, двойственность родного языка не отражена в российской статистике по причине ее методологической ограниченности.

Таблица 1. Русский язык в России по данным переписей населения

перепись		**% среди населения**
всероссийская 2010 г.	владение	99,4
	родной	85,7
микроперепись 2015 г.	владение	99,4
	родной	86,0
	пользование	97,4

Возможно, фактическая языковая картина будет более адекватной после переписи 2020 г., если убедить Росстат и чиновников, ведающих национальной политикой, о необходимой коррекции переписного инструментария. Этот инструментарий должен учитывать не желаемое, а действительное. Если у человека два родных языка, то он вправе их указать во время переписи, а статистики обязаны это учесть и отразить в переписных итогах.

А пока, с советской поры и до сего дня недостатки и даже фиктивность государственной статистики порождают ложное представление о русском языке как чуть ли не гонителе других российских языков. Некоторые политики и общественники, полагая вслед за ограниченной статистикой, что у народа может быть только один язык, считают доминирование русского языка явлением негативным, своего рода предательством по отношению к языку своей национальности. Их аргумент: “умер язык – умер народ”. Но есть право человека и право родителей на выбор языка для себя и своих детей, который делается не просто из идеологических соображений или под влиянием эмоций, но и из практических, рациональных расчётов. Обычно выбирается язык, на котором говорит большинство жителей страны и который обладает официальным статусом, и потому, зная его, легче добиться жизненного успеха. Известно, что эмигранты из России если не первого, то второго поколения переходят на язык принимающей страны. Ревнителями сохранения «родного языка» это редко когда осуждается, более того, в отличие от аналогичной ситуации смены языка внутри собственной страны, рассматривается как норма языкового поведения.

Таблица 2. Использование русского языка в повседневной жизни, микроперепись населения России 2015 г.

	% населения
Российская Федерация	**97,35**
Центральный федеральный округ	
Белгородская обл.	99,86
Брянская обл.	99,77
Владимирская обл.	99,82
Воронежская обл.	99,91
Ивановская обл.	99,90
Калужская обл.	99,73
Костромская обл.	99,87
Курская обл.	99,79
Липецкая обл.	99,75
г. Москва	99,84
Московская обл.	99,68
Орловская обл.	99,78
Рязанская обл.	99,84
Смоленская обл.	99,85
Тамбовская обл.	99,88
Тверская обл.	99,71
Тульская обл.	99,86
Ярославская обл.	99,79
Северо-Западный федеральный округ	
Архангельская обл.	99,93
Вологодская обл.	99,94
Калининградская обл.	99,82
Карелия обл.	99,90
Республика Коми	96,96
Ленинградская обл.	99,92
Мурманская обл.	99,88
Ненецкий авт. округ	99,78
Новгородская обл.	99,93
Псковская обл.	99,86
г. Санкт-Петербург	99,82
Приволжский федеральный округ	
Республика Башкортостан	88,10
Кировская обл.	99,82
Республика Марий Эл	90,61
Республика Мордовия	95,37
Нижегородская обл.	99,80
Оренбургская обл.	99,55
Пензенская обл.	99,06
Пермский край	98,14
Самарская обл.	99,36
Саратовская обл.	99,46
Республика Татарстан	88,60
Удмуртия Республика	97,46
Ульяновская обл.	98,56
Чувашская Республика	81,57
Южный федеральный округ	
Республика Адыгея	98,93
Астраханская обл.	98,65
Волгоградская обл.	99,31
Республика Калмыкия	98,63
Краснодарский край	99,73
Ростовская обл.	99,71
Республика Крым	99,42
г. Севастополь	99,81
Северо-Кавказский федеральный округ	
Республика Дагестан	70,32
Республика Ингушетия	73,44
Кабардино-Балкарская Республика	89,97
Карачаево-Черкесская Республика	95,84
Республика Северная Осетия -Алания	92,90
Ставропольский край	98,30
Чеченская Республика	65,91
Уральский федеральный округ	
Курганская обл.	99,83
Свердловская обл.	99,49
Тюменская обл.	99,63
Ханты-Мансийский авт. округ	99,70
Челябинская обл.	99,45
Ямало-Ненецкий авт. округ	99,61
Сибирский федеральный округ	
Алтайский край	99,83

	% населения
Республика Бурятия	97,72
Забайкальский край	99,74
Иркутская обл.	99,76
Кемеровская обл.	99,84
Красноярский край	99,76
Новосибирская обл.	99,82
Омская обл.	99,75
Республика Алтай	92,31
Томская обл.	99,78
Республика Тува	58,43
Республика Хакасия	99,79

	% населения
Дальневосточный федеральный округ	
Амурская обл.	99,90
Еврейская авт. обл.	99,72
Камчатский край	99,54
Магаданская обл.	99,71
Приморский край	99,86
Республика Саха (Якутия)	69,81
Сахалинская обл.	99,65
Хабаровский край	99,85
Чукотский авт. округ	99,94

Региональные различия. Не следует также упускать из виду и тот факт, что за всеобщими для страны цифрами доминирования русского языка стоят региональные различия его фактического использования. Это было впервые выявлено в общегосударственном масштабе в 2015 г. Проведенная по предложенной нами методике[18] микроперепись населения установила, что, если в большинстве российских регионов повседневно используют русский язык 98-99% населения, то в Коми, Карачаево-Черкесии и Мордовии русский язык используют 95-97% жителей, в Северной Осетии, Республике Алтай, Марий Эл – 91-93%, Кабардино-Балкарии, Татарстане, Башкортостане – 88-90%, Чувашии – 82%, Ингушетии, Дагестане, Якутии – 70-73%. Самый низкий уровень использования русского языка населением характерен для Чечни – 66% и Тувы – 58%.

Хотя в России значительный уровень формального двуязычия, поскольку 18% населения, т.е. миллионы людей, владеют двумя и более языками (2015 г.), из них только половина использует эти языки для общения. Триязычны и многоязычны лишь 1,5% населения, а используют такие языки 0,3%. Приведенные цифры показывают, что при многоязычии населения реальное функционирование языков в России характеризуется заметно меньшим разнообразием. Таким образом, многоэтничный российский народ общается на одном, не единственном, но на одном общем языке, и это следует назвать *языковым единством российской нации*, а русский язык – языком нации или национальным языком. Это важно знать и признавать как норму.

[18] Методика предусматривает, что наряду с вопросом о владении языками, людям должен быть задан во время переписи вопрос, какие из этих языков они используют в повседневной жизни. Этот метод будет применяться и в программе Всероссийской переписи 2020 года.

Поддержка этнокультурного и языкового многообразия на новом этапе этнополитики

Зорин В.Ю., Орешин С.А.

В настоящее время Российская Федерация сталкивается с новыми геополитическими вызовами, требующими реагирования в т.ч. и в сфере национальной (этнической) политики. Рост международного терроризма на Ближнем Востоке, резкая активизация миграционных потоков, политический кризис на Украине, резкое обострение отношений с Западом, санкционное давление на нашу страну требуют принятия взвешенных шагов и корректировки традиционных подходов управления миграционными и межнациональными отношениями.

На протяжении 2010-х гг. основными инновациями в сфере государственной национальной политики стали восстановление этнокультурного суверенитета Российской Федерации и начало возвращения государства в сферу этнополитики.

Рубежным можно назвать 2012 г., когда начинается разработка основополагающих документов, регулирующих сферу государственной национальной политики в нашей стране, в которых и содержались инновационные подходы к вопросам управления межнациональными отношениями. Начало было положено статьей В.В. Путина «Россия: национальный вопрос», опубликованной в «Независимой газете» 23 января 2012 г. В ней было сформировано видение основных путей решения актуальных вопросов государственной национальной политики, определялись её цели и задачи. Подчеркнута необходимость разработки и принятия Стратегии национальной политики, «основанной на гражданском патриотизме». В данной статье формулировалась идея, которая затем ляжет в основу т.н. двуединой задачи российской этнополитики: «Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен прежде всего быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности».[1]

В том же году были разработаны и подписаны Президентом РФ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года и Указ от 19 декабря 2012 г. №1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Вместе с принятой в 2015 г. уточнённой редакцией Стра-

[1] Путин В.В. Россия: национальный вопрос //Независимая газета. 2012. 23 января.

тегии национальной безопасности Российской Федерации они составляют своеобразную «квадригу» основополагающих документов, регулирующих систему российской этнополитики.[2] Была обозначена стратегическая двуединая задача: содействие этнокультурному развитию представителей всех народов, проживающих в России и укрепление единства российской гражданской нации. Само по себе появление концепта «единой российской нации» (трактуемой именно в гражданско-политическом смысле) стало серьезной инновацией и, не побоимся этого слова, прорывным направлением в отечественной политологической мысли.

В 2016–2017 гг. были предприняты новые политико-управленческие меры по повышению эффективности реализации Стратегии. Был осуществлен перенос центра тяжести практической работы на уровень федеральных округов, субъектов РФ и муниципальных образований. При этом особая ответственность легла на органы местного самоуправления, т.к. именно на уровне муниципальных образований принимаются практические решения, выделяются места для строительства культовых сооружений, образуются общественно-консультативные советы и дома национальностей, формируются школьные классы с этнокультурным компонентом. Кроме того, именно на местном уровне рождается большинство противоречий, которые могут привести к межнациональным конфликтам.[3]

Со стороны ФАДН требуется постоянное методическое сопровождение государственной национальной политики в регионах и муниципалитетах. В свою очередь, региональные органы государственной власти должны привести свои документы стратегического планирования в сфере межнациональных отношений (стратегии, планы и программы) в соответствие с новой редакцией Стратегии государственной национальной политики.

Очевидно, что на современном этапе, учитывая произошедшие в мире глобальные изменения, а также наметившиеся новые тенденции и вызовы возникла насущная необходимость во внесении необходимых корректив в действующий документ. Не случайно, что в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» среди приоритетных целей и задач важное место занимает укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации.

[2] Сборник законодательных актов в области государственной национальной политики и межнациональных отношений. – М.: ГБУ «МДН», 2016.

[3] Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации /Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: ИЭА РАН, 2018. Вып. 263, с. 16.

В 2018 г. была проведена большая работа по актуализации Стратегии государственной национальной политики. Президент принял принципиально важное стратегическое решение о сохранении прежнего курса государственной национальной политики. Соответствующие предложения по внесению изменений были рассмотрены и одобрены Советом при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям на заседании 26 октября в Ханты-Мансийске. Безусловно, обновление содержания Стратегии должно стать стимулом для актуализации документов стратегического планирования и на федеральном, и на региональном уровне. В.В. Путин подчеркнул, что изменения «должны быть нацелены на повышение эффективности работы государственных органов власти, местного самоуправления, структур гражданского общества».[4] Большую работу провело Федеральное агентство по делам национальностей. Проект Стратегии прошёл общественное обсуждение, в т.ч. в Государственной думе и в ходе ежегодных окружных семинаров-совещаний.

Правительству Российской Федерации было поручено обеспечить корректировку положений государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» в части, касающейся приоритетных направлений и целей этой государственной программы, а также показателей эффективности её реализации; а также предусматривающих оказание на конкурсной основе финансовой поддержки национально-культурным автономиям и иным некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность в сфере реализации государственной национальной политики Российской Федерации. Подчёркивается необходимость сохранения этнокультурных особенностей и историкокультурного наследия народов Российской Федерации, объектов природного наследия при реализации Стратегии пространственного развития РФ.

Президентом было принято решение о создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации.

Было поручено также подготовить методические рекомендации по определению содержания мероприятий, направленных на профессиональное развитие государственных и муниципальных служащих, которые обеспечивают реализацию государственной национальной политики Российской Федерации. Кроме того, Правительству РФ вместе с Российской академией наук было поручено разработать учебное пособие по вопросам государственной национальной политики Российской Федерации для государственных и муниципальных служащих, обучающихся по дополнительным профессиональным программам. Второе важное событие 2018 г. в сфере этнополитики – приведение федерального закона «Об образовании в Россий-

[4] Заседание Совета по межнациональным отношениям (http://www.kremlin.ru/events/president/news/46144).

ской Федерации» в соответствие с Конституцией РФ в части закрепления изучения государственных языков субъектов Российской Федерации и родных языков из числа языков народов России на добровольной основе. Прохождение данного законопроекта вызвало широкое общественное обсуждение, особенно в автономных республиках. Были попытки политизации этой темы, искажение сути вносимых поправок. Однако общими усилиями представителей органов власти, научно-экспертного сообщества, членов Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям удалось выработать конструктивные, устроившие все стороны правовые формулировки, полностью соответствующие требованиям Конституции РФ и учитывающие особенности сложившейся в регионах практики изучения родных языков. Как следствие,

Одним из недостатков в управлении этнополитикой является слабая, а порой и отсутствие межведомственной координации в этой работе. Только на федеральном уровне этим важным направлением внутренней политики занимаются 19 министерств и ведомств. А на региональном уровне управления были утверждены 22 программы, у которых много акторов, а объект один: молодежь, воспитание патриотизма и борьба с терроризмом.

В результате на заседании Совета при Президенте было предложено три пути решения данной проблемы: Возобновить работу межведомственной рабочей группы при правительстве страны, что уже сделано. Заседание МРГ состоялось 16 ноября 2018 г. Усилить Госпрограмму по реализации Стратегии, уточнить число и содержание её подпрограмм. Они должны быть синхронизированы с целями, задачами, которые обозначены в Послании Президента Федеральному Собранию и его майском Указе, а также с другими документами стратегического планирования. В том числе в сфере пространственного развития страны. Необходимо, чтобы во всех субъектах РФ по аналогии с Президентским Советом по межнациональным отношениям действовали консультативные Советы. В полную силу они должны работать и на муниципальном уровне.[5]

6 декабря 2018 г. был подписан Указ Президента РФ № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. N 1666». Если добавить сюда Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации, также утвержденную Указом Президента, то можно вновь с уверенностью сказать, что страна получила новые ориентиры в реализации этнополитики. Стратегия государственной национальной политики служит

[5] Стенографический отчёт о заседании Совета при Президенте по межнациональным отношениям (http://www.kremlin. ru/events/president/news/58922).

делу воспитания патриотизма, гражданской консолидации, объединения представителей всех национальностей, сохранению этнокультурной специфики населения субъектов Российской Федерации, содействует гармонизации межэтнических отношений.

Вместе с тем, нельзя не отметить тот факт, что некоторые поручения главы государства в сфере этнополитики в настоящее время так и не были реализованы. Прежде всего, это поручение по подготовке проектов федеральных законов о социально-культурной адаптации и интеграции иностранных граждан, о реестре информации о КМНС, об этнологической экспертизе. Очевидно, что такие значимые вопросы, напрямую связанные с обеспечением прочного межнационального мира и согласия, должны непременно решаться.

Важнейшим инновационным механизмом стала разработка и принятие Государственной программы по реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», федеральных и региональных целевых программ в сфере межнациональных отношений. Была разработана и внедряется государственная система мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений, учреждён Фонд сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации.

В Государственной программе удалось аккумулировать значительную долю средств, выделяемых на эти цели. В результате общий объём средств Государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» составляет около 25 млрд. руб. В рамках государственной программы предоставляются следующие виды субсидий: в целях софинансирования расходных обязательств субъектов РФ, связанных с реализацией мероприятий по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России; на поддержку экономического и социального развития коренных малочисленных районов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации; на поддержку некоммерческих организаций в сфере духовно-просветительской деятельности; на реализацию мероприятий Северо-Кавказского молодежного форума «Машук» в г. Пятигорске. Этот форум является социально-образовательным проектом, направленным на выявление и поддержку инициатив активных молодых граждан и проектных команд СКФО в области межнациональных отношений, экономики, права, политики, журналистики, науки, инноваций, информационных технологий, гражданского общества, искусства, культуры, добровольчества и здорового образа жизни.

Первое направление Государственной программы – развитие системы общественно-государственного партнерства, т.к. Стратегия основана на

сотрудничестве государства и общества, на совершенствовании механизмов поддержки некоммерческих организаций, осуществляющих проекты в сфере этнокультурных интересов граждан.

Второе направление Государственной программы – комплекс мероприятий, направленных на укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России. Сюда же относится сохранение и развитие этнической культуры малых народов Севера и Дальнего Востока России на основе их традиционной хозяйственной деятельности.

Третье направление – поддержка языков народов России, что предусматривает обеспечение условий для их сохранения и развития и защиты пространства их распространения, а также повышение качества знания русского языка как языка межнационального общения.[6]

Целями программы являются: обеспечение прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка; успешная социальная адаптация и культурная интеграция мигрантов; обеспечение права на сохранение родного языка из числа языков народов России, его изучение и развитие.

Как сообщил на заседании Президиума Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям руководитель ФАДН России И.В. Баринов, общий объём финансирования Государственной программы в 2017–2018 гг. составил 6 млрд. 310 млн. руб., в 2018 г. было потрачено 2,53 млрд. руб.[7] В соответствии с целями и решаемыми задачами в структуре Государственной программы выделяется 8 подпрограмм, в состав которых включены 17 основных мероприятий. Предусмотренные в рамках каждой из подпрограмм системы целей, задач и мероприятий в комплексе представляют собой наиболее полный охват приоритетных направлений реализации государственной национальной политики и соответствуют достижению целей и задач Государственной программы.

Приведём некоторые примеры. Реализуется комплекс мероприятий по развитию потенциала молодёжи и его использование в интересах укрепления единства российской нации, упрочения мира и согласия (Всероссийский патриотический межнациональный лагерь, лагерь «Диалог культур», Всероссийский форум «Золото тюрков» и др.). Во всех форумах приняло участие около 2500 молодых россиян разной этнической принадлежности.

Государственной программой предусмотрено ежегодное предоставление субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ в рамках реализации мероприятий по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России. Объём ежегодной субсидии –

[6] Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Указ. раб., с. 29.

[7] Здесь и далее: Текущий архив Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям 06.03.2019 г.

около 300 млн. руб. Субсидирование регионов позволяет осуществлять поддержку региональных программ в области организационного развития единой российской гражданской нации, национально-государственной идентичности, формирования уважительного отношения к представителям различного этносов, инструментов межнационального сотрудничества, исходя из приоритетов. Используя данные средства, удалось провести 783 региональных мероприятия, направленных на укрепление общероссийского гражданского единства и этнокультурное развитие народов России. В них приняло участие около 9 млн. чел. Отмечается повышение заинтересованности субъектов Федерации в принятии участия в данном мероприятии Государственной программы. Если в 2017–2018 гг. численность регионов-участников составляла 61 и 62 субъекта соответственно, то на 2019 г. заявки были поданы 79 регионами.

С целью повышения качества жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в рамках Государственной программы были предоставлены субсидии из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на поддержку экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. На 2019– 2021 гг. объём данной субсидии увеличен до 155 млн. руб., она будет предоставляться 26 субъектам РФ.

В настоящее время из федерального бюджета могут финансироваться мероприятия по следующим направлениям: создание условий для устойчивого развития экономики традиционных отраслей хозяйствования КМН в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности; развитие сферы образования, культуры, в т.ч. проведение этнокультурных мероприятий, и медицинского обслуживания КМН; развитие и модернизацию инфраструктуры и информационно-коммуникационных ресурсов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМН.[8]

Большое внимание уделяется развитию казачества. 15 февраля 2018 г. в Москве в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 12 декабря 2017 года №Пр-2527 был проведён Большой круг российского казачества, в котором приняли участие более 1500 делегатов и гостей, представлявших казачьи общества и общественные объединения казаков. По итогам Большого круга была одобрена концепция по созданию Всероссийского казачьего общества, объединяющего все российское казачество. 27 ноября 2018 г. состоялось Учредительное собрание (Круг) Всероссийского казачьего общества (ВКО). В работе Круга приняли участие около 600 де-

[8] Постановление Правительства Российской Федерации от 24.01.2019 №29 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики"».

легатов, представлявших все 11 войсковых казачьих обществ. В ходе проведения Круга было принято решение о создании ВКО и принят его устав.

Реализация Государственной программы уже принесла положительные результаты. Достаточно отметить, что доля конфликтных ситуаций в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений, урегулированных на муниципальном уровне, составила в 2018 г. 64,1%. На 7,1% по сравнению с 2017 г. увеличилась доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в РФ, составив 86%; на 2% – доля граждан, не испытывающих негативного отношения к мигрантам (64% соответственно). Действующая Государственная программа содержит 31 показатель эффективности. Их количество целесообразно уменьшить. Необходимо также привести в соответствие с действительностью расшифровку плановых значений показателей по годам реализации государственной программы. Информация о реализации государственной программы должна быть открытой и доступной. Её параметры должны быть приведены в соответствие с положениями закона о бюджете, а также с положениями новой редакции Стратегии.

По сравнению с 2018 г. объём средств федерального бюджета по всей программе увеличился на 171 млн. руб. относительно плановых показаний на 2019 г. Проект внесения изменений также предусматривает корректировку наименований показателей Госпрограммы в соответствии с принятыми изменениями в Стратегии, корректировку динамики показателей в соответствии с фактически достигнутыми значениями.[9]

Многие эксперты и лидеры этнокультурных НКО считают, что в перечень мероприятий, реализуемых по Государственной программе, целесообразно внести те, которые будут направлены на поддержку национальных литератур коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, поддержку федеральных национально-культурных автономий. В то же время, по данным аудитора Счётной палаты РФ Т. Блиновой, мероприятия, реализуемые по Государственной программе, только на 25% соответствуют целям, обозначенным в Стратегии госнацполитики до внесения изменений.

В Госпрограмме, рассчитанной на 2017–2025 гг., уже изменилась часть целевых индикаторов. К показателю «доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений», добавились такие как «количество языков народов РФ, используемых в ходе реализации проектов и программ в сфере госнацполитики», «количество федеральных чиновников, ответственных за реализацию нацполитики, получивших дополнительное образование или прошедших переподготовку» и другие.

[9] Текущий архив Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям.

В отличие от других госпрограмм, федеральные средства на реализацию госнацполитики не только не были сокращены, но даже выросли. В частности, до 154,9 млн. руб. увеличено в текущем году финансирование подпрограммы «Коренные малочисленные народы РФ».[10]

Среди важнейших инноваций последних лет стало учреждение премии Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства российской нации. Премия учреждена по предложению членов Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям в целях поощрения граждан Российской Федерации, осуществляющих деятельность по укреплению единства российской нации. Первыми её лауреатами стали почётный председатель Государственного Совета Республики Дагестан М.М. Магомедов, заведующий кафедрой национальных, федеративных и международных отношений РАНХиГС профессор В.А. Михайлов, президент федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования» Л.А. Вербицкая. Данная премия – высшее признание заслуг граждан России перед обществом и государством за плодотворную деятельность, направленную на упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа России, гармонизацию межнациональных отношений, развитие этнокультурного многообразия народов России.

В 2017 г. была реорганизована система Президентской грантовой поддержки некоммерческих организаций, принимающих участие в реализации Стратегии государственной национальной политики, в направлении большей эффективности и практикоориентированности. Стала оказываться всесторонняя поддержка проектам в сфере межэтнических отношений, межкультурного диалога, миротворчества, упрочения российского патриотизма и духовности.

В рамках Всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика» учреждена номинация «Укрепление межнационального мира и согласия, реализация иных мероприятий в сфере национальной политики на муниципальном уровне». В 2018 г. по данной номинации впервые состоялся конкурс. Победителями стали города Чистополь (Республика Татарстан), Ульяновск и Чудово (Новгородская область), а также сельские поселения – Казацкий сельсовет (Липецкая область), Орловское сельское поселение (Ростовская область) и Неверкинский сельсовет (Пензенская область).

Говорить о повышении эффективности деятельности в сфере межнациональных отношений возможно лишь при наличии качественного кадрового обеспечения, постоянного контроля за тем, чтобы квалификация специалистов соответствовала сложности решаемых ими задач. В нашей

[10] https://nazaccent.ru/content/29404schetnaya-palata-ocenila-gosprogrammunacpolitiki.html

многонациональной и многоконфессиональной стране профессиональные знания чрезвычайно важны для каждого, кто по роду своей деятельности связан с решением вопросов, чувствительных для межнациональных и межрелигиозных отношений. В целях кадрового обеспечения государственных органов и органов местного самоуправления, реализующих государственную национальную политику Российской Федерации, был разработан и утвержден приказом Минтруда России от 2 августа 2018 г. №514н профессиональный стандарт «Специалист в сфере национальных и религиозных отношений» и профессиональный стандарт «Специалист по трудовой миграции», утвержденный 29 октября 2018 г. № 672н. Профессиональный стандарт представляет собой свод требований, предъявляемых к навыкам и знаниям специалистов, работающих в сфере реализации государственной национальной политики.

Утверждение профстандарта позволяет приступить к разработке соответствующих учебных программ и учебных пособий для повышения квалификации и переобучения государственных и муниципальных служащих. На наш взгляд объём и содержание базовых профессиональных компетенций и навыков специалистов должны быть единообразными независимо от региона. Важное значение имеет методическое обеспечение работы ВУЗов по формированию содержательной части программ повышения квалификации и переподготовки государственных и муниципальных служащих, а также по подготовке самих преподавателей.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова в 2018 г., по заказу ФАДН России, организовал проведение обучающих семинаров по вопросам реализации государственной национальной политики во всех федеральных округах страны. Программа семинаров включала лекции и практические занятия, которые провели преподаватели МГУ, известные учёные и эксперты. Для специалистов, работающих на местах, данные мероприятия стали уникальной возможностью расширить свои знания и компетенции, повысить свою квалификацию.[11] Большую работу проводит факультет политологии Санкт-Петербургского государственного университета. В марте 2014 г. решением Ученого совета ВУЗа по рекомендации Администрации Президента России была образована кафедра этнополитологии. За прошедшие пять лет члены кафедры неоднократно привлекались к написанию экспертных заключений и аналитических записок по проблемам этнополитики в России. Кафедрой были разработаны и лицензированы две дополнительные программы повышения квалификации для управленцев, занятых реализацией национальной и миграционной по-

[11] Обучающие семинары по реализации государственной национальной политики в субъектах РФ (http://seminars.spa.msu.ru).

литики: «Иммиграционная политика государств Европейского союза: опыт для России» (36 часов); «Проблемы этнополитики в современной России» (72 часа). Кафедрой была подготовлена и уже 5 лет осуществляется магистерская программа «Этнополитические проблемы современной России и мира», в т.ч. в очно/заочной форме, что создает возможности получения второго высшего образования для управленцев, которые реализуют национальную и миграционную политику в регионах Северо-Западного Федерального округа. Освоение магистерской программы позволяет выпускникам вести аналитическую и экспертную работы на различных уровнях государственной власти. К сожалению, все эти программы пока оказались не востребованными органами государственной власти Северо-Западного федерального округа, а очно/заочная магистерская программа не имеет ни одного бюджетного места.

Ещё одной значимой инновацией стало проведение ежегодной Всероссийской просветительской акции «Большой этнографический диктант», приуроченный к 4 ноября – Дню народного единства. Данный проект был поддержан на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле. Организаторами «Большого этнографического диктанта» выступают Федеральное агентство по делам национальностей и Министерство национальной политики Удмуртской Республики. Содержательное наполнение (вопросы и методика) Диктанта разработано Институтом этнологии и антропологии Российской академии наук при участии региональных научных организаций и вузов. Впервые диктант состоялся в 2016 г. на 800 площадках по всей стране по инициативе Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям. В акции приняли участие около 90 тыс. чел. В 2017 г. количество участников увеличилось в 4 раза и составило 367 тыс. чел. Для написания диктанта было открыто 2600 площадок, в т.ч. за рубежом. Регионы России не просто увеличили количество площадок и число участников, но и определили особые места проведения диктанта, которыми стали памятники истории и архитектуры, значимые историко-культурные и военно-патриотические объекты. В 2018 г. диктант прошёл во всех 85 субъектах Российской Федерации. Тестирование было проведено на пяти континентах, на Международной космической станции. Общее количество участников составило 392645 чел. «Большой этнографический диктант» вызвал неподдельный интерес у пользователей социальных сетей.[12]

В этой связи представляется значимым отметить интересный проект, реализованный Департаментом национальной политики и межрегиональ-

[12] Итоги «Большого этнографического диктанта» (http://miretno.ru/news/itogi_bolshogo_etnograficheskogo_diktanta_2018).

ных связей города Москвы. 3 июля 2018 г. в рамках церемонии открытия XXVI-го Международного детского кинофестиваля «Алые паруса Артека» руководитель Департамента В.И. Сучков объявил о проведении в Международном детском центре «Артек» этнографической олимпиады «Москва – столица многонациональной России» (Этноолимпиады). За время её проведения три тысячи детей, отдыхавших в «Артеке» ответили на 40 вопросов этнографического квеста и получили ценные призы. Решение о проведении Этноолимпиады было принято исходя из положительного опыта проведения Московской этнографической олимпиады «Мой дом – Москва».[13]

Особое место в новых механизмах этнополитики занимает государственная информационная система мониторинга. Она охватывает сегодня практически все субъекты Российской Федерации и обеспечивает формирование единого информационного пространства для поддержки принятия управленческих решений в сфере реализации государственной национальной политики. Пользователями системы мониторинга являются Федеральное агентство по делам национальностей, иные федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления при выполнении задач в сфере государственной национальной политики, предусмотренных Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Было предусмотрено выделение дополнительных средств на обеспечение функционирования системы мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в объёме 52 млн. руб. ежегодно. С учётом дополнительного финансирования объём средств на обеспечение функционирования вышеуказанной системы мониторинга в 2019–2021 гг. составит 62 млн. руб. ежегодно. Оператором системы мониторинга является Федеральное агентство по делам национальностей. Основными задачами системы мониторинга являются: а) проведение мониторинга в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (средства массовой информации, блоги и социальные сети, экспертные оценки, данные социологических опросов и прочие открытые /публичные/ источники) конфликтных межнациональных и межконфессиональных ситуаций; б) сбор, автоматическая обработка данных о событиях, связанных с межнациональными и межконфессиональными отношениями (деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления), включая автоматическое (без участия оператора) выделение информационных поводов,

[13] Этнографическая олимпиада «Москва – столица многонациональной России» стартовала в МДЦ «Артек» (https://www.mos.ru/news/item/42329073).

отслеживание роста аудитории выделенных информационных поводов и передача их в отработку на муниципальный уровень на основании превышения критериев роста аудитории; в) оценка, анализ и прогнозирование возникновения угроз межнациональных и межконфессиональных конфликтов; г) выявление конфликтных и предконфликтных ситуаций, в конфликтующих группах которых усматривается разделение по этническому и (или) конфессиональному признаку, а также в случаях, когда стороны конфликта ищут поддержки в этнически (конфессионально) родственной или этнически (конфессионально) дружественной среде; д) оповещение об угрозе возникновения межнационального или межконфессионального конфликта; е) поддержка принятия обоснованных управленческих решений в сфере государственной национальной политики; и) осуществление регулярного сбора оперативной информации о состоянии и динамике социально-экономических и общественно-политических процессов в субъектах Российской Федерации, тенденциях развития межнациональных и межконфессиональных отношений в целях разработки соответствующих мате риалов, прогнозов и предложений. Периодичность осуществления сбора информации указывается в методических рекомендациях; к) оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере реализации государственной национальной политики.[14]

На региональном и местном уровнях предусматриваются: формирование региональных центров мониторинга с круглосуточной «горячей линией» и отработанным регламентом реагирования на конфликтогенные ситуации в сфере межнациональных отношений; организация эффективного взаимодействия между органами государственной власти, муниципальными образованиями и институтами гражданского общества по выявлению и предотвращению возможных угроз и конфликтов в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений; анализ средств массовой информации, электронных ресурсов, включая блогосферу, информационных ресурсов общественных объединений, научных организаций и экспертных сообществ.[15]

28 февраля 2019 г. ФАДН утвердил методические рекомендации о порядке реагирования на выявленные системой мониторинга конфликтные и предконфликтные ситуации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях и заполнения электронных форм.

[14] Постановление Правительства РФ от 28 октября 2017 г. N 1312 «О государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций»

[15] Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Указ. раб.

В настоящее время Система мониторинга позволяет выявлять 56,9% конфликтов в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений. В то же время необходимо продолжать работу по её совершенствованию, добиваться улучшения показаний работы системы и её общего КПД. Было разработано техзадание по развитию Системы мониторинга, в результате реализации которого добавился ряд новых функций, позволяющих существенно расширить её возможности. На примере нескольких пилотных регионов планируется оценить эффективность используемых алгоритмов сбора и анализа данных в целях выявления потенциальных очагов нестабильности.[16]

Наряду с Государственной программой мониторинг является одним из важнейших механизмов реализации Стратегии и служит воплощению её целей. Однако мониторинг, осуществляемый на платформе ФАДН, имеет и определённые недостатки. Поэтому для полноты картины необходимо использовать результаты мониторинга научных и общественных организаций. К этой работе активно привлекается и независимое экспертное сообщество. Для улучшения всего процесса научно-практического осмысления современного состояния межнациональных отношений в 2013 г. Министерством образования и науки РФ образован Распределённый научный центр (РНЦ) межнациональных и межконфессиональных проблем под руководством академика В.А. Тишкова. Основная цель РНЦ – мониторинг, проведение экспертиз и прогнозирование состояния межэтнических этноконфессиональных отношений в трёх федеральных округах, для чего определено семь базовых государственных университетов (по два в каждом из округов в качестве опорных региональных отделений РНЦ и один центральный в Москве). Это – Северо-Кавказский федеральный университет и Пятигорский государственный лингвистический университет в СКФО, Южный федеральный университет и Кубанский государственный университет в ЮФО, Удмуртский государственный университет и Оренбургский государственный университет в ПФО, а также Российский государственный гуманитарный университет как координирующий и обобщающий данные мониторинга.[17]

С 2013 г. сообщество региональных экспертов готовит аналитическое описание, мониторинг, экспертизу и независимую оценку состояния межэтнических отношений и этноконфессиональной ситуации. Исследуются деятельность власти и общества по стабилизации межэтнических отношений и религиозной ситуации, по проведению миграционной и языковой

[16] Текущий архив Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям.

[17] Тишков В.А. О распределённом научном центре и исследовании проблем молодёжи // Молодёжь в полиэтничных регионах Южного федерального округа. Экспертный доклад. М.; Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета. 2013, сс. 4–5.

политики, по профилактике межэтнической напряженности и конфликтов. В экспертных докладах выявляются успехи в реализации Стратегии, проблемы и конфликтные прецеденты в ходе управленческого процесса, фиксируются сохраняющиеся угрозы и риски в субъектах РФ, а также даются рекомендации по достижению межнационального согласия, упрочению единства российской гражданской нации.[18]

Приоритетом проводимых исследований является мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений, авторская методика которого разработана и апробирована Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Программными продуктами исследований проектов РНЦ являются результирующие индикаторные таблицы этнологического мониторинга, которые позволяют не только сопоставить результаты, но и сформировать целостное, творческое понимание проблем, противоречий, конфликтов. Также индикаторные таблицы позволяют экспертам на базе оригинального эмпирического материала подготовить коллективные экспертные доклады, в которых выявлены как позитивы, так и негативы межэтнических отношений в самом широком их выражении, в т.ч., и широкие этносоциальные установки молодёжи в регионах.[19]

Образование РНЦ соответствует стратегии руководства страны по обеспечению стабильности межнациональных и межконфессиональных отношений. Закономерно, что РНЦ был образован как результат взаимодействия отраслевого органа исполнительной власти – Министерства образования и науки РФ с Российской академией наук в лице Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая с гражданским обществом в лице региональной общественной организации «Содействие этнологическому мониторингу и раннему предупреждению конфликтов» (Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов EAWARN).

Система мониторинга межэтнических отношений, религиозной ситуации позволяет предупреждать конфликты на национальной почве на ранней стадии и оптимизировать их последствия. К постоянно совершенствующейся системе мониторинга подключены практически все регионы страны, создаются муниципальные мониторинговые центры и системы. ФАДН совместно с Академией наук формирует постоянно действующую экспертную панель мониторинга, которая объединяет свыше 1000 человек для аккумуляции актуальной информации при первых признаках возник-

[18] Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Указ. раб., с. 30.

[19] Молодёжь в полиэтничных регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова, М.А. Аствацатуровой, В.В. Степанова. Москва – Пятигорск – Ставрополь. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2014.

новения конфликтов.[20] Вместе с тем вопрос о конкретных формах участия экспертного сообщества в мониторинге ещё не до конца урегулирован.

Российская Федерация стала первым государством-членом ООН, создавшим оргкомитет по проведению Международного года языков коренных народов. В состав организационного комитета вошли представители федеральных органов государственной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, бизнеса, научных учреждений, экспертных организаций и общественных объединений. Возглавил оргкомитет руководитель ФАДН И.В. Баринов, на ФАДН было возложено и организационно-техническое обеспечение деятельности организационного комитета.[21]

Во исполнение поручения Президента Российской Федерации по реализации языковой политики был учрежден Фонд сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации. Учредителями Фонда выступили Министерство просвещения Российской Федерации и Федеральное агентство по делам национальностей. Правительству России было поручено решить все организационные вопросы по созданию фонда: утвердить персональный состав его руководящих органов, решить вопрос с их размещением и с выделением бюджетного финансирования его деятельности. Члены Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям были включены в Попечительский совет и Правление фонда.

С целью оказания поддержки сохранению и развитию языков народов Российской Федерации предусмотрено ежегодное, начиная с 2017 г., проведение форума-диалога «Языковая политика: общероссийская экспертиза». Форум обеспечивает всестороннее обсуждение вопросов сохранения и развития языков народов России, поддержки русского языка как языка межнационального общения. Ежегодно в Форуме принимают участие порядка 300 чел., более чем из 40 субъектов Российской Федерации. В их числе руководители и специалисты федеральных, региональных органов власти в сфере национальной политики и образования, эксперты в области языковой политики, представители учёного сообщества, общественных организаций, практикующие специалисты в области языковой политики.

Примером успешной работы может служить деятельность Московского дома национальностей (МДН), образованного в 1998 г. С первых дней возникновения он принимал активное участие в непосредственной реализации государственной национальной политики в Российской Федерации. На площадках МДН проходят значимые научные и культурно-просветительские мероприятия, направленные на сохранение и развитие

[20] Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Указ. раб., с. 31.
[21] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2018 года №2396-р.

национальной культуры народов России; укрепление межнационального мира и согласия; развитие межкультурного диалога; упрочение единства российской гражданской нации. Благодаря многогранной деятельности Дома национальностей москвичи и гости столицы имеют уникальную возможность прикоснуться к яркой и самобытной культуре народов нашей страны, что способствует формированию атмосферы дружбы и взаимоуважения в нашем городе. За двадцатилетие МДН смог стать одним из основных учреждений инфраструктуры в сфере управления национальными отношениями и видным научно-методическим центром, а его опыт широко востребован в регионах нашей страны.

Среди всех форм работы Московского дома национальностей стоит отметить деятельность в сфере развития этнического туризма. С 2016 г. реализуется проект «Прогулки по многонациональной Москве», в рамках которого разработано более 50 маршрутов по различным районам столицы. Экскурсии знакомят жителей и гостей города с живой историей зданий, в которых проживали известные люди разных национальностей, оставившие большой след в истории Москвы и России в целом. Наряду с солидной исторической составляющей, в экскурсиях отображено прошлое людей с их привычками, достоинствами, бытом и образом жизни на протяжении разных исторических эпох – т.е. информация не только привязана лишь к осмотру архитектурных сооружений и прочих достопримечательностей, но и максимально «очеловечена».

В 2016–2018 гг. МДН организовал проведение фестивалей-конкурсов документального кино «Родные тропы», участники которых имели возможность побывать на многих экскурсиях Дома национальностей.

К инновационным учреждениям инфраструктуры государственной национальной политики также относятся этнокультурные деревни, парки и усадебные комплексы, занимающие существенное место в развивающейся сфере этнотуризма.[22] Наибольшее их количество расположено в Центральном и Приволжском федеральном округах, затем следуют Центральный и Сибирский, Северо-Западный, Уральский, Южный и Северо-Кавказский округа. В настоящее время насчитывается более 90 этнодеревень и планируется организация еще свыше 40 этнических деревень и этнографических подворий в различных российских регионах.

[22] Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Указ. раб., с. 25.

Языковая палитра и этнокультурное образование в Пермском крае[1]

Черных А.В., Каменских М.С.

Пермский край, как и многие другие регионы Российской Федерации, является полиэтничным с исторически обусловленным языковым многообразием. В Пермском крае, наряду с русским языком, в общеобразовательных школах ведется преподавание татарского, коми-пермяцкого и удмуртского языков. Факультативно учащиеся знакомятся с марийским, удмуртским, башкирским и *коми-язьвинским* языками. При многообразии этнических языков отмечается высокая степень их сохранности. Однако государственные переписи не дают реальной картины, и в управленческой среде распространено мнение о низкой потребности в родных языках. Компенсировать дефицит сведений позволяют методы полевой этностатистики, включающие анализ мнений экспертов в сочетании с этнологическими наблюдениями и динамическими показателями массовых опросов.

Для начала кратко опишем результаты наших исследований 2015-2018 гг. по методике Сети этномониторинга. У жителей региона наблюдается сложная картина языковых и этнокультурных потребностей в сфере образования. Родители школьников в 40% случаев проявляют интерес к обучению своих детей национальным языкам, причем в Коми-Пермяцком округе потребность достигает 75%, а в сельской местности Пермского края – даже 86%. У старших школьников интерес к этим языкам зафиксирован на уровне 39%, в том числе в Коми-Пермяцком округе 80%, а в сельской местности всего края – 83%. Уровень запроса на национальные языки у вузовских студентов – 35%. Еще большие показатели характеризуют интерес населения к этнокультурному содержанию образования (изучение истории и культуры региона). Полученные материалы являются важным источником для выстраивания более адекватных подходов к системе образования и реализации государственной национальной политики в регионе.

Пермский край, как полиэтничный регион России, во многом отражает ситуацию в целом по стране. Это относится и к этноязыковой ситуации и этнокультурному образованию, сопутствующим им процессам. Как и России, самым распространённым в регионе является русский язык, на его владение по данным последней переписи населения указали 99,7% жителей края (в России – 99,8%), при этом родным русский язык является толь-

[1] Исследование выполнено в рамках реализации проекта №18-6-6-4 «Межэтнические отношения в Прикамье: исторический опыт и современные практики» комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН (*Регистрационный номер: АААА-А18-118021490123-8).*

ко для 92,2% из указавших родной язык.[2] В абсолютных цифрах количество говорящих по-русски превышает количество указавших на русский как на родной на 193 940 человек или 7,4% населения Пермского края. В целом, владение русским языком среди основных национальностей Пермского края находится в диапазоне 96-99%, что характерно для общей языковой картины России.

Несколько иначе обстоит ситуация с распространением русского языка как родного. Среди русских этот язык считают родным свыше 99%, однако у других национальностей эти показатели существенно разнятся. Более всего русский язык считают родным местные немцы (91,7%) и белорусы (84,9%), наименее популярен русский язык в качестве родного у пермских башкир (22,9%) и азербайджанцев (16,6%). Заметим, что в Пермском крае доля башкир, считающих русский язык родным, почти на 10% выше, чем в целом по России.

Таблица 1. Владение русским языком населением наиболее многочисленных национальностей в Пермском крае по данным на 2010 г.

	чел.	**владеют русским языком, %**	**считают русский язык родным, %**
русские	2191423	100,0	99,8
татары	115544	97,5	36,1
коми-пермяки	81084	98,9	34,4
башкиры	32730	96,4	22,9
удмурты	20819	99,5	50,5
украинцы	16269	99,8	76,2
белорусы	6570	99,9	84,9
немцы	6252	99,7	91,7
азербайджанцы	5464	95,9	16,6
армяне	4715	98,0	29,5

Составлено и подсчитано по: Население по национальности и владению русским языком Пермьстат. (http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010).

Кроме русского, в Пермском крае распространены татарский, коми-пермяцкий, башкирский, удмуртский языки, но их доля в общей численности не превышает 3-5%. В среднем, языком своей национальности владеет от 20% до 60% населения разных национальностей. За исключением русских, среди 10 крупнейших народов Пермского края родной язык наиболее распространён у коми-пермяков

[2] Отметим, что количество указавших родной язык ниже количества указавших владение языками на 1344 человека, то есть реальная разница между владеющими русским языком и разговаривающими на нем как на родном должна быть еще несколько выше, чем приводится в тексте.

(68,2%), азербайджанцев (63,3%) и армян (61,9%), что в общем коррелирует с данными по России, за исключением башкирского населения (18,9% в Пермском крае против 61,7% в России). У башкир Прикамья зафиксирована самая высокая разница между численностью национальности и владением языком данной национальности – в 4,5 раза. Такое явление объясняется не только высоким процентом башкир, говорящих по-русски и не владеющих башкирским языком, но и довольно высокой численностью башкир, языком общения для которых является татарский.[3]

Таблица 2. Владение родным языком населением наиболее многочисленных национальностей в Пермском крае по данным на 2010 г.

	чел.	**владеют языком, соответствующим национальности %**
русские	2191423	99,8
татары	115544	56,2
коми-пермяки	81084	68,2
башкиры	32730	18,9
удмурты	20819	46,5
украинцы	16269	37,0
белорусы	6570	23,2
немцы	6252	22,7
азербайджанцы	5626	63,3
армяне	5464	61,9

Составлено и подсчитано по: Владение языками населением Пермьстат. (http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010); Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку Пермьстат. (http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010).

Национальный состав и распространённость языков в Пермском крае сопоставимы, но не идентичны. В большинстве случаев, количество носителей языка не превышает численность соответствующей национальности. Исключение составляют языки, для сохранения и развития которых существует поддержка на общегосударственном уровне через социальные институты и систему образования (как русский или немецкий). В этом случае язык уже не является средством общения в рамках одной этнической группы. Так, русских, говорящих по-немецки, в Пермском крае больше, чем немцев, для которых немецкий язык

[3] В Пермском крае проживает 18196 башкир (55% всех пермских башкир), владеющих татарским языком. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей (http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010).

является родным.

Полиэтничный характер Пермского края определяет актуальность и востребованность системы этнокультурного образования. В том числе преподавания на родных языках и преподавания родных языков. Этнокультурное образование в Прикамье имеет длительный путь развития от появления первых национальных школ в XIX в., до современной системы этнокультурного образования Пермского края.[4]

В 2018-2019 учебном году в системе образования Пермского края велось преподавание татарского, коми-пермяцкого и удмуртского языков. Изучение татарского языка продолжалось в 43 образовательных учреждениях Пермского края, в сельских районах южной части региона с компактным расселением татар и башкир. В начальной школе ведется преподавание на родном татарском языке в 9 классах, в которых обучается 191 ученик. В 258 классах 4343 школьника изучают родной татарский язык как предмет и литературу на родном языке.

Изучение коми-пермяцкого языка в Пермском крае характерно для районов Коми-Пермяцкого округа, в 46 образовательных учреждениях которого велось преподавание родного языка в 184 классах. Изучали родной язык 3698 учеников. Удмуртский язык в текущем учебном году преподавался лишь в одном классе Киргинской основной общеобразовательной школы Куединского района, родной язык изучают 16 учеников.

Кроме названных языков, в рамках факультативных занятий проводится знакомство с марийским, удмуртским, башкирским и коми-язьвинским языками в образовательных учреждениях территорий компактного проживания народов.

Подготовка специалистов по родному языку и изучение коми-пермяцкого языка в сфере профессионального образования осуществляется в настоящее время в двух образовательных учреждениях – Кудымкарском педагогическом училище и Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете, где готовят специалистов для преподавания родного коми-пермяцкого языка. Подготовки специалистов по другим родным языкам в системе средне-специального и высшего образования в настоящее время в Пермском крае не представлено.

В современной ситуации важным становятся новые подходы, новые формы освоения этнокультурного содержания образования, расширение соответствующей работы в тех образовательных учреждениях компактного проживания этнических групп, в которых не ведется преподавание родного языка.

[4] Черных А.В. Национальное образование в Прикамье в XIX – начале XXI в. //Этнокультурные аспекты обновления содержания образования. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции (25–26 апреля 2002). – Пермь, 2002, сс. 74–76.

В 2016 г. Министерством образования и науки Пермского края в 2016 году была принята *«Концепция развития этнокультурного образования в Пермском крае»*[5]. Одной из задач концепции является постановка единой цели, задачи, принципов и основ направления развития этнокультурного образования в регионе, которая провозгласила отказ от единого понятия «национальная школа», возможность разных вариантов образовательных учреждений с этнокультурным компонентом, множественность подходов к изучению родного языка и этнокультурного содержания. К сожалению, концепция осталась декларативным документом, без программы реализации и действенных шагов к ее воплощению.

Этнокультурное содержание в школах сохраняется и в местах компактного проживания марийцев, башкир, коми-язьвинцев и чувашей. Кроме этого, наряду с традиционной моделью «национальная школа» в последние десятилетия появились новые формы работы с этнокультурным компонентом и преподаванием родного языка. Используется формат воскресных школ и центров изучения родных языков. С 2004 г. в г. Чернушке по инициативе курултая башкир и при поддержке районной администрации работает центр изучения башкирского языка и культуры «Оран» («Зов»). В г. Перми на базе Дворца творчества юных более 20 лет по инициативе и под патронажем Центра армянской культуры, Общества пермских грузин «Иберия» действуют армянская, грузинская, польская воскресные школы. Воскресные школы и языковые курсы работают и при обществах российских немцев «Видергебурт» («Возрождение») в гг. Березники, Краснокамске, Соликамске, Перми, Усть-Качке и других населенных пунктах, а также при Пермской региональной еврейской НКА.

Сравнение динамики преподавания родных языков в последние несколько лет в образовательных учреждениях края показывает как сокращение количества образовательных учреждений, так и учащихся, которые изучают родной язык. Это явление связано с несколькими факторами. Сеть образовательных учреждений с преподаванием родного языка представлена в основном сельскими школами, которых в первую очередь коснулись такие проблемы, как урбанизация и сокращение сельского населения. Второй причиной сокращения следует назвать реформирование системы образования, оптимизацию, в том числе направленную на сокращение образовательных учреждений.

Важность работы, направленной на поддержку этнических языков в школах подтверждают исследования, проводимые по методике Института этнологии и антропологии РАН и Сети этномониторинга и раннего преду-

[5] Концепция развития этнокультурного образования в Пермском крае (http://iro.perm.ru/content/files/Pr-SED-26-01-06-536-ot-19.07.2016-Ob-utverjdenii-Kontseptsii-razvitiya-etnokulturnogo-obrazovaniya-v-Permskom-krae.pdf, 11.12.2018).

преждения конфликтов. В частности, массовые опросы 2017 г. показали, что интерес у обучающихся и родителей к родным языкам имеется, но еще более интересными в обучении является этническая культура. Всего в упомянутом исследовании приняли участие 300 человек (150 старших школьников и 150 вузовских студентов). В вопросе о заинтересованности в предметах обучения, связанных с народной культурой, респондентам было предложено 15 вариантов различных ответов, здесь отвечающие могли выбрать несколько вариантов. По итогам опроса по популярности интереса к обучению варианты ответа расположились следующим образом: национальная кухня 62%, история родного края 61%, национальные традиции, народные праздники 51%, география родного края 41%, национальная культура и искусство, народное изобразительное творчество, народные ремесла 38%, история народов региона 34%, национальная литература, народный эпос, народные сказания 32%, национальные виды спорта 28%, национальные танцы 28%, народная музыка, народное песенное творчество 27%, традиционный костюм 20%, традиционная религиозная культура 15%, традиционные виды труда и хозяйственной деятельности 12%. Обращает на себя внимание низкий интерес респондентов к вопросам изучения религиозной культуры.

Мы также оросили 180 экспертов – это были представители органов управления образованием (6%), сотрудники учреждений общего образования (56%), сотрудники вузов (30%), сотрудники органов государственной власти и местного самоуправления (6%), представители общественных организаций (6%). Основная часть экспертов - педагоги и учители школ и сузов, в том числе Бардымской национальной гимназии (с. Барда Бардымского района), МАОУ «Гимназии № 2» г. Перми, с языковой и гуманитарной специализацией, МАОУ «СОШ № 25» г. Перми, реализующая программы по адаптации и интеграции мигрантов, так как расположена в микрорайоне Центрального рынка г. Перми, Пермского краевого колледжа искусств и культуры. Кроме этого, в опросе приняли участие слушатели курсов повышения квалификации Пермского института развития образования и Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, представляющих педагогов разных специальностей и разных образовательных учреждений края. Среди преподавателей вузов в исследовании участвовали преподаватели разных факультетов Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермского филиала государственного национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Пермского государственного национального исследовательского политехнического университета, Института искусств и культуры. Исследованием были охвачены большинство вузов г. Перми за

исключением медицинского университета и фармацевтической академии. Среди органов власти – представители администрации губернатора Пермского края, администрации г. Перми, и муниципальных образований Пермского края. Общественные институты представлены национальными общественными организациями, среди которых «Славянский культурный центр», пермская региональная общественная организация «Видергебурт»» российских немцев и другие. Управления образования представлены как Министерством образования пермского края, так и управлениями образования и другими органами этой сферы в муниципальных образованиях Пермского края. Всего в экспертном опросе было задействовано 25 муниципальных образований Пермского края, в том числе г. Пермь, г. Березники, г. Чусовой, г. Чайковский, г. Соликамск, г. Кунгур, г. Лысьва, Краснокамский район (г. Краснокамск), Пермский район (пос. Кукуштан, с. Гамово), Большесосновский район (с. Б. Соснова), Ординский район (с. Орда д. Шляпники), Суксунский район (с. Васькино), Октябрьский район (п. Октябрьский, с. Сарс), Бардымский район (с. Барда), Сивинский район (с. Сива), Чернушинский район (г. Чернушка), Осинский район (г. Оса), Губахинский район (г. Губаха), Нытвенский район (г. Нытва), Ильинский район (с. Ильинское, с. Дмитриевское), Верещагинский район (г. Верещагино), Красновишерский район (Ныроб), Уинский район (с. Уинское), Еловский район (с. Елово), Очерский район (г. Очер). С точки зрения занятости 55% опрошенных работали в общеобразовательных учреждениях, 30% - в вузах, 15% - в среднем профессиональном учреждении, 13% не работали в сфере образования, но согласились высказать свое мнение, в основном это представители общественных организаций и работники сферу управления.

Вопрос о преподавании национальных языков, предметов этнокультурной направленности и этнокультурного компонента в программах образовательных учреждений показал такую ситуацию в регионе. В ответах о том, имеется ли в вашем учреждении следующее хотя бы для одной группы учащихся продемонстрировал референтную долю распространенности преподавания национального языка в учебных заведениях Пермского края. В основной программе национальный язык (помимо русского и иностранного) в рамках основной школьной программы представлен на начальной ступени школы в 16% заведений, на основной ступени школы – в 16% (наименования школ совпадают), на средней ступени школы – в 12%, в вузе – в 12%. В целом, по данному параметру преподавание национального языка отметили 52% отвечавших. Факультативное преподавание национального языка отметили только 10% отвечавших, из них 20% - на начальной ступени школы, 30% - на основной ступени школы, по 6% - на средней ступени или на ступени среднего профессионального образования, 38% - в вузе. На

вопросы о преподавании языка отвечали педагоги школ Пермского края, в которых ведется преподавание татарского и коми-пермяцкого языков как предмета, а также преподаватели пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, в котором действует коми-пермяцко-русское отделение филологического факультета с преподаванием родного коми-пермяцкого языка. Таким образом, преподавание родного языка осуществляется преимущественно в рамках основной программы, факультативный вариант менее популярен.

Преподавание предметов этнокультурной направленности отметили 37% всех респондентов, при этом наибольший процент наличия таких предметов отмечено в системе высшего образования, в то числе 53% от всего числа указавших на наличие таких предметов и 21% от числа всех опрошенных, 25% и 10% соответственно - на основной ступени школы, 15% и 6% - на начальной ступени школы, 6% и 2% - на средней ступени школы, 2% и 0,6%- на ступени среднего профессионального образования.

Этнокультурный компонент представлен в программах образовательных учреждений у 20% опрошенных, из них 32% - на начальной ступени школы, 36% - в вузе, 28% - на основной ступени школы, 15% - на средней ступени школы, 1% - на ступени среднего профессионального образования. От числа всех опрошенных наличие этнокультурного содержания в программах указали 14% в начальной школе, 17% – в основной, 9% - в средней, 0,6% в сузах и 22% - в высших учебных заведениях края.

Другие мероприятия и образовательные дисциплины, связанные с этнокультурным содержанием отмечены у 17% отвечавших, в том числе на начальной ступени школы – 32%, на основной ступени школы – 26%, в вузе – 23%, на средней ступени школы – 16%, на ступени среднего профессионального образования – 3%. При анализе общего числа полученных ответов следует указать слабую представленность иных форм в системе образования, на которые указали 6% в начальной школе, 5% - в основной, 3% в средней, 0,6% в сузах, 4% в вузах региона.

Следует констатировать, что значительное число образовательных учреждений, прежде всего городские школы, школы городов и районных центров края указали отсутствие каких-либо дисциплин в своих учреждениях этнокультурной тематики: ничего из вышеперечисленного на начальной ступени школы отметили 27% респондентов, на основной ступени школы – в 26%, на средней ступени школы – в 36%, на ступени среднего профессионального образования – в 6%, в вузе – в 4%.

Из указавших на наличие этнокультурного образования на разных ступенях 70% - школы (либо учреждения начального профессионального образования), средние общеобразовательные учреждения – 1,5%, вузы – 30%. С точки зрения видов работы 30% - предметы, связанные с преподаванием

языка, 70% - прочие формы этнокультурного образования. Разные формы работы отмечены в общей сложности в 549 ответов (в среднем по 3 вида работы в каждом учреждении). Из этого числа этнокультурное содержание в программе отмечено в 27% анкет, национальный язык в основной программе в 17%, национальный язык факультативно – в 3%, предметы этнокультурной направленности – в 12%, другое, связанное с этнокультурным содержанием – в 6%, ничего из перечисленного – в 35%.

Таким образом, в учреждениях образования наиболее популярными формами этнокультурного образования являются преподавание национальных языков в рамках основной программы и предметы с этнокультурным содержанием. Следует отметить, что этнокультурное содержание образования реализуется лишь в части образовательных учреждений региона, около трети опрошенных представляющие разные образовательные учреждения отметили отсутствие этнокультурного содержания в своей деятельности.

Следует отметить, что респонденты не отметили препятствий для преподавания национального языка (кроме русского и иностранного), на их наличие указали только 4%, а 37% подтвердили, что никаких препятствий нет. Большое количество затруднившихся с ответом (32%) также лишь косвенно подтверждает отсутствие таких проблем в учреждениях, где работают респонденты. Треть опрошенных 28% при ответе на этот вопрос указала на отсутствие преподавания языка в образовательном учреждении.

Экспертам предлагалось оценить, будет ли в ближайшее годы в Пермском крае достаточное количество родителей учащихся, заинтересованных в изучении предметов этнокультурной направленности. Ответы не показали однозначной позиции. Интерес к национальным языкам у родителей увидели 34% экспертов, а 31% его не видят и 35% затруднились с ответом. Похуже ситуация с предметами на национальных языках: 16% экспертов видят перспективы для этих предметов, а 46% - не видят и 37% затруднились с ответом. Треть экспертов видят будущее у предметов этнокультурной направленности – 37%, но не видят у таких перспектив 22%. Что касается предметов религиозной тематики, то 44% затруднились с ответом, 21% ответили, что перспектива есть, а 36% экспертов сказали, что такой образовательной потребности не будет.

Эксперты также не показали четкой позиции относительно вопроса о возможном недовольстве в случае сокращения или отсутствия национальных языков в системе образования: 36% видят такие риски, 33% - не видят рисков, 33% затруднились с оценкой.

Эксперты показали высокий уровень осведомленности о реализации этнокультурного компонента в образовательных учреждениях Пермского края. Исследования, впрочем, выявили, что этнокультурное содержание

поддерживается в основном в рамках основных образовательных программ и почти не ведется факультативно. Соответствующее преподавание осуществляется преимущественно на начальных ступенях образования.

В каких других общественных сферах и какие языки представлены в Пермском крае? В СМИ кроме русского и коми-пермяцкого используются татарский и башкирский язык. На татарском языке выходит краевая газета «*Халык чишмесе*» (Народный родник), районная газета «*Тан*» (Рассвет) в Бардымском районе, на башкирском языке издается газета «*Пермь башкорттары*» (Пермские башкиры). На татарском языке ведутся теле- и радиопередачи телерадиокомпанией «Притулвье» в Бардымском районе Пермского края. Осуществляется издательская деятельность на татарском языке – выходят краеведческие сборники, произведения поэтов и писателей на родном языке.

В сельской среде пермских татар и башкир сохраняются естественные механизмы передачи родного языка, высока мотивация к его изучению в рамках образовательных программ. В то же время в условиях городов Пермского края, в которых татары представлены значительно, составляя вторую по численности этническую группу в составе населения г. Перми, изучение родного языка не представлено ни в образовательных учреждениях, ни в рамках дополнительного образования. Общественные организации неоднократно предпринимали попытки организовать воскресные школы и преподавание татарского языка, однако по разным причинам, в первую очередь отсутствие выраженной потребности и мотивации выстроить системную работу в данном направлении не удается. Удмуртский и марийский язык сохраняется в местах компактного проживания данных народов, однако в публичной сфере почти не представлены. Важную роль в сохранении и поддержании родных языков имеют контакты и взаимодействие с титульными республиками – Марий Эл, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Республика Татарстан, Республика Башкортостан. Контакты с этими субъектами обеспечивают образовательные процессы необходимыми учебными и методическими пособиями, литературой на родных языках, в пермский край поступают газеты и журналы, изданные в данных регионах на родных языках.

Рубеж нынешнего и прошлого столетий характеризовался значительным увеличением миграционных потоков. Миграционный приток населения характерен почти для всех регионов современной Российской Федерации[6]. Пермский край является одним из крупнейших регионов Российской Федерации, имеет сильную развивающуюся

[6] Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции (под ред. Степанова В.В., Тишкова В.А.). – М.:ИЭА РАН, 2008.

экономику в условиях общего сокращения населения, что определяет ход развития миграционных процессов в регионе. За последние 20 лет в результате миграции на территории Пермского края институционально сложились и функционируют этнические сообщества, для которых Прикамье не является исторически регионом традиционного проживания[7]. Наиболее крупными диаспорами Пермского края являются узбеки, таджики, армяне, азербайджанцы, грузины, киргизы, община народов российского Северного Кавказа. Кроме этого, без институционального оформления, но относительно масштабно присутствуют сообщества китайцев, молдаван, казахов, украинцев и белорусов.[8]

Языковая ситуация в среде новых этнических групп граждан России среди постоянного населения характеризуется высоким уровнем владения русским языком, относительно низким уровнем сохранения родного языка (не выше 70%) и превышением количества считающих язык своей национальности родным (в среднем от 70 до 90%) над количеством владеющих этим языком.

Однако уровень владения русским языком в среде временных мигрантов заметно ниже. В Пермском крае сразу несколько организаций реализуют инициативы по обучению мигрантов и членов их семей русскому языку. Так, обучение проходит на базе краевой Общественной приемной для мигрантов, в рамках муниципальной программы «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия в городе Перми» обучение мигрантов осуществляется на базе муниципальных библиотек г. Перми[9]. В 2017-2018 годах общественная организация АНО ДПО «Центр образования «Академия» реализовала проект «Семейная воскресная школа». В рамках школы для детей и родителей из семей мигрантов были организованы учебные курсы по предметам «Русский язык как иностранный», «Литературное чтение», «История России». Участниками проекта стали ребята 6-12 лет из различных учебных заведений г. Перми и их родители, в том числе представители различных национальностей: таджики, узбеки, киргизы, азербайджанцы, армяне. Всего в работе школы приняли участие более 100 детей. К работе с детьми и взрослыми привлекались преподаватели пермских вузов. В 2018 г. Автономная некоммерческая организация "Многофункциональный миграционный центр по Пермскому краю" получила президентский грант на реализацию проекта «Правовая

[7] Каменских М.С. Мигранты и стереотипы о мигрантах в общественном пространстве российского мегаполиса // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. - 2018.- № 4, сс. 129-140.

[8] Черных А.В., Каменских М.С., Белавин А.М. Этническая история Пермского края // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник. – СПб., 2014, сс. 81-82.

[9] Семейная воскресная школа для мигрантов (https://www.academia59.com/support, 17.12.2018).

безопасность трудовых мигрантов»[10], в рамках которого планируется на территории городских рынков организовать работу двух консультационных кабинетов, которые станут площадками по сопровождению трудовых мигрантов от оформления разрешительных документов и легализации правового статуса до выстраивания законных трудовых отношений с работодателем.

Что касается родного языка, то его сохранение и развитие у разных этнических сообществ осуществляется по-разному. Если среди представителей среднеазиатских республик (таджиков, узбеков, киргизов) нет выраженной потребности в сохранении родного языка, то представители закавказских народов активно внедряют практику по созданию воскресных школ и преподавания родного языка.

Таким образом, языковые процессы в Пермском крае имеют много общего в сравнении с другими регионами России, отмечается всеобщее владение русским языком наряду с многообразием и этических языков. В регионе функционируют образовательные учреждения с преподаванием родных языков. Решаются общероссийские задачи, связанные с поддержкой и сохранением этнокультурного многообразия, важным компонентом которого является язык, а также интеграция и адаптация мигрантов. Общественными институтами, органами власти и научным сообществом реализуется комплекс мер и проектов, направленных на актуализацию и поддержку родных языков. Осознается потребность в изучении и сохранении языков и диалектов как важной составляющей этнокультурного наследия региона. В то же время в условиях урбанизации, влияния интеграционных процессов отмечается низкая потребность населения в некоторых родных языках, равно как и слабая мотивация к их изучению.

[10] Фонд президентских грантов (https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=B1CEEFC8-AFE2-490C-B652-4473B37C25D7, 17.12.2018).

Некоторые размышления о родных языках, языковых статусах и историях (на примере удмуртского языка)

Загребин А.Е.

Весной 1917 г. в Казани состоялся первый съезд представителей народов Среднего Поволжья.[1] Сплотившиеся в спорах чувашская, мордовская, марийская, удмуртская и крещено-татарская секции, стали ядром будущих движений за автономию. Ключевым вопросом на съезде, наряду с политическим устройством, был вопрос о языке. Право не только говорить, петь и молиться на родном языке, но и писать, создавать литературные произведения и научные труды, было признано как естественное состояние общества, идущего по пути демократии. Лейтмотивом многих выступлений было то, что великая русская литература, равно и Слово Божие, пришедшие к удмуртам через родной язык, благодаря работе переводчиков, школьных учителей и пастырей, стали близки и понятны, обеспечивая вечный союз, понимание и дружбу народов.

Пройдет еще немного времени и один из организаторов автономии удмуртского народа, Т.К. (Трокай) Борисов перевезет на нескольких крестьянских возах из Елабуги, книги, учебники и подшивки газет на удмуртском языке, чтобы основать учительские курсы[2]. С тех пор, будет немало побед и поражений, но будет сделано главное – создана система подготовки кадров, способных обеспечить функционирование и воспроизводство удмуртского литературного языка. Схема была такова: Удмуртский государственный педагогический институт (с 1931 г.), затем Удмуртский государственный университет (с 1972 г.) и Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко (с 1939 г.), профильными факультетами и кафедрами готовили учителей удмуртского языка, опираясь на сеть педагогических училищ. Лучшие выпускники становились учеными-языковедами, фольклористами и литературоведами – создающими язык, как мыслящую систему. Творчески одаренные студенты имели шанс стать писателями, поэтами и артистами, транслируя литературный язык с помощью искусства. Школьные учителя доводили материнский язык до сознания учащихся, используя педагогический инструментарий. Методологическое обеспечение языкового строительства обеспечивали ученые Удмурт-

---

[1] *Иванов В.П., Изоркин А.В.* Союз мелких народностей Поволжья (1917–1918 гг.) как редкий пример региональной межэтнической консолидации и самоорганизации // Этническая мобилизация во внутренней периферии Волго-Камский регион нач. XX в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000, с. 171.

[2] *Павлов Н.П.* Самоопределение, автономия: идеи, реалии. Ижевск: Удмуртия, 2000, с.194.

ского научно-исследовательского института при СМ УАССР (с 1931 г.), позднее Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (с 1991 г.). Все, казалось, было обустроено и отточено десятилетиями практики, что породило самоуспокоенность.

Система могла быть более или менее эффективной лишь при условии компактного расселения этноса, как потребителя языкового продукта. В нашем случае, компактность обеспечивалась сельским ареалом бытования удмуртского языка, с учетом того, что при советской власти ни в одной городской школе удмуртский как предмет не преподавался. Ситуация была терпима до тех пор пока в 1960-е и 1970-е гг. удмуртская молодежь не устремляется в города.[3] Их дети, рожденные в 1980-е и 1990-е гг. уже были в большинстве своем не удмуртоязычными, в лучшем случае усвоившими отдельные языковые нормы на каникулах у бабушки в деревне.[4] Проблем языку добавила политика укрупнения колхозов и ликвидации «бесперспективных деревень», попутно сворачивавшая сеть начальных и неполных средних школ, где и происходил начальный уровень усвоения литературного языка. На центральных усадьбах и в районных центрах поле родного языка неуклонно съеживалось, когда говорить на плохом русском языке с акцентом, почему то становилось нормой.[5] Впрочем, думать об этом в условиях идеологического контроля было боязно.

Прошли советские времена. Новая реальность открыла для желающих окна возможностей. Создавались национальные гимназии и детские сады, появились начальные классы в городских школах, где по желанию родителей дети учили родной язык. Но, постепенно все сходило на «нет». Причины тому, как всегда, объектные и субъективные. Первые, связаны с продолжающейся оптимизацией учебных планов в пользу «необходимых» для дальнейшей учебы в Вузах предметов. Между тем рынок тяжко бил по деревне, уводя молодежь в города, а малокомплектные школы повисали на слабеющих муниципальных бюджетах. Субъективно же, просто не хватило государственной воли. Инициируя строительство школ на селе, в том числе, надеясь сдержать отток селян в города и косвенно сохраняя языковую среду, власти не вникали глубоко в назревающий кризис языкового пространства.

Часто ли говорилось о снижении числа владеющих родным языком. Беспокоились ли мы сокращением числа школ с преподаванием родных языков. Давно ли мы покупали книги на родном языке, или выходили с

[3] См.: *Пименов В.В.* Удмурты. Опыт компонентного анализ этноса. Л.: Наука, 1977.

[4] *Калинин И.К.* Восточно-финские народы в процессе модернизации. М.: Наука, 2000, сс. 115–117.

[5] *Шкляев Г.К.* Межэтнические отношения в Удмуртии. Опыт историко-психологического анализа. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998, с. 168.

семьей или классом на спектакль в национальный театр. Задавали ли мы вопрос, каков процент выпускников профильных факультетов, что трудоустроился по специальности, а не преподает английский язык вместо удмуртского. Вопросов такого рода множество, но они не для самобичевания. А, для того, чтобы помня историю, оценив настоящее, пойти вперед, находя приемлемые решения непростых задач.

Часть проблем сохранения и развития языков находится в поле законодательного обеспечения национального образования. В весеннюю сессию Государственной Думы России 2018 г. был рассмотрен проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (в части изучения родного языка из числа языков народов Российской Федерации и государственных языков республик, находящихся в составе Российской Федерации). Вызвавший неподдельный интерес специалистов и отклик граждан, законопроект стал предметом обсуждения специально созданной расширенной рабочей группы и Комитета по образованию и науке. После консультаций с экспертами и представителями республик, работы с обращениями был достигнут консенсус. 3 августа закон подписал Президент Российской Федерации.

Законом предусматривается, что федеральные государственные образовательные стандарты дошкольного, начального общего и основного общего образования должны обеспечивать возможность получения образования на родных языках из числа языков народов РФ, изучения государственных языков республик РФ, родных языков из числа языков народов РФ, в т.ч. русского языка как родного языка; уточняется, что предусмотренное сейчас право граждан РФ на изучение родного языка из числа языков народов РФ относится в том числе и к русскому языку как к родному языку; устанавливается, что свободный выбор языка образования, изучаемых родного языка из числа языков народов РФ, в т.ч. русского языка как родного языка, государственных языков республик РФ осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся при приеме (переводе) на обучение по образовательным программам дошкольного образования, начального общего и основного общего образования.

В ходе обсуждения законопроекта было предложено создать Фонд поддержки изучения родных языков и культур народов Российской Федерации, включая языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Фонд займется поддержкой языков и с точки зрения академического изучения, преподавания и с точки зрения подготовки учебников, учебных программ и пособий. Подобное нововведение особо актуально для регионов, испытующей проблемы с введением в практику преподавания учебников по родному языку и литературе.

Репрезентация языковой политики и национальных движений Российской Империи в учебниках по истории Приволжского Федерального округа[1]

Илизарова В.В., Плеханов А.А.

Российская система образования действует в условиях поликультурного общества и региональной дифференциации образовательных систем. Изменения политической повестки, принятие ключевых нормативных актов заставляет школу «реагировать». При этом нельзя сказать, что школа пассивно участвует в различных трансформационных процессах. Школа может влиять на климат межнационального общения, транслировать позитивные или негативные этнические стереотипы и паттерны восприятия своей/чужой культуры. Школа играет не последнюю роль в формировании этнической идентичности учащихся.[2] Рассматриваемая нами репрезентация этнической истории «титульных наций» в республиках Приволжского федерального округа (ПФО) через учебные пособия также влияет на сферу этнической и региональной идентичности, а межгрупповые отношения.

В изучении этнокультурных процессов ПФО тема языковой и национальной политики российского государства является одной из ключевых. В настоящей статье мы хотим показать, как в региональных учебниках по истории представлена указанная тема и как это соотносится с нормативными требованиями, определяющими содержание курсов по истории России и региональной истории.

Говоря о правовой стороне вопроса, тема межэтнического взаимодействия в целом и непосредственно языковой и национальной политики отражена в нормативных документах, регламентирующих содержание образовательной программы средней школы, в первую очередь – в Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС) и Историко-культурном стандарте. Стоит напомнить, что чуть более десяти лет назад система образования претерпела принципиальную трансформацию. В конце 2007 г. был принят Федеральный закон от 01.12.2007 N 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта», заменивший институт «государственных образовательных стандартов (включающих в себя федеральный и региональный (национально-

[1] Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант №15-18-00099

[2] Мартынова М.Ю. Образование как ресурс конструирования идентичности молодежи. Российский опыт // Politbook. Казань. 2014. №1 С. 33-60; Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации (ред. Степанов В.В.). Вып. 1. М.: ИЭА РАН, 2010 – 223 с.; Степанов В.В., Тишков В.А. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестник Российской академии наук. - 2017. - Т. 87. - №10 - С. 879–890;

региональный) компоненты, а также компонент образовательного учреждения) на институт «федеральный государственный образовательный стандарт». До этого момента этнокультурные потребности школьников могли быть обеспечены за счет предусматривавшегося законом национально-регионального компонента образования. Исключение из образовательной системы этого компонента и введение федерального государственного стандарта основного общего образования, утвержденного приказом Минобрнауки России от 17 декабря 2010 г. № 1897, вызвало довольно оживленную дискуссию[3].

Однако в республиках ПФО издается и переиздается собственная учебная литература, посвященная региональной истории. Значительное ее количество вышло в свет после принятия ФГОС. В настоящей статье рассматриваются учебники, опубликованные с 2006 по 2016 гг. Соответственно, авторы большинства этих учебников должны были ориентироваться на ФГОС, разработанный «с учётом региональных, национальных и этнокультурных потребностей народов Российской Федерации».[4]

Один из разделов ФГОС касается «предметных результатов освоения основной образовательной программы основного общего образования»[5] и, согласно п. 11 раздела II, освоение курсов по истории России и всеобщей истории должно воспитать в учащихся уважение «к историческому наследию народов России» а также способствовать восприятию «традиций исторического диалога, сложившихся в поликультурном, полиэтничном и многоконфессиональном Российском государстве». Из этого следует, что тема языковой и национальной политики государства не может быть проигнорирована в ходе изучения исторических дисциплин, и эта тема может быть раскрыта на примере истории отдельных республик. Формат федеральных учебников по истории дает мало возможностей для углубленного изучения данной проблематики в силу ограниченности объема информация о культурном многообразии.[6] Региональные же учебники, сосредоточенные на истории республики, могут дать более обширную информацию.

Рассмотрим ФГОС основного общего образования (ООО), так как в сложившейся практике региональная история изучается именно средней школе (5-9 классы). Согласно пункту 9 II раздела ФГОС ООО личностные результаты освоения основной образовательной программы основного

[3] Степанов В.В., Тишков В.А. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестник Российской академии наук. – 2017 - Т. 87 -№10. - С. 881; Шнирельман В.А. Образовательный стандарт и национальная школа // Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации (ред. Степанов В.В.). Вып. 1 – М.: ИЭА РАН, 2010, сс. 189-192.

[4] ФГОС основного общего образования, раздел I п. 3.

[5] ФГОС основного общего образования, раздел II, п. 11.

6 Солдатова А.Е.Опыт этнологического изучения школьных систем в полиэтничных мегаполисах (подходы и практики обучения детей этнических меньшинств в Москве, Лондоне и Мехико). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2015.

общего образования должны отражать ряд параметров, в которые включен «язык». На данном уровне мы видим только общие пожелания касательно положения языков, помимо того, что ФГОС ООО формально направлен на развитие культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации (без уточнения дефиниции языкового наследия) и реализацию права на изучение родного языка и возможность получения основного общего образования на родном языке.

Знание языка (без указания какого) представляется маркером воспитания российской гражданской идентичности. Формирование целостного мировоззрения у учеников обусловлено невозможностью не учитывать языкового многообразия современного мира. Язык стоит одном ряду с такими категориями «другого» как вера, культура, мировоззрение, что требует «формирование осознанного, уважительного и доброжелательного отношения»[7].

Таким образом можно сделать вывод о том, что ФГОС ООО содержит довольно общие положения о языке. Вместе с тем первый же пункт подраздела, раскрывающий положение предмета «История России. Всеобщая история» гласит что история является способом формирования основ гражданской, этнонациональной, социальной, культурной самоидентификации личности обучающегося, что в очередной раз демонстрирует нам то, насколько предмет истории связан с вопросами этнополитической самоидентификации.

ФГОС ООО не конкретизирует содержание программы по истории, основные же положения, которые должны содержаться в курсе, сформулированы в "Примерной основной образовательной программе основного общего образования". Историко-культурный стандарт (далее ИКС)[8], чей нормативный статус до сих пор не определен, должен стать заменой данного нормативно-правового акта. Текст ИКС является одним из ориентиров для практикующих педагогов и чиновников, управляющих сферой образования[9]. Сравним пункты Историко-культурного стандарта непосредст-

7 ФГОС основного общего образования, раздел II, п. 9.

[8] Историко-культурный стандарт нового УМК по Отечественной истории (http://school.historians.ru/wp-content/uploads/2013/08/Историко-культурный-стандарт.pdf); "Примерная основная образовательная программа основного общего образования" (одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол от 08.04.2015 N 1/15) (ред. от 28.10.2015) (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282455/)

9 Историко-культурный стандарт размещен в качестве материала, рекомендованного к изучению, на сайтах учреждений, осуществляющих методическое обеспечение образовательных организаций (напр., Городского методического центра, г. Москва, https://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/srednyaya-i-starshaya-shkola/istoriya/normativnye-dokumenty/istoriko-kulturnyj-standart.html), или вузов, осуществляющих подготовку учителей истории (напр., Тульского государственного педагогического университета http://tsput.ru/rio/document/doc/istoriko_kulturny_standart_maket.pdf);
Основные положения Стандарта обсуждались на Всероссийском совещании учителей истории и обществознания (12.12.2018, Москва).

венно с текстом учебников для соотнесения разделов ИКС, касающихся национальной и языковой политики и разделов существующих учебников. Для рассмотрения мы выбрали учебники, выпущенные в Республике Мордовия, Республике Марий Эл и Удмуртской Республике и получившие гриф региональных министерств образования.[10]

Интересующая нас проблематика появляется в III Разделе ИКС (Россия в конце XVII - XVIII веках: от царства к империи). Преамбула к разделу гласит: «Развивалась практика этнической и религиозной терпимости». Подраздел этой же части «Россия при наследниках Петра» содержит пункт «Опора на национальные кадры». Мы отмечаем, что формулировка «опора на национальные кадры» не самоочевидна, но подразумевается, что в данном случае речь должна идти о христианизации и русификации и инкорпорации в элиту российской империи региональных инородческих элит. В изданном же учебнике по истории Удмуртии мы можем найти следующие положения:

«С 1705 года рекрутская служба стала обязательной для нерусских крестьян. Некоторое время удмуртам удавалось заменять поставки рекрутов деньгами <…> Для удмуртов и бесермян, не знавших русского языка и редко отлучавшихся из селений, служба была страшнее смерти»[11]*;*

«Особенно беззащитным перед произволом власть имущих оказывалось нерусское крестьянство – удмурты, татары, бесермяне, марийцы. Пользуясь тем, что они плохо знали русский язык, уездные капитан-исправники, служители губернской канцелярии, судьи и прочие чиновники толковали законы в свою пользу…»[12]*;*

10 История и культура мордовского края в XVII – XVIII веках: учеб. для 7 кл. общеобразоват. учреждений. Э.Д. Богатырев, Н.В. Заварюхин, Т.Ю. Задкова, Г.А. Корнишина, Е.В. Никишова. Под ред. проф. Н.М. Арсентьева Издат. центр ИСИ МГУ им. Н.П. Огарева. Саранск, 2007; История и культура мордовского края с древнейших времен до XVII в.: учеб. Для 6 кл. общеобразоват. учреждений. В.И. Вихляев, Г.А. Корнишина, И.М. Петербургский. Издат. центр ИСИ МГУ им. Н.П. Огарева. Саранск, 2009; История и культура мордовского края. XIX век: учеб. для 8 кл. общеобразоват. учреждений / В.М. Арсентьев, В.И. Захаров, Г.А. Корнишина [и др.]; под ред. проф. Н.М. Арсентьева; Издат. центр ИСИ МГУ им. Н.П. Огарева. Саранск, 2007.; История и культура народов Марий Эл: учебное пособие для 5 класса. Москвина Л.П., Петухова Г.Н., Никитина Ю.М. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2012.; История и культура народов Марий Эл: учебное пособие для 6 класса. С.К. Свечников, С.С. Волков. Йошкар-Ола, 2016; История Марий Эл: учебное пособие. Иванов А.Г. Сануков К.Н. Мар. гос. ун-т, Йошкар-Ола, 2015; История Удмуртии. 6 кл.: Учебник для общеобразовательных учреждений. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртия, 2006; История Удмуртии. 7 кл.: Учебник для общеобразовательных учреждений. Гришкина М.В. Ижевск: Удмуртия, 2007; История Удмуртии. Вторая половина XIX века: Учеб. для 8 кл. общеобразоват. учреждений. Лигенко Н.П., Петров А.Н. Ижевск: Удмуртия, 2010; История Удмуртии. Первая половина XIX века: Учеб. для 8 кл. общеобразоват. учреждений. Гришкина М.В. Ижевск: Удмуртия, 2010; Родиноведение. Вводный курс для изучения истории и культуры мордовского края: учеб. для 5 кл. общеобразоват. учреждений. С.В. Кистанов, О.В. Кошина, О.В. Лазарева. Издат. центр ИСИ МГУ им. Н.П. Огарева. Саранск, 2009

11 История Удмуртии. 7 кл.: Учебник для общеобразовательных учреждений. Гришкина М.В. Ижевск: Удмуртия, 2007 С. 75

12 Там же. С. 109

«Подлинным бедствием для нерусского крестьянства стала и насильственная русификация. Основным методом русификации была выбрана христианизация»[13].

Раздел IV. (Российская империя в XIX – начале XX вв.), в отличие от предыдущего, предполагает большее осмысление национальной политики государства. В преамбуле данного раздела можно найти следующее: «в соответствии с общетеоретическими основами Стандарта важно сбалансированно показать национальную и конфессиональную политику государства, избегая стереотипов (эксплуатация окраин как колоний, с одной стороны, и полная гармония интересов центра и окраин – с другой). Реальность оставляла место и противостоянию, и сотрудничеству национальных элит, и эксплуатации периферии центром, и обратному процессу». Один из подразделов посвящен непосредственно национальной и религиозной политике: «Российская империя – многоконфессиональное государство. Православная церковь и основные конфессии. Статус «русского подданного». «Инородцы»: правовое положение. Религиозное и этническое: терпимость и нетерпимость. Национальная политика и судьбы народов России».

Кроме того, в этом же разделе есть подразделы «Культура России второй половины XIX в.», где речь должна идти о «становлении национальных научных школ и их вкладе в мировое научное знание», и «Национальный вопрос», где затрагиваются важные вопросы – «Имперский центр и национальные окраины. Этнические элиты и национально-культурные движения». Но эти ключевые темы в рассмотренных нами учебниках недостаточно освещены, кроме сюжетов христианизации или учреждения школ для инородцев:

«В 1847 г. последовало издание Евангелия от Марка и Матфея «на глазовском и елабужском наречиях» силами энтузиастов»; «К середине XIX в. тяга к грамотности удмуртов и других народов усилилась»[14]*;*

«Разница в вероисповедании не вызывала конфликтов между приверженцами различных религий, поскольку они издавна мирно соседствовали друг с другом. Но в случае каких-либо внутренних неурядиц она могла стать дополнительным поводом для выступления нерусских народов против царской власти. Поэтому правительство России проводило в национальных регионах политику христианизации – распространения православной веры, направленную на формирование единого духовного поля у

[13] Там же. С. 110

14 История Удмуртии. Первая половина XIX века: Учеб. для 8 кл. общеобразоват. учреждений. Гришкина М.В. Ижевск: Удмуртия, 2010. С. 51

различных народов. Это должно было способствовать укреплению позиций царской власти и внутреннего единства государства»[15]*;*

«Самые дальновидные деятели Русской православной церкви стали использовать для более результативного внедрения христианства родные языки народов Поволжья. Окончательное выражение эта идея получила в так называемой «системе Ильминского» [16].

Следующий, достаточно большой Раздел V «Формирование и эволюция советской системы. Великая Отечественная война 1941-1945 гг.» содержит подразделы:

Революции и Гражданская война, 1917-1921 гг. Национальный вопрос в политике "белых" и "красных". Декларация прав народов России и ее значение (анализируя учебники, мы видим, что период революции и Гражданской войны, а также 20-х и 30-х гг. является местом «трудного прошлого», с одной стороны, и перенасыщен политическими событиями, с другой; культурная, религиозная и языковая сферы оказываются на втором плане – прим. авт.)

СССР в 1929-1941 гг.: «сталинский социализм», Социальная и национальная политика 1930-х гг. (судя по рассмотренным учебникам, переход от политики коренизации к национальной политике сталинского периода с ее курсом на переводнациональных языков на кириллицу практически не упоминается; тема сталинского нациестроительства представлена минимально и некритично – прим. авт.).

СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Национальная и конфессиональная политика. (тексты учебников, посвященные этому периоду, воспроизводят общероссийскую память о героическом прошлом – прим, авт.)

В рассмотренных нами учебниках мы находим следующую информацию:

«Все высшие учебные заведения Поволжья, Москвы и Ленинграда были обязаны предоставлять места для приема на учебу молодежи мордовской национальности» (о ситуации на конец двадцатых – прим. авт.)[17]*;*

«В послереволюционной России стремление мордовского народа к национальной государственности получило новый импульс благодаря национальной политике правящей партии»[18].

15 История и культура мордовского края в XVII – XVIII веках: учеб. для 7 кл. общеобразоват. учреждений. Э.Д. Богатырев, Н.В. Заварюхин, Т.Ю. Задкова, Г.А. Корнишина, Е.В. Никишова. Под ред. проф. Н.М. Арсентьева. Издат. центр ИСИ МГУ им. Н.П. Огарева. Саранск, 2007. С. 101

16 История и культура мордовского края. XIX век: учеб. для 8 кл. общеобразоват. учреждений / В.М. Арсентьев, В.И. Захаров, Г.А. Корнишина [и др.]; под ред. проф. Н.М. Арсентьева; Издат. центр ИСИ МГУ им. Н.П. Огарева. Саранск, 2007. С. 171

[17] История и культура мордовского края в XX веке: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений. Т.Д. Надькин, А.П. Солдаткин, Т.И. Щербакова; под ред. Проф. Н.М. Арсентьева; Издат. центр ИСИ МГУ им. Н.П. Огарева. Саранск, 2008. С. 94

Таким образом, институционализация ИКС должна будет повлечь за собой пересмотр грифов существующих учебников, так как фактически существующие учебники входят с ним в диссонанс. Также инкорпорация ИКС в качестве правовой нормы приведет к тому, что федеральный центр будет усиливать влияние на региональный компонент образования, чего открыто опасалось региональное учительское сообщество и представители НКО в сфере культуры и образования. Мы видим, что учебники во многом некритично воспроизводят советский исторический нарратив, балансируя между советским историческим нарративом и постсоветскими этнонациональными нарративами. Сами республиканские учебники разнятся от региона к региону, отражая сложившиеся региональные болезненные точки в историографии. Необходимо учесть, что субъекты РФ обладают определенными полномочиями в регулировании образовательной сферы, что соответствует Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», согласно которому к полномочиям субъектов РФ относится «разработка и реализация региональных программ развития образования с учетом региональных социально-экономических, экологических, демографических, этнокультурных и других особенностей субъектов Российской Федерации».

В обсуждении данного доклада на XIII Конгрессе антропологов и этнологов России был поднят вопрос об экспертизе учебников. Данный вопрос нельзя обойти вниманием. В настоящее время экспертиза сводится к формальному одобрению на этапе подготовки учебника к публикации, а также фактически отсутствует внятный институциональный трек, пройдя по которому можно ввести учебник в региональную систему образования.

[18] Там же. С. 96

Общественное восприятие мигрантов и культурно-языкового многообразия в Мордовии[1]

Мартыненко А.В.

В феврале 2019 г. автор данной статьи организовал и провел в Республике Мордовия опрос населения по методике Сети этномониторинга и Института этнологии и антропологии РАН. Согласно установленным квотам, опрошено 300 чел., из которых большинство являются жителями г. Саранска, и десятая часть опрошена в пригородном поселке Атемар.

В ходе опроса респонденты дали оценку миграционной ситуации в регионе и выразили свое отношение к мигрантам. В частности, профессии и сферы деятельности, в рамках которых респонденты непосредственно пользовались услугами мигрантов, распределились следующим образом (в порядке убывания): услуги в магазинах и на рынках (37% опрошенных), уборка и благоустройство территории (29%), кафе, рестораны, гостиницы (18%), ремонт жилья или ремонт автомобиля (также 18%), общественный транспорт (14%), жилищно-коммунальные услуги по сантехнике, электропроводке и прочее (11%), охрана жилья, парковок и прочего (10%), медицинские услуги (9%), работа на даче, приусадебном участке (7%), работа по дому (4%). Никакими услугами со стороны мигрантов не пользовались 26%, затруднились с ответом 8% респондентов. Таким образом, услугами трудовых мигрантов так или иначе пользуются 58% участников опроса, не пользуются в принципе (по их самооценке) – 26% респондентов.

Среди участников опроса, которые пользуются услугами мигрантов, 68% указали, что речь идет об услугах в общественных местах (уборка и благоустройство территории, медицинские услуги, услуги в магазинах, на рынках, в общественном транспорте, кафе, ресторанах, гостиницах), 25% – об услугах смешанного типа (жилищно-коммунальные услуги по сантехнике, проводке и прочее, ремонт жилья или ремонт автомобиля, охрана жилья, парковок и прочего), 7% – о персональных услугах (работа на даче, приусадебном участке, по дому, уход за детьми, больными, престарелыми). В принципе, приведенное распределение ответов респондентов отражает сложившуюся в Мордовии ситуацию с трудоустройством мигрантов частично, поскольку речь в данном случае идет о непосредственном использовании труда или услуг мигрантов населением республики, а не, скажем, строительными фирмами, промышленными предприятиями или агрохолдингами. Необходимо отметить, что в структуре отраслевой занятости

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики».

иностранных трудовых мигрантов в Республике Мордовия существует определенное распределение «сфер влияния». Например, в строительстве преимущественно заняты граждане Узбекистана (самый интенсивный поток трудовой миграции в республику в настоящее время) и Таджикистана, в меньшей степени – Армении. Кроме того, в строительной сфере заняты относительно немногочисленные мигранты из Молдовы, Турции и Корейской Народно-Демократической Республики. Мигранты из Азербайджана и Киргизии заняты в области поставки и реализации фруктов и овощей. В промышленном секторе Мордовии на протяжении 2000-х – первой половины 2010-х гг. были весьма заметны специалисты с Украины (хотя, в связи с резким ухудшением российско-украинских отношений после событий 2014 года их число на предприятиях республики уменьшилось). Соответственно, самыми востребованными профессиями, на которые привлекаются иностранные трудовые мигранты, являются рабочие по строительным специальностям (арматурщик, бетонщик, каменщик, маляр, облицовщик-плиточник, плотник, штукатур-маляр и др.), квалифицированные специалисты в сфере промышленного производства (монтажник по монтажу стальных и железобетонных конструкций, электросварщик, электрогазосварщик и др.), работники в сфере пищевой промышленности (повар и др.), работники сельского хозяйства (агроном, оператор машинного доения, слесарь, оператор и др.), а также грузчики и подсобные рабочие. В составе иностранных работников преобладают лица со средним общим образованием, а также с начальным и средним профессиональным образованием[2].

Кроме того, в 2000 – 2010-е гг. в Республике Мордовия активно развивается иностранная учебная миграция. Так, в ведущем вузе республики – Мордовском государственном университете имени Н. П. Огарева – в настоящее время обучаются более 1200 студентов из 57 государств мира, в том числе многих стран Азии и Африки[3]. Они проживают, в основном, в центральном микрорайоне Саранска, для жителей которого большое количество на улицах арабской, африканской, индо-пакистанской, вьетнамской молодежи, выделяющейся из толпы прохожих не только языком, цветом кожи или разрезом глаз, но и зачастую экзотическим внешним видом, колоритной национальной одеждой, стало повседневной реальностью. Отметим, что степень интеграции иностранных студентов в принимающее сообщество достаточно высокая: большинство после соответствующей под-

[2] О «нишах» в экономике Республики Мордовия, которые занимают иностранные трудовые мигранты из разных государств см., например: *Борисов Д. М.* Сетевые ресурсы иностранной трудовой миграции в регионе // Регионология. 2011. № 1. Официальный сайт журнала (regionsar.ru/ru/node/661).

[3] См., например: Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева. Сайт, вкладка «Международные связи» (https://www.mrsu.ru).

готовки неплохо владеет русским языком, к ним заметно доброжелательное отношение со стороны горожан и, более того, они не только посещают лекции и семинары, но также участвуют в художественной самодеятельности (тех же традиционных «студенческих вёснах»), спортивной жизни вуза и т.п. Наконец, имеют место ситуации, когда учебная миграция фактически превращается в трудовую. Так, в больницах Саранска и некоторых районов республики работают интерны из Судана, Пакистана и других государств афро-азиатского мира. В Мордовском государственном педагогическом институте имени М.Е. Евсевьева с начала 2010-х гг. обучаются студенты из Туркмении. Причем, если в 2013 г. пединститут принял только 19 абитуриентов из этой республики,[4] то в 2018 г. – уже более 250[5]. В целом, отношение горожан к быстро растущему сообществу иностранных студентов, среди которых преобладают граждане государств Азии и Африки, можно охарактеризовать как спокойно благожелательное, гостеприимное, а какие-либо проявления агрессивной ксенофобии на бытовом уровне чрезвычайно редки.

По вопросу, повлияло ли привлечение мигрантов на трудоустройство самих респондентов, мнения разделились следующим образом: абсолютное большинство (71%) указали на отсутствие какого-либо влияния, 9% указали на отрицательное влияние, 4% – на положительное влияние, еще 15% затруднились с ответом. Это распределение мнений подтверждает, что на сегодняшний день приток трудовых мигрантов в Мордовии, несмотря на постепенный рост, не создает угрозы конкуренции и борьбы за рабочие места для местного населения.

Схожее соотношение ответов наблюдается и по вопросу о том, повлияла ли трудовая миграции на заработок (пенсии, иные выплаты) респондентов: 71% указали на отсутствие влияния, 11% – на отрицательное влияние, 2% – на положительное влияние, и 15% затруднились с ответом.

По поводу влияния работы мигрантов на здоровье респондентов ответы распределились по аналогии с ответами на два указанных выше вопроса: 74% не видят никакого влияния, 11% обозначили отрицательное влияние (как правило, при опросе устно указывая на то, что мигранты из Азии якобы априори являются разносчиками эпидемических болезней), 3% – положительное влияние, и 11% затруднились с ответом.

Несколько отличается соотношение ответов на вопрос о влиянии мигрантов на безопасность респондентов. Здесь отсутствие влияния обозна-

[4] Отчет о самообследовании Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева». Саранск, 2014, с. 87 (документооборот указанного вуза).

[5] *Сутягина Ю.* В Саранске более 700 первокурсников вступили в ряды евсевьевцев // Известия Мордовии. 1 сентября 2018. Интернет-версия периодического издания (https://izvmor.ru › Новости › Наука и образование).

чило меньшее, чем в предыдущих вопросах, число респондентов (65%), а отрицательное влияние, соответственно, большее (19%). Участники опроса, указавшие на негативное влияние приезжих на безопасность, вновь говорили о предрасположенности мигрантов к совершению преступлений. Прозвучала и тема исламского экстремизма, терроризма который, по мнению отдельных респондентов, «экспортируется» трудовой миграцией из Средней Азии (например, имели место упоминания о теракте в петербургском метро 2017 года).[6] На положительное влияние мигрантов на безопасность указали только 3%, а затруднились с ответом 13%.

Таким образом, рейтинг стереотипных суждений о влиянии мигрантов на местных жителей выстроился следующим образом: нейтральные оценки составили 70%, негативные оценки – 13%, положительные оценки – 3%, затруднились с оценками и ответами 14%. Состав позитивных стереотипов включил в себя мнения о положительном влиянии миграции на занятость (32%), здоровье (28%), безопасность (23%), доходы респондентов (17%). Соответственно, состав негативных стереотипов включил в себя мнения об отрицательном влиянии мигрантов на безопасность (38%), доходы и здоровье респондентов (по 22%), занятость (18%). Схожее распределение наблюдается и в распределении нейтральных стереотипов о влиянии мигрантов на здоровье (26%), занятость и доходы (по 25%), безопасность (24%).

В целом, абсолютное большинство респондентов (73%, в том числе 69% опрошенных мужчин и 77% опрошенных женщин) оценивают деятельность трудовых мигрантов лично для себя нейтрально или неопределенно. Другие мнения объединили небольшие группы респондентов (в порядке убывания): более нейтральная, нежели отрицательная оценка дана 9% (11% мужчин и 8% женщин), резко отрицательная оценка – 6% (10% мужчин и 4% женщин), умеренно отрицательная оценка – 4% (3% мужчин и 5% женщин), более нейтральная, нежели положительная оценка – тоже 4% (3% мужчин и 4% женщин). Единичные ответы обозначили крайне положительную оценку, в целом положительную оценку, умеренно положительную оценку, в целом отрицательную оценку.

Около половины респондентов (52%) указали, что в СМИ больше информации о криминале мигрантов. В то же время 35% затруднились с ответом на этот вопрос, и 10% высказали мнение, что о культуре мигрантов в СМИ пишется больше, чем о криминале. Высказавшие другое мнение (3%) в основном указывали на то, что в СМИ дается и та, и другая информация.

[6] В Мордовии тема салафитского экстремизма связана не с мигрантами из Центральной Азии, а с проблемой радикализации незначительной части местного татарско-мусульманского сообщества, вплоть до участия уроженцев республики в террористических формированиях в Сирии и Пакистане. См., например: *Мартыненко А. В.* «Джихадисты» из Республики Мордовия: мифы и реальность // Образование и духовная безопасность. Научный журнал НИИ духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ имени М. Акмуллы. 2017. № 2, сс. 34-37.

Необходимо отметить, что отмеченное значительной частью респондентов преобладание в СМИ информации о преступных деяниях иностранных мигрантов в значительной мере находит выражение в региональной прессе Мордовии, «пестрящей» заголовками об «гастарбайтерах-убийцах» и «гастарбайтерах-насильниках». Речь идет о своеобразном «языке вражды», который создает негативный образ всех трудовых мигрантов, дискредитирует их в глазах принимающего сообщества: «В последние десятилетия количество негативных стереотипов и клише в отношении мигрантов, тиражируемых различными СМИ, увеличивается. При этом обсуждение проблем миграции осуществляется как с использованием негативных эмоциональных суждений оценочного характера, так и при помощи манипулирования объективными фактами и статистическими данными, что в итоге приводит к формированию в обществе устойчивых предубеждений по отношению к мигрантам. Особенности коммуникации в сети интернет усугубляют эту проблему, поскольку анонимность и дистанцированность авторов и комментаторов сообщений от объекта обсуждения провоцируют такое речевое поведение, которое в случае непосредственного контакта перевело бы конфликт с вербального на физический уровень воздействия»[7]. Впрочем, данная ситуация характерна для масс-медиа всей страны, о чем, в частности, пишет политолог С. В. Голунов: «Особое влияние на общественное мнение может оказать интерпретация отдельных криминальных инцидентов или их избирательное освещение. К сожалению, многие СМИ уделяют неоправданно большое внимание серьезным преступлениям, совершаемым мигрантами, так как эти новости, по сравнению с сообщениями о «рядовых» преступлениях, притягивают читателей и, соответственно, в значительной степени повышают рентабельность издания. Это создает своего рода “эффект подборки”: частота упоминаний об участии мигрантов в подобных происшествиях формирует у читателей искаженное представление об их “криминальности”»[8].

По вопросу о влиянии трудовой миграции на ситуацию с ценами на продукты питания, 65% респондентов считают, что эти цены никак не связаны с мигрантами, а 12%, напротив, считают, что из-за приезда мигрантов цены растут. Затруднились ответить на данный вопрос 21%. По вопросу о том, отнимают ли приезжие рабочие места у местного населения, приблизительно одинаковое число ответов получили два мнения: во-первых, мнение о нежелании самих местных жителей работать по «непрестижным» профессиям (31%), и, во-вторых, мнение о вариативности данной ситуации (и местные не хотят работать по ряду профессий, и в то же время мигранты

[7] *Сычев А. А., Коваль Е. А., Жадунова Н. В.* Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере Республики Мордовия) // Регионология. 2018. Т. 26, № 4, с. 800.
[8] *Голунов С. В.* Этническая миграция и преступность // Pro et Contra. Январь–апрель 2014, с. 90-91.

всё же отнимают рабочие места – 30%). Сторонники категоричного мнения о том, что мигранты отнимают у местных рабочие места, составили 17%, затруднились с ответом 21%.

Около половины респондентов (47%) считают, что по уровню преступности нет особенных различий между мигрантами и местным населением. Тем не менее, 27% придерживаются достаточно распространенного мнения о предрасположенности мигрантов к совершению преступлений. Повторимся, что это мнение «подогревается» региональной периодикой, которая публикует криминальную хронику, зачастую акцентируя внимание читателей на этнической принадлежности преступников (в духе стилистических оборотов «узбек-изувер задушил жену», «азиат изнасиловал студентку» и т. п.). Затруднились с ответом на этот вопрос 25%.

С другой стороны, половина опрошенных согласна с мнением, что мигранты мало уважают местные традиции. Не согласны с таким мнением 22%, затруднились с ответом 24%. При этом 76% респондентов считают, что мигранты должны знать местные традиции. В то же время 11% участников опроса или дали отрицательный ответ на данный вопрос, или затруднились с ответом. Давшие другой ответ 9 человек, в большинстве своем, тоже придерживаются мнения «должны», но со «смягчающими» оговорками, что подробных и глубоких познаний о местных традициях и культуре от мигрантов не требуется, а также важен принцип добровольности получения таких знаний, например: «Достаточно знать этикет». «Немного должны». «По их личному желанию».

По вопросу, кто должен информировать иностранных мигрантов о традициях и культуре России, 62% видят в этом задачу для общественных организаций, 38% отдают приоритет властям, 5% указали, что ничего не надо делать в этой области, 9% затруднились с ответом. Давшие другие варианты ответов 12 человек указывали на СМИ, интернет, или непосредственно на местное население, или высказывали точку зрения, по которой мигранты должны узнавать всё самостоятельно.

Половина респондентов (53%) полагают, что эффективным средством информирования мигрантов о культуре России является привлечение их к участию в общественной жизни, праздниках, спортивных мероприятиях. Значительная часть респондентов (29%) затруднилась с ответом по данному вопросу, 9% считают вполне достаточным раздачу соответствующих информационных листовок и буклетов, а 7% высказали мнение, что ничего делать в этой области не нужно.

Необходимо отметить, что в Саранске большую работу по интеграции мигрантов через культурно-просветительские мероприятия проводят этнокультурные организации, такие как региональные отделения Союза армян России и Всероссийского азербайджанского конгресса, центр «Узбекская

диаспора Республики Мордовия»[9]. Кроме того, действующие в республике три муфтията взяли под своеобразную опеку временно проживающих в Мордовии иностранцев-мусульман: как трудовых мигрантов из Средней Азии, так и исповедующих ислам студентов из стран Азии и Африки[10].

Мнение о миграционных центрах как важном источнике информирования мигрантов о культуре России поддерживают 62% респондентов, не поддерживают – 16% (из них 2% выразили свое несогласие в варианте «другой ответ»), затруднились с ответом по данному вопросу 22%. В целом же, более половины участников опроса (63%) в той или иной степени согласны с тем, что мигрантов необходимо информировать о местных культурных нормах, отрицают такую необходимость 7%. Необходимость интеграции мигрантов в местный социум признают 53% респондентов, отрицают такую необходимость 16%, и 29%, как указывалось выше, затрудняются с ответом.

О достаточно высоком уровне толерантности свидетельствует выраженное почти половиной респондентов (45%) мнение о том, что местное население тоже должно знать о культуре и традициях мигрантов. К ним примыкают еще 11 человек, которые разделяют данное мнение с оговоркой о добровольности и соблюдении принципа «кому это интересно». С другой стороны, другая половина участников опроса либо не согласна с этим мнением (24%), либо затрудняется с ответом (27%). Здесь своеобразным рефреном можно считать комментарии, данный в варианте «другой ответ»: «Если их (*трудовых мигрантов в Мордовии – А. М.*) мало, то зачем?». «Это же они к нам приехали, а не мы к ним». В связи с этим, 41% респондентов указали, что за последние несколько лет они не стали больше знать о традициях, языке, культуре мигрантов, 35% указали, что они приобрели новые знания в этой сфере, 23% затруднились с ответом.

Мнения о возможности совместного обучения детей или внуков респондентов с детьми мигрантов разделились следующим образом: 42% высказали нейтральное отношение, 38% – отрицательное, 13% – положительное, 5% затруднились с ответом. Еще 6 респондентов дали свои варианты ответов, среди которых наиболее типичным представляется следующий: «В зависимости от их (*детей мигрантов – А. М.*) количества. Хотелось бы, чтобы русские, мордва, татары (то есть местные) преобладали. А так – пожалуйста!». Здесь необходимо учитывать, что детей мигрантов из Средней Азии в школах Мордовии очень мало, и в реальной практике предлагаемая

[9] Об этом, например: Петр Тултаев: «В дружбе народов – единство России». В Саранске состоялись фестивали национальных культур // Официальный сайт Администрации городского округа Саранск (https://www.adm-saransk.ru/news/breaking_news.php?ELEMENT_ID=15137); В Мордовии отметили Навруз // Известия Мордовии. 22 марта 2017, с. 5.

[10] Например: Ифтар для иностранных студентов прошел в Саранске (материал от 7 июля 2016 г.) // Мусульмане Мордовии. Информационно-аналитический портал мусульман Мордовии (islam-rm.com/fullnew.php?id=469)

респондентам ситуация является редкой. С другой стороны, следствием гражданской войны на Украине стали дети беженцев с Донбасса, прибывшие в республику в период наиболее активной фазы конфликта. К концу 2014 г. на территории Мордовии находились 1872 беженца с Юго-Востока Украины, в т. ч. 1124 чел. трудоспособного возраста; 25 студентов; 243 пенсионера, в том числе 28 инвалидов; 505 детей, в том числе 252 дошкольного возраста. Большинство из них (1433 чел., в том числе 244 ребенка) прибыло в республику летом указанного года, то есть в период наиболее ожесточенных боев.[11] Как правило, в Мордовии прибывшие с Украины получали статус временного убежища, который давал право проживания и работы на территории России в течение одного года. Получив его, родители могли устроить детей в школу или детский сад, студенты могли поступать в вузы (в частности, в Мордовский университет и Мордовский педагогический институт)[12]. Большинство беженцев в дальнейшем остались в республике, а в школах Мордовии дети с Юго-Востока Украины получили всемерную поддержку, как со стороны педагогов, так и их сверстников. Фактическое отсутствие языкового барьера, общие этнокультурные корни способствовали их успешному вхождению в региональный социум. В целом, тема беженцев стала проявлением нового для Мордовии явления вынужденной миграции, связанной с военно-политическим конфликтом: «Миграционные процессы в России в последние годы переросли в сложнейшую государственную проблему. Сегодня миграция выступает как отражение социальных, экономических и политических противоречий не только в стране, но и за ее пределами, и все в большей степени приобретает вынужденный характер»[13]. Возвращаясь к опросу, представляется очевидным, что ситуацию с совместным обучением респонденты проецировали только на детей трудовых мигрантов из Средней Азии, а упомянутый «украинский сюжет» респондентами не рассматривался.

Антимигрантские пикеты не поддержат своим участием 47% респондентов. Готовность поучаствовать в подобных уличных акциях выразили 13%, затруднились с ответом 36%. Сформулировавшие другой ответ респонденты в основном говорили о вариативности данной ситуации, например: «В зависимости от причин, по которым состоялись акции и пикеты против трудовых мигрантов». «Если что-то серьезное случится». «Важна причина». Некоторые участники опроса указывали на то, что их участию в подобных действиях мешают проблемы со здоровьем («инвалид, почти не

[11] *Алькановa Е. И., Мартыненко А. В.* Социально-правовая защита беженцев и вынужденных переселенцев (в контексте гражданской войны на Донбассе) // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. 2017. № 1 (srjournal.ru>2017/id26/).

[12] *Злобина И.* Переселенцам с Украины помогает вся Мордовия // Известия Мордовии. 27 августа 2014, с. 16.

[13] Управление миграционными процессами современной России: политическое прогнозирование : коллективная монография / Под ред. Е. Л. Рябовой, Т. М. Бормотовой. М., 2015, с. 4.

выхожу из дому», «старая я для этого»). Как упоминалось выше, в последние годы каких-либо уличных акций антимигрантской направленности в Саранске и Мордовии отмечено не было. Кроме того, до настоящего времени в Мордовии и ее столице фактически отсутствуют действующие в других регионах и городах страны ультраправые организации и движение скинхедов (за редким исключением маргиналов-одиночек[14]).

В целом, общий положительный настрой на интеграцию с мигрантами выразили 40% опрошенных, отрицательный настрой – 32%, не выразили какого-либо определенного мнения по данному вопросу 23%. Таким образом, данные проведенного опроса позволяют судить о достаточно высоком уровне толерантности жителей столицы Мордовии к трудовым мигрантам, их готовности к интеграции мигрантов в региональный социум, при одновременном наличии латентной или даже открытой мигрантофобии у части (меньшинства) респондентов.

В качестве рекомендаций хотелось бы отметить необходимость более четкой и продуманной институционализации ответственности за применение «языка вражды» в отношении мигрантов со стороны журналистов, государственных и муниципальных служащих. Ситуация, имеющая место в некоторых республиканских СМИ, когда, например, материалы, освещающие проблемы мусульманского сообщества Мордовии, подаются в газетной рубрике «Линия фронта», представляется совершенно недопустимой и чреватой провоцированием межрелигиозных и межнациональных «фобий». Здесь уместно сочетание самоцензуры с действенными санкциями за публичное использование формулировок, провоцирующих ксенофобию в отношении мигрантов, а также сопутствующую ей исламофобию, в том числе в отношении «местных» и «коренных» мусульман. В заключение добавим, что, помимо социально-экономического контекста (безусловно, чрезвычайно важного для страны и региона), эффективная интеграция мигрантов является важным стимулом и для культурного развития, поскольку в этом случае мигранты, находясь в инонациональном и инокультурном окружении, входят в сложный, но чрезвычайно креативный мир диалоговой культуры.

[14] См., например: *Смирнова Е.* Руслан и ИГИЛа. Перед судом предстал житель Саранска, пропагандирующий в Интернете идеи гитлеровского режима и террористов // Столица С. 10 июля 2018, сс. 4-5.

Опыт языковой политики в Чувашии: день сегодняшний и ретроспектива 1990-х[1]

Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.

Ситуация с преподаванием родных языков в Чувашии заметно изменилась после заявления президента В.В. Путина о недопустимости принуждения в их изучении, прозвучавшего 20 июля 2017 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации в г. Йошкар-Ола.[2] Через год, 3 августа 2018 г., президент утвердил изменения в ст. 11 и 14 Закона «Об образовании в Российской Федерации», которые определяли возможность образования на родных языках в дошкольном, начальном общем и основном общем образовании, изучении государственных языков российских республик и родных языков народов России. Была оговорена и возможность изучения русского языка как родного. В части 6 ст.14 этого Закона было внесено дополнение о свободе выборе языка образования и изучения родных языков на основе заявлений родителей (законных представителей) обучающихся в дошкольных и школьных учебных заведениях.[3]

Серьезное внимание главы государства, направленное на одну из проблем школьного образования, объясняется накопившимися в этой сфере сложностями и противоречиями. Попытаемся на примере Чувашии показать их генезис и состояние, а также осветим с этой точки зрения ситуацию в школьном образовании после изменений российского законодательства.

Отметим, что сюжеты, связанные с проблемами этнокультурного образования и преподаванием родных языков, активно изучаются. Защищаются диссертации,[4] проблемы обсуждаются на научных конференциях,[5] издаются статьи и монографии.[6] Особо следует отметить исследования специали-

---

[1] Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики».

[2] http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109.

[3] http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201808030079?index=1&rangeSize=1.

[4] См., например: Борисова У.С. Этнокультурное образование: историко-социологический анализ (на материалах республики Саха (Якутия). Дисс. на соискание ученой степени доктора социологич. наук. – Санкт-Петербург, 2006; Лобжанидзе А.А. Этнокультурная парадигма школьного географического образования как средство реализации культурологического подхода. Дисс. на соискание ученой степени доктора социологич. наук. –М., 2008.

[5] Этнокультурная деятельность в современных образовательных организациях и учреждениях культуры: опыт, проблемы, перспективы. Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25 марта 2017 г.) / редкол.: Т. И. Бакланова [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017 – 440 с.; Этнокультурное образование в современном мире. Материалы Всероссийской научно-методической конференции "Этнокультурное образование в современном мире" (18-20.04.2017, г. Саратов). Науч. редактор Е.А. Александрова. М., Изд-во «Перо», 2017.

[6] *Власова Т.А.* Этнокультурное образование в школах Удмуртии: социологический очерк: монография. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2016; *Сергеева Н. Н.* Методологические основания исследования этнокультурного образования в социологическом дискурсе // Гуманитарий Юга России, 2018. Том. 7. № 4, сс. 107-116 (https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.4.8).

стов из разных регионов страны, инициируемые Институтом этнологии и антропологии РАН при сотрудничестве с Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. В 2010 г. опубликована пионерная книга, в которой анализировались как общефедеральные, так и региональные проблемы этнокультурного образования, в том числе вопросы равенства языковых прав, их обеспечение, развитие языковой среды.[7] В регулярно издаваемых экспертных докладах сюжеты, отражающие различные стороны этнокультурного образования, в первую очередь, преподавания родных языков российских народов, занимают заметное место. Отметим как наиболее близкие географически и тематически, доклады о регионах Приволжского федерального округа,[8] а также обобщающую монографию,[9] в которых нашли отражение регулярные социологические опросы школьников, студентов, их родителей, а также экспертного сообщества. В концептуальных статьях В.А. Тишкова и В.В. Степанова обозначены наиболее острые проблемы языковой ситуации и этнокультурного образования в России.[10]

Для написания данной статьи использованы материалы социологических опросов учащейся и студенческой молодежи Чувашского государственного института гуманитарных наук, выполненных в рамках исследований, инициированных ИЭА РАН. Кроме того, привлечены материалы общественных дискуссий в социальных сетях, участники которых высказывают различные, нередко противоположные мнения, о проблемах школьного изучения родных языков.

В Чувашской Республике проблемы развития и сохранения чувашского языка, расширения его коммуникативных возможностей и полномочий были в центре этнополитических дискуссий второй половины 1980-х – начала 1990-х годов. Одним из часто используемых приемов активных идеологов чувашского этнического движения была апелляция к якобы деструктивным действиям властей по переходу к преподаванию с чувашского на русский язык в 5–8 классах сельских школах республики в конце 1950-х –

[7] Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы (ред. Степанов В.В.). Вып. 1. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2010.

[8] Из последних изданий: Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад /Ред.: Тишков В.А., Воронцов В.С., Степанов В.В. – М.-Оренбург-Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / Ред. Амелин В.В., Воронцов В.С., Степанов В.В., Старченко Р.А. – М.-Оренбург: ИПКОГУ, 2018.

[9] Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России //Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2016.

[10] *Степанов В.В.* Языковая ситуация в России // Этническое и религиозное многообразие России. – М.:, ИЭА РАН, 2018, сс. 89–106; *Тишков В.А., Степанов В.В.* Этнокультурное и языковое многообразие и система образования // Там же, сс. 125–145; Тишков В.А., Степанов В.В. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России //Вестник Российской академии наук, 2017, том 87, № 10, с. 879–890; Тишков В.А., Степанов В.В. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России //Вестник Российской академии наук, 2017, том 87, № 10, с. 879–890.

начале 1960-х гг. При этом обучения в начальной школе продолжало вестись на чувашском языке. Нам уже приходилось писать о том, что события тех лет были вызваны не просто стремлением расширить сферы применения русского языка, речь шла о комплексе идеологических, экономических и социальных предпосылок для таких действий.[11] Но в период «этнического романтизма» оценки часто определялись стремлением к этнокультурному и политическому «возрождению». Не последнюю роль при этом играли мнения профессиональных лингвистов. Например, в сборнике статей, призванном сконцентрировать проблемы, накопившиеся в этнополитическом и этнокультурном развитии чувашей, были опубликованы труды языковедов А. Г. Дегтярева и А.П. Хузангая. Первый из них полагал, что в 1960 г. фактически был введен запрет на обучение на чувашском языке. Второй, был в это время признанным идеологическим лидером чувашского национального движения, не без основания отмечал, что в республике нет широкого распространения чувашско-русского двуязычия, и что чувашский язык вытеснен на периферию жизни социума.[12] Такую позицию выразил и этнолог В.П. Иванов.[13] Не без основания в среде интеллигенции укоренилось мнение, что среди чувашей обыденным становится этнический нигилизм, достаточно пренебрежительное отношение к собственной культуре и языку. Но связывать это явление только с упомянутыми преобразованиями в школьном деле было бы неправильным.

Перспективы расширения функционирования чувашского языка были намечены республиканским законом «О языках в Чувашской Советской Социалистической Республике» принятым 27 октября 1990 г. Ряд его позиций, а также отдельные пункты государственной программы по реализации закона, принятой 28 мая 1993 г., противоречили российскому законодательству. Некоторые положения местного законодательства должны были вступить в действие по окончании переходного 10-летнего периода, а некоторые пункты госпрограммы, в частности составление перечня должностей, занятие которых требовало от претендентов знание обоих государственных языков – чувашского и русского, попытки введения чувашского языка в систему судопроизводства, нотариата, прокуратуры были отменены по представлению прокуратуры.[14] Во всех школах чувашский язык стал или языком преподавания, или обязательного обучения. Это правило не

[11] Бойко И.И. Чувашский язык и этническая идентичность: проблемы этнокультурного и политического выбора // Антропология социальных перемен. М., РОССПЭН, 2011, сс. 497-512.

[12] Дегтярёв Г.А. Язык современного чувашского социума: основные тенденции развития // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999, сс. 107–126; Хузангай А.П. Проблемы языкового существования чувашского этноса и перспективы языковой политики // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999, сс. 88–106.

[13] Иванов В.П. Современная этнополитическая ситуация в Чувашской Республике и проблемы ее оптимизации. – Чебоксары, 1999, сс. 12–13.

[14] http://infocourt.ru/d/a_chuvashskaya-respublika/c_verhovnym-sovetom-chuvashskoy-ssr/11911914

стало обязательным для школ Алатырского и Порецкого районов, абсолютное большинство населения которых составляли русские. Для них как раз и был установлен 10-летний переходный период, поскольку для русскоязычных школьников еще не были подготовлены учебники и учебные пособия по чувашскому языку, не хватало учителей. В местностях, в которых численно преобладали этнические чуваши, с изучением родного языка мало что изменилось. По действовавшим программам обучение на нем велось в начальной школе, а затем до 9 класса включительно он изучался как предмет. В старших классах преподавалась чувашская литература.

Чувашский язык постепенно стал занимать все большее информационное пространство, в республике немало делалось по использованию его в сфере культуры, профессионального искусства, издательском деле, образовании. Он стал широко применяться в общении горожан, в том числе и молодежи. В то же время активисты национального движения не переставали отмечать, что в государственных учреждениях, бизнесе, высшем, отчасти, среднем профессиональном образовании, чувашский язык заметно уступал русскому языку. Собственно, эта ситуация объяснялась достаточно просто, поскольку коммуникативная сфера русского языка даже в республике была заметно шире, чем у чувашского языка. Кроме того, за пределами Чувашии был применим только русский язык, может быть, за исключением регионов с компактным проживанием чувашей, но и там речь не шла о взаимодействии в государственной сфере и предпринимательстве. В целом следует констатировать, что события конца 1980-х – нач. 1990-х гг. повысили интерес к этнической самоидентификации и чувашскому языку. Данные микропереписи 1994 г. свидетельствовали если не о повышении, то сохранение доли тех чувашей, которые считали своим родным чувашский язык. По последней советской переписи населения 1989 г. чувашский язык считали родным 85% чувашей, проживающих в республике, в том числе 69,4% – горожан, а в 1994 г. эти показатели соответственно равнялись 86 и 69,7%.[15]

Таблица 1. Владение языками – ответы жителей Чувашии на вопрос переписи 2010 г.*

		среди ответивших, %
Все население	1251619	
ответили о языках	1210067	100,00
в том числе назвали языки:		
русский	1191790	98,49
чувашский	683508	56,49

[15] Подробнее см.: Бойко И.И., Марков Ю.К., Харитонова В.Г. Перепись 2002 года в Чувашской Республике: организация, этническая идентичность, родной язык. Чебоксары, 2006. С. 17–18.

		среди ответивших, %
английский	47739	3,95
татарский	33948	2,81
немецкий	14509	1,20
мордовский	9614	0,79
украинский	3467	0,29
французский	2834	0,23
марийский	2467	0,20
русский жестовый язык глухих	1186	0,10
армянский	1058	0,09
азербайджанский	791	0,07
узбекский	690	0,06
цыганский	617	0,05
таджикский	593	0,05
турецкий	565	0,05
белорусский	563	0,05
молдавский	408	0,03
итальянский	367	0,03
испанский	365	0,03
грузинский	332	0,03
башкирский	256	0,02
греческий	242	0,02
латинский	240	0,02
польский	236	0,02
арабский	218	0,02
казахский	212	0,02
удмуртский	158	0,01
болгарский	136	0,01
чеченский	114	0,01
[названо еще 86 языков, о владении каждым заявило менее 100 чел.]		0,13

* *Источник: база данных Института этнологии и антропологии РАН*

Начало второго этапа реализации языковой политики юридически закреплено в ноябре 2003 г. принятием нового «Закона о языках в Чувашской Республике», в основном соответствующем российскому законодательству, но который, тем не менее, императивными формулировками подтверждал необходимость изучения чувашского языка во всех школах республики. Статья 7.1. констатировала право свободного выбора языка воспитания и обучения, но в третьей части этой статьи зафиксировано, что «во всех образовательных учреждениях Чувашской Республики с иным языком обучения чувашский язык изучается как предмет». В законе речь шла о свободе права выбора образовательного учреждения с тем или иным

языком обучения, но дело в том, что было всего два типа школ: с русским и чувашским языками обучения, при этом в первом из них чувашский язык был обязательным предметом изучения.[16] В республиканском законодательстве об образовании необходимость изучения чувашского и русского языков определялась их статусом как государственных языков Чувашии.[17] На наш взгляд, такая трактовка в законодательном акте не соответствовала реальному положению русского языка не только как государственного языка Российской Федерации, но и языка общения всего населения страны. Иначе говоря, он не только изучался во всех учебных заведениях России, но и на нем был организован образовательный процесс практически во всех образовательных учреждениях России, поэтому русский язык не нуждается в отдельном обосновании изучения в регионах страны. Формулировка ст. 5.2. этого закона о праве граждан России на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, не предполагала наличие русского языка в перечне родных языков.[18] В последующих уточнениях и изменениях, вносимых в местное законодательство о языках и образовании, принципиальных перемен не было, по-прежнему изучение чувашского языка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, расположенных на территории республики, определялось императивными формулировками. В 2007 г. в республике насчитывалось 344 школы, в которых преподавание велось на чувашском языке, в 177 – на русском, в 17 – на татарском, и в 4 общеобразовательных школах учащиеся изучали мордовский язык.[19] При этом следует иметь в виду, что обучение на чувашском и татарском языках шло в начальных классах, затем языки изучались как предметы. В «русских» школах чувашский язык также изучался в качестве предмета.

Постепенно в ходе второго периода начало нарастать недовольство в связи с обязательностью изучения чувашского языка со стороны не только русскоговорящих родителей, но и части этнических чувашей. Недовольство все явственнее стало проявляться в конце первого – начале второго десятилетия. Важно уточнить, что такое неприятие определялось не отношением к чувашскому языку как таковому, а отсутствием, по мнению родителей, перспектив в его использовании и трудностями в изучении в русскоговорящей среде. В 2010 г. нами был проведен опрос более 150 родителей школьников, изучающих чувашский язык в одной из чебоксарских школ, в учебном заведении, расположенной в Чебоксарском районе, а так-

[16] http://culture.cap.ru/doc/laws/2003/11/25/Закон36
[17] http://docs.cntd.ru/document/428581568
[18] Там же.
[19] https://docviewer.yandex.ru/view/5221862/?

же в двух школах в г. Алатыре, в котором абсолютное большинство населения составляют русские. Результаты данного обследования показали противоречивые настроения родителей учащихся в этом городе, с одной стороны, и родителей школьников в Чебоксарах и Чебоксарском районе, с другой. Если в Алатыре почти 79% родителей заявили, что они не хотят, чтобы их дети изучали чувашский язык, то среди вторых две трети (67%) являются сторонниками преподавания этого предмета в школах. Вот достаточно типичные мнений родителей из г. Алатыря: «Для нашей семьи изучение чувашского языка не нужно. В нашей семье, среди знакомых, друзей и т.д. нет лиц, знающих и использующих чувашский язык»; «Считаю, что преподавать чувашский язык в таком объеме (2 часа в неделю с 1-го класса) необходимо там, где основная масса населения чувашской национальности. В других случаях, я думаю, можно в виде факультатива. И ни в коем случае не в начальном классе!» Нередко аргументами становились сетования на значительную нагрузку школьников, нехватку времени на «более необходимые предметы».[20] На форумах в социальных сетях нередко высказывались противоположные мнения о роли и месте чувашского языка в школах, которые зачастую переходили приемлемые границы подобных дискуссий. Вот как поделилась одна из участниц такого обмена мнениями, прошедшего в мае 2010 г. на одном из порталов форума «Na-svyazi. ru»: «Сколько я участвовала в подобных перепискаx, все идет как по накатанной. Сперва вроде все намеками, потом в открытую друг другу хамят. Потом все ударяются в историю. Вспоминают про татаро-монгольское иго, некоторые вспоминают про Волжскую Болгарию, про то, что Чебоксары русские основали для того, чтобы совершать набеги на Казань. Потом все перетекает – не нравится – уезжайте отсюда. Так что подобные темы ни к чему хорошему не приводят. Когда я год назад участвовала в подобной переписке, то думала об этом и днем, и ночью. Что ответить и прочее».[21]

Начало третьему этапу реализации языковой политики положило заявление В.В. Путина, упоминавшееся в начале данной статьи, и последовавшие затем уточнения в российском законодательстве об образовании. На органы образования, начиная с республиканского министерства и завершая школами, легла непростая задача по выполнению поручения президента страны. Необходимо было провести в кратчайшие сроки сбор заявлений от родителей, в которых определялись родные языки учащихся. Наверное, объяснимо, что работники министерства были заинтересованы в сохране-

[20] Подробнее см.: Бойко И.И. Проблемы равенства языковых прав в образовании // Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы. Вып. 1. /Ред. Степанов В.В. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2010, сс. 127–136.
[21] https://forum.na-svyazi.ru/?

нии ситуации, когда абсолютное большинство школьников 1–9 классов в городах и сельских населенных пунктах с преобладанием русского населения продолжали бы изучать чувашский язык. В местностях с абсолютным большинством чувашского населения задача была проще, поскольку и обучение на чувашском языке в начальной школе, и его изучение как предмета, начиная с 5 класса, хотя сопровождалось некоторыми трудностями, но большинство родителей было настроено на сохранение статус-кво. Страницы социальных сетей, на которых в течение ряда лет шли дискуссии по проблемам изучения чувашского языка в школах, заполнили противоречивые сообщения. Во-первых, следует отметить ряд обращений активистов чувашских этнокультурных обществ, деятелей культуры, науки и образования, в которых были не просто критические замечания в адрес президента страны, но даже претензии по поводу нарушения Конституции России.[22] В самих школах часть родителей после общения с учителями сетовала, что их вынуждают в качестве родного языка называть чувашский, другие жаловались на противоположное (численность первых заметно преобладала[23]). Была путаница в связи с тем, что русский и чувашский языки определялись теперь как родные и государственные. Если первые были составной частью основной части учебной программы, то вторые при выборе включались в часть, которую формируют участники образовательных отношений (школа, педагоги, родители). Сами учителя не могли сформулировать различия между ними, возникали и возникают вопросы по определению и уточнению их содержания согласованию этих предметов при включении в учебные планы.

По данным Минобразования Чувашии, в 2017/2018 учебном году чувашский язык в качестве родного выбрали 84% родителей школьников, через год – 55%. Чувашский язык как государственный были намерены изучать 55% учащихся, в следующем учебном году – 37%.[24] Следует иметь в виду, что чаще всего чувашский язык в качестве государственного собирались изучать те школьники, которые пожелали включить чувашский язык в качестве родного в основную часть учебной программы. Примерно о таком же распределении учащихся по изучению родных языков свидетельствую и материалы социологического опроса населения республики, проведенного в сентябре – октябре 2018 г. по традиционной программе «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике». В исследовании приняло участие 602 человека в возрасте от

[22] https://ru.chuvash.org/blogs/comments/3139.html; https://moygorod-online.ru/society/society_31203.html; http://cheboksari.bezformata.com/listnews/otkritoe-pismo-vladimiru-putinu/62571278/; https://pfo.svpressa.ru/politic/news/9108/ и др.

[23] См., например: http://www.pravdapfo.ru/articles/86171-posle-shkolnikov-obyazatelnost; https://forum.na-svyazi.ru/?showtopic.

[24] Данные справки Минобразования Чувашской Республики – Личный архив авторов.

18 лет и старше, с учетом возраста, пола, этнической принадлежности, поселенческого распределения. В семьях 52% респондентов имелись школьники (дети, внуки, братья и сестры). По данным опроса 48% школьников выбрали для изучения в качестве родного русский язык, 47% – чувашский, 2% – татарский. Кроме того, 3% опрошенных затруднились дать определенный ответ. Приведенными цифры свидетельствуют: до 2017/2018 учебного года чувашский язык изучали практически все школьники республики, через год их стало немногим более половины.

На наш взгляд, приведенные цифры свидетельствуют о достаточно благополучном положении дел с преподаванием родных языков. Доля школьников, изучающих в качестве родного чувашский язык, ненамного уступает доле чувашей в составе всего населения республики (около 67%). Сейчас важно вести активную пропагандистскую работу, привлекать родителей и их детей новыми и эффективными методами обучения, развивать творческие способности учеников.

Здесь мы не освещаем вопросы, связанные с преподаванием языков в тех сельских населенных пунктах Чувашии, где в основном проживают татары и мордва. Отметим только, что по данным упомянутой справки Минобразования Чувашии, татарский язык в качестве родного избрали 1,5% школьников (доля татар в составе населения республики 2,8%), мордовский в качестве языка изучения – 0,1% (доля мордвы – 1,1%).

В целом перевод изучения родных языков на добровольное начало прошел в Чувашии без серьезных конфликтов. В декабре 2018 г. были внесены изменения в закон «Об образовании в Чувашской Республике». В частности, в ст. 5.2 было уточнено, что в качестве родного может быть и русский язык. В ст. 5.3 было включено дополнение о том, что свободный выбор языка образования, изучаемого родного языка, в том числе русского, а также государственных языков Чувашской Республики осуществляется по заявлению родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся.[25] В то же время отметим, что, на наш взгляд, следует ввести и изменения в закон «О языках в Чувашской Республике», в котором присутствует императивная формула об изучении чувашского языка как государственного в государственных и муниципальных образовательных учреждениях республики.

[25] http://obrazov.cap.ru/doc/laws/2018/12/21/laws103

Актуальные аспекты языковой политики в Калмыкии

Волгин В.Л.

Под языковой политикой в настоящем исследовании понимается деятельность власти в области языкового функционирования и отношения, возникающие по поводу этой деятельности. Цель анализа – выявление существенных граней современной языковой политики в Республике Калмыкия. Объектом выступают обстоятельства, сложившиеся в языковой сфере в результате проводимого органами власти курса. Предметом – решения и действия власти в отношении калмыцкого языка, пребывающего в проблемном состоянии ограниченного применения. Период исследования 2018 – 2019 гг. Он обусловлен, с одной стороны, серьезными изменениями федерального законодательства касательно школьного изучения родных языков, что повлекло сильный общественный резонанс и немаловажные последствия. С другой стороны – сменой главы и правительства Калмыкии, что позволяет подвести определенные итоги языковой политики ушедшего регионального политического руководства и оценить намерения нового. Источниками исследования стали нормативно-правовые, распорядительные документы органов власти; публикации в республиканских и элистинских городских газетах; содержание официальных сайтов органов государственной власти, наиболее популярных в регионе социальных сетей, других интернетных источников; данные государственной статистики, опросов населения.

Напомним, что по данным всероссийской переписи населеня 2010 г. в общей численности населения Калмыкии выделяются две крупные этнические группы – калмыки 57,4% и русские 30,2%. Остальные малочисленны, и среди них наиболее заметны даргинцы 2,7%.

В Калмыкии сформированы нормативно-правовые основы языковой политики. Степное Уложение (Конституция) республики устанавливает, что государственными языками являются калмыцкий и русский. Возрождение, сохранение, развитие и расширение среды употребления калмыцкого языка как основы национального самосознания калмыцкого народа являются приоритетными задачами органов власти республики (ст. 17).[1]

Действует принятый в 2014 г. закон «О государственных языках Республики Калмыкия и иных языках в Республике Калмыкия». В его преамбуле, в частности, говорится, что русский язык является основным средством межнационального общения народов, проживающих на территории республики. Республика Калмыкия, являясь единственным государствен-

[1] Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия (http://docs.cntd.ru/document/720705887).

ным образованием калмыцкого народа, обеспечивает заботу о сохранении и развитии калмыцкого языка. В республике с ее многонациональным населением повседневной нормой общения признается многоязычие. Ст. 6 предписывает, что правительство республики утверждает государственные программы сохранения, изучения, развития и функционирования государственных языков Калмыкии. Однако следует сразу сказать, что такие программы ни по калмыцкому, ни по русскому языку за прошедшее время не утверждены. В ст. 9 декларируется недопустимость пропаганды вражды и пренебрежения к любому языку, создание препятствий, ограничений и привилегий в использовании языков. Объявляется, что для каждой личности и каждого народа создаются условия сохранения и развития родного языка, обеспечивается свобода выбора и использования языка общения. Каждый гражданин обязан с уважением относиться к государственным языкам Калмыкии и иным языкам в республике. Закон гарантирует получение образования на государственных языках Калмыкии, а также право свободного выбора языка образования в соответствии с законодательством об образовании (ст. 10).[2]

В свою очередь, закон «Об образовании в Республике Калмыкия» гарантирует получение образования на государственных языках Калмыкии, а также выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования (ст. 3). Еще один пункт этой статьи после известных изменений федерального законодательства приобрел новую редакцию: преподавание и изучение калмыцкого языка как государственного осуществляется в образовательных организациях на территории республики в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, образовательными стандартами.[3]

Говоря о языковой ситуации в республике, следует со всей определенностью отметить, что Калмыкия в целом – русскоговорящий регион, за исключением нескольких сельских населенных пунктов, где наряду с русским бытует калмыцкий язык. В подпрограмме «Сохранение и развитие калмыцкого языка» государственной программы «Развитие образования Республики Калмыкия на 2013-2020 годы» признано: «Современная языковая ситуация в республике показывает, что для калмыцкого языка стало характерным ослабление его функционального развития, наблюдается неуклонное падение уровня владения родным языком среди представителей

[2] О государственных языках Республики Калмыкия и иных языках в Республике Калмыкия. Закон Республики Калмыкия (http://docs.cntd.ru/document/423902412).
[3] Об образовании в Республике Калмыкия. Закон Республики Калмыкия (http://docs.cntd.ru/document/423902411).

калмыцкой национальности».[4] По оценке ЮНЕСКО, калмыцкий язык находится под угрозой исчезновения.[5] В дискурсе внутри республики ситуация с калмыцким языком преимущественно вызывает большую тревогу,[6] оценивается как кризисная.[7]

В детских садах, начальной школе обучение калмыцкому поставлено хорошо. Причем, как пишут СМИ, 92% детей младшего возраста хотят изучать калмыцкий язык, владеть родной речью.[8] Но в средних и старших классах отмечается выраженная установка на изучение иностранного языка, тогда как потребность в изучении калмыцкого снижается.[9] Нередко калмыки отказываются заниматься им.[10] Калмыцкая молодежь придает меньшее значение роли этноязыкового фактора в своей среде. При опросе каждый четвертый ответил, что общение на калмыцком между сверстниками необязательно.[11] Считается, что в реалиях повседневной жизни калмыки часто делают выбор в пользу русского языка, который дает им больше возможностей для жизненного самоопределения, личностного и профессионального роста, успешной социальной мобильности.[12] Заметим, однако, что дело не ограничивается молодежью. Люди старшего и пожилого возрастов, знающие язык, но активно не пользующиеся им, оправдываются тем, что «его мало кто понимает», а «на русском удобно и быстро».[13]

Ощутимыми результатами языковой политики применительно к калмыцкому языку стали создание целостной системы национально-регионального образования. Калмыцкий язык изучается на всех уровнях обучения и воспитания в каждой образовательной организации республики, начиная с дошкольного образования. Осуществляется обучение по предметам «Калмыцкий язык» и «Калмыцкая литература», а также изучение спецкурсов и факультативов этнокультурной направленности.[14] Практикуется проведение декад калмыцкого языка, приуроченных к Междуна-

[4] О Государственной программе «Развитие образования Республики Калмыкия на 2013-2020 годы». Правительство Республики Калмыкия. Постановление от 7 мая 2013 г. №214 (http://docs.cntd.ru/document/460210846).
[5] ЮНЕСКО посчитало исчезающие языки в России (https://lenta.ru/news/2009/02/20/languages/).
[6] О калмыцком языке в Год языков коренных народов (https://www.mk-kalm.ru/social/2019/03/27/o-kalmyckom-yazyke-v-god-yazykov-korennykh-narodov.html).
[7] Калмыцкий язык должен стать языком общения (http://www.huralrk.ru/news/5669-kalmytskij-yazyk-dolzhen-stat-yazykom-obshcheniya.html).
[8] Бембеев О. Нужна лаборатория по изучению языков // Хальмг унн. – 2019. – 30 янв.
[9] Сюйва С. Современная молодежь – о родном языке и своем отношении к нему // Парламентский вестник Калмыкии. – 2018. – 29 сентября.
[10] Петрова А. Первый секретарь Калмыцкого рескома КПРФ Николай Нуров приветствовал педагогов в Международный день родного языка (https://kprf.ru/party-live/regnews/182847.html).
[11] Намруева Л. Амнезия – диагноз поколению // Хальмг унн. – 2018. – 27 ноября.
[12] Намруева Л. Об этнокультурных проблемах в республике // Хальмг унн. – 2019. – 23 янв.
[13] Валентина Владимировна. О наболевшем, о родном // Элистинский курьер. – 2019. – 23 мая.
[14] О Государственной программе «Развитие образования Республики Калмыкия на 2013-2020 годы». Правительство Республики Калмыкия. Постановление от 7 мая 2013 г. №214 (http://docs.cntd.ru/document/460210846).

родному дню родного языка, включающих мероприятия различной направленности.

Кроме того, действуют два указа главы республики – «О ежегодной премии Главы Республики Калмыкия по калмыцкому языку «Келни билг» и «О мерах государственной поддержки сохранения и развития калмыцкого языка». Первый подписан в 2002 г. и предусматривает премии в размере от 5 до 10 тыс. руб. лучшим учащимся, педагогическим работникам, семьям – пропагандистам калмыцкого языка за большой вклад в дело его сохранения и развития.[15] Второй документ появился в 2014 г., и, несмотря не всеобъемлющее название, касается только двух мер. Это выплата ежемесячных именных стипендий студентам Калмыцкого госуниверситета очной формы обучения направления «Филология (калмыцкий язык и литература)» в размере 5 тыс. руб.; денежная выплата молодым учителям и преподавателям калмыцкого языка и литературы образовательных организаций в качестве подъемного капитала в размере 15 тыс. руб. ежегодно в течение трех лет.[16]

Правительство республики утвердило государственную программу «Развитие образования Республики Калмыкия на 2013-2020 годы». С 2015 г. в программу включена подпрограмма «Сохранение и развитие калмыцкого языка». Цель подпрограммы – сохранение и развитие калмыцкого языка через развитие и совершенствование национально-региональной системы образования республики. Задачи – повышение качества предметного образования; введение в практику преподавания калмыцкого языка в общеобразовательных организациях коммуникативно-ориентированной методики обучения. Нельзя не обратить внимание на ограниченный характер задач, что также нашло отражение в, мягко говоря, умеренных целевых индикаторах и ожидаемых результатах реализации подпрограммы. За пять лет намечено достичь 100% обеспеченности общеобразовательных организаций учебно-методическими комплексами для начального общего образования, 40% обеспеченности – для основного общего образования. Соответственно выглядят и доли обучающихся по новым комплексам: 100% в начальной школе, 40% – в основной. Количество учителей калмыцкого языка, поступивших на работу в общеобразовательные организации, получающих денежное вознаграждение в течение 3 лет в качестве подъемного капитала, – 1 человек. Количество студентов, успешно обучающихся в Калмыцком госуниверситете по направлению «Филология:

[15] О ежегодной премии Главы Республики Калмыкия по калмыцкому языку «Келни билг». Президент Республики Калмыкия. Указ от 22 февраля 2002 года №27 (http://docs.cntd.ru/document/802001806).

[16] О мерах государственной поддержки сохранения и развития калмыцкого языка. Глава Республики Калмыкия. Указ от 3 сентября 2014 года №110 (http://docs.cntd.ru/document/428545501).

Калмыцкий язык и литература», получающих ежемесячную именную стипендию, – 12 человек.[17]

Во исполнение цели и задач подпрограммы «Сохранение и развитие калмыцкого языка» начата реформа преподавания калмыцкого языка в общеобразовательных организациях. В начальных классах обучение родному языку ведется по коммуникативной методике по новым современным учебно-методическим комплексам «Уйнр», относящимся к поколению коммуникативно-ориентированных и обеспечивающим практическое овладение калмыцким языком как средством общения. Решением правительства в 2017 г. создано республиканское бюджетное учреждение «Центр по развитию калмыцкого языка».

Оценки языковой политики разнятся. Самооценка республиканского руководства в основном позитивная. Бывший глава Калмыкии А.Орлов утверждал: «В последние годы мы уделяем развитию родного языка более серьезное внимание».[18] Председатель Народного Хурала Калмыкии А.Козачко заявлял: в республике «успешно реализуется программа развития родного языка».[19] Региональное руководство выражало публичное приятие изменению федерального законодательства в части школьного изучения родных языков. Экс-глава Калмыкии уверял: озабоченность тем, что «постепенно произойдет вымывание национальных языков из государственной системы образования, не имеет основы. Этого не произойдет».[20]

Оценка общественности и специалистов – в основном критическая: «Задача сохранения и развития языка решается плохо, эту тему нужно не забалтывать, а делать реальные шаги для его популяризации»;[21] «Ежегодно проводится множество мероприятий по сохранению родного языка, а результаты нулевые»;[22] «Зачастую серьезную работу мы заменяем песенно-танцевальными приемами».[23] Реформа центральной власти в изучении родных языков в школе и поддержка этих новаций Народным Хуралом республики расценивались частью общества с самого начала как «антинародные решения»[24] и до сих пор вызывают несогласие. По этой причине в

[17] О Государственной программе «Развитие образования Республики Калмыкия на 2013-2020 годы». Правительство Республики Калмыкия. Постановление от 7 мая 2013 г. №214 (http://docs.cntd.ru/document/460210846).
[18] Куськеев С. Алексей Орлов провел рабочий день в Ики-Бурульском районе (http://tegrk.ru/archives/28638).
[19] Многообразие и сохранение языков народов России (http://vesti-kalmykia.ru/society/29900-mnogoobrazie-i-sohranenie-yazykov-narodov-rossii.html).
[20] Глава Калмыкии прокомментировал закон о добровольном изучении национальных языков (http://riakalm.ru/news/daynews/14184-glava-kalmykii-prokommentiroval-zakon-o-dobrovolnom-izuchenii-natsionalnykh-yazykov).
[21] Манжикова Н. В последнее время много пишем и говорим о развитии родного калмыцкого языка… (http://www.elista.org/blogt/v_poslednee_vremya_mnogo_pishem_i_govorim_o_razvitii_rodnogo_kalmyckogo_yazyka_a_real_no_delaem_vse_naoborot/).
[22] Суктуева С. А результаты нулевые // Элистинский курьер. – 2019. – 11 апр.
[23] Куберлинова А. Готовить учителей, издавать хорошие учебники // Хальмг унн. – 2018. – 22 авг.
[24] Басанов Э. За что Окон Валерьевич на Батыра Батыровича обиделся // Элистинский курьер. – 2018. – 27 дек.

мае 2019 г. в очередной раз звучали требования отставки регионального парламента.[25] Правда, есть и защитники реформы, которые считают, что она не означает полного отрицания изучения национального языка, а является поводом воспользоваться инициативой сверху, «соорганизоваться всех, кого волнует языковой вопрос».[26]

Не всегда языковая политика в регионе выглядит последовательной. Так, ежегодная премия главы республики по калмыцкому языку, учрежденная в 2002 г., вручалась только три раза – в 2003, 2009, 2017 годах. Врио главы республики Б.Хасиков, назначенный на должность в марте 2019 г., провозгласил лозунги «Мы должны сделать все для того, чтобы сберечь калмыцкий язык», «Знание родного языка должно быть модным и престижным».[27] Тем не менее, на этом фоне он без объяснения причин почему-то сократил количество номинаций премий главы республики по калмыцкому языку с 5 до 4. Центр по развитию калмыцкого языка создан, но его деятельность практически не финансируется.[28]

В обществе постоянно высказываются предложения в адрес властей по улучшению языковой политики, в первую очередь, применительно к калмыцкому языку, а именно:

- принять республиканскую государственную программу поддержки калмыцкого языка по основным направлениям: образование, культура, молодежная сфера, спорт, бизнес, быт, досуг и т.д.; перевести Центр по развитию калмыцкого языка в структуру аппарата правительства; воссоздать кафедру методики преподавания калмыцкого языка в Калмыцком госуниверситете либо преобразовать педагогический колледж в педагогический институт, где сделать упор на подготовку учителей калмыцкого языка;[29]

- создать единый научно-методический центр по разработке и изданию учебно-методических комплектов по родному языку для образовательных организаций; возобновить работу республиканского совета «Родной язык» и Ассоциации учителей калмыцкого языка при Минобрнауки региона; выпускать единственную национальную газету «Хальмг унн» исключительно на калмыцком языке (сейчас она двуязычная калмыцко-русская);[30]

- Общественный совет по развитию калмыцкого языка сделать Государственным советом по развитию калмыцкого языка;[31] принять закон об использовании калмыцкого языка как государственного языка республи-

[25] Санджиев А. С чистого листа // Элистинский курьер. – 2019. – 1 мая.
[26] Валентина Владимировна. О наболевшем, о родном // Элистинский курьер. – 2019. – 23 мая.
[27] Болдуринова Е. Сохранение языков коренных народов – общая тема для многонациональных регионов Калмыкии и Югры (http://tegrk.ru/archives/62529).
[28] Санджиев А. Письмо к Багш // Элистинский курьер. – 2019. – 8 мая.
[29] Санджиев А. Как возрождать язык // Элистинский курьер. – 2019. – 30 мая.
[30] Суктуева С. А результаты нулевые // Элистинский курьер. – 2019. – 11 апр.
[31] Суктуева С. Где герой нашего времени // Элистинский курьер. – 2019. – 16 мая.

ки;[32] при приеме на государственную службу учитывать, насколько соискатель знает калмыцкий язык; можно принимать даже тех, кто не знает его в полной мере, но с условием, что за определенное время человек должен изучить калмыцкий и сдать языковый минимум;[33] повысить зарплату учителям калмыцкого языка;[34] разработать программу обучения языку молодых семей.[35]

Предложения, конечно, неоднозначны по масштабу, значимости, обоснованности, радикальности и иным аспектам, но, какими бы ни были инициативы, особенность заключается в том, что на них, к сожалению, отсутствовала публичная реакция со стороны представителей власти.

Калмыцкая общественность адресовала пожелания и сама себе. Они сводились к тому, чтобы самим формировать языковую среду, изучая язык и общаясь на нем между собой;[36] чтобы калмыцкий стал языком общения, прежде всего, в семье.[37]

Есть не только призывы. Несмотря на кризисность ситуации, появляются внутренне мотивированные молодые люди, которые создают языковые проекты в интернете, социальных сетях, реализуют новые нестандартные идеи популяризации языка. Появилось мобильное приложение «Хальмг келн», в основе которого – калмыцко-русский и русско-калмыцкий оффлайн словари, позволяющие изучать язык в любое время и в любом месте.[38] В мессенджере «Телеграм» созданы приложение «Кроссворды на калмыцком»,[39] приложение, позволяющее вести русско-калмыцкий диалог с роботом.[40] Один из энтузиастов ведет видеоблог «Заметки манджика», рассказывая короткие шутливые истории на калмыцком языке, перемежая их «словами на русском, чтобы каждый мог понять смысл».[41] Разработан калмыцкий алфавит Брайля для слепых и слабовидящих; теперь для издания калмыцких текстов рельефно-точечным шрифтом необходимо разработать компьютерную программу, проделать пере-

[32] Обращение исполкома Чуулгана – Съезда ойрат-калмыцкого народа к временно исполняющему обязанности Главы Республики Калмыкия Хасикову Б.С. // Элистинский курьер. – 2019. – 4 апр.
[33] Нюдличиева Г. Спасти язык // Элистинский курьер. – 2019. – 25 апр.
[34] Корна Д. Необходим патриот // Элистинский курьер. – 2019. – 8 мая.
[35] Бембеев Е. Зачем знать свой язык и национальную письменность // Калмыкия сегодня. – 2019. – 20 фев.
[36] Арзаева М. Исследователь эпоса «Джангар» // Хальмг унн. – 2018. – 6 дек.
[37] Калмыцкий язык должен стать языком общения (http://www.huralrk.ru/news/5669-kalmytskij-yazyk-dolzhen-stat-yazykom-obshcheniya.html).
[38] Маханьков М. Калмыки: как единственный в Европе буддийский народ сохраняет свой язык (https://nn.by/?c=ar&i=204643&lang=ru).
[39] Сарангова Л. Говорить по-калмыцки // Парламентский вестник Калмыкии. – 2018. – 28 марта.
[40] Разработан робот, понимающий калмыцкий язык (http://riakalm.ru/news/news/16210-razrabotan-robot-ponimayushchij-kalmytskij-yazyk).
[41] Балаева Г. Заметка о манджике // Элистинская панорама. – 2018. – 11 авг.

водческую работу на калмыцкий язык по Брайлю.[42] Однако и здесь, к сожалению, приходится сталкиваться с тем, что «из-за безразличия властей подобный энтузиазм отдельных личностей довольно быстро гаснет».[43]

Калмыцкий языковой вопрос остается в республике болезненным, дискуссионным. Общественность и специалисты расколоты во взглядах на перспективы. Одни считают, что утрата калмыцкого языка стала необратимой,[44] ему грозит полное исчезновение.[45] Другие остаются оптимистами, полагая, что задача сохранения вполне по силам республике,[46] язык не погибнет.[47] Они не скрывают, что языковая ситуация сложная, нужно много работать для ее улучшения, но в то же время подчеркивают, что существуют условия для того, чтобы каждый при желании мог овладеть калмыцким языком и говорить на нем.[48] Судя по дискурсу, оптимистов все же больше.

Подведем итоги. На наш взгляд, современную языковую политику в Калмыкии в целом и применительно к калмыцкому языку, в частности, с точки зрения и в терминах теории языковой политики можно считать интернационалистичной. Она учитывает все этнические группы, не отражается негативным образом на межнациональных отношениях. Политика, хоть и не в достаточной мере, но, все же, является конструктивной (направлена на расширение функций языков, сферы их применения, их социально-коммуникативной роли, особенно применительно к калмыцкому языку), перспективной (ориентирована на изменение существующей языковой ситуации).

Вместе с тем, применительно к калмыцкому языку политика является недостаточно масштабной и последовательной, поскольку положение существенно не меняется к лучшему. Она нуждается в новом формировании и формулировании целей и задач, выходе их за пределы исключительно системы образования, направленности на расширение языковой среды, поддержку общественных и частных инициатив по развитию этой среды, стимулировании мотивации граждан и семей, особенно молодых, в овладении калмыцким языком и пользовании им.

Как нам представляется, требуется обновление языкового планирования, т.е. принятие властями новых решений, направленных на достижение

[42] В Элисте состоялась презентация учебного пособия для тифлопедагогов Натальи Гадеевой (http://riakalm.ru/news/17791-v-eliste-sostoyalas-prezentatsiya-uchebnogo-posobiya-dlya-tiflopedagogov-natali-gadeevoj).
[43] Ян А. Известный калмыцкий блогер о том, что отличает Бурятию и Калмыкию (https://www.infpol.ru/194766-izvestnyy-kalmytskiy-bloger-o-tom-chto-otlichaet-buryatiyu-i-kalmykiyu/).
[44] Манжеев В. Стесняемся говорить на родном языке // Элистинский курьер. – 2019. – 10 янв.
[45] Тостаев С. Семь достоинств калмыцкого языка // Элистинский курьер. – 2018. – 24 мая.
[46] Бембеев О. Нужна лаборатория по изучению языков // Хальмг унн. – 2019. – 30 янв.
[47] Манджиев И. Нам не хватает их сердец, их слов… // Калмыкия сегодня. – 2018. – 12 дек.
[48] Обязаны быть оптимистами // Калмыкия сегодня. – 2018. – 23 мая.

новых целей и решение новых задач. Это, в свою очередь, влечет проведение нового этапа языкового строительства, т.е. приложение усилий, чтобы убедить сообщество принять нововведения языковой политики, и проведение этих нововведений в жизнь. Следует пересмотреть практику государственной грантовой поддержки языковых проектов, ориентированной сейчас исключительно на поддержку социально-ориентированных некоммерческих организаций, но не частных или сетевых инициатив. Целесообразно использовать возможности и выгоды созданного президентом страны Фонда сохранения и изучения родных языков народов России. Наконец, необходимо принять государственные программы сохранения, изучения, развития и функционирования государственных языков республики и особенно калмыцкого языка, что предусмотрено действующим региональным законодательством.

Контакты и стереотипы в контексте культурного многообразия Карачаево-Черкесии[1]

Щербина Е.А.

Для полиэтничной Карачаево-Черкесии проблема межэтнических отношений является одной из приоритетных. Вследствие многонациональности, которая, по мнению большинства опрошенных жителей КЧР[2] является позитивным фактором, все проблемы и вопросы, возникающие у представителей того или иного народа, приобретают этнический характер. Карачаево-Черкесская Республика - полиэтничный субъект РФ, в котором проживают представители более 80 национальностей. Численность этих народов, согласно Всероссийской переписи населения 2010 года, следующая: абазины - 7,8%, карачаевцы - 41%, ногайцы - 3,3%, русские - 31,6%, черкесы - 11,9%.[3]

В Карачаево-Черкесии на протяжении её существования как республики (с 1992года) неоднократно возникали конфликтные ситуации в сфере межэтнических отношений. Часть из них была связана с повышением политического статуса народов, в ней проживающих. Другая часть была связана с разной этнической интерпретацией исторических фактов, в основе которых лежало стремление каждого из народов к удревнению, к обоснованию своих прав на землю, на культурное наследие. Первоначально возникшие в среде научной интеллигенции и политических интерпретаторов они были перенесены в информационную и образовательную сферу. Это привело к тому, что сегодняшнее молодое поколение нередко принимает на веру разговоры о собственной этнической исключительности, якобы дающей право в республике на политические и экономические преференции. Академик В.А. Тишков отмечает, что «борьба за прошлое» как компонент обычного этнонационализма, в последние годы стал частью и даже основой т.н. исторической политики, масштабных историографических ревизий и фальсификаций, а самое печальное - послужил возрождению старой болезни историописания, которая называется презентизмом.[4]

В настоящее время при существующем уровне стабильности в межэтнической сфере, фиксируемом в результатах разных социологических оп-

---

[1] Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики».

[2] В среднем, 65% респондентов по результатам мониторингов, проводимых при непосредственном участии автора в рамках реализации различных проектов на территории КЧР, в 2016-2018 гг.

[3] Население_Карачаево-Черкесии . (http://wiki.zarinsk.ru/wiki/Население_Карачаево-Черкесии).

[4] Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов/ Ред. Тишков В.А., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2018, с.6.

росов, проводимых в КЧР в 2016-2018г., существуют латентные конфликты, которые ситуационно актуализируются и являются зоной риска. Конфликтогенной остается сфера этнического представительства в органах власти регионального и муниципального уровней, проблема безработицы, социального самочувствия народов республики. Анализ материалов интернет сайтов, порталов, форумов показывает актуализацию такой проблемы как аланское наследие. Актуальным остается черкесский вопрос, в настоящее время сводящийся к проблеме признания сирийских черкесов соотечественниками со всеми вытекающими из этого последствиями.

При изучении межэтнических отношений в Карачаево-Черкесской Республике используются как социологические, так и политологические методы изучения, в частности, Case study, компаративный анализ. Применяются новые элементы в социологических опросах - это визуализация образов. Что соответствует современным трендам в социологии, о которых заявляли социологи на VII социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях» в 2017 году.

В качестве основных методов изучения межэтнических отношений в Карачаево-Черкесской Республике выступают:

- анализ материалов СМИ и интернет сайтов, относящихся к общественно - политической сфере, конкретно к межэтническим отношениям, выступлениям лидеров (формальных и неформальных) народов, обращениям, призывам, имеющим этнический характер. Материал носит не только информативный, но и оценочный характер. В официальных СМИ он, в основном, позитивно – эмоциональный, на оппозиционных сайтах – негативно – эмоциональный;

- анализ выступлений руководителей и представителей национальных общественных организаций, этнических лидеров, участников съездов народов, конгрессов, собраний общественных организаций этнической направленности;

- анализ материалов официальных сайтов исполнительных и законодательных органов власти республики, освещающих их деятельность в сфере межэтнических отношений, в соответствии с принятыми в РФ доктринами и республиканскими программами и проектами;

- количественные опросы в режиме базовых социологических опросов и мониторингов. Они проводятся методами анкетирования и формализованного интервью. В настоящее время используются элементы визуализации в анкетах, что соответствует современному состоянию социологической науки. Опросы в режиме *он - лайн*, являющиеся в настоящее время в социологии приоритетными, в КЧР широко не используются;

- качественные опросы, в первую очередь, экспертные опросы руководителей национально – культурных общественных организаций и представителей региональных и муниципальных органов власти, имеющих отношение к реализации государственной национальной политики;

- отчеты руководителей профильных министерств, комитетов в Народном Собрании (Парламенте) КЧР;

- количественные показатели - индикаторы Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN);

- изучение мнения молодежи на форумах в социальных сетях, дающие информацию о неформальных оценках, суждениях, мнениях молодых людей.

Применение этих методов, в целом обеспечивающих качественный мониторинг, позволяет построить содержательную модель межэтнических отношений в КЧР в определенный период времени, выделяя как позитивные, так и негативные элементы, которые при неоднократном повторении могут рассматриваться как входящие в зону риска.

Основной политической доктриной в сфере межэтнических отношений в Карачаево-Черкесской Республике является государственная программа *«Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской Республике на 2014-2020 годы» (с изменениями на 29 марта 2018года).*[5]

Одним из основных направлений реализации государственной национальной политики в Карачаево-Черкесской Республике является предупреждение межнациональных и межрелигиозных конфликтов; проведение системного мониторинга состояния межнациональных отношений. Эти направления определены в качестве задач программы.

Среди целевых индикаторов и показателей программы - доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в общем количестве жителей Карачаево-Черкесской Республики.

На наш взгляд, в республике есть факторы, имеющие латентный и постоянный характер, лежащие в основе этнической напряженности. Сама напряженность длительное время может не перерастать в конфликты (для этого необходим набор элементов: объективные причины, имеющие постоянный или ситуационный характер, первичные и вторичные субъекты конфликты, факторы напряженности, повод), но при определенных ситуациях и при наличии активных субъектов это возможно.

При изучении постоянных факторов, лежащих в сфере рисков, связанных с нарастанием этнической напряженности, эффективными представляются индикаторы *Сети этнологического мониторинга и раннего преду-*

[5] Постановление Правительства КЧР от 31 октября 2013года № 363.

преждения конфликтов (EAWARN). Они связаны с количественной оценкой межэтнических отношений в регионе, в частности, с оценкой этнического представительства во власти, бизнесе, образовании и других сферах, демографией и миграцией, контактами и стереотипами и позволяют фиксировать определенный уровень этнической напряженности в республике. Анализ этих показателей в динамике по кварталам одного года и по годам показывает те точки риска в сфере межэтнических отношений, которые можно считать постоянными и актуализирующимися в определенных условиях.

Так, проведенный нами сравнительный анализ результатов оценки состояния общественных противоречий в Карачаево-Черкесской Республике, по индикаторам этнической напряженности по четырем кварталам 2016 - 2018 годов показывает, что в **2016** году самый высокий уровень этнической напряженности был в экономике и социальной сфере, в контактах и стереотипах, демографии и миграции. Наблюдался всплеск этнической напряженности в сфере контактов и стереотипов, власти, государства и политики. Во втором полугодии 2016 года выросла этническая напряженность в сфере образования, культуры и информации.

Таким образом, в 2016 году постоянными были *факторы этнической напряженности в экономике и социальной сфере, демографии и миграции, в контактах и стереотипах***.** В двух последних сферах они снизились в конце года. Ситуационными стали факторы этнической напряженности в сфере власти и политики, культуры, образования и информации.

В **2017** году постоянными факторами этнической напряженности были *экономика и социальная сфера (самый высокий уровень этнической напряженности), контакты и стереотипы, власть, государство и политика.* Ситуационными были такие факторы как культура, образование, информация, снизился фактор демографии и миграции.

В **2018 году** постоянными факторами этнической напряженности выступили *контакты и стереотипы, экономика и социальная сфера, власть, государство и политика.* Ситуационно проявился фактор культура, образование и информация.

Таким образом, сравнительный анализ уровня этнической напряженности в Карачаево-Черкесской Республике по годам в соответствии с результатами мониторинга по индикаторам EAWARN *показывает наличие постоянных точек риска в сфере межэтнических отношений, связанных с экономикой и социальной сферой, контактами и стереотипами, властью, государством, политикой***.**

Исходя из конкретных показателей, применяемых к анализу состояния каждой из этих сфер, в КЧР конфликтогенными являются: высокий уровень безработицы в муниципальных районах республики, особенно с ком-

пактным проживанием представителей одного этноса; земельная проблема; неудовлетворительное социальное самочувствие этносов; вопросы этнического представительства во власти; компетентность и авторитет органов власти; культурное доминирование и наличие групповой идеологии по принадлежности к одному этносу.

Анализ материалов интернет сайтов, в частности, выступлений и интервью этнических лидеров, обращений руководителей и представителей общественных организаций этнической направленности к народам, к руководителю КЧР, статьи и аналитические материалы позволяют выделить содержание проблем, количественная оценка которых дана в индикаторах Сети. Они изучаются в рамках экспертной работы по выполнению государственных заданий Распределённого центра межнациональных и межрелигиозных проблем Министерства образования и науки РФ. Проблемы отражены в названиях публикаций, например, земельная проблема: «Участники схода в Карачаево-Черкесии призвали власти не допустить банкротства племзавода», «Жители Койдана борются за земли».[6] Поднималась и активно обсуждалась в 2017 году проблема аланского наследия: «Конгресс карачаевского народа потребовал отмены Указа Главы КЧР Р. Темрезова о создании на Северном Кавказе Аланского христианского центра»; «Конгресс карачаевского народа попросил МИД России не допустить переименования Южной Осетии. 17 февраля 2017», «Кто пытается поссорить карачаевцев и осетин».[7]

Актуален черкесский вопрос в контексте признания сирийских черкесов соотечественниками. Черкесские активисты подчеркивают, что рассматривают сирийских черкесов как часть черкесского этноса, а 1 августа, День репатрианта, как день возрождения народа. Названия публикаций в интернете показывают остроту проблемы: «Общественники КЧР заявили о притеснениях», «Акция в поддержку репатриантов из Сирии».[8]

В 2017-2018годах актуализировались вопросы этнического представительства во власти, политического статуса малочисленных народов: «Черкесские старейшины сообщили Белавенцеву о дискриминации в письме»[9], «Обострение «абазинского вопроса» возникло не на ровном месте»[10], «Пе-

[6] http://politika09.com/prava-cheloveka/zhiteli-kojdana-boryutsya-za-zemli.http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/297555; http://politika09.com/prava-cheloveka/zhiteli-kojdana-boryutsya-za-zemli.

[7] https://kchr-inform.ru/obshhestvo/kongress-karachaevskogo-naroda.html; http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/297862;.// http://politika09.com/politika/kto-pytaetsya-possorit-karachaevtsev-i-osetin/;Эдуард Маршанкулов назвал преступным пиаром письмо активистов из КЧР министру Лаврову. 17 февраля 2017 (http://politika09.com/politika/eduard-marshankulov-nazval-zayavlenie-prestupnym-piarom pismo-aktivistov-iz-kchr-ministru-lavrovu)/; центра.https://kchr-inform.ru/obshhestvo/kongress-karachaevskogo-naroda.html.

[8]http://politika09.com/vlast-i-obshhestvo/aktsiya-v-podderzhku-repatriantov-iz-sirii/; http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/286047;http://politika09.com/vlast-i-obshhestvo/obshhestvenniki-kchr-zayavili-o-pritesneniyah

[9]sevkavportal.ru/news/pub/politic/item/30294-cherkesskie-starejshiny-soobshchili-belaventsevu-o-diskriminatsii-v-pisme.html

[10] http://kavpolit.com/articles/obostrenie_abazinskogo_voprosa_vozniklo_ne_na_rovn-34676/.

тиция о выходе черкесов и абазин из состава Карачаево-Черкесии набирает обороты»[11], «Черкесы и абазины просят Путина разобраться с кадровой политикой главы КЧР Темрезова»[12] и другие[13].

Актуальной для региона является тема языковой политики. Реализация языковой политики в Карачаево-Черкесской Республике базируется на ряде федеральных и региональных доктрин, программ, указов и постановлений. Все основные законы в сфере языков народов России были приняты в 90-ых годах XX века. Среди них определяющим на федеральном уровне является подписанный 25 октября 1991 года закон № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» с изменениями от 24.07.1998 № 126-ФЗ и от 11.12.2002 № 165-ФЗ. Он направлен на создание условий для сохранения и равноправного и самобытного развития языков народов Российской Федерации. В начале 1990-х гг. Верховный Совет РСФСР принял Декларацию «О языках народов России» (от 25 октября 1991 г. № 1808/1), в которой зафиксировано право каждого человека на свободный выбор языка общения, обучения, воспитания и интеллектуального творчества. Декларация сохраняет свою значимость в настоящее время и активно используется при разработке и декларировании принципов государственной национальной и этнокультурной политики. Значимую роль в сохранении и расширении сферы применимости родного языка имеет сфера образования и культуры. Новый Закон об образовании в РФ вступил в силу 1 сентября 2013 года (Закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года). В контексте изучаемой темы, в законе зафиксирована необходимость разработки и реализации региональных программ развития образования с учетом региональных социально-экономических, экологических, демографических, этнокультурных и других особенностей субъектов Российской Федерации.

В Карачаево-Черкесской Республике основным в сфере реализации языковой политики является Закон КЧР от 14 июня 1996 года «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики» (с изменениями от 28.12.2001 № 53-РЗ), который направлен на решение задач по сохранению, равноправному и самобытному развитию языков народов региона. В статьях закона зафиксирован статус абазинского, карачаевского, ногайского, русского и черкесского языков как государственных, право народов на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Также отмечено, что обучение детей родному языку является гражданским правом

[11] https://onkavkaz.com/novosti/5024-peticija-o-vyhode-cherkesov-i-abazinov-iz-sostava-karachaevo-cherkesii-nabiraet-oboroty.html

[12] http://club-rf.ru/09/news/52090 15 ноября 2018.

[13] Черкесские организации подняли тему нацквотирования при назначении чиновников (https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/328141). Черкесы и абазины требуют соблюдения своих прав в КЧР 21 ноября 2018. (https://echo.msk.ru/blog/statya/2319388-echo/ 21 ноября 2018).

и долгом родителей, обеспеченным созданием системы воспитательно-образовательных учреждений и иных форм воспитания и обучения на государственных языках жителей республики.

Применительно к сфере образования ключевым на республиканском уровне является Закон КЧР от 2 ноября 2009 года № 50-РЗ «Об образовании в Карачаево-Черкесской Республике» (с изменениями: от 11.05.2010 № 31-РЗ; от 17.05.2011 № 22-РЗ; от 17.12.2011 № 79-РЗ; от 29.05.2012 № 48-РЗ). В нем зафиксировано, что граждане Российской Федерации, проживающие на территории Карачаево-Черкесской Республики, имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования.

В Законе Карачаево-Черкесской Республики № 72-РЗ от 6 декабря 2013 года «Об отдельных вопросах в сфере образования на территории Карачаево-Черкесской Республики» (в ред. Законов Карачаево-Черкесской Республики от 09.11.2015 № 78-РЗ, от 03.12.2015 № 87-РЗ, от 24.02.2016 № 5-РЗ) определены основные принципы в сфере этнокультурной составляющей образования и языковой политики. Среди них общие вопросы языковой политики, право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке, а также право на изучение родного языка из числа государственных языков Карачаево-Черкесской Республики в пределах возможностей, предоставляемых системой образования в порядке, установленном законодательством об образовании.

Члены Комитета по науке и образованию Народного Собрания (Парламента) КЧР в конце декабря 2017 года внесли на утверждение проект закона № 82-V «О внесении изменения в статью 5 Закона Карачаево-Черкесской Республики «Об отдельных вопросах в сфере образования на территории Карачаево-Черкесской Республики». Согласно внесенным поправкам, в образовательных организациях (начального общего, основного общего образования), в которых обучение ведется на русском языке, для обучающихся вводятся обязательные учебные предметы по изучению государственных (родных) языков Карачаево-Черкесской Республики (абазинский, карачаевский, ногайский, русский, черкесский) с первого класса. Государственный (родной) язык, который будет изучаться, определяется по добровольному выбору родителей учащихся, в случае, если родители относятся к разным национальностям. Для учащихся 10-11 классов изучение государственных (родных) языков Карачаево-Черкесской Республики осуществляется на добровольной основе.

В обоснование принятия поправок к закону отмечено, что он затрагивает не только деятельность самих школ, но и Министерства образования и науки КЧР. В рекомендациях указана необходимость, во-первых, пере-

смотреть методику преподавания государственных (родных) языков Карачаево-Черкесской Республики, предусматривающей доступное их изучение для начинающих, не владеющих государственным языком КЧР, а во-вторых, акцентировать внимание преподавателей предмета на аудиторной работе в ходе обучения (Состоялась очередная 42 сессия 2019).

Интеллигенция Карачаево-Черкесской Республики выступила против первоначального варианта поправок к закону «Об образовании в Российской Федерации» в части добровольного изучения родных языков народов республики в школах.[14] В частности, представители научного сообщества Карачаево-Черкесии подписали резолюцию, принятую представителями 12 национальных республик РФ в результате проведенной 30 июня видеоконференции, организованной «Демократическим конгрессом народов России», в которой закон о родных языках был назван антиконституционным.[15]

Для выяснения ситуации в регионе на протяжении ряда лет проводились социологические опросы по изучению этнокультурной, в том числе, языковой ситуации, на территории Карачаево-Черкесской Республики. Опрашивались эксперты, молодежь – учащиеся средних общеобразовательных учреждений и вузов республики, родители учащихся. В 2015-2018 гг. было опрошено 650 учащихся общеобразовательных школ и студентов вузов республики, а также опрошено 310 экспертов, специалистов в сфере управления образованием, преподавателей школ и вузов республики, представителей науки. В 2015 г. было также опрошено 100 родителей учащихся.

По мнению экспертов, изучение родных языков в образовательных учреждениях позитивно влияет на этническое и гражданское самосознание жителей КЧР, способствуя их развитию. Значительное большинство экспертов (в среднем, 78%) полагают, что в ближайшие годы в регионе сохранится достаточное число родителей учащихся, заинтересованных в школьном обучении своих детей родным языкам, при этом более половины (60%) полагают, что потребности в изучении предметов на родных языках не возникнет. Ответы экспертов показали, что общественная заинтересованность в сохранении преподавания национальных языков устойчива. Потребность в изучении предметов на национальных языках невелика, и расти не будет. Это противоречит мнению представителей национальной

[14] 25 июля 2018 года Государственной Думой Российской Федерации был принят федеральный закон № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”», который был одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 28 июля 2018 года и подписан президентом Российской Федерации 3 августа 2018 года.

[15] Темрезов Р. Многовековой опыт совместной жизни разных народов и разных конфессий в КЧР - залог успеха межнациональной стабильности. 18.06.2015 (http://www.riakchr.ru/mnogovekovoj-opyt-sovmestnoj-zhizni-raznykh-narodov-i-raznykh-konfessij-v-kchr-zalog-uspekha-mezhnatsionalnoj-stabilnosti-r-temrezov).

интеллигенции и национальных общественных организаций в необходимости расширения сферы применимости родных языков, что напрямую связано с изучением предметов на национальных языках.

По мнению экспертов, изучение родных языков способствует стабильности в межэтнических отношениях в образовательных учреждениях; формированию и укреплению российской гражданской идентичности, при сохранении основной роли родного языка как идентификатора этнической идентичности; удовлетворению этнокультурных потребностей учащихся; уважительному отношению к другим российским культурам и языкам; формированию знаний и навыков в традиционных видах труда и народных промыслах; профессиональной ориентации учащихся, связанной с владением родными языками, на будущее их применение в туристической сфере, образовательной и воспитательной работе, в медиа-сфере.

Более половины экспертов в Карачаево-Черкесской Республике подчеркивали, что сокращение (или полное отсутствие) часов преподавания родных языков в школах республики может стать поводом для недовольства общественности и способствовать ассимиляции этнических групп. При этом треть опрошенных негативного потенциала не видит. Наибольшую обеспокоенность демонстрируют работники научной сферы и представители этнической (национальной) интеллигенции. Сотрудники образовательных учреждений, непосредственно занимающиеся обучением молодежи, обеспокоены в меньшей степени.

Представители образовательных организаций КЧР, общественных организаций этнокультурной направленности, оценивая свой уровень участия в реализации государственной национальной и языковой политики, наибольший балл поставили работе в создании условий, отвечающих национально-культурным потребностям жителей региона. Среди них: создание условий для использования национальных языков, проведения традиционных народных праздников, осуществления традиционных видов труда, содействие мероприятиям по сохранению и развитию языков народов России, обеспечению прав граждан на изучение родных языков. Достаточно высоко представители сферы образования, учреждений культуры и информации оценили свою деятельность в содействии изучению родных языков и культур народов России в общеобразовательных школах, в обеспечении прав граждан на изучение родных языков.

Анализ ответов учащихся, представляющих разные этнические группы, показывает, что значительное большинство владеет родными для них языками, общаясь на них в семье, с друзьями, знакомыми. Более 90% респондентов указали, что используют, кроме русского, и другой язык. Больше всего (86%) родной язык используют в общении представители карача-

евского народа (при уровне владения в 91%) и черкесы республики – 89% (данные на 2015 г.).

Молодые люди, представители разных народов, проживающих в Карачаево-Черкесии, понимают необходимость изучения родных языков. Компаративный анализ результатов опросов в динамике свидетельствует об увеличении числа молодых людей, заинтересованных в изучении родных языков. Результаты трех мониторинга позволяют говорить не о тенденциях, а о сформировавшихся закономерностях, которые можно свести к следующему: меньше половины учащихся выступают за стандартное изучение родного языка, то есть то, которое уже существует и законодательно закреплено в Карачаево-Черкесской Республике, треть – за углубленное изучение. Незначительная часть (3%) учащихся и студентов вузов региона выступает за изучение разных учебных предметов на родных языках.

Приведенные результаты опросов коррелируют с данными, полученными в ноябре 2018 г. в результате проведенного республиканского школьного референдума, охватившего более 6,8 тыс. старшеклассников из 7,5 тыс. учащихся 9-11 классов во всех муниципальных образованиях республики. Подавляющее большинство учащихся – 89%, участников школьного референдума, заявили, что их устраивает качество преподавания родных языков народов республики.[16]

Представленные сюжеты показывают риски в межэтнических отношениях, учитываемые в стандартных индикаторах EAWARN. Эти индикаторы всегда дополняются специализированными исследованиями.

При существующем в настоящее время достаточно высоком уровне стабильности в межэтнической сфере в КЧР, представляется чрезвычайно важным изучение мнений и оценок молодежи, направленных на выяснение их отношения к людям других национальностей, языков и религий.

Методы изучения этих и аналогичных вопросов в молодежной среде основаны на стандартных социологических процедурах: анкетировании, углубленном интервью, экспертном опросе. Можно выделить инновационные элементы, использующиеся в данных опросах, - это элементы визуализации (*в опросах в Карачаево-Черкесии применялись картинки, рисунки*). В качестве таковых могут быть использованы фотографии, картины и т.п.

Примером могут служить визуальные образы, которые были использованы в изучении этнокультурных потребностей молодежи КЧР. Опросы проводились на протяжении нескольких лет, начиная с 2015 г. Анкеты с визуальной частью были разработаны сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН и Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN). Использование визуальной части в

[16] https://tass.ru/obschestvo/5842143.

виде рисунков, направленных на выяснение личного отношения к мигрантам, людям другой национальности, с другим языком и проч., позволили получить данные, которые вступили в противоречия с ответами на текстовые вопросы.

По результатам ответов на стандартные текстовые вопросы, среди молодежи КЧР преобладают те, кто не испытывает к себе никакого негативного отношения из-за языка, национальности, религии. Невербальные же вопросы анкеты персонифицирует восприятие, и ответы меняются приблизительно у десятой части респондентов, отмечающих, что в той или иной степени подвергались дискриминации по культурным различиям.

Простой социологический вопрос к школьникам и студентам об отношении к мигрантам отражает их внешнюю толерантность. Малая часть респондентов (в среднем, в пределах 3%) отмечает негативное к ним отношение. Визуализация выявляет отрицательное отношение (определенная или полная изоляция мигрантов) на уровне уже трети опрошенных молодых людей.

Самый высокий уровень неприятия у молодежи фиксируется на уровне религиозных различий. Визуализация образов позволила более адекватно определить уровень интеграции людей с религиозными особенностями. По мнению большинства молодых респондентов, уровень интеграции людей с религиозными особенностями высокий, то есть они или полностью интегрированы в студенческий коллектив или интегрированы в значительной степени. Но четверть опрошенных указала, что в их учебных коллективах такие люди социально изолированы.

Исследования методами визуализации вопросов показали что, оценивая культурные отличия людей в своем учебном коллективе, пятая часть молодых людей именно акцентирует внимание на культурных отличиях своих одноклассников и сокурсников.

Родители учащихся, отвечая на прямые вопросы о совместном обучении с мигрантами и людьми другой религии, дают «правильный» ответ. Но в скрытых вопросах проявляют склонность отмежеваться от «чужаков». То есть, родители учащихся подчеркивают, что через этнокультурное образование хотят сохранить свои традиции и этническую идентичность, но не собираются приобщать к культуре всех «прочих» (за приобщение – лишь одна треть).

Приведенные примеры показывают, что применение новых элементов или методов изучения межэтнических отношений позволяет выявить те реальные оценки, которые при стандартных опросах остаются скрытыми.

Таким образом, несмотря на то, что межэтнические отношения уже не связаны с открытой конфликтностью, и это подтверждают стандартные социологические опросы, в Карачаево-Черкесии имеются латентные на-

пряжения, которые выступают источником риска. Индикаторы Сети этнологического мониторинга, связанные с «количественной» оценкой межэтнических отношений, позволяют выявить сохраняющийся уровень этнической напряженности в республике. Анализ показателей в динамике по кварталам года и по годам показывает усиление и ослабление напряженности в межэтнических отношениях, при этом немалая часть скрытых и полускрытых рисков обнаруживает признаки «постоянного» (длительного) действия. Не только явные риски, но также слабые и скрытые напряжения, особенно – продолжительные во времени, обладают не меньшим конфликтным потенциалом. Заметим, что слабые риски обычно не принимаются во внимание в системе государственного управления и предотвращения конфликтов. Данную практику игнорирования слабых рисков следует преодолевать.

В целом, региональный опыт изучения межэтнических отношений, основанный на множественных методах этномониторинга, позволяет выявлять и прогнозировать явные и скрытые источники риска, что востребовано фундаментальной наукой и должно быть востребовано практическими политиками.

Этноязыковая ситуация в Кабардино-Балкарии

Аккиева С.И.

Современная языковая ситуация в Кабардино-Балкарии определена спецификой этнического состава населения, обусловленного длительным совместным проживанием народов, относящихся к разным языковым группам: славянской – русские, адыго-абхазской – кабардинцы, тюркской – балкарцы.

Процесс распространения двуязычия сопровождался и процессом языкового перехода части кабардинцев и балкарцев, в основном жителей городов, на русский язык.[1]

В 1990-х гг. была разработана национально-языковая политика, основным направлением которой было создание благоприятных условий для равноправного существования русского, кабардинского, балкарского языков. В 1995 г. законом «О языках народов КБР» были провозглашены государственными языками: русский, кабардинский и балкарский.[2] При этом фактически русский язык выполняет доминирующую функцию во всех общественных сферах – в государственном управлении, делопроизводстве, судопроизводстве, в науке, технике, образовании, культуре, здравоохранении, коммуникациях, СМИ. Кабардинский и балкарские языки представлены в сфере образования, художественного творчества, в средствах массовой информации и в семейно-бытовой сфере. Фактически языковая ситуация в республике характеризуется продолжающимся процессом массового национально-русского двуязычия, который носит всеобщий характер.

В последующих годах была разработана, а затем и принята Государственная программа, направленная на сохранение и дальнейшее развитие национальных языков. В КБР функционирует учебно-методическая база, обеспечивающая комплексное обучение населения на родных языках.[3]

Важным условием этноязыковой ситуации, как известно, является численность носителей языка при соответствующих благоприятных социальных условиях. Согласно итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., удельный вес численности населения КБР в общей численности населения Российской Федерации составляет 0,61%, а доля численности кабардинцев и балкарцев в общей численности населения КБР – 73%, со-

---

[1] Аккиева С.И. Развитие этнополитической ситуации в КБР (постсоветский период). – М., 2002, с. 146.

[2] Аккиева С.И. Образовательная политика и этноязыковая ситуация в КБР // Успехи современной науки и образования. – 2016. – №8, Т.2, с. 37.

[3] Аккиева С.И., Улаков М.З. Этноязыковая ситуация в кабардино-балкарской республике и проблемы реализации языковой политики. История. Социология. Известия кабардино-Балкарского научного центра РАН №6 (56). – Нальчик, 2013, с. 138.

ответственно 59% и 14%. В конкретных цифрах это 483,5 тыс. кабардинцев, 107,2 балкарцев, причем кабардинцы компактно проживают в Зольском, Баксанском, Чегемском, Лескенском, Терском районах, а балкарцы – в Эльбрусском, Черекском, Чегемском районах, что, несомненно, предопределяет преимущественное общение на родных языках.

С целью изучения языковой ситуации и выяснения, как реализуется культурная и языковая политика через систему образовательных учреждений и есть ли серьезные препятствия для преподавания национальных языков и формирования гражданской идентичности в 2016-2018 гг. мы провели серию массовых опросов, в том числе опросили экспертов, в число которых вошло пять категорий: сотрудники городских или республиканских органов управления образования; представители учреждений общего образования; представители высших учебных заведений; сотрудники органов государственного и местного управления; представители общественных и религиозных организаций. Эксперты могли заполнить анкету единолично, но также допускался и «коллективный» эксперт, т.е. сотрудники одной и той же организации или структуры могли совместно заполнить анкету. Общее число экспертов при опросе составляло 180 человек. Анкета для проведения опроса была разработана ИЭА РАН и Сетью этномониторинга.[4]

В Кабардино-Балкарии в школах преподаются русский, кабардинский и балкарский языки. Кабардинский и балкарский преподаются во всех общеобразовательных учебных заведениях населенных пунктов с преобладанием кабардинской и балкарской национальности. В городских школах преподавание этих языков организуется соответственно количеству учащихся. При недостаточном количестве учащихся для преподавания языка по основной программе, формируются факультативные курсы. Кабардинский и балкарский язык изучают носители языка на первом курсе всех специальностей Кабардино-Балкарского государственного университета, по желанию организуется обучение и для представителей других национальностей.

Экспертам был предложен блок вопросов, касающихся языковой проблематики в учреждениях, где они работают или работали. Надо было дать ответ преподавание национального языка (помимо русского и иностранного) осуществляется в рамках основной программы или факультативно, преподаются предметы этнокультурной направленности.

Ответы экспертов показали следующие результаты – более 26% экспертов отметили, что в их учреждениях имеется хотя бы одна группа уча-

[4] Тишков В.А., Степанов В.В. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России //Вестник Российской академии наук, 2017, том 87, № 10, с. 879–890.

щихся, для которых введено: - преподавание национального языка по основной программе на начальной ступени образования; - преподавание национального языка на средней степени отметили 30% экспертов; - преподавание национального языка в вузе отметили более 18% экспертов.

О присутствии национальных языков в факультативной форме на начальной ступени школы дали положительный ответ более 30% экспертов, на основной ступени - 10% экспертов, на средней ступени школы - 30% экспертов, в вузе - более 18% экспертов.

На начальной ступени школы наличие национального языка в основной программе отметили 45% экспертов, а 8% экспертов отметили, что национальный язык преподается факультативно. На основной же ступени школы 41% экспертов подтвердили преподавание национального языка в основной программе, а факультативно - 7% экспертов. На средней ступени школы наличие национального языка в основной программе отметили 35% экспертов, а 9% экспертов отметили, что национальный язык преподается факультативно. На ступени среднего профессионального образования наличие национального языка в основной программе отметили 70% экспертов, а 7% экспертов отметили, что национальный язык преподается факультативно. В КБГУ наличие национального языка в основной программе отметили 35% экспертов, а 8% экспертов отметили, что национальный язык преподается факультативно.

Более 51% экспертов отметили, что в тех образовательных учреждениях, где они работают, изучение национального языка осуществляется в разных формах. Более 93% экспертов отметили, что в их учебном заведении нет никаких препятствий для преподавания национальных языков. Только чуть более 2% экспертов считают, что есть те или иные препятствия для преподавания национальных языков.

Основная проблема в преподавании национальных языков – кабардинского и балкарского, о которой говорят преподаватели, работающие в учебных заведениях КБР, это нежелание молодых людей изучать эти языки в связи с непрестижностью в молодежной среде и узостью сфер его применения. Определенная часть кабардинцев и балкарцев считают знание национальных языков в современных условиях не только не престижным, но и практически не нужным. В современных условиях широкое распространение имеет полиязычие, один из факторов, ведущих к постепенному вытеснению из коммуникации родного языка, в конечном счете – к языковому переходу.

На средней ступени школы имеются предметы и дисциплины, ориентированные на приобщение учащихся к этнокультурному наследию народов Кабардино-Балкарии, а в программе учебных курсов и отдельных дисциплин есть темы и сюжеты, об этнокультурном и региональном истори-

ческом наследии. На это указали по 23% экспертов, а 9% экспертов считают, что в их учебных заведениях нет ничего из отмеченного выше.

На ступени среднего профессионального образования «предметы этнокультурной направленности» и «этнокультурное содержание образования в программе учебных курсов, предметов, дисциплин» отметили, соответственно, 13% экспертов и 7% экспертов, а 3 % экспертов считают, что ничего из перечисленного в данном учреждении нет.[5]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Кабардино-Балкарии большое внимание уделяется преподаванию национальных, русского и иностранного языков. В учебных заведениях общего среднего и высшего образования созданы соответствующие условия для преподавания кабардинского и балкарского языков, которые наряду с русским имеют статус государственных языков. Но в современных условиях для молодежи изучение национальных языков не представляет особого интереса, и с каждым годом процент изучающих родной язык уменьшается. Ситуация, впрочем, различна по отдельным группам учащихся.

В 2017 г. по методике ИЭА РАН и Сети этномониторинга мы изучили мнение студенческой молодежи об отношении к языковому и культурному многообразию. Причем опрос проводился среди студентов трех институтов в составе КБГУ: Института истории, филологии и СМИ, Института архитектуры, строительства и дизайна и Политехнического института. Всего было опрошено 150 студентов в возрасте от 18-до 25 лет, из которых 50 юношей и 100 девушек. Такое соотношение отражало состав студентов университета. Нужно сказать, что Институт истории, филологии и СМИ является одним из крупных и старейших подразделений университета, название и статус института менялись, но на протяжении многих лет здесь традиционно осуществлялась подготовка специалистов по национальным языкам (кабардинскому и балкарскому), русскому и иностранным языкам, русской, зарубежной и национальной литературе, истории. В КБГУ в целом и особенно в Институте истории, филологии и СМИ этнокультурный компонент образования представлен на всех уровнях образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура и НИРС). При институте с 2008 г. действуют Центр адыгской и Центр балкарской культур, с 2009 г. функционирует научно-образовательный центр русского языка и культуры. В КБГУ ежегодно проводится фестиваль национальных культур «Дружба народов», этнологические выставки, фотовыставки, книжные и фотовыставки, отмечаются общероссийские праздники, а также праздники национального

[5] Башиева С.К., Кремшокалова М.Ч., Шонтукова И.В. Русский язык в этнорегиональной полилингвальной среде // Высшее образование в России. 2017. № 3 (210), с. 123.

костюма, адыгского языка, национальных кухонь, проводятся конференции и семинары, посвященные языку, культуре и истории народов.

Ответы на вопрос о языке изучения показал, что все респонденты изучали русский язык, а 61% изучали национальные языки. Что касается иностранных языков, то их изучали все без исключения опрошенные. Знание иностранного языка рассматривается как один из факторов повышающих трудовую конкурентоспособность. Потому 37% респондентов хотели бы, если бы была такая возможность, изучать иностранный язык углубленно и дополнительно, а стандартное изучение иностранного языка предпочли 40%, общее знакомство с иностранным языком – только 10%. Приоритет отдается английскому, а также немецкому и испанскому.

Несмотря на то, что все учащиеся изучают или изучали русский язык, молодые люди ставят цель совершенствовать свои знания, чтобы владеть русским языком на высоком уровне. Более половины студентов заявили, что хотели бы углубленного или дополнительного изучения русского языка, стандартное изучение русского языка хотели бы более 48%, и лишь 1% ответили, что им достаточно школьного изучения русского языка. То обстоятельство, что русский язык является профильным предметом при сдаче выпускных школьных экзаменов, способствует более серьезному отношению к русскому языку.

Наше исследование показало, что вузовские студенты Кабардино-Балкарии проявляет интерес к изучению и национальных языков, но этот интерес ниже, чем к русскому и иностранным языкам. Так, углубленное или дополнительное изучение национального языка предпочли бы 23% учащихся, стандартное изучение национального языка выбрали более 47%, только общее знакомство с национальным языком хотят более 15% , а 11% предпочли бы вообще не изучать национальный язык.

Вопросы, обращенные к студентам, также ставили цель выяснить, на каком языке общаются молодые люди в семье и со совими товарищами. Выяснилось, что более 23% респондентов в семье общаются только на русском языке, а 76 % используют и другой язык. При этом 91% респондентов в качестве родного указали единственный родной язык, а более 8% указали два родных языка, менее 1% заявили, что имеют три родных языка. Наш опрос показал, что две трети студентов КБР общается с окружающими на родном языке, но 14% не знают, по их самооценке, родной язык в должной мере и не могут общаться с окружающими на родном языке, а 18% не общаются на родном языке потому, что окружающие не знают их родного языка. Только 2% сказали, что испытывают стеснение при использовании своего родного языка.

Характеризуя этноязыковую ситуацию в Кабардино-Балкарии, прежде всего, стоит сказать, что в развитии языковых процессов есть определен-

ные различия по административно-территориальному признаку. Так, в городах республики, где проживает этнически смешанное население – кабардинцы, балкарцы, русские и другие национальности, языком повседневного общения не только на работе, но и в семье, как правило, служил русский язык. А в тех районах, где кабардинцы, балкарцы или русские живут компактно, языковая ситуация несколько иная, и превалирует в таких населенных пунктах родной язык.[6]

Современная этническая картина Кабардино-Балкарии выглядит следующим образом: кабардинцы компактно проживают в районах Баксанском районе – 93% , Зольском – 90,8%, Терском – 86,6%, Урванском – 78,6%, Лескенском – 91,2%, Чегемском – 73,6%, Черекском – 35,3%, Прохладненском – 27,2%.

При этом Майский и Прохладненский районы исторически «русские», но в них численность и доля русского населения снижается и составляет 78,2% и 57,2%.

Балкарцы составляют 61,6% в Черекском, 64,4% в Эльбрусском и 18% в Чегемском районах.[7]

В тех районах, где численность той или иной национальности доминирует, население традиционно владеет соответствующим национальным языком и активно использует его в быту. В начале 1990-х гг. в населенных пунктах с компактным проживанием кабардинцев и балкарцев, в основном в сельской местности, проводилось обучение в начальной школе (1-4-х классах) на родном языке, также было введено изучение кабардинского и балкарского языков как предметов в большинстве школ республики.[8]

Период этнизации школы, который пришелся на указанное десятилетие, привел к тому, что в республике немало молодых людей стало плохо изъясняться на русском языке. В тот период наметился разрыв в уровне развития между сельским и городским населением. Этот разрыв мог привести к социальному и культурному разделению городских и сельских сообществ со своими социальными установками и ценностями. Если в селах в основном наблюдалось хорошее владение родным языком при слабом русском, то в городах русский язык становился основным языком общения молодежи в силу полиэтничности городов, образовательных учреждений и трудовых коллективов. Нередко городская молодежь пренебрежительно называла сельских жителей, плохо владеющих русским языком или гово-

[6] Улаков М.З., Дадов И.А. Эвалютивность национальных языков как фактор устойчивого развития региона и укрепления межнационального согласия / Материалы международного симпозиума «Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели». Т.1. Нальчик, 2013, с. 95.

[7] Аккиева С.И., Улаков М.З. Этноязыковая ситуация в кабардино-балкарской республике и проблемы реализации языковой политики. История. Социология. Известия кабардино-Балкарского научного центра РАН №6 (56). – Нальчик, 2013, с. 178.

[8] Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. – М.: Языки этнической культуры, 1998, с. 215.

рящих на нем с акцентом, «нартеями» (заимствование из национального нартского эпоса), что в молодежной среде обозначало человека отсталого.[9]

Не будет преувеличением сказать, что проблемы сохранения и функционирования кабардинского и балкарского языков, их социального статуса являются на сегодняшний день одними из важнейших в культурной жизни Кабардино-Балкарии. Вызывает тревогу то обстоятельство, что согласно классификации ЮНЕСКО кабардино-черкесский и карачаево-балкарский языки входят в группу языков, которым грозит опасность исчезновения. По мнению этой организации, для сохранения и развития любого языка важное значение имеет конституциональная поддержка, которая включает принятие законов, регламентирующих основные принципы регулирования и общественных отношений в области использования и развития языков в различных сферах.

В Кабардино-Балкарии статус кабардинского и балкарского языков в качестве государственных, как и русского языка, закреплен в Конституции КБР и в Законе «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики»[10]. Вопросы регулирования межэтнических отношений и языкового планирования отражены в целевой программе «Гармонизация межэтнических отношений и укрепление толерантности в Кабардино-Балкарской Республике» на 2015-2019 годы», в республиканских законах «Об образовании», «О культуре» и др.

Но для сохранения языков и их развития нужны совместные усилия и структур власти, и гражданского общества. За последние годы, в КБР созданы благоприятные условия для увеличения функций русского, кабардинского и балкарского языков на территории республики. Несмотря на это, национальные языки утрачивают популярность среди молодого поколения, так как дети стремятся изучать прежде всего русский и иностранные языки. Массовые опросы показывают, что при равноправном юридическом статусе кабардинского, балкарского и русского языков их практическое использование существенно различается. Можно предположить, что причина кроется в сложном и пока что нерешенном вопросе о «рациональном распределении» общественных функций между тремя языками.

[9] Аккиева С.И., Геккиев К.Б. Русский язык, как язык межнационального общения и социокультурный фактор стабилизации в полиэтнических республиках Северного Кавказа//Русский язык в странах СНГ и Балтии. М., 2007. Международная научная конференция. Под ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделина, В.А. Тишкова. Отделение историко-филологических наук РАН. – М., 2007, с. 300.

[10] Закон Кабардино-Балкарской Республики от 10.07.13 г. № 54-РЗ «О внесении изменения в Закон Кабардино-Балкарской Республики «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики».

Проблема сохранения ногайского языка в России

Джумаева Д.К.

Российская Федерация является многонациональным и многоязычным государством, в котором проживает более сотни этнических сообществ.[1] Ногайцы, самоназвание – *ногайлар*, один из народов Российской Федерации. В науке распространена точка зрения об исторических ногаях и позднейших ногайцах как народе в первую очередь кипчакского происхождения. Главным аргументом в пользу этого служит ногайский язык, который (может быть, наряду с казахским) в наибольшей мере сохранил кипчакскую архаику. Кипчакской версии придерживаются многие современные историки и языковеды.[2]

До 1928 г. ногайская письменность основывалась на арабистике, затем был осуществлен переход на латинскую графическую основу, а в 1938 г. – на русскую.[3] По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в стране проживает 103,7 тыс. ногайцев,[4] прежде всего, в Республике Дагестан – 40,4 тыс., Ставропольском крае 22 тыс., Карачаево-Черкесии 15,7 тыс., Чеченской Республике 3,4 тыс., в Астраханской обл. 7,6 тыс. Имеются «диаспоры» или группы ногайцев в Москве, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. За пределами страны ногайские общины есть в Белоруссии, Польше, Турции, Румынии.

В России численность лиц, владеющих ногайским языком, составляет 87,1 тыс. чел. Среди ногайцев 98,1 тыс. чел., т.е. более 90%, заявили во время переписи населения о свободном владении русским языком. В ногайско-русском двуязычии следует усматривать положительные черты гражданской интеграции. Вместе с тем, ослабление позиций ногайского языка очевидно требует принять меры содействия по его укреплению и развитию. Некоторые специалисты опасаются потери языка, а вслед за тем – этнической культуры и национальных особенностей.[5]

В истории ногайцев было немало тяжелых событий – не прекращавшаяся на протяжении веков междоусобная борьба, джунгарское нашествие (17 в.), массовые миграции и массовый исход в Турцию (18-19 вв.) в период Кавказской войны, военная экспедиция А. Суворова в Западном Пред-

---

[1] Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия**.** – М. 2000.
[2] Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. Отв. ред. М. А. Усманов. 2-е изд., испр. и доп.– Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016.
[3] Сикалиев А.И-М. Ногайский героический эпос.- Черкесск: КЧИГИ, 1994.
[4] Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики (Росстат).
[5] Кукаева С.А. Современный ногайский язык: проблемы функционирования и сохранения. Филологические науки и лингвистика, №4(38), 2014.

кавказье (1783 г.), многократное перекраивание территорий проживания ногайцев уже в советское время (1922 г., 1924 г., 1928 г., 1944 г., 1957 г.).[6] На современном историческом этапе, видимо, важнейшей задачей является сохранение родного языка и этнической культуры. Развитие, сохранение и продвижение родного языка – одна из главных задач.

Главным конституционным принципом сохранения языков народов России является равноправие, т.е. каждый вправе в равной степени обеспечивать сохранение и использование своего родного языка, каждый наделен свободой выбора языка общения и обучения. Сегодня нет закона «О языках народов Дагестана», но есть только статья 11-я Конституции Республики Дагестан, которая гласит: «Государственными языками Республики Дагестан являются русский язык и языки народов Дагестана». Всем народам, проживающие в Республике Дагестан гарантируется, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Признано также, что в общеобразовательных учреждениях изучение родных языков является обязательным.

Однако сохранить язык все труднее в условиях дисперсного расселения. Высокий уровень миграции внутри Дагестана и за его пределы вызван множеством социальных явлений, среди которых и такие негативные как безработица. Широкое расселение ногайцев за пределы привычного ареала неизбежно приводит к ослаблению связей с традиционной культурой, снижает потребность в использовании ногайского языка. При этом в экспертной и общественно-политической среде распространяются обобщения алармистского характера: «Ногайцы, проживающие в иноэтнической среде малыми общинами, быстро ассимилируются, начинают забывать свой язык уже во втором поколении, что приводит к деформации этнокультурного самосознания и разрушению этнических социокультурных традиций. Самым губительным для малых языков предрассудком, широко распространенным в разных странах и доставшимся современному цивилизованному миру “как тяжелое наследие недоброго взгляда на малые языки в прошлом”, является представление о том, что полностью овладеть языком большинства, открывающим путь к образованию и карьерному росту, можно только отказавшись от своего этнического языка».[7]

Действительно, нужно очень многое сделать для развития и функционирования ногайского языка. Но не за счет методов самоизоляции. Надо

[6] Кидирниязов Д.С. Ногайцы в 15-18вв. - Махачкала: ДНЦ РАН, 2000

[7] Представление языков народов России и стран СНГ в российском сегменте Интернета // Семинар Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» и Межрегионального центра библиотечного сотрудничества в рамках Международной конференции «EVA 2007 Москва»: Сборник докладов. - М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008.

сделать престижным, востребованным, даже модным использование этого языка, особенно среди молодежи.

У молодого поколения зачастую нет достаточной мотивации для изучения родного языка. Согласно действующему законодательству, преподавание и изучение языков народов России обеспечивается на добровольной основе по заявлению родителей или законных представителей учащихся. Преподавание ногайского языка в общеобразовательных учреждениях Республики Дагестан действительно осуществляется. Но ведется оно из расчета два часа в неделю, и этого совершенно недостаточно для освоения не то чтобы языка, а лишь программного материала. Большее количество часов на изучение ногайского языка в школах не может быть реализовано из-за жестких нормативов предельной нагрузки учащихся и требований федерального государственного образовательного стандарта. Но ни в одном детском дошкольном учреждении ногайский язык не изучается, хотя это можно было бы делать. Дети рано или поздно перестают говорить на этом языке, полностью переходят на русский. Речь уже идет не о двуязычии, а моноязычии. И здесь не прослеживается принцип свободного выбора языка, поскольку в малолетней детской среде язык не выбирают, а обучаются тому, что имеется. Хотя на протяжении последних лет ведется большая работа по совершенствованию новых программ и учебников, есть и такая проблем, как острая нехватка учителей ногайского языка. Известно, что в общеобразовательных учреждениях Дагестана большинство учителей уже достигли преклонного возраста.

Вопрос, связанный с преподаванием ногайского языка, является насущным не только в Дагестане, но и в Астраханской области. В начале 1990-х гг. в регионе на базе педагогического училища была открыта специализация «учитель ногайского языка». Во всех сельских школах Красноярского района, с. Лапас Харабалинского района, чуть позже в селе Растопуловка Приволжского района был введен предмет «ногайский язык и литература». В тот период ногайский язык был совмещен со спецкурсом по истории и культуре ногайцев и преподавался в городской школе №27. Что же происходит в настоящее время? Современная ситуация изменилась в сторону сокращения школ, где преподается ногайский язык и учебных часов, которые отводятся на него. В середине 2000-х гг. была закрыта специализация при педагогическом колледже. На сегодня ногайский язык преподается только в двух школах региона в селах Лапас и Растопуловка. Ставится вопрос о восстановлении преподавания в селе Джанай Красноярского района.[8]

[8] Идрисов Э.Ш. Этнокультурное движение ногайцев АО: проблемы и перспективы развития. Ногаеведческий сборник: Вып. 2. Материалы «Джанибековских чтений». Астрахань: Изд-во «Color», 2013.

Позитивными являются меры популяризации и развития языка, распространения культурно-исторических традиций ногайского народа. На литературном ногайском языке издаются литературно-художественный и общественно-политический альманах «Байтерек», детский журнал «Лашын», республиканская газета «Шоьл тавысы» (в Дагестане), «Ногай давысы» (в Карачаево-Черкесии), ведутся теле- и радиопередачи. В 2015 г. в Министерстве юстиции РФ зарегистрирована Федеральная национально-культурная автономия ногайцев России «Ногай Эл». Ее учредителями стали региональные отделения Дагестана, Ставропольского края и Карачаево-Черкесии. Форма национально-культурной автономии хорошо подходит для координирования общеногайского этнокультурного движения. Вместе с тем, «Ногай Эл» пока не сформировала такую программу развития, которая учитывала бы этнические и культурные интересы разных территориальных групп ногайцев.

В регионах работают несколько самостоятельных ногайских этнокультурных организаций. Особняком действуют молодежные организации. Это студенческие объединения «Союз ногайской молодежи» в Москве и Уренгое, а также Молодежный центр ногайской культуры «Эдиге» в Астрахани. Интеллигенция видит перспективу в новых методиках и технологиях, развитии системы дополнительного образования. Хорошо зарекомендовала себя школа онлайн-обучения языков «Ethnoschool».[9] Примчательны инициативы в Карачаево-Черкесии, где в государственном университете КЧГУ действуют кафедра карачаевской и ногайской филологии, а также курсы повышения квалификации. В 2018 г. произошло знаменательное событие, которое ногаеведы и тюркологи ждали не одно десятилетие: издан «Большой ногайско-русский» словарь учеными-ногаеведами Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований на средства президентского гранта, который получила на эти цели региональная ногайская национально-культурная автономия «Ногай Эл».

Таким образом, этнокультурные ценности ногайского народа, выдержавшие испытание временем, могут и должны поддерживаться посредством решения важнейшей задачи адаптации языкового образования в соответствии с требованиями времени.

[9] Идрисов Э.Ш. Неразделенный народ (https://nazaccent.ru/content/26803-nerazdelennyj-narod.html).

Языковая ситуация в сфере образования в Казахстане

Савин И.С.

Сегодня уже стали очевидными тенденции языковой ситуации в образовательной сфере Казахстана. Число обучающихся в средней школе на казахском языке растет, а число обучающихся на русском языке сокращается. Также сокращается количество обучающихся на других языках. В учреждениях среднего образования расширяется сфера казахского языка как языка обучения, сокращается сфера применения русского языка, но он остается языком, на котором среднее образование получает почти треть всех школьников Казахстана, в том числе более полумиллиона человек нерусского населения. Тенденция, такова, что все большая часть языковых меньшинств переходит на обучение на казахском или русском языке.

В Казахстане, по данным Агентства по статистике РК, на начало 2006/2007 учебного года, в 8 055 дневных школах училось 2 715,9 тыс. человек. Из них 1571,7 тыс. человек (57,8%) на казахском языке, 1040,9 тыс. человек (38,3%) – на русском языке и 103,3 тыс. человек (3,7%) на других языках (узбекском, уйгурском, таджикском).

Картина еще более усложнится, если мы рассмотрим обучение на разных языках в разрезе национальности учащихся. Как уже выше сообщалось, всего в республике учится в средних школах на казахском языке 1 571 731 человек из них – не казахов 23 485 человек. На русском языке учится 1 040 914 человек, из них не русских - 616 897. К примеру, только казахов учится на русском языке 362 347 человек, а русских на казахском 2485.

Если же говорить о тех относительно многочисленных этнических группах, для которых невозможно обеспечение общеобразовательными школами (в силу рассеянного расселения в масштабах республики и отсутствия заявок со стороны родителей), то и у них распространена тенденция обучения на нескольких языках, чаще всего на русском. Это касается не только так называемых «славянских» и «европейских групп», но и так называемых «кавказских» и « азиатских».

Например, не удивительно, что 86 783 учащихся украинцев, белорусов, болгар, поляков и немцев выбрали для обучения русский язык и лишь 256 – казахский. Вполне объяснимо, что 53 209 учащихся кавказских народов (грузины, армяне, ингуши, чеченцы, курды), романских народов (молдаване), финно-угорских народов (мордва, марийцы, удмурты), восточных

народов (китайцы, корейцы, дунгане), а также греков, персов, цыган и евреев выбрали русский язык и лишь 4 275 – казахский. Их языки далеки от казахского по своему строю и происхождению и исторически никак не связаны с ним. Но и среди представителей тюркской семьи языков (азербайджанцы, башкиры, каракалпаки, киргизы, татары, чуваши, турки) 63 949 выбрали русский язык и лишь 7 611 казахский. Только у каракалпаков число обучающихся на казахском языке (288) превышает число обучающихся на русском языке (112).[1]

Из этой статистики следует, что в среднем образовании Казахстана на 15 году независимости сохраняли свое распространение методические системы на 5 языках и что русский язык не утратил своей устойчивой популярность среди учащихся не русской национальности.

Через два года картина несколько меняется. В 2008/2009 учебном году число школьников обучающихся на русском языке сократилось с 38,3 до 35,5% от общего числа учащихся, а число обучающихся на казахском языке увеличилось с 57,8% до 60,6%. Учитывая, что за этот период на 6,2% уменьшилось общее количество учащихся, можно предположить, что в основе сокращения числа учащихся на русском языке лежат в основном причины демографического характера (меньшее число русских школьников). Хотя, нужно отметить, что в прессе иногда встречаются сообщения о том, что органы образования порой волевым порядком расформировывают русскую школу, а чуть позже в этом же здании организуют школу с обучением на казахском языке. Тем не менее, тот факт, что общее число учащихся сократилось на 6,2%, а число учащихся на русском языке на 2,8%, свидетельствует, что образование на русском языке сохраняет свою популярность.

Если говорить о высшем образовании, то в целом, доля студентов обучающихся на русском языке также сократилась с 54,8% до 50, 74%, а доля студентов обучающихся на казахском языке возросла с 43,9% до 47,6%. Но если учитывать, что количество студентов уменьшилось за два года на 17,5% и уменьшилось абсолютное число студентов, обучающихся на казахском языке, то можно считать, что темпы уменьшения доли студентов обучающихся на русском языке незначительны и на нем попрежнему обучается большинство студентов.[2]

Через четыре года ситуация со школьным образованием выглядит следующим образом. По данным Агентсва по статистике на начало 2012/2013 учебного года в Республике Казахстан действовало 7 636 дневных общеобразовательных школ, из которых 7 529 или 98,6% являются

[1] Справка, выданная по запросу автора в Агентстве по статистике. Полевые материалы автора.
[2] Там же.

государственными. На начало 2012/2013 учебного года численность учащихся в дневных общеобразовательных школах составила 2533,9 тыс. человек[3].

В том же учебном году в дневных общеобразовательных школах обучение детей велось на 7 языках: казахском, русском, узбекском, уйгурском, таджикском, немецком и английском.

В Казахстане преобладают школы с казахским языком обучения – 3 838 и русским – 1 442. Также обучение ведется на узбекском – 60 школ, уйгурском -13 школ, на английском языке - 8 школ и на таджикском - 2 школы. Кроме того, в 2161-х школах обучение ведется на двух и более языках. По сравнению с прошлым учебным годом число школ, в которых обучение ведется только на узбекском языке, увеличилось на 2 школы.

В 2012/2013 учебном году в школах республики, в рамках образовательной программы, а также факультативно и как самостоятельный предмет организовано изучение: дунганского (4140 учащихся), турецкого (2194 учащихся), уйгурского (4087 учащихся), английского (1624 учащихся), польского (645 учащихся), курдского (426 учащихся), азербайджанского (339 учащихся), корейского (197 учащихся), татарского (42 учащихся) и других национальных языков.[4]

Через 5 лет, в 2015-16 учебном году число школ с казахским языком обучения составило 3817, с русским языком – 1323, на таджикском 14, на уйгурском – 4, на узбекском -11, на других языках – 18[5]. Сокращение числа школ с казахским языком обучения вызвано оптимизацией и укрупнением мелких сельских школ, числа школ с русским языком обучения – изменением в некоторых регионах этнического состава контингента учащихся и перепрофилированием школ в двуязычные. Увеличение числа школ с таджикским языком обучения и резкое сокращение числа школ с уйгурским и узбекским языками обучения – также переводом школ из формата моноязычных в двуязычные и наоборот, исходя из изменений административных границ в некоторых районах Южного Казахстана.

На начало 2013/14 учебного года 1660,4 тысяч человек обучались на казахском языке, 808,5 тысяч человек – на русском языке, 78,8 тысяч человек – на узбекском языке, 14,4 тысяч человек – на уйгурском языке, 3,9 ты-

[3] http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/EducationpublBullS13-2013?_afrLoop=10083830187976910#%40%3F_afrLoop%3D10083830187976910%26_adf.ctrl-state%3D19ctqu91xk_67

[4] http://www.stat.kz/publishing/20121/kazahstan%202011.pdf

[5] http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/EducationpublBullS13-2016?_afrLoop=10084579795948148#%40%3F_afrLoop%3D10084579795948148%26_adf.ctrl-state%3D19ctqu91xk_84

сяч человек – на таджикском языке, 0,2 тысяч человек – на немецком языке, 2 тыс. чел. – на английском языке[6].

В 2017/2018 учебном году 1960, 6 тысяч человек обучалось на казахском языке, 909,5 тысяч человек – на русском, 101,9 тысяч человек на других языках[7]. То есть, за 6 лет, число школьников обучающихся на казахском языке увеличилось на 300 тысяч человек, на русском языке – почти на 100 тысяч человек, число школьников, обучающихся на других языках увеличилось примерно на 2,5 тысячи человек. Вряд ли эти изменения можно объяснить только демографическими причинами. Скорее всего, часть школьников, ранее обучающихся на других языках (прежде всего узбекском и уйгурском), стала обучаться на казахском или русском языке. Это может свидетельствовать как о добровольном выборе родителей и учеников, выбирающих тот язык обучения, который открывает более широкие перспективы на образовательном рынке Казахстана, где доминируют государственные гранты на казахском и русском языке, так и о некомфортной ситуации в школах, которые из школ с преподаванием на одном из языков меньшинств (узбекском, уйгурском, таджикском) были переведены в формат двуязычных школ с добавлением чаще всего преподавания на казахском языке и изменения всей учебной программы.

Таким образом, в период с 2006 по 2017 г., число обучающихся на казахском языке увеличилось на 389 тыс. человек и составляет сегодня 64,5% всех учащихся (57,8% в 2006 году). За это же время число обучающихся на русском языке сократилось на 143 000 человек, что составляет 29,9% всех школьников (38,3% в 2006 году). На 1, 4 тыс. человек уменьшилось число обучающихся на других языках и сегодня оно составляет 3,3% от общего числа школьников (3,7% в 2006 году).

Всего в 2015-2016 году в школах училось 2 037 тыс. казахов, что означает, что часть из них обучается не на казахском языке. 370 тыс. человек составляет число русских школьников, то есть 539 тыс. школьников учится на русском языке, не будучи русскими. В 2006 году таких было 616 тыс. человек. Число узбеков среди школьников - 108 613 тыс. человек, что означает, что около 30 тыс. из них выбрали обучение не на узбекском языке.

Среди 10 тысяч школьников – таджиков, на таджикском языке учатся около 4 тыс. человек, среди 46 тыс. школьников уйгуров, на уйгурском – около 15 тыс. человек. Можно заключить, что в учреждениях среднего образования расширяется сфера применения казахского языка в качестве

[6] http://stat.gov.kz/faces/publicationsPage/publicationsOper/homeNumbersEducation/EducationpublBullS13-2013?_afrLoop=1015468959189415 1#%40%3F_afrLoop%3D10154689591894151%26_adf.ctrl-state%3D1du7l2nwv1_110

[7] http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersEducation?_afrLoop=10081176245841830#%40%3F_afrLoop%3D10081176245841830%26_adf.ctrl-state%3Dqkyopryg4_50

языка обучения, сокращается сфера применения русского языка, но он остается языком, на котором среднее образование получает почти треть всех школьников Казахстана, в том числе более полумиллиона человек за пределами сообщества русских. Все большая часть языковых меньшинств переходит на обучение на казахском или русском языке. Эта доля колеблется от 25% учащихся средних школ у узбеков до 65% у уйгуров. В последнем случае можно говорить как о неизбежном и естественно выборе представителями этнических меньшинств казахского языка в качестве средства интеграции в образовательное и социальное пространство Казахстана, так и о результатах чрезмерного рвения чиновников от образования на местах, где школы с узбекским и уйгурским языками обучения ускоренно и не всегда согласованно с коллективами, уверенно переводят в смешанные казахско-узбекские и казахско-уйгурские. Это отмечается, например) в Туркестанской (ранее Южно-Казахстанской) и в Алматинской области. Причем в Туркестанской области в последний год зафиксировано повышенное желание родителей отдавать своих детей в классы с русским, а не казахским языком обучения. Учитывая, что миграция в Россию не является здесь очень распространенным явлением, мотивы родителей понять трудно. То ли они считают, что образование на русском языке более качественное, а казахским языком они и так владеют, то ли это своеобразная форма протестной реакции на чрезмерные усилия по распространению казахского языка.

Что касается высшего образования, то, по данным Агентства по статистике РК, на начало 2012/2013 учебного года в Республике Казахстан действовало 139 высших учебных заведений (далее ВУЗ) общая численность студентов составляет 571 691 человек. Из общего числа ВУЗов 53 являются государственными, в них обучается 280 422 студента или 49% от общей численности студентов ВУЗов всех видов собственности.

Численность студентов, обучающихся на государственном языке, составила 322 042 человека или 56,3%. Наряду с обучением на казахском языке, обучение в ВУЗах проводится на русском – 41,7% и английском – 1,9% языках. На начало 2012/2013 учебного года в ВУЗах республики обучались представители более 85 национальностей. Удельный вес обучающихся казахов составил 80,8%, русских – 12,5%, узбеков, украинцев, татар – в пределах 0,7 – 1,5%, прочих национальностей – 3,5%.[8]

В 2017\2018 учебном году общая численность студентов составила 496 209 [9]. Из них 318 896 (64,2%) обучалось на казахском языке, 158 267 (31,9%) - на русском языке, 18 650 – на английском языке (3,7%), 387

[8] http://www.nomad.su/?a=3-201301240029

[9] http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersEducation?_afrLoop=10162392438856229#%40%3F_afrLoop%3D10162392438856229%26_adf.ctrl-state%3Dm3glc2xu8_26

(0,07%) на другом языке. Среди студентов 429 353 человек (86,5%) казахов, 30 351 человек (6,1%) русских, 10 187 человек (2%) узбеков, 3 547 человек (0,7%) уйгуров.

В 2016 году доля казахов среди выпускников средних школ 76%, русских -11,3%, узбеков 4,8%, уйгуров – 1,4%. Среди поступивших в 2017 году в высшие учебные заведения 138 178 тысяч человек 117 147 (84%) - казахи, 9 060 (5,9) русские, 2907 (2,1%) узбеков, 1087 (0,8%) уйгуров. Заметно, что доля казахов среди выпускников 2016 года и поступивших на первые курсы высших учебных заведений в 2017 году примерно совпадает, тогда как у русских, узбеков и уйгуров доля поступивших примерно в 2 раза меньше, чем доля выпускников. У нас нет доступной статистики для одного и того же года, но, как представляется, вряд ли ситуация может измениться за один год и можно говорить об определенной тенденции. В отношении русских выпускников Казахстана, возможно, одним из объяснений будет стремление части из них продолжить образование в России. Что касается узбеков и уйгур, то наблюдаемые диспропорции, возможно, вызваны трудностью подготовки и прохождения тестовых испытаний на получение государственных грантов, которые предусматривают, за небольшим исключением, обучение только на казахском и русском языках. Видимо, несмотря на внедряемые программы по билингвальному образованию в школах с узбекским и уйгурским языком обучения, сложности сохраняются.

К тому же, нельзя исключать ориентацию части молодежи на традиционную занятость в семейных предприятиях, прежде всего в агро-секторе и сфере обслуживания. Приходилось слышать объяснения от родителей выпускников узбекских школ, что они предпочитают отдавать детей учиться на электромеханика или парикмахера, так как это надежные профессии без лишних амбиций.

Как бы там ни было, можно ожидать, что в будущем сохранятся те же пропорции в национальном составе и распределении по языкам обучения среди студентов. К примеру, в 2018 г. на начало мая, по данным Национального центра тестирования 96 063 выпускника средних школ из 146 тысяч подали заявку на участие в тестах, дающих право на поступление в вузы. Причем 73 тысячи из них, или около 80% выпускников, обучались на казахском языке.[10]

В рамках системы технического и профессионального, послесреднего образования в Республике Казахстан в 2017\2018 году обучается 489 337 человек.[11] Из них, на казахском языке учится 289 835 человек (59,1%), на

[10] http://www.inform.kz/ru/80-vypusknikov-podayut-zayavki-na-sdachu-ent-na-kazahskom-yazyke_a3239392
[11] http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersEducation?_afrLoop=10081176245841830#%40%3F_afrLoop%3D10081176245841830%26_adf.ctrl-state%3Dqkyopryg4_50

русском - 198 568 человек (40,6%), на английском – 737 человек (0,15%), на уйгурском 97 человек (0,01%). Среди учащихся 359 367 человек (71,6%) - казахи, 73 159 человек (14,9%) - русские, 15 992 человек (3,2%) - узбеки, 7632 (1,5%) уйгуры. Можно отметить, что пропорции национального состава учащихся училищ и колледжей отличаются от таких же пропорций студентов высших учебных заведений: среди учащихся несколько ниже доля казахов и выше доля русских, узбеков и уйгуров. Как представляется, причины большей доступности\привлекательности высшего образования для казахов и среднего – для русских, узбеков и уйгуров не являются очевидными и должны стать предметом дополнительных исследований.

В целом можно отметить, что только после 2012 г. количество студентов всех типов и учеников средних школ, обучающихся на казахском языке, стало заметно превышать количество тех, кто обучается на русском языке. Среди студентов вузов доля обучающихся на казахском языке возросла за 10 лет с 43,9% до 64,2%, тогда как среди обучающихся на русском языке произошло снижение с 54,8% до 31,9% от общего числа студентов. Сокращение числа обучающихся на русском языке и русских студентов и школьников можно было бы объяснить особенностями демографической структуры русских Казахстана, среди которых б**о**льшую, чем у казахов долю представляют люди послешкольного возраста.

Таблица 1. Динамика изменений языка обучения в средней школе Казахстана

	2006/2007 учебный год	**2017/2018 учебный год**
Обучение на казахском языке	1 571,7 (57,8%)	1960,6 (64,5%)
На русском языке	1 040,9 (37,3%)	909,5 (29,9%)
На других языках (узбекском, уйгурском, таджикском, английском, немецком)	103,3 (3,7%)	101,9 (3,3%)
Всего учащихся	**2 715,9 тыс. чел.**	**2 972 тыс. чел**

Почему так отличаются доли разных этнических групп среди студентов высших и учащихся средних и технических учебных заведений и почему не увеличивается число обучающихся на узбекском и уйгурском языке при увеличении контингента учащихся из этих сообществ? На эти вопросы пока нет однозначного ответа. Скорее всего, происходит трансформация языковой ситуации. В условиях увеличивающейся доли казахского населения в составе всех граждан страны и казахского языка в социально-

культурной сфере, все сильнее ощущается потребность в овладении им. Вместе с тем, в условиях сокращения культурного разнообразия возрастает со стороны этнического большинства ассимиляционная нагрузка на этнические меньшинства в виде повышенных ожиданий, а в ряде случаев и требований.

Английский язык в мультикультурной Великобритании (к проблеме коммуникации и интеграции)

Руднев В.В.

Английский язык в форме разных диалектов в разговорной форме используется сегодня 98% населения Великобритании (59,8 млн чел.). В стране также используются кельтские, романские языки и языки народов Азии и Европы, привезенные в страну иммигрантами.

Проблема языковой компетентности весьма актуальна сегодня для Великобритании т.к. прибывающие в страну иммигранты часто слабо владеют английским языком. Согласно исследованиям Национального фонда грамотности (благотворительная организация, которая проводит исследования по проблемам грамотности населения и занимается сбором средств на мероприятия, направленные на повышение уровня грамотности), в стране немало людей плохо умеющих читать.[1] Вопрос языковой компетентности особенно актуален в контексте проблем социализации. Тони Блэр (премьер-министр лейбористского правительства в 1997-2007 гг.) в своем выступлении после произошедших террористических актов в Лондоне в 2005 г. обратил внимание британской общественности на то, что в стране много иммигрантов живут изолированно в общинах на протяжении десятилетий, и они так и не научились говорить на английском языке.[2]

Фактически, языковые проблемы превратились в преграду, тормозящую процесс интеграции иммигрантов в британском обществе. Низкий уровень языковой компетентности приезжих создает угрозу для благополучия британского общества т.к. именно английский язык открывает доступ к эффективному участию в социально-экономической жизни страны.

На территории Великобритании действуют курсы английского языка, которые финансирует правительство. Преподают там преимущественно волонтеры. Специальная программа English for Speakers of Other Languages (ESOL) ориентирована на обучение иммигрантов английскому языку. Эта программа активно помогает иммигрантам интегрироваться в британское общество.

Между тем, проблема повышения языковой компетентности иммигрантов имеет много аспектов. В этом контексте представляется полезным рассмотреть некоторые особенности функционирования английского языка в стране и специфическое положение общин в Великобритании.

---

[1] Хан А. Государственные библиотеки Великобритании во времена жесткой экономии // Библиотековедение 2014, № 1, с.87.

[2] Simpson J. Adult language education and migration, 2015.

Языки народов мира органично связаны с социально-культурной сферой и этот факт придает особую важность изучению языков в контексте истории и культуры. Это хорошо иллюстрирует история английского языка. За полтора тысячелетия английский язык прошел путь от локальных племенных германских диалектов (на которых говорили 150 тыс. человек) до языка международного общения для 1,5 миллиардов человек. Поглощая одни языки и оказывая влияние на другие языки, английский язык занял особое место в мировой культуре.

В современном мире уровень знания человеком английского языка стал важным социально-культурным маркером. В странах Старого света (от Японии до Великобритании) хорошее знание английского языка открывает дополнительные возможности для успешного социального роста. В Японии английский язык является обязательным предметом обучения. В Великобритании хороший английский язык (Standard English), использующий нормативное произношение, является определенным маркером отражающим принадлежность к определенным слоям общества. Этим языком пользуются в классических гимназиях, в среде университетских интеллектуалов, государственных чиновников, журналистов. Например, по мнению прессы, успешной политической карьере Тони Блэра, бывшего премьер-министра лейбористского правительства, родившегося в Шотландии, способствовало хорошее знание английского языка, приобретенное в Оксфордском университете.

Особенностью функционирования английского языка в Великобритании является наличие многообразных разговорных форм (вариантов) языка. Следствием этого является «двуязычие». Исследователь английского языка М. Брэгг, вспоминая детство проведенное в городе Уигтон (графство Камбрия, на северо-западе Англии), так описывает это двуязычие: «Один (язык) был предназначен для дома и улицы, второй для школы, моего собственного литературного творчества, а затем для университета и для Лондона …».[3] Он уточняет: «.. мы не просто употребляли забытые или отвергнутые «образованными» (людьми) слова, но и произносили их с сильнейшим акцентом».[4]

Широкое распространение английского языка по миру, в процессе расширения колониальной империи, способствовало появлению множества диалектов английского языка в разных частях мира (образовавшихся в процессе взаимодействия с другими языками). Лингвисты особо разделяют языки World Englishes (которые активно заимствуют слова из других языков) и World English (который служит для обеспечения потребностей тор-

[3] Брэгг М. Приключения английского языка М. 2013, с. 9.
[4] Там же, с. 8.

говли, бизнеса, дипломатии и др. сфер международной деятельности). Именно иммигранты, прибывающие в Великобританию из разных регионов мира доставляют в страну слова, фразы и новые конструкции (относящиеся к языкам World Englishes). Определенной преградой, призванной защитить Standard English от этого влияния является «Оксфордский английский словарь». Это – лексический канон, который является фильтром предназначенным содействовать сохранению и развитию английского языка. Этот словарь часто допускает заимствования, связанные с техническими новинками (компьютерными технологиями и т.п.). Слова из хинди, суахили и др. языков с трудом получают доступ на страницы этого словаря. Между тем, достаточно самостоятельное развитие английских языков (World Englishes) в Америке, Австралии, Южной Африке, отмечаемое исследователями, позволяет некоторым лингвистам допустить предположение, что со временем это будут самостоятельные языки на основе английского языка (как латынь стала основой для развития романских языков). Впрочем, другие исследователи считают, что World Englishes будут сближаться, а различия между вариантами исчезнут.[5]

Доставляемые иммигрантами в Британию варианты английского языка из разных уголков мира (как и слова из других языков) сегодня обогащают язык улицы, повышая (на локальном уровне) многообразие местных вариантов английского языка.

В Великобритании проживает более 6 миллионов иммигрантов. Рост числа иммигрантов способствовал тому, что проблема языковой компетентности превратилась в существенную проблему для британского общества. В стране традиционно проводится политика по поддержке общин. Иммигранты, обосновавшиеся в общине, могут иметь мало контактов с внешним миром. Многие общины ведут достаточно активный, но замкнутый образ жизни.

В общинах издаются газеты, ежемесячные информационные бюллетени на родном языке, работают магазины, службы сервиса и социальной поддержки. Например, польская община, насчитывающая в Великобритании более 1 млн чел., имеет многочисленные магазины, супермаркеты, салоны красоты, офисы юристов и т.п., созданные специально для нужд общины. Учитывая возросший поток польских иммигрантов в Великобританию после 2004 г. некоторые британские банки (Barclays, Nat West) стали предоставлять на польском языке услуги по обслуживанию банковских карт.[6]

[5] Jenkins J. World Englishes. A Resource Book for Students. London, New York, 2003.
[6] Hack-Polay D.D. Migrant Integration: Case for a Necessary Shift of Paradigm//Journal of Identity and Migration Studies. 2008, Volume 2, number 1, P. 49.

С 2007 г. в стране легализована работа мусульманских третейских судов, применяющих нормы исламского права при разрешении гражданских споров между мусульманами.[7]

Фактически человек, связанный в повседневной жизни с общиной, может мало нуждаться в использовании английского языка.

* * *

Постиндустриальное британское общество предъявляет весьма высокие требования к мигрантам. Требуется языковая компетентность высокого уровня. Это определяет, в частности, востребованность обучающих технологий, обеспечивающих хорошее освоение английского языка. «Если Ваши дети не владеют английским языком, то Вы обрекаете их на жизнь полную ограничений» - эти слова британского правительственного чиновника адресованы семьям иммигрантов.

Новые технологии всегда играли особую роль в формировании английского языка и его положении в обществе. Появление книгопечатания, перевод Библии на английский язык активно способствовали унификации языка и зарождению общих норм письменного английского языка. Появление глобальной сети интернет обеспечило английскому языку особое положение в мире, в качестве базового языка в сфере образования и дистанционного обучения. Английский язык, фактически ставший латынью XXI века, сохранил в устной речи на территории Великобритании региональные особенности.

Распространение аудио книг стало важным шагом в жизни британского общества, открывающим дополнительные возможности для унификации разговорного английского языка и стимулирующим интерес к библиотекам. Это – потенциально важное дополнение к действующей в стране программе по культурной и языковой интеграции.

Сегодня 60% британцев имеют читательский билет, а число библиотек в Великобритании превышает число закусочных McDonald's.

Все политические силы Великобритании выражают готовность принять контролируемую миграцию, которая способствовала бы росту экономики. Но при условии достаточной "языковой компетентности" приезжих, обеспечивающей их социальную и культурную интеграцию.

[7] Хенкин С.М., Кудряшова И.В. Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Полис. Политические исследования, 2015. № 2, с. 149.

Социолингвистическая ситуация на севере Нигерии

Суетина Ю.Г.

Нигерия является одной из крупнейших стран Африки и самой населенной страной на этом континенте. Количество народов, а равно и количество языков, на которых говорят в Нигерии, точно неизвестно, так как до сих пор ученые, ведущие полевые исследования в этой стране, находят новые языки.[1] По оценкам нигерийского ученого А. Багмбоза, количество языков, на которых говорит население Нигерии, превышает 400.[2] На некоторых из них, таких как *хауса, йоруба, канури, ибо* или *фула* говорят миллионы людей, на других – лишь жители небольшой деревушки на плато Баучи или в горах Мандара.

Социолингвистическая ситуация на севере Нигерии отличается большой сложностью. Государственным языком Нигерии является английский язык, на котором ведется преподавание в средней школе и в высших учебных заведения.

Помимо английского языка в Нигерии существуют три главных местных языках. Это хауса на севере, йоруба на западе и ибо (*игбо*) на востоке страны. Но статус этих языков различен. Так, уже в средние века язык хауса стал выполнять функции лингва франка в Западном Судане, что было связано с тем, что города-государства хауса контролировали западный торговый путь через Сахару, связывающий страны побережья Гвинейского залива с арабскими государствами Северной Африки. Известный немецкий исследователь Генрих Барт, готовясь к путешествию по Центральной Африке, изучал хауса в Тунисе.[3] Во многих странах Западной Африки, таких как Гана, Того, Бенин, до сих пор существуют диаспоры хауса.

Политика косвенного управления, которой придерживалась Великобритания, в какой-то мере способствовала тому, что роль языка хауса нисколько не снизилась. Лагос, ставший столицей колонии, где располагалась британская колониальная администрация, находился на юге страны. Британское правительство поощряло чиновников, направлявшихся на работу в Нигерию, к изучению местных языков. Им и предназначались первые учебники языка хауса, например, учебник Ч. Робинсона[4]. Занимались изучением хауса и миссионеры. Так, первая грамматика хауса была составле-

[1] Так, немецкий лингвист Р. Легер открыл и описал новый язык *квами*, до него неизвестный. См. Leger R „Die Grammatik der Kwami-Sprache“, Köln, 1996

[2] The English Language in West Africa, Ibadan, 1971 p.4

[3] Barth H. Reisen und Entdeckungen in Central und West-Afrika. Gotha, 1854.

[4] Robinson Ch. Tht Hausa Language. Oxford, 1896.

на еще в середине 19 века немецким миссионером Фридрихом Якобом Шеном.[5]

Большую роль в развитии хауса сыграло Бюро переводов, созданное в начале 1930-х гг. в г. Зария, которым руководил Р. Ист. В своей деятельности Бюро не ограничилось переводом на хауса указов и распоряжений колониальной администрации, для чего подыскивались в арабском языке или создавались за счет внутренних ресурсом хауса новые термины, но и по инициативе Иста проводило конкурсы на создание современных произведений художественной литературы на хауса.[6]

Ученые, проводившие полевые исследований в Северной Нигерии, неоднократно отмечали, что представители малых народов, численность которых не превышает несколько тысяч, а часто и сотен человек, стремятся овладеть языком крупного народа, на территории которого они проживают. Для Северной Нигерии это язык хауса. Немецкие миссионеры, работавшие на северо-востоке Нигерии в 1960-е гг., писали, что молодые люди из маленьких этнических сообществ, населявших горный массив Мандара, стремились выучить хауса, чтобы найти работу в городах, куда они были намерены переселиться. Вместе с тем, неоднократные попытки властей ввести «сверху» обязательное изучение хауса для малочисленных народностей всегда приводили к обратным результатам. Так, в 1968 г. правительство Якубу Говона попыталось ввести обязательное изучение языка хауса в начальных школах в районе плато Баучи в Центральной Нигерии, где этот язык и так был распространен в качестве лингва франка. Это вызвало волнения, в результате которых погибло около 280 человек.[7] Правительство было вынуждено отменить свое распоряжение.

Другими крупными языками Северной Нигерии являются *канури*, на котором говорит большинство населения штатов Борну и Йобе, и *фула*. Фула или как их называют фульбе – дисперсионный народ, занимающийся отгонным скотоводством. Интересен тот факт, что в начале 19 века в результате джихада Усмана Дан Фодио города-государства хауса перешли под власть фульбе, однако сами победители очень быстро восприняли язык народа хауса и были ассимилированы этим народом. И сейчас в Нигерии очень часты браки между хауса и фульбе, однако дети в таких семьях, как правило, практически не знают язык фула, а говорят на хауса. Наш информант из города Кадуна Хассан Бала Салиху как раз из такой семьи: его отец фула, а мать хауса. В его семье разговаривали только на хауса. Но по его сообщению, даже дети из семей, где оба родителя – фула, в школе об-

[5] Schön F.J. Magana Hausa. London, 1858.

[6] В результате этого конкурса были созданы такие произведения на хауса как “Gandoki” Белло Кагара, “Ruwan bagaja” Абубакара Имама и др.

[7] См. Gaskiya ta f kwabo, 1968. 5 Dec., p.1/

щались между собой и другими учениками исключительно на хауса. Недавно на сайте радиостанции «Немецкая волна, ведущей вещание на хауса, был размещен репортаж из Ганы под заголовком «Кто настоящий хауса?». Автор репортажа пишет, что если в Гане представители двух этнических групп вступают в брак, то они во многих случаях предпочитают общаться между собой не на языке мужа или жены, а на хауса. В современной Нигерии есть немало писателей, фульбе по происхождению, но пишущих на хауса, например, Хафсату Абдульвахид, автор многочисленных романов. О престиже языка хауса говорит и тот факт, что известная нигерийская писательница Рахма Аль-Маджид, автор ряда социальных романов об участи женщины в современной Нигерии, пишет на хауса, хотя сама она является дочерью суданского араба и женщины-йоруба.

По конституции 1979 г., когда Нигерия перешла к гражданскому правлению, было записано, что деятельность Национального Собрания Нигерии ведется на английском языке, а также дополнительно на хауса, йоруба и ибо, как только будут созданы необходимые для этого предпосылки. Это было подтверждено и в конституции 1989 г. Но на деле оказалось, что только хауса мог выполнять роль официального языка в некоторых штатах Северной Нигерии. Так, в штатах Кано и Кадуна на хауса проходили дебаты в законодательном собрании и велась официальная переписка. На хауса издавалось и большое количество газет, среди которых и одна из старейших газет на местных языках Тропической Африки “Gaskiya ta fi kwabo” – «Правда дороже денег». Наряду с этой газетой, издавались также “Amana” «Доверие», “Kakaki”«Какаки», “Albishiri”«Альбишир (приятная новость)», “Zuma” «Мед» и др.

Подобный перевес в сторону одного из основных языков вызывал вполне понятную обеспокоенность федеральный властей, так как усиливал давние противоречия между Севером и Югом. Сюда примешивались и религиозные противоречия между мусульманами, составляющими большинство населения Северных районов, и христианами, как правило, выходцами из южных штатов. Федеральное правительство принимало меры, чтобы сгладить это различие. На телевидении Нигерии появилась передача под названием Wazobiya. Это название было составлено из глагола «приходи» на трех главных нигерийских языках – йоруба, хауса и ибо. Целью этой передачи было побудить нигерийцев изучать языки друг друга. Однако большого успеха эта передача не имела и вскоре ее транслирование было прекращено.

В настоящее время на севере Нигерии главным языком можно считать хауса, который является официальным языком штатов Сокото, Кано, Кацина и Кадуна. На хауса ведется обучение в начальной школе. Но уже в средней школе занятия ведутся на английском языке и учителя строго сле-

дят за тем, чтобы школьники не переходили на родной язык.[8] Однако на переменах и после окончания занятий школьники разговаривают на родном языке. На хауса ведется работа полиции, местных органов власти, заседание судов, особенно шариатских, где протоколы ведутся на хауса, но записываются не латинской графикой, а *аджами*. В больницах официальным языком является английский язык, однако общение ведется в основном на хауса. В крупных супермаркетах или в ресторанах «Мр. Биггс» - аналог ресторанов МакДональдс – общение ведется в основном на английском языке, тогда как на рынках, в мелких магазинах и кафе разговаривают в основном на хауса. В мечетях имамы произносят проповеди на арабском языке, но с переводом на хауса. На хауса издаются популярные журналы, такие как “Bidiyo” «Видео», “Marubuciya” «Писательница», “Nishadi” «Удовольствие». Появились и сайты на хауса, например, www.gumel_com. На хауса снимается ежегодно большое количество видеофильмов, недаром киноиндустрия севера Нигерии получила название Канивуд – по аналогии с Голливудом и Боливудом в Индии.

Язык хауса усиливает свои позиции и в тех штатах, где хауса составляет меньшинство, например, в штате Борну. По данным Конрада М. Бранна,[9] в этом штате на хауса ведется преподавание в начальных школах, работа в местных органах власти, ведется радиовещание, ставятся пьесы на хауса, а не на канури, который является языком основной части населения этого штата. На местном рынке торговля растительными продуктами питания, зерном и специями ведется на канури, а торговля мясом и кожами – на хауса, так как хауса традиционно занимаются торговлей этими видами товаров. Но основным языком общения на рынке является не канури, а хауса. Хауса используется также в сфере здравоохранения, особенно у местных целителей, в судах и даже в Законодательном Ассамблеи штата, большинство из членов которого являются канури, выступления ведутся на английском языке и на хауса. Язык хауса, а также другие местные языки изучается в университете Абдуллахи Байеро в Кано, где каждые два года проходит международная конференция по проблемам языка хауса (Makon darajar harshen Hausa – *неделя почета языку хауса*), в работе которой принимают видные африканисты из стран Западной Европы, США, Японии и Китая.

Другим крупным языком Севера Нигерии является *канури*. Народ канури проживает в северо-восточной части Нигерии, в штатах Борну и Йобе. В средние века империя Канем-Борну играла важную роль в Западном Судане и некоторое время города-государства хауса даже платили ей дань.

[8] Сообщение нашего информанта Амину Адаму из Кацины.
[9] Brann C.M.B. Urban Linguistics in Nigeria. The Example of Language Use in Maiduguri Metropolitan. Maiduguri, 1993

Однако статус языка канури всегда был ниже, чем статус хауса. Так, например, в языке канури можно встретить довольно большое число заимствований из хауса, тогда как заимствования из канури в хауса носят единичный характер. В г. Майдугури, являющимся столицей штата Борну и официальной резиденцией традиционного правителя канури – Шейху, при дворе правителя разрешается разговаривать на канури и арабском языках, хотя в настоящее время допускается и речь на хауса, но с последующим переводов на канури. На канури ведется обучение в начальной школе, издается литература, предназначенная, в основном, для школ. В противовес Законодательном собранию штата, в Совете, председателем которого является Шейху, больше используется канури, чем хауса, а английский язык практически не допускается.[10] Канури также используется артистами, дающими представления при дворе Шейху.

Интересны результаты опроса, проведенного среди населения г. Майдугури: канури сохраняют верность своему родному языку, однако среди людей в возрасте от 40 лет и старше 15,5% используют хауса как второй язык. Среди людей в возрасте 19 – 39 лет число тех, кто использует хауса как второй язык составляет уже 42,5%, тогда как среди лиц, моложе 18 лет, их численность превышает 50%. Но в Майдугури проживает довольно большая диаспора *ибо* (около 20 тыс. человек). Из опрошенных 250 семей ибо, только 5 % используют родной язык, наряду с английским и пиджином. Большая часть предпочитает общаться на хауса.[11] Опросы, проведенные на предприятии Нигерийской компании по производству кока-колы, показали, что из 250 сотрудников предприятия 28% пользуется английским языком. Это руководство предприятия – йоруба, но которые также говорят на хауса, инженеры и технологи – ибо, пользующиеся наряду с английским и пиджином, и клерки, тогда как рабочие, набранные из различных частей Нигерии и из Чада, общаются на хауса (31%).[12]

Как уже говорилось, государственным языком Нигерии является английский язык. Казалось бы, в эпоху глобализации позиции английского языка должны укрепляться и его роль возрастать. Как сообщают СМИ, представители народа *ибо*, населяющего юго-восточные районы Нигерии и являющегося третьим по численности народом этой страны стремятся отдавать своих детей в школы, где обучение с самого начала ведется только на английском, считая, что знание именно английского, в не родного языка

[10] Item p. 385
[11] Opoku-Agyeman K. , Bulakarima U. The present status of Kanuri and Hausa in the Maiduguri Metropolis: symbiosis or osmosis? Annals of Borno V, 1988, p. 1-15.
[12] Brann K.M.B, p. 392.

даст их детям лучшие шансы.[13] Но совсем иначе обстоит дело в Северной Нигерии.

В декабре 2018 г. ко мне обратились сотрудники RT с просьбой помочь с переводом отснятого ими на северо-востоке Нигерии фильма о борьбе с террористической организацией Боко Харам. Как рассказал режиссер фильма, все члены съемочной группы прекрасно владеют английским языком, поэтому, зная, что государственным языком Нигерии является английский, они не ожидали никаких затруднений. Прибыв на место, они с удивлением обнаружили, что практически лишь отдельные лица говорят по-английски, притом на таком английском, который невозможно понять. Все герои этого фильма, а это были представители *марги, канури* и некоторых других небольших народов, населяющих горный массива Мандара, говорили на языке *хауса*, причем, как можно было отметить, на прекрасном хауса.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что язык хауса не только не утрачивает свои позиции на севере Нигерии, но и расширяет их. Хотя английский язык и является государственным языком Федеративной Республики Нигерия, его преподавание в школах ведется на недостаточно высоком уровне. Об этом свидетельствует и тот факт, что по официальным данным, более 68% выпускников средник школ Нигерии оказались не в состоянии сдать экзамен WAEC (Westafrican English Council), дающий право на обучение в высших учебных заведениях. в свете последних событий можно говорить о том, что если ситуация не изменится,[14] то язык хауса постепенно вытеснит английский язык из сферы официального общения и имеет все шансы стать официальным языком Севера Нигерии.

[13] https://www.dw.com/ha

[14] Имеются ввиду атаки экстремистской организации Боко Харам, название которой переводится как европейское образование незаконно. Эта организация требует установление шариатских норм на всей территории Нигерии. Нормы шариата уже были введены в 12 штатах, расположенных в северной и центральной Нигерии.

Часть 2. ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ И ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ

Измерение культурного многообразия России

Степанов В.В.

В странах Западной Европы среди политиков и части научного сообщества принято считать, что Россия, как наследница бывшего СССР, с его государственной доктриной «наций и народностей», национально-административным устройством и национальной (этнической) политикой, отличается от прочих стран мира тягой к политическому этнографизму, к стремлению «распределить» и учитывать своих граждан по этническим «национальностям». Однако в современной России пресловутая графа уже давно изъята из гражданского паспорта, почили и соответствующие виды официальной статистики. Без малого три десятка лет действуют конституционные нормы о полной свободе каждого (не только граждан, но и всех людей, находящихся в России) по своему усмотрению определять и указывать свою национальную принадлежность, изучать и использовать родные языки, поддерживать традиции и культуру. При этом термин «национальная принадлежность» также открыт для свободного понимания. Одни понимают его именно в этнографическом смысле, другие подразумевают принадлежность гражданскую или географическое происхождение. Иные вкладывают религиозный смысл. Все это разнообразие современные российские переписи учитывают. Но, конечно, опираясь на устойчивую российскую традицию, большинство людей имеет в виду именно этническую принадлежность, не используя, однако, само слово «этнический». Для массы людей данный термин остается непривычным и даже незнакомым. Это-то и подвигает противников российского метода переписи обвинять ее организаторов в некачественном способе измерений. Одни утверждают, дескать, вымышленные или «навязанные» населению категории вообще не имеет смысла учитывать и тратить на это государственные средства. Другие просят изменить формулировки переписного вопроса и спрашивать конкретно об «этничности», и ни о чем другом.

Следует или не следует государству учитывать культурные различия населения, обсуждать уже бессмысленно, поскольку в предстоящей Всероссийской переписи 2020 года, нравится это кому-то или нет, сведения о культурной сложности собраны будут. Такова программа переписи и таков федеральный закон, который установил, что перепись для Российской Фе-

дерации является основным источником официальной информации о национальном и языковым составе населения, и собираемые сведения соответственно включают данные о национальной принадлежности и языках переписываемых лиц.[1] Но вот вопрос из сферы научного пуризма, «что есть национальность», в канун предстоящей переписи прояснить бы следовало. А заодно и развеять сомнения насчет уместности переписного термина «родной язык».

Академические рассуждения на данную тему не заменят прямого обращения к массовой аудитории, ведь именно ей и адресована перепись. Поэтому в предваряющем 2019 году мы провели опрос населения в российских регионах, включая центр (Москва и область, Тульская обл.), волжские регионы (Мордовия, Саратовская обл., Пермский край), Северный Кавказ (Карачаево-Черкесия). Согласно установленным квотам, в каждом регионе методом случайного отбора были выбраны 300 человек (а в Москве 600), всего 2,4 тыс. респондентов. В каждом случае выборка формировалась в соответствии с местной демографической структурой населения, поэтому совокупно было опрошено лиц в возрасте 18-29 лет – 19%, в возрасте 30-59 лет – 55%, в возрасте 60 лет и старше – 26%. Каждая возрастная группа имела адекватное реальному населению названных регионов соотношение респондентов по полу. Прочие характеристики, в том числе этническая идентичность, намеренно не квотировались. По итогам выборки полученный массив опрошенных оказался сходным с генеральной совокупностью по социально-демографическим параметрам, уровню образования, занятости, длительности проживания в регионе, а также по этническому составу и иным характеристикам, так что доверять обобщенному мнению опрошенных можно.

Мы спрашивали респондентов, следует или не следует во время государственной переписи собирать сведения о культурном разнообразии населения. Опрос показал, что большинство опрошенных не только согласны с необходимостью сбора такой информации, но и заинтересованы в ней. Нам было важно выяснить общественную значимость культурных различий, поскольку «проблема» таких различий все чаще обсуждается в зарубежной Европе, где тема «ценностей» и «различий» становится чуть ли не базовой при обсуждении общественных рисков – миграционных, социальных и прочих.

Практически все респонденты, за исключением 5%, указали свою «национальность», понимая под этим термином именно этническую принадлежность. Несмотря на научные споры, следует ли отказать термину «национальный» в значении «этнический» и перейти на западноевропейское

[1] Федеральный закон "О Всероссийской переписи населения" от 25.01.2002 N 8-ФЗ (ред. от 11.12.2018).

понимание «национального» в значении «гражданский», население России легко и без всякой путаницы воспринимает термин «национальный» в двух значениях в зависимости от контекста. На вопрос, что для них в общем смысле означает «национальность», 75% сказали, что это не гражданство, а принадлежность к народу. А те 20%, кто ответил «по-европейски» (национальность – это гражданство), без проблем справились с ответом на вопрос «к какой национальности себя относите»,[2] указав именно этническую принадлежность.

Таблица 1. Мнение респондентов в регионах России о значении термина «национальность» (2019 г.)

Национальность – это …	в % от опрошенных
1). Гражданство	20,5
2). Принадлежность к народу	74,5
3). Другой ответ	2,0
4). Затрудняюсь ответить	3,0

Аналогичной является ситуация с пониманием респондентами термина «родной язык», с той однако разницей, что мы не предложили опрашиваемым вообще никаких вариантов ответа и ожидаемо получили от пятой части респондентов отказ дать определение («мы ведь не ученые»). Сюда отнесем и застенчивых респондентов, и «социологически ленивых», и тех, кто привык «отвечать с оглядкой» даже на анонимные анкеты. Но большинство свои ответы предоставили, что само по себе удивительно, поскольку в социологических опросах люди обычно неохотно дают какие-либо отвлеченные определения. В нашем случае некоторые респонденты попытались дать даже по два или три определения – видимо, положительная мотивация у них имелась. Были, например, такие рассуждения: «если человек растет в семье, то [родной – это] язык родителей и семьи, а если был оторван от культуры, то – который заменил ему изначальный», «в моем случае это тот, на котором думаю и говорю с рождения, в случае других – тот, какой они считают таковым по их личным критериям, нет четкого определения», «которым владеешь в совершенстве с детства, язык той страны в которой родился и вырос», «это язык, который тому или иному человеку дан при рождении, на котором он говорит и говорил всю свою сознательную жизнь, а также это язык одной общей национальности», «как правило, язык на котором ты говоришь с детства, их может быть несколько», «на котором говоришь с детства, но мог и забыть его». Были и лако-

[2] В своих исследованиях ежегодно мы задаем два стандартных вопроса «По желанию скажите, к какой национальности вы себя относите» и «Укажите также вторую национальность, если имеете».

ничные суждения: «как у всех», «[язык] детства», «где родили», «где живешь», «домашний», «моей страны», «это как мать». Вариантов ответов было много, но по сути их несложно сгруппировать в десяток категорий: «на котором говорю / постоянный / привычный», «язык детства», «на котором думаю», «язык семьи/родственников», «язык народа/национальности», «язык страны/региона», «государственный язык», «русский и т.д.», «каждый определяет по-своему», «прочее» (в состав последней категории входят лишь 4% ответов). Эти категории, в свою очередь, можно укрупнить до четырех тематических «язык постоянного пользования», «язык детства, семьи, родственников», «национальный (этнический) язык», «язык страны, региона, государственный», плюс простое указание конкретных языков («русский», «татарский» и т.д.). При этом две первые и две вторые группы имеют смысловые пересечения, например, язык семьи и язык постоянного пользования. А обе пары также взаимосвязаны между собой, как это следует из ответов респондентов. Таким образом, академические споры, что понимать под родным языком и нужен ли он в государственной переписи, можно оставить научным журналам, а для населения родной язык представляет очевидный интерес и вмещает вполне обозримый набор определений.

Таблица 2. Мнение респондентов в регионах России о значении термина «родной язык». Приводятся обобщения свободных ответов, в том числе множественных (2019 г.)

Родной язык – это …	в % от опрошенных
язык постоянного пользования	33,9
язык детства, семьи, родственников	44,6
национальный (этнический) язык	7,0
язык страны, региона, государственный	16,5
русский язык	13,2
прочие ответы о родном языке	3,8
затрудняюсь ответить	21,6

Исследование показало, что языковая и этническая идентичность не является «помехой» для идентичности гражданской, они не «вытесняют» друг друга, а сосуществуют. При этом идентичность этническая занимает более приватную (персонализированную) часть самоидентификации респондента, а идентичность гражданская – его внешнюю, публичную сторону. В данном исследовании каждому респонденту был задан вопрос о предпочтениях, как бы ему хотелось, чтобы его воспринимали окружающие, – как гражданина России или как представителя отдельной национальности или как жителя определенного региона. Можно было дать не-

сколько ответов, в том числе, предложить собственный вариант. Большинство опрошенных предпочли, чтобы окружающие видели в них граждан страны – 79%, а из них пятая часть параллельно указала на значимость этнической или региональной принадлежности.

Таблица 3. Сочетание гражданской, этнической и региональной идентичности респондентов в регионах России (учитывались единичные и множественные ответы, 2019 г.)

В публичном пространстве склонны идентифицировать себя:…	в % от опрошенных
1). Как гражданина страны	78,6
2). Как представителя отдельной национальности	16,0
3). Как жителя определенного региона	13,0
4). Другой ответ	4,0
5). Затруднились ответить	6,2

В среде российских экспертов и управленцев распространено мнение о том, что общероссийская гражданская идентичность является лишь «прикрытием» для этнических групп. Высказывают мнение, дескать, этнические русские зачастую не склонны иметь гражданскую идентичность, тем самым, якобы утверждая свое «главенствующее» положение в стране. Обе точки зрения не подкрепляются социологическими фактами. Среди приверженцев гражданской публичной идентичности этнические русские составили как раз наибольшую долю – 91% в нашем массиве опроса, а среди лиц, указавших сугубо этническую идентичность, доля русских заметно меньше – 81%. Это характерно и для категорий опрошенных, различающихся по возрасту, полу и длительности проживания в месте опроса.

Таким образом, в сфере общественных отношений у респондентов более выражена гражданская идентичность, а для менее формального самоощущения те же респонденты используют этническую идентификацию как важный компонент социального самочувствия.

Поскольку согласно российскому законодательству респонденты были предупреждены о том, что могут не отвечать на вопрос о национальности, но 95% захотели это сделать и дали подробный ответ (анкета не содержала каких-либо заготовленных вариантов ответов о национальности), следует признать, что, как и в случае с родным языком, для большинства опрошенных тема национальной принадлежности не является острой (резких суждений практически не было). Вместе с тем, массовость и подробность добровольных ответов свидетельствует о том, что сама по себе этническая принадлежность является для большинства опрошенных значимым средством самооценки. В повседневной жизни люди не придают существенно-

го значения этническим различиям, но в социологической анкете и персонализированных ответах во время государственной переписи охотно рассуждают о своей этнической принадлежности. Это означает, что представления о культурных различиях не являются темой конфликтных разногласий.

В этом отношении Россия отличается от некоторых стран Запада, в которых сообщать о своей этнической принадлежности зачастую не только не принято, но является чем-то предосудительным. Впрочем, так было не всегда. В Скандинавских странах данная «традиция» возникла в 1970-е гг., в других европейских государствах – на десятки лет позднее. И хотя политики и некоторые ученые этих стран стремятся объяснить подобные нормы требованиями политкорректности, принципами демократии и невмешательства в частную жизнь, реальные поводы фактического «запрета» на этническую идентичность кроются скорее в исторических прецедентах массовых гонений по национальным, расовым, языковым и религиозным признакам. На сегодняшний день в странах Западной Европы, по причине дефицита сведений о культурном разнообразии, властям затруднительно заблаговременно выявлять общественные конфликты на почве различий, они имеют мало возможностей достоверно оценить, проявляется ли этническая (и иная культурная) идентичность в результате культурного развития или как продукт напряженных межгрупповых отношений, в частности, отношений в среде местного и пришлого населения. Отсутствие необходимой информации и подавление культурных различий приводит к обратному эффекту – переносу вопросов культурной специфики из частной и житейской сферы в политическую. Это позволяет политическим партиям правого толка, использующим популистские и националистические лозунги, получать все больше голосов избирателей. Такие партии во время выборов в Европарламент (2019 г.) хвалились тем, что способны создать крупную коалицию на основе идей сохранения культуры «перед лицом миграционной опасности», заявляли, что это будет объединение «стран и народов», т.е. коалиция не только государств-наций, но и этнических групп европейцев. Примечательно, что к объединению стремились правые и популистские партии Италии, Франции, Швеции, Нидерландов, Германии – как раз тех государств, где обсуждение этнической принадлежности принято считать неполиткорректным и запрещено фиксировать такие сведения в переписи.

В России официальная статистика через переписи предлагает населению сообщить о себе сведения о национальной принадлежности, причем без каких-либо условий и документальных подтверждений. В отличие от большинства других стран, российский закон не требует от персоны обязательного участия в переписи и не обязывает давать ответ на вопрос о на-

циональности и языке. Тем не менее, подавляюще большинство населения участие в переписи принимает и не отказывается от возможности указать свою идентичность. Опыт послесоветских переписей показывает, что желание населения участвовать в этих государственных мероприятиях намного превосходит иные массовые кампании, в том числе электоральные. Следовательно и государству надлежит уважать общественный интерес к культурному многообразию, а государственной статистике – прилагать максимум усилий для качественного добывания фактов и последующего их использования в общественно приемлемых целях, прежде всего, для культурного развития страны и сохранения общей исторической памяти.

Задача культурного измерения на самом деле является привлекательной не только для России, но и для многих государств мира.

Страны, измеряющие культурную сложность. Мнение о том, что в других странах не учитывается национальность, этничность, языки и другие культурные параметры, во многом ошибочно. Соответствующие виды учета осуществляются как раз во многих странах, однако при этом используются собственные концепции и методы. В структурах Организации Объединенных Наций уже десятки лет обсуждаются, а ныне и приняты рекомендации, которые способствуют развитию подобных форм государственного статистического учета. В рекомендациях указывается, что страны с культурно разнообразным населением могут собирать сведения об этнической идентичности (этническом составе) населения, родных языках (mother tongue), знании и использовании языков, религиозных общинах. Эти характеристики, как сказано, помогают людям выразить свою этнокультурную идентичность предпочтительным способом. Утверждается, что сведения о таких этнокультурных (ethnocultural) характеристиках имеют возрастающую значимость в контексте политики в отношении миграции, интеграции, меньшинств, и потому свободные не ограничиваемые самоопределения населения при переписи имеют решающее значение.[3]

Более половины государств собирают данные о национальном либо этническом, религиозном и языковом составе населения. Такие государства есть на всех континентах. При всемирном переписном раунде 2000-х годов насчитывалось 123 страны. Более всего в программах переписей этих стран были представлены вопросы о национальности либо этничности (99 стран), на втором месте по частоте – вопросы о религии (87 стран), на третьем – вопросы о языках (75 стран). Имеются различные авторские обобщения по этой теме со своей интерпретацией, нередко тенденциозной, поэтому для понимания масштабов лучше обратиться к первоисточнику –

[3] Principles and Recommendations for Population and Housing Censuses. Revision 3. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Statistics Division. – New York, 2017, pp. 163, 205.

сведениям о программах государственных переписей всех стран мира, представленных на едином портале ООН.[4]

Между тем, на Западе распространяется представление, что перепись – это пережиток, который можно заменить «скандинавской моделью» – сочетанием статистических данных, собранных их различных источников, в частности, из т.н. административных регистров населения[5] и данных выборочных обследований. Эти представления поддерживает часть российских статистиков, демографов и управленцев. Некоторые государства Европы перешли на такую систему (Дания с 1980 г., Швеция, Финляндия с 1990 г., Норвегия с 2011 г.) или переходят (Германия, Австрия, Словения), мотивируя это удовлетворительной репрезентативностью и экономией затрачиваемых средств. Комбинированный метод «переписной опрос плюс регистр» используется в новых переписях Испании, Италии, Швейцарии.

В Норвегии с 2011 г. перепись фактически прекращена. Теперь в этой стране формируют данные из разных источников и разной хронологии, именуя процедуру «перепись по административным регистрам». В свое оправдание устроители даже распространяли слоган «перепись без единого вопроса». Это было нужно для того, чтобы население не возмущалось по поводу манипулирования персональными данными без ведома граждан. Последняя «живая» перепись прошла в этой стране в 2001 г.

Также и в Австрии перепись населения 2011 г. было решено провести исключительно по данным различных регистров.[6] Хотя людей перестали спрашивать, сведения о культурном множестве государству все же важны, и чтобы получить сведения о национальности (имеется в виду принадлежность к какой-либо стране), в этой австрийской переписи использовали данные центрального регистра населения. Однако в регистре далеко не все сведения актуальные, есть ошибочные и неполные. Поэтому были необходимы проверочные процедуры с использованием восьми (!) других регистров – соцзащиты, налогового, регистра безработных, жилищного, регистра автовладельцев, регистра помощи детям, регистра иностранцев, регистра федеральных и земельных служащих. Так как все они созданы для разных целей, информация оказалась трудно совместимой. Возникла проблема увязывания данных по всем названным источникам в отношении каждой персоны. Из-за пропусков информации, говорят австрийские специалисты, надо бы подтвердить нужные данные путем … обращения к самим персонам. А остающиеся пробелы якобы можно восполнить «квалифицирован-

[4] http://unstats.un.org

[5] Административные регистры содержат данные о численности родившихся, умерших, миграции, уровне доходов, владении недвижимостью и проч. Используются также регистры занятости.

[6] Lenk M. Methods of Register-based Census in Austria. – Vienna: Satistik Austria, 2009.

ными статистическими аппроксимациями». В российской статистике такие манипуляции запрещены (называются фальсификацией).

В Словении последняя «очная» перепись была в 2002 г., а в 2011 г. страна провела перепись по регистрам, в частности, по центральному регистру населения, регистру домохозяйств, регистру жилья, и еще используются сведения об образовании, экономической активности, миграции из двенадцати различных источников. Все эти источники не содержат сведений о культурных, языковых и религиозных особенностях населения, поэтому в переписи этой страны таких характеристик более не существует. Но потребность иметь информацию осталась, и потому была сделана попытка получить некие косвенные данные, путем изучения фамильного состава населения. Это даже не смешно, а просто грустно.

Интересен пример Словакии, где живая перепись сохранена, но из-за приверженности устаревшим методам произошла «утрата» крупных национальностей. В этом государстве доминирующее по численности население – словаки (80%) уменьшилось более других групп с 2001 по 2011 гг. на четверть миллиона с лишним. Статистики поясняют, якобы это из-за того, что многие люди не ответили о национальности/«народности» (383 тыс. чел., 7% населения). Вместе с тем, в этом государстве существенно возросла численность русинов, цыган, моравов, поляков, хорватов, сербов, русских, евреев, болгар. Причем численность русинов выросла во всех регионах. Это объясняют тем, что была поддержка малочисленных этнических сообществ и пропаганда указывать свою национальность в переписи.[7] Но почему тогда сократились проживающие в Словакии венгры? Это словацкие статистики объясняют не выездом в другие страны ЕС, а ассимиляцией («слиянием») в пользу доминирующего населения. Данное объяснение, однако, не стыкуется с уменьшением численности доминирующего населения – словаков. Поскольку в этом государстве венгры являются самой большой после словаков группой, сокращение их численности должно было увеличить численность словаков, а этого не произошло. И с точки зрения ассимиляции необъяснимо, почему переписная агитация «укажи национальность» позитивно повлияла только на некоторые группы. Сумма «потерь» всех крупных национальностей Словакии – словаков, венгров, чехов меньше численности лиц, не указавших национальность на 40 тыс. чел., что по меркам этой страны является значительной величиной. Это означает, что крупные этнические группы на самом деле не уменьшились, просто метод статистики не был совершенным. Повсеместный в регионах Словакии прирост русинов (+3,8 в год), в том числе среднего возраста и

[7] The 2011 Population and Housing Census. Facts about changes in the life of the Slovak population. – Bratislava: Statistical Office of the Slovak Republic, 2015, pp. 77-80.

пожилых, необъяснимый демографическими и миграционными процессами, свидетельствует о динамике идентичности, в том числе двойственной, и эти явления перепись не учла. Население с двойственной идентичностью попросту отказалось идентифицировать себя по предложенным статистиками правилам.

Характерен позитивный пример Чехии и Польши, где от переписи к переписи улучшалась техника сбора информации. В Чехии во время государственной переписи 2011 г. люди смогли указывать не одну, а одновременно две этнические принадлежности. Также можно было указать сразу два родных языка. В этой стране применяли переписной лист, в котором значилось: «можно привести две национальности». Имелась ввиду этническая принадлежность, а о гражданстве спрашивали отдельно.

В Польше первоначально игнорировалась такая этническая группа, как *кашубы*, и их численность вообще не была известна. После изменившейся методики в 2002 г. кашубов подсчитали, и перепись дала 2 тыс. чел. А когда через десятилетие стали учитывать двойную идентичность, оказалось, что кашубами себя считают более 200 тысяч человек.

Интересен опыт Канады, где перепись учитывает даже не двойную, а множественную этническую принадлежность, причем уже двадцать лет – с 2001 г. Когда в 2016 г. в этой стране была проведена перепись через интернет, люди могли самостоятельно указать свою идентичность, используя до 12 (!) комбинированных ответов. И это не считая других вопросов переписного листа, связанных с темой этнической идентичности. Поэтому эта страна отличается наиболее точными в мире сведениями о собственном населении, в составе которого более 200 этнических групп. Россия в четыре раза превышает Канаду по численности жителей, но по качеству сведений о составе населения – намного отстает. Очевидно, чтобы иметь более реалистичную картину нашей страны необходимо улучшить отечественную статистику.

Впрочем, крупным странам действительно сложно переходить на новые рельсы. Это демонстрирует пример США. История переписных измерений культурного многообразия в этой стране – это история «списочных» категорий, о которых с жаром спорят парламентарии и противоборствующие партии. В 1870 г. на переписном листе впервые появились «китайцы», и только через двадцать лет – «японцы». Позднее, по настоянию конгрессменов, раз за разом добавлялись другие наименования азиатов.

Но «списочный» метод сбора информации об этническом («расово-этническом») составе населения подвергался в этой стране острой критике, особенно при переписи 1990 г. Говорилось о низкой информативности получаемых сведений методом предъявления респондентам готовых вариантов ответов на переписном листе. В связи с этим в 1994 г. был даже учреж-

ден межведомственный комитет по пересмотру расовых и этнических стандартов.[8] В разработанных этим комитетом принципах указывалось, что самоопределение респондентов должно учитываться статистикой максимально подробно.[9] Но поскольку традиция сбора сведений старым методом была устойчивой и закреплена нормативными документами, на ее преодоление потратили более четверти века и огромные средства. Для внедрения «продвинутой» технологии с применением открытых вопросов потребовалось решение Конгресса США. А перед этим в отношении 1,2 млн жителей проведено общенациональное тестирование вопросов о расе и этничности (National Content Test, 2015 г.). Для проверки использовали и бумажные переписные листы, и интернетные формы. Опрос показал очевидное – недостаточную информативность прежнего метода сбора сведений. В частности, было выявлено, что для получения детальной информации об индейцах и аляскинских аборигенах использование списка готовых ответов вместе с дополнительным свободным ответом уменьшило детальность информации от населения в сравнении с использованием в переписном листе только свободного ответа.[10] Однако статистикам США не удалось полностью отказаться от традиционного деления населения на расовые категории («белые», «черные» и иные), поэтому по итогам тестирования был разработан компромиссный вариант (назван «оптимальным»), согласно которому, на переписном листе перечислены 8 расовых категорий, и для каждой по 7 вариантов этнической идентичности, включая список из 6 готовых ответов и один свободный ответ. Предполагалось, что, поскольку количество готовых ответов об этнической идентичности на переписном листе является заведомо неполным, это якобы будет стимулом для внесения свободного ответа. Было очевидно при этом, что «новый метод», хотя на его апробацию потрачены значительные средства, не даст желаемого эффекта, поскольку респонденты, не находя себя в «этническом» списке, ограничиваются проставлением метки расовой категории.

Поэтому в 2018 г. вышла в свет новая разработка переписного листа.[11] В ней указывается, что десятилетняя программа переписи США 2020 года включает собственно сплошную перепись по короткому переписному листу (возраст, пол, раса, латиноамериканское происхождение, родственные отношения, срок пребывания, гражданство),[12] а также сбор подробных

[8] Interagency Committee for the Review of the Racial and Ethnic Standards.

[9] Revisions to the Standards for the Classification of Federal Data on Race and Ethnicity //Federal Register / Vol. 62, No. 210, Thursday, October 30, 1997, p. 58782.

[10] 2015 National Content Test. Race and Ethnicity Analysis Report. February 28, 2017. – U.S. Census Bureau, 2017, p.14, 88.

[11] Questions Planned for the 2020 Census and American Community Survey. – U.S. Census Bureau, March 2018.

[12] В прежних переписях США применялся короткий и длинный переписной лист (последний направлялся в каждое 6-е домохозяйство). С переписи 2010 г. применяется только короткий переписной лист, а прочая информация дополняется ежемесячными выборочными обследованиями.

данных по выборочным домохозяйствам[13] (American Community Survey), собираемых помесячно с 2005 г. и публикуемых ежегодно. Длинный опросный лист выборочных обследований включает также и вопросы короткого переписного листа.

Указывается также, что Бюро переписи США собирает расовые данные согласно государственным стандартам о расе и этничности 1997 г.,[14] а расовые категории основываются на самоидентификации населения и не предусматривают биологическое, антропологическое или генетическое определение. При этом в переписном листе 2020 списки предусмотренных ответов о расово-этнической самоидентификации убраны частично. Но вопрос об испанском или латиноамериканском происхождении предусматривает отрицательный ответ, а также имеется 4 варианта положительного ответа, в том числе списком указано происхождение: «мексиканское, мексикано-американское, чикано»; «пуэрториканское», «кубинское», «другое – впишите печатными буквами, например, сальвадорское, доминиканское, колумбийское, гватемальское, испанское, эквадорское и т.д.».

Вопрос о расе («What is this person's race?») в новом переписном листе содержит варианты ответов о «расовых группах»: «белая», «черная или афро-американская», «американские индейцы и аборигены Аляски», далее две группы без названия представлены заготовленными вариантами ответов (первая группа – «китайцы», «филиппинцы», «индийские азиаты», «вьетнамцы», «корейцы», «японцы», вторая группа – «гавайские аборигены», «самоанцы», «чаморро»), а поскольку группы завершаются свободным ответом о «других азиатах» и «других тихоокеанских островитянах», понятно, какие это группы. Есть еще вариант «какая-либо другая раса» с возможностью свободного ответа. Для каждой расовой группы предусмотрен свободный ответ. Под формулировкой вопроса помещена инструкция для пользователей: «отметьте один вариант или более, а также впишите происхождение».

Таким образом, с учетом двух вопросов – о латиноамериканском происхождении и расе, максимальный множественный ответ одного респондента может составить 19 самоидентификаций, причем в 6 случаях можно внести самостоятельный детализированный ответ. Такой подход намного лучше прежнего. Однако применение готовых «списков» возможных ответов о латиноамериканском и азиатском происхождении обеспечит более подробные результаты именно по этим категориям. В категории «индейцы» в качестве примера перечислены названия некоторых племен. Учитывая, что индейцы, особенно в резервациях, наделены особым статусом,

[13] Выборка домохозяйств осуществляется в объеме, достаточном для территориальных сопоставлений.
[14] 1997 Office of Management and Budget standards on race and ethnicity.

данная категория также будет относительно подробной. А вот категории «белые» и «черные», хотя также имеют подсказки-примеры, и указание «впечатать» ответ, очевидно будут наименее подробными. Если уж убирать из переписного листа списки заготовленных ответов, так во всех случаях. И не тратить на это миллионы бюджетных долларов.

Как статистически отразить культурную сложность. Проблема подсчета сложного культурного состава населения не является новой. Уже давно исследователи указывали на смешение населения не как на исключительные случаи, а как на массовое явление, в том числе в России. Военный историк XIX в. академик Н.Ф. Дубровин писал о балкарцах, что те «будучи отраслью тюркскаго племени», отличаются по языку от кабардинцев, но «живут с ними одною жизнію». Он же сообщал, что в прибрежной полосе Дагестана, население «представляетъ смесь аварскаго племени съ татарами, турками и персіянами».[15] Эти наблюдения на многие годы опережали Первую всеобщую перепись Российской империи 1897 г., которая, однако, всех подданных запросто разложила по полочкам, «устранив» всякие сомнения и смешения.

Современный опыт российских исследований весьма обширен. Он вновь и вновь пытается обратить внимание госстатистики на то, что устаревшие методы сбора сведений необходимо совершенствовать. За последние двадцать лет каждый раз во время переписи Институт этнологии и антропологии РАН осуществлял ее мониторинг.[16] Выяснялось, что в тех случаях, когда люди заявляли о сложной национальности, переписчики, несмотря на инструкцию, зачастую ограничивали ответы опрашиваемых. При переписи 2010 г. было внесено в переписные листы лишь несколько сотен ответов о двойной национальности. Это противоречит большому количеству научных исследований. А они свидетельствуют о том, что респонденты отвечают более свободно, если на переписном листе имеется не одна, а две строки для самоопределения. Какое количество людей в России могло бы воспользоваться этой возможностью? Если судить о численности смешанных семей, подсчитанных переписями 1989, 2002 и 2010 годов, то это 12-15%. По нашему общероссийскому опросу, проведенному накануне государственной микропереписи 2015 г., на вопрос о второй национальной принадлежности ответили положительно почти 15% россиян. Более свежие примеры из регионов, где мы ежегодно с 2014 по 2019 гг. проводим исследования, также это подтверждают.

[15] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1. Очерк Кавказа и народов его населяющих, кн. 1. – Санктпетербургъ: Типография департамента уделов, 1871, с. 61.

[16] Этнография переписи - 2002 /Ред. Филиппова Е., Арель Д., Гусеф К. - М.: "Авиаиздат", 2003; Этнологический мониторинг переписи населения /Под ред. В.В. Степанова. - М.: ИЭА РАН, 2011.

Таблица 4. Доля лиц, указавших при опросе принадлежность более одной национальности и более одного родного языка

	национальность, %	**родной язык,* %**
Астраханская обл.	19,1	15,3
Белгородская обл.	13,0	9,7
Бурятия	4,7	6,0
Воронежская обл.	12,0	4,3
Калмыкия	6,3	16,0
Карачаево-Черкесия	6,3	9,0
Коми	17,7	9,0
Марий Эл	8,6	7,5
Мордовия	12,3	11,0
Новосибирская обл.	10,3	2,0
Омская обл.	12,0	7,0
Пермский край	9,3	6,3
Приморский край	11,7	6,0
Республика Алтай	11,7	8,4
Ростовская обл.	8,9	6,0
Самарская обл.	16,0	5,0
Санкт-Петербург	14,3	6,7
Саратовская обл.	8,7	3,7
Северная Осетия	13,3	14,1
Ставропольский край	9,6	10,0
Удмуртия	14,7	14,7
Чечня	4,7	8,7
Чувашия	21,7	24,7

*Примечание**: комбинация двух родных языков и более в большинстве случаев включает русский язык.

По нашим оценкам, от 7 до 20 млн человек в России могут указать в переписи двойственную национальную принадлежность и родной язык. Но чтобы это учесть, требуется обновление переписного инструментария. В 2020 г. исполнится ровно сто лет всероссийской переписи 1920 года, в которой применяли метод, сохранившийся доныне.

Однако на различных чиновных и научных совещаниях можно слышать: зачем в переписи учитывать сложную идентичность, какое в этом практическое значение?

На это следует ответить, что цель вполне очевидна – иметь достоверную информацию. Поэтому перепись должна обеспечить людям возможность указывать национальную принадлежности, как они считают нужным.

В США при проектировании программы переписи 2020 г. власти заявили, что государство идет навстречу пожеланиям иметь детальную первичную информацию «о разнообразии». Объясняют это потребностью раз-

вивать антидискриминационное законодательство, разрабатывать планы федеральной программы занятости, осуществлять мониторинг исполнения законов об избирательных правах и здравоохранении. Госчиновники утверждают, что подробные сведения дадут им возможность оценить, какое количество людей может претендовать на участие в программах и грантах.

В России нет или практически нет этнической дискриминации при приеме на работу и в социальном обеспечении. Но имеются вопросы, связанные с сохранением самобытности, культурным и языковым развитием, сохранением исконной среды обитания. На основе более точной информации было бы легче принимать адекватные управленческие решения. Чем лучше известна структура населения, тем легче прогнозировать общественные потребности и запросы.

По прошлым российским переписям структура населения известна в ограниченных пределах и даже с искажениями. Некоторые крупные российские национальности очевидно численно больше, чем это представляется. Русские по прежним переписным данным составляют 111 млн, но с учетом двойственности самоопределения можно было прибавить еще 4,5 млн. – такова наша оценка. Татар было в 2002 г. 5,5 млн, затем в 2010 г. они уменьшились до 5,3 млн. Но при учете двойственности реальная численность могла бы достичь 6 млн.

Резкие изменения численности некоторых групп в большую или меньшую сторону при точном измерении получили бы наконец свое статистическое объяснение, и эти группы не выглядели бы как «исчезающие» или «возникшие ниоткуда». Украинцы в 2002 г. насчитывали 2,9 млн, а после массовых потоков в Россию из других государств их численность в нашей стране не возросла, а сократилась в 2010 г. до 1,9 млн. Белорусов в России было 0,8 млн, стало 0,5 млн. Коми – было 300 тыс., стало 200 тыс. Карелы – было 93 тыс., стало 61 тыс. Мордва-мокша – 50 тыс., стало 5 тыс. Все эти резкие перемены не объяснимы демографическими причинами и пресловутой ассимиляцией.

А вот примеры статистического «возникновения» (ассимиляция вспять?): ботлихцы – было в 2002 г. 16 чел., стало 3,5 тыс., тиндалы и годоберинцы было по 40 чел., стало по несколько сотен. Теленгиты – было 2,4 тыс., стало 3,7 тыс. Зато андийцев было 22 тыс., стало 12 тыс.

Можно привести еще множество примеров и аргументов, но и без того очевидно, что Россия должна улучшить программу переписи. Повторим, рецепт прост: для наиболее достоверного учета национального состава населения необходимо поместить в переписном листе не одну, а две свободные строки для возможного ответа опрашиваемых на вопрос о национальной принадлежности. Также необходимо поместить две свободные строки для возможного ответа о родном языке.

Множественная этническая идентичность населения в приграничном регионе (на примере Белгородской области)[1]

Бубликов В.В.

Традиционные взгляды на природу этнической идентичности, нашедшие свое развитие в примордиалистском подходе, в последнее время уступают свои позиции более плюралистическим представлениям о сути «этноса» и «этничности». Большинство современных этнологов исходит из представлений о сложности, многогранности явления этнической идентичности, в том числе и возможности наличия множественной идентичности, прежде всего, у лиц смешанного этнического происхождения.

«Легитимации» феномена множественной этнической идентичности способствуют объективные процессы трансформации современного общества: активные миграционные процессы, урбанизация, распространение смешанных браков, развитие средств коммуникации (благодаря которым мигранты могут сохранять тесную культурную связь с этнической родиной) и прочие факторы, приводят к увеличению числа людей одновременно относящих себя к нескольким (порой даже более чем двум) этнонациональным общностям.

В теории и практики западной социальной антропологии, представления о возможности множественной этнической идентичности не только присутствуют в академических работах этнологов, но и у рядовых жителей. Например, при переписи населения 2016 г. 41% жителей Канады указал на свою принадлежность одновременно к нескольким этно-группам (в оригинале англ. – ethnic origins[2]), в Австралии – 37% (англ. – ancestry[3]).

В России, где по оценкам В.В. Степанова, двойную этническую идентичность имеют 10-15% населения,[4] концептуальное представление о возможности одновременной принадлежности человека к нескольким этническим сообществам пока находит немало противников, причем, прежде всего не у научных работников, а в общественно-политических кругах (в том числе у поборников «этнического единства» и националистов). Экспертное же сообщество все активнее призывает изменить существующие подходы, в том числе и в сфере сбора статистических сведений о национальном составе населения. В частности, академик В.А. Тишков считает: «В переписи

[1] При поддержке РФФИ и Правительства Белгородской области, проект № 18-411-310006 «Особенности идентичности этнически смешанного русско-украинского населения Белгородской области».

[2] Statistics Canada: https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/dp-pd/hlt-fst/imm/Table.cfm?Lang=E&T=31&Geo=01.

[3] Australian Bureau of Statistic: http://www.abs.gov.au/websitedbs/D3310114.nsf/Home/2016%20TableBuilder.

[4] Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2018, с. 68.

2020 года следует уточнить процедуру определения и подсчета этнической идентичности граждан Российской Федерации, предоставив возможность каждому свободно указывать этническую идентичность, а органы статистики обязать вести подсчет не только единичной, но также и смешанной этнической идентичности»[5].

Логично предположить, что более высока доля лиц с множественной этноидентичностью в регионах России с полиэтничным составом (а значит и, как правило, с большим числом этнически смешанных браков) – в национальных республиках и округах, столичных городах и миграционно привлекательных регионах. На первый взгляд, в провинциальных субъектах РФ, в которых количественно преобладает одна этногруппа, смешанная этноидентичность не должна иметь широкого распространения, т.к. иноэтничные сообщества в относительном измерении не велики и, соответственно, не могут порождать посредством смешанных браков большое потомство с множественной идентичностью, наследованной от обоих родителей.

Однако социологическое исследование, проведенное под руководством автора в 2018 г. на территории приграничных районов Белгородской обл.[6] показало, что явление полиэтничности имеет широкое распространение и в районах, где по данным последних переписей населения количественно абсолютно преобладает одна этническая группа (русские). Так, по данным Всероссийской переписи 2010 г. в приграничных с Украиной районах Белгородской обл. русские составляли 93,6%, вторые по численности украинцы – 3,5%, остальные в совокупности – 2,9%.[7] Опрос 2018 г. в котором мы использовали традиционную формулировку вопроса о национальности («Кем Вы себя считаете по национальности?»), но нетрадиционные варианты ответа, позволяющие оценить респондентам их национальность и как моно-, и как полиэтничную, показал совершенно иные результаты. Только русскими себя назвали 72,0% опрошенных (т.е. в 1,3 раза меньше чем при последней переписи), только украинцами – 1,5% (меньше в 2,3 раза чем при переписи), а вариант «и русским(ой), и украинцем(кой) одновременно» – выбрали 22,7% респондентов[8].

Безусловно ситуация с относительно широким распространением русско-украинской биэтничности в Белгородской обл. не является типичной

[5] Там же, с. 559.
[6] Опрос проведен в 9 районах и в г. Белгороде, N = 2060 респондентов.
[7] От числа указавших национальную принадлежность. Рассчитано по: http://belg.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/belg/resources/7ac2e9004ff094a39a94ffd8c740ec4f/pub-04-02ddk_%D0%A2%D0%B5%D1%80%D1%80%3D14000000.pdf.
[8] Еще 2,8% – указали иные национальности, а 1,0% респондентов вообще затруднился назвать свою национальность.

для всех регионов Центрального федерального округа,[9] поскольку в отличие от других областей, территория Белгородской области является результатом освоения и проживания русских и украинцев. Резкое изменение «официальной» национальной (в терминологии переписей) идентичности произошло здесь между переписями населения 1926 и 1937/39 гг., когда доля жителей называвших себя русскими возросла с 57,5% в 1926 г. до 87,8% в 1939 г., а украинцев – сократилась за тот же период с 42,1% до 11,7%.[10]

Исходя из динамики национального состава по переписям населения, проведенным в XIX – XX вв., можно предположить, что явление относительно широкого распространения русско-украинской этноидентичности характерно в настоящее время для трех типов регионов РФ или их значительных отдельных частей:

– регионы, в заселении которых украинцы (малороссы) принимали активное участие в XVII – XVIII вв. (Белгородская, Воронежская, Курская, Ростовская, Саратовская, Оренбургская обл., Краснодарский и Ставропольский края) или имевшие старожильческое протоукраинское население с более древних времен (например, Стародубщина в Брянской обл.);

– регионы активной сельскохозяйственной колонизации Сибири и Дальнего Востока конца XIX – начала XX вв. (Амурская, Новосибирская, Омская обл., Алтайский, Приморский и Хабаровский края);

– регионы активной промышленно-сырьевой колонизации Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока второй половины XX в. (Магаданская и Мурманская обл., респ. Коми и Якутия, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский авт. окр., Камчатский край).

Об относительно широком распространении русско-украинской биэтничности в России свидетельствуют и общие данные переписей населения. Так, например, за период 1989-2010 гг. численность украинцев в России сократилась на 56% (с 4 363 тыс. до 1 928 тыс.), в то время как русских – только на 7% (с 119 866 тыс. до 111 017 тыс.).[11] При этом уровень рождаемости у украинцев в России по данным переписей все эти десятилетия был даже немного выше, чем у русских[12]; значительных различий в продолжительности жизни также, по всей видимости, нет. Не наблюдалось все эти годы и существенного миграционного оттока из России на Украину. На-

[9] Доля русских в областях ЦФО составляет от 92,9% в Московской обл. до 97,0% в Тамбовской обл. [Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 11. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. М., 2012, сс. 332-334].

[10] Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. III. Центрально-черноземный район. Средне-волжский район. Нижне-волжский район. М., 1928. С. 72-76; РГАЭ РФ, фонд 1562, опись 336, Д.Д. 966-1001 («Национальный состав населения по СССР, республикам, областям, районам»), Д.Д. 256-427 (табл. 26 «Национальный состав населения районов, районных центров, городов и крупных сельских населенных пунктов»).

[11] Рассчитано по: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php.

[12] См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 10. Рождаемость. М., 2012. С. 876-895.

против, российской статистикой все постсоветские годы фиксировалось положительное миграционное сальдо в обмене населением с Украиной (например, за 1997-2018 гг. по данным Росстата оно составило +939 тыс. чел.[13]).

Таким образом, основным фактором сокращения численности многих этнических групп в России (прежде всего украинцев и белорусов) являются ассимиляционные процессы, которые явно ускорились после распада СССР. В данном случае возникает вопрос: насколько ассимиляционные процессы в постсоветской России носили(ят) естественный характер, а насколько вынужденный? Основным механизмом естественной ассимиляции в данном случае мы считаем смешанные браки, когда новые поколения, появляющиеся в полиэтничных семьях, наследуют идентичность либо супруга-лидера, либо этнической группы преобладающей (количественно и/или культурно) на территории проживания.[14] То есть, естественная ассимиляция, прежде всего, требует значительного времени, необходимого для естественной смены поколений. Кроме того, выбор одной «лидерской» этноидентичности детьми в смешанных семьях, не означает полную утрату/отказ от второй идентичности, как правило, она также сохраняется, хотя и находится в несколько «подчиненном» положении.

Однако в ряде случаев, в районах компактного проживания украинцев на территории РФ за последние три десятилетия мы наблюдаем не постепенное, а «обвальное» сокращение численности жителей, называющих себя украинцами. Например, в Ровеньском районе Белгородской обл., граничащем с Луганской обл. Украины (т.е. являющемся естественным продолжением украинского этнического ареала) динамика доли украинского населения была следующей: 1926 г. – 94,7%, 1939 г. – 85,7%, 1979 г. – 77,9%, 1989 г. – 73,0%, 2002 г. – 20,5%, 2010 г. – 6,9%.[15] То есть, около половины всех жителей этого района за небольшой 13-летный период (1989-2002 гг.) изменило «официальную» идентичность с украинской на русскую. Схожая динамика наблюдалась и в соседних районах Воронежской обл. (Ольховатском, Росссошанском, Подгоренском, Кантемировском), а также в Оренбургской обл. (Акбулакский район), Омской обл. (Одесский, Павло-

[13] Рассчитано по: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

[14] Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов. М., 2007. С. 11-12.

[15] Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. III. Центрально-черноземный район. Средневолжский район. Нижне-волжский район. М., 1928. С. 74; РГАЭ РФ, фонд 1562, опись 336, Д.Д. 966-1001 («Национальный состав населения по СССР, республикам, областям, районам»), Д.Д. 256-427 (табл. 26 «Национальный состав населения районов, районных центров, городов и крупных сельских населенных пунктов»); Всесоюзная перепись населения 1979 года. Распределение населения по национальности и второму языку народов СССР в районном разрезе. Таблица 10-с; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР по Белгородской области. М., 1989. С. 45-48; База микроданных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.: http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml.

градский, Полтавский, Русско-Полянский районы), Саратовской (Самойловский район), Алтайском крае (Бурлинский, Родинский районы) Приморском крае (Дальнереченский, Лесозаводской районы) и др.

По всей видимости, в постсоветский период основным фактором ассимиляции украинцев в России стал феномен распространения множественной этнической (национальной) идентичности. После 1991 г. происходит некоторое «раздвоение» этно-национальной идентичности на «официальную» русскую, воспринимаемую большинством как принадлежность к российскому государству и как определенную декларацию политической лояльности (т.е. идентичность собственно *национальную* – в западном смысле этого термина), и украинскую, которая продолжает воспроизводиться в семейно-родственной среде (т.е. идентичность собственно *этническую*). Необходимо также подчеркнуть, что сами рядовые жители, как правило, не оперируют понятиями «гражданская», «национальная» и «этническая» идентичность, т.е. в их самосознании могут вполне органично сосуществовать две (а иногда и более) идентичности, и каждую из них они в разных обстоятельствах могут называть своей «национальностью».[16]

О схожих процессах в среде российских немцев пишут В.С. Курске и Т.Б. Смирнова: «в среде людей, которые причисляют себя к российским немцам, очень много лиц со смешанной, множественной, нечетко оформленной идентичностью. Они, как правило, являются людьми смешанного происхождения и в определенных ситуациях “выбирают” немецкую национальность в зависимости от ситуации или каких-либо вновь возникших мотивов»[17].

«Раздвоению» национальной идентичности «нерусских», особенно за пределами «национальных» регионов России (республик и автономных округов), способствует и широкое наделение в общественном сознании этнонима «русский», гражданским (действительно национальным, а не этническим) смыслом. По сути, для большинства россиян, понятие «русский» заменило правильное по смыслу и политкорректное – «россиянин», использование которого пока не вышло за пределы сферы академического и политического лексикона. Сращивание этнонима «русский» в общественном сознании с гражданской принадлежностью и страной проживания, происходило постепенно, еще и в советское время (например, в 1930-е гг.), однако этот синкретизм особенно усилился после распада СССР, когда но-

[16] В данном случае можно вспомнить и случай Крыма, где фактическое изменение государственной принадлежности обусловило и изменение «официальной» идентичности части населения (7-8% или 170-180 тыс. человек), с «украинцев» на «русских», по данным переписей населения, проведенных украинскими (2001 г.) и российскими (2014 г.) властями [в 2001 г. на полуострове проживали 1450 тыс. русских и 577 тыс. украинцев, в 2014 г. – 1492 тыс. русских и 345 тыс. украинцев].

[17] Курске В.С., Смирнова Т.Б. Этническая идентичность российских немцев в начале XXI в. (по результатам Всероссийского опроса) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1. С. 161.

вая форма российской государственности, большинством населения стала восприниматься государством национальным (особенно на контрасте с внешне подчеркнуто интернациональным СССР).

Как отмечает В.В. Степанов, постсоветские российские переписи не дают возможности «указания респондентами двойной этнической идентичности и около 10% населения [т.е. 14-15 млн. человек – В.Б.] были вынуждены делать жесткий выбор в пользу одной из национальностей свои родителей. Предпочтение отдавалось наиболее престижной и статусной форме идентичности – русской. Именно поэтому в России статистически стало меньше украинцев и белорусов, хотя они не “исчезли”… Перепись как бы забежала вперед, отражая факт этнической ассимиляции представителей этих и ряда других групп, хотя на самом деле процесс развивается медленнее и не столь однозначно»[18].

В 2010-х гг. процессы ассимиляции не только продолжились, но и ускорились. Например и до этого высокие темпы сокращения численности этнических украинцев в России в текущем десятилетии еще более выросли: по данным микропереписи 2015 г., спроецированным на все население страны, число украинцев за 5 лет сократилось в 1,7 раза – с 1 928 тыс. в 2010 г. до 1 132 тыс. человек в 2015 г.[19] Такое ускорение темпов сокращения обусловлено тем, что как показывают исследования ученых Института социологии РАН, после событий 2014 г. у части украинцев возникло явление «осциллирующей» этнической идентичности, когда по политическим причинам представители «стигматизированных» этнических групп не хотят официально идентифицировать себя со своей национальностью.[20]

Скорее всего, следующая Всероссийская перепись населения, проведение которой запланировано на 2020 г., покажет общую численность украинцев по национальности около 1 млн. чел., даже несмотря на прибавку украинцев, которые будут учтены в Крыму и большой приток вынужденных мигрантов из Украины в 2014-15 гг.

Интересные наблюдения по этому вопросу сделала Т.А. Листова, изучавшая автохтонное население южных районов Воронежской обл., в прошлом идентифицировавшее себя как «украинцы», а в последние две переписи в основном как «русские». Она пишет: «определение собственной идентичности основывается на трех основных показателях: национальности “по паспорту”, по самоощущению и, наконец, по стране проживания <…> Следствием такого подхода, …., становится неизбежное совмещение

[18] Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – М., 2018. С. 68.
[19] Рассчитано по: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html. Без территории Крыма.
[20] Социальные факторы межэтнической напряженности в России / отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. М., 2017. С. 65.

этнического и гражданского самосознания, что и отразилось в переписи 2010 г., показавшей резкое уменьшение числа этнических украинцев»[21]. Однако, несмотря на постепенное «вытеснение» украинской идентичности из самосознания потомков украинцев в регионах юга России, «формальное определение себя русскими по национальности, что стало массовым явлением, далеко не всегда соответствует реальному самосознанию».[22] Т.А. Листова приводит такое мнение информанта с множественной идентичностью: *«бабушки, дедушки у нас тоже были русские. Но если Вы зададите вопрос так, как нам (то есть с разъяснением понятия национальность, указанной в переписи – Т.Л.) то 80% скажут: "да я не знаю, я не могу сказать, что я на сто процентов русский"»*[23].

С.Я. Сущий также считает, что: «В регионах со сложной этнической структурой, тем более в таких, где самая значительная часть населения представлена двумя близкими народами, а также их многочисленным смешанным потомством, вопрос об этнической принадлежности не позволяет установить реальную этнодемографическую картину, поскольку весомая (иногда даже количественно доминирующая) группа "смешанного" населения во время переписи ставится перед жестким выбором одного из двух, по сути, равноценных ответов. И предпочтение, как правило, является конъюнктурным, определяется привходящими обстоятельствами, не имеющими отношения к реальной этнической самоидентификации»[24].

Вместе с этим, феномен русско-украинской смешанной идентичности, как показывают результаты нашего опроса этой группы населения, значительно шире, чем просто процесс постепенной утраты украинской идентичности и приобретения русской потомками украинского автохтонного населения приграничных регионов России (Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской, Ростовской обл.). Так, на вопрос «По какой причине Вы считаете себя одновременно и русским(ой), и украинцем(кой)?» лишь 26,2% респондентов выбрали вариант «я украинец(ка) по происхождению, но живя в России стал(а) в какой-то степени русским(ой)». Основной же причиной распространения множественной этноидентичности являются смешанные браки – 64,8% наших респондентов указали вариант «среди моих предков были и русские, и украинцы».

Более того, наиболее интересный социологический факт, выявленный нами в ходе анализа причин появления феномена русско-украинской полиэтничности в Белгородской обл., заключается в том, что 6,4% опрошенных

[21] Листова Т.А. Воронежские украинцы – русские хохлы // Вестник антропологии. 2014. № 2. С. 120.
[22] Там же. С. 133.
[23] Там же.
[24] Сущий С.Я. История, современность и перспективы украинцев юга России: демографорасселенческий аспект // Народонаселение. 2017. № 3. С. 63-74. 66-67.

лиц со смешанной идентичностью, являются «русскими по происхождению, но живя здесь они стали в какой-то степени украинцами». То есть, явление ассимиляции социальной средой в Белгородской обл., характерно не только для украинцев по происхождению, которые приобретают элементы русской идентичности, но и для русских, которые проживая в социокультурной среде, сохраняющей значительные элементы украинской культуры, отчасти заимствуют украинскую идентичность. Хотя частота этого явления в биэтничной группе среди русских по происхождению в четыре раза ниже, чем среди украинцев.

Таким образом, причины распространённости русско-украинской идентичности в Белгородской обл. лежат, прежде всего, в этнически смешанном происхождении этой части населения. Однако каждый третий человек с такой идентичностью имеет моноэтничное происхождение, но испытывает на себе влияние окружающей социокультурной среды, сочетающей элементы двух культур (украинцы – русской, русские – украинской).

Дальнейшее развитие феномена русско-украинской идентичности в приграничных с Украиной регионах России сложно прогнозировать. С одной стороны, продолжается «процесс постепенной утери украинского этнического самосознания с четким вектором обрусения»[25], что наиболее заметно в трансформации местного говора «суржика», в котором украинская языковая основа сокращается с каждым поколением. Не способствует воспроизводству украинских элементов идентичности и конфликтность в отношениях двух стран в последние годы. В восприятии многих (скорее даже большинства) этноним «украинец» стал больше ассоциироваться с гражданской принадлежностью, а не с этничностью. Соответственно декларирование хотя бы частичной украинской идентичности некоторыми воспринимается как потенциальная нелояльность российскому государству. Как отмечает Т.А. Листова: «идет явная мобилизация русско-российской идентичности. Остается впечатление, что усиленное декларирование себя русскими – это результат потребности дистанцироваться от украинцев Киева»[26]. Эти факторы способствуют продолжению сокращения украинской компоненты в идентичности смешанного населения.

С другой стороны, как было показано выше, региональная социокультурная среда, в которой значительное место занимают элементы украинской культуры, воспроизводящейся в сельской глубинке и за счет тесных родственных и гуманитарных контактов с жителями соседних регионов Украины, оказывает влияние даже на «чисто» русское по происхождению население. Кроме того, биэтничная русско-украинская группа населения в

[25] Листова Т.А. Воронежские украинцы – русские хохлы // Вестник антропологии. 2014. № 2. С. 133.
[26] Там же. С. 138.

Белгородском регионе и в соседних областях активно пополняется приезжими «северянами», среди которых значительное число составляют бывшие мигранты-украинцы, выбравшие Черноземье как место поселения в силу территориальной близости Украины, а также схожести культурной и природной среды.

Так или иначе, процессы трансформации этно-национальной идентичности населения в российско-украинском приграничье продолжаются, но изучение и фиксация этих изменений все менее возможны на основе данных только переписей населения, поскольку в них заложен явно устаревший подход, позволяющий фиксировать только одну национальную идентичность, которая в глазах большинства населения приобретает все больше гражданское, а не этническое значение, особенно на волне «патриотической мобилизации».

Добавим также, что сведения о «национальном составе населения», которые как известно ныне собираются только при переписях, являются не только эмпирической базой для ученых и экспертного сообщества, но они еще и важнейший «легитиматор» унифицианистской культурно-гуманитарной политики, особенно на региональном и местном уровнях. Представители органов власти, ответственных за выработку и реализацию культурной и образовательной политики, часто ссылаются на данные переписи в духе – *«у нас 95% русских и зачем мы должны вводить какие-то этнокультурные компоненты, поддерживающие культуры иных народов»*. Результаты же этносоциологических исследований, показывающие гораздо более сложную палитру идентичностей местного населения и его культурную специфику, чиновникам как правило не известны, да и не являются для них аргументом, в отличие от данных государственных переписей, которые чиновничеством воспринимаются как прямое указание к действию или бездействию в культурно-гуманитарной сфере. В том числе поэтому, например, в Белгородской обл. институциональные возможности поддержания украинской этнокультуры и идентичности близки к нулю. В регионе нет ни одной школы или иного учебного заведения, в котором хотя бы факультативно изучались предметы этно-гуманитарного цикла (украинский язык, литература, история), а все немногочисленные инициативы по этому вопросу упирались в вышеуказанную аргументацию.

Как пишут В.А. Тишков и В.В. Степанов: «для отстаивания своих позиций госорганы и администрации образовательных учреждений часто используют административный ресурс. Однако отстаивая общие стандарты и одерживая верх над поборниками этнокультурной специфики, представи-

тели власти и администраций на самом деле не решают, а загоняют вглубь существующие проблемы»[27].

Частично улучшить данную ситуацию могло бы изменение методологических подходов и формулировки вопроса об этнической принадлежности в анкете переписи населения, дав жителям России возможность отобразить более сложную палитру своих этно-национальных идентичностей, т.е. гражданскую (в понимании многих обывателей русскую, которую и фиксируют все последние переписи) и собственно этническую (которая сохраняется у многих «бывших» украинцев, белорусов, немцев и т.д., но не фиксируется переписями). В таком случае можно было бы рассчитывать и на изменение бюрократических подходов в реализации этнокультурной политики – присутствие значительных групп населения с элементами идентичности «нетитульной» национальности, стало бы весомым аргументом для чиновников к либерализации образовательной и культурной политики, особенно на региональном и местном уровнях.

[27] Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / Ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. – М.: ИЭА РАН, 2016, с. 6.

Этническая категоризация казаков во всероссийских переписях населения

Кочергин А.А.

Содержание казачьей идентичности остается дискурсом крайне дискуссионным, что в полной мере проявилось и в ситуациях ее актуализации в связи с Всероссийскими переписями населения. Так называемое «движение за возрождение казачества» изначально имело этническую артикуляцию, однако она так и не утвердилась как гегемонистская. Сторонникам идеи понимания казаков как этноса противостоят не менее многочисленные приверженцы позиционирования казачества как сословия. В свою очередь, среди первых выделяются как те, кто считает казаков самостоятельным народом, так и те, кто конституирует их как субэтнос русских. В данных условиях такой институт как перепись населения не мог не стать ареной соответствующей дискурсивной борьбы.

Когда окончательно были определены сроки проведения первой ВПН, различные представители казачества развернули кампанию в адрес Госкомстата России и других госорганов с требованием учета при переписи населения казаков как национальности. Высокую активность в этом вопросе продемонстрировали донские казаки, а в медиа наиболее проявил себя атаман войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» и на тот момент вице-губернатор Ростовской области В.П. Водолацкий. Так, на состоявшемся в ноябре 2001 г. в г. Новочеркасске Большом круге ВКО ВВД было принято обращение к Правительству РФ и в Госкомстат России с просьбой об официальном утверждении цифрового обозначения (кода) казаков в переписных листах Всероссийской переписи населения 2002 г. В случае же, если в присвоении кода откажут, было заявлено, что донские казаки в переписи населения участвовать не будут.[1] Комментируя в СМИ такие требования казаков, В.П. Водолацкий неоднократно подчеркивал: «Мы считаем крайним недоразумением тот факт, что в списке 182 национальностей, населяющих сегодня Россию, нет казаков. Ведь казаки – это один из восточнославянских народов, имеющий особенный физический и духовный облик. Казаки отличаются соборностью, отвагой, взаимовыручкой. Мы твердо уверены, что казак – это национальность».[2]

В свою очередь, сотрудники Госкомстата России в данном вопросе оперировали оценками экспертов-этнологов, институционально преимущественно представленных ИЭА РАН и его директором В.А. Тишковым. В

[1] Строителева Е. Считайте меня казаком // Известия. 2001. 26 ноября

[2] Бондаренко М. Донские казаки хотят, чтобы им вернули национальность // Независимая газета. 2002. 30 сентября

целом они сводились к тому, что хотя среди ученых есть разные точки зрения, однако большинство считает неверным фиксацию казаков в качестве отдельного этноса, тем не менее, рекомендует учитывать при переписи населения казаков как часть русских. В частности, аргументация данной позиции была развернута в письме ИЭА РАН в адрес Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики РФ «Заключение по вопросу о донских казаках». Ее суть можно свести к следующему: «Участие в формировании казачества ряда народов наложило отпечаток на его этнический и культурный облик, о чем есть свидетельства в историко-этнографических исследованиях по казакам России. Но, как показали эти исследования, все казаки, и донские в том числе, вобрав в ходе своего историко-культурного развития разнообразные традиции народов, сохранили в себе основу общерусской культуры. Территориально-культурной группой русских (а не особым народом) казаки Дона, как и другие их группы, оставались до 1920-х гг., когда был отменен их статус как особого военно-служилого сословия. В дальнейшем после «расказачивания», как и общего «раскрестьянивания», шло нивелирование казачьего населения с остальным русским населением во всех сторонах жизнедеятельности.

Ввиду всего вышеизложенного полагаем, что оснований считать донских казаков одним из народов России, нет. Но учитывая отсутствие в настоящее время данных о численности казачьего населения, донского в том числе, считаем, что при подготовке будущей переписи населения возможно включение донских казаков, как и других казачьих групп, в реестр народов РФ как части русских.

Получение сведений об их численности иным путем, кроме как в результате переписи населения, невозможно. Решение же различных проблем, связанных со статусом казачьих обществ, во многом зависит от получения сведений о численности и характере казачьего населения в России.

Предлагаем Вашему Министерству согласовать с Госкомстатом практическую сторону внесения позиции «казак» как части русского народа в переписные листы для Всероссийской переписи населения, которая будет проводиться в 2002 г.».[3]

Тем не менее, представители органов госстатистики весь предпереписной период неоднозначно артикулировали свою позицию по данной проблеме, что только еще больше будоражило общественное мнение, и не только казаков. Так, статс-секретарь, заместитель председателя Госкомстата России С.В. Колесников в ответе председателю Малого войскового кру-

[3] Письмо Института этнологии и антропологии РАН от 31.10.2000 г. № 14110/2143 в Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политике РФ.

га ВКО «Всевеликое войско Донское» В.И. Олейникову на письмо от 02.11.2001 г. № 17 по вопросу выделения при ВПН-2002 национальности «казак» отметил, что в проект Программы разработки материалов Всероссийской переписи населения 2002 года, содержащей регламентные (обязательные) таблицы с итогами переписи, включена таблица о численности и распределении казаков по национальности, полу, возрасту и размещению на территории страны. При этом он подчеркнул: «По мнению российских этнологов, казаки составляют сословную группу населения, а не этническую общность, так как в состав казаков могут входить люди различных национальностей. Не случайно поэтому в письме, направленном Госкомстату России Уполномоченным по делам казачества при Правительстве г. Москвы Ченцовым И.В., содержится просьба получить при переписи населения этнический состав казаков. Исходя из этого, Госкомстатом России вводится специальный код для кодирования записи «казак».[4]

В итоге, дебатирование проблемы переписного учета казаков продолжалось вплоть до начала ВПН-2002. Окончательно была подтверждена возможность указывать «казак/казачка» в ответ на вопрос о национальной принадлежности на заседании Государственной комиссии по проведению Всероссийской переписи населения, состоявшемся 24 сентября 2002 г. Об этом в казачьи войска, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в РФ, было разослано письмо за подписью начальника Управления Президента РФ по вопросам казачества П.С. Дейнекина, в котором разъяснялось со ссылкой на вышеуказанное решение госкомиссии, что в ответе на вопрос № 7 переписного листа в графе национальная принадлежность можно указать «казак», если опрашиваемый таковым себя считает.[5]

В то же время, общая методологическая позиция Госкомстата России по анализу национальной принадлежности при расчете результатов переписи населения продолжила советскую традицию двухступенчатой процедуры учета этничности, когда все многообразие ответов в ходе обработки полученных переписных данных подвергается кодировке и сводится к заранее заданному перечню.

Как следствие, в опубликованных сводных сведениях обеих прошедших ВПН казаки как этническая категория были учтены в качестве подгруппы русских. Однако количественные показатели, зафиксированные по результатам этих переписей, радикально различаются. И прежде всего, общая численность казаков по ВПН-2010 по сравнению с ВПН-2002 сократилась с 140028 до 67573 человек, т.е. более чем вдвое. При том, что хотя

[4] Письмо Госкомстата России от 14.12.2001 № СК-1-22/2554 председателю Малого войскового круга ВКО «Всевеликое Войско Донское» В.И. Олейникову

[5] Во время переписи населения казаков посчитают отдельно // NEWSru.com, 03.11.2002 (www.newsru.com/russia/03oct2002/kazaki.html)

бы единичные случаи указания при переписи населения казачьей идентичности наблюдались в большинстве российских регионах (в 2002 г. отсутствие казаков было установлено только в Усть-Ордынском Бурятском, Корякском и Ненецком автономных округах, в 2010 г. – в том же Ненецком автономном округе и Республике Ингушетия), подавляющая часть казаков оба раза была зафиксирована в пяти регионах Юга России.

Таблица 1. Численность указавших национальную принадлежность «казак/казачка» по данным всероссийских переписей населения

	2002 г., чел.	2010 г., чел	динамика, %
Россия	**140028**	**67573**	**-51,7**
Ростовская область	87492	29682	-66,1
Волгоградская область	20648	18452	-10,6
Краснодарский край	17542	5261	-70
Ставропольский край	3902	3006	-23
Карачаево-Черкесская Республика	2501	465	-81,4
Другие регионы	7943	10707	34,8

Казачью идентичность в большей мере манифестировали сельские жители: их доля в 2002 г. составила 54,3%, в 2010 г. – 55,5%. Однако среди основных казачьих регионов повышенный уровень рурализации казаков наблюдался в Ростовской области, и по результатам ВПН-2010 он значительно вырос: с 58,4% до 71,1%. Также значимо увеличилась доля сельского населения среди указавших казачью национальность и в Краснодарском крае (с 51,4% до 56,6%), тогда как в Волгоградской области динамика была минимальной (с 50,3% до 51,1%).

Анализ распределения казаков по муниципальным образованиям показал, что по итогам первой ВПН и по абсолютным, и по относительным показателям наибольшая их представленность была зафиксирована в муниципалитетах Ростовской области. При этом более массовая манифестация казачьей идентичности наблюдалась в центральных и северо-восточных районах области, тогда как в западных ограничилась только десятками случаев. Больше всего переписались казаками в г. Белая Калитва – 14029 человек, т.е. каждый десятый казак, учтенный ВПН-2002. Всего же более чем по 2 тыс. указавших казачью национальность оказалось в 12 муниципалитетах Ростовской области. По доле казаков в общей численности населения муниципалитета выделяющийся результат был отмечен в Обливском районе – 30,3%. Также пропорционально значимо они были представлены среди жителей Белокалитвенского района (20,9%) и г. Белая Калитва (16,5%), Усть-Донецкого района (16,55%). Всего же доля указавших

казачью национальность более чем в 5% от общего числа жителей была зафиксирована в 11 муниципалитетах Ростовской области.

В Волгоградской области наибольшей представленностью казаков и в абсолютных, и в относительных показателях выделился Новоаннинский район (2714 человек, 6,52%). Также значительное число манифестировавших казачью идентичность наблюдалось в г. Волгограде (2574 человек), а тысячная отметка по количеству казаков была преодолена в Серафимовичском (1685 человек) и Иловлинском (1186 человек) районах, в г. Михайловка (1117 человек). По доле указавших казачью национальность в общей численности муниципалитета отличился и Серафимовичский район (6,21%), а еще в 7 районах она составила более 3%.

В Краснодарском крае территориальное распределение казачьей идентичности характеризовалось набольшей дисперсностью. Значительное количество казаков было учтено в г. Краснодаре (3427 человек), в остальных же муниципалитетах таковыми переписалось менее чем по тысячи человек. Минимальными оказались и относительные показатели: наибольшая доля указавших казачью национальность была зафиксирована в Выселковском районе, но она составила лишь 0,95% его населения.

По результатам ВПН-2010 муниципалитеты Ростовской области попрежнему выделились более массовой представленностью казаков, однако их количественные показатели сильно снизились. Наибольшее число манифестировавших казачью идентичность было зафиксировано в Каменском районе – 6668 человек (против 7357 человек в 2002 г.). Всего же более чем по 2 тыс. казаков оказалось лишь в 4 муниципалитетах Ростовской области. В частности, в Белокалитвенском районе (вместе с г. Белая Калитва) как казаки были учтены только 2313 человек. Относительно высокой долей указавших казачью национальность в общей численности населения муниципалитета выделились Волгодонский (17,4%) и тот же Каменский (13,98%) районы, однако в остальных муниципальных образованиях она оказалась значительно меньшей. Так, в Обливском районе казаками переписалось всего лишь 155 человек, или 0,82%.

По муниципалитетам Волгоградской области динамика была не столь радикальной. Больше всего заявивших о своей казачьей национальной принадлежности наблюдалось в г. Волгограде – 2655 человек, также значимое их количество зафиксировали в Новоаннинском (2317 человек) и Серафимовичском (2188 человек) районах. Еще в 3 муниципалитетах такую идентичность манифестировали более чем по тысячи человек: Суровикинском районе (1246 против 459 человек в 2002 г.), г. Михайловка (1128 человек), Иловинском районе (1111 человек). По доле казаков в общей численности муниципалитета по сравнению с ВПН-2002 несколько вырос показатель Серафимовичского района (8,62%), а Новоаннинского

района остался практически на том же уровне (6,21%). В 3 муниципалитетах она превысила 4%: Кумылженском (4,33%), Даниловском (4,26%), Алексеевском (4,11%) районах. Еще в 2 районах доля указавших казачью национальность составила более 3%: Суровикинском (3,36%) и Иловинском (3,35%).

В Краснодарском крае в целом наблюдалась отрицательная динамика показателей. Наибольшее количество казаков снова насчитали в г. Краснодаре, однако всего 831 человека. Лидером по доле указавших казачью национальность в общей численности муниципалитета стал Отрадненский район, но таковых оказалось лишь 0,56% его жителей.

Относительно половозрастных характеристик казачью идентичность были более склонны проявлять мужчины, и от переписи к переписи эта тенденция только утвердилась. В 2002 г. среди указавших соответствующую национальность оказалось 76720 мужчин (54,8%) и 63308 женщин (45,2%). В регионах с максимальным числом казаков большая доля мужчин (60,6%) была зафиксирована в Краснодарском крае (10626 человек), тогда как в Волгоградской области они составили 54,5% (11257 человек), в Ростовской – 53,3% (46675 человек). В основном казачью идентичность выбирали представители среднего и старшего возраста: сводная категория «30-59 лет» объединила 56820 человек (40,6%), «60 лет и старше» – 44511 человек (31,8%). В свою очередь, среди казаков дети в возрасте «до 18 лет» составили 21233 человека (15,1%), молодежь «18-29 лет» – 17464 человека (12,5%). Значимые гендерные различия по сравнению с совокупным распределением наблюдались в средней и старшей возрастной когорте. Среди детей-казаков мужчин оказалось 11942 человека (56,2%), женщин – 9291 человек (43,8%); в молодежной когорте – 10217 мужчин (58,5%) и 7247 женщин (41,5%). Наибольшая представленность мужчин была отмечена в категории «30-59 лет» – 34417 человек (60,6%), а женщин данного возраста соответствующим образом переписалось 22403 человека (39,4%). Однако в категории «60 лет и старше» наблюдалась обратная ситуация: указали себя казаками только 20144 мужчины (45,3%) и 24367 женщин (54,7%).

По итогам ВПН-2010 отрицательная динамика в манифестации казачьей идентичности несколько в большей степени была характерна для женщин. Их количество снизилось до 29094 человек, а мужчин – до 38479 человек. Тем самым только выросла мужская составляющая учтенного переписью населения казачества: доля мужчин составила 56,9%, доля женщин – 43,1%. В разрезе регионов еще больше, до 62,6%, увеличилась представленность казаков среди мужчин в Краснодарском крае (3295 человек), до 55,5% выросла их доля в Ростовской области (16473 человека), однако в Волгоградской области она изменилась незначительно, составив 54,9% (10138 человек). Возрастная структура указавших казачью национальность

в еще большей степени стала отличаться преобладанием представителей среднего поколения. Дети в возрасте «до 18 лет» составили 9370 человек (13,9%), молодежь «18-29 лет» – 9706 человек (14,5%). Сводная категория «30-59 лет» сократилась до 30493 человека, но ее доля выросла до 45,1%, в то время как казаков «60 лет и старше» оказалось 17916 человек, или 26,5%. Значимые изменения в гендерной структуре казачества произошли только в отношении представителей старшего поколения. Среди детей мужчины составили 5256 человек (56,1%), женщины – 4114 человек (43,9%); среди молодежи – 5732 мужчин (58,5%), 4062 женщины (41,5%), в категории «30-59 лет» – 18631 мужчина (61,1%), 11862 женщины (38,9%). А вот в категории «60 лет и старше» представленность женщин сократилась. В данной возрастной когорте указали свою казачью идентичность 8860 мужчин (49,5%) и 9056 женщин (50,5%).

Однако следует подчеркнуть, что опубликованные официальные результаты касательно переписного учета казаков вызвали неудовольствие последних, выразивших сомнение в объективности представленных данных, еще после первой ВПН. Так, советник Президента РФ по вопросам казачества Г.Н. Трошев в своем выступлении на международном симпозиуме «Россияне в зеркале статистики. Всероссийская перепись населения 2002 года» (30-31 марта 2004 г.) отметил, что казаки остались недовольны итогами переписи населения, и материалы Госкомстата России о численности лиц, относящих себя к казакам, в количестве 140 тыс. человек не соответствуют действительности. По его мнению, аргументом в пользу такой оценки служит то, что членами казачьих обществ, внесенных в госреестр, являются более 660 тыс. казаков. Кроме того, органами юстиции всех уровней зарегистрировано еще более 600 казачьих общественных объединений, союзов, братств, фондов и т.д. Также Трошев подчеркнул, что для того, чтобы объективно оценивать численность казачьего населения России, надо обратиться к ее истории: «В 1914 г. в России официально проживало 4,6 млн казаков. С учетом численности населения страны на тот период и с учетом его роста за истекший период, можно предположить, что в настоящее время в Российской Федерации может проживать около 5 млн. граждан, относящих себя к казакам».[6] Критически он охарактеризовал и предпринятый по итогам переписи населения учет казаков как подгруппы русских, заметив, что более продуктивным по своему эффекту была бы их категоризация как отдельной национальной группы: «Да, казаки в основе своей – русский народ, но я полагаю, что можно было бы пойти им на-

[6] Трошев Г.Н. Участие казачества во Всероссийской переписи населения 2002 года // Россияне в зеркале статистики. Всероссийская перепись населения 2002 года. Международный симпозиум, 30-31 марта 2004 г. М., 2004. С. 222.

встречу и официально учесть их. Это ни в коей мере не снизило бы численность титульной нации – “русских”».[7]

Итоги второй ВПН и вовсе были оценены как несостоятельные, вследствие чего ими в дальнейшем практически перестали оперировать как в публичных дискуссиях, так и при принятии управленческих решений. Так, еще в ноябре 2010 г. пресс-служба ВКО «Всевеликое войско Донское» опубликовала заявление: «Казаки казачьих обществ Войска, включенного в государственный реестр войсковых казачьих обществ в Российской Федерации, обеспечивали охрану, являлись и переписчиками, и сопровождающими переписчиков. По результатам работы все казачьи округа отчитались о проведенной работе. Как сообщили казаки-переписчики и казаки, сопровождающие переписчиков, по предварительным данным, на всей территории Всевеликого войска Донского в переписном листе в графе № 7 около 560 тысяч человек указали национальность «казак» или «казачка».[8] Официальные итоговые цифры оказались в девятнадцать раз меньше, и все еще атаман ВКО «Всевеликое войско Донское» В.П. Водолацкий фактически обвинил госстатистиков в подлоге: «Опубликованные данные – не соответствуют реальным цифрам. Те, кто представлял эти цифры, явно забыли о том, что переписчиков во время переписи сопровождали казаки, а в некоторых случаях, и сами казаки также являлись переписчиками. В каждом казачьем округе Всевеликого войска Донского, остались фактические данные о том, сколько жителей Ростовской и Волгоградской областей указали себя казаками. Только лишь в Белокалитвинском и Каменском районах, реальные цифры гораздо больше, чем указанные в официальных данных по всей Ростовской области. В разговоре с атаманами Кубани и Терека, Долудой и Бондаревым выяснилось, что у них тоже имеются собственные сведения по переписи населения, которые в корне отличаются от официальных данных. Мы – атаманы Юга России, считаем данную перепись в отношении казачества, мягко говоря, шельмованием. По большому счёту, органы статистики сработали против Президента и Правительства Российской Федерации, а это уже немножко другая плоскость рассмотрения данных цифирь. На итоговом заседании Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества, обязательно будет поднят вопрос о данной «переписи». Начальникам, отвечающим за статистику Российской Федерации, надо не бояться, а нужно показывать реальные цифры о количестве граждан относящих себя к казакам, которые всегда выступали за стабильность и порядок в нашей России».[9]

[7] Там же.
[8] Сколько нас, казаки // Администрация Аксайского района, 15.11.2010 (www.aksayland.ru/city/information/14685)
[9] Перепись 2010. Очередной фарс с подгонкой цифр? // Официальный форум донских казаков (forumkazakov.ru/viewtopic.php?f=10&t=3615)

Обвинения в фальсификации итогов переписей населения ее организаторами видятся мне чрезмерными. Представляется, что сокращение числа казаков по итогам ВПН-2010 было зафиксировано вследствие ряда факторов, как взаимосвязанных, так и самостоятельных.

Технологической причиной следует признать относительно массово примененную в 2010 г. практику переписи населения по административным источникам. Во многом следствием этого стало кратное увеличение количества переписанных без их национальной принадлежности (по России в целом с 1,5 млн до 5,6 млн человек, а, например, в Ростовской области с 7507 до 76735 человек). Но также можно допустить и недобросовестность задействованных в переписи работников, получивших официальную возможность применения данной процедуры и чрезмерно прибегавших к ней. Зафиксированные таким способом сведения вполне вероятно частично были выданы за полученные при обходе мест проживания. Недостающие при этом данные могли быть указаны переписчиками произвольно, на собственное усмотрение, и вероятность, что они выбирали «казак» как национальность, крайне невысока.

Некоторый недоучет казаков наблюдался вследствие административного давления, прежде всего в ряде республик Северного Кавказа, на результаты фиксации национальной принадлежности с целью обеспечения «правильной» в понимании местных властей этнической номенклатуры региона. Можно предположить, что в 2010 г. данное обстоятельство в большей степени отразилось на переписной численности казаков (так, в Карачаево-Черкесии их стало в 5,4 раз меньше), хотя соответствующие жалобы со стороны представителей казачества высказывались и после первой ВПН.

Как объективный фактор следует выделить возрастные особенности зафиксированных переписями казаков, и, как следствие, их убыль в результате смерти в межпереписной период. В 2002 г. почти треть из указавших такую национальность (31,8%) были старше 60 лет, в 2010 г. представители данной возрастной категории составили уже лишь чуть более четверти (26,5%).

Тем не менее, определяющую роль в отрицательной динамике сыграла разновекторность процессов актуализации казачьей идентичности. В межпереписной период закрепилась нацеленность госполитики в отношении казачества на его корпоративизацию, на несение последним госслужбы, на институциализацию казачьих обществ как парамилитари структур. Знаковым моментов стало принятие в 2005 г. ФЗ-154 «О государственной службе российского казачества», с одной стороны, лишь интенсифицировавшего антагонизм между реестровыми и так называемыми «общественными» казаками, с другой стороны, приведшего к некоторой ротации членов рее-

стровых казачьих войск, имевшей своим следствием уход из них части этнически ориентированных казаков, и пополнение рядов казачьих обществ теми, кто видит сущность казачества сугубо в его особом служилом статусе. В публичном дискурсе о казаках в 2000-ые годы проблематизация их этнической категоризации оставалась периферийной, что только способствовало тому, что большинство россиян так и не стало рассматривать казаков как некий отдельный народ, да и в целом в этнических категориях.

На этом фоне в казачьем сообществе наблюдалась менее резонансная по сравнению с началом 2000-х годов мобилизационная этноориентированная кампания. Тогда многие активисты первостепенное значение придавали необходимости добиться отдельного учета казаков, выделения для них самостоятельного учетного кода. Отсюда и последовавшее разочарование значительной их части в использованной статорганами процедуре учета этнической самоидентификации: категоризация казаков лишь как подгруппы русских была оценена как очередное предательство властей. При второй ВПН многие уже не видели смысла в необходимости манифестации своей казачьей идентичности как национальности.

Ореол скандальности вокруг казачьего движения, периодически привлекавшие внимание широкой общественности дрязги между различными казачьими активистами, уклон на милитаризацию в политике государства в отношении казачества при значительном его финансировании из бюджетных средств способствовали интенсификации, прежде всего, среди жителей регионов, считающихся традиционно казачьими, скептических настроений относительно складывающегося положения дел. Все больше распространилось неверие в саму возможность этнокультурного возрождения казачества и среди потенциально могших воспринять идею казачьей этничности применительно к себе. Первая ВПН и пропагандистская кампания с нею связанная вызвали определенный энтузиазм и желание продемонстрировать свою особую казачью идентичность среди многих жителей южных регионов России. Но возникшие по большей мере идеалистические ожидания в последующем не получили своего воплощения, да и, скорее всего, не могли быть реализованы. К моменту второй ВПН значимая доля тех, кто проявлял интерес к возрождению казачества, его утратила, а то и разочаровалась в данном процессе. Массового же появления новых акторов, которые бы актуализировали свою казачью идентичность, а тем более готовых ее манифестировать как этническую, не произошло.

Итоги микропереписи населения 2015 г. свидетельствуют о сохранении тренда на сокращение численности лиц, указывающих свою казачью национальность. В частности, доля казаков в переписанном населении Ростовской области составила 0,1%, тогда как по итогам ВПН-2010 она была 0,69%, в Волгоградской области – 0,08% против 0,7%, в Краснодарском

крае – 0,02% и 0,1% соответственно. Тем не менее, предстоящая в 2020 г. новая ВПН может зафиксировать и противоположный результат в случае реализации в ее преддверии ряда условий. Так, если будут приняты давно обсуждающиеся изменения в методологию переписи населения, согласно которым станет возможным учитывать множественную этническую идентичность (а особенно при отказе от групповой иерархии, т.е. без указания «кто в кого входит», а по принципу «и тот, и другой»), то следует ожидать увеличения численности ряда этнических категорий, в том числе и казаков. Также их количественный рост можно прогнозировать и в ситуации, если будет активизирована этническая мобилизация среди казаков, и она не встретит противодействия со стороны властей. В этой связи важно, какую точку зрения по данному вопросу станет манифестировать новообразованное Всероссийское казачье общество. В случае, если его официальной позицией объявят необходимость фиксации в ходе ВПН национальности «казак/казачка», то вполне вероятно и использование административного ресурса для достижения максимального соответствующего показателя, особенно в регионах, презентующих себя как традиционно казачьи. Однако наблюдавшееся практическое отсутствие обозначенных действий в первой половине 2019 г. скорее свидетельствует о том, что указанный сценарий развития ситуации будет менее возможен, и следует ожидать по итогам ВПН-2020 сокращения численности лиц, указавших казачью национальность.

Восприятие культурного многообразия жителями московского региона: миграционный аспект

Кульбачевская О.В.

При измерении культурного многообразия важно учитывать взаимодействие культур, особенности их сосуществования и характер восприятия населением факта поликультурности. При взаимодействии с мигрантами (как внешними, так и внутренними) восприятие культурного многообразия жителями Московского региона становится неоднозначным и содержит конфликтогенный потенциал, поскольку негативные стереотипы в отношении мигрантов и список миграционных рисков формируются в первую очередь через призму культурных отличий.

Данная статья основана на материалах исследований, проведенных Институтом этнологии и антропологии РАН совместно с Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в 2017-2019 гг. В ходе исследований мы проводили массовые опросы населения Москвы, включая столичных школьников, на миграционную тему. Наши исследования показывают, что для большинства москвичей столица представляется как однородное в культурном отношении пространство, русскоязычное и православное. В такой ситуации инокультурные мигранты из Средней Азии и с Кавказа являются чуждыми для местного населения, и, по его мнению, несут в себе культурные риски, к которым относятся исламизация культурного пространства (зачастую соотносящаяся с радикальными формами ислама) и угроза сохранению в полной мере своих традиций, что воспринимается некоторыми москвичами как ущемление своих этнокультурных прав.

При этом этническое самочувствие опрашиваемых нами москвичей (подавляющее большинство которых являются русскими) характеризуется как благоприятное. Об этом косвенно свидетельствует довольно часто встречающаяся при опросах эмоциональная реакция москвичей на вопрос о национальности, как будто подчеркивающая его неуместность и недоумение респондентов, почему в столице вообще задают такой вопрос, ведь ответ очевиден: «Я русский!», «Русский!», «Русский, не таджик же!».

По данным недавнего исследования, проведенного в феврале-марте 2019 г.,[1] у большинства респондентов нет проблем при общении на родном (русском) языке. Не знают или мало знают родной язык, а потому не используют его при общении, небольшое количество респондентов (в основ-

[1] В опросе приняли участие жители различных районов г. Москвы - от «престижного» центра города до спальных районов, при этом географически столица была охвачена практически полностью. Выборка составила 300 человек.

ном иноэтничные) (3%). Еще меньше людей (около 1%) испытывают стеснение при общении на родном языке в инородной языковой среде. Также иноэтничные жители столицы не используют родной язык, потому что для этого нет языковой среды. Удивительно, но нередки случаи, когда нерусские респонденты не пользуются родным языком, поскольку делать это им не позволяют их этические нормы: они полагают, что раз они находятся в России (Москве), то должны говорить только на русском языке.

Большинство опрошенных москвичей (84%) не испытывали за последний год негативного к себе отношения из-за языка, национальности или религии. Однако небольшая часть респондентов сталкивалась с негативным отношением в первую очередь из-за своей национальности (5%) (эта позиция стоит на первом месте не первый год), а также из-за религии и языка, на котором говорят (по 3%). В 2017 г. по результатам опроса москвичей[2], наблюдалась несколько иная картина: доля русских в выборке была ниже, но при этом людей, не сталкивающихся с дискриминацией по национальному, религиозному и языковому признаку было больше. Это может говорить о том, что иноэтничные жители столицы два года назад в меньшей степени испытывали негативное к себе отношение. В текущем году наблюдается тенденция также и к тому, что все больше русских москвичей сталкиваются с негативным к себе отношением, и, судя по комментариям респондентов, отношение это ощущается местным населением со стороны мигрантов. Кроме того, по сравнению с 2017 г. увеличилось число людей, сталкивающихся с негативным к себе отношением из-за религии. То есть можно говорить о некотором усилении напряжения между местным населением и мигрантами. И это происходит на фоне того, что для жителей столицы характерно отсутствие тесных коммуникационных связей с инокультурными мигрантами. Несмотря на то, что около трети опрашиваемых москвичей заявляют, что с иностранными трудовыми мигрантами они общаются практически ежедневно, зачастую под таким ежедневным общением подразумевается обмен приветствиями с дворниками или взаимодействие с кассирами в магазинах. То есть образ инокультурного мигранта в большей степени основан на сложившихся стереотипах, в формировании которых немаловажную роль играли и играют СМИ.

Для успешного взаимодействия и взаимопонимания очень важен язык общения. В ходе весеннего опроса 2019 г. мы спрашивали москвичей о том, возникали ли в их жизни проблемы из-за того, что иностранцы, работающие в России, мало знают русский язык. Более трети опрошенных ответили на этот вопрос утвердительно. Сюда же следует прибавить еще 3% тех, кто заявил о том, что проблемы были, но не являлись серьезными, и их

[2] Массовый опрос населения г. Москвы проводился в мае-июне 2017 г. Выборка составила 300 человек.

удавалось решить. Также необходимо отметить, что в ряде случаев респонденты под серьезной проблемой подразумевали чувство дискомфорта от того, что кто-то рядом с ними разговаривает на непонятном для них языке. Более половины опрошенных москвичей (56%) не имеют проблем из-за плохого знания мигрантами русского языка. Один из респондентов отметил, что не во всех видах деятельности, где заняты иностранные трудовые мигранты, необходимо хорошо знать русский язык.

Несмотря на то, что недостаточное знание русского языка мигрантами не доставляет серьезных проблем многим москвичам, для того, чтобы местные жители столицы восприняли иностранца россиянином, он в первую очередь должен знать русский язык. Это отметили в ходе опроса более половины респондентов (57%). Также для москвичей очень важно, чтобы иностранец много лет прожил в России (47%). Получение гражданства РФ иностранцем не так важно для местного населения, как первые два пункта (38%).

Согласно другим вариантам ответа, которые дали 15% респондентов, для этой части москвичей определяющим фактором в восприятии иностранца «своим» или россиянином является соблюдение ряда требований: знание истории и культуры России, а также уважение и соблюдение российских законов и местных традиций; любовь к России; созвучие и принятие местного менталитета. Некоторые респонденты особо подчеркивали, что иностранцы, претендующие на то, чтобы быть россиянином, должны жить по «нашим правилам», «должны принять русскую культуру, а *не нести свою* (выделено респондентом)», «пройти службу в армии РФ, не жить по законам своего народа», «должен быть приобщен к нашей культуре». Один из комментариев – «должен вести себя как гражданин светского государства, а не как религиозный фанатик» - может свидетельствовать о том, что мигранты зачастую воспринимаются как мусульмане, чья религия и культура чужда российскому человеку. Незначительное количество опрошенных заявили о том, что никогда не воспримут иностранца как россиянина, поскольку чтобы быть россиянином, нужно родиться в России.

В ходе наших исследований мы выясняли, каких иностранцев жители Московского региона готовы назвать соотечественниками, чт**о** в принципе должно означать безусловное принятие таких иностранцев в местную и общероссийскую среду. В этом отношении лидирует ответ о том, что соотечественниками могут быть названы все бывшие граждане СССР (около одной трети респондентов). На втором месте стоит ответ: соотечественники – это те, кто знает русский язык (четвертая часть респондентов). Довольно существенна доля (пятая часть) тех, кто в качестве соотечественников видит только представителей отдельных национальностей, исходя из

комментариев и вариантов ответов опрошенных, имеются в виду только русские. Также приветствуются лица славянской внешности и христиане.

Широко распространено мнение, что соотечественниками нужно считать всех тех, кто не только знает русский язык, но культуру, историю и законы нашей страны. Немаловажно для респондентов следующее требование к соотечественникам: знание традиций, норм и жизненного уклада. Как видим, несмотря на довольно высокую долю среди опрошенных тех, кто готов интегрировать в свою среду всех бывших граждан СССР, все же прослеживается тенденция принятия только «своих», то есть русских или славян. В других случаях у местных жителей есть требования к «претендентам» на соотечественников вливания в местную культурную среду и уклад жизни.

Значительное число москвичей, две трети, считают, что мигранты мало уважают местные традиции. Причем у некоторых москвичей мнение на этот счет категорическое: они полагают, что мигранты *абсолютно* не уважают наши традиции, навязывают свои; говорят о случаях, когда мигранты публично оскорбляли традиции российского народа, за что таких мигрантов нужно с семьей высылать на родину с пожизненным запретом въезда на территорию РФ. Для некоторых столичных жителей следование мигрантами своим традициям расценивается как неуважение мигрантов к традициям местным. Несогласных с мнением, что мигранты мало уважают местные традиции, немного (15%). Такие респонденты говорят, что нельзя так говорить обо всех мигрантах, что многое зависит от культурного уровня конкретного человека, что дело не в неуважении, а в незнании местных традиций.

Информировать мигрантов о традициях и культуре России, по мнению респондентов, должны в равной мере и власти и общественные организации. Тех, кто считает, что в этом отношении ничего не нужно делать, совсем немного (4%). Десятая часть опрошенных предлагала свои варианты: мигранты сами должны изучать традиции и осваивать российскую культуру, в том числе, еще до приезда в Россию; информировать мигрантов должны СМИ, работодатели, среда и общество (москвичи), диаспоры, землячества, соотечественники мигрантов, уже переехавшие в Россию. Случаи, когда респонденты говорят о том, что мигрантам не следует навязывать местные традиции, а узнавать о них мигранты должны сами по желанию, единичны.

Самой эффективной мерой по информированию мигрантов москвичи считают привлечение их к участию в общественной жизни, праздниках, спортивных мероприятиях. Раздать мигрантам информационные листовки будет недостаточно, но они не помешают. Мигрантам нужно давать возможность посещать по желанию экскурсии, праздники, спортивные меро-

приятия наравне со всеми, не выделяя их при этом из местного сообщества.

Часть опрошенных полагает, что информацию о российской культуре и традициях мигранты должны получать в странах исхода, в том числе на курсах. Другие ратуют за создание спецкурсов в России, за информирование в соцсетях. Предлагается вариант информировать лидеров мигрантских сообществ, которые потом сами передадут знания своим соотечественникам. У небольшой части респондентов звучали категорические нотки. Такие выступают за принудительное обучение мигрантов, используя жесткие меры: «нужно вбивать им в голову», «нормы морали лучше всего прививать репрессивными мерами!». Заметим, что последнее высказывание высвечивает стереотип о том, что мигранты – люди, не знакомые с цивилизацией и не имеющие представлений о нравственности и нормах морали.

К внутренним мигрантам, приезжающим в Москву из других российских регионов, подавляющее большинство опрошенных (83%) также предъявляют требование знать местные традиции. Лишь несколько респондентов заметило, что это же могут быть «свои» - русские, а, значит, им знакомы местные традиции. Даже если и не русские, то все равно «они нормально адаптированы, например, буряты, которых стало много в Москве». Возможно, следующее высказывание одного из респондентов - «Если это религиозные фанаты, то пусть со своим уставом сидят на Кавказе» - объясняет такую большую долю москвичей, выступающих за необходимость изучения местных традиций внутренними мигрантами. Москвичи замечают в большей степени мигрантов иноэтничных, инокультурных, с религией, отличной от православия. Другие приезжие из регионов России, возможно, не воспринимаются местным населением как мигранты.

Сами москвичи не очень стремятся к изучению традиций и культуры мигрантов. Менее половины (44%) считают, что местные жители должны это знать. Треть опрошенных против изучения чужих традиций и культур. За последние несколько лет лишь 40% опрошенных жителей Москвы стали больше знать о традициях, языках и культуре мигрантов. На интеграцию с мигрантами настроены не так много москвичей – лишь 42%. Почти столько же относятся отрицательно к идее интеграции.

Что касается межкультурного взаимодействия в московской школьной среде, то восприятие культурных отличий здесь в целом характеризуется нейтральностью на фоне довольно слабого интереса к изучению различных национальных культур. Согласно результатам проведенного нами оп-

роса,[3] лишь 40% школьников полагают, что знания о национальных культурах нужны для ознакомления (почти столько же, сколько и взрослых москвичей, о чем говорилось выше), еще 35% опрошенным ученикам такие знания нужны для сохранения своих традиций (то есть в знаниях других культур они не нуждаются). Для остальных интерес к изучению национальных культур имеет практический характер: по их мнению, знания о культурах необходимо осваивать для получения специальных навыков и умений в случае выбора для себя в будущем определенных профессий (связанных в первую очередь с туристическими услугами и гостиничным хозяйством).

Как и в случае со взрослыми москвичами, подавляющее большинство подрастающее поколение москвичей (86%) не испытывает к себе негативного отношения. Менее десятой части учеников (7%)- сталкиваются с отрицательным к себе отношением из-за национальности, реже (опять же, как и в случае со взрослыми) из-за религии и языка – (4-3%). Есть редкие случаи, когда школьники нерусской национальности чувствуют негативное отношение, но не знают, вследствие чего оно такое.

Половина опрошенных нами школьников относится нейтрально и еще треть положительно к совместному обучению с мигрантами. Такие показатели свидетельствуют, в общем, о довольно высокой степени толерантности в школьной среде. Лишь чуть более десятой части опрошенных относится отрицательно к наличию в классе детей мигрантов. Очень редко встречается категорически негативная позиция: «Если бы я учился с ними, то каждый день подвергал бы насилию» (школьник, указавший первую национальность «немец», вторую «испанец», но с русским родным языком), «Не впускайте огромное количество мигрантов, Москва и так не резиновая» (школьник крымский татарин-русский, с родным русским языком). Почти все варианты собственных («других») ответов респондентов отражают стереотип о вызывающем и неуважительном поведении мигрантов (стереотип, как уже отмечалось выше, распространенный в медийном пространстве и российском обществе): «Смотря как они ведут себя в моем присутствии, как ко мне относятся», «Если не будут вести вызывающе» (тогда отнесусь положительно или нейтрально).

В ходе опроса школьников мы выявляли отношение к мигрантам в учебном коллективе. Половина учеников полагает, что мигранты полностью интегрированы в учебные коллективы. Мнения остальных приблизительно поровну делятся по следующим позициям: незначительная интеграция мигрантов, определенная интеграция, значительная интеграция.

[3] Опрос учащихся проводился в 2017 г. путем анкетирования в средних образовательных учреждениях г. Москвы (школах, лицеях, гимназиях), расположенных в районах с различным уровнем инфраструктуры и социальной «статусности». Выборка составила 300 человек (школьники старших классов в возрасте от 13 до 19 лет).

Десятая часть школьников расценивает школьную среду как место, где мигранты полностью изолированы, но, несмотря на этот показатель, в целом можно сказать, что московские школьники наблюдают интегративные процессы у детей мигрантов.

Согласно результатам исследования в средних учебных заведениях г. Москвы, на первый план при выборе круга общения у московских школьников выступают отличия демографические и персональные, в первую очередь они обращают внимание на ум, возраст и внешность соучеников. Культурные отличия стоят на втором месте. В этом случае решающими факторами при налаживании коммуникации с другими для опрошенных школьников являются традиции и нормы поведения, а также язык. Затем следуют национальность и религия. Место рождения не так важно.

Что касается интеграционных процессов, то вливание иноязычных соучеников в учебные коллективы идет успешнее по сравнению с соучениками, чьим отличительным от большинства признаком является религия: если 70% школьников полагают, что дети с религиозными особенностями в той или иной степени интегрированы в учебные коллективы, а треть респондентов считает, что ученики с религиозными особенностями испытывают трудности в процессе интеграции и изолированы от класса в той или иной степени, и еще десятая часть заявляет о полной изоляции таких детей, то в случае иноязычных соучеников две трети респондентов заявляют о полной интеграции, большинство остальных – о значительной и определенной интеграции, и лишь десятая части школьников полагает, что соученики с другим языком сталкиваются с различной степени трудностями в учебном коллективе.

Если говорить о восприятии московскими школьниками культурных отличий в учебных коллективах, то результаты опроса показли, что для половины школьников культурные отличия не имеют большого значения. Пятая часть респондентов такие отличия учитывает частично. Вдвое меньше школьников культурные отличия подчеркивают. Особенное восприятие культурных отличий характерно для десятой части респондентов.

С соучениками, отличающимися по языку, у подавляющего большинства респондентов складываются почти в равных долях либо позитивные (ощущают к «иноязычным» интерес, хотят поддержать, чувствуют новые возможности), либо нейтральные отношения (не ощущают ничего при общении с отличающимися по языку, не возникает желания поддержать, не чувствуют новых возможностей). Негативные стереотипы отношений характерны лишь для незначительной части опрошенных (5%) (не хотят общаться, ощущают неодобрение и препятствия, довольно высок уровень тревоги).

С приезжающими из других мест складываются в большей степени нейтральные отношения, но и доля позитивных стереотипов довольно высока, а доля негативных еще меньше, по сравнению с отличиями по языку (3%).

Восприятие соучеников других национальностей отличается еще большей нейтральностью, при этом возрастает доля школьников, для которых характерны негативные стереотипы отношений (9%). В данном случае становится меньше тех школьников, кто испытывает интерес к иноэтничным соученикам; меньше хочется их поддержать; не видится для себя никаких новых возможностей при общении с ними, а степень доверия становится еще ниже, в отличие от приезжих. Соответственно, возрастает доля респондентов, которые не хотели бы общаться с иноэтничными, ощущают неодобрение и препятствия. Существенно возрастает уровень тревожности.

К отличающимся традициями и нормами поведения опять-таки характерна большая доля нейтрального восприятия, количество респондентов с негативными стереотипами отношений в данном случае еще больше (10%). При этом среди респондентов возрастает нежелание общаться, становится больше препятствий и усиливается уровень тревожности.

Такая же картина складывается в отношении соучеников с религиозными отличиями.

В целом можно сказать, что для двух третей учеников, принявших участие в нашем опросе, характерны нейтральные отношения с культурно отличительными соучениками (самый распространенный стереотип отношения: особого доверия к ним нет, но они и не тревожат). Для одной трети такие отношения имеют позитивный характер (интерес). Негативное отношение (ощущение тревоги) характерно для десятой части школьников.

* * *

Для улучшения климата межкультурного взаимодействия и гармонизации отношений между местными жителями и мигрантами в российской столице, можно предложить следующие рекомендации для органов федеральной и московской власти:

- при проведении национальной политики в Москве исключить культивирование региональной идентичности, как управленческое действие, имеющее негативные последствия для общественных представлений о гражданском единстве;

- формировать у жителей города образ многонациональной, многоконфессиональной, многоязычной России;

- увеличить в федеральных и региональных СМИ количество информации о культурном многообразии г. Москвы; особое внимание должно быть уделено вопросу о многоконфессиональности страны и ее столицы.

Желательно не ограничиваться в телевизионных познавательных и новостных программах освещением культуры только какой-либо одной национальности, а представлять «парад» культур. Формирование образа многокультурной столицы в федеральных СМИ окажет положительное влияние на сферу межнациональных отношений и в регионах страны.

- усовершенствовать и оптимизировать в процесс инклюзивного обучения детей мигрантов в общеобразовательных школах;

- предоставить в федеральных и московских СМИ возможность диалога местного населения и мигрантов (например, создание тематических общественно-политических передач с привлечением экспертов и мигрантов; передач о судьбах мигрантов с последующей дискуссией общественности; организация дебатов между коренными москвичами и мигрантами);

- расширить систему мероприятий по обучению мигрантов русскому языку и информированию их о местных культурных нормах и традициях. Для решения этой задачи активно привлекать неправительственный сектор. Включить в функции государственных миграционных центров обязательное информирование мигрантов о культурных нормах в стране и городе (не ограничиваясь аздачей информационных буклетов);

- наладить совместную работу московских властей с землячествами, диаспорами и лидерами мигрантских сообществ по информированию мигрантов о правилах общежития в столице, создать систему взаимодействия муниципалитетов с общественными объединениями мигрантов и национальными общинами;

- на базе городских библиотек создать систему доступа мигрантов к информационным технологиям и электронным государственным сервисам, включая обучение;

- организация благотворительных акций и марафонов в помощь нуждающимся мигрантам;

- разработка комплексной программы по вовлечению мигрантов в общественную, культурную и спортивную жизнь столицы.

В качестве мероприятий с участием мигрантов можно предложить следующее:

- Совместная деятельность по преобразованию территорий, проведение на них образовательно-культурных мероприятий. Это может быть создание и развитие открытых общественных образовательно-культурных пространств на территории Москвы силами жителей и мигрантов при поддержке лидеров мнения, деятелей культуры и медиа. Также совместная организация открытых уличных экспозиций и фотовыставок на тему миграции.

- Создание центров культурных коммуникаций на базе городских библиотек. Организация в центре процесса изучения разговорного русского

языка, правописания и культуры речи. Информирование населения о возможности изучения русского языка, знакомство мигрантов с русской культурой, литературой, искусством.

- Создание творческих студий, кружков, мастерских для совместных занятий местных и мигрантов, а также представление мигрантам возможности организации кружков и пр. для обучения желающих из числа местного населения своим национальным ремеслам, танцам и др.

- Создание комфортных условий мигрантам для повышения уровня образования, сдачи комплексного экзамена и тестирования, оформления статуса в России посредством создания рабочих мест для местного населения по обеспечению кратковременного присмотра и ухода за детьми мигрантов с возможностью адаптации детей в новых условиях.

- Во время значимых общегражданских праздников и в День города организация концертов с участием местных жителей и мигрантов (на общегородском и муниципальном уровнях).

- Проведение общегородских фестивалей, конкурсов юных талантов с привлечением молодежи, детей и подростков из различных национальных общин.

- Организация и проведение на регулярной основе общегородского праздника «Парад культур Москвы» с участием представителей национальных общин г. Москвы, включая мигрантские.

- Организация ярмарок по продаже «национальных» товаров из стран, откуда прибывают мигранты,

- Организация спортивных игр и марафонов с обязательным участием и местных жителей и мигрантов (формирование смешанных команд).

Отношение к переписи населения жителей Москвы
(по данным массового опроса 2019 года)

Подлесных О.Н.

В феврале - марте 2019 г. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов при поддержке фонда президентских грантов с целью оценки конфликтного и интеграционного потенциала местного населения в сфере миграционных отношений провела опрос по теме изучение общественного восприятия культурного многообразия, отношения местного населения миграции и мигрантам. Статья посвящена оценке результатов исследования в Москве.

Всего по выборке согласно квоте, рассчитанной пропорционально половозрастной структуре, в регионе опрошено 600 местных жителей 18 лет и старше (272 мужчины и 328 женщин). Согласно квоте респонденты разделены на три возрастные категории: первая (18-29 лет) составила 18%, вторая (30-59 лет) – 56% и третья (60 лет и старше) – 26%. Соотношение мужчин и женщин в соответствии с требованием квоты внутри возрастных категорий распределилось следующим образом: в первой группе опрошено 52 мужчин и 54 женщин, во второй – 162 мужчин и 164 женщины и в третьей возрастной группе – 58 мужчин и 98 женщин. Национальный состав участников опроса в целом соответствует этническому составу жителей московского региона по результатам переписи населения.

Для проведения опроса в городе было выделено более 80 маршрутных участков. Маршрутные участки были сформированы таким образом, чтобы обеспечить проведение опроса в различных районах города для получения адекватного представления об изучаемых явлениях в условиях региона. Участки расположены в большинстве административных округов города. Опросом были охвачены районы с различным уровнем инфраструктуры и социальной престижности

Не были критерием отбора, но фиксировались при опросе: этническая и языковая идентичность респондентов, их место рождения и миграционная история, уровень образования, занятость и источники дохода, материальное положение и социальное самочувствие, этническая идентичность, язык семьи и общения, наличие предрассудков (мигрантофобия и нетерпимость).

В анкету был включен блок из пяти вопросов о переписи населения, среди них есть открытый вопрос о взглядах населения на понятие «родной язык». Выяснялось также представление респондентов о том, что, по их мнению, означает понятие «национальность» (гражданство, принадлежность к конкретному народу или иное), о важности вопроса о родном язы-

ке, а также предпочтительный вариант участия в переписи. Он был сформулирован следующим образом: «В 2020 г. каждому будет необходимо выбрать один вариант переписи. Мы перечислим четыре варианта. Какой Вы бы выбрали для себя?

- Отвечать письменно через интернет, потребуется предъявить документы для регистрации;
- Отвечать переписчику у себя дома, документы не требуются;
- Посетить переписной участок в своем районе, документы не требуются;
- Отвечать по телефону, документы не требуются
- Ваши предложения _____
- Затрудняюсь ответить»

В блок был также включен вопрос о том, нужно ли во время переписи учитывать, откуда приехал иностранец.

Наш опрос показал важность вопроса о владении языками для москвичей – 77% опрошенных считают, что в ходе переписи нужно задавать вопрос о том, какие языки знают люди, принимающие в ней участие против 19% тех, кто считает это лишним. Два человека сочли это не обязательным, но интересным.

Предложение сформулировать свое представление о том, что такое родной язык вызвало затруднение у довольно значительного числа респондентов – почти 13% из них не смогли дать определенного ответа. Разнообразные формулировки участников опроса для удобства учета в процессе обработки анкет были распределены по десяти группам:

1. на котором говорю / постоянный / привычный;
2. язык детства;
3. на котором думаю;
4. язык семьи/родственников;
5. язык народа/национальности;
6. язык страны/региона;
7. государственный язык;
8. русский;
9. каждый определяет по-своему;
10. другой ответ.

Поскольку ответы, данные в свободной форме, часто содержат в себе признаки более чем одного варианта группировки, то одному ответу часто присваивалось несколько вариантов группировки.

Для большинства респондентов (32%) представление о родном языке связано с тем, что принято называть «языком детства». Чаще всего это сформулировано как «язык, на котором человек начал говорить в детстве»,

«который знаешь с рождения». Вторая по частоте ассоциация, которая возникает у респондентов, связана языком общения в семье и с родственниками (21%). В этом случае типичны следующие высказывания: «язык моей семьи», «на котором говорят родители», «язык матери», «на котором с детства говоришь с родителями». Почти 10% назвали родным тот язык, на котором обычно говорят, «тот на котором я постоянно общаюсь», «наиболее часто используемый язык». 15% респондентов связывают рассматриваемое понятие не с общением, а с мыслительной деятельностью. Для них родным является «язык, на котором думаешь». Существенно реже представление о родном языке связано с этнической, региональной или гражданской идентичностью. По четыре процента приходится на язык народа/национальности («язык твоей национальности», «язык твоей культуры», «язык культур национальности», «язык твоей культуры», «язык культуры народа», «язык этнической группы, к которой человек причисляет себя») и язык страны/региона («язык в стране проживания», «Язык страны, в которой ты родился или прожил свое детство и юношество»). Немного более двух процентов – на государственный язык («язык государства, где родился», «государственный язык»). Двое респондентов указывают на то, что родной язык человек выбирает по собственной воле, «который человек сам для себя признает родным». Некоторые респонденты посчитали, что для родного языка наиболее характерны отсутствие необходимости его изучения, легкость общения на нем. Другие отметили, что у человека должна быть высокая степень компетенции в родном языке и эмоциональная связь с ним – «язык, который вы знаете лучше всего и любите», «которым пользуешься свободно». Почти 7% при ответе на вопрос о понятии «родной язык» назвали конкретный язык – русский. Подавляющее большинство этих людей не поняли вопроса. Возможно, их смутила первая фраза вопроса: «В переписи спрашивают, какой у вас родной язык».

Рассмотрим как менялись варианты формулировок вопроса о языке в предыдущих переписях.

	Формулировка вопроса	**Указания переписчикам**
1989 г.	9. Родной язык. Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеет	Записывается название языка, который сам опрашиваемый считает своим родным языком. Родной язык может не совпадать с национальностью. Если опрашиваемый затрудняется назвать какой-либо язык родным, следует записать название языка, которым он лучше владеет или которым обычно пользуется в семье. {…} После записи родного языка в верхней строке лицам, свободно владеющим другим языком народов

	Формулировка вопроса	Указания переписчикам
		СССР {…} записывается название этого языка. Если опрашиваемый, кроме родного, свободно владеет двумя и более языками, то следует записать только тот из них, которым он лучше владеет
2002 г.	9.1 Владеете ли Вы русским языком? (метка да/нет) 9.2 Какими иными языками Вы владеете? (3 поля для ответов)	Владение языком означает умение говорить, читать и писать или только разговаривать на данном языке. Вопрос «Какими иными языками Вы владеете?» В каждом прямоугольнике записывается название только одного языка. Первый прямоугольник предназначен для записи родного языка опрашиваемого. Для этого необходимо задать вопрос «Ваш родной язык?». Если опрашиваемый называет родным языком русский язык, то в вопросе 9.2 он не записывается, но внизу переписного листа в зоне «Резерв» обязательно проставляется первая метка. Если помимо русского языка опрашиваемый владеет иными языками, то в трех прямоугольниках записывается название этих языков. Если родным языком является не русский язык, то в первом прямоугольнике записывается название родного языка. В остальных двух прямоугольниках записывается название иных языков, которыми владеет опрашиваемый. Если опрашиваемый владеет большим числом иных языков, чем предусмотрено прямоугольников для их записи, то запишите языки по выбору опрашиваемого. Если опрашиваемый затрудняется выбрать, какие языки записать, то при записи предпочтение отдается языкам народов России
2010 г.	9.1 Владеете ли Вы русским языком? (метка да/нет) 9.2 Какими иными языками Вы владеете? (3 поля для ответов) 9.3 Ваш родной язык	Вопрос 9.1. выясняет владение государственным языком РФ – русским языком. В зависимости от ответа опрашиваемого проставить одну из меток: «да» или «нет» Вопрос 9.2. Если человек называет более трех языков, то следует записать любые три из них по выбору опрашиваемого. В каждом прямоугольнике записывается название только одного языка. В ответе на вопрос 9.2. нельзя записывать русский язык Вопрос 9.3. В специальном поле нужно записывать название только одного языка, который опрашиваемый считает родным. Если человек называет более одного родного языка, то записывается один язык по вы-

	Формулировка вопроса	Указания переписчикам
		бору опрашиваемого. Если опрашиваемый затрудняется выбрать родной язык, то предпочтение отдается тому языку, который опрашиваемый хотя бы немного помнит

Приведенные в таблице формулировки вопросов свидетельствуют, что за время проведения постсоветских переписей программа в части вопросов о языке постоянно уточнялась и расширялась. Если в переписи 1989 года задавался вопрос о родном языке респондента, то в 2002 году в опросном листе появляется вопрос о владении государственным русским языком и вопрос о владении иными языками, на который можно было дать три ответа. В переписи 2010 года языковой блок состоял уже из трех вопросов. К двум перешедшим из предыдущей переписи, добавился вопрос о родном языке. Эти изменения предпринимались с целью выяснить языковую компетенцию респондентов и, таким образом, уточнить языковую ситуацию в стране. В переписи 2020 года языковая программа вновь будет сокращена до одного вопроса: «Ваш родной язык» для ответа планируется одна строка, в которой через запятую можно будет вписать второй язык.

Поскольку одним из традиционных вопросов переписи является вопрос о национальности, ответ на который фиксируется в той формулировке, которую дает переписываемый, респондентам было предложено определить это понятие и прокомментировать использование данного термина. Во время подготовки и проведения постсоветских переписей в научной среде неоднократно возникала идея замены термина «национальность», с тем, чтобы четче развести определение гражданской и этнической идентичности. Выяснилось, что для большинства опрошенных, «национальность» тесно связана с этнической принадлежностью. Этот ответ выбрали 79% участников опроса. Однако понимание термина оказалось неоднозначным: почти 18% респондентов считают, что национальность определяется гражданством. Среди тех трех процентов опрошенных, из тех кто воспользовался возможностью дать собственный вариант ответа, оказались люди, которые считают, что термин сочетает в себе «и гражданство и принадлежность к народу», те, кто считает, что национальность определяется культурой и языком и те, кто счел «национальность неадекватным идентификатором в XXI веке».

Вопрос о том, нужно ли во время переписи учитывать, откуда приехал иностранец, опрашиваемый в ходе переписи, вызвал затруднения примерно у 10% респондентов. Подавляющее большинство ответов (77%) за то, чтобы спрашивать людей, откуда они приехали. 11% считают, что эта информация не является обязательной. Участниками опроса были также вы-

сказаны мнения: «иностранцы не граждане РФ не должны принимать участие в переписи», «важно постоянное место жительство, где проживали раньше - не имеет значения», «не важно, откуда приехали, лишь бы никаких гадостей не делали».

Наиболее удобным для себя респонденты сочли отвечать на вопросы переписи с помощью интернета, идентифицировав себя путем регистрации по документам (40% ответов). Этот вариант предсказуемо выбирают респонденты молодого и среднего возраста, которые привыкли пользоваться государственными электронными сервисами для решения бытовых вопросов. Вторым по популярности стал вариант участия в опросе по телефону (почти 30%), его выбирают люди разных возрастных групп. За ним следует вариант отвечать переписчику при поквартирном обходе, 16% опрошенных готовы впустить сотрудников к себе домой. В основном это люди старших возрастов, которые привыкли к этому способу проведения переписи в советское и постсоветское время. Почти 11% респондентов готовы сами посетить переписной участок. Один из опрошенных предложил воспользоваться многофункциональными центрами для проведения переписи. Следует отметить, что только два процента респондентов затруднились с выбором варианта участия в процессе переписи.

Уже известно, что при проведении переписи 2020 года телефонного опроса не планируется, а основную массу переписных листов предполагается получить с помощью сайта госуслуг и при поквартирном опросе. Это решение может привести к значительным затруднениям. Многие пожилые люди, особенно проживающие отдельно, не впустят переписчиков, поскольку вообще опасаются открывать дверь незнакомым людям. Однако и сами на переписной участок они могут не прийти. Заполнение переписного листа респондентами самостоятельно на сайте госуслуг также может оказаться не самой удачной идеей. Переписной лист – довольно объемный документ, для корректного заполнения которого переписчики проходят инструктаж. Как можно увидеть в приведенной выше таблице, разъяснения для переписчиков всегда были довольно обширными. Если респондент столкнется с необходимостью читать подобные подсказки, то процесс заполнения может показаться ему слишком длительным, даже при хорошей связи и отсутствии сбоев. Это приведет к тому, что появится много незавершенных переписных листов. Для регистрации на сайте госуслуг необходимо предоставить персональные данные, что также может вызвать нежелание потенциальных респондентов воспользоваться этим вариантом прохождения переписи.

Известно, что крупные электронные государственные системы регистрации и хранения данных уязвимы. Они не застрахованы от сбоев, взломов, хакерских атак и утечки данных. Часть из таких систем, к тому же, по

существующим протоколам не способна осуществлять свои функции при аварийном отключении электроснабжения, поскольку параллельная регистрация на бумажных носителях не предусмотрена процедурой или прямо ею запрещается. Так, например, жители нескольких российских регионов, включая Москву, в течении трех дней в июле 2019 года не могли зарегистрироваться и получить свидетельства о браке, рождении детей и смерти родственников из-за сбоя в работе Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния, причиной которого стало плановое обновление системы. И хотя специалисты утверждали, что операторы во время проведения таких работ могут нормально функционировать за счет офлайн-версии, в данном конкретном случае не работала и она.[1] Аналогичный сбой произошел в январе 2019 года в работе петербургской системы МФЦ из-за перехода Росреестра на новое программное обеспечение. В Красноярском крае эту систему лихорадило почти полгода.[2] В декабре 2018 г. произошел масштабный сбой в работе столичных МФЦ, а в ноябре этого же года – в работе МФЦ Московской области. Аналогичные сбои отмечались и работе информационных систем д., Пенсионного фонда и т.д. Если такого рода ситуации не будут предусматриваться протоколами и процедурами регистрации и обработки данных цифровизация может привести к срыву масштабных государственных мероприятий и программ, включая перепись населения.

[1] www.rbc.ru/society/16/07/2019
[2] https://nsp.ru/news/19797

Зигзаги этностатистики: особенности переписей населения в Башкирии в 1989, 2002, 2010 гг. и прогноз на 2020 гг.

Габдрафиков И.М.

Одним из российских регионов, где этностатистика в позднесоветский и постсоветский периоды стала важнейшим фактором политики является Республика Башкортостан. Анализ ситуации в этом регионе в период проведения последней советской переписи населения 1989 г., а также двух постсоветских переписей – 2002 и 2010 гг. свидетельствует о том, что местная политика и административный ресурс оказывали влияние на численное соотношение проживающих в республике татар и башкир. В этом регионе накануне и после переписей возникают чрезмерно напряженные общественные дебаты, а объектом статистических манипуляций становятся смешанные районы расселения этнических групп. Именно вокруг «татаро-башкирского вопроса» всякий раз разворачиваются ожесточенные дискуссии, которые выходят за рамки обычного статистического учета население, влияя на текущую политику.

Перепись 1989 г. проводилась в условиях горбачевской перестройки и демократизации после известного Пленума ЦК КПСС 1988 г., осудившего перекосы в национальной политике в отдельных регионах СССР, в т.ч. и в Башкирии. Поэтому в тот период отсутствие административного нажима со стороны местной власти во время переписной кампании привело к значительному «росту» численности татар и «сокращению» численности башкир.[1]

Но в переписи 2002 г. произошел резкий «всплеск» численности титульной этнической группы и обвал численности татар. Всплеск численности башкир и уменьшение численности татар произошел за счет сельского населения западных районов республики.[2]

Накануне переписи 2010 г. в республике произошла смена власти, текущая политика отразилась и на итогах переписи – произошло заметное «уменьшение» численности башкир при одновременном «росте» численности татар. Опять же эта статистическая метаморфоза произошла за счет западных районов Башкирии.[3] В контексте подготовки в Башкирии к той

---

[1] Подробнее см.: Габдрафиков Ильдар, Баймухаметова Гузель. Республика Башкортостан // На пути к переписи / Под. ред. Валерия Тишкова – М.: ОАО «Авиаиздат», 2003. С. 65 - 100; Габдрафиков И.М. Перепись населения в Башкирии: материалы полевой этнографии //Этнография переписи–2002 / Под ред. Елены Филипповой, Доминика Ареля, Катрин Гусеф – М.: ОАО «Авиаиздат», 2003. С. 101 - 134.

[2] Подробнее см.: Габдрафиков И.М. Феномен Башкортостана: от «трагической демографии» к «закономерной реконфигурации численности» // Этнокультурный облик России. Перепись 2002 г. /Отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков; Ин-т этнологии и антопологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2007. С. 137 – 150.

[3] Подробнее см.: Габдрафиков И.М. Башкортостан: как готовили перепись в условиях смены власти // Этнологический мониторинг переписи населения /Под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 179 – 189.

переписи, где в качестве чуть ли не главного снова рассматривался вопрос о национальности, следует напомнить, что вплоть до момента смены власти республиканская пропагандистская машина внедряла в общественное сознание тезис о том, что во главе республики обязательно должен быть этнический башкир. В разгар кампании по подготовке к проведению переписи, в июле 2010 г. в Башкирии произошла смена власти (сама перепись проводилась в октябре). Президентом стал Рустэм Хамитов, который обозначил себя как башкир, но прежде в анкетах писал, что он татарин.

Со сменой руководства в Башкирии оправдался прогноз экспертов о том, что это отразится и на переписной кампании, поскольку со стороны региональной власти не будет такого нажима, который наблюдался ранее.

Однако подготовка к переписи населения набрала темп еще при прежнем руководителе Башкирии. Поэтому она, особенно в первой половине 2010 г. напоминала, как и в предыдущую перепись, политизированную избирательную кампанию, превратилась в важный фактор политической жизни.

Таблица 1. Динамика численности крупных этнических сообществ Башкирии по данным переписей населения , тыс. чел.

	1989 г.	2002 г.	2010 г.	Прирост, убыль 1989/2002.	Прирост, убыль 2002/2010.
Все население	**3943,1**	**4104,3**	**4072,3**	**161,2**	**-32,0**
Русские	1548,3	1490,7	1432,9	-57,6	-57,8
Башкиры	863,8	1221,3	1172,3	357,5	-49,0
Татары	1120,7	990,7	1009,3	-130,0	18,6
Другие	410,3	401,6	457,8	-8,7	56,2

Прежнее руководство республики ставило задачей сохранить «достигнутое» и по возможности «улучшить» показатели – «вывести титульный этнос на первое место».

Уже с 2009 г. по республиканскому телевидению, радио и других СМИ практически ежедневно шла информационная обработка населения о том, что исконные жители сел и деревень западной Башкирии и восточной Татарии – это башкиры, а не татары. Говорилось, что эти населенные пункты остаются преимущественно башкирскими, что живущие там люди и сегодня говорят не на татарском, а на северо-западном диалекте башкирского языка.

Татарскими общественными организациями республики подобная информационная политика расценивалась как подготовка общественного мнения к переписной подтасовке. Они развернули свою борьбу с целью «противостоять оголтелой националистической пропаганде и готовящейся повторной фальсификации».

Вместе с тем, главным отличием подготовки в Башкирии переписи 2010 г. было то, что окончательный ее этап совпал со сменой власти в республике. Это обстоятельство стало ключевым фактором, который повлиял как на ход переписи, так и на ее итоги. Однако полностью избежать давления не удалось – слишком велика была прежняя инерция.

В 2018 г. в республике вновь поменялось руководство, и этнообщественники уже начали активную подготовку к очередной переписи. Опыт проведения двух последних всероссийских переписей показал, что статистические манипуляции не только не канули в лету, но даже, наоборот, многократно усилились. На фоне других регионов Башкирия продолжает выделяться своим особым отношением к переписи как политическому событию. Потенциальным объектом статистических манипуляций, как и прежде, являются пограничные зоны расселения – западные районы, где татары и башкиры по своим этнокультурным и языковым характеристикам являются единым целым, а «различия» проявляются только при искусственном переписной необходимости указывать какую-то одну идентификацию.

В Башкирии более одной трети детей рождается в национально смешанных семьях и у многих смешанное самосознание. Однако устаревший инструментарий переписи до сих пор требует от человека определиться – к какой только одной этнической группе от относится. Тем самым эскалация межэтнической напряженности в определенной степени провоцируется самим инструментарием переписи, который не учитывает, что человек может иметь двойственную или нечеткую этническую идентичность.

Таблица 2. Динамика численности башкир и татар в Кушнаренковском районе (западном) Башкортостана по данным переписей населения, тыс. чел.

	1989 г.	2002 г.	2010 г.	Прирост, убыль 1989/2002.	Прирост, убыль 2002/2010.
Все население	28508	29344	27491	0,8	-1,9
Башкиры	1582	12703	8950	11,1	-3,8
Татары	22232	11641	13568	-10,6	1,9

Миграция в ЕАЭС как пространство новых возможностей и вызовов

Амелин В.В.

Как известно, свобода передвижения рабочей силы, так же как товаров, услуг и капиталов, является одной из фундаментальных основ Евразийского экономического союза (ЕАЭС), объединяющего Армению, Беларусь, Казахстан, Киргизию и Россию. С учреждением ЕАЭС страны-участницы получили значительные преимущества при осуществлении их гражданами трудовой деятельности на территории друг друга по сравнению с мигрантами из других государств.

Однако при формировании единого рынка труда в ЕАЭС существуют определенные трудности, в первую очередь, из-за разночтений в национальных законодательствах, которые требуют согласования и устранения на основе консенсуса. По мнению экспертов, необходима либерализация миграционного статуса иностранных граждан из стран ЕАЭС в РФ и, в частности, отмена ограничительного положения о пребывании их в стране не более 90 суток из 180 при отсутствии трудового договора.

Рассмотрим процессы миграции в Российскую Федерацию из стран, входящих в ЕАЭС.

Таблица 1. Миграционный прирост населения России со странами ЕАЭС в первом полугодии, 2011-2017 гг. (тыс.чел.)[1]

	2011 г.	**2012 г.**	**2013 г.**	**2014 г.**	**2015 г.**	**2016 г.**	**2017 г.**
Международная миграция – всего	143,9	142,5	161,8	142,9	131,4	141,9	102,3
в т.ч. ЕАЭС:	50,8	52,7	54,6	51,5	38,3	31,8	33,1
Армения	14,6	15,1	19,7	14,6	13	5,7	5,5
Беларусь	2,7	6,1	1,4	4,4	2,7	1,2	4,9
Казахстан	13,9	17,6	22,9	23,1	19,3	17,2	15
Киргизия	19,6	13,9	10,6	9,4	3,3	7,7	7,7

Миграционный прирост России со странами ЕАЭС снижался. В первую очередь, снижается численность миграционного прироста из Армении, Кыргызстана. Что касается Белоруссии, миграционные связи с этой страной носят волнообразный характер.

[1] Миграционная ситуация // Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения 2015-2017 // ИНСАП РАХНиГС (http://www.ranepa.ru/imagines/docs/monitoring/monitoring-insap_12-09-2017.pdf, 18.06.2018)

Особо рассмотрим казахстанско-российскую миграцию, обратив внимание на образовательную миграцию из этой страны.

Таблица 2. Казахстанско-российская миграция 2010-2016 гг. (чел.)[2]

	Прибыло из Казахстана в Россию		Прибыло из России в Казахстан	
	по российским данным	по казахстанским данным	по российским данным	по казахстанским данным
2010 г.	27 862	23 499	7 329	8 239
2011 г.	36 474	29 850	6 176	6 629
2012 г.	45 506	26 998	8 843	4 935
2013 г.	51 958	20 839	11 802	4 278
2014 г.	59 142	23 859	18 328	3 711
2015 г.	65 750	25 682	30 983	3 905
2016 г.	69 356	-	32 226	-
Всего за 1997−2015 гг.	1 396 136	1 202 667	283 404	276 427

Хотя данные из источников России и Казахстана несколько разнятся, но, тем не менее, наблюдается тенденция к увеличению потока числа граждан Казахстана, направляющихся в Россию.

О некоторых причинах миграции. Во-первых, среди причин миграции можно выделить экономические. Как полагают эксперты, на миграционные настроения влияет «разница в пользу России в масштабе цен и заработной платы». В России на рынке труда больше свободных мест, есть возможность быстро трудоустроиться. К примеру, по мнению экспертов, в Казахстане количество рабочих мест не растет, а между тем, с 2002 г. наблюдается рост населения.

Во-вторых, по имеющимся данным, к примеру, в апреле 2015 г. количество безработных составило 473 тыс.,[3] но при этом 2 млн. чел. числятся как самозанятые. В-третьих, нельзя не отметить и тот факт, что на усиление миграции влияет и внедрение латинского алфавита. В-четвертых, негативную роль играют и социальные сети, Интернет, где размещаются материалы, относящиеся к «языку» вражды. К тому же не способствует уменьшению миграции обсуждение вопросов геноцида и голодомора местного населения в СССР, а так же факты переоценки Великой Отечественной

[2] Шибутов М. Миграция из Казахстана в Россию: сколько, кто и почему (https://regnum.ru/news/2304708, 18.06.2018).
[3] Хуссаинова Д. Почему уезжают из Казахстана? (http://kazday.kz/2017/08/17/pochemu-uezzhayut-iz-kazakhstana, 18.06.2018).

войны. Миграционные потоки не снижаются. Это можно проследить на примере пограничной Оренбургской области.

Таблица 3. Поставлено на миграционный учет в Оренбургской области иностранных граждан и лиц без гражданства (тыс. чел.) / Пересекло оренбургский участок Российско-Казахстанской границы (тыс. чел.)

	поставлено на учет	въехало	выехало
2015 г.	109,6	1290,0	1220,0
2016 г.	107,7	1596,0	1562,0
2017 г.	116,5	1638,0	1320,0

Особенно интенсивность миграционной динамики заметна при рассмотрении образовательной миграции из Казахстана в приграничную Оренбургскую область. Это чрезвычайно беспокоит специалистов Казахстана, т.к. в соседней стране уменьшается количество абитуриентов и потенциальных специалистов. По данным казахстанских экспертов, в 2016 г. студентов из этой страны насчитывалось в России 71,6 тыс. чел., и многие студенты (до 65%) планировали остаться после окончания учебы в России.[4]

Что привлекает молодежь соседнего государства в России? В первую очередь, качество и цена образования. По мнению казахстанского эксперта О. Юрова, еще одной из причин миграции является «лучшее обеспечение общежитиями и стипендиями, более обширный перечень предлагаемых специальностей, более высок имидж российских вузов. Нельзя не учитывать и то, что, по мнению специалистов, российские вузы применяют агрессивный маркетинг по привлечению казахстанских студентов, ведут в школах информационную работу с восьмого класса, открывают подготовительные курсы, по итогам которых принимают в вузы, или работают, не скрываясь, приемные комиссии из соседней страны».[5] По мнению эксперта, «нивелировать перекос в учебной миграции при сохранении интересов обеих стран может и развитие программ двойных дипломов. Они позволят и российским вузам выполнять показатели по привлечению иностранных студентов и денежных средств, и не будут лишать казахстанские вузы абитуриентов, а экономику – квалифицированных кадров»[6].

Нельзя не учитывать и то, что Россия идет навстречу абитуриентам из Казахстана. К примеру, они не обязаны проходить процедуру признания аттестата о среднем образовании. Кроме того, в России разработан при-

[4] Ибраева Айгуль. 65% казахстанских мигрантов в России планируют остаться там навсегда (http://www.kursiv.kz/news/obshestvo, 21.06.2018).
[5] Юров, О. Образовательная миграция из Казахстана в Россию как фактор интеграции // Евразийский перекресток: сб. ст. научно-практических мероприятий. – Оренбург: «Университет», 2018. Вып. 9, сс. 325-336.
[6] Там же, с. 325-336.

оритетный проект[7] «Экспорт образования», согласно которому планируется упростить правила въезда и выезда иностранных студентов, трудоустройства и стажировок во время их обучения в России.

Значимую роль в этом играют договора, соглашения, меморандумы, заключенные между вузами двух стран. К примеру, интенсивный академический и научный обмен осуществляется между Оренбургским государственным университетом и его партнерами в Республике Казахстан: Евразийским национальным университетом им. Н. Гумилева (г. Астана), Казахским агротехническим университетом им. С. Сейфуллина (г. Астана), Кызылординским государственным университетом им. Коркыт-Ата (г. Кызылорда), Актюбинским региональным государственным университетом им. К. Жубанова (г. Актобе), Западно-Казахстанским государственным университетом им. М. Утемисова (г.Уральск), Западно-Казахстанским аграрно-техническим университетом им. Жангир хана (г. Уральск), Актюбинским юридическим институтом МВД им. М. Букенбаева (г. Актобе). Всего заключено более 20 договоров о сотрудничестве с учебными заведениями и организациями Республики Казахстан.

В 2018 – 2019 учебном году в головном вузе Оренбургского государственного университета обучается 1084 студентов из Республики Казахстан. Из них 680 – на очной форме обучения, 404 обучаются на заочной и дистанционной формах. В рамках международного соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан 695 студентов обучается на бюджетной основе.

В рамках академического обмена осуществляется преподавательский обмен. В текущем году 12 сотрудников университета выезжали в образовательные учреждения Республики Казахстан для участия в научно-практических конференциях, семинарах, образовательных форумах и круглых столах, чтения краткосрочных лекционных курсов, участия в работе государственных аттестационных комиссий, рецензирования диссертационных исследований. В свою очередь, преподаватели и сотрудники образовательных учреждений Казахстана приняли участие в мероприятиях ОГУ.

Практикуются научные стажировки. С ноября 2009 года Оренбургский государственный университет успешно реализует программу научных стажировок «Методология научного исследования» для магистрантов и докторантов высших учебных заведений Казахстана.

В соответствии с планом стажировки магистранты и докторанты посещают занятия по интересующим специальностям, получают индивидуаль-

[7] В минобрнауки рассказали, почему казахстанские студенты уезжают учиться в РФ (http://iac.kz/ru/v-minobrnauki-rasskazali-pochemu-kazahstanskie-abiturienty-uezzhayut-uchitsya-v-rf, 21.06.2018)

ные консультации по тематике диссертационных исследований, посещают лекции по специальности и методике проведения научных исследований в вузе и знакомятся с ресурсами научной библиотеки ОГУ. Партнерами университета по этой программе выступают вышеперечисленные казахстанские вузы. С 2009 г. стажировку прошли более двухсот человек.

В первом полугодии 2019 г. магистранты Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова прошли научную стажировку по методологии научного исследования на кафедре русской филологии и методики преподавания русского языка.

* * *

Таким образом, в рамках ЕАЭС страны-участницы получили значительные преимущества при осуществлении их гражданами трудовой деятельности на общей территории и тем самым обладают гораздо большими возможностями по сравнению с мигрантами из других государств, например, Таджикистана и Узбекистана. В отличие от них жители Союза могут работать без получения разрешений (патентов), сдачи экзаменов на знание государственного языка, вне квот на наем иностранцев, пользуются правами на учет трудового стажа для целей социального обеспечения, на бесплатное оформление полиса медицинского страхования. Вместе с тем, на пути формирования единого рынка труда в ЕАЭС еще существуют определенные барьеры, различия в национальном законодательстве. Для эффективной интеграции в трудовой сфере странам-участницам ЕАЭС необходимо предпринимать согласованные меры и программы развития среднего профессионального образования, которое с распадом СССР значительно деградировало в пользу наращивания высшего образования, в результате чего рынок труда испытывает дефицит кадров по рабочим специальностям. Необходима либерализация миграционного статуса иностранных граждан из стран ЕАЭС в РФ и, в частности, отмена ограничительного положения о пребывании их в стране определенное количество суток. В связи с этим проведение Всероссийской переписи населения в 2020 году может столкнуться со значительным недоучетом этой части жителей, которые фактически постоянно находятся в Российской Федерации. Недоучтенным может соответственно оказаться и этнический состав населения.

Быть россиянином в России

Барышная Н.А.

Данный раздел подготовлен на основе серии исследований, проводимых с 2008 г. по 2019 г., отражающих динамику формирования идентичности россиян. Мы фиксировали этот процесс и групповые практики на региональном примере Саратовской области.

Существует большое число трактовок понятия «идентичность» в психологии, социально-культурной антропологии, социологии, политологии, включая политическую глобалистику. В современных условиях идентичность становится не просто аналитическим конструктом, но инструментом формирования территориальной и национальной государственной идентичности.

Как форма присвоения символического пространства, идентичность имеет, как научное и абстрактное понятие, так и более прагматичный смысл. В частности, мы констатируем, что этнотерриториальная идентичность является системообразующим фактором нациестроительства - формирования гражданской нации. В современных условиях трансформации геополитических пространств осознание, восприятие и «эксплуатация» понятия идентичности стало общим знаменателем ряда внутренних и внешних политик (Украина, Великобритания, бывшая Югославия и т.д.), определяющих культивирование национальных культур, усиление отдельных этносоциальных групп в «поиске» суверенитета, повышение значимости «отдельных» / «особых» идентичностей при принятии политических и экономических решений.

Для дальнейших рассуждений мы принимаем определение, предполагающее «идентификацию как процесс и идентичность как состояние и структуру, которая возникает, временно кристаллизируется, трансформируется или исчезает в ходе этого процесса»[1].

В контексте формирования российской идентичности россиян встает вопрос - легко ли стать россиянином, особенно в контексте современных миграционных процессов? Этот вопрос, на наш взгляд, принципиально важен в условиях современных геополитических процессов (присоединение территории Крыма, выдача паспортов на Юго-востоке Украины и т.д.).

В этой ситуации предельно важно для системы регионального управления понимание того, что формирование общероссийской идентичности является не менее актуальной проблемой для небольших городов, поселе-

[1] Михайлов В.Т., Рунге Й. Идентификация человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации. / В.Т. Михайлов, Й. Рунге // Социологические исследования. №1. 2019, сс. 52-61.

ний и сел региона, чем для крупных городов, являющихся центами притяжения инокультурных мигрантов (Москвы, Санкт- Петербурга) и России, как государства, в целом.

В 2008 г. лишь четверть респондентов на вопрос «Что для вас понятие Родина?», ответили «Мое государство Россия» (24,7%). Для большинства жителей Родина – это, в первую очередь, место рождения (46,3%), место, где люди живут сейчас (22,3%), где прожили большую часть своей жизни (19%) и с чем они себя ассоциируют.[2]

В последние годы мы наблюдаем серьезные социальные трансформации, когда жители региона все чаще среди разных идентичностей примеряют для себя общероссийскую. Треть жителей региона испытывали принадлежность к России в «сильной степени» - 32,3%. В некоторых ситуациях такую принадлежность испытывали почти 30%. Подобный всплеск «жажды идентификации» можно связать с развитием в последнее десятилетие России, как крупной мировой державы, лидера в мировой политике и экономике.

Сегодня мы наблюдаем смену идентификационных полюсов: если еще 5-10 лет назад не доминировала гражданская идентичность (быть россиянином в эпоху негативных социально-экономических трансформаций было «неудобно»), то сейчас, когда Россия, по мнению респондентов, «это солидный бренд», возникает чувство причастности к подъему, развитию, оптимистическому началу.

Более сложная ситуация наблюдается в отношении жителей региона к категории «национальность». Безусловное доминирование понятия национальности как кровнородственного отношения (бытового примордионализма) продолжается («происхождение по родителям и предкам») - 47,7%, отодвигая на задний план идею гражданства, как формы гражданской идентичности. Лишь шестая часть респондентов разделяет точку зрения, что национальность – это синоним гражданства («гражданство» -17,7%), и такая же часть считает, что это понятие из советского прошлого («то, что в советские времена значилось в паспорте» - 16,7%).[3]

Столь существенные отличия в понимании национальности поясняют следующие результаты исследований, где значительное большинство отметило, что люди скорее отличаются друг от друга только личными особенностями. Лишь 18% отметило, что основой стратификационной картины локального общества является принадлежность к различным группам,

[2] По данным проекта «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации» (по заказу Минрегиона России). См.: Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: Наука, 2011; Степанов В.В., Тишков В.А. Кем себя считают россияне: региональный аспект //Вестник Российской нации, N 3. - М., 2010, сс. 112 – 153.

[3] Проект «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтничных государствах: российский и зарубежный опыт» (грант РНФ №15-18-00099), 2016. ИЭА РАН, EAWARN

общинам, народам. В частности, на вопрос «Чем окружающие Вас люди не похожи друг на друга?», подавляющее большинство (81,3%) отметили личные особенности и лишь 17,7% зафиксировали различия на уроне групп, общин, народов.[4]

В отношении действий государства в период ожидаемой переписи населения как процедуры фиксации не только экономических и социальных различий, но и этнокультурной идентичности, мнения респондентов распределились приблизительно в равном отношении. Почти треть респондентов поддерживала идею об отказе от фиксации в любых документах национальности и/или религии. Характерно, что только 1,3% респондентов выступали за фиксацию только религии. Однако в сумме почти половина респондентов поддерживала в той или иной степени фиксацию личных (групповых) различий при переписи.[5]

Еще более неоднозначно выглядит отношение населения к пониманию множественной идентичности. Половина респондентов отказывает другим в праве иметь две и более национальностей. Лишь 34% в той или иной степени поддерживают право людей иметь две и более национальных идентичностей, из них 18% готовы принять ее при определенных обстоятельствах (дети межэтнических браков и т.д.).[6] Более 17% категорически отмечают, что «такого не должно быть».

В отношении конструируемой общенациональной гражданской идентичности («россиянин») ситуация, тем не менее, в целом выглядит относительно благоприятно. Почти две трети жителей Саратовской области готовы принять себя как носителей «новой идентичности». Лишь 7% населения не готовы ни при каких обстоятельствах сменить/добавить идентичность.

На наш взгляд нынешнее положение дел является позитивным результатом целенаправленных усилий политической и интеллектуальной элиты государства и, в первую очередь, политической, по формированию гражданской нации. Несмотря на доминирование бытового этнического примордиализма (этнонационализма), мы отмечаем существенный дрейф изменения форм групповых идентичностей в сторону новых, неэтнических, гражданских идентичностей.[7] В частности, на вопрос «Не отрицая своей национальной принадлежности, могли бы вы также сказать о себе: «Моя национальность – россиянин»?», более 68% респондентов ответили утвер-

[4] Проект «Миграционные риски России: анализ интеграционных перспектив» (грант РФФИ №14-06-0018-а), 2017. ИЭА РАН, EAWARN

[5] Проект «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации» (по заказу Минрегиона России), 2008. EAWARN

[6] Проект «Социальные границы полиэтнической организации в современном городе: конструирование и трансформация» (грант РГНФ 10-03-00063а), 2011. АНО «Независимый институт социальных исследований».

[7] Проект «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтничных государствах: российский и зарубежный опыт» (грант РНФ №15-18-00099), 2016-2019 гг. ИЭА РАН, EAWARN.

дительно, еще 13% опрошенных отметили, что это чувство проявляется в позиционировании себя с гражданами других стран (за рубежом).

Тем не менее, на фоне этих позитивных изменений отношения между собственно этническими общностями, проживающими на территории региона (как нами указывалось выше), складываются не всегда просто. В той или иной форме обследования отдельные конфликтные ситуации фиксирует почти половина респондентов. Достаточно вспомнить конфликтные ситуации в населенных пунктах региона – Пугачеве, Ивантеевке, Красноармейске, Вольске, которые получили серьезный резонанс не только на региональном, но и на федеральном уровне.

Почти треть опрошенных на вопрос «Каковы в вашем регионе отношения между национальностями?» считают, что отношения в складываются в целом хорошо (29%), но практически половина респондентов (48,3%) считают, что «бывает по-разному». Однако необходимо отметить, что чаще всего это - бытовые, либо имущественные конфликты, которые редко обретают этническую окраску.[8]

В серии исследований, проводимых, в частности, в Саратовской области, с 2008 г. мы также задавали респондентам вопрос, ориентированный на восприятие/соотношение жителями региона идентификации «россиянин» и «соотечественник». Важно отметить, что часто эти понятия, для подавляющего населения жителей региона являются синонимичными. По сути, категория «россиянин» выступает как специфический механизм (способ) нивелирования различий, как форма компромиссной идентификации жителей страны. Особенностью среднего и старшего поколения (40+), помнящего эпоху СССР, стало еще и то, что соотечественниками, как правило, признают всех, кто прошел социализацию в Советском Союзе, помнит общую историю, владеет русским языком и т.д.

Почти половина респондентов (44%) считают, что соотечественниками могут быть названы все, кто родился и жил в СССР. Знание русского языка, как государственного, и языка повседневного общения выводит на первое место 16% опрошенных, и значимость отдельных национальностей для определения соотечественников фиксируют 10% респондентов[9].

В частности, можно отметить, что в течение последних лет восприятие населением себя по признаку социально-политической лояльности к государству, отождествление себя с Россией непрерывно росло. Значимость же иных идентификационных маркеров постепенно снижалась. Однако, как видно из результатов многолетних мониторинговых исследований, значимость региональной и этнокультурной идентичности остается достаточно

[8] Проект «Социальные факторы этнической нетерпимости» (грант РФФИ № 10-06-00537-а), 2010-2013 гг.
[9] Проект «Миграционные риски России: анализ интеграционных перспектив» (грант РФФИ №14-06-0018-а), 2014-2015 гг.

высокой. На наш взгляд, это способно стать мощным интеграционным ресурсом, объединяющим локальные территориальные сообщества. Эффект «малой родины» до сих пор остается предельно чувствительным маркером для эмоционального и социально-политического (само)восприятия жителями региона. Можно также отметить, что российская идентичность (отождествление себя с Россией как государством) наиболее сильно выражена у молодого поколения. Это, возможно, уже результат целенаправленной политик государства, реализуемой, в первую очередь, посредством СМИ и введения в последние годы новых образовательных стандартов в школе.

С другой стороны, эта предписанная идентичность достаточно ярко стала в последнее время проявляться у среднего поколения в связи с серией конфликтов, проходящих на границах России (Юго-восток Украины, Южная Осетия, Абхазия и т.д.). Наличие даже потенциальных внешних угроз (введение санкций со стороны США, ЕС) стимулирует сплочение населения, но при этом, по нашему мнению, формирует осадную мотивацию, направленную на самоизоляцию и дистанцирование.

Ценность понимания/осознания гражданами себя как «россиянин/ка», ориентировано на нейтрализацию опасного для общества состояния (аномии), в котором отсутствуют какие-либо ценности, разделяемые большинством людей, и минимизирует возможности социального раскола общества. Идея российской нации, как политический и социальный конструкт, сплачивает людей из разных регионов, городов, поселений[10].

Общепризнанные нормативные ценности устанавливают связь между людьми. В этой ситуации «воображаемое сообщество» (по Б. Андерсону) становится реальной социально-политической и экономической силой/структурой. Система ценностей (общероссийских) как специфическая форма рационализации мира и собственной жизни, помогает найти индивидууму свои устойчивые точки для ориентации в сообществе, в своей деятельности.

Нельзя не отметить, что в современном российском обществе все большей популярностью пользуются идеи, основанные на культурно-исторических традициях. По результатам анализа массива исследований (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр), основным социально-политическим тезисом в настоящее время является стремление населения к социальной справедливости. Важно также и то, что значительная часть граждан перестала сопоставлять социальную справедливость с банальной уравниловкой.

Однако значительная часть жителей региона в современном социально-политическом, экономическом состоянии России не видят проявления социальной справедливости. Безусловно, это вопрос требует отдельного

[10] Тишков, В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология. Политические функции этничности. – М.:МГУ, 2013, с.78.

исследования. Патернализм, взращённый эпохой СССР, до сих пор дает о себе знать. Привязанность к пониманию государства, отождествление себя с ним «автоматически» дает право индивидууму требовать возврата «социального долга лояльности» - в виде повышенных пенсий, повышение уровня заработной платы, снижения уровня социальных и экономических нагрузок (налоги, ЖКХ и т.д.).

При этом на основе эмпирических исследований можно отметить, что в последнее время у населения региона происходит смещение акцентов на социальные (реальные), а не политические (декларируемые) права. К первым относятся вопросы физического, психологического, культурологического плана, проблемы в существенных разрывах в уровне доходов, качестве образования, уровня гарантированной медицинской помощи (например, село в Саратовской области и Москва). Они достаточно осязаемы и определяют повседневную жизнь человека. Вторые - вопрос убеждений и готовность к совместному проживанию отдельных людей, социальных, этнокультурных групп - готовность к взаимной интеграции. Несмотря на размытость последних понятий, они являются своего рода фреймами (рамками), предопределяющими возможности и социальные траектории каждого отдельного человека.

Таблица 1. Динамика социальной самоидентификации[11]

	Как Вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни?				
	Как гражданина страны	Как представителя отдельной национальности	Как жителя отдельного региона	Другой ответ	Затрудняюсь ответить
2008 г.	42	22	21	6	9
2009 г.	39	26	15	10	10
2010 г.	37	21	17	12	13
2011 г.	40	14	24	10	12
2012 г.	42	14	19	6	19
2013 г.	46	12	21	8	13
2014 г.	55	10	16	7	12
2015 г.	63	12	12	5	9
2016 г.	70	10	5	5	9
2017 г.	72	9	7	5	7
2018 г.	67	13	11	1	8

[11] По результатам серии исследований по программам ИЭА РАН, Сети этномониторинга EAWARN (указаны в тексте).

Таким образом, идентичность, вслед за Р. Брубейкером, может восприниматься как «я, понимаемое индивидом в биографических категориях», поэтому ретроспективный анализ динамики идентификации жителей страны и региона позволяет оценить трансформационные процессы с точки зрения их значимости при формировании конкретных социальных, политических и экономических стратегий.[12]

Российская идентичность как аскриптивная категория имеет сложносоставную структуру (отраженную в многоплановых социальных регистрах). На первый план выходят общегражданские (социально-политические) идентификации, определяемые векторами развития страны и отдельных регионов. На втором плане находятся собственно территориальные идентификации, описываемые в географических терминах, и на третьем - этносоциальные и этнотерриториальные идентичности (отношения индивида или социальной группы с пространством).

Ключевым элементом идентификации является функционирующее в групповом сознании деление на «мы» и «они», чувство отличности, часто сказывающееся в политизированной борьбе за власть. С точки зрения политологического подхода это, как правило, выражается в процессе артикуляции общественного мнения на выборах, референдумах, самооценки при переписи.

Опыт многолетних эмпирических исследований убедительно показывает, что чем больше масштаб пространства, с которым себя соотносит индивид (глобальный, над-национальный, национальный уровень), тем более неясными и размытыми (нечеткими) делаются его рамки и границы в нашем сознании (эффект воображаемого сообщества). Отсюда больше трудностей в эмпирическом установлении проявлений идентичности. На низовом (локальном) уровне территориальная (региональная, поселенческая и т.д.) идентичность является элементом индивидуальной идентичности, как пол, социальная/классовая принадлежность.

[12] Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2012, с. 75.

Социальная мобильность мигранта в поликультурной среде

Мокин К.С.

Характер миграционных процессов в современной России заслуживает особого внимания как со стороны представителей органов власти, так и со стороны экспертов. Неоднозначность восприятия миграционных процессов определяет часто полярные позиции по исследованиям инклюзии инокультурных мигрантов в принимающем российском обществе.

Однако в ходе исследований миграции, вне поля внимания часто остаются факторы и способы включения мигрантов в принимающие сообщества, анализ практик преодоления социальных, культурных и политических барьеров. Иначе говоря, за пределами границ исследований часто остаются способы и инструменты, используемые мигрантами, для овладения «культурным минимумом» и освоение «конкретной (локальной) культуры»[1].

На наш взгляд одним из основных аспектов анализа миграционных процессов должно являться понимание не только факта территориального перемещения людей, но и анализ стратегий мигрантов в процессе социальной инклюзии в сообществе, выработка гибридизированной культуры общения и поддержания (сохранения) собственной идентичности.

Современные социальные теории исходят из принципа рациональной логики, что «каждый стремится улучшить свое положение, но, по крайней мере, никак его не ухудшить». В реальности все далеко не так просто. Опыт полевой работы с мигрантами показывает, что исследователям необходимо вырабатывать новые системы стратификации в отношении мигрантов. Необходимы новые инструменты оценки средств реализации их социальных и иных претензий, притязаний (социальных, экономических, политических) и способов их воплощения – от криминальных до позитивных и социально значимых.

В рамках исследовательской работы мы предлагаем анализ процессов инклюзии мигрантов не только через призму социальной стратификации, но и через способы «овладения» социальными нишами в сообществе. И в этом отношении важную роль играет не только деятельность самих мигрантов, но и общественное восприятие, направленное в адрес мигрантов. Судьба и успешность последних во многом зависит от того, в какую среду местного населения они попадают и попадают ли вообще.

Весной и осенью 2018 г. в Саратовской области мы провели исследование именно с намерением изучить отношение местного населения к ми-

[1] Штомпка П. Анализ современного общества: Пер. с польск. С.М. Червонной - М.: Логос, 2005, сс. 411-412.

грации и мигрантам. По методике Сети этномониторинга и Института этнологии и антропологии РАН мы опросили 30 местных экспертов, 200 студентов вузов и 300 местных жителей. Заметим, что при проведении экспертного опроса наибольшую сложность представлял поиск информантов, напрямую задействованных в управлении миграционными процессами в регионе. При этом главной трудностью было не только получение персонифицированных ответов – эксперты, особенно работающие в федеральных и государственных структурах, с очень большой опаской соглашались давать ответы, постоянно прося соблюдения конфиденциальности их участия в обследовании. Можно сделать вывод, что тематика исследования для местного населения и управленцев достаточно актуальна (о чем как раз и говорили эксперты) и одновременно социально болезненна, поскольку сформировалось достаточно устойчивое негативное восприятие миграции как источника потенциальных конфликтов. Это следует учитывать пи изучении потенциала и направлений социальной мобильности мигрантов.

При оценке потенциальных рисков, связанных с миграцией более трех четвертей экспертов (73,3%) выразили озабоченность несогласованностью миграционной политики с соседними государствами, при взаимных открытых границах и наличия взаимных экономических обязательств (перемещение капитала, рабочей силы, обмена технологиями, и т.д.). На втором месте по значимости, с точки зрения экспертов (43,3%), находится проблематика политического манипулирования вопросами миграции. Последнее является с точки зрения некоторых экспертов прямой ретрансляции общеевропейских миграционных проблем («наплыв беженцев через Средиземное море из стран Северной Африки», гибель людей, и связанные с ними потенциальные риски – работорговля, продажа женщин и детей). Однако, ряд экспертов исключают повторения подобного сценария в России, указывая на сложившуюся систему и пограничного контроля, и систему противодействия торговлей людьми в приграничных регионах. Как отметил один из экспертов « …у нас есть четкая система контроля за подобными процессами. К сожалению, мы не можем исключить вопросы манипулирования общественным мнением в ряде случаев…» (М., 45 л., управленец). На третьем месте по значимости угроз, эксперты выделяют неготовность восприятия различных социальных групп – собственно экономических мигрантов (ориентированных на кратковременное пребывание в России и преследующих прагматические цели (заработок)) и беженцев, в отношении которых действуют иные социальные и правовые механизмы. Смешение восприятия этих групп в общественном понимание провоцирует мигрантофобию и этнофобию. «…для подавляющего числа жителей, - что мигрант, что беженец – все одно, - «пришлый». Не знаешь, что от них ждать…» (Ж., 42 г., общественник). На последнем месте в рейтинге рисков

стоит вопрос о неконтролируемом миграционном притоке из других стран (33,3%). По мнению большей части экспертов, это «…скорее выдуманная, гипотетическая проблема…». Эксперты в процессе интервью указывали, что говоря о «других регионах мира», они ориентировались на собственное восприятие «другого» - в частности «другими регионами мира» им представлялся Китай, Юго-Восточная Азия, иногда – Ближний Восток. Эти регионы в восприятии и экспертов и местного населения выглядят очень далекими, и если и угрожают региону, то исключительно гипотетически.

Рассуждая о проблематике восполнения демографических ресурсов в России, большинство экспертов (56,7%) отметили необходимость стимулирования демографического развития РФ за счет инвестиций в человеческий капитал. Однако при этом, эксперты из числа представителей ВУЗов, отмечали, что это «…длинные инвестиции, и не факт что это даст ощутимый толчок в демографическом развитии. Если и получим этот эффект, то только через 7-10 лет, находясь в демографической яме…» (М, 65 л., сотрудник вуза). Эксперты из числа представителей общественных организаций менее критично отзывались о доминирующих тенденциях, считая, что государственная поддержка материнства, молодых семей, рождения второго и последующих детей способна стимулировать значительный рост численности население и региона и страны в целом. Наименьшее число экспертов (6,7%) высказались за привлечение мигрантов из других стран для восполнения демографического потенциала. В основном это были представители ВУЗов преподающих экономику и управленческие дисциплины. По-видимому, осознание системности проблемы миграции, демографии позволило им вынести подобный вердикт: «…в обозримой перспективе, только миграция способна компенсировать естественную убыль и восполнить численность экономически активного населения региона…» (М., 46 л., сотрудник вуза).

В отношении поощрения трудовой миграции в российскую экономику мнения экспертов разделились. Большая часть экспертов (43,3%) убеждены, что привлекать специально трудовых мигрантов не следует, а необходимо делать ставку на повышение качества труда и рост производительности, использовать не задействованные в экономике трудовые ресурсы. Так в частности отмечается, что «… у нас, посмотри, уйма молодежи сидит без дела. Им некуда идти работать. По специальности – нет вакансий, а просто пойти подметать улицы они не пойдут. Менталитет у них уже не тот…Нужно заставить их работать. Нужно вернуть статью за тунеядство…» (М., 37 л., общественник). Другие эксперты этой когорты были мене категоричны и в своих высказываниях (аргументах) опирались на новые технологические решения, развития сегмента услуг (в том числе и социальных сервисов) и т.д. Немногим менее 7% экспертов отметили потреб-

ность в привлечении иностранной трудовой силы, при этом часто отмечая, что это должны быть такие секторы экономики, где востребована наименее квалифицированная рабочая сила, и где появление трудовых мигрантов не будет стимулировать рост социальной напряженности и рост конкуренции на рынке труда.

В отношении оценки миграции в регионе, 66,7% экспертов отметили, что текущая миграционная обстановка не вызывает проблем. Чуть меньшую озабоченность во всех группах обследуемых экспертов (56,7%) вызвал нарастающий отток местного населения в другие регионы России и государства. Эксперты отмечали нарастающий объем «вымывания» из региона квалифицированных кадров в центральные области России (г. Москва, Московская область, С.-Петербург, Ленинградская область, Краснодарский и Ставропольский края). При этом на уточняющие (дополнительные) вопросы «Почему не едут на Дальний, Восток, Сибирь и т.д.?» чаще всего можно было получить ответ «…там нет перспектив. Может работа и есть, а удовлетворённостью жизнью – нет…» (Ж., 42 г., управленец). На третьем месте в рейтинге оценок миграционной ситуации стоит проблематика формирования анклавных инокультурных сообществ (13,3%). В контексте региона необходимо отметить, что это скорее проекция общественного мнения. Безусловно, в Саратовской области, как и во многих регионах, существуют моноэтничные поселения, такие как поселения курдов, татар, немцев и т.д. Но в реальности, ключевым вопросом является несоответствие темпов развития моноэтничных поселений и полиэтничных. Результаты экономического и социального анализа показывают, что моноэтничные поселения являются более успешными, - у работающих там предпринимателей более высокий доход, у работников более высокая зарплата. Сложившиеся условия и текущая социально-экономическая конкуренция, не только между предпринимателями, но и между отдельными поселениями в районах области (в которых, как правило, 1-2 относительно крупных фермерских хозяйств, где работает до 70% поживающих в поселении людей) провоцируют конфликты, которые в местных и региональных СМИ артикулируют как межэтнические, и связанные (как правило) с миграцией. Отчасти именно поэтому почти 17% экспертов отметили как характеристику существующей миграционной ситуации – это активный приток людей, существенно отличный от доминирующего, по языку и культуре. Этнокультурная маркировка миграционных процессов в общественной «повестке дня» стала неотъемлемой частью как политических, так и общественно-бытовых оценок.

Тем не менее, при оценке отношения к мигрантам 60% экспертов отметили, что в обществе преобладает положительное, либо нейтральное отношение. На наш взгляд, это связано с тем, что говоря о мигрантах, и их

роли в жизни сообществ, используется абстрактная характеристика, сформированная действующим дискурсом, но не привязанная к конкретным людям, социальным группам. Так же сюда можно включить и эффект политкорректности. В процессе обследования многие эксперты старательно уклонялись от прямых ответом, мотивируя это тем, что «…ну вы же понимаете, мы живем в нормальной стране. У нас есть законы. Правила приличия, в конце концов…» (Ж., 35 л., сотрудник ВУЗа). Тем не менее, 12% экспертов отметили негативное отношение к мигрантам и дали характеристики негативному восприятию мигрантов в локальных сообществах. По мнению 33,3% из этой когорты экспертов – мигранты работают нелегально, тем самым «провоцируя развитие теневого рынка труда», и находясь «в тени они неподконтрольны никому». На втором месте в рейтинге претензий к мигрантам находится незнание норм общения, поведения и русского языка (26,7%). В основном, это относится к восприятию мигрантов из республик Средней Азии, обладающих не только фенотипическим отличием, но и формой разговора, артикуляцией жестами, дикцией и т.д., что автоматически среди местных жителей их маркирует как «иных», и приписывает им все свойства образа мигранта. На третьем месте в оценке отрицательных оценок стоит представлении о том, что мигранты занимают рабочие места (23,3%). Однако стоит отметить, что все эксперты подчеркивали (прямо или косвенно) необходимость привлечения мигрантов в сектора занятости которые либо считаются «грязными» (уборщики, дворники и т.д.), либо «тяжелыми» (грузчики на стройках) – предполагая, что эта работа не требует квалификации и здесь необходима только физическая выносливость. Очень также важно отметить, что в процессе обследования, ни один из экспертов не допускал возможности, что «вчерашний мигрант» встанет с ним на одну должность, т.е. станет равным. Заметим это обстоятельство при обсуждении возможностей социального продвижения мигрантов.

Следующим негативным восприятием миграции среди экспертов является представление о связи уровня миграции и ухудшения криминогенной обстановки в регионе (20%) и соответственно связанным с этим усилением опасности терроризма (10%). Проекции связи образов «иного» (мигранта) и злоумышленника, террориста транслируемых СМИ достаточно прочно и устойчиво доминируют в повседневном дискурсе не только экспертов, но и обычных жителей региона. Сам термин «этническая преступность», в среде основной массы жителей воспроизводит образ мигранта, который «…на нас непохож, неопрятен… он хуже, чем цыгане…» (Ж., 48 л., управленец). Таким образом, связь миграции и криминогенности в регионе является достаточно устойчивой, и подпитываемой местными и региональными СМИ. Наибольшее беспокойство вызывает приписываемая связь между

терроризмом и миграцией (и, следовательно, этничностью), и избирательностью отдельных фобий по отношению к этнокультурным группам мигрантов. Не менее значимым является, воспринимая как угроза, изменение этнического состава населения региона (16,7%) под воздействием миграции.

Оценивая потребность в мероприятиях по адаптации и интеграции мигрантов на территории региона, почти половина экспертов (46,7%) высказались за их необходимость, но при условии, что это будет касаться только отдельных мигрантов, а остальные смогут «сами приспособится». Треть экспертов (33%) высказались за однозначную поддержку мероприятий по инклюзии мигрантов в принимающее сообщество. И только 6,7% экспертов категорично отвергли необходимость подобных мероприятий.

Одну из наибольших сложностей, при экспертной оценке, вызывал вопрос о рисках иностранной трудовой миграции в регион, в разрезе стран, откуда приезжают мигранты. К группе «относительно высокого риска» в отношении формирования потенциальной безработицы были отнесены в основном страны Средней Азии (Киргизия – 33,3%, Таджикистан – 26,7%, Узбекистан – 33,3%). Наименьшие проблемы, связанные с миграцией и ростом безработицы получили Армения, Белоруссия, Украина и Китай.

В контексте оценок рисков безработицы для местных жителей, представители последних указанных стран, включены в систему «расколотого рынка», где каждая из этносоциальных групп, представляющих свою страну, не имеет равного конкурентного сопротивления из числа местных жителей, и соответственно, не создает социального напряжения. В частности, представители Армении, ориентируются в современных условиях на оказание социальных услуг (мелкая торговля, ремонт обуви, часов, ювелирных изделий), а представители Белоруссии и Украины больше ориентированы на деятельность в сельском хозяйстве (производство молока, сметаны, мяса). Представители Китая на рынке труда и занятости, экспертами оцениваются как исключительно потенциальная угроза. В отличие от других регионов (Дальний Восток, Сибирь), присутствие китайской общины (как социального, так и экономического сообщества) не визуализируется местным сообществом и практически не артикулируется в СМИ.

Оценивая риски иностранной трудовой миграции в регион, в разрезе потенциальных межнациональных и религиозных конфликтов, эксперты в целом были едины. По их мнению, наибольший потенциал рисков лежит не в плоскости этничности, в плоскости противоречий связанных с конфессиональными приоритетами. В сферу потенциальных рисков были отнесены страны, где доминирующей теологической доктриной является ислам (Азербайджан – 50%, Казахстан – 47%, Киргизия – 43%, Узбекистан – 47%). В отношении стран исхода мигрантов, где доминирующей религией

является христианство (во всех его проявлениях – Армения, Белоруссия, Молдавия, Украина) эксперты почти единогласно высказались за отсутствие потенциальных конфлитогенных рисков.

Оценивая риски культурной адаптации в сфере иностранной трудовой миграции, эксперты однозначно указали что, в отношении ряда стран, таких как Армения, Белоруссия, Казахстан и Украина риски практически равны нулю. По мнению экспертов «… это близкие по духу и культуре народы… мы с ними жили всегда бок о бок, - какие могут быть риски?». Необходимо отметить, в отношении Армении, что это этносоциальная группа, входящая в первую пятерку по представленной численности по данным переписи 2010 года. Присутствие армянской общины на территории региона является историческим фактом, а сама община в настоящее время составляет более 1% населения региона.

Больше сложностей в оценке культурных рисков при адаптации и интеграции вызвали группы из Таджикистана и Узбекистана. Так в частности в отношении выходцев из Таджикистана, 30% экспертов указали на незначительный риск, однако 23% экспертов отметили заметный риск. При оценке последние аргументировали это существенным разрывом между лингвистическим навыками (знания зыка) и общекультурным диссонансом (отличие в нормах общения, поведения).

Говоря о миграции, в контексте обсуждений на всех уровнях, постоянно «всплывает» вопрос о нелегальной миграции и, соответственно, связанных с ней криминальных практиках. Оценивая роль общественных структур в предупреждении незаконной миграции, эксперты в большинстве своем (53%), отметили эпизодическое участие в данном процессе. Как правило, в «предупреждении незаконной миграции» эксперты понимали как форму юридической и социальной поддержки мигрантов, которая способна их «вывести из тени, чтобы они стали легальными». В этом отношении, с точки зрения экспертов, приоритет отдается правозащитным организациям, помогающим оформить разрешительные документы, патенты и т.д. Остальные общественные структуры, как правило, проводят разовые акции поддержки мигрантов, при этом отмечают нулевой, либо крайне слабый эффект – по причине отсутствия должной финансовой и организационной поддержки, ограниченного контингента мигрантов, с которыми они работают.

Оценивая роль общественных структур в содействии развитию отечественного рынка труда и приоритетам для граждан России, эксперты достаточно скептически отнеслись к фактическому участию в данном процессе. Более 46% экспертов указали на незначительное участие общественных структур в нормализации отечественного рынка труда, и при этом 20% экспертов отметили нулевую эффективность участия, и 56% – указали на

минимальную степень влияния на существующий рынок труда. «Все решает сам малый бизнес… кого брать, кого не брать на работу… На самом деле, им [предпринимателям] глубоко... [все равно] лишь бы работали… В эту сферу отношений влезет только МВД…» (Ж., 54 г., общественник). Тем не менее, стоит отметить, что в существующей системе ограничений (товарного и финансового эмбарго) в отношении России, спрос на рабочую силу, по данным экспертов, существенно увеличился. По некоторым оценкам экспертов, действующие санкции, действительно стимулировали приток рабочей силы в отдельные сегменты регионального рынка (энергетика, машиностроение, добыча полезных ископаемых и т.д.). В отдельных сегментах рынка труда (строительство, монтажно-сборочные работы) количество трудоустроенных местных жителей возросло на 20-24%.

Привлечение иностранных работников в соответствии с потребностями рынка выявило среди экспертов серьезные разногласия. Представители академического (вузовского) сообщества отмечали реальную потребность в привлечении «новых рук», поскольку регион развивается по традиционной экстенсивной технологии (за счет освоения новых ресурсов), при этом воспроизводство экономически активного населения практически равна нулю. Противники, из числа представителей органов власти, заявляют, что нет необходимости в привлечении иностранных граждан для стабилизации экономической ситуации, а «…мы должны использовать собственные, еще не тронутые трудовые ресурсы – студенчество, выпускников ССУЗов …» (М, 52 г., представитель МСУ). В обобщенном виде – 63% экспертов дают минимальную оценку («крайне редкое участие») деятельности общественных структур по организованному привлечению иммигрантов в экономику региона. При этом 70% экспертов более чем скептически относятся к роли общественных структур в процессе трудовой интеграции мигрантов.

Важным является вопрос «о содействии трудовой мобильности российских граждан внутри страны» и роль в этом процессе общественных структур. Необходимо сразу отметить, что трудовые «траектории» современных граждан России – это индивидуальный выбор, определяемый спросом на рынках труда, уровнем квалификации, степенью плотности социальных связей (друзья, коллеги, знакомы и т.д.), и поэтому роль общественно-артикулируемых структур в этом секторе сведена к минимуму. При прочих равных условиях житель региона готов больше полагать при трудоустройстве на личные – родственные и земляческие связи, нежели доверять общественным (в понятии работника – «абстрактным») структурам. Отчасти поэтому, две трети экспертов (66%) фактическое участие общественных структур в данном процессе оценили как крайне низкое, а эффективность участия (если таковое и имелось) 67% экспертов оценили как нулевое.

Мы также опросили жителей региона. В основном опрашивалось городское население, но также частью и в пригородах – селах и деревнях. При анализе оценок респондентов в отношении иностранных трудовых мигрантов и их возможных перспектив трудоустройства в различных секторах экономики можно сделать следующие выводы. Почти 76% респондентов убеждены в необходимости труда мигрантов, но 15% ответивших категорично заявили, что труд иностранных мигрантов не нужен. Остальные 9% затруднились с однозначным ответом. При этом из числа убежденных в необходимости труда мигрантов 15% указали сферы деятельности, где должны бы работать мигранты, но которые среди местного населения являются либо экономически непривлекательными, либо непрестижными (сельское хозяйство, ЖКХ, работа по найму у граждан (на приусадебных участках и т. д.). К этой же когорте примыкают 61% респондентов, которые приемлемо относятся к труду мигрантов, но очерчивают их диапазон занятости «относительно приемлемыми» секторами занятости (торговля, общественный транспорт, кафе, рестораны, гостиницы).

При анализе оценок, данных при опросе студентов, в отношении иностранных трудовых мигрантов и их возможных перспектив трудоустройств в различных секторах экономики, почти 79% респондентов убеждены в необходимости труда мигрантов, но 10% ответивших категорично заявили, что труд иностранных мигрантов не нужен. Остальные 11% затруднились с однозначным ответом. При этом из числа убежденных в необходимости труда мигрантов, 15% указали сферы деятельности, в которых должны бы работать мигранты, но которые среди местного населения являются либо экономически непривлекательными, либо непрестижными (сельское хозяйство, ЖКХ, работа по найму у граждан (на приусадебных участках). В частности, наиболее приемлемыми сегментами ранка труда были указаны строительство, дорожные работы (56% от общего числа опрошенных), уборка и другие работы в сфере ЖКХ (49%), сельское хозяйство (31%), работа на заводах, фабриках (22%), торговля, охрана парковок, магазинов (21%).

Одним из ключевых аспектов восприятия иностранных трудовых мигрантов является скрытая конкуренция за рабочие места с местными жителями. В этом контексте на вопрос о миграции как потенциальной угрозе, опрашиваемые отметили, что в основном сами местные жители не хотят занимать некоторые рабочие места – 42%, но почти 15% респондентов убеждены, что приезжие отнимают работу у местных жителей, еще 35% считают оба варианта приемлемыми. Затруднилось с ответом 7% опрошенных. Здесь важно отметить что, в основном (в контексте опроса), респонденты прямо, либо косвенно артикулировали неконкурентоспособность

мигрантов на сегментах рынка труда, «традиционно» принадлежащих местному обществу (высшее и среднее образование, управление, здравоохранение и т. д.) и имеющих достаточно высокий «входной» квалификационный порог.

Не менее важным является оценка населением проблематики, связанной с «этнической» преступностью. В современных условиях подавляющая часть населения вопрос этничности и миграции воспринимает как единое целое, поэтому, говоря о преступлениях, совершаемых мигрантами, автоматически проводится их маркирование по этнокультурному признаку. Однако основная часть опрошенных – 60% считают, что нет особых различий между мигрантами и местными жителями по уровню преступности. Тем не менее, более 21% респондентов убеждены в том, что иностранные трудовые мигранты совершают преступления чаще. При этом интервьюеры, задавая уточняющие вопросы по аргументации респондентов, чаще всего получали ответы, что эта информация получена через печатные СМИ и масс-медиа. Таким образом, данная когорта воспроизводит доминирующий дискурс «этнической» преступности, и при этом подавляющая часть этих респондентов практически никогда лично не общались с мигрантами, но при этом они убеждены, что последние отнимают работу у местных жителей.

Для оценки социальной дистанции между иностранными трудовыми мигрантами и местным населением в процессе исследования использовался маркер приемлемости совместного нахождения и обучения их детей в школе. Так, 15% респондентов позитивно отнеслись к возможности совместного обучения своих детей, внуков с детьми мигрантов. В основе этой позиции часто лежит: а) факт того, что они сами в прошлом дети мигрантов, имеющих опыт социализации в подобных условиях, б) общение с детьми мигрантов расширит кругозор восприятия мира, будет способствовать повышению коммуникабельности, выработке «правил» поиска общих точек соприкосновения (спорт, киберпространство (чаты, группы в социальных сетях).

На противоположной позиции находятся 14% опрошенных, которые категорично отвергают возможность совместного обучения детей «местных» и «мигрантов». В основании этой диспозиции находится тезис – «они чужие», «они – возможная угроза нашим детям». В частности, отмечалось, что дети мигрантов в социальном плане более жесткие, ориентированы на конкретные результаты, обучение и продвижение «вверх» по социальной

лестнице, способны на открытые конфликты не только с одноклассниками, но и преподавателями.[2]

Тем не менее, 66% опрошенных достаточно нейтрально/спокойно отнеслись к возможности совместного обучения. В основе этого взгляда лежит убеждение, что школа, с ее формальными и неформальными практиками обучения и воспитания, способна нивелировать различия между основной массой детей. Единые стандарты, в данном случае, играют определяющую роль, не давая преференций – как детям мигрантов, так и детям местных жителей. Вопрос эффективности образовательной и воспитательной унификации, на наш взгляд, лежит вне плоскости данного исследования. Дать однозначную оценку факту и потенциальной перспективе совместного обучения не смогли 5% респондентов.

В контексте восприятия потенциальной угрозы со стороны мигрантов (в том числе и на фоне миграционного кризиса в Европе) была предпринята оценка социально-политических мобилизационных возможностей местного населения. Несмотря на эмоционально-психологическое давление на местных жителей центральными и региональными вещательными каналами, описывающими потенциальные негативные последствия миграции (на примере Европы), больше 65% респондентов однозначно сообщили, что не собирались и не будут поддерживать пикеты или акции против трудовых мигрантов. Лишь 12% опрошенных высказались за однозначную поддержку подобных действий. В отношении последней группы необходимо отметить, что это представители предпенсионного и пенсионного возраста, которые планировали сочетать собственно пенсию, как гарантированный доход, а также доход, получаемый от «малых» заработков – дворник в своем дворе, продавец на рынке и т. д. (зоны потенциальной конкуренции с трудовыми мигрантами).

Еще меньшая часть респондентов (21%) воздержалась от собственной оценки готовности к протестным акциям, направленным на антимигрантскую тематику. В основной части этой группы – представители молодежи, обучающиеся в местных ВУЗах, либо уже имеющие высшее образование. Собственно, это те, кто в миграции и мигрантах не видят себе и своим близким потенциальной угрозы (в социальной, экономической, политической конкуренции), но (!) в случае прямого конфликта, либо социально-общественной значимости мероприятия (как, например, митинги протеста

[2] Здесь необходимо отметить, что многие преподаватели школ и вузов не обладают даже элементарным набором знаний и понятий для работы в кросс-культурной среде. Отказ от понимания индивидуальности ребенка (его прошлого, полученных в процессе социализации навыков, правил, способов общения) часто приводит к конфликтам не только в школе, но и за ее стенами в разного рода группах общения родителей (как правило, через интернет).

в г. Пугачеве) могут стать существенным мобилизационным ресурсом общественных лидеров протеста.

Сложнее респондентам было трактовать восприятие «соотечественников». Больше половины (54%) опрошенных считают, что соотечественниками нужно признавать тех, кто жил в СССР. Менее, чем в 2 раза (19%) респондентов считают соотечественниками тех, кто знает русский (государственный) язык. С их точки зрения – знание языка автоматически предполагает знание и истории страны (в целом), и азов культуры, и способность к адаптации и интеграции без соответствующих временных и материальных издержек.

Тем не менее, 9% опрошенных утверждают, что статус соотечественника необходимо предоставлять только отдельным национальностям. При этом акцент делается на сходстве этнонациональных культур, близости языковых групп. К этим «отдельным» национальностям относят украинцев, белорусов и «всех, кто себя считает славянином». Затруднились с ответом по вопросу соотечественников 19% респондентов.

Таким образом, подводя итог общественной оценки миграции в регионе, можно отметить, что уровень мигрантофобии составляет около 14%, что говорит о его относительно невысоком уровне. При этом максимальные показатели неприятия миграции находятся в плоскости ее криминализации (21% респондентов отметили, что мигранты совершают преступления чаще, чем местные жители), а минимальный показатель неприятия в плоскости оценок мигрантов как соотечественников – 9%.

На вопрос о поддержке идеи обучения мигрантов русскому языку, подавляющее большинство – 88% высказалось положительно, 9% респондентов не одобряет эту идею, и 2% воздержались с ответом.

В частности, из тех, кто поддерживает идею обучения мигрантов русскому языку, за однозначную поддержку высказалось 29% опрошенных. Согласились с этим утверждением, но при условии, что обучать необходимо только тех, кто хочет остаться жить в России (натурализоваться) – 21%, и 38% респондентов поддержали эту идею, при условии, что это обучение не станет для них самих финансовым бременем («да, но только пусть за это платят сами мигранты»).

Из числа тех, кто отрицательно воспринимает идею обучения мигрантов русскому языку, основным (общим) тезисом выступает концепция, что «мигрант, приезжая в Россию работать, уже сам должен знать русский язык». Необходимо отметить, что данную идею в основном поддерживают представители старшего поколения и работающие в органах власти.

В отношении обучения мигрантов навыкам социального общежития, основам местных традиций и культуры 72% респондентов в целом под-

держивают эту идею, 18% опрошенных, в свою очередь, считают, что ничего делать не нужно, и 9% воздержались с ответом.

Из числа тех, кто поддерживает идею о необходимости обучения/информирования мигрантов о местных традициях, нормах общения и поведения, 13% респондентов высказались за прямое информирование посредством раздачи мигрантам информационных материалов (листовки, буклеты, брошюры и т. д.). Здесь важно отметить, что только несколько человек косвенно указали, что это должны быть билингвальные материалы – на русском и втором («понятном» для мигранта) языке. Еще 22% опрошенных убеждены, что лучший способ обучить мигрантов навыкам социального общежития – это привлечение их к общественной жизни (участие в публичных мероприятиях, субботники, совместная работа на придомовых территориях многоквартирных домов и т. д.). 37% опрошенных убеждены, что необходимо совмещать просветительскую работу и активное включение мигрантов в социальную (общественную) жизнь сообщества.

Тем не менее, говоря о поддержке обучения мигрантов стандартам социального общения, 18% высказались против этой идеи, считая, что в этом нет необходимости. Основными аргументами здесь выступают тезисы, что «они приехали сюда ненадолго…», «какой смысл тратить на это время и деньги», т. е. с их точки зрения, это бессмысленное действие.

Таким образом, распределение ответов населения на этот вопрос показывает, что лишь немногим более половины (59%) респондентов считают, что интегрировать мигрантов необходимо, а 32% выступают за пассивно-отрицательную позицию (учить не стоит, достаточно раздать листовки).

Что касается мнения студентов, то половина опрошенных из их числа выступает за однозначную интеграцию мигрантов в местном сообществе. При этом указывают на наиболее эффективные способы инклюзии мигрантов – участие приезжих в общественных мероприятиях, привлечение их к общественной жизни.

В условиях сохраняющейся динамики миграционных процессов, и роста этнокультурного разнообразия, появления новых форм презентации этнокультурных групп, появления этнически окрашенных сегментов рынка (торговля, малый бизнес, автосервис и т.д.) приемлемым вариантом видится использование имеющихся наиболее эффективных инструментов этнокультурной политики (например, региональных и местных СМИ), которые позволили бы расширить интеграционный потенциал местных жителей, за счет расширения общественных представлений о достоинствах культурного, этнического и языкового разнообразия.

Социальные лифты и их потенциал для мигрантов являются ключевым фактором, определяющим как собственно миграционные устремления, так и успешность их последующей реализации. В контексте исследования мы

определяем, что социальный лифт - это формы перемещения индивидуума (либо группы взаимосвязанных субъектов) из одной социальной страты в другую. Это либо более высокий уровень (социальный, экономический и т.д.), либо перемещение в другое территориальное пространство с возможностью потенциального социального и экономического роста.

Теоретически все социальные лифты можно классифицировать как вертикальные (восходящие и нисходящие) по социальной лестнице, горизонтальные (территориальное перемещение, смена форм и видов деятельности), и наклонные - которым присущи все перечисленные выше требования.

Использование этой исследовательской оптики позволяет выявить процесс обретения навыков и компетенций у мигрантов, необходимых для признания в конкретных группах, к которым данный человек стремится принадлежать.

При анализе процесса овладения мигрантом конкретных социальных ролей, связанных с определенными позициями (на которые он претендует), мы исходим из следующих гипотез: все представители мигрантских сообществ ориентированы на интеграцию и продвижение вверх по «социальной» лестнице, по крайней мере, в конкретном территориальном сообществе; при этом, существуют факторы, которые: а) не допускают этой возможности («блокировка»); б) «выдавливают» представителей меньшинств (в категории «изгоев», «преследуемых», «вынужденных» и т.д.); в) стимулируют рост конкуренции в системе социально-этнической стратификации и, тем самым, формируют условия видоизменения социальной, экономической и политической структуры принимающего сообщества.

Развивая первое допущение, можно использовать следующую матрицу анализа, которая исходит из того, что сам факт перемещения в другую страну, регион выступает как потенциальная возможность роста экономического капитала (рост доходов, появления новых возможностей и форм заработка и т.д.); надежды на самореализацию (профессиональную, творческую, образовательную и т.д.); возможное позитивное изменение социального статуса (в точке исхода (часто для мигранта важна оценка бывшего окружения - членов семьи, бывших коллег по работе и т.д.); в точке (конечного) пребывания (карьерный рост, рост социальной диспозиции в системе стратификационных отношений). Возможны также личные причины (семья, брак, дети, различные межличностные и иные конфликты в прошлом), бегство от угроз (беженцы; отторжение местным сообществом; несоответствие (депривация) между ожиданиями и существующей социальной, политической, экономической, культурной реальностью).

Последние группы факторов отражают виды стратегий, основанных на стимулах, которые «заставляют» сменить (спрятать, видоизменить) свою этнокультурную идентичность ради продвижения по социальной лестнице или сохранения текущего социального статуса, а в ряде случаев - и жизни (геноцид, оккупация и т.д.).

При этом критериальная оценка социальных лифтов для мигрантов – самая, пожалуй, сложная задача. Для каждой когорты мигрантов эти критерии будут различны, но при этом есть и общие основания. Использование исключительно количественного инструментария позволяет раскрыть лишь частотную составляющую, выделить группу доминирующих факторов и, артикулируемых исследователем (а не респондентом), стратегий инклюзии. Использование методологической триангуляции (сочетания количественных и качественных методов обследования) дает более значимый массив данных, который обеспечивает не только описание социальных траекторий мигрантов, но и дает основу для понимания и анализа мотивов, причин, ожидаемых реакций и т.д.

Но что будет являться критерием, пусть даже формальным, перехода мигранта из одной социальной страты в другую? Безусловно, трудно оценить такой критерий как «успешность» - хотя мы часто говоря о наших соотечественниках, уехавших за рубеж, спрашиваем у друзей и коллег «Как он/она там? Все нормально? Он/она успешны на новом месте?». Или не менее неоднозначные критерии (но вполне исчисляемые) как «признание», «доход», «площадь квартиры», «количество детей» (для каждой страны, региона, конкретной исследуемой когорты мигрантов они будут существенно различаться). Но поскольку инструментарий даже при теоретическом моделировании обследования опирается на предписанные в процессе обучения и социализации критерии оценки исследователя («что есть норма? и для кого?»), то и исследовательская оптика получается достаточно субъективной.

Тем не менее, можно сформулировать некоторые концептуальные критерии оценки социальных лифтов мигрантов:

- достижимость – в зависимости от контекста миграции (точка исхода, конечная территория, будущая потенциальная социальная группа), индивид принимает решения, которые будут определять его социальную и территориальную траекторию. Возможности его самореализации зависят напрямую от наличия капитала (социального, экономического, образовательного и т.д.), механизмов и способов его реализации. Например, в ряде случаев конкретный человек имеет существенный финансовый и социальный капитал, но он не способен его реализовать в новых (территориальных, политических и т.д.) условиях - эффект «закрытых дверей». Примером может стать введение санкций в отношении ряда артистов (И. Кобзон

имел пожизненный запрет на въезд в США), либо госслужащих высшего уровня, топ-менеджеров энергетических и оборонных компаний и т.д.

- на какой уровень с использованием различных социальных лифтов (экономических, политических, профессиональных, этнических и т.д.) можно «подняться» (ступени).

Сложность оценки этого критерия напрямую связана с пониманием множества уровней, которые связывает социальный лифт с потенциальными и реальными ограничениями, исходным уровнем «старта», ранее полученным социальным опытом, возможностями (даже виртуальными) групп поддержки, лоббирования, и, безусловно, получением ожидаемого результата.

- Какова возможность совмещения механизмов лифтов для максимизации доступа к «нужной ступени – конечной цели». Данный критерий отражает взаимосвязанность различных видов *потенциально возможных* социальных лифтов, выступая комплексной оценкой достижимости цели. В частности, необходимо рассматривать совмещение социальных ресурсов семьи, профессиональных связей, включенность в этнокультурные сообщество, как страны исхода, так и конечной точки пребывания, уровня квалификации и образования, лингвистической компетенции, уровня психологической открытости.

- чем мигрант готов пожертвовать ради достижения цели. Это вопрос индивидуального выбора, который определяется как конечной целью, так и уровнем прочности сформированной в процессе социализации идентичности.

Более детально, предлагается рассматривать такие критерии:

1. Будущая потенциальная безопасность перемещения (в том числе и для семьи мигранта).
2. Возможности «инвестирования» имеющегося и получаемого мигрантом капитала (социального, экономического и пр.) в детей - получение ими образования, формирование детьми новых социальных и иных связей.
3. Вопросы трудоустройства и потенциального карьерного роста (последнее как форма самореализации).
4. Появление у мигранта новых связей в рамках своей когорты (профессии, возраста, гендера).
5. Усвоение и/или совершенствования знания языка (рост лингвистической компетенции).
6. Преодоление «культурного шока» (каналы предварительного информирования о будущем месте пребывания, наличия «агентов», которые встречают, объясняют, на самом начальном этапе помогают).
7. Степень лояльности и идентификации с принимающим государством.

При этом существуют, как было сказано, и факторы, тормозящие, либо ограничивающие социальные лифты мигрантов в процессе инклюзии в принимающее сообщество.

1. В первую очередь - это язык (лингвистические компетенции). В практике часто встречаются случаи, когда для достижения определенных целей люди жертвуют своим родным языком («забывают» его) ради приобретения более высоких навыков знания языка, доминирующего на конкретной принимающей территории (государства). Формально, даже при переписи или проведении исследований респонденты, стесняясь, говорили «*моя родной язык (название), но я не знаю его, родители еще его немного знают, а я только несколько фраз*».
2. Степень готовности к ассимиляции (в данном случае определяемая нами как «жертвенность» по отношению к исходной культуре).
3. Возрастные ограничения отдельных социальных лифтов (твой возраст, возраст твоих коллег по работе, предпенсионные показатели и т.д.)
4. Гендерные ограничения.
5. Наличие семьи (как формы социального груза, потенциальных ограничений по территориальному перемещению, рост финансовых издержек, затрат времени и т.д.).
6. Наличие определенной политической конъюнктуры (реальные, политические, социальные стены - «Официально одобряемая ненависть» - пример Великобритании по отношению к мигрантам).
7. Несоответствие стандартов профессионального образования (пример, наши врачи – одни из самых лучших в мире, однако на Западе им приходится тратить существенные средства и время на переподготовку для сдачи квалификационных требований принимающей стороны).
8. Физические ограничения (инвалидность, плохое зрение, низкий уровень здоровья, в целом, и т.д.)
9. Политические санкции (как пример - ограничения страны реципиента для страны донора).

В данной статье нами рассматривались аспекты *социальных процессов* интеграции мигрантов, возможность оценки и интерпретации стратегий адаптации, интеграции и потенциальной ассимиляции. Но, не менее важным является рассмотрение действующих институций (как элементов *социальной структуры* принимающего сообщества) и оценки их эффективности по формированию и использованию социальных лифтов для мигрантов (школа, лингвистическая компетентность, семья/брак, профессиональные организации, общественные и политические партии, церковь).

Отметим, что в условиях конкурентных отношений между принимающим большинством и миграционными сообществами вопросы этносоциальной и экономической стратификации и поиск оптимальных стратегий перемещения между «стратами» являются одними из ключевых. Они же определяют риски миграционных конфликтов и условия их заблаговременного преодоления.

Этнодемографическая характеристика коренного населения предгорий Северного Алтая
(по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года)

Николаев В.В.

Сведения этнодемографического и этносоциального характера по коренным малочисленным народам Сибири за XIX–XX вв. фрагментарны. В основном их можно почерпнуть в опубликованных результатах Первой всеобщей (1897 г.) и Всесоюзной (1926 г.) переписей населения, а также различных ведомственных статистических обследований рубежа XIX–XX столетий.

В некоторой степени существующие пробелы можно восполнить за счет привлечения материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., в ходе проведения которой впервые в истории отечественной статистики фиксировалась «национальность», причем вопрос о национальности не был формализован. Но обращен он был только к главам домохозяйств. Переписные карточки 1917 г. по исследуемым группам населения хранятся в Государственном архиве Алтайского края (ГААК). Они сгруппированы в более чем 90 дел.[1]

Объектом настоящего исследования является коренное население предгорий Северного Алтая, на базе которого на рубеже XX–XXI вв. сформировалось три народа: *кумандинцы, тубалары* и *челканцы*. Предметом исследования стали социально-демографические параметры коренного населения предгорий Северного Алтая по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Территориальные рамки исследования охватывают ареал формирования кумандинцев, тубаларов и челканцев, соответствующий в 1917 г. следующим волостям Бийского уезда Алтайской губернии: Верхне-Бийской (584 домохозяйства), Лебедской (126), Нижне-Кумандинской (494), Озеро-Куреевской (99), Паспаульской (215), Сузопской (170), Тайнинской (104), Троицкой (64) и Урунской (383). В настоящее время это Красногорский и Солтонский районы Алтайского края и Турочакский и Чойский районы Республики Алтай.

Цель настоящего исследования – на основе комплексного анализа архивных анкет Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. дать этнодемографическую и этносоциальную характеристику коренного населения предгорий Северного Алтая.

---

[1] ГААК. Ф. 233. Оп. 1, 1а, 1б, 5

В 1917 г. большая часть коренного населения предгорий Северного Алтая записалась «алтайцами» (841 чел. или 37,7%), «татарами» (691 чел. или 30,9%), «кумандинцами» (305 чел. или 13,7%) и «инородцами» (116 чел. или 5,2%). В Лебедской вол. в единичном числе были зафиксированы самоназвания «чалган» и «чалканец», «шелканский инородец» (Данилкин, Турочак, Усть-Телешское). Учитывая, что большая часть челканских аилов не была обследована, можно предполагать более широкое распространение самоназвания.

В то же время в материалах переписи 1917 г. отсутствует этноним «тубалар» как обозначение расселенных в основном дисперсно по миссионерским поселениям и деревням со смешанным населением представителей коренного населения. Стоит отметить, что и во время проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г. в перечне народностей основным этнонимом было предложено словосочетание «черневые татары», а не «тубалар». В начале XX в. в границах расселения тубаларов наиболее распространенными этнонимами были: «алтаец» в Верхне-Бийской (81%) и Паспаульской (70,1%) волостях, «калмык» в Верхне-Бийской вол. (15,7%), а также родовые самоназвания (по сеокам – комляш, комнош, тиргеш) в Лебедской волости.

Этноним «алтаец» (возможно, равнозначный этнониму «калмык»), применительно к концу XIX – началу XX в. представляется возможным рассматривать как этнотерриториальную самоидентификацию коренного населения Северного Алтая и как квазиэтноним в границах Алтая в целом. В это время он был уже повсеместно представлен в предгорьях, кроме Тайнинской и Троицкой волостей.

На протяжении XVIII–XIX вв. происходила постепенная интеграция коренного населения предгорий Северного Алтая в российское политическое и социокультурное пространство. Аграрная колонизация и земельное обустройство региона, административные преобразования и прозелитические практики Алтайской духовной миссии существенно повлияли на характер этнических процессов в среде коренного населения. Самоидентификация имела сложный характер в силу субстратности этнических групп, схожести культурно-хозяйственных моделей коренного и пришлого населения и относительной однородности конфессионального (в границах влияния Алтайской духовной миссии) пространства. В моноэтничных, удаленных, географически изолированных поселениях предгорий Северного Алтая сохраняло устойчивость родовое и локальное самосознание; в поселениях с этнически смешанным населением на первый план выходили таксоны надэтнического уровня. Более всего процесс консолидации с закреплением общего этнонима, согласно материалам переписи 1917 г., был характерен для кумандинцев и челканцев.

На большей части территории предгорий Северного Алтая коренное население проживало дисперсно и чересполосно с пришлым населением. Прозелитская деятельность Алтайской духовной миссии, которая сопровождалась организацией крупных населенных пунктов, представлявших собой миссионерские станы или опорные точки в удаленных уголках таежного Алтая, способствовала концентрации аборигенов в миссионерских поселениях. В то же время к 1917 г. сохранялись аилы и улусы с моноэтничным населением. В целом к 1917 г. подавляющее большинство населенных пунктов с автохтонным населением было полиэтничным, аильные общины сохранялись как реликты только в отдаленных уголках черневой тайги. Незначительная часть аборигенов переняла заимочную систему расселения у пришлого населения, которая была удобной при обживании новых сельскохозяйственных территорий, например, в таежной части Озеро-Куреевской и Паспаульской волостей. На фоне остальных административно-территориальных единиц выделяется Нижне-Кумандинская вол., отличавшаяся компактным проживанием автохтонов на сравнительно небольшой территории и представляющего собой ядро формирующегося кумандинского народа.

Соотношение мужчин и женщин в условиях функционирования традиционного типа воспроизводства среди коренного населения предгорий Северного Алтая было уравновешено. Прослеживается незначительное превосходство мужчин в половой структуре. Только у коренного населения Тайнинской вол. переписчиками было зарегистрировано превалирование женщин (50,6%). В старшей возрастной группе у коренного населения всех волостей наблюдалось преобладание мужчин над женщинами.

В соответствии со шкалой демографического старения Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета коренное население предгорий Северного Алтая находилось на уровне «демографической молодости» (население Паспаульской, Троицкой, Урунской волостей) и отчасти «первого преддверия старости». Возрастную структуру коренного населения всех рассматриваемых волостей можно отнести к прогрессивному типу.

Удельный вес детей составлял 34–42% в зависимости от волости. Доля лиц трудоспособного возраста по волостям незначительно различалась: в Тайнинской – 56,4; Озеро-Куреевской – 55,2; Верхне-Бийской – 54,9; Лебедской – 54,4; Сузопской – 53,8; Нижне-Кумандинской – 52,6; Троицкой – 52,2; Урунской – 51,4 и Паспаульской – 50,6%. Наименьшая корреляция удельного веса по волостям наблюдалась в старшей возрастной группе (от 10,1 до 7,4%).

Данные о половозрастной структуре автохтонного населения, обработанные с использованием метода ретроспекции, позволяют утверждать, что демографическое развитие было стабильным на протяжении второй

половины XIX в. Можно выделить некоторые локальные особенности, проявившиеся уже на рубеже XIX–XX вв. и вызванные интенсивными межэтническими контактами и ассимиляционно-аккультурационными процессами. В частности, резко сократилось число женщин в возрастных группах 15–19-летних у аборигенов Верхне-Бийской, Лебедской и Сузопской волостей и 20–24-летних Нижне-Кумандинской вол. При этом удельный вес женщин 15–19 лет в Лебедской и Сузопской волостях уступал более старшей возрастной группе (20–24-летних) по численности. Скорее всего, это было сопряжено с относительно высоким уровнем смертности женщин при первых родах. Немногочисленность возрастных групп 10–14, 30–34 и 50–54 лет в трех соседних волостях (Верхне-Бийской, Лебедской и Озеро-Куреевской) объясняется кризисными явлениями в воспроизводстве населения (периодическими эпидемиями) в XVIII – первой половине XIX в.

Для коренного населения в начале XX в. были характерны традиционные ценности семьи и брака. В этот период еще соблюдались (хотя и не всегда) обычаи экзогамии, левирата и т.д. Традиционно были характерны ранние браки. Брачный возраст девушки и молодого человека составлял соответственно 13–15 и 14–16 лет[2]. Вне брака в рамках традиционного общества оставались лишь недееспособные его члены.

На момент проведения переписи большинство мужчин и женщин состояло в браке; корреляция по волостям была существенной – от 70 до 51% у мужчин и от 73 до 60% у женщин: в Верхне-Бийской вол. – 65,9% мужчин и 72,7% женщин; в Лебедской – 59,8 и 72,6%; Нижне-Кумандинской – 65,2 и 73,3%; Озеро-Куреевской – 55,1 и 62,9%; Паспаульской – 70,3 и 72,1%; Сузопской – 51,2 и 59,9%; Тайнинской – 61 и 63,9%; Троицкой – 68,3 и 71%; Урунской – 65,9% мужчин и 71,2% женщин. Бóльшая доля женщин, состоящих в браке, обуславливалась преобладанием мужчин в средних и старших возрастных группах, а также постепенным распространением межэтнических браков.

Более половины населения в возрасте от 16 до 24 лет еще не вступали в брак, что свидетельствует о некоторых изменениях брачного поведения. Особенно это было характерно для населения Сузопской и Озеро-Куреевской волостей, демонстрировавших низкие показатели уровня брачности.

В этнографической литературе типология семей коренного населения предгорий Северного Алтая практически не рассматривалась. Ф.А. Сатла-

[2] Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1974. – с. 109; Шерр Н.Б. Из поездки к кумандинцам в 1898 году // Алтайский сборник. – Барнаул: Типо-Лит. Гл. Упр. Алт. окр., 1903. – Т.V, с. 106.

ев[3] в работе, посвященной кумандинцам, лишь констатировал переход от больших патриархальных семей к малым в конце XIX в.

По материалам переписи 1917 г. у коренного населения предгорий Северного Алтая преобладали простые формы семьи над сложными. Более половины семей относилось к простым полным. У коренного населения всех административно-территориальных единиц фиксируется господство двухпоколенных семей и домохозяйств, состоящих из одной супружеской пары.

Несмотря на наметившиеся изменения в семейной структуре, в 1917 г. у рассматриваемого населения сохранялась значительная доля трехпоколенных семей: от 14% в Озеро-Куреевской вол. до 24% в Нижне-Кумандинской и Сузопской волостях. В этот период четырехпоколенные семьи стали анахронизмом. У автохтонов Лебедской, Сузопской и Тайнинской волостей подобные семейные объединения уже отсутствовали.

Домохозяйства, состоявшие из двух супружеских пар, также составляли заметную долю в семейной структуре: 14–16% от общего числа семей. Удельный вес семей, включающих три супружеские пары и более был незначительным. Наиболее заметной доля подобных семей была у коренного населения Нижне-Кумандинской вол., где домохозяйства из трех супружеских пар составляли 4%, четырех – 1,2%, пяти – 0,3%.

Выделение малых семей стимулировала деятельность Алтайской духовной миссии (образование миссионерских сел, христианизация, приводившая в некоторых случаях к разрыву родственных связей), приток переселенцев и социально-экономическое развитие. Села Паспаул, Кебезень, Ынырга, Турочак и другие крупные населенные пункты уже состояли из соседских, территориальных общин, единицами которых выступали малые семьи, реже – сложные по составу.

Среди полных простых семей значительно превалировали семьи с детьми, что указывает на позднее выделение супружеских пар из большой семьи. Средний размер таких семей коррелировался в пределах 4,3–5,7 чел. по волостям. Количество бездетных супружеских пар (в основном молодожены) невелико и составляло не более 10% от общего числа семей.

Полные сложные семьи в начале XX в. отличались большим разнообразием, включая, помимо родственников, также сирот и наемных работников, статус которых мог совпадать. В ходе проведения переписи 1917 г. было зафиксировано широкое бытование традиций социального попечительства.

[3] Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1974, с. 106.

Домохозяйства, состоявшие из семей двух и более братьев, к началу XX в. становятся редким явлением. У коренного населения Озеро-Куреевской вол. подобные формы семьи уже исчезли. Наибольшее их количество переписчики зафиксировали среди автохтонов Верхне-Бийской и Нижне-Кумандинской волостей – более 10 семей, а максимально большой удельный вес отмечается в Тайнинской вол. – 4%. Сохранению данных семейных форм благоприятствовала устойчивость традиционной культуры, форм социальной организации и хозяйственной деятельности на локальном уровне, в частности в моноэтничных аилах.

Неполные семьи у коренного населения предгорий Северного Алтая, по данным переписи 1917 г., составляли небольшую долю: в Лебедской вол. – 8%; Паспаульской – 8,5; Верхне-Бийской, Нижне-Кумандинской и Троицкой волостях – 10; в Урунской – 12%. Лидерами по данному показателю являлись коренные жители Сузопской, Тайнинской и Озеро-Куреевской волостей – соответственно 25%; 18 и 16% неполных семей от общего числа. Существование данных форм семьи в рамках традиционного общества было связано со смертью супруга, в меньшей степени – с внебрачной рождаемостью. Это подтверждается статистическими данными. Доли матерей- и отцов-одиночек практически совпадают или преобладают последние.

Удельный вес одиноких мужчин и женщин составлял от 1 до 5% по волостям. Среди одиноких в несколько раз преобладали мужчины; в большей части волостей одинокие женщины вовсе отсутствовали.

Средний размер семей существенно коррелировался по волостям: в Верхне-Бийской и Тайнинской вол. – 4,8 чел.; Лебедской и Сузопской – по 5; Озеро-Куреевской – 5,1; Урунской – 5,2; Паспаульской – 5,4; Нижне-Кумандинской – 5,5; в Троицкой вол. – 5,6 чел. Разброс показателя людности по административно-территориальным единицам, где проживали автохтоны, обуславливался в первую очередь соотношением типов семей.

Средние размеры семей во многом коррелируют с уровнем детности. В среднем на одну семью автохтонов в Лебедской и Тайнинской волостях приходилось 2 ребенка; в Сузопской – 2,1; Верхне-Бийской – 2,2; Урунской – 2,3; Нижне-Кумандинской – 2,4; в Озеро-Куреевской и Паспаульской – 2,5; в Троицкой вол. – 2,7 ребенка. Таким образом, для коренного населения было характерно простое воспроизводство.

Показатели рождаемости, смертности и естественного прироста соответствовали традиционному типу воспроизводства населения. Наиболее высоким уровень рождаемости был у автохтонов Урунской (5,6%) и Паспаульской (4,2%) волостей, в то время как у аборигенов Озеро-Куреевской вол. данный показатель был в разы ниже и составлял 2,2%. В остальных волостях уровень рождаемости коренного населения находился в рамках

3,1–3,9%. Корреляция уровня рождаемости по административно-территориальным единицам была детерминирована особенностями брачной, половозрастной и семейной структур рассматриваемых групп.

Уровень смертности у коренного населения колебался в пределах от 1,38% (в Озеро-Куреевской вол.) до 3,57% (в Лебедской вол.), но в основном в пределах 1,8–2,5%. Следует учитывать, что в условиях традиционного типа воспроизводства населения основной категорией умиравших у аборигенного населения предгорий Северного Алтая были дети до пяти лет. При этом на младенцев в возрасте до года приходилось до трети смертельных случаев от общего количества[4]. В этой связи стоит обратить внимание на то, что у автохтонов Озеро-Куреевской вол. был сравнительно низким удельный вес детей в возрастной структуре, как и уровень рождаемости. В результате уровень младенческой смертности составил всего 0,2%. В целом, уровень младенческой смертности колебался от 0,2% (Озеро-Куреевская вол.) до 0,79% (Паспаульская вол.).

Соответственно показатели естественного прироста составили: 0,33% у автохтонов Лебедской вол.; 0,79% – Озеро-Куреевской; 0,82 – Сузопской; 1,15 – Троицкой; 1,18 – Верхне-Бийской; 1,21 – Тайнинской; 1,94 – Нижне-Кумандинской; 2,39 – Паспаульской; 3,46% – Урунской.

Видимо, в ходе проведения переписи сведения о рождении и смерти младенцев в большинстве случаев не регистрировались переписчиками или утаивались респондентами. Несмотря на недоучет демографических событий, показатели рождаемости, смертности и естественного прироста вполне репрезентативны.

Данные о миграционной подвижности можно почерпнуть из косвенных данных. В материалах переписи 1917 г. фиксировалось перемещение населения. В случае с аборигенным населением, для поменявших место жительства, но не причисленных на новом месте, указывались сведения о времени переезда: «переселился в …. г. из Томской губернии».

Сведения за XIX в., скорее, отражают сложности с причислением вновь прибывшего населения, чем реальные данные по их перемещению. В течение 1900–1910-х гг. не наблюдалось роста миграционной активности аборигенного населения, что позволяет говорить об их высокой адаптивности к новым социально-экономическим и политическим реалиям: землеустроительные работы, административная реформа, приток переселенцев, расширение миссионерских практик в регионе. Напротив, в 1915–1917 гг. явно намечается спад перемещения коренного населения в пределах региона.

[4] Николаев В.В. Этнодемографическое развитие коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX – начало XXI века). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012, с. 44.

Известное влияние на миграционные процессы оказывала прозелитическая деятельность Алтайской духовной миссии. Так, в Паспаульской вол., где аборигенное население к 1910-м гг. было практически полностью крещенным, отсутствовала заметная миграционная активность. В то же время в Лебедской вол., где в 1908 г. был образован Турочакский стан миссии, и отчасти в Верхне-Бийской вол., перемещение населения было связано с деятельностью миссионеров. На это указывает, в частности, активный приток автохтонов-переселенцев в центры миссионерского влияния: Турочак и Тондошку, Кебезень и Ынныргу. В целом, по моим оценкам, около половины фактов смены места жительства автохтонами, зафиксированных переписью 1917 г., были в той или иной степени обусловлены прозелитическими практиками миссии; это подтверждают концентрация новокрещенов в миссионерских поселениях и региональных центрах миссии; переезд в населенные пункты, где имелись школы; и т.д.

Другим косвенным показателем низкой миграционной активности является распределение фамилий по волостям. Большая часть фамилий была представлена лишь в одной из административно-территориальных единиц региона. Только 78 фамилий распространено в двух волостях, 25 – в трех, 8 – в четырех, 7 – в пяти и 1 фамилия (Со(а)фронов) зафиксирована в шести волостях из девяти. Среди них преобладали выходцы из Быстрянской инородной управы (Бедаревы, Зяблицкие и т.д.), активно занимавшиеся торговой деятельностью на Алтае; а также кумандинцы, территория проживания которых в ходе административной реформы 1910-х гг. была раздроблена на несколько волостей.

В целом для коренного населения предгорий Северного Алтая в начале XX в. был характерен традиционный тип воспроизводства населения, сопряженный с высокими уровнями смертности и рождаемости, всеобщей брачностью. Представленный статистический материал указывает на стабильность демографических процессов в первые два десятилетия XX в., несмотря на происходившие социальные, экономические и политические трансформации в регионе и в стране в целом. Положительный естественный прирост населения в 1917 г., перекрывавший демографические потери в ходе ассимиляционных процессов, приводил к увеличению численности автохтонов предгорий Северного Алтая.

Переписи населения как инструмент замера ассимиляционных процессов (на примере финно-угорских народов)[1]

Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н.

Процесс ассимиляции, несмотря на определенную степень условности, можно замерить рядом показателей: динамикой численности населения, уровнем рождаемости коренного (местного) и пришлого населения у представителей разных национальностей; распространенностью межнациональных браков; владением родным языком и языком коренной национальности, вероисповеданием и рядом других показателей. Эту информацию о каждом регионе и местности дают исключительно переписи населения, что ограничивает исследователей временными рамками в среднем в десять лет (межпереписной интервал). Первая всесоюзная перепись населения прошла в 1926 г., а на современном этапе переписи населения проведены в 2002 и 2010 гг., следующая ожидается в 2020 г.

Кроме переписей населения информацию об ассимиляционных процессах можно получить из материалов социологических опросов. Но эта информация носит, как правило, местный и выборочный характер и не всегда сопоставима между проводимыми исследованиями по отдельным регионам, не сопоставима и с материалами переписей населения.

Основной исследовательский интерес данной статьи направлен на раскрытие возможностей применения демографических показателей для характеристики ассимиляционных процессов. Обратим внимание на одну методическую особенность. По ряду показателей информация приводится по субъектам проживания финно-угорских народов, а часть – по их этнической принадлежности. Учитывая ограниченность объема статьи, приведем лишь краткое описание отдельных показателей. В качестве объекта исследования выступают финно-угорские народы, отдельные показатели более подробно рассмотрены на примере Республики Коми.

Этническая ассимиляция. Ассимиляция (лат. assimilatio – уподобление, слияние), вид этнических процессов, результат межэтнического взаимодействия; проявляется в том, что группы людей, принадлежащих к разным этническим сообществам, оказавшиеся в тесном контакте, воспринимают культуру, обычаи, формы мышления и язык другого народа и постепенно, обычно в последующих поколениях происходит смена самоидентификации – причисление себя к другому народу. Ассимиляция происхо-

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Население северных территорий России: история формирования и перспективы развития» (№ ГР АААА-А19-119012190103-0, 2019-2021 гг.)

дит обычно в виде абсорбирования (поглощения) какой-либо группы доминирующей культурой; крайняя форма такой ассимиляции называется аккультурацией. Один из первых известных исторических примеров ассимиляции – ассимиляция евреев в конце IV в. до н.э. под влиянием эллинизма и усвоения греческой культуры.

Под ассимиляцией также понимается включение одних народов, их частей или отдельных представителей в состав других народов и их «растворение» в этих народах. Не случайно, что ассимиляция нашла тождество в понимании «плавильного котла». Существует четыре этапа процесса ассимиляции человека к «чужой» культуре: (1) контакт или знакомство, (2) конфликт или соперничество, (3) аккомодация и, непосредственно, (4) принятие инородных ценностей и норм принимающей стороны. Примечательно, что ценности и представления мигрантов всегда воспринимались второсортными, а культура принимающей стороны доминантной.

Выделяют семь видов ассимиляции: (1) аккультурация, т.е. принятие норм, ценностей и образа жизни нового общества; (2) структурная ассимиляция – включение индивида в институты общества; (3) брачная ассимиляция и (4) идентификационная ассимиляция, когда возникает чувство единения с принимающим сообществом, чем со своей родной страной (малой родиной); (5) поведенческая и (6) ценностная ассимиляция и, наконец (7) гражданская, когда человек больше не испытывает конфликта внутренних представлений и ценностей принимающей культуры.

Ассимиляция может носить этнический, культурный, политический, религиозный и языковой оттенок, может быть добровольной, недобровольной и даже насильственной.[2] В результате ассимиляции происходит потеря наиболее важных компонентов этничности, коими являются этническое самосознание (самоидентификация (себя) как члена некоторой определенной этнической группы), язык (основа этнической культуры), религия.

Согласно теории американского социолога, Р. Парка, процесс ассимиляции состоит из следующих фаз: контакт, конкуренция, приспособление и, собственно, ассимиляция. Наряду с ассимиляцией в западной социологии часто используются близкие термины: окультуривание (acculturation) и приспособление (accomodation). Наиболее широкое применение этот термин приобрел для характеристики межэтнических процессов, проявляющихся в том, что группы людей, принадлежащих к одному этническому сообществу, оказавшись в тесном контакте с другим народом или в его среде, воспринимают его язык, культуру, обычаи. В последующих поколе-

[2] Демографическая энциклопедия / Редкол.: Ткаченко А.А., Аношкин А.В., Денисенко М.Б. и др. М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2013. 944 с.

ниях происходит полная смена этнической самоидентификации (причисление себя к данному народу). Существенным фактором ассимиляции являются межэтнические браки, однако этническая самоидентификация детей, рожденных в таких браках, во многом зависит от национальности супруга-лидера, а также от ряда конъюнктурных факторов (приоритетов национальной политики на определенной территории). А представляет собой процесс межэтнического взаимодействия и никогда не носит односторонний характер. Ассимиляционные процессы в России носят взаимный характер, хотя и являются избирательными относительно разных этнических групп. Усиление ассимиляции происходит в период стабильной общественной жизни. Межэтнические конфликты снижают динамику развития процесса ассимиляции[3].

Для российской истории в целом характерна постепенная ассимиляция представителей разных народов по мере развития российской государственности. Значительное сокращение численности подвергавшихся дискриминации этнических групп произошло, среди прочих причин, и за счет массового изменения национальности, преимущественно в пользу русской.

Динамика численности населения. Не обошли ассимиляционные процессы и финно-горские народы, о чем свидетельствует изменение их численного состава. Так, в 1926 г. численность финно-угорских народов в России составляла 3 млн. 267,7 тыс. человек, к 1939 г. она увеличилась до 3 млн. 449,8 тыс. человек, к 1959 г. она уменьшилась до 3 млн. 113,9 тыс. человек (на 3359 человек), затем вновь рост и уменьшение до 1989 г., после чего началось постоянное снижение численности и к 2010 г. она составила 2 млн. 319,8 тыс. человек. В настоящее время в России проживает 14 финно-угорских народов. Если взять крайние даты отсчета их динамики, то с 1926 по 2010 г. только пять народов имели прирост численности населения, у остальных девяти наблюдалась убыль населения. Так, в 1926 г. численность венгров, проживающих на территории России, составляла 4,2 тыс. человек (в 2010 г. – 2,8 тыс. человек), вепсов – 33,0 (в 2010 г. – 5,9), ижорцев – 17,0 (в 2010 г. – 0,3), карелов – 248,0 (в 2010 г. – 60,8), коми – 226,0 (в 2010 г. – 228,2), коми-пермяков – 149,0 (в 2010 г. – 94,5), манси – 5,8 (в 2010 г. – 12,3), марийцев – 428,0 (в 2010 г. – 547,6), мордвы – 1335,0 (в 2010 г. – 744,2), саами – 1,7 (в 2010 г. – 1,8), удмуртов – 514,0 (в 2010 г. – 552,3), финнов – 134,0 (в 2010 г. –20,3), хантов – 22,0 (в 2010 г. – 30,9), эстонцев – 150,0 (в 2010 г. – 17,9).

Наряду с абсолютным уменьшением численности населения произошло уменьшение доли «титульной» группы в общей численности населения,

[3] Сигарева Е. Ассимиляция // Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. С. 11-13.

исключение составила Республика Мордовия. В 1939 г. доля карелов в республике составляла 23,2% (в 2010 г. – 7,4%), коми – 72,5% (в 2010 г. – 23,7%), марийцев – 47,1% (в 2010 г. – 43,9%), мордвы – 34,0% (в 2010 г. – 40,1%), удмуртов – 39,2% (в 2010 г. – 28,0%), манси – 6,2% (в 2010 г. – 0,8%), хантов – 13,1% (в 2010 г. – 1,3%), татар – 48,7% (в 2010 г. – 53,2%).

Рождаемость. Начиная с переписи 1979 г. статистика дает данные о среднем числе рожденных детей на 1000 женщин в возрасте 15 лет и старше. Можно сделать допущение, если уровень рождаемости у всех этнических сообществ был бы равным, то при прочих равных условиях динамика их численности была примерно одинаковой. Однако имея более высокую рождаемость, численность и доля большинства народов уменьшается, что косвенно свидетельствует об их ассимиляции. В подтверждение сказанному рассмотрим уровень рождаемости. Так, среднее число рожденных детей на 1000 женщин в возрасте 15 лет и старше в 2010 г. составило у всех национальностей 1469 (в 1979 г. – 1859), у русских – 1405 (в 1979 г. – 1793), у украинцев – 1749 (в 1979 г. – 1883), у татар – 1623 (в 1979 г. – 2197), у белорусов – 1777 (в 1979 г. – 1836), у чувашей – 1825 (в 1979 г. – 2320), у коми – 1851 (в 1979 г. – 2267), у карелов – 1838 (в 1979 г. – 2332), у марийцев – 1840 (в 1979 г. – 2251), у мордвы – 1812 (в 1979 г. – 2487), у удмуртов – 1902 (в 1979 г. – 2206).

Теперь сравним уровни рождаемости у титульных национальностей и русских, проживающих в национально-территориальных образованиях. Так, среднее число рожденных детей на 1000 женщин в возрасте 15 лет и старше в 2010 г. составило в Республике Коми у коми – 1842, а у русских – 1405; в Республике Карелия у карелов – 1838, а у русских – 1420; в Республике Марий Эл, соответственно, 1732 и 1406; в Республике Мордовия – 1635 и 1386; в Удмуртской Республике – 1869 и 1450; в Ханты-Мансийском АО, соответственно, ханты – 1682, манси – 1697 и русские – 1406[4].

Распределение семей, частных домохозяйств, по национальному составу. Одним из демографических показателей, позволяющим замерить ассимиляционные процессы, является «распределение частных домохозяйств (семей) по национальному составу супругов». Оно, с одной стороны, отражает распространенность межнациональных браков, а с другой

[4] Фаузер В.В. Финно-угорские народы: история демографического развития: Доклад на пленарном заседании всеросс. науч. конф. (Сыктывкар 28-30 сентября 2005 г.). Сыктывкар, 2005; Фаузер В.В. Этническая динамика финно-угорских народов (1989-2002) // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: Матер. IV регион. науч.-теорет. конф. (14 апреля 2005 г., Сыктывкар): в 2 ч. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2005; Фаузер В.В. Демографическое развитие финно-угорских народов: общие черты и специфические особенности // Социальная и демографическая политика. 2006. №3; Фаузер В.В. Финно-угорские народы в современном мире: демографические измерение // Идентичность и изменяющийся мир: Мат. к дискуссии на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов. Россия, Ханты-Мансийск, 2008. Сыктывкар, 2008.

стороны, процесс ассимиляции. Хотя провести четкую границу между этими двумя процессами весьма сложно, они взаимно дополняют друг друга. Рассмотрим распределение семей, частных домохозяйств, состоящих из двух и более человек, среди финно-угорских народов. По данным переписей населения 1970-2010 гг. доля этнически смешанных домохозяйств выше у финно-угорских народов, чем в среднем по России (более чем вдвое). Особенно выделяется Республика Коми – 34,8% смешанных домохозяйств, меньше всего их в Республике Марий Эл – 20,4% против 11,7% по России в целом.

Таблица 1. Распределение семей, частных домохозяйств, состоящих из двух и более человек, по национальной однородности в регионах финно-угорской языковой группы Российской Федерации, по данным переписей населения 1970-2010 гг., %

Регион	Число семей, домохозяйств - всего	в том числе семей, домохозяйств, где все члены семей и домохозяйств принадлежат					
		к одной национальности			к разным национальностям		
		1970 г.	2002 г.	2010 г.	1970 г.	2002 г.	2010 г.
Россия	**100**	**89,3**	**85,2**	**88,3**	**10,7**	**14,8**	**11,7**
Республика Карелия	100	66,8	66,5	73,5	33,2	33,5	26,5
Республика Коми	100	68,9	61,3	65,2	31,1	38,7	34,8
Коми-Пермяцкий АО*	100	82,6	70,8	…	17,4	29,2	…
Республика Марий Эл	100	92,1	80,9	79,6	7,9	19,1	20,4
Республика Мордовия	100	89,8	75,9	79,0	10,2	24,1	21,0
Удмуртская Республика	100	87,7	72,9	68,9	12,3	27,1	31,1
Ханты-Мансийский АО	100	79,9	67,4	71,1	20,1	32,6	28,9

* Административное деление приводится на момент соответствующей переписи.

Заключению межэтнических браков способствует дисбаланс на брачном «рынке» по полу (в миграционных потоках преобладают мужчины). Невозможно на локальном уровне иметь равную численность брачных партнеров по полу и возрасту. Анализ пропорций в разрезе этнических групп показывает, что практически во всех северных субъектах и регионах финно-угорской группы возникла диспропорция в соотношении численности женщин и мужчин брачного возраста. Особенно заметно это проявилось по большинству национальностей, когда мужчин больше, чем женщин, за исключением лиц коренных национальностей. В группе населения трудоспособного возраста это явление характерно для всех основных национальностей. В группе населения моложе трудоспособного возраста

возникла такая же ситуация, только в 2010 г. исключение составили чуваши, где на 100 мужчин приходилось 106 женщин[5].

Рассмотрим подробнее распределение семей, частных домохозяйств, состоящих из двух и более человек, в Республике Коми по национальному составу, по данным переписей населения 1970-2010 гг. на примере русских, коми, украинцев и белорусов. Можно отметить, что с 1970 по 2010 г. в населении Республики Коми заметно увеличилась доля семей, где оба брачных партнера русские (с 56,1 до 72,6%), то есть население стало более русифицированным. В это же время ассимиляционные процессы и разнонаправленное самоопределение своей этнической принадлежности при переписи населения привело к тому, что доля коми семей уменьшилась с 31,8 до 22,4%, что ниже их доли в составе населения (23,7%). Снижение доли однонациональных семей у украинцев с 6,4 до 1,7 и у белорусов – с 1,4 до 0,3%, скорее всего это связано с их миграционным оттоком на этническую родину.

В Республике Коми высокой степени интенсивности ассимиляционных процессов способствовали сходные культурные ценности населявших ее народов (культура подавляющей части населения принадлежит к типу восточно-православной культуры) и широкое распространение межнациональных браков. Коми всегда были открыты для контактов с представителями других национальностей; на протяжении всей истории заселения Коми края другими народами здесь отмечалось распространение межнациональных браков.[6]

Владение родным языком. Это один из важнейших показателей, характеризующий ассимиляционные процессы. Изменение этнического состава населения под влиянием миграции повлекло за собой и дальнейшие изменения в образе жизни, быте и культуре всех наций и народностей, заселяющих северные регионы России[7]. Это проявилось в утрате национальной самобытности финно-угорских народов и, прежде всего, родного языка. С 1959 по 2010 г. прослеживается постоянная тенденция уменьшения числа лиц, которые считают родным язык своей национальности. Причем эта тенденция наиболее ярко выражена у тех финно-угорских народов, которые в составе населения своих национально-территориальных образований наиболее малочисленны. Прежде чем привести данные о владении

[5]Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг. / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер; отв. ред. д-р экон. наук, профессор В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 168 с.; Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., Залевский В.А. Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / Отв. редактор В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016.

[6] Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи) / Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2001.

[7] Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Миграционный фактор динамики численности и этнических структур населения Российского Севера //Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 5 (56), сс. 32-43.

родным языком, поясним, что в статье приводятся данные о владении родным языком по национальностям, проживающим в национально-территориальных образованиях, а не в целом по Российской Федерации, где эта доля ниже.

Согласно данным переписей населения 1970-2010 гг., практически у всех народов финно-угорской группы отмечалось сокращение удельного веса населения, считающего родным язык своей национальности и, наоборот, повышалась доля населения, считающего родным русский язык[8]. В 1970 г. доля карелов, проживающих в Республике Карелия, которая считала родным язык своей национальности, составляла 71,7% (в 2010 г. – 27,2%), коми – 86,7 (в 2010 г. – 62,8), манси – 53,0 (в 2010 г. – 14,4), марийцы – 95,8 (в 2010 г. – 79,7), мордва – 96,2 (в 2010 г. – 81,9), удмурты – 87,7 (в 2010 г. – 65,1), ханты – 63,2 (в 2010 г. – 26,5). Как видим сокращение доли носителей родного языка претерпело существенные изменения. Обратная картина наблюдается по этносам, считающим родным языком – русский язык. В 1970 г. доля карелов, которая считала родным русский язык, составляла 28,2% (в 2010 г. – 72,7%), коми – 13,3 (в 2010 г. – 37,2), манси – 46,8 (в 2010 г. – 85,3), марийцы – 4,2 (в 2010 г. – 20,2), мордва – 3,8 (в 2010 г. – 18,0), удмурты – 12,3 (в 2010 г. – 34,9), ханты – 36,5 (в 2010 г. – 73,4).

Имеется много исследований о природе ассимиляционных процессов, их истории и состоянии. Однако работ о перспективах сохранения самобытности, культуры и языка практически нет. Нам представляется, что тема «ассимиляции» народов финно-угорской языковой группы, как и коренных малочисленных народов Севера, требует особого внимания.

[8] Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Ассимиляционные процессы в регионах финно-угорской языковой группы России // Демографическая история России и регионов. Межрегиональный научный сборник. Выпуск 2: Динамика численности городского и сельского населения России. – Сыктывкар, 2018, сс. 138-140.

Миграционные настроения в мигрантском сообществе: этнодемографические трансформации в Республике Коми и на европейском севере России[1]

Шабаев Ю.П.

Республика Коми является типичным мигрантским сообществом, ибо ее население почти на всем протяжении XX в. формировалось преимущественно из мигрантов из других регионов страны, а с конца указанного столетия начался активный исход населения из РК, который продолжается в настоящее время. И, очевидно, не будет остановлен в ближайшей перспективе.

Внешние и внутренние миграции на протяжении многих столетий играли существенную роль в формировании населения европейского северо-востока.[2] При этом Коми земля, хотя и находилась на периферии европейского севера, не была изолирована от общих потоков крестьянской колонизации, которая была преимущественно славянской.

Славянская колонизация европейского севера привела к изменению восприятия данной территории и к изменению характера ее культурного маркирования. Эта колонизация начинается уже в XI веке. К моменту твердо зафиксированного расселения русских на Севере (Устав 1137) там уже жили финские племена.[3] Попытки с помощью топонимических разысканий обнаружить более древние этнические пласты не получили поддержки специалистов. Более того, многочисленные исследования показывают, что субстратная топонимика европейского севера имеет преимущественно уральское происхождение (самодийское и финское).[4]

Потоки славянской колонизации направлялись из двух центров: из Новгорода и из Ростова Великого (верховая и низовая).[5] Она была масштабной, но главное ее следствие состояло в том, что переселенцы не только окончательно подчинили регион русскому/славянскому влиянию, но и культурно интегрировало его.

«В конце XV-XVI вв. продолжалась активная русская колонизация Европейского Севера и Северо-Востока: русские появились в низовьях Печо-

[1] Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы УрО РАН на 2018-2020 гг., проект 18-9-6-10 Векторы изменений в образе жизни, культурных ориентациях и системе хозяйствования в локальных сообществах Арктики и Субарктики (на примере северных территорий Республики Коми, Архангельской области и Ненецкого автономного округа).

[2] Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X — начало XX в. М.: Наука, 1982.

[3] Витов М.В. Этнография Русского Севера. М.: ИЭА РАН, 1997.

[4] Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. ЧЧ.I, II. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2001, 2004; Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009 и др.

[5] Власова И.В. Этническая история и формирование населения Русского Севера//Этнопанорама. 2005. №1–2. с. 14-23.

ры, где возникли Пустозерский городок и Усть-Цильма, стали большинством населения на Пинеге и Нижней Вычегде. Сохранение в последующее время подобных темпов продвижения русского населения на земли коми могло бы привести к скорому обрусению прилузских, вычегодских, а затем и остальных групп коми народа. Но благодаря присоединению во II половине XVI в. Казанского, Астраханского и Сибирского ханств к Русскому государству у русского крестьянства появилась возможность уходить на более плодородные по сравнению с Коми краем земли, скудость почв которого стала... еще более явной в связи с наступлением климатического минимума. Период активной русской колонизации Европейского Северо-Востока, в основном завершился. Основной поток русских переселенцев с этого времени направился в Поволжье, Прикамье и за Урал».[6]

Изменение направленности миграционных потоков привело к тому, что русские переселенцы в Коми край стали растворяться в среде местного населения и ассимилироваться коми. Так произошло, к примеру, с русским населением Усть-Выми, являвшейся оплотом христианизации коми и колонизации края (долгое время это был центр Вымской епархии). Дисперсные группы русских переселенцев также были ассимилированы, о чем свидетельствует фамильный состав коми, предания о первопоселенцах многих деревень и т. д. Сохранились только компактные группы русского населения на Верхней и нижней Печоре. Однако в XVII-XIX вв. миграции не прекратились, но в эту эпоху были два направления миграции, каждое из которых не относилось к славянской колонизации: внутренние миграции, связанные главным образом с освоением северо-восточных земель Печорского края и внешние миграции, связанные с недостатком земель, охотничьих и пастбищных угодий. С XVII в коми массово переселялись в Сибирь, на Алтай, а позднее — на Кольский полуостров.

Активные внутренние миграции и процессы ассимиляции привели к тому, что доля коми в Коми крае к началу XX в. составила около 90% населения края.

Если в предшествующие эпохи в регионе имела место крестьянская миграция/колонизация, то с конца 1920-х до середины 1950-х гг. это была штрафная колонизация, связанная с освоением природных богатств края — разработкой печорских углей, добычей ухтинской нефти и газа.

Очевидный стимул новому этапу колонизации был дан эпохой советского строительства и формированием национально-государственных образований на европейском севере — Карельской трудовой коммуны (с 1923 г. - Карельской АССР, с 1940 по 1956 гг. - Карело-Финской СССР),

[6] Жеребцов И.Л. Население Коми края в конце XV — начале XX века: численность, миграции, факторы демографического развития//Историческая демография. 2008. №2.

Коми автономной области (с 1936 г. - Коми АССР), Ненецкого национального округа (с 1977 г. НАО).

Создание автономных областей в Карелии и Коми в самом начале 1920-х гг. и приход к власти в этих регионах национал-большевиков стремившихся не только укрепить свою власть, но и стать лидерами обширных по территории и почти независимых республик со своими вооруженными силами и мощной промышленностью. Территориальные притязания «красных финнов» в Карелии и большевистских новобранцев в Коми были сразу же отвергнуты, свои воинские формирования удалось создать лишь лидерам красных финнов, но и в Карелии, и в Коми серьезной проблемой являлось преобразование отсталой северной периферии с преимущественно крестьянским населением в индустриально развитые территории, о чем мечтали местные коммунисты. Никаких собственных ресурсов для этого преобразования у властей северных автономий не было.

Так в Коми в 1920 г., т.е. накануне создания Коми автономной области (создана в 1921 г.) общая численность населения составляла 180 тыс. чел., из которых горожан (т. е. жителей Усть-Сысольска) было только 5,4 тыс. человек.

В Карелии попытались использовать привилегированную этническую миграцию для решения проблем индустриального развития края и стали стимулировать миграцию финнов и США, Финляндии, внутренних областей России для их участив строительстве промышленных объектов. Но скоро стало очевидно, что этого ресурса недостаточно и необходимо искать дополнительные источники привлечения рабочей силы. В Коми с самого начала местные власти не уповали на этнических мигрантов, а с самого начала уповали на привлечение труда заключенных и обращались с соответствующими просьбами в вышестоящие инстанции.

Существенную роль в начале массовой штрафной колонизации на европейском севере в целом сыграл курс на коллективизацию сельского хозяйства и индустриализацию страны, взятый в конце 1920-х гг. руководством страны. XV съезд ВКП (б) «провозгласил курс на коллективизацию сельского хозяйства».[7] В 1929 г. было принято решение форсировать темпы коллективизации с целью осуществления «коренного перелома» в деревне, т. е. радикального преобразования форм хозяйствования и собственности. Основную часть собственности надо было просто отнять, чего невозможно было сделать без массового террора.

Поэтому обобществление земли и скота сопровождалось в деревне террором против «кулаков», т. е. против эффективных сельских собствен-

[7] Кустышев А.Н. Отказы работать в лагерях ГУЛАГа на европейском севере России// История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность. Сыктывкар, 2011. С. 24-28.

ников, которых большевики не рассматривали как социальную опору режима, а наоборот воспринимали данную группу как потенциальных противников социалистических преобразований и свою цель видели в том, чтобы ликвидировать «кулачество как класс».[8] Началось не только изъятие земли, скота, орудий труда и жилья у зажиточных крестьян, но и их массовое выселение на Север и в Сибирь.

При этом так называемый контингент спецпереселенцев должен был размещаться в изолированных от местного населения местах — в спецпоселках, где условия жизни были весьма тяжелы, ибо в отличие от местных крестьян, у спецпереселенцев не было ни огородов, ни возможности пополнить вой рацион питания за счет личного подсобного хозяйства, охоты, рыбной ловли. Сами спецпоселки по своему промышленному профилю изначально создавались преимущественно как поселения, население которых занимается заготовкой и сплавом леса.

После 1953 г. многие спецпоселки поменяли статус на поселки лесозаготовителей. По официальным данным в Северный край, который был создан в 1929 г. и куда входила в том числе и Коми область, было выслано 258609 спецпереселенцев. При этом в Коми в 1931 г. находилось 40325 человек или 14,1% от общего числе спецпереселенцев в Северном крае.[9]

Численность спецпоселков и количество их жителей постоянно менялись, поскольку хотя их жителям и запрещалось общаться с местным населением, ражим пребывания в них не был очень строгим и с течением времени многие их жители могли менять свой статус. Так, к примеру было со ссыльными поляками, которых только в 1940 г. («польские осадники и беженцы») в Коми было завезено 19338 человек.[10]

Но спецпереселенцы были лишь специфической частью (и относительно небольшой) в общем потоке штрафной колонизации. Основу этого потока составляли заключенные ГУЛАГа, который стал формироваться на европейском севере очень рано.

В советской исторической литературе 1920-1930-е гг. рассматриваются не только как эпоха активного национально-государственного строительства, но и как время индустриализации, в ходе которой происходило «покорение Севера», трактовавшееся в официальной пропаганде как социальный подвиг, осуществленный неким «новым советским человеком».

Главное возражение по поводу укоренившихся трактовок сталинской индустриализации как модернизационного явления связано с тем, что

[8] Доброноженко Г.Ф. Ликвидировать как класс//Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т.1./Сост. Г.В. Невский. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1998.
[9] Коротаев В.И. Принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае//Историческая демография.М.-Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007.
[10] Игнатова Н.М. Горькие судьбы//Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т.1./Сост. Г.В. Невский. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1998.

модернизация есть «общественный процесс в целом, включая индустриализацию, в ходе которого прежде аграрные, исторические и современные общества становятся развитыми... Решающий фактор модернизации — преодоление, а также замена традиционных ценностей, враждебных к социальному изменению, экономическому росту».[11] Сегодня под модернизацией понимается переход от доиндустриального к индустриальному обществу и сопутствующий этому переходу комплекс технологических, экономических, социальных, культурных, политических перемен, направленных на существенное обновление социальной структуры и изменение образа жизни людей.[12]

Но произошел ли в 1920-1930-е гг. на европейском севере переход от доиндустриального к индустриальному обществу? Нет, ибо социальная структура местных сообществ практически не изменилась. В Ненецком национальном округе вообще не происходило каких-то существенных перемен в экономической жизни и социальных процессах. В Коми к 1939 г. городское население возросло в 3 раза (за счет приезда извне рабочих и специалистов), но его доля составляла только 9,1% от всего населения, а основная масса коми населения, как и прежде, была занята в сельском хозяйстве. В Карелии доля горожан была в указанный период почти вдвое выше, но большая часть карел, вепсов и представителей старожильческого русского населения Карелии в эти годы не изменили своего образа жизни и представляли собой аграрные сообщества, а на местных стройках и предприятиях работали зарубежные финны и привлеченная рабочая сила из других регионов страны. Политическая и культурная элита республики сформировалась из пришлых «красных финнов». Да и сами темпы преобразований были весьма низкими.

Между тем, в начале 1930-х гг. советская власть заявила о «культурном штурме тайги и тундры» и о необходимости их ускоренного промышленного освоения уже во время первой пятилетки. Какими силами осуществлялось это преобразование? Все промышленное строительство в северных регионах велось исключительно руками заключенных (к чему призывали сами власти этих регионов), а трудовые кадры рабочих формировались из узников лагерей ГУЛАГа. Причем система ГУЛАГа начала формироваться именно на европейском севере. Уже в 1923 г. был создан Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) на базе закрытого в 1920 г. Соловецкого монастыря. Иными словами, уже в первые годы социалистических преобразований репрессивный механизм превратился в значимый

[11] Джерри Д., Джерри Д. Большой толковый социологический словарь.Т.1. – М.: "Вече», 1999.
[12] Балезина Е.А. Современный взгляд на теории модернизации//Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 1(13), сс. 156-161.

инструмент внутренней политики, ибо он отвечал интересам системы, принципиально отвергавшей политический плюрализм и личную свободу. Не случайно декрет «О лагерях принудительных работ», положивший начало формированию ГУЛАГа был издан 15 апреля 1919 года. Соловецкий лагерь стал базой для формирования системы лагерей, создававшихся для осуществления промышленных проектов на Севере. В 1929 г. именно с Соловков прибыла партия специалистов для строительства первой угольной шахты на Воркуте. В начале 1930-х гг. отсюда были направлены группы специалистов и на строительство комбината «Североникель», а вдоль трассы Мурманской железной дороги создавались отдельные лагерные пункты Соловецкого лагеря особого назначения. На основе Соловецкого лагеря был создан Беломоро-Балтийский исправительно-трудовой лагерь, задачей которого было обеспечение строительства Беломоро-Балтийского канала — одной из самых крупных строек первой советской пятилетки.

Силами заключенных лагерей ГУЛАГа строились мурманский порт, рудники на Кольском полуострове, нефтепромыслы и угольные шахты в Коми. Уже к концу 1930-х гг. на всей территории европейского севера сформировалась новая поселенческая сеть, состоявшая из многих десятков спецпоселков и лагерей, причем значительная часть этих новых «поселений» была расположена на Крайнем Севере. Формирование сети стало следствием нового этапа колонизации европейского севера — штрафной колонизации. Если поселения спецпоселенцев существенно изменили сельскую поселенческую сеть в регионе, то лагеря ГУЛАГа стали основой для формирования сети городских поселений. Именно из лагерей впоследствии стали вырастать новые города на Кольском полуострове, в Коми, Архангельской области.

При этом важно заметить, что местному населению строго запрещалось вступать в какие-либо контакты не только с заключенными, но и с жителями спецпоселков (куда ссылали главным образом зажиточных крестьян из других губерний России). За подобные связи полагались различные наказания, что формировало в массовом сознании аборигенного населения убеждения о потенциальной угрозе, которую несут для их благополучия заключенные. По сути дела, в регионах европейского севера сформировались два параллельных сообщества, одно из которых оставалось аграрным, сохранявшим в значительной мере традиционный уклад жизни, несмотря на проведенную в эти годы коллективизацию сельского хозяйства. Второе сообщество являло собой штрафной социум, объединенный общностью судеб и социальным статусом, который исключал этих людей из местных сообществ (не случайно перепись среди них проводилась отдельно). Эти сообщества были сопоставимы даже по численности: так к началу 1940-х гг. население

Коми, по переписи 1939 г., составляло 320 тыс. чел.,[13] а в лагерях ГУЛАГа к январю 1941 г. находилось 197,5 тыс. чел. (без учета жителей спецпоселков), в Архангельской области численность заключенных (без спецпоселенцев) составило 120 тыс. чел. (а общая численность населения было около 500 тыс. чел.), в Карелии - 131 тыс. (жителей 470 тыс.).[14]

При этом в лагерях ГУЛАГа на территории Коми находилось большое количество поляков, литовцев, немцев и представителей многих других этнических групп, многие их которых после освобождения осели в Коми.[15] С началом войны в составе охраны лагерей стали преобладать коми,[16] а поскольку отношение заключенных к так называемым вохровцам было резко негативным, постольку впоследствии данный факт сыграл свою роль в тех культурных стереотипах, которые сформировались у населения северных индустриальных городов республики в отношении «коренного народа».[17]

Об индустриализации как форме модернизационного развития на европейском севере можно говорить только со второй половины 1950-х гг., когда была разрушена система ГУЛАГа, началась ускоренная урбанизация, бурное промышленное развитие и при этом стала принципиально меняться социальная структура местных сообществ, образ жизни населения. Модернизация общества, прежде всего, предполагает его индустриализацию. А индустриализация — это стиль жизни, меняющий глубинные экономические, социальные, культурные основания общества и предполагающий отказ от прошлого, от прежних традиций. Поэтому именно модернизационные процессы, которые начались в 1950-х гг. положили начало глубокому кризису традиционных культур северных народов, который в принципе не может быть преодолен, ибо модернизация ведет к унификации и стандартизации форм культурного потребления и поведения, включая языковое поведение; формирует новый образ жизни. Этот образ жизни уже прочно укоренился и его трудно изменить, хотя в эпоху «этнического ренессанса» 1990-х и в последующие десятилетия предпринимались многочисленные попытки ревитализации этнических традиций (включая попытки расширения функций миноритарных языков), которые не имели серьезного успеха.

[13] Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1996, с. 215.
[14] Кустышев А.Н. Отказы работать в лагерях ГУЛАГа на европейском севере России// История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность. Сыктывкар, 2011, с. 26.
[15] Морозов Н.А. Многонациональный ГУЛАГ//Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т.1./Сост. Г.В. Невский. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1998, с. 340-422.
[16] Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества. Сыктывкар: СГУ, 1996.
[17] Шабаев Ю.П. Республика Коми: меняющиеся лики мигрантского сообщества//Этнографическое обозрение. 2007. №5.

Отказ от принципов штрафной колонизации Севера потребовал использовать для привлечения трудовых мигрантов реальные экономические стимулы, что и было сделано в 1950-е годы. Как результат в эти годы на европейский север начался масштабный приток мигрантов из других регионов страны и промышленность перешла на использование вольнонаемного труда (окончательно - к началу 1960-х гг.). Численность населения всех регионов европейского севера резко выросла, существенно изменился и этнический состав национально-государственных образований.

В Коми рост населения происходил особенно стремительно. Если в 1920 г. население составляло 179,8 тыс. чел., то 1950 г. оно выросло до 423,3 тыс. в 1960 г. - до 827,6 тыс., а в 1975 г. достигло 1031,1 тыс. человек. Наивысшая численность населения была зафиксирована в 1990 г. - 1264,9 тыс. человек.[18] При этом миграционный прирост часто превышал естественный прирост.

Таблица 1. Прирост населения Республики Коми по источникам формирования, тыс. чел.[19]

	общий прирост	за период		в среднем за год	
		естествен-ный прирост	миграцион-ный прирост	естествен-ный прирост	миграцион-ный прирост
1927-38	94,5	47,1	47,4	3,9	4,0
1939-50	89,8	21,6	68,2	1,8	5,7
1951-55	206,2	78,1	128,1	15,6	25,6
1956-60	181,5	99,3	82,2	19,9	16,4
1961-65	98,2	83,2	15,0	16,7	3,0
1966-70	30,0	54,8	-24,8	11,0	-4,9
1971-75	87,5	56,2	31,3	11,2	6,3
1976-80	80,6	57,1	23,5	11,4	4,7
1981-85	78,1	70,1	8,0	14,0	1,0
1986-90	47,2	60,5	-13,3	12,1	-2,7
1991-95	-71,0	-2,3	-68,7	-0,5	-13,7
1927-95	922,6	625,7	296,9	9,1	4,3

В показателях естественного прироста населения очень велик вклад семей мигрантов, поэтому «чистый» миграционный приток населения не отражает реального увеличения численности населения Коми за счет миграции. Очевидно, что, скорее всего, не менее половины естественного прироста обеспечивали мигранты, поскольку семьи мигрантов, как правило были молодыми. Такое предположение можно сделать на

[18] Фаузер В. Население //Республика Коми. Энциклопедия. Т.1. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1997, с. 57.
[19] Фаузер В. Население..., 1997.

основании того, что в период наивысшего прироста населения в 1950-е гг., когда миграционный прирост составил 210 тыс. человек (т. е. тоже был наивысшим)в составе населения РК была отмечена самая высокая доля лиц в возрастной группе 20-39 лет (44,6%). Оценивая значение миграции для формирования населения РК коми этнографы в начале XX в. Указали: «и сегодня 60% населения республики являются пришлыми».[20]

Массовый приток мигрантов существенно изменил этнический состав населения республики. Доля коми, которые в 1920 г. составляли 90% населения стала стремительно снижаться и в 1989 г. сократилась до 23,3%, при этом основная часть русского населения проживала в северных индустриальных городах и районах, а коми — в центре и на аграрном юге республики. Русские составляли 57,7% населения, украинцы — 8,3%, белорусы — 2,2%, татары — 2,1%, немцы — 1,0%, представители других этнических групп населения — 5,4%. Сложный этнический состав населения и преобладание в составе мигрантов молодых неженатых мужчин объективно вели к росту доли межэтнических браков ив первую очередь браков между коми и русскими. При этом в 1920-1930-е гг. по объяснимым причинам доля таких браков была невелика. Но уже в 1970-е гг. в городах Коми, где оседала подавляющая часть мигрантов, более половины детей рождались в межэтнических семьях, а в целом по республике этот показатель составил 30%. В дальнейшем эти показатели еще более возросли.[21]

На рубеже 1980-1990-х гг. в Коми начинается глубокий экономический и социальный кризис, который был связан с происходившими в стране социально-экономическими преобразованиями. Переход к рынку сделал многие предприятия на севере заведомо убыточными, ибо издержки производства здесь по многим причинам выше, логистические схемы более сложны и дороги, а стоимость рабочей силы выше. Многие предприятия стали разоряться и начался процесс деиндустриализации Севера. Свою роль сыграла и программа реструктуризации угольной промышленности страны, которая финансировалась Всемирным банком. В 1993 г. правительство принимает специальную программу санации угольной промышленности. Предполагалось закрыть 42 неперспективные шахты по всей стране, но первой должна быть закрыта воркутинская шахта «Халмер-Ю». Высвобождаемые шахтеры с закрывающихся шахт должны были получать сертификат для покупки и строительства жилья в центральных районах

[20] Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграции. Сыктывкар: Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, 2001, с. 109.
[21] Шабаев Ю.П. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. – М.: ЦИМО, 1998, с. 70.

страны. В Белгороде в результате возник целый микрорайон, получивший название «Заполярный», куда переезжали семьи шахтеров из Воркуты и Инты и горняки из Норильска.

Все это вместе взятое привело к массовому оттоку населения, особенно из северных городов республики: Воркуты, Инты, Печоры. При этом угольные предприятия республики продолжают испытывать серьезные сложности. Так в 2017 г. после аварии в Воркуте была законсервирована шахта «Заполярная» и из работавших в 1990 г. 11 шахт осталось только 4, в Инте в 2018 г. была закрыта последняя шахта и обогатительная фабрика при ней. В результате население Воркуты, составлявшее в 1990 г. 219 тыс. чел. В 2019 г. сократилось до 70 тыс. чел., Инты с 60,7 тыс. до 26,2 тыс., Печоры с 66,5 тыс. - до 39,6 тыс. человек. При этом сальдо миграции постоянно с 1990 г. было отрицательным и, хотя по годам значения убыли населения могли колебаться, сами показатели были стабильно высокими. Показатели миграционного обмена с другими регионами и странами 1990 г. упали почти в 10 раз.

Таблица 2. Сальдо миграции по годам (чел.) и коэффициент миграционного прироста/убыли[22]

1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.
-16615 -13,4	-12091 -17,5	-11305 -10,8	-15839 -16,3	-12591 -13,9	-8738 -10,1	-9276 -11,1

Кризисные явления в промышленности и аграрном секторе экономики привели к тому, что изменился характер межэтнических отношений и восприятие мигрантов. Так, согласно данным опроса, проведенного в республике в 2008 г. по программе Минрегиона РФ, только 39,4% коми респондентов и 37,1% русских заявили, что отношения между представителями разных национальностей в республике «складываются хорошо», 5,3% коми и 3,9% русских заявили о плохом состоянии этих отношений и соответственно 45,7% и 49,0% коми и русских респондентов выбрали вариант ответа «бывает по-разному». Но более показательно, что в республике, где основная часть населения сформировалась из мигрантов или их детей отношение к мигрантам стало не очень позитивным и особенно среди молодежи. При этом, если выходцев из центральных российских регионов, а также из Сибири и Дальнего Востока респонденты готовы были признать местными после 10 лет их проживания в регионе, то в отношении выходцев с Кавказа ситуация была иной: 53,3% коми и 51,7%

[22] Статистический ежегодник Республики Коми. Статистический сборник 2016. – Сыктывкар: Комистат, 2016; Данные текущей статистики.

русских заявили, что они не готовы признать их местными жителями даже после 10 лет проживания в Коми.[23]

Таблица 3. Отношение к приезжим из разных регионов по данным опроса 2008 г., в зависимости от возраста опрошенных, в %

	18-24 лет	**25-39 лет**	**40-59 лет**	**60 и старше**
положительное отношение	4,4	6,3	17,1	21,3
нейтральное отношение	62,2	60,8	58,2	46,8
отрицательное отношение	24,4	18,4	13,3	24,5

При этом важно заметить, что в конце 2000-х гг. у населения Коми и жителей других регионов европейского севера сложилась устойчивая ориентация на выезд за пределы региона. В 2010 г. нами был проведен опрос в трех региональных центрах европейского севера: Мурманске, Архангельске и Сыктывкаре. Результаты опроса показали, что 35,5% опрошенных нами жителей Архангельска, 38,8% жителей Мурманска, и 39,6% жителей Сыктывкара хотели бы уехать из своих городов и регионов навсегда или на длительное время, а среди молодежи доля потенциальных мигрантов еще более высока: в возрасте от 18 до 25 лет о своем желании уехать из региона заявили 51,4% респондентов. При этом в региональных центрах. Как правило, выше средние доходы населения, уровень сервиса, больше трудовых вакансий, насыщеннее культурная жизнь нежели в небольших городах и поселках или сельских поселениях и, казалось бы, здесь миграционные настроения не должны быть столь высокими. Но они высоки и это есть следствие общего социального кризиса, который имеет место на европейском севере России.

Первая проблема для северян — это высокооплачиваемые и современные рабочие места, вторая — ясная и понятная перспектива развития регионов, в которых они живут. И то, и другое сегодня в дефиците. Поэтому во время опроса 2010 г. на вопрос «Имеете ли вы представление о том, каким образом будет развиваться ваша область или республика в ближайшие годы дали положительный ответ 8,3% респондентов в Архангельске, 11,3% - в Сыктывкаре, и 13,2 % - в Мурманске.[24] Свою роль в формировании высокого уровня миграционной

[23] Рожкин Е.Н., Шабаев Ю.П. Мониторинг ситуации в сфере межнациональных отношений в Республике Коми за 2011 г. Выпуск 4. – Сыктывкар: Министерство национальной политики, 2012, с.20.
[24] Шабаев Ю.П. Миграции, северные сообщества и идентичности//Историческая демография. 2011. №1, с.44.

готовности населения европейского севера играют и многие другие факторы.[25] Но особенно значимым является прогрессирующая бедность северян, причем речь идет не только о доле семей с доходами ниже прожиточного минимума, но о реальном уровне жизни, который можно оценить по совокупности параметров, свидетельствующих как раз о том, что среднестатистический житель регионов европейского севера сегодня беднее среднестатистического россиянина, несмотря на выплачиваемые районные коэффициенты к заработной плате.[26]

Снижение уровня жизни и реальных доходов населения, которое происходило несколько лет подряд и многочисленные проблемы в социально-экономическом развитии регионов европейского севера и особенно Республики Коми, где кризисные явления приобрели хронический характер, делают не только устойчивым отток населения из республики, но и провоцируют рост миграционных настроений среди населения. «Консервация устаревшей модели регионального хозяйственного комплекса не только делает перспективы экономического развития региона неясными, но и превращает рынок труда республики в сообщество «мелких клерков, разнорабочих и продавцов», разбавленное учителями и врачами, получающими невысокую заработную плату, т. е. непривлекательное для молодежи. Сегодня названный сценарий переформатирования рынка труда республики стал очевиден, о чем свидетельствует опрос специалистов, проведенный в 2017 г. кадровым агентством «HeadHunter Северо-Запад», который показал, что регион хотят покинуть 43% специалистов, т.е. практически каждый второй, а это означает, что рано или поздно выезжающие кадры придется заменять. За пределами Коми ищут работу строители, риэлторы, IT-специалисты, финансисты, бухгалтеры, поскольку на местном рынке их специальности не востребованы. А собственный опрос газеты проГОРОД, опубликовавшей эти данные, показал, что из 532 чел. Опрошенных редакцией только 21,7% заявили, что не уехали бы из столицы Коми, поскольку считают ее лучшим местом для жизни. Остальные готовы уехать. Опросы студентов и экспертов (по методике ИЭА РАН), проведенные в Сыктывкаре весной 2018 г. и жителей города, осуществленные в октябре и ноябре того же года показали, что стремление к выезду за пределы Коми стало не просто устойчивой тенденцией, но и состоянием регионального сознания, определяющегося явным неприятием имеющих место в республике экономических и социальных реалий.

[25] Шабаев Ю.П. Народы Европейского Севера России: положение, специфика идентичности// Социологические исследования. 2011. №2.

[26] Шабаев Ю.П., Подоплекин А.О. Европейский север России: этнополитика и кризис местных сообществ//ПОЛИТЭКС. 2017. №1.

Осенью 2018 г. только 49% жителей Сыктывкара (самого благополучного города республики) заявили, что не планируют переезд в другой город страны или за рубеж».[27] Трудовая миграция для республики перестала иметь существенное значение и серьезной конкуренции на рынке труда с мигрантами нет, а в общественных настроениях доминируют установки на выезд за пределы Коми, но отношение к мигрантам как к потенциальным конкурентам за рабочие места все равно сохраняется. Данные опроса осени 2018 г. свидетельствуют, что лишь 4% респондентов согласились с тем, что «приезжие из других государств отнимают работу у местных жителей», а 43% указали вариант ответа на вопрос, касающийся конкуренции за рабочие места, который звучал следующим образом: «местные жители сами не хотят занимать некоторые рабочие места». Но при этом 47% респондентов готовы признать правильными оба предложенных варианта, что вновь свидетельствует о стабильном воспроизводстве стереотипов восприятия трудовых мигрантов как потенциальной угрозы для местных рынков труда.

Отчасти это диктуется тем, что серьезные опасения за свое будущее есть у жителей практически всех городов и сел республики, а очевидным выражением этих настроений стала резолюция форума, прошедшего во втором по величине города Коми, который считается индустриальной столицей республики, - Ухте. Здесь за последние годы ликвидировано несколько учреждений, которые предоставляли квалифицированные и престижные рабочие места местным жителям, в частности институт ПечорНИПИнефть, который занимался геологоразведкой и изучением запасов минерального сырья на территории республики и в первую очередь — энергетического сырья, компания «Севербургаз» и ряд других значимых предприятий и учреждений.

Поскольку дефицит рабочих мест на городском рынке труда стал нарастать, постольку общественность Ухты обратилась в республиканским властям с требованием не допустить их дальнейшего сокращения и принять специальную программу или закон, гарантирующий создание опорных центров индустриального развития, где не должно быть сокращения предложения на рынке труда. Эти требования были изложены в Декларации, принятой на пленарном заседании 2-го ухтинского патриотического форума, где в частности было сказано: «В качестве адекватной стратегической меры по преодолению системных кризисных явлений мы предлагаем формирование опорного каркаса городов Республики Коми. Эта мера должна на деле реализовывать принцип

[27] Шабаев Ю.П. Признаки кризиса и необходимость гражданской интеграции //Межэтнические отношения и религиозная ситуация в регионах Центра, Северо-Запада, Сибири и Дальнего Востока. Экспертный доклад за 2018 год. – М.-Омск, 2019, с. 43.

сбалансированного пространственного развития нашего края».[28]

Но не только дефицит качественных рабочих мест является сегодня мощным социальным раздражителем. Таким раздражителем, который, по мнению экологических активистов, может усилить отток населения из республики становятся и проблемы экологии. В 2019 г. впервые за многие годы существенную роль на общественно-политическую ситуацию в республике стали оказывать события, которые происходят за ее пределами, но в непосредственной близости от ее границ. Более того, эти события окончательно вытеснили из местного культурного и политического дискурса этнокультурную и этнополитическую тематику, которая еще год назад была достаточно актуальной, особенно в свете решения вопроса о практике преподавания коми языка в школах республики.

Дело в том, что губернатор Архангельской области И.Орлов и мэр Москвы С. Собянин заключили договор о создании на станции Шиес в АО самого крупного в Европе мусорного полигона, где ежегодно должен складироваться в брикетированном виде 1 млн. тонн московских бытовых отходов (планируемый полигон в 150 раз больше скандально известного хранилища отходов Ядрово в Московской области). В качестве компенсации область, которая относится к «бедным» регионам должна ежегодно получать 10 млрд. руб. из московского бюджета. Перспектива жить рядом с грандиозной свалкой сначала обеспокоила жителей поселка Урдома, что в 20 километрах от Шиеса и они начали акции протеста. Затем эти акции приобрели общеобластной масштаб и митинги протеста в Архангельске собирали многотысячную аудиторию, а акции протеста у стен администрации стали бессрочными. Поселок Шиес находится всего в нескольких километрах от границы с Коми и от реки Вычегды являющейся крупнейшим притоком Северной Двины (от которой зависит водоснабжение 75% жителей АО) и второй главной рекой юго-запада республики, а потому и здесь посчитали создание этого полигона угрозой для местного населения и 2 июня 2019 г. в Сыктывкаре прошел крупнейший в постсоветской истории РК митинг протеста, в котором приняли участие не менее 7 тыс. человек. Аналогичный митинг под лозунгами «Север – не место для московского мусора", "Москва, оставь свой мусор у себя" прошел несколько дней спустя и в Ухте. Экологические активисты, которые объединились в организацию «Комитет защиты Вычегды», полагают, что создание полигона пагубно отразится на экологической обстановке в республике и станет дополнительным стимулом для выезда жителей Коми в другие более благополучные южные

[28] Декларация об опорном каркасе городов Республики Коми (принята на пленарном заседании II Ухтинского патриотического форума 21 декабря 2018 г.) / «Политехник», №3, 6 марта 2019 г.

регионы страны.

Очевидно, что социально-экономическая и политическая ситуация в Коми продолжает усложняться, а это не оставляет надежд на то, что процесс деколонизации РК будет в ближайшие годы остановлен. В этот процесс вовлечены сегодня все этнические и социальные группы населения республики. Поэтому массовый отток населения не меняет принципиально этнический состав населения и более того, отъезд молодежи, ведет к опережающему ухудшению демографического качества титульной этнической группы, что только ускорит процессы ассимиляции и аккультурации среди коми республики.

При этом миграционная ситуация в РК совершенно неоднозначна, ибо наряду с мощным потоком мигрантов за пределы республики сохраняется и приток внешних мигрантов, который приобретает весьма специфический характер.

Так в Воркуту, из которой значительная часть ее жителей стремиться выехать[29], стали переезжать шахтеры с закрывшейся шахты в Инте, но помимо них сюда же на шахты стали массово устраиваться шахтеры с Украины (в основном из Донецкого угольного бассейна), а также с закрывшихся горных предприятий Киргизии, что вызвало определенные трения с местными шахтерами, поскольку вновь прибывшие обладали достаточно высокой квалификацией, но готовы были работать за меньшие деньги, чем те, что привыкли получать местные горняки. Воркута стала превращаться в некотором смысле в *убежище для обездоленных*, особенно для экономических и прочих беженцев и эту роль она может сохранить и в дальнейшем, поскольку здесь более пяти тысяч пустующих квартир[30] и главная проблема местных властей состоит в том, как расселять жителей тех домов, где значительная часть квартир обезлюдела. Поэтому превращение города в своеобразную **зону эскапизма** есть вполне реальный сценарий ее будущего развития, особенно в связи с тем, что совсем недалеко за Полярным Уралом разворачивается строительство Северного широтного хода, куда местное население, наверняка, будет уезжать на вахты, ибо ни Лабытнанги, ни Салехард не смогут принять и разместить необходимого количества рабочих. Подобная ситуация уже имела место на Кольском полуострове, который в 1930-е гг. превратился в подобную зону для российских финнов, пытавшихся спрятаться от возможных репрессий в самых дальних уголках Мурманской области.[31]

[29] Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л., Лабунова О.В. Культурная эволюция заполярного города: от города-концлагеря к городу-призраку// Известия Коми научного центра УрО РАН. 2018. №№ 2,3.
[30] Воркута несет убытки// «Трибуна», 12 июля 2019 г.
[31] Бусырева Е.В. Сохранение и трансформация этничности в финских семьях на Кольском Севере (60-е годы XIX в. - начало XXI в.). Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Ижевск, 2016.

Но превращение Воркуты и других северных городов Коми в своеобразное «арктическое убежище» чревато появлением новых социальных и политических рисков, поскольку «убежище» необходимо не только разного рода беженцам, но и различным радикалам, для которых отдаленная периферия может служить своеобразным плацдармом для активных действий. Но если власти республики не способны решить современные социальные проблемы региона, то нет никаких гарантий, что они смогут справиться с потенциальными рисками и вызовами, рождаемыми сложными социальными и политическими трансформациями современного российского общества.

Этнокультурные трансформации в приграничном регионе: мифы и оценки (Воронежская область)

Черникова В.В.

В современном мире, эпоху глобализации неизбежна активизация межкультурных контактов. Миграционные процессы приводят к расширению регулярного взаимодействия представителей разных этнических групп. Усложняется характер межкультурных отношений, что неизбежно оказывает влияние на адаптационные процессы.

Трансформационные процессы, которые происходят в России с 1990-х годов, интересны не только политическими и институциональными направлениями, но и переформатированием государственной и гражданской идентичности. Отказавшись от советского государства, население отказалось и от общности «советский народ», однако это актуализировало вопрос формирования единой российской нации. Для федеративного государства этот процесс имеет не только общегосударственное преломление, но и региональную рефлексию. Именно в регионах и происходит процесс адаптации общегосударственных трендов населением, процесс, связанный с объективными и субъективными проявлениями формирования гражданской идентичности. Этнокультурные трансформации, охватывающие всё политической и социальное пространство государства, в регионах имеют собственную специфику, свой ритм.

В рамках операционализации понятия, стоит выделить два подхода к дефиниции «этнокультурные (этнические) трансформации». По мнению Г.Т. Тавадова, «этнотрансформационными называются такие процессы, которые приводят к изменению этнической принадлежности тех или иных групп людей, к исчезновению одних и возникновению других этносов; в последнем случае речь идет о так называемых этногенетических процессах. Этнотрансформационные процессы выражаются в смене основного признака этноса — этнического самосознания».[1] Это длительные процессы, результат которых заметен только в сравнительной ретроспективе.

Ю.П. Шабаев предлагает рассматривать этнокультурные трансформации как «текущие этнокультурные и этнополитические изменения, которые не только меняют характеристики этнических групп, но и порождают этнические конфликты».[2] Каждый из предложенных подходов отражают динамику изменений этнического самосознания в современном обществе. Ускорение исторического процесса, когда интенсивность исторических

[1] Тавадов Г.Т. Этнология. Современный словарь-справочник. – М.: АНО «Диалог культур», 2007, с. 586

[2] Шабаев Ю.П. Этнические трансформации на европейском севере России.- Сыктывкар, 2008. – 40 с. (Научные доклады/Коми научный центр УрО РАН).

событий с единицу времени резко возросла, позволяет предположить, что изменения в идентичности этнических групп могут фиксироваться на протяжении достаточно короткого промежутка времени.

Для Воронежской области, населенной преимущественно русскими, предпочтительнее говорить об этнокультурных трансформациях, чем об этнических. Это обусловлено тем, что часть населения, относящегося к этническому большинству, имеет собственные традиции и отличающийся от литературного русского языка говор – «суржик». Образование, урбанизация и миграционные процессы приводят не только к изменению этнического состава региона, но и к смене этнической идентичности.

В этой связи, этнокультурные трансформации логично анализировать не только с позиций изменения этнического состава населения, но и с точки зрения формирования общегражданской нации.

Опрос жителей Воронежа и пригородов, проведенный по методике Института Этнологии и антропологии РАН в 2018 г., показал высокий уровень общегражданской идентичности – 84%. При этом, хотели бы, чтобы их воспринимали окружающие, как представителя отдельной национальности - 9%, как жителя региона – 10%, 4% затруднились. 2%, выбравших свой ответ, в основном хотели бы, чтобы окружающие их воспринимали как «человека». Показательно, что этническая идентичность значима только для десятой части жителей мегаполиса и пригородов. Стоит отметить, влияние фактора урбанизации, когда жители большого города в меньшей степени привязаны к «корням», хуже знают национальные языки и народные традиции, меньше вовлечены в жизнь соседских сообществ.

При реализации государственной национальной политики, протекают два параллельных процесса – сохранение мультикультурного многообразия и выработка единой общегражданской идентичности. Хотя эти два процесса не противоречат друг другу, на региональном уровне могут наблюдаться несостыковки.

Этнокультурная динамика представляет собой «совокупность процессов изменений в собственной культуре этноса и во взаимодействии с культурами иных этносов».[3] «Процессы этнокультурной динамики протекают в рамках адаптации этноса к меняющимся внешним и внутренним условиям своего существования».[4] Взаимодействие различных этносов в приграничном пространстве позволяет зафиксировать широкий комплекс этнокультурных процессов, связанных с изменениями границы «свой – чужой».

Воронежская область, формировавшаяся изначально, как многонациональный регион, имеет границу с Украиной, что обусловило длительную

[3] Нахушева М.С. Культурная динамика этноса // Новые технологии. 2006. № 1, с. 49. (https://cyberleninka.ru/article/v/kulturnaya-dinamika-etnosa)
[4] Нахушева М.С. Указ.соч.

практику взаимодействия двух этносов – русского и украинского. В составе населения Воронежской области украинцы представляют вторую по численности группу, имеющую, однако тенденцию к сокращению. Так, если по переписи 1949 г. они составляли 7,47%, 1989 г. – 4,97%, 2002 г. – 3,10%, то 2010 г. уже 1,84%.[5] Процесс сокращения числа людей, определяющих свою этническую группу, как «украинцы», связан не только с миграционными и демографическими процессами, но и процессом смены идентичности, что особенно ускорилось после распада СССР.

Среди факторов этнокультурной динамики Воронежской области, стоит выделить следующие:

- М*играционный*, который связан с обменами между сопредельными территориями, а также миграционными потоками из других территорий. По данным Воронежстата, только за январь-март 2019 г. миграционный прирост составил 2998 человек (в том числе 792 человека из других регионов России, 1984 человека – из стран СНГ, 222 из других стран).[6]

- *Демографический*, связан как с естественной убылью населения, возмещаемой за счет миграции, так и различным уровнем рождаемости у разных этнических групп.

- *Политический фактор*, оказывает существенное влияние на смену идентичности, а также на усиление или снижение интенсивности контактов с сопредельными территориями, особенно это проявилось после 2014 г. Ухудшение отношений и сокращение возможностей контактов привело к росту числа людей, меняющих официально свою этническую принадлежность. Усиление влияния фактора *границы* привело к росту патерналистских настроений, обостренному чувству безопасности, стремлению к защите от беспокойного соседа. Геополитическое положение рефлексируется сообществом и влияет на формирование идентичности и динамику приграничных обменов.

- *Языковой*. С одной стороны, поддержка фольклорных коллективов и народных праздников стимулирует сохранение традиций и говоров, с другой, глобализация, развитие системы образования приводит к отказу от использования суржика в повседневной речи. Адаптационные процессы, постепенная утрата знаний языка своих предков наблюдается у детей в смешанных семьях. Политические процессы снижают востребованность обучению в школе украинскому языку, хотя, одновременно, увеличивается число языковых курсов, где идёт преподавание других языков народов, проживающих на территории региона (армянскому, азербайджанскому, ивриту, корейскому и другим).

[5] https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Воронежской_области
[6] http://voronezhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/voronezhstat/resources/a01c6e8049cb2d4191e2df3fbd401489/Миграционные+потоки+в+январе-марте+2019+года.pdf

- Фактор *исторической памяти*, связан не только с заселением территории региона в прошлом, но и различными обидами, связанными, как с взаимодействием различных этнических групп, так и изменением границ региона, утраты территорий. Особое место в региональной исторической памяти занимают события героического прошлого, совместных переживаний и благородных поступков регионального социума, когда в свою многонациональную семью принимались люди, пострадавшие от конфликтов и стихийных бедствий. В частности, переселение в Воронежскую область турок-месхетинцев из Ферганской долины (по переписи 2010 г. они составляют 0,4%), жителей Донбасса, вынужденных покидать дома в 2014 г. и позже, и других.

- Фактор *урбанизации* и расселения этнических групп по территории области показывает, что, несмотря на тенденцию к миграции людей из сел и малых городов в крупные, особенно в региональную столицу, где разрушаются старые социальные и этнические границы, нивелируются этнические особенности, сохраняется расселенческая сегрегация отдельных этнических групп. Например, турки-месхетинцы и курды проживают преимущественно в сельской местности.

- *Общественное мнение*, оказывает существенное влияние на выбор человеком своей идентичности, что в значительной мере наблюдается в смешанных семьях. Зачастую, влиянием общественного мнения обусловлено желание молодёжи с Востока Украины поменять не только гражданство, но и этничность. В отличие от мигрантов из Средней Азии, у них в меньшей степени развита солидарность. Более серьезное давление со стороны общественного мнения испытывают выходцы из Средней Азии и Кавказа.

Под воздействием выделенных факторов, а также в результате глобализации и проводимой государственной национальной политики, происходят серьезные этнокультурные трансформации. Во-первых, это связано с сокращением традиционно характерных для Воронежской области этнических групп (прежде всего украинцев) появлением новых (курды, арабы и другие), и увеличением числа выходцев из стран СНГ, которые ранее проживали в регионе, но имели незначительную численность. Во-вторых, увеличивается число людей, носителей двойной этнической идентичности. Это связано не только с ростом числа смешанных браков, но и успешной интеграцией детей из семей мигрантов в принимающий социум. В-третьих, мультикультурный состав населения предполагает наличие у местных жителей знаний о культуре и традициях других народов, наличия готовности интегрировать в свой состав новых членов. А со стороны новых жителей – готовности уважать культуру, традиции, нормы и язык принимающего социума.

Согласно исследованию GALLUP, индекс принятия мигрантов Гэллапа мигрантов (The Migrant Acceptance Index), включающий оценку местными жителями трёх показателей: наличие мигрантов в стране, соседство с ними и возможность брачных связей, в России не очень высок – 2,6 (из 9 возможных).[7] И хотя Россия не относится к десяти самым недружественным по отношению к мигрантам странам, уровень их неприятия высок. При значительном притоке мигрантов в страну, это может вызывать недовольство и протесты местных жителей.

Проведенный в 2018 г. в Воронежской области массовый опрос по методике Института этнологии и антропологии РАН, также показал, что уровень неприятия мигрантов в регионе довольно высокий – 16%. Поскольку Воронежская область принимает мигрантов и их процент в составе населения примерно соответствует общероссийскому, то эти данные выступают региональной проекцией общероссийских настроений.

По мнению Л.Г. Бызова, смена культурного «кода», рост атомизированности общества может приводить к росту национализма. «Особенно острая ситуация складывается в крупных городах, мегаполисах, где чрезвычайно велики миграционные потоки, интенсивность которых значительно превышает адаптационные ресурсы общества. Возникающая напряженность порождает всплески экстремизма, как со стороны коренного населения, так и со стороны инонациональных групп мигрантов».[8]

Этнокультурные трансформации воздействуют на выбор поведенческих моделей, как местными жителями, так и приезжими. Интеграция в сообщество инокультурных мигрантов всегда отличалась большей сложностью, чем «своих». Если выбор модели поведения мигранта зависит от его намерений остаться жить в регионе или покинуть его, то принимающее сообщество в значительной мере обращает внимание на этнические границы, подвержено влиянию общественного мнения.

В рамках проведенного в 2018 г. исследования по методике ИЭА РАН, риски межнациональных и религиозных конфликтов, вызванных миграцией, в Воронежской области местные эксперты оценивают как незначительные. В категорию наиболее конфликтных групп со стороны которых есть незначительный риск, они отнесли выходцев из Азербайджана и Украины, некоторый риск они отметили со стороны выходцев из Таджикистана и

[7] Revisiting the Most- and Least-Accepting Countries for Migrants / by Neli Esipova, Anita Pugliese and Julie Ray (https://news.gallup.com/opinion/gallup/245528/revisiting-least-accepting-countries-mi-grants.aspx?g_source=link_NEWSV9&g_medium=SIDEBOTTOM&g_campaign=item_181310&g_content=Revisiting%2520the%2520Most-%2520and%2520Least-Accepting%2520Countries%2520for%2520Migrants)

[8] Бызов Л.Г. Социокультурные и социально-политические аспекты формирования современной российской нации // Полис. Политические исследования. 2012. № 4, с. 52. (https://elibrary.ru/download/elibrary_17797397_23283517.pdf)

Узбекистана. В тоже время, возникающие на бытовом уровне конфликты между представителями разных этнических групп, жители рассматривают как этнические. Это может стать триггером усиления напряженности и этнической консолидации граждан, актуализации противоречий, перевод их в стадию конфликтов.

В целом, среди жителей региона наблюдается преобладание толерантной модели поведения. Однако для формирования единой гражданской нации недостаточно толерантного сосуществования анклавных групп, необходимо развитие внутрирегиональной солидарности надэтнического характера.

Оценки возможного уровня конфликтности общества, рисков разобщения, устойчивости к националистической пропаганде, зависят от достоверного анализа происходящих трансформационных процессов.

Источники информации об этническом составе населения региона не дают полной картины. Миграционная ситуация динамична, наряду с приездом на постоянное место жительства, присутствует транзитная миграция. Отмечаются сложности в оценках маятниковой миграции из Украины и Донбасса.

Транзитная миграция обусловлена наличием границы с Украиной и близостью к Москве, где больше потребность в трудовых ресурсах, равно, как выше и оплата труда. Ориентированные на транзитную миграцию приезжие не стремятся интегрироваться в региональное сообщество, не взаимодействуют с национально-культурными автономиями. Эта ситуация осложняется ещё и нелегальной миграцией, что приводит к созданию замкнутых этнических сообществ. В ответ усиливаются фобии местных жителей к любым представителям инокультурных групп. Это отмечалось участниками фокус-группы, проведенной в рамках исследования «Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределенности и рисков (на примере областей Центрального Черноземья».[9] «*При всём при том, что у нас последние 5-7- лет очень много иностранцев приехало, много совместных браков создается, смешанных семей, в Воронеже остается момент не преодоления национальных границ*» (участница фокус-группы, предприниматель).

Миграционные потоки в регионе интенсивны. Согласно Воронежстату, только за первый квартал 2019 г. прибыло 17667 человек, а убыло 14669 человек,[10] что больше, чем за аналогичный период 2018 г. Динамика миграционных потоков, увеличение численности приезжих из Средней Азии, интенсивный приток населения из сопредельной Украины (особенно из

[9] Исследование проводилось по гранту РФФИ 18-011-00806.

[10] http://voronezhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/voronezhstat/resources/a01c6e8049cb2d4191e2df3fbd401489/Миграционные+потоки+в+январе-марте+2019+года.pdf

Донбасса), порождает региональные мифы. Наряду со стихийными мифами, на общественное сознание воздействую политические акторы. В том числе ведется пропаганда со стороны Украины о «традиционной принадлежности Воронежской области украинцам», ссылая на то, что при заселении региона в XIX веке активную роль сыграли украинцы. Особенно силен миф об «украинском» населении сельской местности, что противоречит данным переписи 2002 г. и 2010 г., однако широко используется в популистских заявлениях.

Фактор границы усиливает опасения проникновения в область криминальных элементов, террористов, различных болезней, что отражается в присутствии в общественном сознании мифов об этнической преступности, мигрантских криминальных сообществах и т.д.

В регионе распространены стереотипы, что мигранты чаще совершают преступления. Четверть опрошенных местных жителей и столько же студентов (25%) считают, что мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители. Хотя 59% (60% студентов) полагают, что особых различий по уровню преступности между мигрантами и местными жителями нет. Высокая доля тех, кто затруднился ответить – 15% (13% студентов), отмечая, что не обладают достаточной информацией, чтобы оценивать уровень преступности местных и мигрантов. По данным Портала правовой информации, за 2018 г. было совершено иностранцами и лицами без гражданства 431 преступление (из 29308 всего), примерно 2% от всех преступлений в Воронежской области. Это на 8,9% меньше, чем в 2017г. За период с января по май 2019 г. – 187 преступлений (что на 5,6% ниже показателя за аналогичный период 2018 г.) При этом динамика преступлений, совершенных гражданами стран СНГ также отрицательная (141 преступление, на 15,1% ниже аналогичных показателей за тот же период в 2018 г.) 239 (на 15.5% меньше, чем в 2017 г.) преступлений было совершено в отношении иностранцев. Однако, в 2019 г. мы наблюдаем существенный рост (на 24,7%) преступлений, совершенных против иностранцев и лиц без гражданства (всего 96)[11], что позволяет предположить усиление напряженности в обществе, особенно в сфере межнациональных отношений. Реальная картина влияния мигрантов на криминогенную ситуацию не соответствует стереотипам.

Рост конфликтного потенциала в региональном сообществе обусловлен социально-экономическими сложностями, принятием непопулярных решений региональной властью, последствиями которых становится ухудшение материального положения жителей (рост тарифов ЖКХ, анонсированный рост стоимости проезда в общественном транспорте, введение

[11] Преступность в регионах // Портал правовой статистики (http://crimestat.ru/regions_chart_total)

платы за парковку на городских улицах в центральной части города и т.д.). Общий фон напряженности негативно сказывается на межнациональных отношениях. Усиливается мигрантофобия, распространяется миф о массовом притоке мигрантов из Средней Азии, якобы замещающих местных жителей. Объективные данные в то же время фиксируют снижение миграционного прироста населения. По данным Воронежстата, по сравнению с 2017 г. миграционный прирост снизился на 32.1%.[12] Среди стран СНГ наиболее значительный миграционный прирост наблюдался с Украины (44,2%), из Казахстана (17,8%), Таджикистана (13,6%), Туркмении (6,7%), Армении (6,5%), Узбекистана (3,8%) и Киргизии (3%).[13]

Исследования показывают, что настороженность жителей сочетается с интересом к культурам приезжих. Рост числа кафе национальной кухни, различные мероприятия просветительского характера, посвященные национальным культурам, пользуются популярностью жителей, что подтверждают не только данные о числе участников мероприятий, но и самооценка жителями своего интереса. К появлению в регионе новых кафе и ресторанов национальной кухни 42% воспринимают положительно, 47% респондентов рассматривают нейтрально, 9% отрицательно. 44% респондентов положительно относятся к возможности обучению национальным промыслам, танцам, музыке, приготовлению национальных блюд, 45% - нейтрально и 8% отрицательно.

Преобладание положительного и нейтрального отношения к представителям отличающихся культур не может в полной мере снять все риски возникновения конфликтов на этнической почве, поскольку наряду с просветительскими мероприятиями отсутствует доступная объективная информация о численности различных этнических групп.

Со времени переписи населения 2010 г. прошло немало лет, что не позволяет гибко реагировать на этнокультурную динамику, фиксировать основные тренды, принимать решения с учетом этих данных.

Предстоящая перепись населения станет важным источником информации об этнокультурных трансформациях в регионе развеет досужие мифы. Комплексный подход к анализу этих процессов будет способствовать оптимизации управленческих решений в области государственной национальной политики, пространственному и социально-экономическому развитию, формированию общегражданской идентичности.

[12] О социально-экономическом положении Воронежской области в 2018 году. Сообщение Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области (http://voronezhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/voronezhstat/ru/publications/news_issues).

[13] О миграции населения Воронежской области в 2018 году // Пресс-релиз от 28 марта 2019 года. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Воронежской области (http://voronezhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/voronezhstat/ru/publications/news_issues).

Этнологический мониторинг как элемент системы информационно-аналитического обеспечения принятия управленческих решений: крымское измерение

Сенюшкина Т.А.

В условиях адаптации населения Крыма к новым свойствам экономического, политико-правового и социокультурного пространства, которое формируется на полуострове, начиная с весны 2014 года, особое значение приобретает развитие и совершенствование методик измерения культурного многообразия в регионе, которое, в свою очередь, является одним из структурно-функциональных элементов системы информационных технологий, обеспечивающих информационно-аналитическую поддержку принятия управленческих решений в сфере национальной политики.

Государственная национальная политика в Республике Крым реализуется в контексте целей и задач, сформулированных в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666, с изменениями, внесёнными в текст стратегии в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703[1].

Стратегические цели и задачи государственной национальной политики, а также механизмы её реализации являются общими для всех субъектов Российской Федерации. При этом в каждом российском регионе существуют свои отличительные особенности, связанные с национальным составом населения, религиозными различиями, этностатусной стратификацией, исторической памятью и другими факторами, влияющими на отношения между этническими группами.

Особенности реализации государственной национальной политики в Крыму связаны не только с полиэтничностью местного сообщества, но и с наличием латентного этноконфликтного потенциала в пространстве взаимодействия трёх доминирующих в структуре населения этнических групп – русских, украинцев и крымских татар. Согласно результатам переписи 2014 года, в Республике Крым проживает 1 млн 188 тыс. русских, 291 тыс. украинцев, 229 тыс. крымских татар.[2]

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703 "О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666".

[2] Итоги переписи населения 2014 г. в Республике Крым (http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/census_and_researching/census/crimea_census_2014/score_2010).

Так как каждая из названных этнических групп имеет свою версию коллективной памяти и исторической правды, нередко конфликты, имеющие в качестве основных экономические и политические причины, в прошлом периодически приводили к росту межэтнической напряжённости и проявлениям этнополитической конфликтности.

Среди наиболее сложных проблем можно назвать проблему гражданства, которая была успешно решена к концу 1990-х годов, а также борьбу за доступ к земельным ресурсам, которая на данный момент не находится в острой фазе, но и не может считаться окончательно завершённой. Не столь острой, но важной с точки зрения её последствий, можно считать проблему, сложившуюся в сфере межконфессиональных отношений и связанную с наличием радикальных исламских течений на полуострове, в частности, таких как «Братья мусульмане», салафиты (ваххабиты), «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения»)[3]. Несмотря на то, что последнее из названных религиозно-политических течений запрещено законодательством РФ, его сторонники в Крыму существуют, и имеют влияние, преимущественно на молодёжный и сельский сегмент населения. В качестве подтверждения сказанного можно указать на недавний факт, когда в начале июня 2019 года правоохранительными органами были задержаны восемь сторонников «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами».[4]

Вторая особенность Крыма заключается в том, что этот субъект федерации – самый молодой в РФ. Республика Крым вошла в состав Российской Федерации на основании волеизъявления населения, подтверждённого результатами референдума 16 марта 2014 г. Несмотря на то, что большинство населения осознанно сделало свой выбор при помощи демократической процедуры референдума, внутри крымского сообщества произошло разделение на сторонников, противников и скептиков, в зависимости от их отношения к вопросу о новом векторе политического развития Крыма. При этом большинство крымчан поддержало воссоединение Крыма с Россией и приступило к процессу интеграции с российским политическим, правовым, культурным и экономическим пространством. Об этом свидетельствует крайне высокая явка на референдум, который продемонстрировал невиданную ранее активность избирателей (83,1%), а также низкий процент людей, отказавшихся от российского гражданства.

Рассматривая воссоединение Крыма с Россией как акт восстановления исторической справедливости, большая часть населения Крыма высказалась за вхождение Республики Крым в состав Российской Федерации (96,7% от числа принявших участие в референдуме). Наряду с этим, в свя-

[3] Запрещённая в РФ террористическая организация

[4] В Крыму задержали восемь сторонников Хизб ут -Тахрир (https://ria.ru/20190610/1555447209.html).

зи с проведением референдума и вхождением Крыма в состав РФ в среде крымских татар обострился внутренний конфликт, связанный с конкуренцией внутри этнической элиты, которая обострилась в связи с вопросом о будущем крымско-татарской государственности, которая никогда не снималась с повестки дня и представлялась крымско-татарскими идеологами в виде трёх возможных вариантов: крымско-татарская автономия в составе Украины; крымско-татарская автономия в составе Турции; независимое крымско-татарское государство. Все три проекта оказались несостоятельными в связи с вхождением Крыма в состав РФ, однако не следует недооценивать их на уровне коллективной памяти и коллективного сознания.

Анализ развития этнокультурных и этноконфессиональных процессов в Крыму в период 2014-2019 гг. свидетельствует о том, что в целом ситуация носит спокойный и прогнозируемый характер, однако при реализации мер государственной национальной политики в Крыму необходимо учитывать наличие латентного конфликтного потенциала, основные признаки которого описаны нами выше.

Учитывая высокий ресурсный потенциал полуострова и прилегающей к нему акватории Чёрного моря, а также резкое обострение геополитической конкуренции в Черноморско-Каспийском регионе, которая наблюдается после событий 2014 года, нельзя исключить, что этнический и религиозный фактор будет использоваться внешними геополитическими игроками для обеспечения доступа к наиболее ценным ресурсам полуострова. В связи с этим на уровне государственной власти необходимо обеспечить высокий уровень стратегического управления с учётом прогнозной составляющей, для того, чтобы исключить возможность обострения межэтнической и межконфессиональной обстановки в Крыму.

Кроме того, следует учитывать, что крымские события оказали неожиданное рефлексивное воздействие на этнополитическую и межконфессиональную ситуацию на Северном Кавказе. В частности, как утверждают авторы доклада «Состояние межнациональных отношений и религиозная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе», сегодня в экспертных кругах обсуждается проблема возможного влияния «крымского прецедента» на этнополитическое самоопределение республик Северного Кавказа[5].

Учитывая синергетические эффекты такого неординарного для политической практики события как воссоединение Крыма с Россией, целесообразно рассмотреть этот исторический факт как своеобразную точку би-

[5] Состояние межнациональных отношений и религиозная ситуация в СКФО (по состоянию на первое полугодие 2014 г.).Экспертный доклад под общ. ред.В.А.Тишкова. Москва-Ставрополь-Пятигорск, 2014 http://pravorf.org/index.php/news/1377-o-doklade-lsostoyanie-mezhnaczionalnyx-otnoshenij-i-religioznaya-situacziya-v-skfor-po-sostoyaniyu-na-pervoe-polugodie-2014-g%D0%9D%D0%B0%C2%A0%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82

фуркации. Применяя положения лауреата нобелевской премии И.Пригожина, можно рассматривать Крым в период весны 2014 года в качестве системы, утратившей равновесное состояние и вышедшей на уровень самоорганизации. Так как в точке бифуркации существует пространство множественности для выбора дальнейшего вектора развития системы, Крым сегодня потенциально и одновременно содержит в себе несколько вариантов будущего – в диапазоне от снижения уровня развития и полного разрушения системы до более высокого уровня роста и инновационного скачка в развитии. В связи с этим ключевую роль будут играть управленческие решения, которые принимаются сегодня субъектами государственного управления. С одной стороны, ошибки и просчёты управленческой элиты могут привести к необратимым процессам, с другой стороны, смелые и выверенные решения смогут кардинально изменить ситуацию в Крыму. Решающее значение в этом процессе имеет качество управленческой элиты, а также то, чьи интересы будут для неё приоритетными в принятии решений – свои личные, групповые (клановые), или интересы населения, которое составляет народ Крыма, являющийся частью многонационального народа Российской Федерации и источником власти в Республике Крым (согласно второй статье Конституции Республики Крым, принятой Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 г.)[6].

С другой стороны, можно утверждать, что одномоментно переместившись из украинского в российское политическое пространство, Крым является тем местом, где российская правящая элита, являющаяся сегодня источником для формирования центра принятия решений в системе управления Крымом, будет вынуждена пройти проверку на прочность. Учитывая факт внутренней противоречивости и латентный конфликтный потенциал крымского сообщества, можно утверждать, что допущенные на этом этапе ошибки могут привести к непредсказуемым последствиям, которые следует оценивать с точки зрения не только региональных, но и глобальных рисков и вызовов[7].

Всё сказанное выше нацеливает на своевременную, а в ряде случаев и опережающую реакцию органов государственной власти на проявления межэтнической напряжённости в Крыму. В свою очередь, данная задача требует эффективного и качественного информационно-аналитического обеспечения принятия управленческих решений, как на местном (региональном), так и на федеральном уровнях. В связи с этим далее мы рас-

[6] Конституция Республики Крым (принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 г.).

[7] Сенюшкина Т.А.Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора // Проблема суверенности современной России. Материалы Всеросс. науч.- общ. конф., 6 июня 2014 г., Москва [текст + электронный ресурс] / Центр научной политической мысли и идеологии. – М.: Наука и политика, 2014, сс. 182-190.

смотрим наиболее актуальные проблемы, связанные с этнологическим мониторингом, являющимся одним из основных элементов информационно-аналитического обеспечения принятия управленческих решений в сфере государственной национальной политики.

Аналитическая деятельность, которая осуществляется с целью информационного обеспечения принятия управленческих решений в сложных с этнокультурной точки зрения регионах, требует максимальной концентрации внимания на конкретном задании, совершенного знания предмета, оперативного изучения этнокультурной ситуации, использования разнообразных теоретических и прикладных методов и приемов анализа. Для современной концепции анализа проблем государственного уровня характерен многоэтапный комплексный анализ, основанный на сочетании системного и ситуационного подходов, благодаря чему обеспечивается наиболее эффективное решение проблем, так как при этом методы анализа выбираются в зависимости от конкретных ситуаций.

В информационно-аналитическом продукте целесообразно концентрировать информацию как аналитического, так и управленческого характера. Характер функционального взаимодействия в системе: информационная аналитика - государственное управление определяется спецификой аналитики. Аналитика позволяет сделать выводы, получить новое знание не опытно-экспериментальным путем, а на основе анализа и интерпретации имеющихся теорий, статистических данных, средствами моделирования действительности[8].

Основой анализа этнокультурных процессов является этнологический мониторинг, который рассматривается как система сбора и анализа информации, касающейся потенциального развития конфликтогенности в многоэтническом обществе. Эффективный этнологический мониторинг в системе государственного управления этнокультурными процессами повышает надежность системы информационно-аналитического обеспечения органов государственной власти на всех уровнях управленческой иерархии. Своевременная и достоверная информация о текущих изменениях в этнокультурной ситуации позволяет принимать своевременные и оптимальные управленческие решения. В результате мониторинга статистическая и аналитическая информация объективно превращается в инновационный продукт, что, в свою очередь, существенно влияет на эффективность государственного управления.

Регулярное осуществление этнологического мониторинга позволяет качественно дифференцировать и обобщать информацию, вырабатывать

[8] Сенюшкина Т.А.Информационная поддержка принятия управленческих решений в условиях этнополитической конфликтности в Крыму // Политическая Экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2014. Т.10. № 2, с. 185-198.

критерии отбора информации, определять индикаторы, по которым осуществляется мониторинг, выявлять тенденции, имеющие значение для принятия государственно-управленческих решений как стратегического, так и тактического характера.

Эффективность этнологического мониторинга во многом определяется оптимальным подбором индикаторов. Существует несколько стандартных индикаторов, по которым осуществляется измерение напряженности в межэтнических отношениях. Среди них отметим следующие: мнения, представленные в СМИ, уровень социальной идентичности, экономическое и социальное равенство и неравенство, этническая и религиозная нетерпимость, этническая дистанция, восприятие некоторых этнических групп другим населением, доверие (или недоверие) к институтам власти и др.

Не менее важными индикаторами для этнологического мониторинга можно считать численность и динамику численности этнической общности, характеристики расселения и миграции этнических сообществ, уровень урбанизации, распределение в отраслевой и социально-профессиональной структуре населения, динамику демографических характеристик, речевые характеристики, степень этнокультурной и этнополитической мобилизованности сообществ, нравственное здоровье общества.

При компетентности и квалифицированности специалистов, осуществляющих этнологический мониторинг, возможно получение максимально объективной информации, на основе которой осуществляется анализ ситуации и прогноз развития событий. При этом определяющую роль в эффективности этнологического мониторинга играет система организации информационно-аналитического обеспечения органов государственного управления.

Наряду с государственными структурами важную роль в осуществлении этнологического мониторинга играют независимые экспертные центры. Наиболее известный среди них - Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. С 1994 г. это научное сообщество осуществляет систематические исследования проблем этничности. Первая в своем роде сеть такого мониторинга объединила десятки экспертов из регионов России и ряда постсоветских государств. В рамках Сети определились методы анализа, появился опыт взаимных консультаций участников по вопросам раннего распознавания кризисов в сфере межэтнических отношений[9].

[9] Степанов В.В., Тишков В.А. Этничность, конфликт и согласие. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН; Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2003, с. 6.

Как отмечает В.Тишков, сначала работа Сети ограничивалась преимущественно экспертной оценкой ситуации в сфере межэтнических отношений в различных регионах бывшего Советского Союза. Результатом анализа была нарративная информация, которая представляет собой существенный вклад в изучение этой стороны общественной жизни. Это направление сохранило свою значимость, но стало очевидно, что для фундаментальных обобщений и прогнозов необходимы систематические наблюдения по сопоставимым критериям. Необходимыми стали не только достоверность, глубина и объективность информации, но и тематическое расширение мониторинга.[10]

Впоследствии была выработана методика, с помощью которой осуществляется регулярная оценка общественно-политической конфликтности регионов постсоветских государств на основе расчетов балльных оценок экспертов. Важнейшим источником данных для расчета показателей конфликтности является пополняемый банк данных мониторинга, осуществляемого в постсоветских государствах. Особое значение придается анализу этнокультурных явлений как факторов конфликтности и одновременно эффективных инструментов ослабления межэтнических противоречий.

В Республике Крым этнологический мониторинг осуществляется как органами государственной власти, так и независимыми экспертами. С 1998 года в регионе функционирует этноконфликтологическая экспертиза в рамках проектов Сети EAWARN, а с 2015 г. осуществляется регулярный этнологический мониторинг в рамках Распределённого научного центра межнациональных и религиозных проблем (РНЦ). Регулярное осуществление этнологического мониторинга позволяет качественно дифференцировать и обобщать информацию, вырабатывать критерии ее отбора, определять индикаторы, по которым осуществляется мониторинг, выявлять тенденции, имеющие значение для принятия государственно-управленческих решений как стратегического, так и тактического характера. В результате этнологического мониторинга статистическая и аналитическая информация объективно превращается в инновационный продукт, что, в свою очередь, существенно влияет на эффективность государственного управления.

Фактически данный мониторинг может быть рассмотрен как элемент раннего предупреждения этнических конфликтов, т.к. он расширяет представление о конфликтной ситуации и дает возможность не только делать экспертные оценки, но и прогнозировать дальнейшее развитие ситуации.

[10] Тишков В.А. Опыт этнологического мониторинга. – М.: Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), 2004, с. 10.

Таким образом, этнологический мониторинг можно рассматривать как базовое условие, необходимое для прогнозного обеспечения принятия управленческих решений в сложных с этнокультурной точки зрения регионах. При этом следует согласиться с мнением Р.В. Ленькова, который считает, что прогноз не ориентирован на безусловное утверждение о будущем, он определяет, на основе выявленных закономерностей, вероятностные параметры развития изучаемого объекта, раскрывает различные варианты развития ситуации, либо даёт информацию для обоснования решения и выбора возможных путей его развития в будущем[11].

Все вышесказанное имеет особое значение для управления этнокультурной ситуацией, сложившейся в Крыму. В Республике Крым система информационно-аналитической и прогнозной поддержки принятия решений в сфере национальной политики находится на стадии формирования. Этот процесс должен сопровождаться формированием системы профессиональных кадров специалистов – аналитиков и созданием эффективной системы коммуникаций между ними с целью быстрого реагирования и предупреждения кризисных ситуаций. При этом крайне важным является обеспечение обмена информацией аналитического характера между специалистами, работающими в разных ведомственных структурах государственного управления. Не менее важной задачей можно считать разработку основных квалификационных требований к профессии аналитика, работающего с информацией этнокультурного характера, а также определение критериев, при помощи которых можно оценить качество и достоверность аналитического продукта.

В современных условиях формирование системы информационно-аналитической и прогнозной поддержки принятия управленческих решений в Крыму происходит при фактическом отсутствии координации действий, отсутствии системы подготовки квалифицированных аналитиков и прогнозистов. Не менее актуальная проблема связана с необходимостью разработки методологических, методических, технологических и организационных принципов построения системы, обеспечивающей информационно-аналитическую поддержку принятия управленческих решений в сфере государственной национальной политики.

* * *

Этнологический мониторинг, который осуществляется в Крыму экспертами сети EAWARN и Распределённого научного центра межнациональных и религиозных проблем (РНЦ), подтверждает наличие в местном сообществе латентного этноконфликтного потенциала.

[11] Леньков Р.В. Социальное предвидение в управлении. Феномены, формы, проблемы (www.socioprognoz.ru/publ2011.html?rub2=15).

В условиях латентной конфликтности особое значение приобретает комплексный подход к организации системы информационно-аналитического обеспечения управленческих решений в сфере государственной национальной политики.

Очевидна потребность в создании на региональном уровне единой информационно-аналитической системы, которая обеспечивает координацию всех структурных элементов государственного управления, имеющих отношение к информационной поддержке принятия управленческих решений в сфере национальной политики. Целесообразно выделить наиболее важные аспекты такой системы: построение модели сбора и обработки информации; оптимальная организация информационных потоков; обеспечение информационного взаимодействия между всеми участниками системы.

Деятельность субъектов, наделённых государственной властью, должна быть подкреплена качественной экспертизой, которая может полноценно осуществляться при объединении усилий представителей государственных информационно-аналитических структур и научного сообщества.

Проблема государственного учета аборигенных сообществ Российского Севера

Пивнева Е.А.

Сегодня классические теории, в рамках которых общество рассматривается как социальный организм, относительно замкнутая система, представляются не вполне адекватными для объяснения современной социальной реальности. А. Аппадураи сформулировал эту проблему следующим образом: «Так как группы мигрируют, перегруппировываются в новых местах, реконструируют собственные истории и реконфигурируют свои этнические “проекты”, этно- в этнографии приобретает неуловимое, нелокализуемое качество, на которое должны реагировать описательные практики антропологии. Ландшафты групповой идентичности – *этно-шафты* (ethnoscapes) – перестали по всему миру быть знакомыми антропологическими объектами в той же степени, в которой группы больше не являются компактно территориализованными, пространственно ограниченными, обладающими историческим самосознанием или культурной однородностью»[1]. Помимо сугубо научного интереса осмысление новой социокультурной реальности имеет огромное значение для формирования этнокультурной политики и управления этническим многообразием нашей страны. Как пишет В.А. Тишков, «именно проблемы понимания и управления культурным разнообразием на уровне регионов, государств, местных сообществ и даже отдельной личности оказались сегодня одни из наиболее трудно решаемых»[2]. В этом контексте в настоящей статье рассмотрим некоторые проблемы, связанные с государственным учетом коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС)[3], уделив основное внимание вопросам о соотношении их коллективной и персональной идентичности, а также о влиянии социальной сложности аборигенных сообществ, на выработку универсальных подходов к решению вопросов о государственной поддержке этой статусной социальной категории[4].

Кто такие коренные. По мнению ряда исследователей разделение населения Севера на «коренных» и «приезжих» с сугубо научной точки зрения не выдерживает критики и «рассыпается» при попытке дать этим понятиям сколько-нибудь строгое определение. Ведь «приезжие» более ран-

---

[1] Цит. по.: Гупта А. Фергюсон Дж. Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6, с. 5.

[2] Тишков В.А. Полиэтничное общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием // Этнопанорама. № 3-4, сс. 101-115.

[3] В качестве синонимов используются наименования: народы Севера, северные аборигены.

[4] Статья основана на полевых материалах автора, полученных в разные годы в Ханты-Мансийском автономном округе–Югре (ХМАО–Югра).

него времени в последующие периоды становятся постоянным населением; и даже в тех случаях, когда можно отделить «коренных» от «приезжих», между ними всегда обнаруживаются промежуточные, «смешанные» группы[5]. Вместе с тем этот термин сохраняет свою актуальность, поскольку имеет прямое отношение к особенностям современной политики признания в отношении коренных народов на международном уровне – Россия является членом многих структур и организаций ООН, включая Международную организацию труда, Постоянный Форум коренных народов ООН и др. У каждого из них есть собственный подход, в мире действует несколько конкурирующих моделей индигенности, то есть представлений о том, что значит быть коренным[6]. По одному из существующих определений коренные народы должны отвечать следующим признакам: самоидентификация в соответствующем качестве, как на индивидуальном уровне, так и на коллективном; историческая связь с сообществами, населявшими территории расселения до прихода колонизаторов или иного пришлого населения; тесная связь с землей расселения и ее природными ресурсами; самобытные социальная, экономическая и политическая системы; свои культурные практики, язык, система верований; отсутствие доминирующих позиций в обществе; направленность на сохранение и воспроизводство традиционной среды обитания и образа жизни.[7]

В российской правовой системе закрепилось понятие «коренные малочисленные народы», в составе которых выделяются «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ». Решение проблем народов Севера (ранее они именовались туземцами, туземным населением, народностями, племенами северных окраин, малыми народностями Севера и пр.) являлось самостоятельным направлением деятельности советского государства. Основной смысл заключался в принятии мер, обеспечивающих их форсированную интеграцию в советскую систему общественных отношений. Важным шагом в указанном направлении можно считать образование на территориях расселения народов Севера национальных (затем – автономных) округов, которые в контексте советской национальной политики были призваны способствовать выравниванию положения северных аборигенов с другими гражданами России, их консолидации и росту самосознания, гарантировать им известную самостоятельность и защиту[8]. Одним из инструментов государственной политики

[5] См.: Население Сибири и Севера: Материалы к учебнику. – СПб.: Нстор-история, 2016, сс. 4-7.
[6] Подробнее см.: Соколовский С.В. Политика признания коренных народов в международном праве и в законодательстве Российской Федерации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: ИЭА РАН, 2016. Вып. 250.
[7] Who are indigenous peoples? Indigenous peoples factsheet (http://www.un.org/esa/socdev/unpfii/documents/5session_factsheet1.pdf).
[8] Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. – М.: Из-во Норма, 2010, сс. 52-53.

являлся статистический учет аборигенного населения, но как неоднократно замечали исследователи, государственная статистика была неспособна отразить всю сложность этнической ситуации на Севере России.[9]

Еще в 1926 г. «Временным положением об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» был утвержден список из 26 малых народов Севера, который закрепился в общественной практике на долгие годы. Эта в общем-то догматическая категория населения была выделена как единый специфический объект познания и социального управления на основании следующих критериев: проживание в северных широтах, малая численность, наличие традиционных занятий как основы жизнедеятельности (оленеводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел), традиционный быт (кочевание, полуоседлый образ жизни), а также низкий уровень социально-экономического развития.[10] И в наши дни объединение «под одним зонтиком» ряда проживающих на Севере России этнических групп в целях формирования особой государственной политики обосновывается главным образом сложными природно-климатическими условиями, уязвимостью традиционного образа жизни, а также малочисленностью.[11]

Принятый в 1999 г. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» закрепил их официальное определение. Таковыми в Российской Федерации считаются народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в России менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями[12]. В соответствии с утвержденным Правительством РФ в 2006 г. перечнем, к КМНС отнесены 40 народов, проживающих в 28 субъектах Российской Федерации[13]. Их общая численность на территориях преимущественного проживания по переписи 2010 г. составила 249,9 тыс. чел. Согласно современному федеральному законодательству, северные аборигены и группы, проживающие в услови-

[9] Соколова З.П., Степанов В.В. Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписей населения // Этнографическое обозрение. 2007. № 5; Соколова З.П., Степанов В.В. Категория «коренные малочисленные народы Севера» и проблема статистического учета // Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции / под ред. Е.И. Филипповой. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008.

[10] Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера / Отв. ред. И.С. Гурвич. – М.: Наука, 1971, с. 10.

[11] Об утверждении Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 февраля 2009 г. № 132-р (http://docs.cntd.ru).

[12] Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 № 82-ФЗ (http://www.consultant.ru).

[13] Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2006 г. №536-р (в ред. Постановления Правительства РФ от 18 мая 2010 № 352, 26 декабря 2011 г.) (http://www.raipon.info).

ях, приравненных к условиям Севера, имеют особый правовой статус. Специфика состоит в том, что наряду с общими правами и свободами, они наделены дополнительными коллективными и индивидуальными правами[14].

Между этничностью и правом. Коллективное и индивидуальное измерения этнической идентификации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ порождают острые дебаты по поводу ее (идентификации) критериев. Дело в том, что признаваемая законодательно категория «коренные малочисленные народы Севера» учитывает помимо прочего персональную этническую идентификацию граждан, однако четких критериев этнической идентификации, как известно, не существует. Поэтому, когда речь идет о практической реализации касающихся КМНС законов, в качестве наиболее важной обычно называется проблема отсутствия на федеральном уровне официально утвержденного порядка отнесения граждан к коренным малочисленным народам, что, в свою очередь, является поводом для разного рода бюрократических препонов в сфере предоставления социально-экономических прав представителям народов Севера.

Исследователи отмечают: «Более или менее ясно, какие народы можно считать коренными в рассматриваемом случае. Но эта ясность исчезает, как только мы доходим до отдельного человека. Известно, что, например, в Финляндии до 1996 г. главным признаком этничности саамов являлась языковая принадлежность, в Норвегии основным считается пользование саамским языком в быту, в Швеции важнейшее значение имеет наследственное право на занятие оленеводством. В России таковым является этническое самосознание, и это очень неопределенный показатель»[15]. Дополнительная сложность заключается еще в том, что в современной действительности происходит усложнение социальной структуры северных сообществ, плюрализация видов деятельности, виртуализация отношений между людьми[16]. Как пишет С.В. Соколовский: «Процессы урбанизации, приведшие к возникновению внутри категории «коренных народов» групп с разными интересами и образом жизни, делает сомнительными встречающиеся в политическом и правовом дискурсах фигуры речи и обобщения типа «интересы коренного населения», поскольку несовпадение интересов

[14] Подробнее см.: Штыров В.А. Государственная политика в области обеспечения устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. – М.: Изд. Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2012, сс. 16-18.

[15] Логинов В.Г., Попков Ю.В. Тюгашев Е.А. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: политико-правовой статус и социально-экономическое положение. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009.

[16] Козлова М.А., Козлов А.И., Шилов А.Б. Эгалитаризм и стратификация в общинах коренных северян // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. № 1 (14), с. 216.

городских и сельских жителей, людей, ведущих традиционное хозяйство, и национальной интеллигенции, живущих оседло и кочующих, жителей поселков и тайги или тундры, наконец, молодежи и пожилых людей вполне очевидно»[17]. Все эти факторы затрудняют идентификацию индивидов и групп в качестве коренных в дебатах о признании их особого правого статуса.

Столкнувшись с тем, что их этничность является юридически значимой, люди вынуждены проходить различные процедуры объективации принадлежности к КМНС. Многие из них оказываются в ситуации, когда реализация их прав требует прохождения процедуры изменения записи в графе «национальность» родителей гражданина в свидетельстве о рождении, на что требуется соответствующее решение суда. Другая сторона проблемы состоит в том, что социальные преференции делают экономически привлекательными отнесение себя к числу «коренных» и со стороны лиц, имеющих к этим народам весьма далекое отношение (т.н. лжеаборигены). По этому поводу уже давно бьют тревогу представители общественных организаций, которые призывают разработать правовые механизмы для документального подтверждения статуса КМНС[18]. Региональные органы государственной власти пытаются регулировать возникшие «идентификационные коллизии» разными способами — показания свидетелей, справки органов местного самоуправления, справки общин и даже справки, выдаваемые общественными организациями коренных малочисленных народов[19]. В некоторых регионах, как, например, в Ханты-Мансийском автономном округе–Югре пошли по пути составления реестров коренных малочисленных народов[20].

Реестр – это не учет людей по этническому признаку? «Реестр для нас это не учет людей по этническому признаку как таковому, это не самоцель. Это прежде всего учет людей – получателей господдержки, – подчеркивают представители администрации ХМАО–Югры. – Люди фиксируются там исходя из той или иной совокупности признаков, по которым они самообеспечивают себя. Это источники доходов, преимущественное место проживания, наличие, …не знаю там… оленей, каких-то хозяйственных построек, вот все это в совокупности, при фиксации и подтверждении позволяет нам быть уверенными в том, что это действительно люди,

[17] Соколовский С.В. Коренные народы: между интеграцией и сохранением культур // Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции / под ред. Е.И. Филипповой. – М., 2008, с. 66.

[18] *В округе заработает единая государственная информационная система учета коренных малочисленных народов // Служба информации РИЦ «Югра» (http://www.informugra.ru).*

[19] Подробнее см.: Тодышев М.А. О проблемах документального подтверждения принадлежности граждан к коренным малочисленным народам // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера.., сс. 238-253.

[20] В этом округе существуют списки или реестры: субъектов традиционного природопользования, видов традиционной хозяйственной деятельности, а также объектов культурного наследия этих народов.

которые нуждаются в повышенной поддержке, и социальной и экономической. Для этого сведения о них фиксируются, учитываются и эти люди наделяются дополнительными правами <…> У нас есть четкий поименный учет лиц, которые проживают в границах территорий традиционного природопользования – это 24 % территории округа. Там у нас 4,5 тысячи человек в реестре состоит <…> В принципе там больше людей живет, просто 4,5 тысячи человек являются объектами реестрового учета – они смогли подтвердить свой статус лиц, ведущих традиционный образ жизни, осуществляющих традиционное хозяйство и самообеспечивающих себя. Есть также категория людей, которые пользуются территорией традиционного природопользования, но бо́льшую часть года живут в близлежащих населенных пунктах, получают зарплату, где-то там работают, в том числе на предприятиях лесопромышленного, рыбопромышленного комплекса и так далее. Они тоже продолжают де факто быть пользователями ТТП, но они не внесены в реестр, поскольку *внесение в реестр автоматически означает наделение дополнительной правосубъктностью, в том числе в отношениях с властью и с недропользователями* (курсив мой – *Е.П.*). Для недропользователей это означает необходимость согласования с ними проводить, выплачивать им компенсационные платежи. Для власти – необходимость оказывать им повышенные меры государственной поддержки: образование, ряд социальных выплат, прочее»[21].

«Реестровая» работа ведется и на федеральном уровне. Федеральным агентством по делам национальностей совместно с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока разработаны поправки в Федеральный закон о «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», касающиеся создания реестра коренных малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни и осуществляющих виды традиционной хозяйственной деятельности. Законопроект был внесен в Государственную Думу еще в начале 2016 г. и в настоящее время, по словам Г.П. Ледкова, «выходит на финишную прямую»[22].

Эксперты в основном поддерживают идею создания «именных реестров»[23], однако некоторые исследователи усматривают в этом противоречие. Например, М.Г. Кучинский в своей статье с говорящим за себя названием: «Коренные малочисленные народы Севера: реестр несуразностей» считает, что создавать реестр, который бы предоставлял статус, значит — поменять местами причину и следствие. Ведь считая, что реестр является

[21] ПМА, г. Ханты-Мансийск, 2018 г.
[22] Ледков Г. Законопроект о реестре КМНС выходит на финишную прямую (https://sever-press.ru/2019/05/22/grigorij-ledkov-zakonoproekt-o-reestre-kmns-vyhodit-na-finishnuju-prjamuju).
[23] Новикова Н.И. Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. – М.: Наука, 2014, с. 71.

рабочим инструментом для предоставления услуг людям, уже обладающим определенным статусом. Присвоение же статуса должно базироваться на нормированных основаниях[24]. Еще одна точка зрения на сей счет: «Нет проблемы в подтверждении этнической принадлежности, ее никогда не было. Даже сегодня при записи актов гражданского состояния можно спокойно сказать, где ребенок родился и записать его ханты, манси и пр., никто тебе не имеет права отказать. Поэтому, эта проблема не корректно обозначается. Есть *проблема подтверждения правосубъектности коренных по признаку их образа жизни* (курсив мой – *Е.П.*), которую в затянувшихся дискуссиях условно назвали документальным подтверждением этнической принадлежности, но на самом деле имеется в виду конечно же совсем другое. Имеется в виду, каким образом, по каким критериям фиксировать все те признаки, совокупность которых нам позволяет распространять на человека так называемые гарантии прав коренных»[25].

В настоящее время особые права и преференции для представителей коренных малочисленных народов обусловлены не столько их этнической принадлежностью как таковой, сколько их особым (т.н. традиционным) образом жизни. «Этническая принадлежность — один из критериев получения государственных преференций, но первое, на что нужно обращать внимание — место компактного проживания, потом вид деятельности, и уж в последнюю очередь — этничность. Если это старожильческое поселение или представители других национальностей, но проживающие на одной территории с коренными малочисленными народами, а охота, рыболовство и оленеводство — их единственный источник пропитания, конечно, они должны получать все государственные гарантии, приравненные к малочисленным народам, и в ряде законов такая оговорка существует, – считает депутат Госдумы РФ, президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Г.П. Ледков[26]. Это особо подчеркивается и в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2011 г.: «согласно ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”, его положения могут распространяться на лиц, не относящихся к коренным малочисленным народам, но проживающих в местах их традиционной хозяйственной деятельности. Верно, очевидно, и обратное: предоставляемые коренным малочисленным народам льготы и преференции не могут распространяться на лиц такой же этнической принадлежности, не проживающих в местах их традиционной хозяй-

[24] Кучинский М. Коренные малочисленные народы Севера: реестр несуразностей (https//regnum.ru).
[25] ПМА, г. Ханты-Мансийск, 2018 г. Интервью с С.Н. Тимошковым.
[26] Ледков Г. Коренной vs асфальтовый (http://nazaccent.ru).

ственной деятельности»[27]. Иными словами, специальные права и гарантии сегодня доступны только представителям этнических групп, которые внесены в официальный Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востка РФ[28], населяют определенные места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов РФ, занимаются традиционной хозяйственной деятельностью и традиционными промыслами. Правоприменительная практика потребовала конкретизации всех этих понятий, следствием чего стало принятие официальных перечней мест традиционного проживания и видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов[29]. Вне этих списков и территорий северные аборигены обладают обычным объемом прав, как и другие граждане России.

Из беседы с сотрудником администрации Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: «Меры господдержки, они всегда направлены на оказание помощи по признаку нуждаемости объективного человека... Если человек удаленно проживает, если он обеспечивает себя тем, что сам там собирает ягоду, ловит рыбу или пасет оленей, значит, он является объектом мер господдежки. А все остальные потребности – этнокультурные, там, языки – все стандартно: языковая политика, сохранение, развитие изучение, пропаганда, популяризация языков… Ну, пожалуйста, газеты у нас есть, книги издаются, на различных диалектах, для детей, для взрослых, публицистические, академические. Знание языка фиксируется, есть целые институты, которые пишут монографии и составляют алфавиты, совершенствуют знания, методики преподавания. Языки преподаются. Радио, телевидение есть на языках коренных. То есть здесь неважно, это же – коллективные права, они удовлетворяются по всем направлениям, которые предусмотрены в отраслевом законодательстве... У нас в отношении всех категорий есть свой пакет прав: и для техногенного населения, и тех, кто в сельской местности проживает, и тех, кто на территориях полностью себя самообеспечивает… Вот мы знаем, что оленеводы – это люди наиболее уязвимые, потому что они полностью зависят от доступа к земельным ресурсам, от экологии, от того, что имеют. Олень для них – это и транспорт, и еда, и одежда, и культовое животное... . Люди, которые полностью

[27] Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2011 год // РГ – Федеральный выпуск № 5721 от 6 марта 2012 г. (refdb.ru).

[28] «О Перечне коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ». Утв. распоряжением Правительства РФ от 17 апреля 2006 г. № 536-р

[29] «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ и перечня видов их традиционной хозяйственной деятельности». Утв. распоряжением Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р.

себя самообеспечивают, должны иметь максимальный перечень всех тех мер господдержки, гарантий прав»[30].

Не вызывает сомнений, что именно социальные слои населения, занимающиеся традиционным хозяйством, являются теми группами, которым следует уделять внимание в первую очередь. Традиционный образ жизни, основанный по преимуществу на натуральном хозяйстве и традиционных промыслах, является в общем-то фундаментальной характеристикой «коренных»[31]. Однако некоторые эксперты считают, что с не меньшим основанием к «группе риска» можно отнести, например, жителей поселков из числа народов Севера, которые в силу различных обстоятельств отошли от традиционного образа жизни, но не сумели полностью адаптироваться к изменившимся условиям. Появлению и росту численности этой группы в сельской местности способствовала проводившаяся в советское время практика насильственного сселения аборигенов в крупные поселки. Сейчас же эта группа «является благодатной средой для люмпенизации коренного населения, подвержена тунеядству и пьянству»[32]. Но здесь, вероятно, включается уже совсем другой критерий[33].

Представленный разброс мнений является отражением сложности и неоднозначности понимания статусной категории «коренные малочисленные народы Севера». Критерии «идентификации» и процедуры решений относительно поддержки коренных малочисленных народов Севера остаются дискуссионными, в том числе и среде исследователей. В общем-то неплохой «рецепт» уже найден и реализуется в некоторых регионах, например, в ХМАО–Югре – предоставление равных льгот и гарантий тем жителям территорий традиционного расселения и традиционной хозяйственной деятельности КМНС, которые занимаются определенными видами труда и ведут определенный образ жизни, вне зависимости от этнической и какой-либо иной принадлежности. Вместе с тем, этнический принцип оказания мер государственной поддержки остается на сегодняшний день весьма чувствительным вопросом. Веденная и утвердившаяся в советское время номенклатура народов Севера не могла не оказать влияние на их самосознание. «Теперь, после нескольких десятилетий, когда эта номенклатура широко использовалась в официальных документах (таких, как свидетельство о рождении, паспорт, похозяйственные книги, различные справки, списки и отчеты), а также в литературе и средствах массовой информа-

[30] ПМА, г. Ханты-Мансийск, 2018 г.
[31] Соколовский С.В. Политика признания коренных народов в международном праве и в законодательстве Российской Федерации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2016. Вып. 250.
[32] Логинов В.Г., Попков Ю.В. Тюгашев Е.А. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: политико-правовой статус и социально-экономическое положение. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009, сс. 39-40.
[33] Об аффекте вины и проблеме исторической справедливости см., например: Соколовский С.В. Указ. раб.

ции, многие народы Севера отчасти приняли ее, – справедливо считает Н.Б. Вахтин. – Более того, в политических движениях народов Севера с начала 1990-х годов широко используется термин «коренные малочисленные народы Севера» как единое «этническое» самоназвание, позволяющее лидерам этих народов находить общую платформу при выдвижении политических требований»[34]. В современных условиях значение статуса коренных малочисленных народов возрастает в связи с существующей конкуренцией за доступ к природным ресурсам в условиях интенсивного промышленного освоения. Необходимо выработать национальные стандарты процедуры его получения отдельными гражданами, а пока этот вопрос юридически не урегулирован, должны быть найдены другие пути, возможно, составление списков органами местного самоуправления совместно с организациями коренных народов.[35]

[34] Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001, с. 72.
[35] Новикова Н.И. Указ. раб., с. 72.

Переселенцы в Карелии в начале XXI века[1]

Яловицына С.Э.

Миграционных потоки вызывают тревогу властей Республики Карелия (РК). В особой степени усилили внимание к миграционной теме события 2006 г. в Кондопоге,[2] ставшие поводом для внедрения госпрограмм и мероприятий, действующих по сей день. Реакцией на кондопожские события стали: создание в 2008 г. Общественной приемной Общественно-консультативного совета при УФМС России по Республике Карелия для организации приема и консультирования граждан по вопросам миграции непосредственно представителями общественных объединений;[3] образование в 2007 г. Консультативного совета по вопросам взаимодействия с национальными общественными объединениями и национально-культурными автономиями при Министерстве РК по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями; формирование нового Общественного совета при Главе Республики Карелия по профилактике экстремистской деятельности; учреждение серии центров социально-культурной адаптации мигрантов.[4]

Конфликт в Кондопоге стал зримым проявлением комплекса проблем, возникающих в последнее время во взаимоотношениях разных этнокультурных, конфессиональных и социальных групп. Их проявлением являлись обидные клички, негативные стереотипы. В аналитическом обзоре, составленном по результатам опроса молодежи Карелии 2006 г., у более половины опрошенных выявлены антикавказские настроения.[5] Сравнение русского и финно-угорского молодежного сообщества в указанный период показало высокий уровень нетерпимости финно-угорской молодежи [6].

---

[1] Статья выполнена по программе фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России», подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление".

[2] Григорьев М. С. Кондопога: что это было. М.: Европа, 2007. 216 с.; Юрчишин Л. Анализ коллективного насилия в Кондопоге. // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели… М.: Новое литературное обозрение, 2013, сс. 346—356.

[3] Об итогах работы Общественно-консультативного совета при Управлении Федеральной миграционной службы по Республике Карелия в 2008 году (http://www.gov.karelia.ru/Power/Office/Migration/otchet08.html).

[4] Из доклада А.А. Манина (Министр РК по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями) «Роль и место социокультурной адаптации мигрантов в гармонизации межнациональных отношений» // Материалы Международного «круглого стола» «Миграционные процессы в Республике Карелия: ситуация и тенденции» /Составитель: Крутикова И. А. Петрозаводск: ООО «Издательство «Острова». 2008, с. 6-9.

[5] Этническая идентичность и толерантность молодежи Республики Карелия: Аналитический обзор / Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «КГПУ», Центр социальных исследований КГПУ. Петрозаводск, 2006, с. 14.

[6] Этническая идентичность... Указ. соч., с. 7, 12, 15.

Наряду с конфликтогенной составляющей миграций, проблемами сохранения региональной идентичности, в повестке дня был и остается вопрос об экономической потребности РК в мигрантах.

Население РК постепенно сокращается, причиной этого является естественная убыль населения, связанная с ростом смертности, которая превышает уровень рождаемости почти в 2 раза. В Республике Карелия ежегодно численность населения уменьшается на 1%. В течение 1990-х годов простое воспроизводство населения (не менее 16,0 рождений на 1000 населения) не обеспечивалось ни одной административно-территориальной единицей республики.[7] К 2001 г., по сравнению с 1989 г., общая численность населения сократилась почти на 34 тыс. чел. В дальнейшем тенденция лишь усугублялась.

С 2000 г. миграционный прирост стал вновь нарастать. Для некоторых лет характерен почти паритетный обмен выбывшими и прибывшими. Например, в 2005 году в республику прибыло 15,1 тысяч человек, а убыло 15,0 тысяч человек (положительное сальдо миграции 100 человек).[8]

Доля привлекаемых иностранных работников в общей совокупности занятого населения республики в 2008 г. составила 1,2%. Иностранные граждане работали в основном на лесозаготовках (38%) и в строительной отрасли (22%).[9]

В 2007 г. Федеральный закон № 109-ФЗ от 18 июля 2006 года упростил правила и порядок миграционного учета иностранных граждан в Российской Федерации. Анализ отчетов УФМС по РК показывает, что изменение нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы гражданства РФ, послужило причиной увеличения числа лиц, получивших гражданство Российской Федерации. Также произошли изменения в структуре привлечения иностранной рабочей силы в РК. По сравнению с 2006 годом увеличилось число иностранных работников из Таджикистана (с 2,4% до 10,5%), Азербайджана (с 1,2% до 7,8%) и Узбекистана (с 4% до 13%). Претерпела некоторые изменения отраслевая структура распределения иностранной рабочей силы. Так, в строительной отрасли было занято на 8% больше иностранных работников, на транспорте — больше на 3,8%, а в сфере оптовой и розничной торговли — меньше на 3,3% [10] .

[7] Блог В.А. Тишкова. Республика Карелия (http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_/respublika4.html).

[8] Из ответа О.Н. Колесникова (начальник Управления федеральной миграционной службы России по РК. На вопрос на сайте «Карелия официальная»: Когда в России будет действовать "умная" миграционная политика? 2007 (http://gov.karelia.ru/Leader/Admin/Question/quest2.html).

[9] Колесников О.Н. «О миграционной ситуации в Республике Карелия» // Материалы Международного «круглого стола» «Миграционные процессы в Республике Карелия: ситуация и тенденции» /Составитель: Крутикова И. А. Петрозаводск: ООО «Издательство «Острова». 2008, с. 4.

[10] Колесников О.Н. «О миграционной ситуации в Республике Карелия». Указ. соч., с. 4.

Республиканские власти, сталкиваясь с различными последствиями миграционных процессов, нацелены на рассмотрение миграции, как способа демографического регулирования населения Карелии; способа регулирования экономических процессов в республике; способа адаптации к глобализационным процессам в мире.

В 2007 и в 2018 гг. проводились интервью среди переселенцев и местных жителей в гг. Петрозаводск, Олонец, Костомукша. Всего около 40. Среди переселенцев представители аварцев, азербайджанцев, армян, даргинцев, ингушей, таджиков, узбеков, чеченцев. Важным критерием для выбора респондентов был срок проживания в Карелии – не менее 5 лет. Автору хотелось получить мнение людей, которые уже имеют некоторый опыт жизни в Карелии и взаимоотношений с местными жителями. Местное население представлено в исследовании карелами и русскими. Ориентация на городские поселения связана с расселением приезжих преимущественно в городах. Выбор городов не случаен. Петрозаводск избран как поликультурная столица республики, Олонец – город, где карельская составляющая населения представлена больше, чем где-либо, Костомукша – город, построенный переселенцами 80-х гг., где уровень толерантности к приезжим мог быть выше, чем где-либо. Сравнение городов в статье производиться не будет, это отдельная тема. Беседа велась на русском языке.

Важным для последующего изложения является термин «сферы непонимания». Речь идет о сферах повседневной жизни, в которых сталкиваются(лись) интересы (мнения) людей в условиях их самопрезентации как местных жителей или приезжего населения иной культуры. К ним могут относиться: поведение в общественных местах (в магазине, на рынке, в общественном транспорте, в клубе или на дискотеке…); манера одеваться, языковое поведение. С другой стороны, и более долговременные, не сиюминутные сферы, такие как брачное поведение, также могут рассматриваться в этом ключе.

В текстах интервью случаи, когда переселенцы сталкивались с непониманием со стороны местных жителей, либо наоборот, встречаются довольно часто.

В рассказах информантов в отношении сфер непонимания встречалось много рефреном звучащих тем, типовых ситуаций. С одной стороны, благодаря этому можно говорить о достоверности описываемых ситуаций, если они повторяются от интервью к интервью. С другой стороны, возникает ощущение существования неких оценочных стандартов, которые подчас неосознанно используются говорящими, хотя аргументации из собственной жизни не приводится. Например, говоря о национальной политике в республике использовались формулы, явно заимствованные из СМИ и иных общественных дискурсов: Карелия – территория согласия; Карелия –

наш дом (программы министерства по делам национальной и региональной политики), моя Карелия (название учебного школьного курса). Звучали и этнические стереотипы: горячие кавказцы, замороженные карелы и т.п. Однако, в целом анализ глубинных интервью позволял выявлять не только «сконструированные установки», но реальные мотивы и мысли информантов. Главным здесь было наличие аргументации в пользу обозначенного мнения или установки. Если такая аргументация имелась, то можно было свидетельствовать о «присвоении» информантом этой конструкции, если нет, то она трактовалась как «клише». Далее в тексте приводятся наиболее типичные суждения.

Со стороны принимающего населения такие нарративы чаще всего связаны с оспариванием права приезжих «быть хозяевами» на «нашей» земле.

«Были 90-е года, в Олонецкий район <…> в связи с чеченскими кампаниями, (пауза) очень активно стали пребывать так называемые беженцы. <…> Ну, и вели себя соответственно очень агрессивно, создавая негативный образ на всем своем народе. И соответственно, когда люди какие-то приезжают и живут с тобой рядом на твоей земле, а чувствуют себя хозяевами, а к тебе относятся как к какому-то ну, вообще недочеловеку. Было обидно. Немножко, конечно, задевало какое-то самосознание, что ты, вроде же, карел, на своей земле» (карел, 1981 года рождения (далее – г.р.), Петрозаводск (место жительства))[11]

Второй распространенной тематикой является нарушение сложившихся в Карелии традиций общественного поведения. Например, не принято говорить громко. Часто такое поведение воспринимается как ругань, особенно, если говорят на непонятном языке. Или такой комментарий от женщины-карелки:

«За тобой машины не ездят, тебе не свистят, не сигналят и за тобой не бегут. <…> на “ты”, не обращаются». (карелка, 1994 г.р., Олонец)

Информанты из местного населения (эксперты из состава национальных общественных организаций и госучреждений), часто комментировали выбор переселенцами брачного партнера «из своих». Здесь уместно одно пояснение: уровень национально-смешанной брачности в Карелии достаточно высок. Применительно к советскому времени самым распространенным сочетанием были пары русского(ой) и карела(ки). Пары с участием жителей Кавказа и Средней Азии в Карелии были довольно редки по причине малочисленности представителей этих регионов в Карелии до сере-

[11] Здесь и далее: Аудио-записи интервью и их транскрипты хранятся в Фонограммархиве Института языка, литературы и истории – обособленного подразделения Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр РАН». оп. 3876, ед. хр. 1-28.

дины 1990-х гг. В связи с малочисленностью представителей определенных национальностей в Карелии, возникала(ет) проблем поиска брачного партнера, которая приобретает особенную остроту при ориентации «на своего».

Рассмотрим один воображаемый разговор армянки и карелки по существу вопроса. Тексты взяты из разных интервью:

Армянка*: «Да, [моя – С.Я.] принципиальная [позиция – С.Я.], чтоб сын женился только на армянке, и дочка вышла замуж только за армянина. <…> Я ничего против не имею русской девушки. Это ни в коем случае не значит, что русские девушки плохие. Поэтому я не хочу, чтобы сын... <…> Вот знаете как, по менталитету. Вот русской девушке будет очень трудно жить в армянской семье. Это другая культура. <…> Просто мы – такие, они – другие. Я их воспринимаю такими, но только не в моей семье.» (армянка, 1982 г.р., Костомукша)*

Карелка*: «Их, конечно, дело, как детей женить. Но молодежь сейчас сама все решает и не надо в этот вопрос вмешиваться, я считаю. Им вместе жить, не нам. (карелка, 1978 г.р., Олонец)*

Далее представим нарративы переселенцев. С их стороны непонимание связано, прежде всего, с отношением к ним.

Интервьюер - Скажите, а по линии бизнеса, были ли у вас когда-нибудь проблемы, так скажем, с населением, которое здесь на территории?

Информант - С населением у меня проблем не было, по линии бизнеса всегда были проблемы с властью. <…> Они всячески пытались мешать. <…> Особенно в 90-е годы, когда война шла. Установка была. Это не секрет ни для кого. Не давать ни одному чеченцу работать, жить и сдохнуть. Была такая установка. Они старались. Я думаю, что они вреда этим не нанесли, почему? Потому что они научили правильно вести бизнес. Они научили, чтобы было все правильно. Все с буквы закона. Когда в последние разы приходили, они сами удивлялись этому порядку, который у меня есть. (чеченец, 1972 г.р., Олонец)

В приведенном фрагменте замечаем, что анализ процессов оценивался информантом как положительный опыт, позволивший ему интегрироваться и принять региональные особенности ведения бизнеса.

Вместе с тем часть собеседников описывала ситуацию межэтнической напряженности не в экономическом пространстве, а на уровне повседневного взаимодействия с местным населением в целом. Одной из часто повторяющихся тем интервью стало отношение местных жителей к переселенцам с Кавказа, которое они охарактеризовали как двуличие:

«Я вот только с апреля стал здесь, т. е. открыл эту лавочку, а до этого ездил же. Люди, кто меня не знает, считают меня русским, и назы-

вают вот [других]: “чурки, черные”. Взрослые люди! Понимаете? И они со мной <…> общаются, как будто я русский. И я киваю головой. И думаю, что же Вам эти чурки сделали плохого? (смеется) Вот понаехали они, но что вот в этом такого. Но есть люди нормальные. А потом люди, которые узнают, откуда я, то [они] совершенно меняются. Получается лицемерие глубоко-глубоко спрятано». (даргинец, 1979 г.р., Костомукша)

Данный пример примечателен, во-первых, местом – интервью было проведено в Костомукше – городе, в силу своей интернациональности, благоприятном для приезжих, а во-вторых методом получения информации – в силу своей внешности информант смог стать «инсайдером» в отношениях с местными жителям.

В текстах интервью присутствуют рассказы, свидетельствующие о других фактах проявления национализма в Карелии на бытовом уровне, например, при попытке аренды квартиры:

«[Арендодатель спрашивает] “А Вы какой национальности?” [Отвечаю] “А какое это имеет значение?”. [Говорят] “Мы кавказцам не сдаем. Узбекам, всем остальным мы не сдаем. Только славянам”». (армянка, 1979 г.р., Костомукша)

Иллюстративными для понимания уровня ксенофобии в обществе являются ситуативные обстоятельства и воздействия. Так, в одном из интервью молодая женщина рассказывала о реакции на ее появление в общественном пространстве города после взрыва в метро Санкт-Петербурга в 2017 г.:

«Получается, я села около водителя [на следующий день после информации о взрыве в метро], а рядом со мной было еще около метра. И люди просто так вот толпились, как будто я сейчас взорвусь или что-то такое сделаю. И это очень меня смутило». (узбечка, 1997 г.р., Петрозаводск)

В целом, на основе приведенных высказываний о межэтнических отношениях в республике, в качестве сфер непонимания между переселенцами и принимающим обществом можно выделить экономический фактор, поведенческий компонент, а также открытое информационное пространство, которое формирует образ мигранта и влияет на его восприятие у местных жителей.

«Карелия тоже моя. Я тут живу, я тут такой же гражданин, как Вы. У меня тут в России прописка. Я работаю, я также плачу налоги, т.е. я уже полноправный гражданин России. Это моя Карелия тоже. Я ее тоже поднимаю. Где-то я помогаю.» (армянка, 1982 г.р., Костомукша)

Преодоление сфер непонимания скорее происходит благодаря времени и опыту, проведенному и полученному на новом месте жительства.

Такая, относительно благоприятная, ситуация возможна в Карелии еще и по причине сравнительно низкого миграционного давления, как по численности приезжих, так и по качеству переселенческого потока. Приведем некоторые статистические данные. Массового приезда мигрантов в Карелию в первые годы XXI века не было. Только в 2007 г. фиксируется максимальный прирост более 1000 человек, иные же годы он достигал нескольких сотен человек.

Большинство трудовых мигрантов приезжало в Карелию из стран СНГ, их доля в общей численности, как правило, превышала 90% трудовых мигрантов (в целом по РФ 75%). В составе мигрантов наиболее многочисленные группы приехали из стран, представленных в таблице 1. Как видим, первые по численности строчки в 2002 г. занимали Украина, Азербайджан, Армения. Украинские переселенцы довольно быстро сливались на общем антропологическом фоне республики. Хорошее знание языка также этому способствовало. Для армян и азербайджанцев ситуация складывалась, как правило иначе, т.к. антропологические, языковые факторы, специфика занятости часто маркировали «пришлость» этих людей в республике.

Таблица 1. Распределение иностранных граждан в Карелии по странам выезда, 2002 г.[12]

иностранные граждане стран:	доля в составе прибывших,%
Азербайджана	21,7
Армении	15,9
Белоруссии	12,6
Грузии	10,4
Казахстана	3,4
Киргизии	1,0
Молдавии	2,3
Таджикистана	3,3
Туркмении	0,6
Узбекистана	2,4
Украины	26,5

Национальный состав республики на рубеже веков менялся. За период 2002-2010 гг. уменьшалась численность финнов (на 40%), поляков (на 39%), украинцев (на 34%), вепсов (на 30%), татар (на 28%). Сокращение численности этих групп наблюдается с 1989 г.

Несколько последних десятилетий постоянно увеличивалась численность армян и азербайджанцев: с 1989 г. до 2002 г. рост азербайджанцев – в 2,8 раза, армян – в 3 раза. В межпереписной период 2002–2010 гг. чис-

[12] Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 1130 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т.4. Кн. 2.).

ленность представителей этих национальностей увеличилась лишь соответственно на 2,2% и 0,4%.

Увеличилась численность постоянно проживающих в республике лиц, отнесших себя к узбекам (с 273 до 554 человек, или в 2 раза), таджикам (с 201 до 365 человек, или в 1,8 раза), киргизам (с 40 человек до 63 человек, или в 1,6 раза). Однако их совокупная доля среди населения составляет менее 0,2% населения.

Как и в 2002 г., число лиц шести наиболее многочисленных национальностей составляет чуть более 97% всего населения республики.

Доля трудоспособного населения у новых мигрантов в РК ожидаемо высока и превышает общереспубликанские показатели. (как правило, свыше 60%)

Следует отметить, что для развития экономики имеют значение не только объективные демографические показатели, как например трудоспособный возраст, но и иные социально-экономические факторы, такие как структурные изменения экономики, усиление конкуренции на рынке труда. Под их действием численность экономически активного населения республики снижается. За период с 2010 г. по 2014 г. численность экономически активных мужчин уменьшилась на 11,5 тыс. чел. (на 6,6%), женщин – на 10,4 тыс. чел. (на 6,0%). Следовательно, анализируя вклад миграции в баланс трудоспособного и остальных групп населения, важно учитывать потенциал новых переселенцев не только с точки зрения воспроизводства населения, но и экономики.

Профессиональная структура имеющих разрешение на работу иностранцев в Карелии вряд ли соответствует этим требованиям времени. Хотя доля неквалифицированных рабочих среди них существенно ниже, чем в России – 9,5%, уровень квалификации остальных не вполне соответствует потребностям карельской экономики. Присутствие среди мигрантов рабочих горных, горно-капитальных, строительно-монтажных и ремонтно-строительных работ (458 чел., 25,8% всей численности), дополняется значимым удельным весом работников средней или низкой квалификации (например, водителей – 448 чел. - более 25% общего числа). Представители последней категории рабочих конкурируют с местными безработными за рабочие места.

Изменения миграционной ситуации в Карелии за последние 20-25 лет; динамика состава населения; потребности экономики Карелии, заинтересованной скорее в «штучном» квалифицированном трудовом ресурсе; динамика региональной идентичности, развивающейся от бурной ревитализации коренных народов Карелии начала 1990-х гг., прошедшей «кондопожский кризис», к анализу социально-правовой совместимости и возможности сотрудничества мигрантов и принимающего населения в на-

стоящее время – все это весьма сложный клубок региональных обстоятельств, требующих внимания не только ученых, но и политиков.

Несмотря на противоречивость этих тенденции следует сказать, что Республика Карелия, принимая во внимание ее климатические особенности, рынок труда не является центром активного миграционного притяжения, что позволяет решать проблемы приема мигрантов в «штатном» режиме. При этом, наряду с трудоустройством мигрантов, их социальным и бытовым обеспечением, не следует сбрасывать со счетов и информирование местных жителей о происходящих миграционных процессах и принимаемых управленческих решений, что позволит сохранять баланс общественного спокойствия.

Часть 3. МЕТОДЫ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПОЛЕВАЯ ЭТНОСТАТИСТИКА

Студенческая молодежь о культурных различиях и гражданской интеграции

Старченко Р.А., Степанов В.В.

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук совместно с региональной общественной организацией содействия сохранению культурного и исторического наследия города Москвы «Москва и Москвичи»[1] в конце 2017 – начале 2018 гг. методом массовых опросов изучил отношение столичной молодежи к социальным и культурным различиям.

Было опрошено более пятисот студентов в следующих вузах Москвы: Институт туризма и гостеприимства, Московский государственный строительный университет, Московский педагогический государственный университет, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, Российский государственный университет туризма и сервиса, Российский университет дружбы народов, Российский университет транспорта. Из общего количества опрошенных 60% составили студенты, обучающиеся по гуманитарным направлениям, а вторая часть представляет технические и естественно-научны специальности. Нужно сказать, что при некотором перевесе численности гуманитариев, в их составе значительную долю имеют будущие экономисты, кадровики и учащиеся других условно гуманитарных направлений. Так что по части учебной специализации и разнообразию профессий выборка опрошенных может оцениваться как сбалансированная.

При этом доля юношей в выборке оказалась 43%, девушек - 57%, что соответствует составу обучающихся в названных столичных учебных заведениях. Возраст обучающихся не квотировался, и по итогам опроса получилось, что 53% опрошенных имеют возраст 18-19 лет и 42% опрошенных имеют возраст 20-24 года, что опять же соответствует действительному положению вещей. Не было при формировании выборки также установочных квот по длительности проживания в Москве и по этнической принадлежности. Поскольку выборка формировалась на классических принципах случайного отбора, следует считать достоверным, что более поло-

[1] Выражаем особую благодарность за помощь в организации исследования президенту РОО «Москва и москвичи» Галли Германовне Монастыревой.

вины респондентов проживают в столице с рождения, а иногородние студенты составляют менее половины опрошенных. Также, видимо является достоверным, и согласуется с нашими исследованиями двух предыдущих лет, полученные итоги об этническом составе опрошенных.

Хотя по условию анкеты можно было пропустить данный вопрос, свою этническую принадлежность указало большинство респондентов – 92%, в том числе сложную национальность (двойную и более) указали 15%, что совпадает с общероссийскими тенденциями.[2] Большинство юношей и девушек отнесли себя к русским – 67%, этот показатель закономерно ниже, чем у населения столицы по той причине, что среди студентов часть составляют прибывшие из других регионов и государств. В составе прочих опрошенных численно заметны татары, армяне, чеченцы и ингуши, украинцы, белорусы. Среди нерусских национальностей немалая часть респондентов имеет родной русский язык, поскольку на вопрос о родном языке 80% студентов заявили, что именно русский язык является для них родным. Одновременно 8% опрошенных утверждали, что у них два или даже три родных языка. В 12% случаев названы в качестве родных кавказские языки, в 2% украинский или белорусский, в 3% - языки народов Поволжья. Назывались также среднеазиатские и многие другие языки.

При значительном языковом и этническом разнообразии, большинство студентов, как они о том сообщили, не испытывают какого-либо дискомфорта в различных сферах коммуникации. Лишь 2% высказались по поводу того, что испытывают некоторое стеснение при использовании своего родного языка в московской среде. Еще 7% респондентов не используют родной язык из-за того, что недостаточно хорошо им владеют, и 9% опрошенных сказали, что им нет нужды или у них нет возможности применять родной язык, поскольку окружающие их попросту не будут понимать. Абсолютное же большинство студентов, более 80%, заявили, что вообще не имеют проблем при общении на родном языке. Многие, конечно, имели в виду, что используют в широком общении именно русский язык, в том числе и молодые люди, прибывшие на учебу из регионов Северного Кавказа. Известно, что на столичных улицах порой происходит языковой смешение – звучит, к примеру, русско-армянская, русско-чеченская и иная речь.

В московском культурном многообразии особое значение приобретает представление о собственной и групповой принадлежности. Исследования и в этой сфере выявляют множественные сочетания, при которых этническая идентичность органично сосуществует с региональной, например, «я

[2] Степанов В.В. Этнокультурное многообразие России и возможности статистических измерений //Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Издание 2-е, исправленное и дополненное. – М.: ИЭА РАН, 2018, сс. 62-89.

– московский армянин», «украинский москвич», «столичный татарин», а все вместе сочетается с понятием россияне, граждане общей страны.[3]

Таблиа 1. Распределение ответов московских студентов на вопрос «Как вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни?» (допускается множественный ответ)

	Все ответы	в т.ч. единственный ответ	множественный ответ	единственный ответ, % в этой группе	множественный ответ, % в этой группе
1). Как гражданина страны	76,7	63,3	13,3	82,6	17,4
2). Как представителя отдельной национальности	17,0	5,3	11,7	31,4	68,6
3). Как жителя определенного региона	16,3	6,3	10,0	38,8	61,2
4). Другой ответ	5,0				
5). Затрудняюсь ответить	6,3				

Для формальных внешних контактов многие опрошенные предпочитают, чтобы их воспринимали именно как граждан, без разделения на категории по происхождению или иной принадлежности. При этом личный интерес к этническим корням отнюдь не утрачивается. Среди опрошенных студентов 77% хотели бы, чтобы окружающие воспринимали их именно как граждан страны. При этом часть из них желает, чтобы была также обозначена их этническая принадлежность – 17% или принадлежность к определенному региону – 16%. Как обычно в таких случаях, ведь мы имеем дело с импульсивной молодежью, часть опрошенных старалась гордо заявить, дескать не нужно их вообще мерить одной линейкой, что они ни то, ни другое, ни третье, а в первую очередь – самостоятельные люди. Кто-то из них уверял, что он «гражданин планеты Земля», что он «человек, независимо от гражданства и прочего». Называли себя также «мультикультурный гражданин». Иногда даже поучали интервьюеров: «на восприятие влияют поступки, а не принадлежность к группам». Впрочем, подобные ответы были характерны для меньшинства– для 5% опрошенных, тогда как все остальные запросто обсуждали вопросы собственной идентичности.

[3] Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А. Русская молодежь Москвы (социально-демографические и этно-культурные характеристики). Полевая этностатистика. – М.: ИЭА РАН, 2018. сс.14-15.

Неоднозначная культурная идентичность связана, особенно у молодежи, с желанием освоения разных языков и сфер приложения своей деятельности. Огромный мегаполис и современные возможности глобальной коммуникации этому способствуют. Опрос показал очевидный результат: вне зависимости от студенческой специализации, гуманитарной или технической направленности, московские студенты в основном ориентированы на изучение иностранных языков. Почти половина опрошенных желает изучать и знать такие языки углубленно, еще четверть хотят для себя стандартного изучения. Как привило, желают владеть английским языком – таких более половины. Но часто об интересе к изучению упоминают языки французский, немецкий, другие европейские языки, а также арабский, китайский, японский. Эти результаты не очень-то согласуются с расхожим представлением о повальном стремлении к английскому языку. Однако учиться на иностранном языке, т.е. изучать на таком языке основные учебные предметы, хотят немногие – всего 8%, что в общем-то отличает московское студенчество от их собратьев, скажем, где-нибудь в Эстонии или Чехии. В Москве, конечно, есть вузы, где на специальных отделениях ведется иноязычное обучение, но все же такая форма не является доминирующей и массово востребованной. Объясняется данный «феномен» (как это было бы воспринято исследователями из соседних европейских стран), не какой-то отсталостью или периферийностью московских вузов, а именно мотивацией массовой студенческой аудитории жить и работать в России. И это при том, что, как правило, при опросах, заметная часть студентов говорит о желании попробовать свои силы «где-то за границей». Респонденты-студенты, кого действительно можно бы причислить к ретроградам или не желающим трудиться для получения профессии, судя по всему, малочисленны, поскольку, например, те, кому вообще иностранный язык в вузовской учебе «не нужен», составили только 10%. На недавнем чемпионате мира по футболу, прошедшем в России, именно студенты российских вузов составили основную массу так называемых «языковых волонтеров», которые имели возможность использовать свои знания иностранных языков, приобрести дополнительную языковую практику. В общей сложности 35 тыс. волонтеров были задействованы во время чемпионата мира по футболу 2018 года в России.[4]

Не меньший интерес у московского студенчества обнаруживается к изучению русского языка – 56% стоят за то, что русский язык им следует изучать углубленно, и 36% говорят о необходимости стандартного изучения. А вот ограничиться школьным курсом русского языка желают менее 5% опрошенных. И это при том, что для большинства он является родным.

[4] https://worldcup2018.tass.ru/articles/5379042

В этом отчасти проявляется стереотип вчерашних школьников, которые в обязательном порядке сдают единый государственный экзамен по русскому языку. Очевидно и то, что грамотный русский язык нужен не только для повседневного пользования, но и для успешной учебы и будущей карьеры. Напомним, значительную часть опрошенных студентов составляют учащиеся технических специальностей, а также экономисты и юристы. Желание больше и лучше знать русский язык развеивает миф о невнимании со стороны молодежи к основному языку государства и якобы низкой гражданской поддержке русского языка. Если не российскому студенчеству поддерживать русский язык, то кому же?

Закономерно менее выражено желание у студентов изучать национальные языки народов России. Но это не означает, что такой потребности нет вовсе, как о том зачастую сегодня говорят и пишут. Две трети указали при опросе, что в нынешних условиях им такие языки в обучении ни к чему. Но треть заявила как раз об обратном, выказав определенную меру заинтересованности, причем 20% упомянули о желании углубленного либо стандартного изучения национальных языков. Можно было бы думать, что эти люди заинтересованы в региональных российских языках по той причине, что прежде уже их изучали. Оказывается, не совсем так. В школьных условиях национальные языки довелось изучать только 8% опрошенных студентов, т.е гораздо меньшему количеству по сравнению с теми, кто сейчас заинтересован в овладении ими. Учитывая наш опыт исследований во многих других регионах страны, в частности, в российских республиках, где до недавнего времени национальные языки, как государственные в соответствующих регионах зачастую были обязательными школьными предметами, московский показатель потребности студентов в национальных языках можно назвать выдающимся. Если, например, сравнивать с поволжскими регионами, то московский показатель, хотя конечно же отстает от Башкортостана, Татарстана, Чувашии, но превышает итоги аналогичных исследований по Саратовской и Самарской областям и близок по своему уровню к полиэтничному Пермскому краю.[5] Среди чаще упоминаемых национальных языков студенты назвали татарский, украинский, ингушский, кабардинский и армянский языки. Кроме них указывали на интерес к казахскому, белорусскому, грузинскому, черкесскому, чеченскому. Упоминали также языки аварский, азербайджанский, ассирийский, бурятский, даргинский, иврит, калмыцкий, коми, кумыкский, литовский, туркменский, удмуртский, узбекский, чувашский, эстонский. Многие, но не все,

[5] Степанов В.В. Этнокультурные потребности в школах и вузах Приволжского федерального округа //Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад /Ред. Тишков В.А., Воронцов В.С., Степанов В.В. – М.-Оренбург-Ижевск: Институт компью-терных исследований, 2017, с. 152.

студенты говорили о желании изучать национальный язык, имея в виду близость к нему по своему этническому происхождению. Были и такие, кто говорил, что им «интересно знать разные языки народов России» или, к примеру, языки крайнего Севера. В этой связи не лишне вспомнить, что часть опрошенных студентов обучается по строительным специальностям, и их будущая деятельность связана, например, с гидросооружениями, возводимыми в труднодоступных регионах Сибири и Дальнего Востока России. Очевидно, что желание молодых специалистов знать хотя бы в общих чертах аборигенные языки должно быть встречено чиновниками в сфере образования не только с пониманием, но с предельным вниманием. Видимо, новая реальность такова, что в эпоху глобальной коммуникации действовавший принцип единоязычия начинает отходить на второй план. Доступность освоения языков и далее будет возрастать, и желание знакомиться с малыми и редкими языками постепенно станет таким же привычным явлением, как нынешний интерес к овладению секретами экзотических блюд национальной кухни, непривычных видов спорта и досуга.

Наше исследование выявило не меньший, а даже больший, чем к языкам, интерес студентов к знаниям о народной культуре. Хотя десятая часть опрошенных сказала, что подобные знания им не нужны, абсолютное большинство проявило к этой теме особое внимание. Около одной трети сообщили интервьюерам, что народная культура им интересна просто из любопытства. Также говорили, что подобные знания могут пригодиться для практической деятельности. Половина опрошенных упоминала о принципиальной важности сохранять традиции. Говорили, что граждане России должны знать о своем наследии. Прямо скажем, такая любознательность – существенный источник этнокультурного развития. Пока чиновники ищут нечто подобное чтобы «сформулировать» и «реализовать» госнацполитику, ответ, как оказывается, следует искать не в бумажной казуистике и на круглых столах. Средства массовой информации, бизнесмены, да и государственные ведомства, занятые молодежной политикой, видимо не очень о таком ресурсе догадываются. Иначе не тратились бы на ненужную рекламу «кроссовок и сникерсов», не забивали бы телеэфир рассказами о молодежных «инициативах» по поводу дорожных рытвин и неправильных парковок. Оставим рытвины дорожным службам, дадим слово самим студентам. Вот что они говорят: «культуру своего народа нужно уметь сохранять», «хорошо бы знать народную культуру для лучшего ее понимания», «для общего развития знать об этом не помешает», «это нужно для многих профессий», «знание пригодится во всех производственных отраслях». Вот так, скажем мы себе и все заинтересованным чиновникам – народная культура и этнические языки – не этнография, не пережиток и даже не фестивали, а то, что может помочь в будущей профес-

сии. Молодежь усматривает в культурном многообразии не просто познавательный интерес «для возможностей разгадывания кроссвордов» (что само по себе неплохо), но и весьма прагматичный ресурс собственного развития на будущее.

Посмотрим на мнения студентов более конкретно. На вопрос, какие предметы или темы им были бы интересны при обучении, московские студенты в половине случаев или около того называли такие темы, как история родного края, национальные традиции, народные праздники, национальная кухня, национальная культура и искусство, народное изобразительное творчество, народные ремесла, история народов, литература, народный и сказания. Треть или четверть опрошенных проявили заинтересованность в национальных танцах, музыке, песенном творчестве, видах спорта, знаниях о традиционной одежде и ремеслах.

При этом в половине случаев или несколько менее студенты объясняли свой интерес не просто любознательностью, но и утилитарными намерениями. Говорили, что это может повысить уровень туристических услуг, даст новые идеи гостиничному бизнесу. Заметим, что часть опрошенных студентов как раз обучается по рекреационному профилю. Другие студенты говорили, что знания о народной культуре и языках может поднять на новый, более интересный уровень отрасли, связанные с народными промыслами, производством игрушек и созданием художественных изделий. Часть студентов, участвующих в опросе, по своей специальности связаны с архитектурой и строительством, поэтому не удивительно, что с их точки зрения народные традиции могут быть с успехом применены в архитектурном проектировании, домостроительстве. Более трети респондентов указали, что народные знания – это еще и прямой ресурс для сферы образования и воспитания. Не обошли студенты вниманием и пищевую тему – 35% из опрошенных полагают, что народные знания следует активно использовать в производстве продуктов питания и разнообразных блюд взамен расхожего и ныне уже не столь привлекательного зарубежного фастфуда. Называли множество других потенциальных направлений – концертная деятельность, благоустройство парков, ландшафтный дизайн, указывали на применимость в ультрамодных направлениях маркетинга и рекламы, перечисляли сельскохозяйственные профессии.

На вопрос, лично для них, каким могло бы быть применение народных знаний и языков, только 17% студентов дали отрицательный ответ и четверть затруднились примерить народные знания к своей профессии. Но 57% заявили, что подобная информированность наверняка повысит их профессиональные компетенции по таким направлениям, как образование (часть опрошенных студентов по своей специальности – будущие педагоги), изучение интересов покупателей и торговля (часть студентов – эконо-

мисты и маркетологи), туристические услуги, оформительские работы, журналистика, домостроительство. Упоминали также что это нужно социальным работникам, юристам и даже врачам.

Полученные результаты опроса московских студентов показывают несостоятельность распространенного мнения о том, что для современной молодежи интересен «только Запад и глобализм». Очевидно, что нынешний молодой человек, посещающий вуз, более похож на профессионала, любознательность которого помножена на практичность. Для студента культурное многообразие – познавательный ресурс, а не только объект развлечения. В этой связи наивными и отставшими от жизни кажутся всевозможные «целевые показатели» федеральных и региональных госпрограммах, ориентирующих тех, кто осваивает госбюджет, на все более широкое вовлечение молодежи в этнофестивали и мероприятия гражданского единения. Согласно утвержденной в 2016 г. государственной программы Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики" на 2018 г. было запланировано более пяти миллионов участников мероприятий, направленных на укрепление общероссийского гражданского единства и три с половиной миллиона участников мероприятий, направленных на этнокультурное развитие народов России, а самих мероприятий, проводимых некоммерческими организациями в сфере духовно-просветительской деятельности было запланировано 5,6 тыс.[6] Не отрицая ни то, ни другое, сегодня следует предложить молодежи и третье, а именно широкие возможности приобщаться к российскому культурному наследию – традициям больших и малых культур, знанию больших и малых национальных языков. Из прикладных теорий рыночной экономики ведь хорошо известно, что не спрос рождает предложение, а предложение обеспечивает интерес, а затем и спрос.

С изучением интересов московского студенчества наши исследования, проводимые на протяжении многих лет в разных регионах России, пополнились убедительными социологическими фактами о том, что в многомиллионном столичном мегаполисе (который принято рассматривать чуть ли не как форпост безличной глобализации) молодежь заинтересована и в международной открытости, и в личном профессионализме, и в знаниях о российских языках и культурах. В такой модели профессиональной подготовки нам видится прочная основа укрепления общероссийского гражданского единства.

[6] Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 N 1532 (ред. от 29.03.2019) "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики".

Цыгане России: мобильность и социальная коммуникация[1]

Черных А.В.

Цыганские сообщества, представляющие «анклавы» в доминирующем иноэтническом окружении, показывают уникальное сохранение социальных институтов, идентичности, языковой и этнокультурной среды. Расселенные на огромных пространствах многочисленные и разнообразные группы цыган, выработали интересные формы как внутригрупповых, так и межгрупповых, связей и модели коммуникации. Для цыганских таборов характерны особые формы социальной организации, которые можно обозначить как сетевые сообщества и сетевые коммуникации. В этом отношении изучение цыганских сообществ позволяет выявить модели локальных традиций, сложную структуру идентичности, механизмы и формы социальной организации, сохранения и трансляции культуры.

Цыгане – один из народов дисперсно расселенный по всему миру. Исследователи в настоящее время по-разному определяют статус цыганского сообщества как «нации без государства», «трансграничное национальное меньшинство», «межгрупповое этническое образование».[2] Цыгане не едины в этнокультурном отношении. Различные этнические группы цыган отличаются не только особенностями языка, религии и культуры, разными сферами занятости, разной степенью сохранности традиционных общинных институтов, степенью вовлеченности в социум.[3]

Численность цыган России составляет по результатам переписи 2010 г. 205 тыс. чел. По экспертным оценкам, эта численность представляется заниженной, и говорят о численности 250-350 тыс. чел. Такая численность сопоставимо с численностью цыган в других восточноевропейских странах.

В отличие от других европейских государств, особенность российского цыганского сообщества проявляется в уникальном многообразии этнических групп цыган. В разные исторические периоды миграционные волны привели на территорию страны различные группы цыган, часть из которых

---

[1] Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 17-31-00008 «Этнокультурное пространство Урала: идентичность, культура, взаимодействие».

[2] Marushiakova, E., Popov, V. Historical and Ethnographic Backgraund. Gypsies, Roma, Sinti // Between Past and Future: the Roma of Central and Eastern Europe. (Guy, W. (Ed.)). Hatfield: University of Hertfordshire Press, 2001, P. 33-53; Марушиакова Е., Попов В. Идентичности цыган / рома в новом европейском контексте (ситуация в Восточной Европе) // Наукові записки. Т. 15. Тематичний випуск «Роми Украини: із минулого в майбутнє». Київ, 2008. С. 275–298.

[3] Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган — новый взгляд. Воронеж: ИПФ «Воронеж», 2000, сс. 78-114; Смирнова-Сеславинская М.В., Цветков Г. Н. Антропология социокультурного развития цыганского населения России. М.: Федеральный институт развития образования, 2011, сс. 17-25.

сформировала свои характерные особенности в условиях российского социума. На территории России отмечено проживание цыган более 10 разных этнических групп: *русские цыгане, кэлдэрары, крымские цыгане, среднеазиатские цыгане, кишиневцы, плащуны, влахи, ловари, сэрвы, цыгане-мадьяры, цыгане-молдаване* и другие.

Основные особенности этнических групп связаны с целым рядом факторов: место формирование этнической группы и миграционные процессы, время становления этнической группы на территории России и характер ее адаптации к российским социально-экономическим и этнокультурным реалиям; выраженная групповая идентичность и сформировавшееся самоназвание, состав и характер взаимодействия с окружающим иноэтническим населением; характерные для той или иной группы традиционные занятия (мобильность цыган-ремесленников, несомненно, отличались от тех групп, основным занятием которых было барышничество: торговля, мена, посредничество при продаже лошадей), сложившиеся черты кочевых традиций, а также характерные диалектные черты и комплексы этнической культуры.

К сожалению, в настоящее время приходится констатировать слабую изученность этнографии значительной части этнических групп цыган России, что затрудняет проведение сравнительных исследований. В настоящем докладе на основе полевых этнографических материалов, с привлечением опубликованных и архивных источников попытаемся дать характеристику мобильности и коммуникаций двух основных групп цыганского населения России: русских цыган *руска рома* и *кэлдэраров / котляров*, с отдельными примерами других этнических групп для периода второй половины XIX — начала XXI в.

Цыганская мобильность: в прошлом и настоящем. Цыганские кочевые общины обычно рассматриваются в контексте определения и концепции «номадизма». Однако нет сомнения в том, что цыганский номадизм обладает рядом характерных особенностей, поэтому неоднократно предпринимались попытки дать определение особому варианту номадизма, характерному для большинства цыганских групп и ряда других общностей. На рубеже 1970–1980-х гг. Роберт Хайден впервые вводит термин «сервисный номадизм» для обозначения групп, которые предлагают разнообразные товары и услуги окружающему населению.[4] Другим, получившим распространение в историографии термином, является номинация «перипатетик» (от англ. peripatetic ‘странствующий торговец’), и производные от нее: «*peripatetic nomads*», «*peripatetic nomadism*».[5]

[4] Hayden R. M. The Cultural Ecology of Service Nomads // The Eastern Anthropologist 1979. № 32, 4. P. 297–309.
[5] Rao A. The concept of peripatetics: an introduction // The Other Nomads, Peripatetic Minorities in Cross-Cultural Perspective. 1987. 14, pp. 1–32.

В российской историографии до конца XX в. чаще всего использовался термин «кочевой», «кочевание», «кочевой быт» и другие, отражающий особенности цыганских передвижений,[6] в современных исследованиях, наряду с термином «сервисный номадизм», активно употребляется номинация «мобильность».[7]

Однако при общем типологическом сходстве, особенности цыганских кочевых традиций и специфика цыганской мобильности наблюдаются в каждой этнической группе цыган. В условиях российских реалий, которые включают в себя огромные территории и различные природно-климатические ландшафты, а также традиционный быт разных народов сложились разные модели цыганского номадизма.

Наиболее распространенными и известными в России являются кочевые традиции русских цыган. Основными занятиями этой группы цыган было барышничество лошадьми, гадание и попрошайничество у женщин. Барышничество, мена и продажа лошадей обусловило привязанность ареала кочевья преимущественно к сельским территориям, небольшим городам, реже — крупным городским центрам, ориентацию на села и города, где проводились конные ярмарки. Основным транспортным средством передвижения русских цыган были конные повозки. Кочевание на своих лошадях русские цыгане активно практиковали до середины XX в., а отдельные группы и позднее, в 1970-е гг. эти особенности и определили специфику кочевых традиций русских цыган. Передвижение на лошадях ограничивало ареал кочеваний одним крупным регионом.

И хотя амплитуда передвижений иногда была значительной, она редко включала разные регионы. Характеризуя кочевья цыган северо-запада, О. А. Абраменко отмечает: «География кочевья была довольно обширной — для изучаемых нами групп это фактически был весь Северо-Запад от республик Прибалтики до Тверской области и Центральная Россия…».[8] Как видно из примера, в ареалы кочеваний группы русских цыган северо-запада не входили районы Поволжья, Урала и Сибири. Русские цыгане Урала также кочевали в основном в пределах Поволжья и Урала, в их ареал не входили территории Центральной России и Сибири. Основным коче-

[6] Киселева Т. Ф. Цыганы европейской части Союза ССР и их переход от кочевания к оседлости: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1952.

[7] Смирнова-Сеславинская, указ. раб., 2011, с. 31; Черных, А. В. Кочевое прошлое и современная мобильность цыган-кэлдэраров России // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55), сс. 35–43; Черных А. В. Цыгане-кэлдэрары в России во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Пермского университета. История. 2018а. Вып. 1 (40), сс. 138–148.; Черных А.В. Цыганский номадизм: российские модели (XIX – первая половина XX в.) // Этнография. 2018. №2, сс.109-128; Черных А.В. Глава 19. Цыгане в регионах России: Пермский край // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017, сс.465-488.

[8] Абраменко О. А. Очерки языка и культуры цыган Северо-Запада России (русская и лотфитка рома). СПб.: «Анима», 2006, с. 18.

вым ареалом русских цыган Сибири были восточные регионы России. Характеризуя русских цыган Смоленщины цыганолог Л. Н. Черенков отмечал: «…на Смоленщине были и «кочевые» (на самом деле — полуоседлые) цыгане, не имевшие постоянного жилища и проводившие теплые месяцы (с конца марта — начала апреля по конец сентября — начало октября) в разъездах в пределах двух-трех уездов, занимаясь лошадиным барышничеством».[9] Конечно, и таборы старожильческих групп цыган предпринимали дальние кочевки и осваивали новые регионы, но такие передвижения были, скорее, исключением, нежели правилом в обычном кочевом передвижении цыганских таборов по известным и освоенным регионам.

Связь с тем или иным районом кочевания проявляется и в формировании особых региональных групп в структуре этнических групп старожильческого цыганского населения. У русских цыган к таким группам относят — *смоленска рома* или *смоляки*, *псковска рома, питерска рома*, *вэшитка рома* (букв. «лесные цыгане», для цыган районов Русского Севера) и другие.[10]

Таким образом, для старожильческих цыганских групп России были характерны общие закономерности сервисного номадизма, проявившиеся в нескольких вариантах региональной модели кочевых передвижений. Освоение новых территорий и рынков в этих условиях происходило постепенно, путем выдвижения таборов за пределы своего ареала традиционных кочевий и закрепления на новом месте.

Цыгане-кэлдэрары относятся к числу тех цыганских групп, основными мужскими занятиями которых было ремесло, традиционно — работа по металлу, прежде всего, лужение. В XX в. к этому добавились изготовление бачков, сварка, ремонт металлических изделий и другие.[11]

Занятия ремеслом мужчин и определяли цыганскую мобильность у кэлдэраров. Цыгане-кэлдэрары достаточно рано отказались от лошадей и повозок, группы оказались более мобильны в освоении огромной российской территории. Их мобильность и динамика передвижений позволили им появляться в самых разных и отдаленных российских регионах вплоть до районов Дальнего Востока. Появившиеся в конце XIX — начале XX в. в Российском государстве кэлдэрары освоили, прежде всего, железнодорожный транспорт, позволяющий им преодолевать значительные расстояния за короткое время.

[9] Черенков Л. Н. Цыгане Смоленщины (историко-этнографический очерк) // Смоленская земля. Дорогобужский район: Очерки прошлого и настоящего. М., 2011, с. 259.
[10] Черенков..., указ. раб., 2011, с. 257.
[11] Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган — новый взгляд. Воронеж: ИПФ «Воронеж», 2000, сс. 95–96; Черных А. В. Пермские цыгане. Очерки этнографии цыганского табора. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2003, сс. 19–20.

Большую мобильность цыганам-кэлдэрарам обеспечивал и статус иностранных подданных, от которого они не спешили отказываться вплоть до 1930-х гг., так как для российских цыган в этот период существовал целый ряд ограничительных мер, сдерживающих их мобильность.[12]

Таким образом, рассматривая особенности кочевых традиций российских групп цыган, можно выделить несколько сложившихся моделей сервисного номадизма, условно обозначенных нами, — локальную, ярко проявившуюся в сэрвицкой традиции, характеризующуюся проживанием на постоянном месте, уход на кочевье в летний период и возвращение к прежнему месту проживания к зиме. Такой же вариант характерен и для ряда групп русских цыган, особенно на последнем этапе сохранения кочевых передвижений в середине — второй половине XX в. Региональная модель кочевий характерна для большинства старожильческих цыганских групп, прежде всего, русских цыган. Она характеризуется выстраиванием маршрутов кочевых передвижений в определенном регионе. И масштабную российскую модель сервисного номадизма, характерную для цыгане-кэлдэраров.

Цыганское сообщество в общественном контексте чаще всего рассматривается как кочевое, однако следует отметить оседание отдельных цыганских групп в России, формирование оседлого цыганского населения происходило на протяжение длительного периода XVII — второй половины XX в. Факторами, влиявшими на эти процессы, были как экономические причины, так и государственная политика, направленная на оседание кочевых таборов.

В «классических» формах с различными вариантами и проявлениями данные модели существовали до середины XX в. Хотя именно в XX в. они переживали существенные трансформации, приобретали в каждый из исторических периодов разные формы, и, в конечном итоге, целый комплекс причин привел к оседанию кочевых таборов в России.

«Кочевой мир», в большинстве случаев ушедший в прошлое и актуализируемый только исторической памятью, художественными произведениями и общими стереотипами в восприятии цыган определил и некорректность употребления термина «сервисный номадизм» для характеристики современных процессов, и использование термина «мобильность». В настоящее время большинство цыганских групп России ведут оседлый образ жизни, многие из них уже десятилетиями проживают в том или ином городе, поселке, селе. Отказ от кочевых традиций большинства, сохранявших высокую мобильность таборов происходит во второй половине XX в.

[12] Черных А. В. Цыгане-кэлдэрары в России во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Пермского университета. История. 2018а. Вып. 1 (40), сс. 140–143.

Однако высокая мобильность и сегодня проявляется в разных этнических группах цыган России.

Представления о кочевых традициях цыган являются важным компонентом цыганской идентичности у русских цыган, кэлдэраров, влахов и других. Кочевание воспринимается как символ цыганского образа жизни, выступают важным элементом цыганской идентичности и современного поколения цыган. Рассуждения о том, что цыгане народ кочевой и «не сидят на месте» характерны и для современных цыган.

Характеризуя русских цыган северо-запада России, исследователи отмечают, что «они меняют место жительства гораздо чаще, чем этническое большинство <…> в массе к самому факту переезда на другое место цыгане относятся довольно легко <…> До сих пор цыгане зарабатывают мелкой торговлей, требующей переездов, и этот способ существования, но нашим наблюдениям, является более престижным и предпочтительным, чем, например, каждодневная работа на ферме или заводе, которая многими цыганами рассматривается как вынужденная…».[13]

Исследователи цыган-влахов И. Махотина, Я Панченко отмечают, что влахи до сих пор сохраняют высокую мобильность уклада, «продиктованную необходимостью выезжать на заработки за пределы страны или региона проживания.[14] Так, в пригородных зонах Волгоградской, Астраханской и ряда других областей РФ временные стоянки влахов, выезжающих на заработки, можно наблюдать до настоящего времени». Цыгане-влахи в летний период появляются и в других регионах России.

Среди цыган-кэлдэраров в настоящее время также есть несколько небольших таборов, которые отличаются мобильностью от всех остальных.[15] Эти, немногочисленные уже, таборы выделяются на остальном пространстве расселения цыган-кэлдэраров России, они сохранили ту цыганскую мобильность, которая была присуща таборам кэлдэраров несколько десятилетий назад.

Для большинства других цыганских таборов кэлдэраров сегодня переезд - не реальная история, а осознание возможности в случае чего сменить город и место жительства. Рассуждения о том, что в случае чего цыганский табор всегда может собраться и поискать новый город для жительства, еще можно услышать среди цыган. Но в реальность переезда в другой город верят немногие. Что сегодня может заставить цыганский табор сменить город проживания? Экономические условия, как в прошлом, не играют

[13] Абраменко..., указ. раб., 2006, сс. 16-17.

[14] Махотина И., Панченко Я. Материалы для изучения цыган-вла́хов и их диалекта (территориальное подразделение куба́нцуря) // Romii/Ţiganii din Republica Moldova: Comunitate etnosocială, multiculturală, istorico-tradiţională (1414–2014). Chişinău, 2014, сс. 128-140.

[15] Петрович О. (Мурша ле Ристоск'ай ла Ленако). Бароны табэра Сапоррони. СПб., 2007, с. 307.

уже первостепенной и существенной роли. Разные цыганские общины, проживая в крупных городах – областных, краевых и республиканских центрах, имеют схожие возможности для ведения бизнеса. Хотя поиск новых мест заработка может стать одной из причин переезда: «Не очень заработки шли там у них», можно услышать, когда рассуждают о том, почему тот или иной табор сменил место проживания в настоящее время. Причиной смены места жительства может быть несчастный случай, однако обычно этот мотив характерен для небольших мобильных таборов. Более веской причиной переезда могут быть конфликтные ситуации как внутри общины, так и с внешним окружением.

Для цыганских групп характерна и внутренняя мобильность, особенно проявляющая себя у кэлдэраров. Значительную часть невест для своих сыновей разные общины-кэлдэраров по-прежнему берут в других городах, как и отдают своих девушек в другие таборы. Переезжают отдельные семьи. Такие изменения в большом таборе происходят постоянно. Для русских цыган также характерны переезды отдельных семей, поездки к родственникам в другие города и поселки.

Кочевая «ментальность» проявляется и в системе ценностей. Это часто отражается в специфическом отношении цыган к постоянному жилищу, другим материальным ценностям. О.А Абраменко отмечает: «Мы неоднократно наблюдали, что в случае необходимости цыганские семьи очень легко расстаются с материальными ценностями - меняют иномарки на старые отечественные машины, продают бытовую технику, скот, ценную одежду. Такая же судьба нередко постигает и жилище — часто дом продается, если нужно, скажем, расплатиться с долгами после похорон родственника или свадьбы, дать взятку представителям властей. Дом, как и другие богатства, рассматривается как нечто временное. Идеалом (часто нереализуемым) является быстрый и значительный заработок в результате удачной торговой сделки, который легко и быстро растрачивается».[16]

У русских цыган напоминанием о кочевом прошлом служит и попрежнему сохраняющаяся традиция разведения лошадей. Это не только проявляется в том, что в сельских поселениях цыгане часто держат лошадей, часто в силу привычки, но в некоторых случаях покупка и продажа лошадей продолжает оставаться одним из основных занятий. В современной действительности заменой лошади часто становится автомобиль, а торговля подержанными автомобилями, как и при мене лошадей «перепродажа с барышом» часто служит основным занятием городских русских цыган в разных регионах России.

[16] Абраменко О. А. Очерки языка и культуры цыган Северо-Запада России (русская и лотфитка рома). СПб.: «Анима», 2006, с. 17.

Мобильность, как мы отмечали, определяет и современную занятость цыганских групп. Поездки по другим российским городам и регионам для многих составляют основу их бизнеса.

Социально-экономические факторы на рубеже XX–XXI в. вновь привели к мобильности уже оседлых цыганских групп, заставив вновь обратиться к кочевому образу жизни с палатками, сезонностью в переездах, мигрировать из привычных районов проживания, осваивать новые территории. Данное явление еще не получило единой терминологии в цыганологических исследованиях, иногда оно обозначается «вторичным кочеванием». Значительно расширили в этот период миграции в регионы России цыгане-влахуря, основными территориями расселения которых были южные регионы нашей страны. В регионах Урала – Пермском крае, Республике Башкортостан, Свердловской области небольшие группы влахов приезжают из Ростовской области и Ставропольского края. Основное занятие влахов в этих регионах – торговля изделиями «под золото» - цепочками, крестами, перстнями, колечками, кулонами. В июне-июле группы цыган-влахов объезжают сельские районы, где выставляют свои изделия на районных и сельских сабантуях. Наибольшее число влахов на Урале отмечается в весенне-летний период, в апреле-августе. В летний период можно увидеть кочевые стоянки и палатки цыган-*влахуря* в этих территориях. В 2000-е г. начинается массовая сезонная миграция в регионы России среднеазиатских цыган, которая на десятилетие стала явлением российских городов, но в 2010-е в том числе благодаря предпринимаемым, завершившаяся и уже не имеющая массовый характер. В этот же период активизировались миграции цыган-мадьяр из украинского Закарпатья.

Коммуникация с окружающим социумом. Развитие сервисного номадизма в случае с кочевыми сообществами и сохранение занятости в сфере услуг и сервиса оседлыми цыганами было возможно только в условиях передвижения и кочевания среди основного населения, у которого есть потребность в использовании предлагаемых услуг. Большинство цыганских групп России в этом отношении можно отнести к сервисным кочевым или оседлым группам, связанным с занятиями торговлей, гаданиями, ремеслами и др. среди оседлого, в прошлом в России преимущественно, земледельческого населения.

Взаимоотношение с иноэтническим окружением складывается на основе нескольких постулатов. С одной стороны, сложилось четкое разделение *ромá – гаджé* на цыган и не цыган, что достаточно полно проанализировано в цыгановедческой литературе, и является базовым для цыганской идентичности и цыганской культуры.[17] В соответствии с оппозицией «мы»

[17] Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган — новый взгляд. Воронеж: ИПФ «Воронеж», 2000, с. 115.

- «они» строится вся социальная сфера, коммуникация с окружающим социумом.

Однако несмотря на бинарную оппозицию, являющуюся основой в коммуникации с окружающим социумом, этническая картина мира в цыганских сообществах выглядит более сложной. Значимыми при этом представляются языковой, конфессиональный и этнокультурный фактор иноэтничного окружения. Для большинства цыганских групп России основным этническим партнером являлось и остается русское и шире – восточнославянское окружение.

Среди всех групп цыган России русские цыгане – *руска рома* являются наиболее адаптированной к русской этнокультурной среде группой.[18] Их язык и традиционная культура испытали значительное влияние со стороны русской культуры, взаимодействие с русскими отразилось в самоназвании и идентичности. Именно русские цыгане составили основу для такого явления российской культуры как цыганские хоры конца XVIII – начала XX в. Русские цыгане самая многочисленная этническая группа цыган в России, которая имеет самый большой ареал расселения, «В любом районе можно встретить русских цыган, пусть немного, но две-три семьи есть, даже на Крайнем Севере», характеризуют их расселение представители других цыганских групп.

Русские, а также украинцы и белорусы, с конца XIX – начала XX в России стали и основным этническим партнером для цыган-кэлдэраров, мигрировавших в страну в этот период с территории Юго-Восточной Европы. Адаптация к новым условиям облегчалась принадлежностью кэлдэраров к православию, усваивался русский язык, а постепенно и этнокультурные комплексы испытывали определенное влияние со стороны культуры окружающего социума.

Спецификой крымских цыган – *крымов, кырымитика рома* является формирование особенностей их культуры и традиций в крымско-татарском окружении, как и цыганско-крымскотатарский билингвизм.[19] Однако сегодня расселенные преимущественно в южных регионах России крымские цыгане в большинстве своем владеют русским языком и выстраивают свое этносоциальное пространство в окружении преимущественно русского населения.

Характерной чертой цыганской культуры является и активный билингвизм, позволяющий выстраивать активные контакты с иноэтничным окружением. Для большинства групп цыган России характерен активный русско-цыганский билингвизм. Осваивающие российское пространство в

[18] Смирнова-Сеславинская, Цветков..., указ. раб., 2011, с. 18.
[19] Торопов В.Г. История и фольклор крымских цыган. М.: Ин-т наследия, 2004, с. 9.

конце XIX – начале XX в. *кэлдэрары* и *ловари* в России сохраняли владение румынским, венгерским и другими языками, однако в настоящее время и для них именно русский является языком межэтнической коммуникации.

Взаимодействие с основным этническим партнером определяло и определяет и современные особенности расселения цыган России. Так, согласно списка населенных мест Уральской области 1928 г., цыганское население отмечено в русских селах и деревнях, несмотря на значительное число татарских и башкирских сел в южных районах региона. Характеризуя расселение цыган по последней переписи 2010 г. в Поволжье также следует отметить большую численность цыган в областях с русским населением, нежели в поволжских республиках. Так, их численность в Нижегородской области составляет – 4469, Оренбургской - 1793, Пензенской - 3390, Самарской – 4875, против 1004 человек в Республике Башкортостан, 821 – Республике Татарстан, 602 – Чувашской Республике.[20] Мобильность цыган, конечно, позволяла осваивать и другие территории России, но в этом случае проживание тех или иных таборов было временным, либо приходилось выстраивать коммуникации с новым этническим окружением и адаптироваться к новой этнокультурной среде.

Межгрупповое взаимодействие. Проживание на территории России различных этнических групп цыган, несомненно, не могло не привести и к межгрупповым контактам, тем более, что часто представители разных групп проживают в одном городе, регионе. В этнической картине каждой из групп цыган сформированы представления о ближайших цыганских группах-соседях. Эти знания включают как внутренние, так и внешние групповые этнонимы, представления о характерных особенностях диалекта цыганского языка, вероисповедания, сфер занятости, основных комплексах культуры и степени их сохранения в настоящее время.

В то же время специфика занятости цыганских групп, когда каждая занимала определенную экономическую нишу, позволяет разным группам не конкурировать между собой в условиях соседского проживания. Каждая цыганская этническая группа в этих условиях выстраивает свое сетевое пространство в масштабах крупного региона или страны, которое не пересекается с сетевыми пространствами других этнических групп. Для большинства регионов нашей страны в таких условиях совмещается нескольких «сетевых пространств», как характерно проживание представителей нескольких разных групп цыганского населения.

Традиция до сих пор ограничивает брачные контакты не только между цыганским и нецыганским населением, но и между представителями раз-

[20] Степанов В.В. Динамика численности и расселение цыган россии //Цыгане / отв. ред. Н. Г. Деметер, А. В. Черных; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Наука, 2018.

ных этнических групп. У кэлдлэраров, наиболее строго придерживающихся эндогамии, до настоящего времени браки с иноэтническим окружением и представителями других групп цыган крайне редки. В пермском таборе кэлдэраров на 70 семей только три брачных союза заключены не с кэлдэрарами, а с чувашами, представителями групп русские цыгане и цыгане-чоканари. При этом более реальной является возможность брака мужчины с женщинами из другой группы, нежели наоборот. В других группах цыган брачные нормы менее строгие, однако групповые границы также по-прежнему остаются важными при выборе брачного партнера.

В условиях существования и выстраивания групповых границ, следует отметить наличие межгруппового взаимодействия на уровне кооперации в экономической сфере. Разные сферы занятости цыганских групп позволяют обращаться к соседним группам. Цыгане-кэлдэрары, а часто и русские цыгане Урала, например, обращаются к крымским цыганам-ювелирам и заказывают у них золотые украшения. У мастеров из крымских цыган уже сформированы представлениях о потребностях и предпочтениях в тех или иных украшениях, и сегодня они предлагают разнообразный ассортимент украшений своим групповым соседям. Обращаются к ним и за услугами ломбарда и кредита. Русские цыгане, в ряде регионов специализирующиеся на рынке вторичных автомобилей, также часто оказывают услуги своим соседям. В то же время редки примеры включения представителей одной группы цыган в экономическую сферу другой.

Сетевая коммуникация. В общественном сознании сегодня номинация «цыганская почта», а также «цыганский телеграф», «цыганский телефон» утвердился достаточно прочно. Семантика данного устойчивого сочетания связана с быстрым распространением информации сетевым образом. Сегодня это устойчивое сочетание активно используется всеми, в том числе и цыганами, есть группы в соцсетях, в том числе с названием «цыганская почта» и т.д.

Различные этнические группы цыган сегодня по-прежнему выстраивают внутригрупповую сетевую коммуникацию, расселенные в разных российских регионах и городах они объединены общим информационным полем.

Наиболее масштабно в рамках всей России выстроены сетевые связи и коммуникации у кэлдэраров. Формирование сетевого сообщества обусловлено несколькими факторами выстраивания коммуникаций между отдельными общинами-таборами внутри этнической группы. Сохранение патронимических общин-таборов, включающей несколько семей, объединенных в большинстве своем родственными связями по отцовской линии, расселенных на всей территории России, является важным фактором формиро-

вания сети, так как каждая отдельная община, имеющая свое родовое название, выступает своеобразной ячейкой в сетевой коммуникации.

Большая часть таборов-общин объединена родственными и брачными связями: «У нас родственники везде есть. В Свердловске, в Ижевске, в Ульяновске, в Туле. Везде-везде. И все друг-другу раз-раз, по цыганской почте и всё», - так комментируют круг родственных связей и коммуникацию между таборами кэлдэрары. Поддержание родственных связей между общинами происходит и благодаря гостевым визитам родственников во время календарных праздников, семейных торжеств и обрядов. Брачные контакты, в том числе визиты сватов из других городов, по-прежнему позволяют сохранять сетевые связи на значительной территории. А в случае родовой общины табора, когда все связи отдельных семейных коллективов, суммируются – эти связи значительно увеличивают географию контактов.

О том, как действует механизм передачи информации сегодня также показывают рассуждения информаторов: «Вот моя сноха, она из Ижевска. Я её привез. Ну мы из другого города снох берем, а там сколько их наберется в таборе. Обычно снохи разговаривают со своими родителями из других городов. Она звонит, это обязательно первый вопрос у всех цыган спокон веков: «Ну как там у вас живут цыгане, какие новости, че?». Ну так спрашивают про своих, допустим, как у тебя дети, какие новости, как живут. Нам обязательно рассказывает. И так один отец узнал там, допустим, в Ижевске, ему дочь рассказала. Он утром на планерке цыганам объясняет, такие-то, такие новости. В основном это и есть почта. У нас это давно уже заведено. Утром цыгане собираются, ну как говорится, на площадь что ли. Перед домом Гоги или в их доме собираются по пяти человек утром. Там друг другу рассказывают все, что вчера было, чем занимаются, чем заняты друг у друга, чем заняться там, этим заняться или другим делом. По-русски-то планёрка».

Сетевые связи между отдельными общинами важны и для регулирования в правовой сфере, согласно норм обычного права. Решение сложных и спорных правовых вопросов предполагает созыв «цыганского суда», в котором принимают участие лидеры общин из других городов и регионов.

Экономические контакты в настоящее время у кэлдэраров не являются определяющими в сетевых коммуникациях цыганских сообществ, так как каждая из общин в условиях оседлого проживания обычно независимо формирует свое экономическое пространство. Однако до середины XX в. сетевые коммуникации играли важную роль и в экономической жизни: полученная информация позволяла выбирать наиболее благоприятный регион для экономической деятельности, приобретать дефицитный товар. Оперативно получаемая информация выступала важным конкурентным пре-

имуществом у мобильных групп цыган-ремесленников. Однако и сегодня знакомство и изучение опыта соседних общин, его успешности или не успешности является важным для экономической жизни цыганских сообществ.

Изоляция отдельных общин-таборов также происходила путем отказа от всех форм коммуникации: исключение брачных контактов с изолированным табором, что с течением времени приводит к ослаблению родственных связей и контактов, исключение из поля взаимодействия общин цыганского суда, отсутствие экономических контактов и общения. Примеров таких изолированных групп не так много, однако их изучение также помогает в понимании механизмов формирования сетевого сообщества.

В прошлом основными способом передачи информации был устный при непосредственном контакте-встрече. Мобильность кэлдэраров позволяла и в таких условиях оперативно обмениваться информацией. Сегодня коммуникации между общинами-таборами стали еще более интенсивными благодаря современным средствам связи: сотовым телефонам, скайпу, мессенджерам, социальным сетям.

Свою специфику имеет сетевая коммуникация у русских цыган, для которых в настоящее время характерно расселение преимущественно территориальными коллективами, либо отдельными семьями и группами семей. В круг коммуникации входят обычно цыганские группы внутри большого региона. Так, в сферу общения русских цыган Пермского края входят цыганские группы сопредельных регионов – Удмуртской республики, Татарстана, Башкортостана и Свердловской области. Наряду с родственными и брачными контактами, по-прежнему важными представляются контакты и коммуникация в экономической сфере. Формы внутригрупповой коммуникации обладают спецификой и в других этнических группах цыган.

Несмотря на значительные современные трансформации общественной жизни и существенные изменения форм расселения, цыгане России, по-прежнему характеризуются высокой мобильностью и сложными сетевыми коммуникациями. При этом каждая группа цыган обладает характерными особенностями, изучение которых представляется крайне важным. Без их учета предпринимаемые усилия органов власти и общественных институтов для решения вопросов интеграции цыган в российском обществе не принесут желаемых результатов.

Изучение интернет-пространства как метод этнологического исследования

Малькова В.К.

Мы обратим внимание на изучение информации, которая в последние десятилетия привлекает особое внимание аналитиков в сети интернета. Заметим, что интернет как огромное информационно-коммуникативное пространство интересно исследовать не только из-за его контента, хотя это пока и есть одно из главных направлений общественного и научного интереса к нему. Но, кроме многочисленных и разнообразных направлений, связанных с социально-политической, экономической, этнокультурной и прочей информацией, здесь также можно увидеть и интернет-социум, то есть -авторов, создающих контент, его активных потребителей и даже «пассивную» аудиторию. Можно также проследить и акценты внимания/интереса разных групп аудитории к тем или иным событиям и явлениям.

Один из ракурсов нашего исследования, представленный в данном докладе, это сравнительное исследование запросов в интернет-поисковик Яндекс, поступивших из разных регионов России и мира в октябре 2018года. Запросы в интернет-поисковики могут относиться к любым сферам жизни и определяться по ключевым словам. Учитывая беспрецедентную актуальность наблюдающихся сегодня в мире и тревожащих большинство современных стран процессов миграции, мы попытались выяснить степень внимания интернет-пользователей к двум явлениям – мигранты и диаспоры. При этом, говоря о мигрантах, мы будем иметь в виду людей, по разным причинам сменивших свое место жительства в одной стране (или национальном регионе) на другую страну (или национальный регион). Речь идёт о людях, переехавших на новое место самостоятельно или небольшими группами. Понятие *диаспоры* в данном случае будет изначально трактоваться как организованное сообщество людей, расселившихся более-менее компактно и в целом легально в чужой для них стране (или национальном регионе) и, во главе со своими лидерами, активно поддерживающими общее этнонациональное самосознание, свой язык, историко-культурные ценности и образ жизни. Мы поставили вопрос - что представляется интернет-пользователям из разных регионов более важным – сам процесс миграции и *переселенцы-мигранты* с их личными мотивами и стратегиями, с проблемами для себя и своих семей или *диаспоризация,* т.е. формирование, закрепление и деятельность своих (или чужих) этнонациональных и земляческих объединений на новых, пока чуждых для них

территориях. Этот вопрос потянул за собой и другие: насколько эти предпочтения (миграции или диаспоризации) важны для пользователей из разных регионов в нашей стране, а также в странах ближнего и остального зарубежья?

В качестве источника был использован Яндекс-поисковик и его информация. Отметим, что использовались не абсолютные данные поисковика, хотя и они информативны, а специальный *индекс интереса* (*index of interest*), рассчитанный службой Яндекс автоматически по запросам ключевых слов. Индекс интереса, согласно идее его создателей, играет серьёзную роль в маркетинге и связан с процессами оптимизации продаж и с извлечением прибыли. С его помощью изучается рынок и конкретные запросы потенциальных покупателей.[1] Мы попробовали использовать индекс интереса как показатель внимания интернет-пользователей к процессам миграции и диаспоризации.

С помощью «индекса интереса» можно оценить величину, интенсивность и объём «потребностей» населения в определенном продукте в разных регионах, а также их динамику, можно в известной мере прогнозировать, а впоследствии (по возможности) корректировать эти потребности, например, в данном случае – стимулируя или приостанавливая миграционные потоки в разные регионы страны. С помощью углублённого анализа запросов интернет-пользователей можно опосредованно изучать и интернет-социум, выявить и определить основные группы авторов запросов из разных регионов и анализировать их цели, рассматривать направленность интереса к мигрантам и диаспорам (внутренний интерес, экспортный, импортный, международный). По регионам можно изучить регулярность запросов и их колебания в разные времена года, в каникулы, праздничные дни, а также в период резонансных социально-политических и социально-экономических событий.

Значимым индексом заинтересованности населения в конкретном «продукте» считается отметка 100%. Если же она ниже – то это фиксируется как недостаточный уровень интереса, а выше 100% – это повышенный уровень. Подобный подход мы приняли и в отношении к нашим двум условным «продуктам» – мигрантам и диаспорам. Бесспорным плюсом данного источника является информация о количестве запросов пользователей из разных уголков нашей страны и остального мира за определённый период времени.

Может встать вопрос: кто эти люди, обращающиеся из множества регионов нашей и других стран в главный русскоязычный поисковик с запросами о мигрантах и диаспорах? Ответ напрашивается следующий: эти-

[1] http://www.grandars.ru/student/marketing

ми проблемами могут интересоваться: 1) сами переселенцы-мигранты и их функционеры, которые уже переехали на новое место жительства; 2) потенциальные мигранты и этнические активисты из других регионов; 3) представители принимающего экспертного сообщества – учёные, политики, экономисты, чиновники, журналисты и другие; 4) иные местные жители, которых тревожат или радуют (?) появившиеся или растущие в конкретных регионах миграционные сообщества. У каждой из этих неравнодушных к миграции групп свои мотивы и свои интересы. Рассмотрим полученные нами материалы, отметив, что всего запросов о «мигрантах» в Яндекс в течение месяца было 149 тыс., запросов о «диаспорах» - 44,2 тыс.

Таблица 1. Индекс интереса интернет-пользователей некоторых российских регионов к проблемам «мигрантов» и «диаспор» (%)

Регионы, из которых поступали запросы	**«мигранты»**	**«диаспоры»**
Москва и область	150	110
г. Москва	-	118
Подмосковные города - Одинцово, Балашиха, Люберцы, Мытищи	170	-
г. Дубна	193	-
Калужская обл.	186	66
г. Санкт-Петербург и Ленинградская область	153	102
г. Архангельск	138	-
г. Пермь	85	88
Тюменская обл.	115	119
Ханты-Мансийский АО	140	165
г. Ханты-Мансийск	151	-
г. Сургут	143	212
г. Нефтеюганск	-	237
г. Норильск	-	224
Камчатский край	131	-

Яндекс-поисковик позволяет точечно выделить некоторые территории, где особенно повышен (или понижен) интерес интернет-пользователей к проблемам миграции – индекс внимания выше или ниже 100%. В целом в России в сентябре–октябре 2018 г. интерес к проблемам миграции у граждан, владеющих интернетом, оказался достаточно высоким – 99%. Однако по регионам диапазон между незначимым и высоким интересом очень заметный. Выделяются территории, где пользователи проявляют к этому явлению самый большой интерес. Это вполне предсказуемо – наиболее благополучные в экономическом отношении территории: столичный регион, Петербург и его область, Калужская область, Сургут, Ханты-Мансийск и

некоторые другие. Среди них явно выделяются и многие города Подмосковья, откуда поступает множество запросов. Эти более-менее благополучные российские территории притягивают к себе потоки иностранных (и внутренних) переселенцев, стремящихся к улучшению своей жизни. Но это порождает здесь и большие социально-экономические и межэтнические проблемы. Поэтому опять становится актуальным вопрос: кто же является авторами запросов о мигрантах – сами мигранты из этих населённых пунктов или старожилы?

Что касается такого ключевого явления как «диаспоры», то интерес к нему со стороны интернет-пользователей оказался для нас не совсем понятным. Согласно индексу внимания, в целом по России он оказался ниже условно значимого – 95%. И одновременно довольно высоким в Москве, а также в Петербурге и Ленинградской области и заметно более высоким в областях газо- и нефтедобывающих – в Сургуте, Тюменской области, в Норильске и Нефтеюганске. В других районах, где также сосредоточены большие группы мигрантов (например, в том же Подмосковье), интерес к понятию «диаспоры» оказался незначительным. Отметим, что, например, в Петербурге и области люди заметно больше интересуются проблемами мигрантов, но значительно реже – проблемами диаспор (153% и 102%), а, например, в Югре им интересны и мигранты (140%), и диаспоры (165%).

Таким образом, для интернет-пользователей, запрашиваемая информация об этих двух явлениях оказалась важной. Однако пока не ясно для кого информация особо важна – для самих, уже переселившихся мигрантов и их функционеров, или для уже живущих здесь, но неудовлетворённых своей судьбой, а значит – опять потенциальных мигрантов, или для встревоженных местных жителей, или для экспертного сообщества? А может, – для нелегальных мигрантов, которым легче укрыться в «диаспоре»?

К сожалению, данный источник не даёт возможности выяснить какова направленность (позитивная или негативная) интереса людей к поиску интернет-информации о мигрантах и диаспорах. Конечно, можно предположить, что повышенный интерес к диаспорам в некоторых регионах – это признак беспокойства принимающего сообщества. Но этот интерес также может быть связан с активной деятельностью переселенцев или с их многочисленностью. В свою очередь их деятельность может быть любой – от благотворительной до криминальной, а может быть связана и с известными этническими личностями, с лидерами и активистами. Пониженный интерес может означать незначимость (незначительность) или незаметность активности конкретного этнического сообщества как целостного организма в определённом месте. Но невнимание к диаспорам, однако, не мешает проявлению там интереса и внимания к мигрантам.

Таблица 2. Индекс интереса к «мигрантам» и «диаспорам» у интернет-пользователей из российских республик (%)

Российские республики, из которых поступали запросы	«мигранты»	«диаспоры»	«ксенофобия»
Адыгея	71	145	58
Башкортостан	71	66	82
Бурятия	40	130	57
Дагестан	-	153	79
Ингушетия	101	330	84
Кабардино-Балкария	62	204	123
Калмыкия	87	914	73
Карачаево-Черкесия	48	166	108
Карелия	-	71	96
Коми	39	49	107
Крым	-	106	108
Марий Эл	-	96	166
Мордовия	-	79	76
Респ. Алтай	82	53	114
Саха (Якутия)	76	80	102
Северная Осетия - Ааланеия	83	357	133
Татарстан	70	94	158
Тыва	54	120	68
Удмуртия	54	78	75
Хакасия	57	134	85
Чечня	61	218	86
Чувашия	-	126	70

В российских республиках интерес к мигрантам, по данным Яндекса, оказался в этот период очень невысоким: от 40% в Бурятии и 44% в Чувашии – до 87% в Калмыкии и 101% в Ингушетии. Из этого можно сделать вывод – проблема притока инокультурных мигрантов в российские республики для её жителей осенью 2018 г. не была актуальной.

Однако поведение интернет-пользователей, обращающихся из республик в поисковую систему со словом «диаспоры», ломает этот вывод. Из большинства республик явление-слово «диаспоры» было запрошено в Яндекс-поисковике во много раз чаще, чем явление-слово «мигранты». Если, например, из Татарстана запросы на оба эти понятия были сравнительно немногочисленны (и местных, и приезжих эти явления здесь не очень затрагивали), то из республик Северного Кавказа запросы о диаспорах в несколько раз превышали интерес к проблемам мигрантов (индекс интереса к диаспорам – от 145% в Адыгее – до 914% (!?) в Калмыкии). Можно предположить, что этот интерес связан с сильными и традиционно спло-

чёнными северокавказскими диаспорами, с более устойчивыми связями земляков-кавказцев между собой. Это заметно повышенное внимание к кавказским диаспорам, а не к разрозненным и самостоятельным мигрантам показывает не только особое уважение самих кавказцев к организованным общественным структурам, но и к их более активной деятельности в новых местах. Можно также предположить, что запросы на «диаспоры» посылали пользователи из соответствующих республик с целью прояснить ситуацию в «иных краях», чтобы затем присоединиться к своим сородичам. Однако и здесь есть исключения – не только представители северокавказских народов, но и жители Бурятии (130%), Тывы (120%), Чувашии (126%) также довольно часто запрашивают Яндекс о диаспорах (но не о мигрантах). Их этнические сообщества в центре России, как известно, также довольно деятельны[2]. Но у жителей из республик Коми, Саха и Алтай индекс интереса и к проблемам миграции, и к диаспорам оказался очень невысоким.

Как известно, процессы массовой инокультурной миграции далеко не всегда приветствуются принимающимся населением во всем мире, в том числе и в России и зачастую сопровождаются возникновением ксенофобии – неприязнью к «чужим». Мы анализировали данные об интернет-запросах в Яндекс об этом явлении, совместив индекс интереса с республиками обращения. Судя по полученным данным, можно говорить о сравнительно невысоком уровне ксенофобии в стране осенью 2018 г. Конечно, в большинстве республик заметна определенная близость индексов интереса между мигрантами и ксенофобией. Более того, из 22-х упомянутых здесь республик в 9-ти интерес к проблемам ксенофобии у интернет-пользователей оказался повышенным. Это: Татарстан: индекс - 158% (напомним, что здесь интернет-запросы чаще делались не о мигрантах, а о диаспорах), Республика Коми – 107 (в этой республике интерес и к мигрантам, и к диаспорам очень невысок, но к ксенофобии повышен), Северная Осетия – 133 (отмечен совсем невысокий интерес к мигрантам и очень высокий – к диаспорам), Саха-Якутия – 102 (несколько повышенное внимание к мигрантам, и резко подскочившее внимание к диаспорам в ноябре[3]), Кабардино-Балкария –внимание к ксенофобии -123% (при совсем невысоком интересе к мигрантам, но очень высоком – к диаспорам, особенно в октябре), Республика Алтай – 114 (в ноябре несколько повысилось невысокое и в прошлом внимание к мигрантам и резко –в 2 с лишним раза выросло внимание к диаспорам), Карачаево-Черкесия – 108% (незначитель-

[2] Подробнее см.: Малькова В.К. Мобилизация этнических сообществ в современной России (по материалам этнических СМИ). М. ИЭА РАН, 2011.

[3] В ноябре 2018 г. нами был проведен повторный замер обращений в Яндекс о миграционных ситуациях. См. об этом: В.К.Малькова. Мигранты, диаспоры и интернет, Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №268, ИЭА РАН. М. 2019.

ное внимание к мигрантам и очень высокое- к диаспорам, особенно в ноябре), Крым -108% (к мигрантам интерес невысокий, к диаспорам – повышенный, особенно в октябре, а в ноябре понизился) и Марий Эл – заметно повышено внимание к ксенофобии -126% (но здесь пользователей больше волнуют диаспоры, особенно в ноябре). К этим республикам приближается показатель в Карелии – с индексом интереса 96% (но здесь и мигранты, и диаспоры не вызывают в этот период особого интереса). В остальных российских республиках индекс интереса к такому явлению как ксенофобия в этот период явно понижен. Индекс интереса к диаспорам, в отличие от внимания к мигрантам, ломает эту картину, особенно в ряде республик. Но это совсем не означает, что интерес этот негативный. И с ксенофобией он связан очень мало.

Судя по активной деятельности европейских интернет-пользователей, обращающихся к интернет-поисковику Яндекс (русскоязычному!), абсолютное большинство стран Европы (за редчайшим исключением) также очень беспокоят миграционные процессы со всеми вытекающими из них явлениями, в т.ч. и с ксенофобными настроениями. В небольшом докладе мы не можем остановиться на этих сюжетах, лишь заметим, что и в Европе есть страны, где ксенофобия привлекает общественное внимание заметно реже, чем у соседей. Это –Великобритания – 105%, Польша – 104%, а также – Швеция – 96%, Нидерланды – 90% и совсем немного Черногория – 61%. Однако особенно повышенное внимание к проблемам ксенофобии зафиксировано в Германии, особенно в «Свободном государстве Бавария», где индекс интереса – 227%, в Бельгии – 277%, в Норвегии – 351%, в Швейцарии – 266%. Конечно, интересен отдельный вопрос: почему интернет-пользователи из европейских стран (русскоязычные!) обращаются в российскую поисковую систему Яндекс, спрашивая о мигрантах, диаспорах и ксенофобии? Отчасти это понятно, так как в 2017-18 годах именно европейские страны, где теперь проживает немало наших бывших соотечественников, оказались центром конфликтных миграционных процессов. Но проблемы миграции, диаспоризации и ксенофобии, также судя по данным Яндекса, очень беспокоят не только Европу, но и Китай, Южную Корею, Израиль, США. Из этого ряда выпадает Турция, откуда практически не поступали запросы о ксенофобии в Яндекс-поисковик, хотя индекс внимания и к мигрантам, и к диаспорам здесь также довольно высок.

Как известно, каждое слово-понятие, запрашиваемое в интернет-поисковике, связывается с определённым контекстом. Яндекс-поисковик частично даёт возможность узнать подробнее и об этом. Так, слово *ксенофобия,* запрошенное в этот период 27 тыс. раз, более тысячи раз было связано с темой экстремизма, 1,7 тыс. – с профилактикой ксенофобии и 0,2 тыс. – с противодействием ксенофобии, 0,1 тыс. – с формами ксенофобии

и т.д. Отметим, что здесь мы приводим не индекс внимания, а абсолютные данные, показывающие далеко неоднозначный интерес к этому явлению со стороны жителей разных городов, республик и стран.

Таблица 3. Структура запросов интернет-пользователей о слове «мигранты» (данные Яндекса на 07.11.2018)

Всего запросов о "мигрантах"	149 052
в том числе по темам:	
Мигранты в России	8527
Трудовые мигранты	6757
Новости мигранты	5869
Мигранты в Москве	4232
Русские мигранты	3610
Сколько мигрантов	3443
Работа для мигрантов	3433
Регистрация мигрантов	3237
Караван мигрантов	2379
Помощь мигрантам	2082

Судя по имеющимся данным, можно видеть, что осенью 2018 г. тема миграции довольно активно интересовала интернет-пользователей, причём, значительное их внимание в русскоязычном интернет-поисковике Яндекс было направлено на российскую территорию. Нельзя не увидеть и уже упоминавшийся выше интерес к миграционным процессам, проходящим в зарубежных странах, в частности в США, где за громкой историей с караванами мигрантов следили во всем мире.

Таблица 4. Разнообразие запросов интернет-пользователей о «диаспорах» (данные Яндекса от 07.11.2018)

Всего запросов о «диаспорах»	**44 190**
в том числе:	
Армянская	3376
Русская	3033
Диаспоры в Москве	2326
Современные диаспоры	1746
Азербайджанская	1370
Сайт "Диаспоры"	1177
Диаспоры в России	1151
Чеченская	1107
Украинская	1075
Казахская	920
Глава диаспоры	801
Узбекская	766
Дагестанская	696
Таджикская	684
Татарская	619
Еврейская	575
Адреса диаспор	568
Грузинская	527
Осетинская	466
Китайская	447
Диаспоры Крыма	390
Диаспоры Казахстана	361
Диаспоры армян	359
Корейская	335

Приведенные данные о меньшем, но всё же немалом внимании интернет-аудитории к проблемам «диаспор», чем к мигрантам. И очень заметно в связи с диаспорами выделяется не столько региональный, сколько этни-

ческий аспект. Людей интересуют конкретные этнические сообщества переселенцев, проживающих в отдалении от родины. Запросы о «русской диаспоре», как оказалось, были связаны в первую очередь с такими странами, как Италия, Германия, США, Финляндия, Англия. Очевидно, что, говоря о русской диаспоре, авторы запросов имеют в виду не только русских, но и других выходцев из России. Анализ показателей интереса интернет-пользователей обнаруживает новые аспекты общественного восприятия культурного многообразия.

Репрезентация этнических проблем и конфликтов в СМИ: основные маркеры ксенофобии[1]

Родионова Е.В.

Средства массовой информации с помощью печатного слова формируют повседневную картину для массовой аудитории, являются особым лингвистическим инструментом воздействия на общественное мнение. По этой причине исследования репрезентации этнических проблем и вопросов в общественной печати имеют важное значение. Это особенно актуально в канун предстоящей общероссийской переписи населения, которая будет затрагивать тему этнического многообразия, миграции, а также социального обеспечения, занятости и другие общественно чувствительные сюжеты. Соответственно, в такой деликатной и болезненной сфере, как массовое освещение различных аспектов межнационального взаимодействия, необходим научно обоснованный мониторинг.

Исследования влияния СМИ на общество имеют свою историю и значимость темы признана учеными. В.К. Малькова отмечает, что традиция анализа СМИ и выявления основных способов репрезентации этнических проблем сформировалась в 1970-е гг. Она справедливо отмечает, что научно обоснованный мониторинг деятельности российских СМИ в такой деликатной и болезненной сфере, как освещение различных аспектов межнационального взаимодействия, необходим и очень востребован. Но она также подчеркивает, что сегодня нет единого сформированного взгляда на проблему и методологии ее изучения.[2] Исследовательские работы по анализу СМИ и проблем этничности в СМИ можно разделить на несколько направлений.

Филология и лингвистика – в рамках данного направления преобладают исследования лингвистических приемов, репрезентации этнических

---

[1] Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 15-18-00119 «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование».

[2] Подробнее см, Малькова В.К. Современные этнические СМИ как инструмент консолидации этнических сообществ // Этнографическое обозрение №1 2009 С. 139-153.;Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации, М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.; Малькова В.К. (авт.-сост.) «Остановитесь! Оглянитесь!» К вопросу об этнической толерантности и конфликтности в российской прессе. М.: ИЭА-ПРЕСС, 2002.; Малькова В.К. Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы. ИЭА РАН-ЕС. М. 2004, 278 стр.; Малькова В.К. Полиэтничная Москва в начале нового тысячелетия. Как видит и показывает ее столичная пресса. ИЭА РАН, 2007, 347 стр.; Малькова В.К. Мобилизация этнических сообществ в современной России. По материалам этнических СМИ. ИЭА РАН. М. 2011, 210стр.;Малькова В.К. Полиэтничная Москва 2011-2012гг. Тревожные звонки в информационном пространстве Изд-во: Palmarium Academic Publishing. 2013. 84 стр.; Малькова В.К. Этническая тематика в российском информационном пространстве // Коммуникалогия - С. 101-117

проблем, этнических конфликтов. Здесь следует выделить, прежде всего, таких исследователей, как Кашкин В., Енина Л., Осипова А.[3]

Журналистика, журналистская этика – в этом направлении преобладают исследования журналистского характера, которые направлены на формирование правильных установок в журналистской среде при освещении этнических вопросов, а не на пропаганду ксенофобии. В этом виде работ чаще всего используются такие термины и категории, как "язык вражды", "язык согласия". Это направление представлено работами таких авторов, как Засурский И. И., Дзялошинский И. М., Чепкина Е.[4]

Социологическое, этнологическое направление, в котором можно найти непосредственно социологический анализ репрезентации этнических проблем в СМИ на основе количественных методов, например, контент-анализа. Работы Семеновой А. В., Корсунской М. В., Дробижевой Л.М., Мальковой В. К., Тишкова В. А. являются основными в этой области[5].

Направление политического анализа – в этой области обычно анализируется дискурс политических акторов, а этнические проблемы включаются в политическую сферу как актуальные проблемы. Например, репрезентации исторического прошлого и настоящего в СМИ являются предметом исследования для Барсукова А.М. Роль украинских СМИ и репрезентаций России в них находятся в фокусе анализа Козлова С.В. и Березнякова Д.В.[6]

Краткий обзор исследований по теме показывает ее актуальность. Но исследователи традиционно анализируют уже выявленные понятия или события: «мигранты», «косовский конфликт», «террористические акты». Представляет интерес то, какие именно события и новости маркируются,

---

[3] Енина Л. В. Этническая толерантность в отражении уральских газет // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова - Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. - С. 150-164; Кашкин В. Б., Шаталов Д. Г. Метафора как средство активного познания // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2006. С.94-102; Осипов, А.Г. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс /А.Г. Осипов // Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. - СПб.: Алетейя, 2002. - С.45-68.

[4] Чепкина Э. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000; Засурский Я.Н. Российская журналистика: искушение свободой. 1990-2007 г. / Я.Н. Засурский – М.: Изд-во Московского университета, 2004. - 560 с.; Засурский И.И. Интернет и интерактивные электронные медиа: исследования // Сб. Лаборатории медиакультуры, коммуникации, конвергенции и цифровых технологий. – МГУ, 2007.; Дзялошинский И.М. Журналист в посттоталитарную эпоху. – М., 1999;Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа / Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика., 2005 №1, С. 29-54

[5] Малькова В.К. Современные этнические СМИ как инструмент консолидации этнических сообществ // Этнографическое обозрение №1 2009 С. 139-153.; Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации, М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002; Семенова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ : проблемы и опыт применения / под ред. В. А. Мансурова. М. : Ин-т социологии РАН, 2010. 324 с.; Социология межэтнической толерантности // под ред. Л.М. Дробижевой. М., 2003

[6] Березняков Д.В, Козлов С.В. Символическая политика постсоветской Украины: конструирование легитимирующего нарратива // Полис. Политические исследования. 2015. № 4. С. 34-45. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2015.04.05; Козлов С.В. Украинские медиа в механизме национальной символической политики // В сборнике, Коммуникативная культура история и современность, материалы VII Международной научно-практической конференции. 2017. Новосибирск. С.10-12; Козлов С.В. «Россия - это медведь объятия которого веда опасны»: конструирование России в украинских региональных медиа // Вестник Новосибирского гос университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. вып. 6: Журналистика. С. 33–41

представляются как этнический конфликт и какие средства для этого используются. Поэтому для нашего исследования контент-анализ представляется самым оптимальным инструментом.

А. В. Семенова, М. В. Корсунская отмечают, что «контент-анализ-это особая методологическая процедура анализа всех типов текстов (вербальных, визуальных и др.), это анализ ядра коммуникации, того, что лежит между коммуникатором и аудиторией, между автором послания и тем, кому это сообщение адресовано. В отличие от методов опроса, контент-анализ позволяет исследователю делать выводы о социальных явлениях, не вмешиваясь непосредственно в то, что он изучает, исследовать большой текстовый массив, выделяя информационные аспекты, которые не лежат на поверхности»[7].

При разработке процедуры контент-анализа мы опирались на методологию, разработанную представителями Института социологии РАН. На первом этапе было проведено манифестное кодирование, которое позволит зафиксировать объем статей, формы материалов жанрового своеобразия, ключевые события, название. Манифестное кодирование является первым шагом в реализации всего исследования.

На основе данных, полученных с помощью указанной методики, нами выделены наиболее значимые этнические конфликты, которые представлены в СМИ. В качестве объекта исследования: газета "Аргументы и Факты" за период с апреля 1989 по апрель 2018 года. Газета "Аргументы и Факты" была выбрана в качестве основного объекта для анализа, так как это одна из самых читаемых газет в России за последние двадцать лет. В 1990 году газета "Аргументы и факты" вошел в Книгу рекордов Гиннеса как газета с самым большим тиражом в истории человечества — 33,5 млн экземпляров, причем число читателей превысило 100 млн. Дополнительно мы анализируем публикации на портале "Fontanka.ru" интернет-газета “Fontanka.ru". Этот портал был выбран лидером по количеству цитирований среди информационных сайтов Санкт-Петербурга.

Предметом исследования является «этнический конфликт» как событие в СМИ. Единицей анализа является статья, публикация на тему межнационального конфликта. Отбор публикаций производился автоматически путем ввода запроса в строку поиска архива газеты «Аргументы и Факты» за последние 30 лет и архива Портала "fontanka.ru" на период с 2000 по 2018 гг.

Цель исследования – проанализировать динамику освещения в прессе различных этнических конфликтов: выявить ключевые образы этнических

[7] Семёнова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В.А. Мансурова. – М.: Институт социологии РАН, 2010. С. 10.

конфликтов, сформировавшиеся в средствах массовой информации. Задачи при этом ставились следующие: определить значимость события для газеты (объем издания, его место в газете), определить тип статьи, оценить название статьи по шкале позитивное-негативное высказывание, оценить текст статьи по той же шкале, выделить основные события, которые чаще других представлены журналистами как «этнический конфликт».

Мы выдвинули гипотезу о том, что за последние два десятилетия репрезентация этнических конфликтов в значительной степени изменилась, средства массовой информации перешли от изложения фактов к эмоциональным высказываниям, которые наиболее ярко выражены в броских заголовках. Мы также предположили, что в качестве этнических конфликтов будут публикации по внутренним проблемам Российской Федерации, но и статьи о внешних конфликтах также отчасти будут представлены. Мы полагали, что текущие конфликты будут воспроизводиться в СМИ не только в рамках новостей, когда они происходят, но и в дальнейшем будет происходить постоянное возвращение к ним. Представлялось также, что одним из наиболее значимых конфликтов в СМИ будет «чеченская война», количество публикаций на эту тему, скорее всего, будет самой большой.

Основной единицей анализа были публикации, в которых присутствует лексема «этнический конфликт». На первом этапе осуществлялось манифестное кодирование, которое позволяло фиксировать объем статей, формы материалов жанрового своеобразия, ключевое событие, название. По этому принципу был проанализирован ряд статей на портале “Fontanka.ru и газета "Аргументы и факты" (электронная версия).

В ходе исследования мы проанализировали 275 публикаций в газете "Аргументы и факты" и 106 публикаций на тему “Fontanka.ru " портал в соответствии с разработанным протоколом контент-анализа. Рутений. Общее количество проанализированного материала составило 381 статью. Почти половина материалов на тему межнациональных конфликтов (46,6 %) была опубликована за последние пять лет в период с 2013 по 2018 год, наименьший объем материалов на эту тему появился в период с 1988 по 1994 год и с 1995 по 2000 год. Такой вид распространения во многом обусловлен не самой темой, а изменениями в каналах и способах распространения новостей и публикаций. Газета "Аргументы и факты" во время распада Советского Союза была еженедельной газетой, и статьи на определенные темы не могли появляться чаще, чем печатная версия ее. После 2000 года произошел значительный прорыв, так как издательства начали разрабатывать собственные сайты, а позднее мобильные платформы и приложения. Возможность публикации материала в любое время и увеличение скорости передачи информации увеличили количество публикаций в

несколько раз. Онлайн-формат позволяет оперативно реагировать на конфликт и публиковать материалы о нем в интернете.

Также необходимо добавить, что портал “Fontanka.ru " разрабатывался как веб-проект только с 2000 года, но, несмотря на более короткую историю в данном издании, полученные материалы позволяют сделать некоторые выводы о построении в нем межнационального конфликта.

В ходе контент-анализа были выявлены основные подтемы статей, в которых была найдена единица анализа: 1. мигранты и миграция, 2. этническая политика в целом, 3. конкретный конфликт.

Анализ тематики публикаций показывает, что существуют значительные различия в выборе материала и редакционной политике. На уровне количественных показателей по статьям о мигрантах и миграции на “Fontanka.ru " доля небольшой и составляет всего 5,0% всех публикаций. Но, если учесть только статьи этого портала (N=106), то общее количество публикаций о мигрантах составит почти пятую часть (21%). Следует отметить, что статьи о мигрантах и миграции на “Fontanka.ru " портал очень специфичен и относится к разделу "преступления и происшествия". Преступления и внутренние столкновения между мигрантами обозначаются как "этнические конфликты".

В “Аргументах и фактах” этой проблемой занимается лишь десятая часть (8,8%) из 275 статей о миграции и мигрантах, это значительно меньшая доля.

Вторая подтема этнической политики в целом присутствует в обоих изданиях, но их эмоциональный фон разный. При публикации материалов по этнополитике в целом в газете «Аргументы и факты» преобладает нейтральный, серьезный тон, и в большинстве случаев такие публикации строятся как интервью или экспертная статья. Тогда как на портале "Fontanka.ru" такие материалы, посвященные этнополитике в целом (например, принятие городской программы "толерантность"), написаны в жанре авторской колонки и имеют очень ироничный и циничный стиль.

В анализируемых изданиях большая часть публикаций посвящена различным «этническим конфликтам». Для упрощения и обобщения результатов в количественном виде все анализируемые материалы были разделены на три категории: внешние конфликты (без участия Российской Федерации), внешние конфликты (с участием Российской Федерации), внутренние конфликты. Под внешним конфликтом с участием Российской Федерации мы понимаем те межнациональные конфликты и столкновения, в разрешении которых Российская Федерация прямо или косвенно участвует – через систему соглашений или прямую помощь военного или гуманитарного характера.

Чуть менее половины статей (40.2%) касаются внутренних этнических конфликтов. Следует отметить, что практически все статьи, посвященные этническим конфликтам в Российской Федерации, являются публикациями общего характера по вопросам этнической политики и по проблемам мигрантов и миграции. Чуть более четверти статей касаются межнациональных конфликтов за рубежом, в разрешении которых Россия так или иначе не участвует. И почти треть публикаций (32,8%) представляют внешний этнический конфликт, в котором принимает участие Российская Федерация.

Теперь рассмотрим, освещение каких «этнических конфликтов» ставилось журналистами на повестку дня на протяжении постсоветского периода. Это конфликт на Украине – всего 28 публикаций за весь период. Наиболее значительный объем материалов на эту тему был опубликован в 2014 г. Газета "Аргументы и факты" опубликовала 18 статей на украинскую тему, которая была обозначена как этнический конфликт. На портале “Fontanka.ru". Таких статей выявлено 10, что составляет почти десятую часть всех проанализированных статей на портале.

Косовский конфликт – набрал 26 публикаций за весь период. Невозможно четко определить период, когда было опубликовано наибольшее количество статей, так как косовский конфликт в той или иной форме регулярно вставал на повестку дня каждого из анализируемых изданий. За отчетный период газета " Аргументы и факты” опубликовала 18 публикаций, посвященных косовскому конфликту и его участникам. На портале “Fontanka.ru " было 8 статей о Косово.

Грузино - абхазский конфликт - опубликовано 19 статей за весь период. Статьи регулярно появляются с 1989 года. В публикации "Аргументы и факты" выявлено 11 статей на эту тему, а на портале “Fontanka.ru-8” публикаций.

Грузино-югоосетинский конфликт – представлен 15 статьями. Наибольшее количество публикаций появилось в 2008 г. в разгар событий в Цхинвале. Но есть публикации и более ранние, и более поздние. Каждый год в годовщину событий в газете "Аргументы и факты" можно найти большую статью (150 строк и более) об этом конфликте. На портале “Fontanka.ru" есть только три статьи по грузино-югоосетинскому конфликту.

Карабахский конфликт - также может быть включен в рейтинг на 4-м месте, поскольку общее количество публикаций составляет 15. Представление карабахского конфликта отличается от других тем, что статьи о нем и связанных с ним проблемах регулярно появляются с 1989 года, в то время как пик публикаций по грузино-югоосетинскому конфликту приходится на 2008 год. Стоит отметить, что в данном случае на портале

“Fontanka.ru", количество публикаций в 2 раза больше (10 статей), чем в редакции "Аргументы и Факты" (5 публикаций).

Сирийский конфликт - всего 11 публикаций на эту тему. В обеих публикациях сирийский конфликт представлен как этнический, с акцентом на этнические группы и межэтнические отношения в Сирии. В "Аргументах и фактах" таких публикаций 8, а на портале “Fontanka.ru”- только три.

Далее проведен интерпретативный контент-анализ публикаций, посвящённых грузино-абхазскому конфликту. Поиск производился по лексеме «грузино-абхазский конфликт» и дал больше публикаций, чем на первом этапе манифестного кодирования. Единицей учета стала статья, в качестве основных смысловых единиц анализа мы выделили субъекты, указанные в описании события в статье. Это могли быть страны (Грузия, Абхазия, Россия и др.), организации, упомянутые в статье о мероприятии (ООН, ОБСЕ, миротворческие силы и др.), лица (президент Грузии, президент России, представители других стран).

Был также принят во внимание контекст, в котором упоминались эти субъекты. Основными показателями были прилагательные, словосочетания, используемые для характеристики актора в статье. Кроме того, был проведен анализ соответствия названий и содержания статей. Через поиск "грузино-абхазский конфликт" было выделено 40 публикаций – 25 публикаций на портале "Fontanka.ru и 15 публикаций на портале"АиФ". Как видим, количество публикаций на эту тему больше, чем мы выделили на первом этапе поиска лексемы "этнический конфликт".

Но на самом деле цифры отражают ситуацию неправильно. На первом этапе мы выделили 19 публикаций по грузино-абхазскому конфликту и еще 15 статей по грузино-осетинскому конфликту. Все статьи, посвященные грузино-осетинскому конфликту, содержат лексему "грузино-абхазский конфликт". Получается, что эти два конфликта объединены журналистами в один и публикации не различают события в Южной Осетии (грузино-осетинский конфликт) и Абхазии (грузино-абхазский конфликт). Об этом свидетельствует частота упоминаний Южной Осетии как участника событий, обозначенных как грузино-абхазский конфликт. В публикациях освещаются не только события в Осетии, но и обстоятельства конфликта между Абхазией и Грузией. Грузия и Россия заняли лидирующие позиции по ссылкам в статьях. Почти в половине докладов упоминались другие страны: США (8), Франция (3), Германия (2), Великобритания (1) и Европейский Союз (1). Также используется коллективное выражение West (2). Ключевой организацией, упоминаемой чаще всего в статьях о грузино-абхазском конфликте, были миротворческие войска, а ООН (8), ОБСЕ (4) и НАТО (3) также упоминались в описании событий.

Следует отметить, что помимо денотативных понятий, таких как название страны, некоторые публикации сопровождались словами-коннотациями. Так, к западным странам применялись такие негативные коннотации, как "мир за кулисами", "банда хулиганов", по отношению к Грузии использовались такие коннотации, как "ястребы из Тбилиси", "оккупанты", "военизированная страна", "внешний враг", "фашисты". Ссылки на Россию не имели коннотации вообще, только в одной статье, которая была опубликована 11.08.2008, как раз в период событий в Цхинвале были зафиксированы следующие характеристики, которые можно оценить как положительные: "смелый, независимый, решительный, уверенный в себе".

Анализ отобранных публикаций показал, что репрезентациями акторов этого конфликта являются не Абхазия и Грузия, а другие страны: Россия с одной стороны и обобщенные страны Запада – с другой. Маркерами такой роли России является частота упоминания России как стороны конфликта, и некоторые формулировки заставляют нас прийти к такому выводу: "Абхазия и Осетия-зона интересов России", "Россия намерена сменить ненавистный режим в Малой кавказской республике". Вторым игроком на этой арене грузино-абхазского конфликта являются США: "США хотят ввести в зону конфликта международную полицию", "старший товарищ", "они хотят опутать Россию кольцом своих режимов". События, которые происходили на территории Абхазии и Осетии, в СМИ имеют следующие коннотации: "кровопролитие", "геноцид народа", "блицкриг".

Таким образом, в средствах массовой информации маркировка события как «этнический конфликт» зачастую является произвольной, и если общая ссылка на эту категорию является неточной, то уточнение запроса и поиск конкретного события (в данном случае поиск материалов о грузино-абхазском конфликте), показывает, что из 40 проанализированных публикаций десятая часть не имеют к нему никакого отношения, а посвящены, например, экономическим вопросам. В значительной степени выбор темы для освещения в печати зависит от редакционной политики и желания привлечь внимание. Но аудитория воспринимает публикуемые описания «конфликтов», как важные.

Статьи в «Аргументах и фактах» и в «Fontanka.ru», которые посвящены «этническим конфликтам», обычно описывают какие-то уголовные, делинквентные случаи, в которых принимали участие мигранты. Тем самым журналисты ставят клеймо этнического конфликта на посторонние события. Это наблюдение согласуется с другими результатами исследований, выявляющими тот факт, что средства массовой информации освещают «другие» этнические группы и особенно мигрантов в негативном ключе, умаляя позитивные и нейтральные моменты в угоду популярной лексемы *этнический конфликт* как способ привлечь внимание аудитории.

Этнокультурная идентификация турок-месхетинцев (ахыска) в Кабардино-Балкарии

Аккиева С.И.

Турки-месхетинцы относятся к числу народов, подвергшихся депортации в 1940-е гг. в СССР. В конце 1950-х они были реабилитированы, однако не получили возможности вернуться на родину – на юг Грузии (историческую область Месхетия). В конце 1950-х - 1970-е годы небольшие группы обосновались в Азербайджане и на Северном Кавказе, но большинство остались в Узбекистане. где жила их основная масса, а также в Киргизии и Казахстане. В 1989 г. в Узбекистане в Ферганской области произошли массовые погромы и волнения, направленные против турок-месхетинцев (Ферганский погром). Правительство СССР вывезло часть турок из Узбекистана, и они были расселены в ряде областей РСФСР, Украины, Киргизии и Казахстана.

Для народа, который на протяжении трех четвертей века не смог вернуться на историческую родину и проживает малыми группами в нескольких странах проблема сохранения этнической идентичности является одной из актуальных. Тем не менее, далеко не все из них, вероятно, малая часть, учтены всероссийскими переписями, как турки-месхетинцы, хотя эти переписи проводились по методу учета смоопределения опрашиваемых. В данной статье покажем, какие факторы влияют на этнокультурную самоидентификацию турок-месхетинцев в Кабардино-Балкарии.

Следует отметить, что до настоящего времени остается дискуссионной проблема их происхождения и названия. В источниках и документах Российской империи XIX – начала XX века их называли «мусульмане», « турки», иногда «грузины – сунниты». В советское время этот народ до депортации 1944 г. именовали турками или азербайджанцами. В период депортации в Средней Азии в документах они фиксировались как турки, иногда – азербайджанцы.[1]

История, культура и социальное положение турок-месхетинцев долгие годы не изучался. Язык турок-месхетинцев до сих пор не имеет своей письменности.

В связи с возникновением движения турок-месхетинцев за возвращение на родину, в 1970–1980-х гг. появились две полярные позиции по вопросу об их происхождении. Первая определяется позицией грузинских исследователей, которые считают их отуреченными грузинами. Согласно этой теории, историческая грузинская область Месхетия в 1578 г. была за-

[1] Аккиева С.И. Турки-месхетинцы в КБР: демографическое и этнокультурное развитие. – Нальчик, 2018, с. 21.

воевана османскими турками, и в результате местное население приняло ислам, было отуречено и утратило грузинское самосознание.[2] Среди турок-месхетинцев определенная часть, меньшинство, поддерживает эту точку зрения и носит грузинские фамилии. В конце 1980-х гг. после погромов в Узбекистане, в результате которых государство и общество обратило, наконец, внимание на судьбу этого народа, их стали называть месхетинскими турками, подобно тому, как в Грузии их именуют месхами–мусульманами.

Вторая позиция заключается в том, что турки-месхетинцы особая этническая группа турецкого этноса, которая складывалась в зоне контакта Грузии и Турции, соединила в себе черты этих народов, при этом турецкий компонент оказался более влиятельным.[3] Сторонников турецкого происхождения большинство и с 1990-х гг. они стали именовать себя турками–ахыска (ахыска тюркляри) по названию г. Ахалцих (тур. Ахыска), основного города в области Месхетия Грузии.

До депортации 1944 г. вопрос о их названии не был актуален, они себя называли *турк*, в документах же их записывали турками, азербайджанцами или грузинами. Обучение в школе проходило до депортации на азербайджанском и грузинском языках. В период депортации обучение в школе шло в зависимости от того, в какую республику Средней Азии были депортированы: в Узбекистане обучались на узбекском, в Киргизии – на киргизском, в Казахстане – на казахском.

В настоящее время турки-месхетинцы издают в Казахстане газету «Ахыска» на литературном турецком языке. Однако использование ими литературного турецкого языка не совсем корректно, поскольку язык турок-ахыска близок к восточному диалекту турецкого языка, имеющему общие черты с азербайджанским, сохраняющему в то же время ряд древнетюркских черт.[4]

Турки-месхетинцы появились в Кабардино-Балкарии в 1960-е гг., когда власти республики решили развивать овощеводства. Первые турки-месхетинцы около 30 семей были поселены в селении Псыкод и большинство из них стали работать в совхозе «Псыкодский» в овощеводческих бригадах.[5] Успехи совхоза Псыкодский подвигли руководителей других колхозов и совхозов равнинной зоны Кабардино-Балкарии приглашать к себе турок-месхетинцев для выращивания овощей.

---

[2] Юнусов А. Месхетинские турки: дважды депортированный народ. – Баку, 2000, с. 9.
[3] Панеш Э.Х., Ермолов А.Б. Месхетинские турки // Вопросы истории. 1991. № 9-10, с. 215.
[4] Рассадин В.И. Краткий Турецко-месхетинский – русский словарь. Элиста: Калмыцкий государственный университет (https://freedocs.xyz/docx-477857544).
[5] Аккиева С.И. К вопросу появления турок-месхетинцев в Кабардино-Балкарии и вопросов их этнического развития //Сборник научных статей Института социальных исследований Министерство образования и науки Российской Федерации, Ингушский государственный университет. – Назрань, 2010, с. 166.

Первый этап переселения турок-месхетинцев приходится на конец 1960- первую половину 1980-х годов. В этот период турки-месхетинцы прибывали в КБР группами и селились в населенных пунктах Урванского, Чегемского и Терского районов, где руководство колхозов и совхозов было заинтересовано в развитии овощеводства. В 1970-1980-ые годы колхозы Кабардино-Балкария выращивали такое количество болгарского перца, баклажанов, помидоров и т.д., что обеспечивало курорты Нальчика и республику овощной продукцией и в этом была немалая заслуга турок-месхетинцев.[6]

Второй этап переселения турок-месхетинцев начался после Феганских событий, когда в Кабардино-Балкарию переехало около 50 семей, которые обосновались в основном в тех населенных пунктах, где проживали их родные и близкие. Третий этап переселения был связан с военными событиями в Чечне. Люди, спасаясь от войны перебирались к родным в Кабардино-Балкарии. Кроме того, в начале 1990-х годов немцы, проживающие в КБР стали эмигрировать в Германию, активизировался выезд из республики и русскоязычных жителей. Турки-месхетинцы покупали дома покидающих республики и замещали часть выезжающего из республики населения.[7]

Турки-месхетинцы в КБР проживают в основном в сельской местности, в районах равнинной зоны, где климатические условия благоприятствуют занятию земледелием. На сегодня они живут в Урванском, Терском, Прохладненском, Майском, Чегемском и Лескенском районах.

Этнокультурная идентификация турков-месхетинцев формируется в семье и базируется на культуре, традициях и праздниках, языке и религии. До 1990-х гг. язык турков-месхетинцев функционировал в семье и сохранялся именно в семье. С распространение спутникового телевидения и интернета турки-месхетинцы стали смотреть новостные передачи и художественные фильмы на турецком языке и беспрепятственно общаться на родном языке с сородичами по всему миру. Люди старшего поколения говорят на языке турок-месхетинцев, а молодежь владеет и литературным турецким языком. Старшее поколение пишет на кириллице, младшее поколение, владеющее турецким языком, пишет и на латинице. По рассказам информантов, важную роль в овладении турками-месхетинцами литературного турецкого языка сыграло турецкое телевидение. В первые годы доступа к турецкому телевидению турки-месхетинцы понимая общий смысл, не улавливали нюансы, так как не все слова и обороты турецкого языка им были понятны, то в настоящее время проблем в восприятии ту-

[6] Там же, с 171.
[7] Аккиева С.И. Турки-месхетинцы в КБР: демографическое и этнокультурное развитие. – Нальчик, 2018, с. .31.

рецкого языка нет. Если раньше турки-месхетинцы, смотря турецкие фильмы и новости, понимая общий смысл, не улавливали нюансы, так как не все слова имя были понятны. В настоящее время таких проблем нет. Один из жителей КБР при интервью говорил: «В первое время мы испытывали определенные трудности, когда смотрели турецкие каналы, не все слова нам были понятны, ну а потом эта проблема исчезла, и сегодня мы таких проблем не испытываем».[8] Среднее и молодое поколение турок-месхетинцев, проживающие совместно с кабардинцами или балкарцами владеют на уровне родного языком соседей. Нередки и обратные случаи-кабардинцы и балкарцы с детства общаясь с турками-месхетинцами овладевают их языком. Несмотря отсутствие благоприятных условий, турки-месхетинцы сохранили родной язык, и это отразила перепись 2010 г. (98% владеют этим языком). Почти все месхетинские турки говорят по-русски, многие представители старшего поколения владеют азербайджанским, киргизским или узбекским языком.

Группа сохраняет самосознание, элементы материальной и духовной культуры. Важную роль играют семья, исламская религия, родственные отношения, трудолюбие и этническая сплоченность. За полувековой период проживания в регионе они внесли значительный вклад в развитие местной экономики (особенно овощеводства), смогли интегрироваться в кабардино-балкарском полиэтническом социуме, принимают участие в общественной и культурной жизни республики.

Молодые турки-месхетинцы выезжают на работу или на учебу в Турцию. Знание турецкого и русского языков повышает их шансы на получение работы в Турции в различных сферах. Успешная адаптация в Турции подогревает эмиграционные настроения среди молодых турок-месхетинцев.

Дисперсное проживание турок-месхетинцев с представителями других народов на протяжении длительного времени привело к тому, что в некоторых элементах материальной культуры прослеживается влияние тех народов, среди которых турки-месхетинцы жили после депортации со своей исторической родины.

За последние десятилетия произошло значительное сужение всего этнокультурного слоя материальной культуры турок-месхетинцев. В их семьях реже стали употребляться национальные предметы домашней утвари и одежды. В XX в. одежда ахыска входила в традиционную тюркско-кавказскую типологию. Женщины надевали поверх рубахи кафтан, яркое стеганое платье *зубун* с узкими рукавами, закрывающее грудь, плотно обтягивающее талию и расширяющееся по бокам, а также широкие пантало-

[8] Там же, с. 49.

ны – *туман*. И женщины, и девушки на голове носили *шал тавшали* – шерстяной головной убор (*шал* – «шерстяной», *тав* – «голова», «головной убор», в переводе с грузинского). Под *шал тавшали* подкладывался *лачак* – головной убор из тонкой ткани. Женщины надевали на голову *гатха*, по краям обруча прилаживали тонкие, золотые бляшки, в виде монет - *пипанур*[9]. Каждая девушка имела комплект нарядной одежды, который непременно включал красное платье, декорированное растительным орнаментом, синий передник (фартук), серебряный пояс, шерстяную или шелковую шаль с косынкой. Сегодня одежда турок-месхетинцев обоих полов является общеевропейской, с той оговоркой, что женские платья должны быть хоть с коротким, но рукавом. Замужние женщины повязывают на голову косынку или платок, такая традиция есть у кабардинцев и балкарцев, но в настоящее время ее придерживаются не все. Молодые девушки носят брюки и одежду более ярких цветов, чем замужние женщины. Верующие женщины носят хиджаб и одежду с длинными рукавами. Молодые девушки носят брюки и одежду более ярких цветов, чем замужние женщины.

Наиболее востребованной и, соответственно, поддерживаемой этнокультурную идентичность турков-месхетинцев остается национальная кухня, но и она вобрала ряд элементов среднеазиатской, и во многом перекликается с турецкой и кавказской. Национальные блюда ахыска: *долма, манты, самса, шекер-бюрек, кебаб, пахлава*, *пилав* (плов), нередко встречается плов из пшеничной крупы с добавками из овощей или рыбы. К мясным блюдам обязательно подаются холодные закуски и овощные салаты. Чаще любых других овощей на столах турок-месхетинцев появляется баклажан – его готовят разнообразными способами, в том числе фаршируют, тушат, жарят, из нее делают заготовки на зиму и т.д. Широко используются помидоры и болгарский перец. Кухня ахыска примечательна самобытными блюдами, среди которых внесезонный суп *шорпа* (*чорба*). К наиболее популярным напиткам относятся: чай, айран, шербет. Предпочитаемая ахыска молочная продукция: сыр, йогурт, сметана. В быту турки-месхетинцы (ахыска) консервативны, но в местах их компактного проживания замечается влияние местной преобладающей культуры. Внешне турецкий дом и двор практически не выделяются на фоне жилищ остального населения. Ключевые национальные особенности сосредоточены в интерьере и проявляются они, в основном, в обилии ковров на стенах и полу, а также картин с изречениями из Корана. Почти в каждой семье есть *куфра* – тахта, предназначенная для отдыха по вечерам и для принятия пищи днем. В остальном убранство домов ахыска состоит из современной мебели.

[9] Алиев Б. Месхетия и месхи (турки-месхетинцы): этнополитическая история народа (https://cac.org/journal/2002/journal_rus/cac-01/19.alievru.shtml).

Турки-месхетинцы достаточно хорошо знают свои национальные песни и танцы, традиционные обряды и праздники. Большинство стараются соблюдать национальные ритуалы, основной элемент которых суть исламская обрядность. Исламская религия выступает важным фактором этнокультурной идентификации. Турки-месхетинцы являются мусульманами суннитами и религия играет важную роль в их жизни. Многие считают, что умение читать Коран очень важно и престижно и потому стараются обучить детей арабской письменности и очень гордятся , если их сын или дочь смогли закончить полный курс обучения и могут свободно читать Коран. Среди турок-месхетинцев, проживающих в КБР много тех, кто хорошо знают исламскую обрядность. Такие люди пользуются особым уважением как среди турок-месхетинцев, так среди кабардинцев и балкарцев. Поэтому в ряде населенных пунктов во главе местных религиозных общин стоят турки-месхетинцы (Псыкод, Новая Балкария и др.) В ряде населенных пунктов КБР Духовное управление КБР назначили имамами турок-месхетинцев, признавая их знания и авторитет среди мусульман.

Одним из важнейших семейных праздников турков-месхетинцев является обрезание (*сюннет*) – религиозный обряд, который проходят мальчики 7–12 лет. В день обрезания родители юноши и пришедшие гости поздравляют его, преподнося ему подарки. В обряде обязательно участвует *кирва* – взрослый мужчина, принимающий, по факту проведения обряда, ответственность за мальчика вплоть до наступления его совершеннолетия, обязующийся отныне направлять юного мусульманина в вопросах морали и религии. Роль *кирва* близка по некоторым позициям роли аталыка (названного отца у балкарцев и ряда других тюркских народов), а также она аналогична роли крестного отца в христианской обрядности.

За более чем 70 лет после принудительной депортации обрядовая жизнь турок-месхетинцев претерпела некоторые изменения, но попрежнему соответствует общетюркской типологии и шариату, содержит этапы: *«кыз сарафламах», «элчилух», «шарбат ичмах», «хына», «маслахат аши», «гялин чыхармаг», «гювеги», «дувахачыми», «энишителух», «аякдонди», а также элементы «атлилар», «мегерлер», «башлух», «той харджи»* и т. д. По канонам шариата, турку-месхетинцу надлежит приготовиться к смерти заранее, а именно: расплатиться с долгами, уладить материальные, наследственные и внутрисемейные проблемы. В общественной жизни особенно чтут следующие празднества: Курбан, Раджаб, Ильбашы, Рамазан, Мевлуд, Хыдыр-эллез, Новруз. Наиболее популярными увеселениями являются: *сыра ойуну, финджан-узук, сыра тюркюсу, сыра мясяли*, пред-

ставления ашугов и др.[10] Турки-месхетинцы отмечают Новый год, и он является одним из важных семейных праздников, когда в дом родителей приходят сыновья и дочери, создавшие свои семьи вместе с детьми. В турецких семьях отмечают также международный женский день 8 марта, нередко в этот день сыновья и внуки поздравляют старших членов семьи (мам и бабушек, сестер отца и матери). Религиозные, семейные и общественные праздники способствуют сохранению родственных, семейных связей и выступают фактором формирования и сохранения этнокультурной идентичности турков-месхетинцев.

Профессиональные формы искусства, ввиду географической разрозненности этноса, развиваются недостаточно активно, однако среди турок-месхетинцев имеются известные режиссеры, художники, поэты, музыканты, певцы, а также театральные коллективы, в числе которых особенно примечателен театр «Мика-шоу», действующий в Ташкенте и гастролирующий по регионам проживания турок-месхетинцев. В КБР при общественной организации «Ватан» создан и на протяжении многих лет действует танцевальный ансамбль «Ватан», участвующий во всех культурных мероприятиях, проводимых в Кабардино-Балкарии. У турок- месхетинцев есть профессиональные музыканты и фотографы, обслуживающие свадебные и иные праздничные мероприятия турецкой общины.

Роль института семьи и общественной-организации «Ватан» в деле сохранения турками-месхетинцами этнической самоидентификации очень высока. У турок-месхетинцев двоякая стратегия конструирования этнической идентичности: с одной стороны, она интеграционная, с другой – консервативная самоизоляция. В семейной и праздничной обрядности они смогли сохранить многое из традиционной культуры. Семья и родственные отношения у турок-месхетинцев занимают особое место, и их значимость подчеркивается целым рядом явлений. Большое внимание уделяется сохранению семейной памяти: члены семьи осведомлены о том, что происходит у родственников, живущих как рядом, так и далеко, на территории Кабардино-Балкарии и в других регионах России, а также в других странах. Поездки на свадьбы и похороны родственников обязательны, независимо от дальности расстояний. Ввиду географической разрозненности народа, турки-месхетинцы высоко ценят традицию взаимных визитов и называют ее одной из причин сохранения этнической целостности в условиях дисперсного расселения. Один из наших информантов, мужчина 63 лет, так говорил о значимости взаимных визитов: «если мы перестанем помо-

[10] Гаджиев А. Ахалцихские турки: история, этнография, фольклор (http://irsaz.com/new/pdf/201211/1353657995306872081.pdf)

гать друг другу, перестанем ездить друг к другу на свадьбы и, не дай Аллах, на похороны, то мы перестанем быть народом».[11]

Турки-месхетинцы, по их самооценке, всегда готовы прийти на помощь родным, независимо от места жительства и расстояний. Если дом посетила беда, к примеру, смерть забрала одного из домочадцев, членам сообщества надлежит отложить свои дела и навестить всех членов морально пострадавшей семьи, чтобы выразить соболезнование. Если своевременный визит не состоялся в силу непреодолимых обстоятельств, необходимо нанести его при первой возможности, пусть даже по прошествии большого количества времени. Такие традиции взаимной поддержки близки к кавказским, в том числе кабардинским и балкарским. Турки-месхетинцы помогают друг другу не только морально, но и материально, и, попав в финансовые неприятности, всегда рассчитывают на родных и близких. Живущим друг от друга на больших расстояниях, нередко приходится нести крупные затраты из-за обязанности навещать скорбящих родственников. Тем не менее, эту обязанность принято неукоснительно исполнять.

Огромное значение в жизни социума имеют соседские отношения. Турки-месхетинцы говорят, что добрый сосед, порой, ближе брата, потому что сосед всегда рядом и способен вовремя оказать помощь, а родной брат может быть далеко. По уровню родственной и семейной сплоченности они близки к кабардинцам и балкарцам, у которых семейные и родственные отношения занимают также особое место и имеют особенную ценность, но в некоторых проявлениях этой сплочённости турки-месхетинцы даже «опережают» кабардинцев и балкарцев. Понятие «родственник» у турок-месхетинцев распространяется не только на родных братьев и сестер, но и на двоюродных, на братьев и сестер родителей, и далее – концентрически расширяющимися кругами. Тип поселения турок-месхетинцев (ахыска) иллюстрирует их отношение к родственным связям. Они стараются строить или приобрести дом рядом с домом родственника. А рядом с собственным домом стараются купить или построить дом для подросших сыновей, чтобы те со своими сыновьями жили рядом. Крепкие родственные отношения и групповая этническая солидарность являются факторами сохранения этнокультурной идентичности и сохранения этнического сознания. Сохранение связи с семьей, с родными позволяет сохранить этническую идентификацию.

Турки-месхетинцы создают семьи между представителями своего народа: мужчины, проживающие в Кабардино-Балкарии, берут невесту из КБР или же из соседних регионов – Ставропольского края, Карачаево-

[11] Аккиева С.И. Турки-месхетинцы В КБР: демографическое и этнокультурное развитие. – Нальчик, 2018, с. 53.

Черкесии, Северной Осетии, Калмыкии, Волгоградской и Ростовской областей. В последнее время в среде турок-месхетинцев возрастает количество межэтнических браков, тогда как еще в начале 2000-х гг. такие браки были редки. В настоящее время число турецко-русских, турецко-балкарских и турецко-кабардинских союзов возросло. При этом в межэтнической брачности прослеживаются различия по полу и религиозной принадлежности. Мужчины женятся не только на мусульманках (балкарках, кабардинках, кумычках и др.), но и на христианках (русских, украинках и др.). Женщины же выходят замуж только за мусульман (кабардинцев, балкарцев и др.). Межэтнические союзы наиболее распространены среди людей в возрасте до 30 лет по причине того, что к нынешнему моменту турки-месхетинцы успешно адаптировались в полиэтничном обществе.

С 1960-х численность турок-месхетинцев в Кабардино-Балкарии с 200 человек возросла до 15 тысяч. Но лишь несколько десятков указали в переписи населения 2010 г., что они месхетинцы, тогда как почти все учтены как просто турки. И это затрудняет реальную оценку их численности и искажает представление о турках-месхетинцах на Северном Кавказе и в России в целом.

Молодежь и мигранты: понимание культурного многообразия (опыт Костромской области)

Белова Н.А.

Молодежь, как особая социальная группа, является наименее социально-защищенной и в случае кризисов экономического и иного характера первой попадает под их воздействие. Большинство современной молодежи не имеет стабильного заработка, поскольку находится вначале профессиональной карьеры, не имеет достаточного опыта работы, знаний и навыков, необходимых в труде. Отсутствие необходимых компетенций иногда с лихвой компенсируется молодежной энергичностью. Сочетание этих свойств может приводить к общественным коллизиям, в том числе в сфере межнациональных отношений.

В 2017-2019 гг. по методике Института этнологии и антропологии РАН и Сети этнологического мониторинга мы проводили серию исследований в Костромской области – изучали мнение и рефлексии студенческой молодежи относительно культурного многообразия и проблем миграции. Некоторые итоги мы обсудим далее.

Ранее нами уже проводилось обследование студентов. Это были выходцы из республик Средней Азии. Студенты обучались на тот момент в Костромском технологическом университете, на технических специальностях.[1] Результаты выявили, что студенты из других государств не стремятся к интеграции в российском обществе, живут замкнутыми общинами, многие из них плохо говорили и понимали по-русски даже к концу обучения в вузе. Также нами было выявлено, что эти студенты не стремятся к общению с другими национальностями. В одной из рассматриваемых групп два студента, по своей принадлежности туркмен и русский, обучались вместе с 15 таджиками, и чувствовали себя в этой среде изгоями, не принимали участия в жизни группы. По их мнению, никто с ними не хотел общаться, а все их попытки наладить контакт, пресекались. Оба перевелись на другие факультеты.[2] Другие респонденты указывали на несдержанное, а иногда и фривольное поведение со стороны студентов, прибывших из Таджикистана, в отличие от того поведения, которое эти ребята демонстрируют у себя на родине. Приезжие студенты считают, что раз местная молодежь ведет себя «недолжным» образом, то и им позволительно «то же самое». Руководитель общественной организации «Объединенной

[1] Белова Н.А. Студенты из Средней Азии в Костроме // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2013.
[2] Там же.

среднеазиатской общины» в беседе нам рассказал, что разъяснением поведения, норм и правил студентов фактически никто не занимается, а ситуация пущена на самотёк. По мере возможности эту роль реализует возглавляемая им организация, путем привлечения и вовлечения студентов Средней Азии в деятельность своей организации. Одной из главных целей является реализация комплексных мероприятий по интеграции и адаптации мигрантов в социум и культурную среду российского общества. Для достижения данной цели происходит приобщение выходцев из стран Средней Азии к мировой и отечественной, российской культуре. «Объединенной среднеазиатской общиной» был реализован ряд образовательных программ, в рамках которых мигрантов знакомили с русским языком и художественной литературой. Среднеазиатская община также ведет воспитательную работу среди молодого поколения уроженцев стран Средней Азии, вовлекая их в спортивные мероприятия. Для привлечения молодого поколения народов Средней Азии к здоровому образу жизни и совершенствованию межнациональных и межконфессиональных отношений был выполнен экспериментальный проект. «О, спорт, ты Мир!», в рамках которого был проведен волейбольный турнир с привлечением других этнических общностей Костромского региона: Узбекистана, Таджикистана, Киргызстана, Туркменистана, Армении, Молдовы, также команды городской администрации и студентов Костромского государственного университета. Как отметил сам председатель С. Хусаинов одной из самых сложных и труднореализуемых задач состоит как раз таки в разъяснении среди молодежи норм поведения. Никто им не объясняет, что подобные примеры не являются нормой и для российского общества, но деятельность одной организации не достаточна для решения подобных задач. Помимо того, со стороны администрации города осуществляется слабая поддержка организации. Вместе с тем ее роль нельзя не оценить положительно, потому что результаты есть и весьма существенные. Например, поведение со стороны студентов, которые прибыли для обучения. Среди них уже меньше указанной выше настороженности, многие из них хорошо владеют русским языком и хотят остаться в нашей стране в дальнейшем, после окончания вуза.[3]

Исследования в области межнациональных отношений, особенно среди молодого поколения, являются актуальными для предупреждения ксенофобии и экстремизма, сохранения и поддержания межнационального мира и согласия. Эти задачи поначалу кажутся несущественными в Костроме, где доля мигрантов и в целом нерусской части населения небольшая, а подавляющим большинством являются русское население – 93%.[4] Но в

[3] Полевые материалы автора. Кострома, Костромская область, 2018.
[4] Костромская область. Статистический ежегодник. В двух томах. Том 1.: Стат.сб. / Костромастат. Кострома, 2015.

том-то и дело, что в подобных условиях человек «неславянской наружности» становится особенно приметным. Культурные, языковые и поведенческие отличия особенно замечаются местными жителями в социально неблагоприятные периоды.

Нужно представить небольшой социально-экономический анализ региона, чтобы понять, какова ситуация с уровнем жизни местного населения и каким может быть в связи этим потенциал восприятия и приятия инокультурных мигрантов.

В 2018 г. стало известно о том, что из-за высокой долговой нагрузки в Костромской области введено казначейское сопровождение, и это «должно помочь» контролировать региональные расходы. Фактически, речь идет о региональном дефолте. Это первый случай признания неудовлетворительного качества управления региональными финансами. В целом эта мера возымела позитивные результаты: в июне 2019 г. Костромская область сократила размер государственного долга на 1,1 млрд руб. Губернатор С. Ситников, выступая с отчетом перед региональными парламентариями, сказал: «За шесть месяцев текущего года госдолг сокращен и на 1 июля он составил 107,4% к собственным доходам бюджета. Основная задача, которая стоит перед администрацией региона, – к концу года сократить государственный долг до 98%. Таких результатов удалось достичь благодаря росту собственных доходов региона»[5]. В целом, конечно, это очень маленькая цифра, для региона с таким экономическим и туристическим потенциалом, большими возможностями бизнес-стратегий и инвестиций. В своем другом исследовании мы поднимали вопрос об изучении и развитии в регионе множества культурных и региональных брендов, которые могут стать дополнительным источником инвестиций, новых трудовых мест, налоговых поступлений в том числе. Региональные власти также отмечают, что увеличение налоговых и неналоговых поступлений в бюджет области, – «недостаточная мера для уменьшения госдолга».

Об ухудшении уровня жизни костромичей свидетельствуют статистические данные, согласно которым растет уровень обязательных расходов и существенно снижается количество сбережений населения. Для поддержания своей жизни население все чаще стало прибегать к услугам кредитных организаций.

Несомненно, что развитие Костромской области тесно связано и с развитием сельского хозяйства. Но низкий уровень, качество жизни, небольшие доходы сельского населения (жизнь которых, несмотря на электрификацию, газификацию, распространение интернета и прочих источников)

[5] Костромская область в I полугодии сократила госдолг до 19,36 млрд руб. Новости: Экономика. http://www.interfax-russia.ru/Center/news.asp?id=1044637&sec=1679

несильно изменился в сравнении с предыдущими десятилетиями. Во многих городах области, не только в селах и деревнях, отсутствует газ и даже водопровод и канализация в домах, а если последние и присутствуют, то ими невозможно пользоваться из-за низкого качества воды.[6]

Отток местного населения из села в город стал массовым, особенно этот показатель велик среди молодежи. По официальным данным Костромастата, миграционный прирост в регионе в городах происходит именно за счет внутренней миграции из села в город.[7] Вместе с тем, необходимо учитывать, что большинство приезжей молодежи на заработки не отмечает регистрацию по новому месту жительства и сохраняет областную «прописку». Так что фактический объем миграции неизвестен. Но, приезжая в Кострому, селяне далеко не всегда находят необходимы заработок. Этим молодые люди костромского региона невыгодно отличаются от такой же категории внутренних мигрантов в других среднероссийских регионов, особенно, если сравнивать с условиями Московской области.[8]

Из представленного обзора видно, что социальная ситуация в регионе сложная, население находится в затруднительном состоянии. В наших опросах 2018–2019 гг. доля нуждающихся или испытывающих материальные стеснения среди молодежи составляет треть, что на 10% выше, от общего числа опрошенных жителей региона. Удельный вес молодых людей, которые не испытывают стеснений составил всего 12%, против 33% тех кто не испытывает комфорта в жизни и вынужден ограничивать себя в чем-либо. Но большинство молодежи, делаем скидку на возраст ижизненный оптимизм, оценило свое материальное положение как «нормальное» – 49%. Однако при личных комментариях опрошенные добавляли фразы: «хотелось бы лучше», «надеюсь, в другом городе жизнь сложится более успешно», «помогают родители».

Еще одним индикатором уровня жизни, является миграционные намерения местных жителей. По этому показателю ситуация в регионе не является благополучной. Статистические данные о внешней миграционной ситуации в Костромской области говорят следующее: количество прибывших чуть более 1,3 тыс. чел., примерно такое же количество уехало за пределы Костромской области или РФ. Большинство это граждане стран СНГ,

[6] См.: Скудаева А. Роспотребнадзор рассказал об опасности костромской воды. https://rg.ru/2018/03/27/reg-cfo/rospotrebnadzor-rasskazal-ob-opasnosti-kostromskoj-vody.html. Дата публикации:27.03.2018; Кузнецов Д. Вышла сухой. Суд в Костромской области оправдал главу водоканала, от которой жители Буя на митинге требовали чистой воды. (https://7x7-journal.ru/articles/2019/02/07/vyshla-suhoj-sud-v-kostromskoj-oblasti-opravdal-glavu-vodokanala-ot-kotoroj-zhiteli-buya-na-mitinge-trebovali-chistoj-vody).

[7] Общие итоги миграции населения Костромской области в 2018 г. http://kostroma.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kostroma/ru/statistics/population.

[8] Степанов В.В. Социальное благополучие столичной молодежи и готовность к восприятию культурного многообразия //Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2014, сс. 19-26

и «существенна» миграция из Вьетнама. По словам сотрудникам миграционного центра миграция из Вьетнама в основном трудовая – покупают патенты работодатели для организации швейного производства ввиду того, что местное население не соглашается на такое трудоустройство.[9]

По нашему опросу, примерно 40% костромской молодежи настроено уехать из регионы, причем из них 15% хотели бы мигрировать в другие страны. Еще 23% не решили окончательно и раздумывают на эту тему. Но и тут ситуация довольна очевидна: «Я пока не решила, если будет хорошая работа, с достойной заработной платой, то можно и тут остаться» (ж., 18 лет). Таким образом, если в области не будет достойной заработной платы для молодежи, не будет перспектив для развития или карьерного роста, то в целом и выход из кризиса для региона невозможен.

В ходе опроса мы спросили студентов: «В каких профессиях следует использовать труд иностранных мигрантов в Вашем регионе?». Примерно половина респондентов высказались за использование труда мигрантов в сфере ЖКХ, строительстве и дорожных работах. Также примерно треть отметили возможность использования труда мигрантов в сельском хозяйстве. Наименее желательной сферой для использования труда мигрантов была названа медицина и социальная сфера, всего 5% молодежи высказалось за использование иностранных специалистов в этой области. В целом 80% респондентов отметили важность и необходимость использования труда мигрантов в регионе, и только 13% считают эту инициативу излишней, еще 8% затруднились ответить на этот вопрос.

Однако индикаторы измерения уровня социального напряжения и конкуренции очень высокие – более 90%, что указывает на скрытое неприятие в адрес мигрантов среди местной молодежи. В приватных беседах с молодым поколением выяснилось, что это действительно так и благоприятное отношение лишь внешнее и ничего не имеет общего с реальностью, т.е. ответы даются в соответствии с так называемым «правильным» и «принятым» мнением в обществе, что надо думать и отвечать толерантно. Например, были высказаны такие суждения: «Я иду в магазин дешевой одежды, потому что не имею возможности купить себе качественную, более дорогую одежду. Я прихожу в магазин “Смешные цены” и стоит там “эти” (хозяева жизни и нашего города) и смотрят на меня, что я тут у них эту дешевую одежду покупаю, и смеется надо мной. Мол, ты русская нищебродка, а мне деваться некуда… Я не могу себе позволить купить хорошей одежды… Не такие у нас заработки, а они прям смеются и обсуждают, я вижу это. Хозяевами себя тут считают. Мне в такие моменты очень хочется, чтобы их тут не оказалось. Пусть у себя такие порядки устанавливают и

[9] ПМА, 2018.

над своими нищебродами смеются» (жен., 30 лет); «Мы работали на строящемся объекте, там были мигранты, и выяснилось, что какие-то таджики получают по 70 тыс. руб. в месяц, а мы по 30 едва имеем, где тут справедливость?! Мне вот даже никто не предложил такую работу и зарплату, а я бы пошел!» (муж., 33 г.); «Они разные бывают, но в основном они все приспособленцы, русских девушек используют только для хорошей жизни. Они им, дурочки, машины покупают, помогают с получением гражданства, а у них там семьи и плевать они хотели на нас. Как гражданство получают, так перевозят сюда пол своего аула, а жене еще и претензии на жилплощадь высказывают. Ведь их прописывают, хорошо если квартира в собственности» (жен., 34 г.). Такие суждения, к сожалению, далеко не единичные случаи.

Ответы на другой вопрос анкеты снова указывает на неоднозначную ситуацию и касается он совместного обучения детей. Большинство молодых костромичей высказалось за нейтральное отношение к обучению детей мигрантов в русских школах – 62%, положительно отнеслось лишь 18%, причем отрицательно восприняли этот момент примерно такое же количество респондентов – 15%. Вместе с тем, эта ситуация опять же показывает спорную картину. Во-первых, нельзя отнести нейтральность на сто процентов к положительному фактору и воспринимать ее только позитивно, потому что если произойдет резонансная ситуация с детьми разных национальностей, доля нейтральный ответов снизится, если не станет отрицательной. Во-вторых, мы вновь сталкиваемся с той ситуацией, которая фактически не затрагивает интересы опрашиваемых, т.е. детей, которые должны пойти детский сад или школу, пока нет у данной категории населения. Еще ниже вероятность, что там окажутся дети других национальностей. А вот в личных беседах, на вопрос «если бы такая ситуация случилась с Вами, как бы Вы отнеслись к этой вероятности, что Ваш ребенок будет учится вместе с “узбеком, таджиком” в одном классе?». То мы получали довольно часто ответ: «Ой, нет! Они же невоспитанные!», «Ой, они неуправляемые», «Они детей своих не воспитывают, так как мы своих»; «С нами в общаге живут такие, мы не общаемся, они даже не здороваются…». Конечно, встречаются и позитивные оценки: «Они в отличие от наших воспитанные», «Да и что в этом такого, ничего страшного я не вижу» и т.д.

Другим индикатором указывающим на уровень ксенофобии в обществе, является показатель заинтересованности в участии в пикетах и демонстрациях против мигрантов. Большая часть респондентов высказались против такой идеи и не поддержали бы подобную инициативу (70%), вместе с тем «за» высказалось 10%, а 20% затруднилось с ответом. Последнюю категорию респондентов следует отнести к тем, кто скорее всего выступит в поддержку данной инициативы, особенно, если ситуация будет

резонансной. Например, как бытовой конфликт в Нерехте, произошедший в июне 2012 г.[10] Этот конфликт между молодыми людьми и стихийный митинг местных жителей, требующих справедливого следствия, доказывают правоту наших суждений.

Вместе с тем в рейтинге отрицательного восприятия в адрес мигрантов занимает устойчивое мнение опрошенных о том, что именно мигранты являются причиной роста преступности. «Как я отношусь к мигрантам? Да как новости не откроешь: тут таджик совершил преступление, здесь узбек и только и слышно из новостей, что все наши беды от них!» (муж., 25 лет). Примерно четверть костромичей считает, что мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители. Вместе с тем, на наш комментарий о том, что по официальной статистике доля преступлений, совершенных мигрантами составляет всего 1%, высказывались мнения о том, что они уже многие получили гражданство и не считаются мигрантами, с точки зрения законодательства. Да и если этот процент перевести в численный показатель, то получится далеко немаленькая цифра. Из чего можно сделать вывод, что у местных жителей, которые не имеют стабильного заработка и получают заработную плату ниже средней, а порой и ниже прожиточного минимума, куда и попадает практически все молодое население области, видят «прямую угрозу» от мигрантов. Из чего можно сделать вывод о более чем настороженном отношении местной молодежи к мигрантам.

В целом в Костромской области межнациональные отношения можно оценить как состояние латентного напряжения, при котором конфликт может вспыхнуть, например, под воздействием СМИ. Мероприятия, которые осуществляются властями для поддержания общественного спокойствия, носят в основном эпизодический характер, и таких мероприятий в регионе явно недостаточно.

[10] Более подробно см.: Дело о поножовщине в Нерехте, едва не вызвавшее межнациональные волнения, передано в суд. https://www.newsru.com/russia/21may2013/nerekhta.html. Дата публикации: 21.05.2013.

Мониторинг общественного восприятия инокультурной миграции в Марий Эл

Орлова О.В., Чемышев М.В.

Республика Марий Эл – многонациональный регион России. На протяжении столетий здесь проживают марийцы, русские и татары. С течением времени этнический состав населения претерпевает изменения: по данным Всероссийских переписей населения 2002 года русские и марийцы составляли 47,5% и 42,9% соответственно, татары – 5,9%, представители других национальностей – 3,7%; 2010 года русские и марийцы составляли 45,1% и 41,8% соответственно, татары – 5,5%, представители других национальностей – 7,6%.[1] Сокращается численный состав этнических сообществ, традиционно проживающих на территории республики, вместе с тем увеличивается численность «новожителей». По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., на территории республики проживает более 50 представителей различных национальностей.[2] В последнее десятилетия в республику прибывают иностранные граждане, желающие получить высшее образование и трудоустроиться. Это, в основном, носители незнакомых для местных жителей языков и культурных традиций.

Как показывают официальные данные, в республике численность иностранных граждан в республике не так высока, как в других регионах России.«Фактически по учетам УВМ в республике находятся порядка 3600 иностранных граждан и лиц без гражданства. Ежегодно идет тенденция на увеличение количества иностранных граждан и лиц без гражданства. С учетом постоянно и временно проживающих иностранных граждан, численность иностранных граждан в Республике Марий Эл от численности зарегистрированного населения Республики Марий Эл составляет 0,75% (на конец 2014 г. данная цифра составляла – 0,59%). Основное количество прибывших за истекший период в республику иностранных граждан составляют граждане, из Республики Узбекистан (16,8% от общего количества поставленных на миграционный учет в республике), Индии (13,1%), Республики Таджикистан (11,6%), Республики Туркменистан (8,6%), Республики Азербайджан (6,8%), Украины (5,9%)».[3] Большая часть иностранных граждан, поставленных на миграционный учет в 2018 г., указали цель

[1] Национальный состав населения Республики Марий Эл – статистический сборник, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл – Йошкар-Ола, 2012 – 137 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года). – С.6.

[2] Там же, с.9-13.

[3] Дмитриев А.Е. Миграционная ситуация в Республике Марий Эл//Миграционные процессы: вызовы современности: материалы экспертной площадки «Миграционные процессы: вызовы современности», Йошкар-Ола,15 ноября 2018 г./ под ре. О.В.Орловой. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019. – 184 с. – С.14.

приезда «учеба» – 47%, 11% – «работа».[4] Численность иностранных студентов в республике на начало 2018/2019 учебного года составила 2361 человек. 24 июня 2019 года на заседании Правительственной комиссии по реализации Концепции государственной национальной политики Республики Марий Эл ректорами вузов были озвучены новые данные по численности иностранных студентов в Марий Эл. Так в Марийском государственном университете обучается 2800 студентов из 31 страны, а в Поволжском государственном технологическом университете – 829 студентов из 11 стран. В этих условиях чрезвычайно актуально сохранение спокойных межнациональных отношений, в связи с этим перед исследователями стоит задача – изучение взаимоотношений старожильческого населения и приезжих.

Исследователи предприняли попытку определить стереотипы, сложившиеся у респондентов через чувства, которые они испытывают, общаясь с людьми с другой религией, языком, национальностью. В Республике Марий Эл весной 2017 г. был проведен опрос учащихся общеобразовательных учреждений и студентов высших учебных заведений по теме «Мнение учащихся о желании изучать языки и культуру». Опрос проводился по программе Сети этнологического мониторинга и Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН.

Результаты выявили, что к людям, отличающимся по языку, у большинства опрошенных сложилось нейтральное отношение (56%), позитивное отношение у 38%, а некоторая часть респондентов настроены негативно (около 6%). У более половины респондентов (54%) возникает интерес к общению с носителями другого языка, но 55% респондентов не ощущают желания их поддержать, 52% респондентов не думают, что это пригодится им в жизни. Им доверять полностью готовы только 19% респондентов. К людям, приехавшим из других мест, у большинства опрошенных сложилось так же нейтральное отношение (54%), позитивное отношение у 41%, а некоторая часть респондентов настроена негативно (около 5%). Подавляющее большинство респондентов (68%) с интересом воспринимают общение с людьми, приехавшим из других мест, но практически половина (59%) респондентов не ощущают желания их поддержать, 62% респондентов не думают, что это пригодится им в жизни. Им доверять полностью готовы только 18% респондентов. В отношении представителей другой национальности у респондентов, в основном, сложились нейтральные стереотипы (70%). Позитивное отношение сложилось у 24% респондентов, а некоторая часть респондентов настроена негативно (около 6%). Большинство опрошенных ничего не ощущают при общении с представителями

[4] Там же, с.14.

другой национальности (60%), еще больше респондентов (70%) не ощущают желания их поддержать, 73% респондентов не думают, что это пригодится им в жизни. Им доверять полностью готовы только 15% респондентов. Те люди, которые отличаются своими традициями и нормами поведения тоже не вызывают полного позитивного отношения (32%), большинство к ним относится нейтрально (57%), но к ним больше респондентов относится негативно (более 10%). Но, тем не менее, большинство опрошенных ощущают интерес при общении с представителями других традиций и норм поведения (53%), но больше респондентов (61%) не ощущают желания их поддержать, 55% респондентов не думают, что это пригодится в жизни и доверять им полностью готовы только 15% респондентов. Более всего нейтральные стереотипы сложились в отношении людей, исповедующих другую религию (74%), и в отношении их менее позитивных мнений (20%) а некоторая часть респондентов настроена негативно (6%). Большинство опрошенных ничего не ощущают при общении с представителями другой религии (63%), еще больше респондентов (76%) не ощущают желания их поддержать, 75% респондентов не думают, что это пригодится им в жизни. Полностью доверять им готовы только 11% респондентов.

Таким образом, мы можем представить общую картину о взаимоотношениях наших респондентов с представителями, другой культуры, языка, национальности, религии. У наших респондентов сложились в отношении культурных отличий больше нейтральных стереотипов (62%), чем позитивных (31%), а у некоторой части респондентов сложились негативные стереотипы (более 6%). Что же позитивного присуще нашим респондентам? Учащиеся и студенты ощущают интерес к культурным отличиям (39%), им хочется поддержать людей с культурными отличиями (26%), некоторые из них чувствуют новые возможности при общении (23%), но готовы доверять людям с культурными отличиями только 12% респондентов. Говоря о негативных стереотипах, мы можем отметить следующее: 34% ощущают тревогу при общении с людьми другой культуры, ощущают препятствия для общения (28%), ощущают неодобрение (21%) и совсем не хотят общаться (17%). Нейтральные стереотипы о культурных отличиях: особого интереса нет, но общение допускают (19%); не поддерживают общение, но и не отрицают его (25%); респонденты не видят, ни выгоды, ни проблем от общения с носителями другой культуры (25%), а более всего респонденты не испытывают доверия, но их и не тревожит общение с людьми, имеющими культурныеотличия (31%).

В целом, в республике достаточно спокойная миграционная ситуация и результаты опросов Сети этномониторинга, проводимые в республике с 2014 г.,и исследования МарНИИЯЛИ это подтверждают. Респонденты, по

их самооценке, в основном не общаются или практически не общаются с мигрантами, что связано с относительно небольшим количеством приезжих. Респонденты допускают, что мигранты будут работать в непривлекательных для местных жителей сферах, но менее приветствуют труд мигрантов там, где требуется профессиональное образование и опыт. Известные клише о том, что мигранты отнимают рабочие места у местных жителей и чаще совершают преступления, респонденты не поддерживают. Большинство из них считают, что местные жители сами не хотят занимать некоторые рабочие места, и нет особых различий между местными жителями и мигрантами по уровню преступности. Это мнение подтверждается и официальными данными. Респонденты положительно оценивают открытие кафе и ресторанов национальной кухни, развитие туризма со странами, откуда пребывают мигранты, готовы заниматься художественными промыслами, танцами и музыкой этих стран. Они согласны, что нужно оказать помощь мигрантам в изучении русского языка и привлекать их к участию в общественной жизни. Но не выразили большого желания изучать языки мигрантов и обучать своих детей с детьми мигрантов. Значительное большинство респондентов согласны, что мигрантов нужно интегрировать, но сами респонденты менее половины положительно настроены на интеграцию с мигрантами.

Осенью 2018 г. исследователи Сети этномониторинга провели еще один опрос населения республики по изучению общественного восприятия миграции и мигрантов. Респонденты, как выяснилось, считают, что трудовые мигранты предпочтительно должны концентрироваться только в некоторых сферах деятельности – быть заняты уборкой и оказывать жилищно-коммунальные услуги (51% мнений), трудиться в сельском хозяйстве (41%), в строительных и дорожных работах (35%), работать по найму (25%), то есть именно в тех сферах, которые не привлекательны для местных жителей. Респонденты допускают, что трудовые мигранты могут быть задействованы в торговле (16%) и работать в кафе, ресторанах, гостиницах (13%). Местные жители привыкли, что торговлей овощами и фруктами уже не одно десятилетие в республике занимаются выходцы из Кавказского региона, в последние годы приезжие из Средней Азии развернули торговлю сухофруктами, специями, орехами. В Йошкар-Оле открыты кафе и рестораны кавказской и среднеазиатской кухни, в последние годы открыта сеть кафе сербской кухни. Поэтому более половины респондентов (55%) положительно относятся к открытию кафе и ресторанов национальной кухни, но 12% против открытия кафе и ресторанов, а 32% относятся нейтрально. Менее всего респонденты желали бы видеть трудовых мигрантов там, где нужно иметь профессиональные навыки и соответствующее образование: заводы, фабрики (10%), общественный транспорт (6%), медицина

и социальные услуги (5%). Около 10% респондентов доверили бы мигрантам охрану парковок и магазинов. Но, около трети респондентов (28%) настроены категорически против использования труда мигрантов в перечисленных профессиях.

Респонденты не изъявили большого желания изучать языки стран, из которых приезжают трудовые мигранты. Положительно оценили возможность изучения языковоколо 31%, большинство отнеслись нейтрально (49%), а около 19% – отрицательно. Незначительное число респондентов дали другие ответы и затруднялись ответить.Больший интерес у респондентов вызвала возможность обучаться художественным промыслам, танцам, музыке, приготовлению блюд национальной кухни стран, из которых приезжают трудовые мигранты. Положительно отнеслись почти 46% респондентов, нейтрально – около 41%, отрицательно – почти 12%. Незначительное число респондентов дали другие ответы и затруднялись ответить.Привлекательным для части респондентов является и развитие туризма в страны,из которых приезжают трудовые мигранты. Только 8% респондентов высказались против развития активного туризма. И практически поровну разделилось мнение респондентов, которые отнеслись к возможности путешествовать, положительно (46%) и нейтрально (44%).По данным опроса осенью 2018 г. менее половины из опрошенных респондентов положительно настроены на интеграцию с мигрантами (44%). Но 41% респондентов заняли нейтральную позицию и 13% не настроены на интеграцию с мигрантами и относятся отрицательно. Но 67% респондентов уверены, что мигрантов нужно интегрировать, против – 28% и около 5% респондентов затруднялись с ответом.

В конце 2018 г. социологи МарНИИЯЛИ провели опрос населения республики «Межнациональные и межконфессиональные отношения в Республике Марий Эл». Большинство местных жителей постоянно не контактируют с мигрантами, что подтверждают и материалы прошлых социологических исследований: в 2015 г. с мигрантами общались очень редко 33%, никогда не общались 55%, в 2018 г., соответственно: 35% и 45%. Но, тем не менее, среди местного населения присутствует негативное отношение к «чужим». Взаимоотношения «свой-чужой» прослеживаются в материалах нашего мониторинга. Так в 2011 г. почти 15% респондентов испытывали неприязнь к представителям другой национальности, в 2012 г. – 6% и столько же в 2015 г., а в 2018 г. – около 7%.[5]Респонденты (78%) отмети-

[5] Социологические исследования межнациональных и межконфессиональных отношений//Материалы межрегиональной научно-практической конференции.7 июня 2012 г. – Йошкар-Ола, 2013. – 434 с. – С. 176;Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл: науч.-статистич. бюллетень/МарНИИЯЛИим.В.М.Васильева; авт.-сост. В.И.Шабыков, О.В.Орлова, Г.С.Зеленеева, А.В.Гуляев. – Йошкар-Ола, 2016. – 181 с. – С.21, 11; Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий

ли, что не испытывали стыда за представителей своей национальности, но встать на защиту представителя своей национальности, если будут оскорблять его национальное достоинство, выразили готовность 41% респондентов и 12% отметили: «Все средства хороши для защиты интересов людей моей национальности», «Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении людей моей национальности» (3%). А встать на защиту представителя другой национальности готовы только 28% респондентов. Хотя 38% респондентов отметили, что «Насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо», но 12% респондентов отмечают: «Мне не нравится, когда на улице, в магазине, в транспорте какой-то человек начинает говорить на чужом для меня языке».[6]Большинство респондентов (62%) отметили, что в Республике Марий Эл невозможно возникновение межнациональных конфликтов, 12% респондентов не исключают такой возможности, 25% затруднялись ответить и незначительная часть не ответили на вопрос. Основными причинами возникновения межнациональных конфликтов в России респонденты назвали «Кому-то выгодно искусственное раздувание национального вопроса» (48%), «Приезд мигрантов» (21%), «Различие в уровнях жизни, образования и т.д.» (21%), «Отсутствие должного внимания к национальному вопросу со стороны государственной власти» (22%), «Дискриминация коренного населения региона»(17%). Значительная часть местных жителей считают, что никакие мигранты не нужны Республике Марий Эл (2015 г. – 69%, 2018 г. – 57%).[7]

Как показывают результаты опросов, в целом, со стороны местного населения нет ярко выраженной агрессии по отношению к мигрантам, но определенное неприятие прослеживается. Особенно обращает на себя внимание довольно высокая оценка «нейтрально». Что за этим кроется – безразличие, равнодушие? И в определенной ситуации как поведут себя эти респонденты. Конечно, здесь есть над чем подумать. Более десятой части респондентоввесной 2017 г. были готовы принять участие в акциях протеста против мигрантов, осенью 2018 г. – 13% респондентов ответили, что могут поддержать акции протеста против мигрантов и столько же затруднялись дать ответ. Около трех процентов дали другие ответы, в которых они вы-

Эл (материалы социологического исследования 2018 года): науч.-статистич. бюллетень/МарНИИЯЛИ; авт.-сост. В.И.Шабыков, О.В.Орлова, – Йошкар-Ола, 2018. – 192 с. – С.21, 9.

[6] Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2018 года): науч.-статистич. бюллетень/МарНИИЯЛИ; авт.-сост. В.И.Шабыков, О.В.Орлова, – Йошкар-Ола, 2018. – 192 с. – С.7.

[7] Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл: науч.-статистич. Бюллетень / МарНИИЯЛИим.В.М.Васильева; авт.-сост. В.И.Шабыков, О.В.Орлова, Г.С.Зеленеева, А.В.Гуляев. – Йошкар-Ола, 2016. – 181 с. – С. 19-21;Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2018 года): науч.-статистич. бюллетень/МарНИИЯЛИ; авт.-сост. В.И. Шабыков, О.В.Орлова, – Йошкар-Ола, 2018. – 192 с. – С.12,19.

сказывают мнение, что их решение об участии в акциях будет зависеть от ситуации. Но все-таки здравомыслящих людей больше, и они не собираются поддерживать акции протеста против мигрантов (71%). По результатам опросов в 2015 г. были готовы принять участие в акциях протеста против мигрантов 22% респондентов, в 2018 г. – 11%.[8]

Успешная адаптация и интеграция мигрантов возможна и при активном участии общественных организаций. В республике создана система взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций. При республиканском Министерстве культуры, печати и по делам национальностей действуют Совет по делам национальностей и Консультативный совет по вопросам религиозных объединений. Эти структуры созданы для взаимодействия с национально-культурными общественными объединениями, общинами и другими заинтересованными организациями республики. В муниципальных образованиях республики так же созданы Советы по делам национальностей и взаимодействию с религиозными объединениями и в структуре администраций определены муниципальные служащие, ответственные за сферу межнациональных и межконфессиональных отношений. В состав советов входят представители национально-культурных общественных объединений республики. Они активно сотрудничают с республиканскими центрами национальных культур (марийской, русской, татарской). Общественными объединениями проводятся мероприятия, направленные на сохранение языка и национальной культуры народов, в т.ч. и совместные. Например, ежегодно проводится обрядовый праздник тюрко-язычных народов «Навруз» с участием татарского, узбекского, азербайджанского и других народов. В г.Йошкар-Ола действуют национальные общины (армянская, белорусская, грузинская, казахская, осетинская и другие), которые занимаются сохранением национальной культуры своих народов. Активно используется потенциал этнокультурных и общественных объединений, им оказывается организационное и финансовое содействие в проведении мероприятий, посвященных национальным праздникам и памятным датам народов.

По итогам многолетних исследований можно предположить, что население Марий Эл не вполне готово к принятию мигрантов, не видит в приезжих добрых соседей. Местные жители сомневаются в необходимости присутствия иностранных трудовых мигрантов в республике. Говоря об адаптации и интеграции мигрантов, необходимо учитывать не менее важную задачу адаптации и местных жителей.

[8] Там же, с.21; с.21.

О мониторинге миграционной и этнической ситуации в Приволжском федеральном округе

Воронцов В.С.

Научная и социальная значимость изучения современных миграционных процессов обусловлены тем, что Россия входит в число стран с интенсивным миграционным притоком населения. По данным Главного управления по вопросам миграции МВД РФ, в 2018 г. на миграционный учет в России было поставлено 17,7 млн. чел. Хотя значительная часть из них прибыла для трудовой деятельности[1] и по формальным меркам представляет собой временное население, но трудовая миграция является существенным источником формирования новой этнокультурной ситуации в России, в особенности в ее экономически ключевых регионах.

В лице трудовых мигрантов экономика принимающего государства получает дешевую рабочую силу с минимальными социальными запросами. Вместе с тем часть трудовых иностранных мигрантов пытается «отвоевать» для себя определенные экономические и культурные ниши, используя для этого ресурс этнической солидарности (помощь землячеств, общин, «своих» предпринимателей). Мигранты стремятся сохранять свою этнокультурную и конфессиональную идентичность, воссоздать на новом месте привычный для них образ жизни, порой, с непонятными для местных жителей обычаями и традициями. Это зачастую приводит к возникновению межэтнической напряженности и конфликтным ситуациям в регионах. Опасения вызывают и попытки международных террористических организаций использовать миграционные потоки для проникновения в страну сторонников радикальных идеологий. По данным председателя Национального антитеррористического комитета, директора ФСБ А.В. Бортникова в 2018 г. пограничной службой закрыт въезд в Россию более 10 тыс. лиц, подозреваемых в причастности к террористической и экстремистской деятельности[2].

Однако не следует впадать в крайности, как это происходит сегодня в некоторых странах Европы, и воспринимать миграцию только как источник рисков и угроз. Основная часть прибывающих в Россию иностранных мигрантов это выходцы из бывших советских республик, сохраняющих гуманитарные, родственные, культурные, политические и экономические связи с нашей страной. В постсоветский период иммиграция значительно

[1] Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-декабрь 2018 года (https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15850787).

[2] Вступительное слово председателя НАК, Директора ФСБ России А.В. Бортникова на совместном заседании НАК и ФОШ (http://nac.gov.ru/publikacii/vystupleniya-i-intervyu/vstupitelnoe-slovo-predsedatelya.html).

пополнила население страны, смягчив демографические потери, она также внесла вклад в российскую экономику. Например, в 2012-2017 гг. гражданство России приняли свыше миллиона человек, из них 525 тыс. по программе оказания содействия добровольному переселению в РФ соотечественников. Суммарный миграционный прирост за этот период составил 1,6 млн. человек, а среднегодовая численность трудовых мигрантов – около 3 млн. человек[3]. Только за прошедший год трудовыми мигрантами было оформлено 1,7 млн. патентов, доход региональных бюджетов пополнился на 57 млрд. руб.[4]

Руководство России осознает стратегическую значимость внешней миграции. 1 октября 2018 г. Президент РФ В.В. Путин подписал Указ «О концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». Обновление концепции миграционной политики было вызвано необходимостью актуализировать цели, задачи и основные направления деятельности в сфере миграции. Концепция направлена на создание четких правил въезда, проживания, трудовой деятельности мигрантов, их защиты от недобросовестных чиновников и работодателей, а также необходимых шагов для их успешной социокультурной адаптации и интеграции в российское общество. Тем самым Российское государство обозначило приоритеты в миграционной политике в среднесрочной перспективе, понимая важность этого направления в сложившейся социально-экономической и демографической ситуации[5].

Значимость миграционной проблематики акцентируется и в новой редакции Стратегии государственной национальной политики РФ. В числе рисков и угроз для национальной безопасности страны указываются незаконная миграция, несовершенство действующей системы социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан, формирование замкнутых этнических анклавов. Не случайно одной из приоритетных целей государственной национальной политики является успешная социальная и культурная адаптация иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграция в российское общество[6].

В этой связи обращаем внимание на чрезмерно долгое затягивание принятия федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации». Напомним,

[3] Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (http://www.kremlin.ru/acts/news/58986).

[4] В 2018 году доход от продажи патентов трудовым мигрантам составил 57 млрд рублей (https://www.interfax.ru/russia/647712)

[5] Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (http://www.kremlin.ru/acts/news/58986).

[6] Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 “О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. N 1666”.

24 августа 2017 г. Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) официально наделили полномочиями по социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан, а также нормативно-правовое регулирование и оказание государственных услуг в указанной сфере.[7] В соответствии с поручением Президента РФ В.В. Путина, упомянутое агентство разработало законопроект о социокультурной адаптации и интеграции иностранных граждан.[8] Однако процесс обсуждения и принятия данного законопроекта затянулся, что как полагают, негативно отражается на взаимоотношениях принимающей стороны и мигрантов.[9]

Таким образом, сложившаяся в России миграционная ситуация требует системного мониторинга, контроля и координации со стороны государственных структур, гражданских институтов и научного сообщества.

Весной-осенью 2018 г. в регионах Приволжского федерального округа было проведено социологическое исследование, посвященное отношению местного населения к вопросам миграции и мигрантов. Программа, методика и инструментарий исследования подготовлены и апробированы сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН и Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Опрос экспертов и студентов вузов проведен в марте-мае, опрос местного населения – в сентябре-ноябре 2018 г. в 10 регионах (республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия, Пермском край, Оренбургская, Самарская, Саратовская области). Выборка носила целевой характер, по единому инструментарию и установленным квотам были опрошены: эксперты (сотрудники государственных и муниципальных органов управления, государственных миграционных центров, научные работники, преподаватели вузов, представители общественных организаций этнокультурной, миграционной, правозащитной, религиозной направленности) – по 30 экспертов в каждом регионе; студенты гуманитарных и технических вузов, обучающиеся по различным специальностям и направлениям подготовки – по 200 студентов в каждом регионе; местные жители в возрасте 18 лет и старше – по 300 человек в каждом регионе. В итоге было опрошено 300 экспертов, 2 тыс. студентов и 3 тыс. местных жителей.

Задачей исследования было выяснить особенности общественного мнения о социальных и культурных проблемах, связанных с иностранными трудовыми мигрантами, наличие моделей взаимоотношений местного населения и приезжих, требовалось дать оценку возможностей социокуль-

[7] Указ Президента Российской Федерации от 24.08.2017 № 399 "О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 168 "О Федеральном агентстве по делам национальностей".
[8] Проект Федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» (https://base.garant.ru/56715005).
[9] ФАДН: затягивание закона об адаптации мигрантов ведет к напряженности в РФ (https://tj.sputniknews.ru/migration/20180404/1025213676).

турной адаптации и интеграции мигрантов и готовность местного населения воспринимать культуру приезжих.

На экспертном уровне изучались риски для регионов ПФО, связанные с современными миграционными процессами, оценивалась роль трудовых мигрантов в решении экономических и демографических проблем России, выявлялись социальные факторы негативного отношения к мигрантам, обсуждались меры адаптации и интеграции мигрантов в местных социумах, оценивалась степень и эффективность участия общественных структур в реализации государственной национальной и миграционной политике.

На уровне восприятия мигрантов и миграции разными группами местного населения изучалось общественное мнение о возможностях и ресурсах социокультурной интеграции трудовых мигрантов, выявлялись фактические и потенциальные сферы их трудовой деятельности, оценивалась значимость и необходимость труда мигрантов для региональной экономики, изучались существующие стереотипы в отношении мигрантов, оценивалась вероятность конфликтов и участия определенных групп населения в антимигрантских акциях протеста, изучалось отношение населения к различным мероприятиям по адаптации и интеграции мигрантов, в том числе вариантов интеграции в форме межкультурного взаимодействия.

Проведенное исследование репрезентативно отразило сложившуюся миграционную ситуацию и общественный миграционный дискурс, дает представление о возможностях и ресурсах социокультурной интеграции трудовых мигрантов в изучаемых регионах.

Тематика исследования вызвала заинтересованность у респондентов, большинство опрошенных проявили открытость, готовность отвечать на все вопросы анкеты. Соцопрос прошел организованно, без эксцессов, в доброжелательной атмосфере, как правило, у опрашиваемых не возникало существенных затруднений при ответах. Анкетерам в большинстве случаев оказывалась организационная помощь и поддержка со стороны государственных и муниципальных органов власти, администраций вузов. Вместе с тем, как и при любом массовом опросе, были отдельные случаи отказа от участия, некоторые эксперты и респонденты соглашались на участие в исследовании крайне неохотно, хотя участие было анонимным. Стандартные пункты анкеты для экспертов предусматривали возможность дополнительных развернутых комментариев, которые призваны отразить существующий спектр мнений по проблематике исследования. Однако нередко эксперты старались избегать комментариев или давали формальные ответы на вопросы. Анкетеры сталкивались и с отдельными случаями, когда респонденты, чаще из числа взрослого населения, в устной форме выражали крайнее неудовольствие, проводимой правительством политикой в соци-

ально-экономической сфере (особую неприязнь вызвало повышение пенсионного возраста).

Следует отметить, что регионы Приволжского федерального округа отличаются своей спецификой. Саратовская и Оренбургская области находятся на границе с соседним государством Республикой Казахстан, на маршрутах значительных транзитных миграционных потоков из Средней Азии. Башкортостан, Татарстан, Самарская область и Пермский край привлекательны для мигрантов в силу развитых региональных экономик и больших возможностей для трудоустройства. Другие регионы географически расположены в удаленности от внешних границ России, их экономики испытывают разного рода трудности, менее развит рынок труда, поэтому гастарбайтеры едут сюда менее охотно (Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия). Вместе с тем, несмотря на все отличия социальные проблемы, связанные с миграционными и этнодемографическими процессами в большей или меньшей степени характерны для всех регионов ПФО.

В целом миграционный фактор в общественной жизни и внутренней политике регионов ПФО в последние годы становится все более значимым, поскольку в рамках глобальных и внутригосударственных процессов происходит поступательное увеличение миграционных потоков, рост экономической и социальной активности трудовых мигрантов, что делает их все более заметным фактором общественной жизни. Органы власти и местное население должны находить соответствующие формы и каналы взаимодействия с этими новыми группами, отличающимися по языку и культуре. Для выработки и совершенствования миграционной и этнической политики необходимо регулярное научное изучение данной проблемы и системный мониторинг миграционной сферы.

Материалы исследований Сети этномониторинга EAWARN подтверждают точку зрения о том, что институты гражданского общества могут и должны стать самостоятельными субъектами миграционной политики, главными партнерами государственных структур в решении миграционных проблем. Их деятельность способна не только помочь мигрантам успешно адаптироваться и интегрироваться в российское общество, но и правильно сориентировать местное сообщество, обеспечив его необходимыми сведениями о приезжих. Однако в силу разных причин, потенциал общественных организаций, в том числе этнокультурных, просветительских, правозащитных и др., с одной стороны, остается недостаточно востребованным со стороны государственных структур. С другой стороны, имеет место и недостаточная организованность самих общественников, незаинтересованность оказывать социально значимые услуги. Исследования показывают, что численность, темпы и состав мигрантов, хотя и важны, но в современных условиях России не являются для миграционных от-

ношений главными. Решающую роль играет наличие или отсутствие процесса интеграции, т.е. бесконфликтного сочетания местной и привносимой культуры. Следует рассматривать интеграцию как процесс подготовки иностранного мигранта к длительному или постоянному проживанию в России с перспективой гражданства. Этот процесс включает в себя не только овладение мигрантами русским языком и основами российского законодательства, но также формирование позитивного отношения к России, знакомство с ее историей и культурой, уважение и соблюдение культурно-поведенческих норм принимающего населения. Интеграция – двусторонний процесс, она также предполагает ознакомление местных жителей с культурой мигрантов, готовность принять и понять приезжих.[10]

Таким образом, в современной России отношение к мигрантам является важнейшим индикатором состояния межнациональных отношений. Причем, этот индикатор позволяет оценивать не только отношения между «местными» и «приезжими», но и характеризует качество и эффективность социального управления регионами. Очевидно, что миграционный аспект межнациональных отношений должен оставаться предметом постоянного мониторинга в регионах России.

[10] Степанов В.В. Мониторинг общественного восприятия миграции и конфликтный потенциал миграционных отношеий в России //Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В. Москва: ИЭА РАН, 2018, сс.175-176.

Социально-политические установки интеграционных стратегий мигрантов из центральноазиатских государств[1]

Мухаметшина Н.С.

В статье рассматриваются результаты опросов мигрантов, прибывших из среднеазиатских государств на постоянное место жительство в Самарскую область. Изучение процесса интеграции инокультурных мигрантов осуществлялось в рамках ряда исследовательских проектов. В частности в 2016-2017 гг. реализован проект «Общины выходцев из Закавказья в Самарской области: изучение опыта социокультурной интеграции (на примере армян, азербайджанцев, грузин)». Методология проектов в целом идентична, что позволяет сравнивать группы анализа. В 2018 г. по-прежнему опрашивались интегрированные по такому формальному критерию как наличие российского гражданства представители инокультурных мигрантов – на этот раз этнические киргизы, таджики, узбеки (по 50 респондентов от каждой группы). Интересный материал получен посредством глубинных интервью 35 представителей указанных групп анализа.

Самарская область, как и ряд других субъектов Приволжского федерального округа, является миграционно привлекательным регионом. Все постсоветские десятилетия среди мигрантов, приезжающих в Самарскую область преобладают граждане государств Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан) и Закавказья (Азербайджан, Армения). Национальный состав мигрантов – этнические азербайджанцы, армяне, казахи, киргизы, узбеки, таджики. Таким образом, можно отметить, что миграция имеет выраженную этническую составляющую, актуализирует межэтнические (межнациональные) отношения. Точнее придает этническую окраску социальным контактам, социальному взаимодействию, поскольку представители перечисленных народов являются носителями нетрадиционной для региона культуры (в определенной степени - кроме казахов). Удельный вес инокультурных новожителей за постсоветский период вырос дифференцированно по группам от 2 до 5 раз[2]. Миграция имеет преимущественно позитивное значение для экономического, демографического, социокультурного развития региона. Однако есть и очевидные минусы: быстрые темпы увеличения объемов миграции не только спровоцировали процесс трансформации этнического и конфессионального состава населения, но и привели к росту внутренних социальных рисков (социаль-

[1] При поддержке РФФИ. Проект № №18-411-630002 «Изучение феномена социокультурной интеграции мигрантов из государств Центральной Азии в Самарской области».

[2] Подсчитано по: http://demoscope/ru/meekly/ssp/rus_nac

но-психологический дискомфорт, межэтническая напряженность, политическая радикализация) и появлению такой внешней угрозы как диверсификация каналов проникновения акторов террористических организаций.

Часть трудовых мигрантов приезжают на заработки, большинство делают это регулярно, из года в год. Такие временные трудовые мигранты, особенно на первых порах, нуждаются в адаптации к местным социально-культурным условиям. Другая часть мигрантов, и как показывает опыт, значительная - стремятся получить и со временем получают российское гражданство. Представителей данной группы, с нашей точки зрения, можно признать формально интегрированными в российское общество. Однако, повторим, это только формальный признак интегрированности. Насколько она качественна, или иными словами, наличествуют ли признаки так называемого социального гражданства, одна из задач нашего исследования.

Цель указанных исследовательских проектов - это изучение феномена интеграции инокультурных мигрантов на примере выходцев из государств Центральной Азии и Закавказья. Поставлена задача определить вектор развития диаспорных общин выходцев из Центральной Азии. Вектор развития выстраивается в следующем континууме: анклавизация – самоизоляция – интеграция – ассимиляция. Крайние варианты (анклавизация и ассимиляция) хотя и имеют противоположные смыслы, сходны в своем социальном, а нередко политическом проявлении, как правило, негативном. Для всех заинтересованных сторон оптимальный позитивный эффект достигается через интеграцию. Полагаем, что качественная интеграция, в отличие от формальной интеграции, позволяет говорить о социальном гражданстве. Также задачей было на основании социально-психологического, этнокультурного, социально-политического критериев определить эффективность интеграционного потенциала выделенных для анализа диаспорных групп. Социально-психологический критерий включает следующие индикаторы: мезоструктурные контакты, уровень религиозности. Этнокультурный критерий включает следующие индикаторы: атрибуты этнокультуры, использование родного языка. Социально-политический критерий включает следующие индикаторы: участие в политической жизни региона, российский патриотизм. Мы также старались выявить интеграционный потенциал диаспорных институций: национально-культурных, земляческих, религиозных и иных организаций. Далее в статье рассматриваются установки в политической сфере и патриотические чувства в совокупности с другими индикаторами, позволяющие определить вектор развития диаспорных общин.

Участие в политической жизни представителей диаспорных общин демонстрируют ответы на серию вопросов. Один из них касается участия в

политической жизни Самарской области. Среди респондентов, опрошенных в 2018 году, удалось обнаружить только одного члена политической партии (этнический киргиз). Каждый второй (54%) из опрошенных этнических киргизов ответили, что они ходят на выборы и голосуют. Среди опрошенных этнических таджиков таких 40%, среди узбеков 38%. Если среди киргизов интересующихся политикой заметно меньше участвующих в выборах (30%), то среди таджиков и узбеков примерно столько же (38% и 36% соответственно). Можно предположить, что среди представителей таджикской и узбекской диаспоры на выборы ходят как раз те, кто интересуется политикой. По какой причине часть аполитичных киргизов все-таки принимают участие в выборах можно только строить догадки.

Глубинные интервью дают представление о политических установках, мотивации политического повеления. Например: «Я читаю каждый день новости, но при этом политикой не очень интересовался, скорее периодически проявляю интерес к тому, что происходит в мире. Третьей мировой войны нет и это хорошо» (информант таджик); «Политикой интересуюсь, но не глубоко, чтобы быть политиком. По возможности участвую [в политической жизни]. Если где-то нужно моё слово, я его обязательно даю. В выборах обязательно участвую. Вот скоро будут выборы Губернатора (информант узбечка); «Меня вообще не интересует политика. Никогда не принимал участия в голосовании. В основном меня интересует моя работа. Общение с друзьями…Надо стараться обеспечивать семью. Семья – главное» (информант таджик).

Для сравнения: более половины опрошенных этнических грузин (54%) интересуются политикой, почти треть ходят на выборы и голосуют (30%), 2 респондента являются членами политических партий. Среди этнических армян подавляющее большинство интересуются политикой (59%), принимают участие в выборах и голосуют 64%. Среди опрошенных этнических азербайджанцев только треть интересующихся политикой (33%), из них половина (15%) участвуют в выборах.

При выборе кандидатов в представительные органы власти готовы ориентироваться на «своих» по 6% киргизов и узбеков, среди опрошенных таджиков такого рода позиция не обнаружена. Подавляющее большинство предпочитают учитывать деловые качества кандидата. Глубинные интервью зафиксировали, например, такие рассуждения: «Допустим, если он узбек, это не значит, что он такой умный. Я сначала всё буду узнавать об этом человеке. И если он достойный человек, почему бы и нет. Это даже было бы хорошим плюсом. Допустим, есть же наши узбеки, например, Алишер Усманов. Он не баллотируется никуда, но у него имя есть: он помог там, помог этому. Человек, можно сказать, зарекомендовал себя. И много таких узбеков, киргизов и пр. Если эти люди достойны быть Губер-

натором, почему бы и нет. Было бы даже лучше. Это же не значит, что если Губернатором станет узбек, то он сразу станет помогать только узбекам» (информант узбечка). «Нет, это не будет иметь значения. Национальность для меня не имеет значения. Хоть кто: узбек, киргиз, русский, украинец. Мне как бы это не принципиально. Мне важно, чтобы человек знал свою работу, знал свое место. Для меня это самое главное. Чтобы выполнял свои предвыборные обещания. Некоторые делают наоборот, только в свою пользу. Это – главное» (информант узбек).

Для сравнения: только 4 респондента-грузина ответили, что при голосовании за кандидатов в Самарскую Губернскую Думу ориентируются на их национальность и если бы баллотировался грузин, то голосовали бы за него. Подавляющее большинство занимают гражданскую позицию: 86% ответили, что они сначала посмотрят, что это за человек, оценят его деловые качества, а потом примут решение. Затруднился определить свою позицию почти каждый десятый участник опроса (9%). Среди опрошенных этнических армян готовы проголосовать «за своего» 12%, более половины (57%) занимают гражданскую позицию, то есть определяющими для них являются не национальность, а деловые качества кандидата. Затруднились ответить на этот вопрос 16% респондентов-армян. Среди опрошенных этнических азербайджанцев почти половина (47%) не смогли определить свою позицию в случае, если кандидатом в Самарскую Губернскую Думу будет баллотироваться гражданин азербайджанской национальности. Готовы проголосовать «за своего» кандидата 15%, примерно треть (37%) занимает гражданскую позицию. Таким образом, респонденты грузины и армяне, представляющие соответствующие диаспоры, включены в политическую жизнь региона. Слабо включены в политическую жизнь региона респонденты–азербайджанцы. Политическая социализация рассматривается нами как критерий интегрированности. В данном случае можно предположить более глубокую и всестороннюю интеграцию общин армянской и грузинской диаспор. Точнее – представителей этих диаспорных общин, так как участие / неучастие в политической жизни - это скорее индивидуальная адаптационно-интеграционная стратегия

Представляют интерес ответы на вопрос, фиксирующий потенциальную готовность к социальному протесту, имеющему этническую маркировку, т.е. это фактически потенциал этнической мобилизации. Каждый второй (54%) респондент-узбек ответил, что готов отстаивать свои цели и «цели своего народа», участвуя в демонстрациях, шествиях, акциях протеста. Среди опрошенных узбеков такую позицию имеют 39%, а среди таджиков – 28%. Для сравнения: половина (53%) респондентов-грузин ответили, что готовы отстаивать свои цели и цели своего народа, участвуя в демонстрациях, шествиях, акциях протеста. Соответственно 46% не хотят

принимать участие в подобных протестных действиях. Среди азербайджанцев готовы участвовать в такого рода протестных акциях 41% и не готовы – 58%. Среди опрошенных армян соответственно 54% и 44%.

Российский патриотизм - второй индикатор, позволяющий на операциональном уровне «отработать» социально-политический критерий и определить эффективность интеграционного потенциала выделенных для анализа диаспорных групп. Наличие либо отсутствие такой аксиологической установки как патриотизм фиксирован ответами на серию вопросов. Результаты ответов рассматриваем ниже.

. Гордость за победы российских спортсменов испытывают почти все участники опроса: 96% киргизов, 90% таджиков, 84% узбеков. Гордость за российских ученых соответственно 88%, 67% и 80%. Гордость за успешные действия России в международной политике испытывают соответственно 92%, 70% и 76% участников опроса. Раскрывают эти впечатляющие результаты рассуждения информантов. Приведем несколько выдержек из глубинных интервью.

«Но в целом Россия - страна, которая мне нравится. Можно сказать, что я горжусь тем, как она отстаивает свои права на международной политческой арене. Внутреннюю политику стоит поправлять, экономическую составляющую развивать. Но в целом я как россиянин испытываю гордость за то, что родился здесь (информант таджик) «Нет, никакой гордости нет. Нет никаких эмоций из-за того, что живу в России. Я часто езжу в Таджикистан - может быть, поэтому ничего не чувствую. Я и родину сохранил, и здесь я как на родине. Горжусь тем, как мундиаль провели, болею за нашу команду. За Россию болею» (информант таджик). «У Вас есть чувство гордости за то, что Вы живете здесь, что Вы гражданин России? - Нет, такого нет. Была бы гордость, если бы я жил в своей стране, со своими родителями и в одной полной семье, в одном доме, и чтобы моей стране не надо было разрываться. Все мои родственники разъехались. Сестрёнки живут по разным городам - кто-то в Казани, кто-то в Челябинске, я в Самаре. Жизнь так раскидала всех, что здесь гордиться особенно нечем. Я бы гордился, если бы мы все своей семьей жили в одном городе, в одной стране, в городе Ош, вместе с родителями, помогая родителям и друг другу. Сплоченно, до конца жизни - вот это была бы гордость. Чем я могу сейчас помочь? Только деньгами. А вдруг что случится, я могу не успеть приехать! Где тут гордость? Чем тут гордиться? Преуспевание, да. Радует то, что я живя в другой стране - она мне уже родной стала, хорошо обосновался, но не радует, что живу вдалеке от родителей и вразброс со своими сестрами и братьями. Приходится общаться в основном по скайпу. Приезжаешь, а они отдалённые какие-то, уже не те близкие чувства. Так что я не считаю это гордостью. Но тут ничего не поделаешь. Когда мы еще были

школьниками, я впервые услышал, что чей-то папа или мама уехал в Россию. Я думал: "Ух ты! А как же они жить будут дальше? Как же так можно жить вразброс?» А тут получилось так, что и моя семья разъехалась. Есть люди, которым "по барабану", а мне горько. Лучше бы я жил у себя в Киргизии, в Оше и зарабатывал бы нормально, и кормил бы свою семью у себя дома. Вот это была гордость и за себя и за страну!» (информант киргиз).

Для сравнения: чувство российского патриотизма характерно для подавляющего большинства опрошенных грузин:. 88% испытывают гордость за Россию, когда российские спортсмены побеждают в спортивных соревнованиях; 82% за открытия российских ученых и изобретателей делают; 77% за успехи на международной арене. Безразличие по перечисленным позициям выразили соответственно 6, 11, 10%% этнических грузин. Не испытывают гордости соответственно 3, 4, 9%%.

Для большинства опрошенных азербайджанцев характерно безразличие: 56% отметили, что им все равно победили ли российские спортсмены, 67% отметили, что им безразличны достижения российских ученых и изобретателей, 41% равнодушны к успехам России на международной арене. Гордятся успехами российских спортсменов 39% респондентов – азербайджанцев, достижениями российских ученых и изобретателей – 10%, успехами России на международной арене – 58%. Как видим, для этой группы анализа наиболее значимым фактором патриотизма являются достижения на международной арене.

Для большинства опрошенных армян характерно чувство российского патриотизма. Испытывают гордость за Россию, когда российские спортсмены побеждают в спортивных соревнованиях 88%, когда российские ученые или изобретатели делают открытия – 84%, когда Россия успешно действует на международной арене – 88%. Безразличие по перечисленным позициям выразила лишь десятая часть опрошенных.

Таким образом, большинство этнических армян и грузин, часть азербайджанцев являются российскими гражданами не только по формальному признаку (наличие российского паспорта), но обладают чувством социального гражданства. Полагаем, что в Самарской области вектор развития инокультурных мигрантских следует определить как стратегию интеграции с принимающим сообществом. В этом процессе велика роль землячеств, региональных и межрегиональных объединений, национально-культурных организаций.

Мигранты и рынок труда Новосибирской области: возможны ли межнациональные конфликты?

Шевцова Е.В.

Новосибирская область по уровню безработицы является регионом с одним из самых низких коэффициентов в Сибирском федеральном округе, в связи с чем, данное территориальное образование можно отнести к трудонедостаточным регионам, нуждающимся в трудовых мигрантах. Также необходимо отметить, что Новосибирская область среди регионов округа привлекательна как для мигрантов, переселяющихся на постоянное место жительства, так и для иностранных граждан, приезжающих осуществлять трудовую деятельность. Основным местом расселения мигрантов является города Новосибирск, Обь и рабочий поселок Кольцово, а также ряд муниципальных районов, образующих новосибирскую агломерацию. Преимущественно в Новосибирскую область приезжают выходцы из стран ближнего зарубежья: Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана. Это приводит к изменению этнической и конфессиональной структуры населения. При этом складывается тенденция концентрации проживания мигрантов, что вызывает в отдельных микрорайонах города и пригородов усиление напряженности местных жителей в отношении мигрантов.

За последние три года в регионе наблюдается тенденция ежегодного увеличения количества иностранных граждан, поставленных на учет, также происходит увеличение количества иностранных граждан, приезжающих с целью работы.

По итогам 4 месяцев 2019 г. наблюдается увеличение потока иностранных граждан, пребывающих в Российскую Федерацию через территорию города Новосибирска и Новосибирской области: поставлено на миграционный учет по месту пребывания 86264 человек (+8,8% к аналогичному периоду предыдущего года), с целью осуществления трудовой деятельности поставлено на миграционный учет 27986 (+9,2% к аналогичному периоду предыдущего года), что составило 35% от первичной постановки. Таким образом, в Новосибирскую область с целью трудоустройства въезжает каждый третий мигрант.

Основные потоки трудовых мигрантов прибывают из стран – участников СНГ и Евразийского союза – Узбекистана (28,1%), Таджикистана (18,2%), Казахстана (17,9%), Киргизии (10,1%). Из стран дальнего зарубежья больше всего прибывает граждан Китая (10,6%), Германии (2,1 %) и республики Корея (0,5%).

Таблица 1. Осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами на территории Новосибирской области, тыс.чел.

Год	Поставлено на миграционный учет	В том числе с целью работы	Получено разрешительных документов на осуществление трудовой деятельности
2016	259,5	145,6	37,9
2017	262,4	150,3	37,4
2018	313,8	153,8	36,8
2019 (за 4 мес.)	86,3	28	10,9

На региональном уровне осуществляется политика ограничения трудовой миграции, так в 2016, 2017 и 2018 гг. в Новосибирской области были приняты постановления Губернатора Новосибирской области, в соответствии с которыми были введены ограничения для трудовых мигрантов из безвизовых стран для работы в определенных сферах деятельности. Впервые ограничения были введены в августе 2016 г., тогда они затрагивали 16 видов деятельности, далее список был расширен в марте 2017 г. до 33 видов деятельности, в 2018 г. – до 39 видов деятельности. По результатам опросов Министерства труда и социального развития Новосибирской области 80% населения поддержало данные ограничения.

Также была проведена целенаправленная работа по сокращению квот для иностранных граждан из дальнего зарубежья (Китая, КНДР и Турции, которые в основном работают на крупных стройках Новосибирской области). Если в 2017 г. работодатели получили 4100 квот, то в 2018 г. Министерство труда и социального развития региона выдало квоты только на 2600 человек, в 2019 году их количество сократится до 1340 человек. А для граждан КНДР квоты на 2019 г. вообще аннулированы, в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН об ужесточении санкций в отношении КНДР в ответ на проведение страной испытаний баллистической ракеты (в течение 24 месяцев выслать трудовых мигрантов КНДР).

Согласно законодательному акту Новосибирской области «Об установлении коэффициента, отражающего региональные особенности рынка труда на территории Новосибирской области, на 2018 г.», в 2018 г. коэффициент установлен в размере 1,77 (в 2016-2017 гг. - коэффициент был установлен в размере 1,67, что было существенно выше аналогичных коэффициентов в регионах Сибирского федерального округа), в 2019 г. коэффициент 1,77 сохраняется в соответствии с актом «Об установлении коэффициента, отражающего региональные особенности рынка труда на территории Новосибирской области, на 2019 год». Основной целью повышения

коэффициента было сокращение трудовых миграционных потоков в регион, однако цель не была достигнута.

При этом данные ограничения не касаются трудовых мигрантов из стран ЕАЭС — Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии. Для осуществления трудовой деятельности на территории РФ им не нужны никакие разрешительные документы, поэтому поток из этих стран за последнее время существенно увеличился.

В 2018 г. по программе исследования Сети этнологического мониторинга и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН в Новосибирской области были проведены социологические опросы по изучению общественного мнения о возможностях и ресурсах социокультурной интеграции мигрантов и изучению общественного восприятия миграции и мигрантов. Цель исследования – оценка конфликтного и интеграционного потенциала местного населения в сфере миграционных отношений. Было проведено три социологических опроса: с 2 апреля по 30 мая был проведен опрос студентов вузов города Новосибирска - Сибирского института управления – филиала РАНХиГС, Новосибирского государственного технического университета, Новосибирского государственного медицинского университета, с 2 апреля по 20 мая были опрошены эксперты, с 20 сентября по 30 ноября опрашивалось население города Новосибирска и пригородов (Озерный, Мочище, Пашино, Краснообск, Мошково).

По данным экспертного опроса только 10% опрошенных считают, что для российской экономики следует поощрять иностранную трудовую миграцию, при этом 23% экспертов утверждают, что этого делать не следует, а гораздо важнее повысить производительность труда в России и использовать свои трудовые ресурсы. Однако все-таки подавляющее большинство респондентов – 60% отметили, что необходимо и то, и другое. По 3% экспертов либо затруднились с ответом, либо отметили другой ответ – необходимо привлекать «людей Русского мира».

Анализируя полученные результаты массового опроса населения, приходим к выводу, что только лишь 14% опрошенных считают, что труд мигрантов в регионе не нужен вовсе (произошло увеличение на 1% по сравнению с исследованием 2017 г.), однако подавляющее большинство - 82% отмечает, что труд мигрантов необходим. Среди студентов только 7,5% считают, что труд мигрантов в регионе не нужен. При этом необходимо отметить, что для студентов, которые пока не работают, данный вопрос не является насущным, они пока не задумываются о конкуренции за рабочие места, поэтому их ответы существенно мягче, чем у населения в целом. Наибольшее количество опрошенных, как среди населения, так и среди студентов, готово допустить труд мигрантов в уборке и сфере ЖКХ, в строительстве и дорожных работах, сельском хозяйстве.

Однако необходимо акцентировать внимание на том, что в ряде сфер присутствует определенная конкуренция и социальное напряжение – таково мнение респондентов. Такими сферами являются: медицина и социальные услуги, охрана парковок, магазинов, услуги в сфере ресторанного и гостиничного бизнеса, общественный транспорт.

По данным экспертного опроса, практически все эксперты (90% респондентов) едины в оценке того, что в Новосибирской области преобладает негативное отношение к трудовым мигрантам. Лишь 10% отметили, что отношение к трудовым мигрантам носит положительный или нейтральный характер.

В 2018 г. этот вопрос, также как и в 2017 г., вызывал активное обсуждение, особенно при составлении коллективной анкеты, в связи с чем была дана конкретизация негативного отношения: 60% опрошенных считают, что негативное отношение происходит в связи с тем, что мигранты не знают русского языка и норм поведения в обществе, 53% считают, что мигранты работают нелегально, 33% склонны предполагать, что мигранты ухудшают криминогенную ситуацию, 30% предполагают, что изменяется этнический состав населения, по 27% приходится на ответы, что мигранты занимают рабочие места местных жителей и проживают замкнуто. Также 20% экспертов склонны опасаться, что появляются новые религии, 23% респондентов считают, что мигранты распространяют болезни и 13%, что усиливается опасность терроризма. Примерно 7% экспертов высказали другое мнение – «негативное отношение не преобладает, а присутствует достаточно, чтобы влиять на уровень напряженности межэтнических отношений».

Оценивая риски иностранной трудовой миграции для города Новосибирска, выделим риски безработицы для местных жителей, риски межнациональных и межрелигиозных конфликтов и риски культурной адаптации и интеграции мигрантов.

Оценивая риски безработицы для местных жителей вследствие увеличения потоков внешних трудовых мигрантов, в том числе из стран ЕАЭС, эксперты в целом отмечали, что уровень риска для местных жителей низкий или вообще отсутствует. Тем не менее по средним значениям по двум странам был отмечен уровень заметного риска: со стороны представителей Узбекистана (2,9) и Таджикистана (2,8). По другим странам отмечен незначительный риск со стороны представителей таких стран как Киргизия (2,1), Азербайджан (1,4), Китай (1,2), Казахстан (1,2). Представители таких стран как Армения, Белоруссия, Украина, Молдавии по мнению экспертов не представляют риска для местных жителей в плане конкуренции за рабочие места на рынке труда. Комментарии экспертов в целом сводились к тому, что в Новосибирской области сложилось два рынка труда: неквали-

фицированный рынок труда в большей мере занят иностранными трудовыми мигрантами и высококвалифицированный рынок, в котором заняты местные жители. Необходимо отметить, что в связи с действием договора о Евразийском экономическом союзе, а также региональных указах в 2018 году о расширении сфер деятельности, в которых не допускается осуществление трудовой деятельности внешними мигрантами, поток трудовых мигрантов из Киргизии увеличился и несколько усилилась конкуренция местных жителей за рабочие места именно с представителями Киргизии, это также нашло отображение в экспертных оценках.

Необходимо отметить, что в 2018 г. в регионе все более становятся заметны сферы экономики, полностью или частично зависящие от иностранных мигрантов: строительство, ЖКХ, обрабатывающие производства, розничная торговля, транспорт. В местах локализации проживания мигрантов завершается процесс формирования мигрантской «этноэкономики», которая включает в себе все категории участников экономической деятельности, производящих товары и услуги и для принимающего общества, и для самих мигрантов: собственников, оплачиваемых и не оплачиваемых семейных работников, клиентов. Между концентрирующимися в анклавах этническими сообществами усиливается борьба за сферы деятельности[1].

Оценивая риски межнациональных и межрелигиозных конфликтов, эксперты отмечают, что в целом вероятность таких конфликтов крайне низка либо отсутствует вовсе. Однако все же присутствует некоторый риск возникновения межэтнических и межконфессиональных конфликтов со стороны представителей таких стран как Узбекистан (2,7) и Таджикистан (2,7), незначительный риск, как считают эксперты, может быть связан с выходцами из Киргизии (1,7) и Азербайджана (1,6). Что касается других государств, из которых присутствует миграционный поток – эксперты считают, что риск возникновения межнациональных и межрелигиозных конфликтов отсутствует. Необходимо отметить, что все конфликты, которые происходили на территории Новосибирской области, даже если изначально классифицировались как межнациональные или межрелигиозные, впоследствии переводились в разряд межличностных, либо происходящих на экономической основе – передел сфер влияния.

Тем не менее, вследствие напряженности местного населения в отношении мигрантов, по данным массового опроса готовы поддержать пикеты и акции в отношении мигрантов – 16%, 58% не готовы их поддержать, 20% затруднились с ответом, 6% отметили другой ответ.

[1] Более подробно: Е.В. Шевцова Миграция как фактор формирования отраслевых этноэкономик: региональный аспект // В книге: От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени Институт востоковедения РАН, Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2018, сс. 219-227.

Оценивая риски культурной адаптации и интеграции мигрантов, эксперты также отмечают, что подобные риски не высоки. Некоторый риск присутствует у представителей из таких стран как Таджикистан (3,1) и Узбекистан (2,9). Незначительный риск присутствует у выходцев из Киргизии (2,0), Китая (1,8), Азербайджана (1,6). У выходцев из других стан, из которых присутствуют миграционные потоки, таких как Армения, Казахстан, Молдавия, Белоруссия и Украина таких рисков, по мнению экспертов, нет.

В 2018 году компания Тайга ресёч по заказу Министерства региональной политики Новосибирской области провела социологическое исследование с целью исследования оценки состояния межэтнических и межконфессиональных отношений в Новосибирской области. Пять фокусированных групповых интервью были проведены в период с 6 ноября по 9 ноября с географией проведения - Новосибирск, Бердск и Искитим[2].

По данным фокус-групп можно выделить ряд проблемных вопросов в отношении иностранных трудовых мигрантов, которые вызывают напряжение у местных жителей:

Респондентами отмечается высокая коррупционная составляющая в регионе в отношении иностранных трудовых мигрантов:

«Экзамены по русскому языку, чтобы получить гражданство - покупаются. Пакеты документов - покупаются. Причем, организовывается это все их соотечественниками, которые уже получили гражданство. Или те, которые здесь на нелегальной основе. То есть, все это уже налажено и не первый год» (Новосибирск, ж.39 лет).

«Мигранты их же много. И вроде у них денег нет, но они друг другу помогают, и деньги находят, если надо. Скинулись все по рублю и взяточку дали кому надо. Они очень помогают своим» (Новосибирск, м.50 лет).

Отмечается ухудшение отношения местного населения к иностранным трудовым мигрантам в местах концентрации мигрантов:

«[отношение изменилось] В отрицательную сторону. Ну, по крайней мере у нас на МЖК, где барахолка рядом, у нас меняется в отрицательную сторону. Потому что они себя ведут не очень по-русски, не очень толерантно. В наши правила они не играют - не хотят» (Новосибирск, ж.59 лет).

«Где критическая масса начинает нарастать, люди начинают относиться отрицательно. Мы пока еще на кухне говорим, как в старые советские добрые времена. Тебе что-то не нравилось, ты говорил на кухне шепотом. Я думаю, что это больше, больше, больше и в один прекрасный день это выйдет дальше кухни. (Новосибирск, ж., 39 лет).

[2] Материалы фокус-групп приводятся с согласия Министерства региональной политики Новосибирской области.

Респонденты отмечают, что в регионе сложилось два рынка труда: низкоквалифицированный - для иностранных трудовых мигрантов и высококвалифицированный – для местных жителей, при этом местные жители ориентированы на закрепление мигрантов на низкий ступенях социальной иерархии и опасаются, что ситуация в дальнейшем может измениться:

«Квалифицированные – как правило русские, а все остальное, не квалифицированное уже берут как правило бригады. Собственно они все уже знают, куда обращаться» (Бердск, ж., строительство).

«Я считаю, у меня на законодательном уровне должны быть определенные преференции. Вот мне кажется тогда, когда это всё разделится, и каждый приезжающий будет всё равно понимать, что он здесь в гостях, ну и, наверное, он себя соответствующим образом вести себя будет» (Новосибирск, м., 48 лет).

«Если какие-то специалисты нужны, то русские. А если лопатой кидать, то представители каких-то национальностей. Кто дешевле, тот и работает» (Искитим, м. 40 лет).

«Преференция должна быть в первую очередь местным гражданам, только потом им. И это чисто экономика, чисто кошелек каждого конкретного человека». (Искитим, м.55 лет).

«А противоречие в том, что эти люди, которые приехали на помощь, грубо говоря, на рабочие специальности и так далее, они уже входят в сферы, в которых своих людей достаточно» (Новосибирск, м., 46 лет)

Респонденты отмечают, что иностранные трудовые мигранты составляют конкуренцию местным жителям, вытеснив их из низкоквалифицированных ниш рынка, при этом, если работодатели относятся к этому факту положительно, то у непосредственных работников местных жителей это вызывает напряжение:

«…да, они составляют конкуренцию, чем именно в строительстве – тем, что у них очень высокая работоспособность. Они могут работать по 12-14-16 часов. И людям, которые их нанимают, это нравится. Но это опять же в тяжелом труде». (Бердск, м.49 лет).

«Наши каменщики уходят, где лучше платят. Они [иностранные трудовые мигранты] составляют конкуренцию. Если бы таджики не приехали, то вы бы за эту работу заплатили не 20 тысяч, а больше. А он приехал, и вы рады платить ему меньше. Конкуренцию они составили и очень большую. Во многих отраслях». (Новосибирск, м. 46 лет).

«С точки зрения транспорта. Вот я скажу, что не нравится конкретно мне. У нас такая ситуация складывается на рынке труда. Если я работал водителем маршрутного такси и раньше работали 10 лет назад практически все русские ребята. Сейчас я ушел с пассажирских перевозок лет 6 назад. Вот сейчас, что касается Газелей, Фордов, Пежо практиче-

ски все мигранты сидят водят. А русские ребята остались на автобусах. Где чуть больше заработок – там их меньше. Есть те, кто и хорошо водят. Но непонимание техники, плохое отношение, наездники. Но работать стараются. Где я сделаю 6 кругов, на 7ой не поеду, они могут поехать. Если я до 12 часов отработал. То он и до двух ночи может смело откатать». (Новосибирск, м. 36 лет).

«Я принимала на работу в свою компанию девочку, она киргизка. Она не очень хорошо говорит по-русски. Они с мужем приехали сюда на 5 лет заработать денег. Она сразу это озвучила. И она реально готова работать с двумя выходными в месяц. Попробуй русского заставить так работать. Найдут сто причин. А ей в любой момент позвонишь: « Мира, надо выйти». Выходит на работу без проблем». (Новосибирск, ж.55 лет).

* * *

Проведенные исследования показали, что межэтнические отношения в Новосибирской области оцениваются как потенциальный источник социальной напряженности в отношении иностранных трудовых мигрантов, однако это не касается этнических сообществ, давно проживающих на территории региона.

Сохраняется высокий уровень неприятия иностранных трудовых мигрантов, он регистрируется в отдельно взятых микрорайонах г. Новосибирска и пригородах, где наблюдается компактное проживание выходцев из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. Местные жители выступают за ограничение трудоустройства «представителей нетитульной национальности» в силовых структурах, управлении, отчасти в здравоохранении и образовании (исключение: дети мигрантов, получившие образование в РФ). Местные жители не готовы признавать равного социального положения с мигрантами, даже с теми, кто получил гражданство РФ; «укоренение» выходцев из Средней Азии в ситуации их низкого уровня ассимиляции порождает страхи и опасения, связанные с ощущением вытеснения местных жителей с собственной территории. Ухудшение социально-экономической ситуации может стать катализатором роста скрытой неприязни по отношению к иностранным трудовым мигрантам и в целом к людям других национальностей.

Вместе с тем, оценивая риски безработицы для местных жителей, риски межнациональных и межрелигиозных конфликтов и культурной адаптации и интеграции мигрантов, местные эксперты отмечают, что степень этих рисков крайне низка либо отсутствует вовсе.

Восприятие мигрантов через призму культурных различий: пути интеграции в Омской области

Смирнова Т.Б.

Успешность интеграции мигрантов находится в прямой зависимости от отношения к ним принимающего сообщества, включая как официальные структуры, так и местных жителей. В 2018 г. В Омской области по методике Сети этномониторинга и Института этнологии и антропологии РАН мы провели исследование с целью изучения общественного мнения о возможностях и ресурсах социокультурной интеграции мигрантов в регионе. Было опрошено три десятка экспертов – управленцы, отвечающие за реализацию национальной политики в регионе (сотрудники областного правительства, городской администрации и муниципалитетов); общественники (представители национальных общественных организаций, национально-культурных центров, региональных межнациональных объединений); научные работники и педагоги (работники университетов и структур российской академии наук).[1]

Опрашивались также студенты – 200 чел., с учетом пропорций по полу и возрасту. Половину опрошенных составили студенты гуманитарных направлений подготовки, вторую половину – студенты естественно-научных и инженерных направлений подготовки и специальностей. Укажем, что в Омске находится 20 организаций высшего образования (столько осталось после реорганизации и закрытия филиалов), из них 14 – государственных и 6 – частных. Поскольку Омск является промышленным городом (нефтегазовая, химическая промышленность, приборостроение, оборонное и космическое производство), в структуре высшего образования преобладают естественно-научные и инженерные специальности. В вузах обучается 83 тыс. студентов. Самыми крупными вузами являются Омский государственный технический университет, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омский государственный педагогический университет, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия. Также в городе находятся старейшие отраслевые вузы – Омский государственный университет путей сообщения, Омский государственный медицинский университет, Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина. Студенты этих вузов приняли участие в опросе.

Мы также провели массовый опрос населения в самом Омске и его пригородах – поселки городского типа Горьковское, Марьяновка и Русская

[1] См. подробнее: Смирнова Т.Б. Омская область //Межэтнические отношения и миграционная си-туация в регионах Центра, Севе-ро-Запада, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за 2018 год / Ред. Смирнова Т.Б., Степанов В.В., Старченко Р.А. – М.-Омск: «Издательский центр КАН», 2019.

Поляна, д. Подгородка, с. Петровка. Критериями для отбора именно этих населенных пунктов послужили их разный статус, различная численность населения, а также их расположение на незначительном расстоянии от города по всем основным направлениям, ведущим в город. Жители этих мест совершают ежедневные поездки в Омск на работу и обратно. Русская Поляна находится на расстоянии 160 км, но ее жители сталкиваются с мигрантами не реже, чем жители Омска, потому что это приграничный поселок, он находится в 20 км от границы с Казахстаном. Через этот населенный пункт проходят транзитные пути мигрантов не только из Казахстана, но и из Киргизии, Узбекистана и Таджикистана. Объем выборочной совокупности местного населения составил 300 респондентов с учетом требуемых квот по полу и возрасту.

На результаты опроса повлияла та миграционная ситуация, которая складывается в регионе в последние годы, а именно – возрастающий отток населения в другие регионы страны. По итогам 2017 г. Омск занял второе место в России и первое место в Сибирском федеральном округе по миграционной убыли населения. Основные причины – это низкие зарплаты, плохая экология, ухудшающаяся инфраструктура, то есть в целом – низкое качество жизни. Динамика миграционной убыли населения удручающая: в 2017 г. безвозвратные потери от миграции составили 10 тыс. человек, в 2018 г. – более 12 тыс.[2]

В страны-участники СНГ переехали 7481 чел., в страны дальнего зарубежья – 866, прибыли из этих стран – 8327 и 926 чел. соответственно. Сальдо международной миграции остается положительным – 906 чел. По традиции в Омскую область чаще всего прибывают граждане Казахстана (6810 чел.). К странам, с которыми миграционный обмен выше среднего, также относятся Китай, Армения, Таджикистан, Киргизия.[3]

Регионы Казахстана и Средней Азии находятся в транспортной доступности (автобусы, поезда), поэтому в Омске и Омской области всегда если не много (как в столице), то вполне достаточно иностранных трудовых мигрантов. Для трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Китая Омск является привлекательным городом. Из Казахстана, кроме трудовых мигрантов, люди едут на учебу, лечение, с целью получить разрешение на временное проживание и соискатели российского гражданства.

В марте 2018 г. в Омске открылся единый миграционный центр по ул. Кемеровская, 15/1. В центре объединены все структуры, участвующие в оформлении разрешительных документов для иностранных граждан, где

[2] Население. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области (http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/ru/statistics/population/)
[3] Там же.

последние могут в кратчайшие сроки подготовить и подать вышеуказанные документы для получения патента. Основным направлением деятельности миграционного центра является предоставление государственных услуг по оформлению и выдаче иностранным гражданам патентов на работу. Среди оказываемых услуг: полное медицинское обследование, прохождение и получение сертификата об образовании, перевод документов, страхование и другие. По информации УМВД России по городу Омску, в 2017 г. в нашем городе было зарегистрировано 54835 иностранных граждан из ближнего и дальнего зарубежья. Трудятся иностранцы в традиционных для них сферах: строительство, дорожные работы, уборка территории, общественное питание, торговля на рынках. Летом добавляются сезонные работы в сельском хозяйстве.

По данным опроса 61% респондентов сказали, что труд иностранных мигрантов в нашем регионе следует использовать в уборке и жилищно-коммунальном хозяйстве, 58% указали строительство и дорожные работы, сельское хозяйство – 48%, торговлю – 41%, работу по найму у граждан (на приусадебных участках, нянями и т.п.) – 39%, кафе, рестораны, гостиницы – 30%, заводы, фабрики – 30%, охрану парковок, магазинов – 28%, общественный транспорт – 21%. Наименьшее количество сторонников набрали медицина и социальные услуги – 20%. Затруднились ответить 10% респондентов и 12% сказали, что ни в каких профессиях мигранты не нужны.

Большинство опрошенных (55%) практически не общаются с иностранными трудовыми мигрантами, непосредственно общаются с мигрантами 35% респондентов. Остальные респонденты затруднились ответить, сказали, что не различают мигрантов среди местных, или что встречаются с мигрантами, как и все – на рынке.

В ходе исследования большое внимание уделялось мнению респондентов о миграционных рисках как для Омского региона, так и для России в целом. Одним из самых распространенных стереотипов является мнение о том, что трудовые мигранты отнимают рабочие места у местных жителей, и увеличивают риск безработицы. По отношению к Омску, это утверждение верно лишь отчасти. Всего 8% опрошенных считают, что приезжие отнимают работу у местных жителей. Большинство же, почти половина опрошенных (46%) считают, что местные жители сами не хотят занимать некоторые рабочие места. Объясняется этот результат тем, что в регионе крайне низкий уровень безработицы. Второй по популярности ответ – «и то, и другое»: 38% опрошенных считают, что местные жители неохотно идут на непрестижные и низкооплачиваемые должности, а в то же время, в некоторых сферах приезжие буквально монополизировали рынок труда.

Еще один стереотип заключается в том, что трудовые мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители. Среди жителей Омска этот

стереотип мало распространен, так считают всего 14% опрошенных. Большинство же респондентов (64%) считает, что нет особых различий между мигрантами и местными по уровню преступности. Респондентами были даны следующие комментарии: «нет разницы, все зависит от других факторов», «такой информации не знаю, нам ее не озвучивают» и «местные чаще». Довольно большое количество респондентов (19%) затруднилось ответить на этот вопрос, что связано с отсутствием объективной информации со стороны официальных органов.

Отношение к совместному обучению своих детей с мигрантами в целом спокойное, нейтральное – так ответили 64% респондентов, а положительно оценили совместное обучение 17%. Отрицательно относятся к совместному обучению всего 7%. Комментарии респондентов сводятся к тому, что если мигранты не насаждают свою культуру, обычаи и традиции, то и отношение положительное, что не нужно делать акцент на национальности, важно поведение ребенка. Многие респонденты оценивают перспективу совместного обучения своих детей с детьми мигрантов в зависимости от того, как будут вести себя дети мигрантов, их родители и от того, не отразится ли это негативно на учебном процессе. Происхождение мигрантов не играет для респондентов никакой роли.

Лишь 7% опрошенных готовы поддержать пикеты или акции против иностранных трудовых мигрантов, если они возникнут в городе. Сказали, что нет, не поддержат подавляющее большинство - 66%. Довольно большое количество людей не определились: 20% опрошенных затруднились ответить. Комментарии в основном были связаны с причинами подобных пикетов: зависит от причин; исходя из ситуации, при наличии причины поддержу; в случае, если приток иностранцев будет слишком многочисленным в городе. Часть респондентов заявили, что в принципе не участвуют в митингах: не хожу на пикеты; не участвую в пикетах. По одному человеку сказали, что «в нашем городе таких пикетов нет» и «я не против мигрантов, но есть те трудовые мигранты, которые вредят сельскому хозяйству». И один человек выразил свою позицию жестко и определенно: «Это бесчеловечно, неуважительно и мерзко. Я против таких пикетов и акций». Следует отметить, что по сравнению с опросом прошлого года, количество людей, не готовых поддержать пикеты, снизилось на 11% (66% вместо 77%).

Омская область принимает участие в реализации программы переселения соотечественников, проживающих за рубежом, практически с начала ее реализации. Переезжают в основном соотечественники из соседнего Казахстана, которых достаточно много. Поэтому есть очевидная разница в отношении местных жителей к разным группам мигрантов, например, в отношении к трудовым мигрантам, которые приезжают в регион временно

на заработки и в отношении к тем, кто стремится приехать на постоянное место жительства, в том числе к тем, кто получает статус соотечественника. В ходе опроса мы спрашивали о том, какие иностранцы должны быть названы соотечественниками. Наибольшее количество голосов получил вариант «все бывшие граждане СССР» - 36%. На втором месте вариант «отдельные национальности» - 20%, на третьем – «те, кто знает русский язык» - 19% опрошенных. 8% опрошенных дали другой ответ, причем разброс мнений очень большой, от «никакие (не могут считаться соотечественниками)» до «граждане, которые соблюдают наши правила и законы».

Идею обучения мигрантов русскому языку поддерживает подавляющее большинство опрошенных – 92%. Из тех, кто ответил утвердительно, большинство (42%) сказали «да, но только пусть за это платят сами мигранты». 18% сказали, что обучать стоит только тех, кто хочет остаться жить в России, и 32% сказали «да» без всяких оговорок. Отрицательно ответили 6% и 2% затруднились ответить.

Одной из основных задач исследования являлось выявление мнения о необходимости и формате мероприятий по адаптации и интеграции мигрантов в регионе. В целом, считают, что необходимо стремиться адаптировать мигрантов 68% респондентов. Ответили отрицательно 21% респондентов и 11% затруднились ответить. Относительно методов адаптации мнения следующие: считают, что нужно информировать мигрантов о местных культурных нормах 76% опрошенных. Варианты ответов о том, как именно следует информировать мигрантов о местных традициях и культуре, расположились следующим образом: привлекать мигрантов к общественной жизни – 21%; раздавать информационные листовки – 7% респондентов; делать и то, и другое – 43%. Ничего не нужно делать – так ответили 12% и затруднились ответить – 10%. 6% респондентов дали другой ответ. Среди предложений о вариантах информирования чаще всего встречаются предложения обучать мигрантов языку и традициям в странах выхода, чтобы они приезжали уже с такими знаниями. Еще одно предложение – давать информацию о культуре и традициях во время обучения русскому языку. Надо сказать, что в той или иной степени это практикуется и в настоящее время. Среди опрошенных были и сторонники жестких мер, предлагавшие привлекать мигрантов к административной и уголовной ответственности за нарушения и незнание традиций. Но большинство считает, что изучение традиций – это личное дело человека, особенно тех, кто приезжает временно, на заработки, и оставаться в России не намерен. К тому, чтобы развивать туризм в страны, из которых приезжают трудовые мигранты, большинство опрошенных относится или нейтрально (50%), или положительно (42%).

В Омском регионе существует в целом положительное отношение к той культуре, которую мигранты воспроизводят на новом месте обитания. Так, положительно относятся к кафе и ресторанам национальной кухни из стран, из которых приезжают мигранты, 54% опрошенных. Нейтрально относятся 35% опрошенных, отрицательно – 8%, затруднились ответить 1%, и дали другой ответ – 2% опрошенных. Поскольку вопросы кухни волнуют многих людей, по этому вопросу были даны комментарии, основной смысл которых сводится к тому, что если вкусно и качественно, то почему бы и нет. Всегда интересно попробовать что-то новое, поэтому респонденты высказались за кафе и рестораны, но против забегаловок и киосков, а также за умеренное количество таких ресторанов.

Так же хорошо, как к национальным кафе и ресторанам, местные жители относятся к обучению художественным промыслам, танцам, музыке, приготовлению национальных блюд из стран, из которых приезжают мигранты. Положительно оценили такое обучение 59%, нейтрально – 36%, отрицательно – всего лишь 4% опрошенных. Отношение к изучению языков соседних стран аналогичное, чуть больше тех, кто относится к такому изучению положительно – 50%. Нейтрально относятся к изучению языков соседних стран 45%, отрицательно – 4%, затруднились ответить – 1%. Комментарии по вопросу о языках соседних стран сводятся к тому, что если это бесплатно, то хорошо. Но тратить бюджетные деньги на изучение этих языков нельзя.

В целом, настрой местных жителей на интеграцию с мигрантами оценивается положительно – 51%. Нейтральная позиция (не против, но и не за) занимает второе место – 42%. Отрицательно относятся к интеграции 5% респондентов. Затруднились ответить 2%. Наблюдение за реакцией респондентов во время опроса свидетельствует о том, что мало кто из них представляет себе, что такое интеграция мигрантов, что представляет собой их адаптация, и какая между интеграцией и адаптацией разница. На обывательском уровне под адаптацией и интеграцией мигрантов понимается способность говорить на русском языке, и ориентироваться в российских реалиях. Более жесткие позиции по отношению к мигрантам высказывают сотрудники правоохранительных структур.

Далее в опросе следовал блок вопросов о языках. Другой язык, кроме русского, используют при общении с друзьями и знакомыми 20% опрошенных. Соответственно, только русский язык в общении используют 80%. Среди названных языков общения лидирует английский язык (его для общения используют 26 чел.), на втором месте – казахский (16 чел.), затем следуют немецкий (6 чел.), татарский (5 чел.), армянский (5 чел.), украинский (5 чел.), польский (3 чел.), по одному человеку назвали итальянский, французский, португальский, сербский и чеченский языки. Все респонден-

ты дали ответ на вопрос о родном языке. 93% указали один родной язык, 7% указали два родных языка. Русский язык является родным для 93% опрошенных, казахский – для 5%, татарский – для 1%, армянский – для 1%. Указали другие языки в качестве родных (украинский, немецкий, чеченский) - 1% (4 человека). Подавляющее большинство респондентов не испытывали за последний год к себе негативного отношения из-за языка, национальности и религии – так ответили 93% опрошенных. Испытывали негативное отношение из-за языка – 2%, из-за национальности – 2%, из-за религии – 1%. Затруднились ответить 2%.

Половина опрошенных не планирует уезжать в другой регион России или другую страну на длительный срок или на постоянное место жительства – 53% (это на 10% меньше, чем во время прошлогоднего опроса). Планируют уехать в другой регион России 10% опрошенных (столько же, сколько и в прошлом году). Были названы следующие регионы, куда планируется выезд: Москва, Краснодарский край, Санкт-Петербург, Ленинградская обл., Республика Крым, Тюменская обл.

Планируют уехать в другую страну 5% респондентов. Омичи планируют уехать в такие страны, как Германия, Великобритания, Чехия, Швеция, Казахстан, Беларусь, Испания, США, Италия, Ирландия, Польша, Китай, Азербайджан. Довольно большое количество опрошенных – 27% - затруднились ответить на этот вопрос. Большинство планирует, но еще не решило точно, или планируют это сделать, но не в ближайшее время. Все сходятся в том мнении, что привлекательность Омска как места постоянного жительства в последние годы стабильно падает.

Много негативных высказываний в отношении мигрантов появилось с распространением информации о строительстве «китайского городка» - поселка для работающих вахтовым методом сотрудников, выполняющих реконструкцию Омского нефтеперерабатывающего завода. Строительство намечено вблизи от поселка «Омский» к северу от Омска, поблизости от НПЗ. Строительство уже началось, вахтовый поселок рассчитан на 3500 рабочих. Планируется привлечение рабочих из Китая, потом к ним присоединятся рабочие из Турции, Сербии, Хорватии. Поселок будет полностью автономный и будет охраняться Росгвардией. Эти намерения руководства НПЗ, согласованные с руководством региона, вызвали митинги протеста местных жителей[4].

Студенты не слишком часто общаются с иностранными трудовыми мигрантами. Практически ежедневно – так сказали 4% респондентов, каж-

[4] https://bk55.ru/news/article/134743;
https://www.sibreal.org/a/29568240.html;
https://bk55.ru/news/article/139878;
https://www.omsk.kp.ru/online/news/3279436

дую неделю – 13%, каждый месяц – 9%, очень редко – 46% (большинство), никогда не общается 20% опрошенных, затруднились ответить 6%, и 2% сказали, что не обращают внимания на национальность человека, не понимают, мигрант перед ними или нет. Таким образом, общаются с мигрантами 26%, не общаются или практически не общаются – 66% опрошенных студентов. Мнения учащейся молодежи в основном совпадает с мнениями опрошенного «взрослого» населения по всем вопросам, но отличается наличием выраженных радикальных настроений. Например, что мигранты годятся для работы «на рудниках». Но большинство студентов находится на нейтральных позициях. В комментариях они говорили в основном о том, что важно, какое образование и квалификацию имеет человек, и не важно, мигрант он или местный житель. Некоторые считают, что труд мигрантов вполне может использоваться в бизнесе, образовании и науке. Некоторые настаивали на исключении определенных сфер деятельности – «кроме политики и государственной службы». Были мнения о том, что мигранты годятся для любой низкоквалифицированной работы, что у нас у самих безработица, поэтому мигранты не нужны. Но большинство опрошенных все же считает, что мигранты могут работать в любых сферах, где хотят, лишь бы это было законно, в соответствии с их образованием и опытом работы. 80% студентов считает, что труд мигрантов в регионе нужен.

Уровень безработицы в Омской области всегда был низкий, главной проблемой было не отсутствие рабочих мест, а низкие зарплаты, отсутствие престижной, интересной работы, драйва, инвестиционных проектов. В общем, все то, что характерно для региона, свалившегося в депрессию, откуда бежит молодежь. Но в последний год уровень безработицы стал расти (тенденция неопределенная, и требующая дополнительного изучения). В мае 2018 г. в регионе было зафиксировано 13 тысяч безработных. Реально количество безработных гораздо выше (оценочно – в 5 раз), но учету не поддаются те безработные, которые ищут работу в соцсетях, в последнее время большую активность в соцсетях проявляют и работодатели. По уровню регистрируемой безработицы в мае 2018 г. Омская область заняла третье место в Сибирском федеральном округе (после Красноярского края и Иркутской области)[5].

При опросе 11% опрошенных студентов сказали, что приезжие отнимают работу у местных жителей, 38% сказали, что местные жители сами не хотят занимать некоторые рабочие места, 37,5% - отметили, что верное и то, и другое, затруднились ответить 11,5%. Полярные мнения заключа-

[5] Омская область вошла в ТОП-3 по Сибири по количеству безработных // Суперомск. 21 мая 2018 г. (http://superomsk.ru/news/63347).

ются в том, что «приезжие дополняют, а не вытесняют местных жителей» и могут отнять работу «только у людей без образования», а с другой стороны – «это не мнение, это статистика, которая подтверждает, что большинство организованной преступности - это этнические мафии».

Поддержать пикеты и акции против иностранных трудовых мигрантов готовы 14% опрошенных студентов, 52% сказали, что не готовы поддерживать такие акции. Значительная часть затруднилась ответить на этот вопрос – 28%. В Омске сложно представить себе подобные пикеты и акции, потому что какого-либо засилья мигрантов не наблюдается (к рынкам и стройкам уже все давно привыкли). Поэтому многие респонденты сказали, что важен повод, конкретная ситуация, причина возникновения таких мероприятий. Большинство отвечали так: «Повод должен быть весомый, чтобы пойти на митинг. Если просто против трудовой миграции, то – нет».

В целом, большинство студентов выступают за интеграцию мигрантов: 76% считают, что нужно (разными способами) информировать мигрантов о местных культурных нормах, 68% считают, что нужно стремиться интегрировать мигрантов.

На вопрос об идентичности 72% респондентов считает, что их в повседневной жизни нужно воспринимать как граждан страны (по результатам массового опроса таких 65%). На втором месте вариант «как представителя отдельной национальности» - 20% респондентов. На третьем месте мнение о том, что воспринимать их окружающие должны как жителей определенного региона – 16%. Таким образом, у молодежи более выраженной является гражданская общероссийская идентичность.

Результаты опроса экспертов свидетельствуют о высокой озабоченности проблемами демографической ситуации в Омской области. По вопросу «Страны зарубежной Европы сталкиваются с миграционными проблемами. Какие похожие риски есть в России?» больше половины экспертов назвали вариант «неконтролируемый миграционный приток из других регионов мира» - 60%. На втором месте – «несогласованная миграционная политика соседних государств при открытых взаимных границах и взаимных экономических обязательствах» - 53%, на третьем – «манипулирование миграционной темой в политических целях» - 40%. Эксперты подчеркивают роль СМИ в формировании негативного образа мигрантов. Большинство экспертов сходится во мнении, что основную проблему для региона представляет отток населения в другие регионы страны и замещение местных жителей (неполное) выходцами из зарубежных стран, в основном из Казахстана.

Поэтому на вопрос, как решить проблему демографического сокращения населения России, никто из экспертов не назвал вариант «привлекать мигрантов из других государств». То, что нужно стимулировать демогра-

фическое развитие России – сказали 43%, что нужно и то, и другое – 47%. Остальные считают, что нужно повышать качество жизни в России и создавать реальные условия для приезда соотечественников.

На вопрос, следует ли для российской экономики поощрять иностранную трудовую миграцию, никто не дал утвердительного ответа. О том, что важнее повысить производительность труда в России и использовать свои трудовые ресурсы сказали 33%; о том, что нужно и то, и другое – 57%.

Для миграционной ситуации в Омском регионе, по мнению экспертов, присущи следующие характеристики: на первом месте предсказуемо оказался вариант «большой отток местного населения в другие регионы или государства» - 73%; далее следует вариант «спокойная миграционная обстановка, не вызывает проблем» - 60%; всего лишь 7% сказали, что в регионе существует «активный приток иностранных мигрантов». 10% считают, что в Омске формируются поселения или кварталы, состоящие из мигрантов, резко отличающихся по языку и культуре (настораживает тот факт, что в прошлых опросах эксперты никогда не отмечали эту тенденцию). Один эксперт сказал, что характерен «большой отток собственного населения, при активном притоке иностранных переселенцев».

В Омском регионе преобладает положительное отношение к мигрантам – так считают 53% опрошенных экспертов. 43% считают, что преобладает негативное отношение, которое в основном связано с представлениями о том, что мигранты работают нелегально, не знают русского языка и местных норм поведения. По сравнению с прошлым годом, мнение экспертов изменилось, год назад считали, что преобладает положительное отношение к мигрантам 73%, что негативное – 23%. Рост негативных оценок связан, скорее всего, с нарастанием социальных проблем, оттоком населения из региона.

Экспертами была дана оценка рисков для Омской области в результате иностранной трудовой миграции (по 5-бальной шкале, от 0 – нет риска, до 5 – высокий риск). Эксперты оценивают риск в сфере безработицы – 0,6 балла, в сфере межнациональных и религиозных конфликтов – 1,3 балла, в сфере интеграции приезжих -1,3 балла. Средний показатель – 1,1.

Участие общественных структур в реализации государственной миграционной политике эксперты оценили в 2 балла (по шкале от 0 – нет участия до 5 – постоянное участие). Можно отметить высокую долю тех, кто затрудняется ответить и тех, кто отмечает отсутствие участия общественных организаций в процессе или отсутствие явления в принципе. Никто из экспертов не считает эффект от участия общественных организаций в процессе сколько-нибудь значимым.

Оценка участия общественных организаций в адаптации и интеграции мигрантов находится в интервале от 1,0 до 4,2 балла. Оценка эффективно-

сти этого участия – от 1,0 до 4,1 балла. Например, помощь мигрантам при изучении языка, истории и культуры Российской Федерации была оценена в 3,2 балла, проведение мероприятий, формирующих уважительное отношение мигрантов к культуре и традициям местных жителей – в 4,1 балла, а участие в социальной рекламе по миграционной тематике – в 1 балл, большинство сказали, что такого участия нет. В целом, участие общественных структур в адаптации и интеграции мигрантов оценивается как «заметное участие», имеющее «заметные результаты»: вовлеченность (частота участия в мероприятиях) – 2,9 балла, результативность (достижение эффекта) – 2,8 балла.

В комментариях эксперты указали на другие формы взаимодействия, такие, как: совместная работа общественных организаций и научных учреждений, написание методических пособий для работников национально-культурных центров; предоставление национально-культурными центрами информации для научных исследований по культуре народов Омской области; популяризация национальных культур по средствам сети Интернет (сайты национально-культурных объединений, каналы на YouTube, группы в социальных сетях; выявление, поддержка и развитие молодежи, интересующейся историей и культурой народов Омской области; культурные проекты по сохранению традиционных ремесел и промыслов; юридические консультации для мигрантов; фестивали, праздники национальных культур в регионе).

Тема трудовой миграции не является для Омской области первоочередной. В ответах экспертов преобладают оценки об отсутствии для Омской области рисков или незначительных рисков со стороны иностранной трудовой миграции. Однако, говоря об участии общественных структур в реализации государственной миграционной политики в регионе, эксперты указывают на редкое участие и отсутствие какого-либо эффекта от такого участия. Есть исключения по отдельным направлениям. Сравнительно активны общественники при проведении конференций и круглых столов по миграционной тематике, а также по части оказания помощи мигрантам при изучении истории, языка и культуры Российской Федерации, при привлечении мигрантов к участию в общественных праздниках, массовых мероприятиях и других формах общественного досуга.

Успешность интеграции мигрантов находится в прямой зависимости от отношения к ним принимающего сообщества, включая как официальные структуры, так и местных жителей. На уровне официальных структур главной проблемой является незаинтересованность местных властей в приеме мигрантов. Большой потребности в рабочих руках, в трудовых мигрантах в Омске нет. Напротив, довольно значительная часть мужчин работает вахтовым методом на различных крупных стройках, например, на Тюменском

Севере. Тем не менее, присутствие мигрантов в Омске (как и повсюду сейчас) весьма заметно. И, естественно, без конфликтов между мигрантами и принимающим сообществом не обходится. Сейчас главной своей задачей органы власти и силовые структуры видят в отсутствии конфликтов на межнациональной почве, поскольку за это существует персональная ответственность, и пресечение экстремистских выступлений и акций на религиозной почве. Но главной целью должно быть устранение или минимизация самих причин таких конфликтов, а не их последствий. И в этой работе важная роль принадлежит мероприятиям по интеграции мигрантов.

В целях интеграции мигрантов необходимо следующее.

Создание правовой основы для интеграции. Эту задачу можно разделить на две части. Прежде всего, это актуализация нормативных актов, как на местном, так и на федеральном уровне. Необходимо включить мероприятия по интеграции мигрантов в программу реализации национальной политики на территории Омской области и обеспечить финансирование этих мероприятий. Наряду с этим необходима ликвидация правовой безграмотности мигрантов. Большинство из них не знают местных законов, находятся в зависимости от работодателей или глав общин и землячеств, не умеют отстаивать свои права и интересы. В качестве инструмента решения этой задачи можно предложить различные формы бесплатной юридической помощи, которые уже сейчас существуют в поддержку других социально незащищенных слоев населения. Например, юридические клиники.

Гарантии равных прав мигрантов и местных жителей в медицине, образовании, социальном обеспечении, культуре. Равенство подразумевает не только борьбу с дискриминацией мигрантов. У мигрантов не должно быть и преференций по сравнению с местными жителями.

Нужна информационная работа, ликвидация дефицита информации у мигрантов о существующих условиях жизни в Российской Федерации, культуре, нормах поведения. С другой стороны, нужно преодолевать отсутствие информации у местного населения о проблемах мигрантов. Для проведения этой работы можно привлекать и средства массовой информации, и активистов общественных организаций.

Важно преодолевать социальную изоляцию мигрантов. И любой другой изоляции, например, необходимо препятствовать любыми способами возникновению замкнутых поселков, территорий, подобных гетто и т.п. Препятствие созданию замкнутых сообществ «отвергнутых». Хороший вариант для этого (кроме прочих) – это спорт. Возможно, надо выделить специальные средства для привлечения мигрантов к спорту. Особенно, это относится к молодежному и детскому спорту.

Установить контроль в сфере занятости мигрантов. Это сложная задача, потому что большое число не только мигрантов, но и граждан России, работают с нарушениями трудового законодательства, потому что работодатели не хотят платить налоги. Огромные штрафы за нелегалов привели не к легализации этого бизнеса, а к свертыванию производства. Власти должны предложить меры по выходу этого рынка из «серой» зоны. Следует понимать, что без наведения порядка на рынке труда, все усилия по интеграции мигрантов (культурной, языковой) будут провалены.

Сделать более интенсивными связи регионов, в частности, Омской области, с регионами тех стран, откуда приезжают мигранты. Сюда входит и туризм, который позволяет местным жителям ближе познакомиться с культурой этих стран, и обмены (культурные, образовательные), но скорее нужны мероприятия, которые помогли бы мигрантам не терять родственные связи, поддерживать отношения с родиной. Самым важным в этом направлении является развитие транспортного сообщения между государствами, надо сделать его лучше и дешевле.

Нужно регулярно проводить семинары, круглые столы с участием самых разных структур, имеющих отношение к интеграции мигрантов. Нужно использовать другие инструменты и формы обмена мнениями, информацией между миграционными службами, органами власти, общественными организациями, научными и образовательными учреждениями, социальными службами, работодателями, учреждениями культуры и др. Нужны комплексные совместные действия.

Интеграция невозможна без знания мигрантами русского языка. Поэтому надо развивать все формы обучения русскому языку, но особенно обратить внимание на развитие изучения русского языка в странах, откуда мигранты приезжают. Кроме решения проблем интеграции, преподавание русского языка за границей может решать массу других проблем, окажет поддержку «русскому миру» (во всех его смыслах).

Продолжить проводить мероприятия, направленные на межкультурное взаимодействие в регионе, привлекать к участию в этих мероприятиях и мигрантов, и местное население.

Предложенные меры останутся разовыми акциями и эпизодическими мероприятиями без разработки специальной программы по интеграции мигрантов. В этой программе должны быть учтены самые разные обстоятельства – региональные условия для интеграции, состав мигрантов (для Омской области большое значение имеет миграция русских из Казахстана, и их интеграция, естественно, должна отличаться от интеграции китайцев или таджиков), прописаны разные мероприятия для разных социальных и возрастных групп мигрантов, участники процесса интеграции, материальное и финансовое обеспечение.

Важно обеспечить комплексный характер действий органов власти и их взаимодействие с общественными организациями и научным сообществом по решению задач государственной национальной политики, в том числе адаптации и интеграции мигрантов в российское общество. Расширить практику привлечения общественных объединений, национально-культурных автономий к решению вопросов адаптации и интеграции мигрантов и членов их семей.

Необходимо совершенствовать систему мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений, миграционных процессов на региональном и муниципальном уровнях.

На федеральном уровне необходимо принять ряд законов, расширяющих полномочия и регламентирующих деятельность общественных организаций в миграционной сфере. Общественные организации, особенно осуществляющие деятельность национально-культурной направленности, могут оказывать содействие мигрантам, например, в сфере организованного привлечения иностранных работников согласно потребностям региона, практической адаптации и интеграции мигрантов, международного сотрудничества в сфере миграции, в развитии миграционных центров. Это возможно сделать с помощь принятия поправок к Федеральному закону или принятия нового закона «О национально-культурной автономии».

Необходимо актуализировать региональные нормативные акты. В Стратегии государственной национальной политики и в региональных программах говорится о необходимости поддержки этнокультурного развития народов Российской Федерации, обеспечении их прав, но не говорится о механизмах, которые обеспечивали бы привлечение общественных организаций к реализации национальной политики. Основными участниками этого процесса являются органы государственной власти, учреждения культуры, образовательные учреждения, научные организации, средства массовой информации и т.д. Нужны нормативные акты, предусматривающие активное участие общественных организаций в реализации государственной национальной политики.

Необходимо развивать взаимодействие общественных организаций, участвующих в работе с мигрантами, со СМИ. Проводить работу с журналистами, проводить для них курсы повышения квалификации на тему межнациональных отношений и профилактики экстремизма, совместные мероприятия, круглые столы с участием общественных организаций.

Необходимо содействовать научным исследованиям в миграционной сфере, предоставлять научным организациям актуальную информацию, статистику, связанную с миграциями.

О политике поддержки этнокультурного многообразия в Хабаровском крае

Ивагин А.П., Мотрич Е.Л.

Хабаровский край – наиболее крупная по площади часть Дальневосточного экономического района Российской Федерации и вообще – это крупнейшее по размерам административно-территориальное образование Российской Федерации. На долю края приходится 12,8% площади Дальневосточного федерального округа (ДФО) – 787,6 тыс. кв. км. (без учета Забайкальского края и Республики Бурятия), 4,6% территории России и 4,2% ее численности населения. В освоении и развитии Хабаровского края участвовали люди самых разных национальностей со всех уголков большой страны - СССР. Работали, дружили, создавали семьи. Это действительно очень яркий пример межнациональной гармонии. Примером внимания к межнациональной консолидации, повышения понимания культуры, искусства, географии народов является участие Хабаровского края уже в третий раз в Международной просветительской акции «Большой этнографический диктант».

Население Хабаровского края на 1 января 2019 г. составило 1321,5 тыс. чел.[1] Край с точки зрения количества населения не назовешь большим регионом. Однако по разнообразию национальностей он в числе лидеров. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., в крае проживают представители 145 национальностей. Наиболее многочисленны русские – 91,8% от общего числа жителей края. Затем в первой десятке по удельному весу численности следуют украинцы – 2,08% нанайцы – 0,85%, корейцы – 0,62%, татары – 0,61%, белорусы – 0,37%, эвенки – 0,36%, китайцы – 0,30%, азербайджанцы – 0,28%, узбеки – 0,25%, армяне – 0,23%, и т.д. Тысячные доли процентов отводятся таким национальностям, как персы, венгры, румыны, чехи, саамы, телеуты, испанцы, французы. Есть в крае и представители очень немногочисленных народностей: цахуры, езиды, караимы, кумандинцы.

Хабаровский край является исторической родиной для восьми из сорока этносов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих в России. Это нивхи, нанайца, ульчи, негидальцы, орочи, удэгейцы, эвенки и эвены. Каждый – со своей уникальной историей и культурой, своими традициями и верованиями, особенностями хозяйственного быта. В крае 91,8% нанайцев, зарегистрированных в РФ, 94,8% - ульчей. 46,2% нивхов, 41,4% удэгейцев. Статистика – вещь упрямая. Всероссийская перепись населения

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Хабаровского_края

2010 г. показала, что в Хабаровском крае постоянно проживают 23 тысячи 870 представителей коренных народов, это пятое место среди субъектов РФ. Суровая статистика гласит, что это всего 1,7% населения региона. Поэтому эти этносы и называются малочисленными. Но проблем у КМНС много. В связи с их малочисленностью в крае уделяется особое внимание проблемам коренных народов[2]. Уникальные традиции, культура, обычаи 8 коренных малочисленных народов, исконно проживающих на данной территории – это общее достояние Хабаровского края. Обеспечение и защита прав, сохранение самобытности коренных народов края находятся в числе безусловных приоритетов при реализации государственной национальной политики в крае. Так, на 10 съезде региональной Ассоциации КМНС было отмечено, как большой успех деятельности, что, пусть с трудом, удалось отстоять прежние сроки выхода на пенсию для представителей малочисленных народов поскольку мужчины малочисленных народов не доживают даже до того пенсионного возраста, который был действующим.

Сохранение самобытной культуры, языков коренных малочисленных народов Хабаровского также входит в перечень первоочередных задач региональной Ассоциации КМНС. Эта общественная организация издает произведения национальных писателей, участвует в организации концертов, фестивалей, выставок произведений художников и мастеров декоративно-прикладных промыслов. В национальных селах регулярно проводятся фольклорные фестивали, такие как «Лики наследия», «Бубен дружбы» и др. Большую помощь в сохранении наследия предков оказывают власти Хабаровского края. Благодаря поддержке регионального Минкультуры ассоциация получила из краевого бюджета субсидию на проведение второго конкурса сказителей «Нингман». Он проводится в тесном сотрудничестве с домом народного творчества КГАУК «КНОТОК»[3].

Не удивительно, что, благодаря проживанию в Хабаровском крае населения разнообразных национальностей, национальной политике уделяется пристальное внимание, причем на самом близком к простым людям уровне. При этом важнейшим фактором сохранения межнационального и межконфессионального мира и согласия является консолидация совместных действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, представителей Гражданского общества. Важнейшие направления стратегии национальной политики России: противодействие экстремизму и терроризму, этнокультурное

[2] Государственное решение этнических проблем // Тихоокеанская звезда, 2011. 25 августа; Все краски Земли Дерсу // Тихоокеанская звезда, 2011. 29 декабря; Храня традиции предков, идти в будущее ,, Вести Ассамблеи народов хабаровского края, 2019. 14 июня.

[3] Храня традиции предков, идти в будущее // Вести Ассамблеи народов Хабаровского края, Хабаровск, июнь 2019.

развитие народов, сохранение и поддержка малочисленных этнических сообществ, интеграция иностранных граждан в российском обществе.[4]

Большую роль в решении данной задачи играет Хабаровская краевая общественная организация "Ассамблея народов Хабаровского края". Научная и творческая деятельность, работа с молодежью и с детьми дошкольного и школьного возрастов, участие в грантовой поддержке на всех уровнях от президентского до муниципального, методическая работа ресурсного центра по поддержке СО НКО, а также работа по адаптации и интеграции иностранных граждан - это неполный спектр направлений деятельности Ассамблеи.

В 2018 г. Ассамблеей в период проведения муниципальных этапов Гражданского форума осуществлено 6 выездных семинаров с охватом 70 процентов муниципальных районов края. Данный формат мероприятия был направлен на поддержку национальных объединений в области социального проектирования, в целях сохранения этнокультуры, языка и традиций народов России.

В Хабаровском крае работает Молодежная ассамблея народов Хабаровского края. Можно отметить ее примечательную работу в 2018 г. по проведению показа в муниципальных районах края коллекции национальных костюмов, изготовленных в рамках специального гранта. Основной мотив такого мероприятия – понимание того, что национальный костюм во всем мире является важной частью образа страны, народа, культуры. У каждого этноса есть свои традиции, своя история и своя уникальность. И, конечно, у каждого народа – свои неповторимые национальные наряды. Такой Костюм – способ заявить о себе в государственных масштабах, наглядная презентация собственной этнокультурной идентичности, как важнейший элемент культуры, помогающий сохранить национально-культурную самобытность и развить духовную связь между поколениями. Приобщение населения и, прежде всего, молодежи к духовной, социальной и народной культуре, к народному искусству, традициям, обычаям очень важно в период духовного возрождения и обновления всех слоев общества. Население справедливо отмечает, что показ национальных костюмов – это способ заявить о себе в государственных масштабах, наглядная презентация собственной этнокультурной идентичности, важнейший элемент культуры, помогающий сохранить национально-культурную самобытность и развить духовную связь между поколениями.

Значительный вклад в сохранение межнационального мира и согласия в крае вносит автономная некоммерческая организация "Краевой научно-

[4] Национальная стратегия начинается с низов //Вести Ассамблеи народов Хабаровского края. – Хабаровск, март 2019.

практический Центр мониторинга этноконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций", чья деятельность включает предоставление экспертно-аналитических услуг в сфере государственной национальной политики, направленных на обеспечение межнационального мира, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений и раннее предупреждение конфликтных ситуаций. Особое внимание Центр уделяет работе с молодежью - студентами и учащимися общеобразовательных учреждений края, которые являются главными участниками мероприятий. Одним из мероприятий Центра в октябре 2018 г. в г. Хабаровске в рамках Гражданского Форума была проведена студенческая научно-образовательная конференция "Этноконфессиональные отношения в России и Хабаровском крае: проблемы и перспективы их разрешения".

Немалый вклад в реализацию государственной национальной политики вносит Краевой Дворец Дружбы "Русь", который занимается не только организацией и проведением мероприятий в рамках укрепления единства российской нации, но и уделяет внимание разработке методических рекомендаций краевым и муниципальным учреждениям культуры по межнациональным отношениям. Учитывая, что в нашем крае каждое муниципальное образование является уникальной национальной площадкой, доброй традицией стало проведение выездных мероприятий в районы края по сохранению и развитию национальных традиций народов. Таким образом, краевой Дворец Дружбы «Русь» - это не только методический центр, но одновременно и экспериментальная площадка многогранной этнокультурно-досуговой деятельности, где разрабатываются новые методики такой деятельности, ведется активная работа с каждым членом Ассамблеи народов Хабаровского края. Методисты краевого Дворца Дружбы «Русь» перенимают опыт работы в сфере межнациональных отношений у других субъектов Российской Федерации. Дворцы Дружбы Удмуртии, Татарстана, Пермского края - это мощные центры в западной части России, в которых побывали сотрудники краевого Дворца Дружбы «Русь». Данная работа стала возможной, благодаря реализации мероприятий подпрограммы "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов в Хабаровском крае" в рамках государственной программы Хабаровского края "Содействие развитию институтов и инициатив гражданского общества в Хабаровском крае". Примечательным событием 2019 г. было проведение в День России на площади Краевого дворца дружбы «Русь» краевого фестиваля музыки и песни народов края «Карагод». Народный хоровод, именно так переводится с древнерусского слово «Карагод». Фестиваль собрал 44 творческих коллектива и исполнителей со всего Хабаровского

края. Помимо зрелищной части, организаторами была оборудована ярмарка-выставка прикладного искусства и народных промыслов[5].

Сегодня на состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в Хабаровском крае существенное влияние оказывают и миграционные процессы. По данным управления по вопросам миграции УВД по Хабаровскому краю, приток иностранных граждан в Хабаровский край увеличился со 122 тыс. человек в 2016 г. до 152 тыс. в 2018 г. Половина мигрантов - выходцы из стран СНГ. Безусловно, их пребывание в крае - довольно важное подспорье для местного рынка труда в виду недостатка собственной рабочей силы при интенсивной деятельности площадок, расположенных на территориях опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) Хабаровского края, для которых установлен упрощенный порядок привлечения иностранной рабочей силы. Трудовая миграция, позволяя восполнить потребность края, в первую очередь, в рабочей силе, в настоящее время не представляет серьезной угрозы для нарушения баланса в сфере этноконфессиональных отношений. Безусловно, этому способствует и деятельность Общественной приемной по вопросам оказания соотечественникам помощи в интеграции в принимающее сообщество, социально-культурной адаптации, созданной в рамках государственной программы "Оказание содействия добровольному переселению в Хабаровский край соотечественников, проживающих за рубежом", которая ежегодно проводит ряд информационных мероприятий с привлечением представителей национальных объединений, заинтересованных органов государственной власти и, конечно же, сотрудников Управления по вопросам миграции.

За 2018 г. в Хабаровский край из-за рубежа прибыли и вступили в эту программу на территории края 1048 участников и 817 членов их семей, в том числе 675 иностранных граждан и 124 члена их семей, находящихся на законном основании в Российской Федерации. Основную часть категории иностранных граждан составили граждане Таджикистана, Армении, Украины, Казахстана и Узбекистана.

К сожалению, что стоит признать, что, несмотря на предпринимаемые меры, некоторые из мигрантов не интегрируются в наше социокультурное пространство, не всегда понимают и принимают наши обычаи, традиции и культуру. В первую очередь это характерно для выходцев из Средней Азии. Не будучи у себя на родине приверженцами радикальных идей, даже не будучи сильно религиозными, но имея низкий уровень образования, крайне плохо владеющие русским языком и попадая в другую среду, испытывают социально-культурный стресс, начинают искать поддержку и,

[5] Древнерусский хоровод собрал все национальности // Ассамблея народов Хабаровского края. – Хабаровск, 2019.

зачастую находят ее не там, где было бы надежнее и безопаснее. В результате они являются легкой добычей для проповедников радикальных идей и приверженцев экстремистской идеологии. Учитывая данные риски, большое значение в социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан имеет деятельность некоммерческого сектора - общественных организаций (в их составе во многом выходцы из мигрантской среды), которые проводят мероприятия - семинары, круглые столы, консультации. Такое направление деятельности показывает свою эффективность, ею иностранные граждане пользуются с успехом.

Необходимо отметить, что формирование гармоничных межнациональных и межконфессиональных отношений является одним из главных и сложных вопросов внутренней политики. Эта задача выполнима при условии подготовки специалистов в сфере национальных отношений не только на региональном уровне, но и на муниципальном, учитывая принятый Правительством Российской Федерации профессиональный стандарт, в котором установлены требования к специальностям данной области.

На данную проблему обратил внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении на Совете по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, который состоялся 26 октября 2018 г. в административном центре Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, отметив, что очень важно, чтобы на этих участках работали компетентные, подготовленные, заинтересованные люди, знающие культуру, языки народов России, историю страны и наших регионов, в которой в том числе были и очень сложные страницы.

Поэтому очень важно сегодня работать на опережение, создавать необходимые условия всем для развития национальной культуры и самобытности. Надо, чтобы люди разных народов с разными культурой, религией жили дружно, понимали и уважали друг друга. В Хабаровском крае в 2016 г. создана организация АНО «Центр», основные задачи которой состоят в проведении мониторинга этноконфессиональных отношений по направлениям, которые соответствуют показателям государственной программы РФ «Реализация государственной национальной политики». Такая работа является основным инструментом предотвращения возможных конфликтных ситуаций на межнациональной и межрелигиозной почве. Результаты мониторинга 2017 -2018 гг. показали: в регионе высока доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений на уровне 75,8%.[6]

[6] Мотрич Е.Л. Возможности мониторинга этнокультурного многообразия в Хабаровском крае // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2-6 июля 2019 г. / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. – Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019? с. 495.

В начале июня 2019 г. в правительстве Хабаровского края прошло заседание Совета по межнациональным отношениям при губернаторе края, где шел разговор о создании культурного Центра. Инициаторы этой проблемы – общественная организация «Таджики Дальнего Востока (Тачикони Шарки Дур). В нем планируется создать помещение для юристов, зал для репетиций, классы для проведения занятий с детьми, обустроить общежитие, где была бы возможность временно размещать и прописывать новоприбывших соотечественников, пока те не найдут постоянного жилья. Получится реализация такого мероприятия или нет – это дело времени[7].

Вообще стоит обратить внимание, что в Хабаровском крае постоянно увеличивается число национальных объединений, действия которых исходит из того, что Россия – наш общий дом и мы должны работать над тем, чтобы все члены наших сообществ, разных национальностей, в любом уголке страны и региона чувствовали себя как дома.

На территории края зарегистрировано более 300 общественных организаций, представляющих интересы национальных объединений края. Большую часть существующих организаций составляют организации, созданные объединениями и общинами коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края (более 250 организаций), а также казачьими объединениями (около 30 организаций). Указанные общественные организации объединяются в более крупные общественные организации: региональную общественную организацию "Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края" и Окружное казачье общество Хабаровского края. В свою очередь указанные общественные организации входят в состав Хабаровской краевой общественной организации "Ассамблея народов Хабаровского края", которая также объединяет в себе ряд иных национальных организаций края.

Таким образом, в Хабаровском крае, как многонациональной территории, достаточно позитивно решаются проблемы поддержки культурного многообразия. Очевидно, это найдет отражение в предстоящей переписи населения 2020 года.

[7] И накормят и с кровом помогут //Ассамблея народов хабаровского каря, Информационно-публицистический журнал. Хабаровск – Июнь, 2019, сс. 22 – 25.

Культурное многообразие и миграция в Приморье

Ермак Г.Г.

В 2018 г. про программе Института этнологии и антропологии РАН и Сети этнологического мониторинга[1] нами были опрошены эксперты в г. Владивостоке и г. Находка о проблемах миграции и интеграции. Также мы провели массовый опрос населения. В названные города в поисках работы стремятся местные жители из разных районов края и многочисленные мигранты из стран СНГ и других зарубежных стран. Представители иностранных мигрантских сообществ создают общественные организации, которые занимаются, в том числе, адаптацией и интеграцией соотечественников (социальная, правовая поддержка, профилактика и предупреждение конфликтных ситуаций и др.). Кроме того, в названных городах сформирована и эффективно действует система взаимодействия органов власти и общественных национальных организаций через консультативные межведомственные и общественные советы и, комиссии по вопросам реализации государственной национальной политики. Проблема адаптации и интеграции мигрантов является одной из основных, обсуждаемых на заседаниях таких общественных структур.

Согласно критериям выборки объектами экспертного опроса стали представители организаций трех типов: управленцы – опрошено 5 человек из 3 организаций, это сотрудники органов исполнительной власти (3 чел.) и муниципальные служащие (2 чел.); общественники – опрошено 15 человек, представляющие 11 организаций, в т.ч. 6 этнокультурных общественных организаций, 2 межнациональные; 4 консультирующие по проблемам миграции (респонденты-общественники представлены в основном руководителями и лидерами национальных общественных объединений – 10 чел., руководители и активисты общественных организаций, занимающихся деятельностью, связанной с адаптацией мигрантов – 5 чел); научные работники и педагоги – опрошено 10 человек из 3 организаций (академический институт – 5 чел. и два вуза – 5 чел.), это исследователи и преподаватели, чья деятельность связана с миграционной тематикой и преподаванием таких дисциплин как политология, социология, этнология.

Осенью 2018 г. был проведен опрос по изучению общественного восприятия миграции и мигрантов в Приморском крае. Выборка составила 300 человек, жителей г. Владивостоке и г. Артема. Артём — административный центр Артёмовского городского округа. Это привлекательная для

[1] См. подробнее: Межэтнические отношения и миграционная ситуация в регионах Центра, Северо-Запада, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за 2018 год / Ред. Смирнова Т.Б., Степанов В.В., Старченко Р.А. – М.-Омск: «Издательский центр КАН», 2019.

мигрантов территория Приморского края, так как это самый близко расположенный к краевому центру городской округ. Расстояние от Владивостока до Артема 38 км, время в пути на автомобиле или автобусе от центральной площади г. Владивостока составляет примерно 60 мин.

Главной характеристикой миграций в Приморье участники опроса экспертов назвали отток местного славянского населения (50%) и активный приток инокультурных мигрантов. За последние 5 лет в другие регионы страны из Приморья выбыло на 30,8 тыс. человек больше, чем прибыло. Остановить отток населения не удается, даже реализацией программы «Дальневосточный гектар». Причины известны – это тяжелый климат, дорогие продукты и жилье, отсутствие рабочих мест, способных обеспечить нормальную жизнь.

Общественные риски иностранной трудовой миграции для Приморского края участники экспертного опроса оценивали по странам выхода мигрантов.

Рейтинг рисков безработицы для местных жителей Приморского края из-за присутствия на рынке труда иностранных трудовых мигрантов, возглавляют выходцы из таких государств Средней Азии, как Узбекистан (2,3 балла) и Таджикистан (1,7 балла), третью строку занимают мигранты из Китая (1,5 балла), далее стоят выходцы из Киргизии (1,1 балла), Азербайджана (1,1 балла), Армении (0,9 балла), Украины (0,4 балла), Казахстана (0,4 балла), Молдавии (0,3 балла), Белоруссии (0,1 балла). Данный рейтинг достаточно полно отражает общественные представления об отношении принимающего славянского большинства к этническим мигрантам, включая пресловутую «кавказофобию». Так, у представителей государств Закавказья (Азербайджана и Армении), по данным управления миграции МВД РФ по Приморскому краю, частные цели визита в регион преобладают над трудовыми целями, поток их не велик, граждане Украины едут в Приморье в большем количестве, но эксперты считают, что риски безработицы от присутствия азербайджанцев и армян в крае выше, чем от граждан Украины. Реальная ситуация такова, что азербайджанцы скорее создают рабочие места, активно присутствуя в оптово-розничной торговле овощами и фруктами, а армяне в ресторанном бизнесе.

Рейтинг рисков межнациональных и религиозных конфликтов из-за присутствия в крае иностранных трудовых мигрантов также возглавляют выходцы из государств Средней Азии: Узбекистан (1,9 балла), Таджикистан (1,4 балла), Азербайджан (1,3 балла). Риски, связанные с выходцами из Китая (1,1) стоят на почетном четвертом месте, 5-ое занимают риски из-за присутствия мигрантов из Киргизии (0,9 балла), наименьшая опасность, по мнению экспертов, исходит от мигрантов из Армении (0,5 балла), Казахстана (0,4 балла), Украины (0,4 балла), Молдавии (0,3 балла), а предста-

вители Белоруссии (0,0 балла), по мнению экспертов, не несут региональному сообществу никаких угроз в межнациональной и межрелигиозной сферах. В целом, как показал опрос, вероятность возникновения межнациональных и межрелигиозных конфликтов в Приморском крае практически равна нулю, типичный балл оценки данного риска – 0 (нет риска). Незначительные риски исходят от представителей Киргизии и Таджикистана – типичный балл оценки – 1; заметный риск, по мнению экспертов, исходит от присутствия граждан Узбекистана – типичный балл оценки – 3.

В оценках рисков культурной адаптации и интеграции мигрантов из разных государств, эксперты также основные угрозы связывают с представителями пяти государств. Значительные риски исходят от мигрантов из Узбекистана (2,1 балла), из Китая (1,7 балла), Таджикистана (1,4 балла), Азербайджана (1,3 балла), Киргизии (1,1 балла). Выходцы из Армении (0,6 балла), Казахстана (0,5 балла), Молдавии (0,2 балла), Украины (0,2 балла) получили низкую оценку, а адаптация и интеграция мигрантов из Белоруссии (0,0 балла), по мнению экспертов, вообще не связана с угрозами и рисками.

Несмотря на указанные миграционные риски, более половины экспертов единодушны во мнении, что решить проблемы демографического и экономического развития России можно только комплексными мерами, сочетающими внедрение эффективных отечественных программам, и эффективное использование труда иностранных мигрантов. Треть респондентов, патриотически-настроенных уверена, что решая экономические проблемы важнее повысить производительность труда в России и использовать свои ресурсы, а не поощрять иностранную трудовую миграцию. Патриотически-настроенных сторонников решения демографических проблем среди экспертов на порядок больше - практически половина (40%). Эта часть респондентов полагает, что необходимо мобилизовать внутренние ресурсы страны и стимулировать демографическое развитие с учетом позитивного опыта таких программ, как материнский капитал и проч., а не привлекать иностранных трудовых мигрантов.

В начале 200-х гг. эксперты, формируя прогнозы развития региональных трудовых ресурсов, придерживались сценария, согласно которому основным поставщиком иностранной рабочей силы для Дальнего Востока будет Китай. В СМИ активно обсуждалась проблема так называемой «желтой» опасности и поиски путей ее решения. Но ситуация стала развиваться по иному сценарию. Сегодня местное население основными конкурентами за рабочие места считает граждан из государств Центральной Азии. Респонденты, участники массового опроса, не назвали такой сферы занятости, в которой было бы предпочтительно трудоустроить выходцев из Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. По данным статистики о формальной за-

нятости мигрантов, только около 5% рабочих мест занято иностранцами, которые сосредоточены в розничной торговле, строительстве, автомобильном транспорте. Однако 77% опрошенных допускают, что мигранты могут трудиться в этих и в других профессиональных секторах региональной экономики: в сфере ЖКХ (45%) на строительных и дорожных работах (34%), в сельском хозяйстве (30%), охрана парковок, магазинов (18%), работа на заводах и фабриках (17%), занятость в ресторанном и гостиничном сервисе (15%), торговля (15%), работа по найму у граждан (на приусадебных участках, няни в семьях и др.) (13%), общественный транспорт (12%).

Студенты более лояльны в вопросах трудоустройства мигрантов, несмотря на то, что вопросы трудоустройства для них очень актуальны. Подавляющее большинство опрошенных студентов (85%) считают, что мигранты могут быть трудоустроены в разных профессиональных секторах региональной экономики. Студенты видят мигрантов занятыми в основном в разных профессиях жилищно-коммунального комплекса края (59% опрошенных). Другой предпочтительной сферой занятости мигрантов, по мнению респондентов-студентов, являются строительные и дорожные работы (58%). Положительно отнеслись к занятости мигрантов в медицине и сфере социальных услуг 19% студентов. Хотя настрой респондентов массового опроса не такой толерантный, только 4% опрошенных указали данную профессиональную сферу, как возможную для трудоустройства мигрантов. Есть среди респондентов группа (13% опрошенных), которая против использования труда мигрантов в любых сферах. Столько же респондентов высказали инициативное мнение, которое в целом сводилось к толерантным взглядом на трудоустройство мигрантов (ответы «пусть работают, где хотят», «везде», «по профессии»). Тем не менее, детализация предпочтений респондентов о трудоустройстве мигрантов, выявила представления местного населения о наличии конкуренции между старожилами и мигрантами за рабочие места. Конфликтный потенциал в миграционной сфере связан в первую очередь с представлениями принимающего населения о существовании «мигрантских ниш» занятости.

Доля незанятых в численности трудовых ресурсов Приморья составила в 2017 году около 20%. Из 215 тыс. человек, не входящих в состав рабочей силы, только каждый четвертый выразил желание работать.[2] Для трудоустройства безработных в службы занятости населения работодателями была предоставлена информация о 91 тыс. вакансий, что в 8,8 раза больше, чем зарегистрировано безработных. Проблемы трудоустройства связаны как с профессиональным и территориальным несоответствием вакансий и

[2] Формирование трудовых ресурсов в экономике Приморского края (rimstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/aad9e60047dbeb5f961f9ef8830b115d/dox0918p.htm)

безработных, так и с конкуренцией с более дешевой иностранной рабочей силой.[3] 31% опрошенных солидарны с этим мнением, считая, что местные жители не хотят сами работать по разным причинам, но и иностранцы составляют им определенную конкуренцию. 17% респондентов массового опроса и 12% респондентов студентов уверены, что именно мигранты мешают трудоустройству местных жителей, отнимая у них рабочие места. 48% (30% студентов) опрошенных солидарны с мнением, что местные жители сами не хотят трудоустраиваться, там, где работают мигранты.

Ответы респондентов на вопрос о частоте общения с мигрантами дают представление об установках местного населения на взаимодействие (межэтническое) с иностранными трудовыми мигрантами. Можно отметить, что чуть более трети опрошенных (38%) демонстрируют положительные установки на взаимодействие с ними (с мигрантами общаются практически ежедневно). Положительная установка на объект (толерантное отношение к иностранным трудовым мигрантам) и положительная установка на ситуацию (постоянное взаимодействие) совпадают. Ответы «каждую неделю» (15%) и «каждый месяц (6%)», могут демонстрировать положительную установку на ситуацию, но установка на объект у таких опрошенных может быть и отрицательной, то же самое можно сказать о респондентах, ответивших на данный вопрос очень редко (27%). А вот опрошенные, которые выбрали ответ «никогда» не общаюсь иностранными трудовыми мигрантами (10%), имеют отрицательную установку на ситуацию (взаимодействие) и на объект (интолерантное отношение). Если ответы студентов по вопросам трудоустройства толерантнее, в сравнении с ответами респондентов массового опроса, то в рассуждениях об общении с мигрантами студенты более категоричны. Более половины опрошенных студентов (54%) выбрали варианты ответов, общаюсь с мигрантами «очень редко», «никогда».

Одним из стереотипов, распространенных у коренных жителей о мигрантах являются представления о преступности мигрантов. В региональных СМИ в 2018 г. основная тематика сюжетов, связанных с иностранными трудовыми мигрантами, была посвящена вопросам эффективности использования иностранной рабочей силы, но в социальных сетях и на форумах тема преступности мигрантов присутствовала. Это сюжеты о грабеже, насилии. 20% респондентов разделяют эти взгляды и считают, что мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители («не было бы мигрантов, не было бы преступлений»). 58 % опрошенных солидарны с мнением, что нет особых различий между мигрантами и местными по

[3] Сколько безработных в крае? (http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/469998004634895d9aa1faedfce35b80/dox0518p.htm)

уровню преступности («предвзятое отношение к мигрантам», «все зависит от воспитания»). 17% респондентов воздержались от высказываний по теме, 5% сформулировали инициативные мнения, отражающие весь спектр стереотипов, связанных с этой темой, но в тоже время многие из этой группы отмечали, что не владеют достаточной информацией (например, соответствующей статистикой).

Только 12% респондентов Приморского края положительно отнеслись к ситуации совместного обучения своих детей и внуков с детьми мигрантов («положительно, если не мешает обучению моих детей»). 63% респондентов нейтрально воспринимают такую перспективу, 16% высказались против совместного обучения («уровень образования и желания учиться у детей мигрантов, как правило, низкий, что часто не дает местным детям нормально, продуктивно учиться», «если мигранты не владеют русским, то отрицательно», «физически узбеки созревают быстрее, они доминируют над русскими мальчиками и девочками»). Студенты, вчерашние школьники, в большей массе (65%) нейтрально относятся к ситуации совместного обучения своих будущих детей и внуков с детьми мигрантов. Сторонников и противников совместного обучения оказалось равное количество – по 15%. Те, кто положительно и нейтрально относятся к совместному обучению своих детей и детей мигрантов, тем не менее, считают, что необходимо принимать дополнительные воспитательные и образовательные меры. Опрос показал, что в принимающем обществе остро стоит проблема социально-культурной адаптации детей мигрантов, обучающихся в общеобразовательных школах, необходимы специальные программы, способствующие адаптации детей мигрантов в школьном коллективе и успешному обучению.

Большинство респондентов приморцев (63%) высказались нейтрально, отвечая на вопрос о поддержке митингов и пикетов против иностранных трудовых мигрантов, 15 % участников опроса показали решимость поддержать акции против иностранных трудовых мигрантов, 18% опрошенных затруднились с принятием решения, продемонстрировав гражданскую индифферентность. Половина студентов (57%) не стремится поддерживать митинги и пикеты против иностранных трудовых мигрантов, четверть опрошенных затруднилась высказать мнение, а 13% участников опроса показали решимость поддержать акции против иностранных трудовых мигрантов. 10% студентов и 5% респондентов сформулировали инициативное мнение. Анализ этих суждений показал, что присущая некоторым респондентам активная гражданская позиция носит ярко выраженный ситуативный характер («смотря по какому поводу», «зависит от вопросов, которые решают на митинге», «зависит от повестки»). Некоторые респонденты со-

мневаются по поводу эффективности решения миграционных проблем с помощью пикетов и акций, а также возможности таких акций в Приморье.

Переселение соотечественников в Приморский край осуществляется в рамках Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637, а также в рамках подпрограммы «Об оказании содействия добровольному переселению в Приморский край соотечественников, проживающих за рубежом» государственной программы Приморского края «Содействие занятости населения Приморского края на 2013 - 2020 годы», утвержденной постановление Администрации Приморского края от 07.12.2012 № 384-па. В 2018 году было запланировано участие в Государственной программе 1561 соотечественника. Соотечественники имеют возможность выбрать для жизни любой из 28 муниципальных образований Приморья – восемь городов и 20 муниципальных районов. В целом, для участников программы переселения в дальневосточные регионы России предусмотрена выплата подъемных в размере 240 тысяч рублей на участника программы и 120 тысяч. Отношение приморцев к льготам для переселенцев-соотечественников сформулировал С.Г.Пушкарев, ведущий эксперт Приморского края по проблемам иностранной трудовой миграции, руководитель Приморской региональной общественной организации «Приморская региональная общественная организация «Консультационный Центр по вопросам миграции и межэтнических отношений», он отметил, что предложения по привлечению мигрантов, ничего, кроме обиды и возмущения у дальневосточников не вызывают: «платить приезжим миллион, строить для приезжих жильё, обеспечивать приезжих работой».[4] Поэтому 14% опрошенных, отвечая на вопрос, какие иностранцы могут претендовать на статус соотечественников, убеждены, что только отдельные национальности могут претендовать на этот статус, судя по инициативным ответам, речь идет в основном о русских. Значительная часть респондентов (21%) затруднились дать ответ на этот вопрос. 27% приморцев решили, что соотечественниками должны быть названы все бывшие граждане СССР. Столько же респондентов (27%) считают, что соотечественниками можно назвать только тех, кто знает русский язык. Как видим, для половины респондентов, первостепенными интеграционными символами являются общее прошлое и единый язык. 10% респондентов сформулировали инициативные ответы, согласно которым «никого» не надо называть соотечественниками (8 ответов), или «всех, так как в крае мало людей» (3

[4] Развитие Дальнего Востока привело к демографическому взрыву на Кубани (https://regnum.ru/news/economy/2367489.html)

ответа), а лучше тех, «кто знает законы, историю и культуру», «нужен региону», «является политическим беженцем» (8 ответов). Распределение ответов на этот вопрос в студенческой аудитории коррелирует с ответами участников массового опроса, а вот экспертное мнение несколько отличается в оценках. Эксперты (60%) считают, что соотечественниками должны те, на кого ориентирована программа по переселению соотечественников, т.е. россияне, переехавшие за рубеж и ставшие поданными других стран, но решившие вернуться в Россию, а также мигранты, родившиеся в СССР, но в дальнейшем, после его распада, получившие гражданство бывших советских республик. Только небольшая (десятая) часть экспертов предпочитают видеть в качестве мигрантов представителей отдельных национальностей, как правило, славянского происхождения, а если они представляют другие общности, то для них обязательно владение русским языком и христианское вероисповедание. Примерно столько же экспертов категорично настроены против предоставления льгот любым иностранцам, а пятая часть (20%) высказали особое мнение по этому вопросу. Примечательно, что во многих инициативных ответах респондентов содержалось требование к потенциальным россиянам - обязательное знание русского языка.

24 августа 2017 г. Президент Российской Федерации подписал указ, согласно которому Федеральное агентство по делам национальностей наделяется полномочиями по социальной и культурной адаптации мигрантов. Также по поручению Президента Федеральным агентством по делам национальностей был разработан и внесен 1 августа 2017 в правительство законопроект о социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов, он должен был вступить в силу 1 января 2018 г. Пока данный документ проходит согласование, все заинтересованные акторы в своей деятельности по адаптации и интеграции мигрантов руководствуются такими стратегическими документами как Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 19 декабря 2012 г. (с изменениями на 6 декабря 2018 г.) и Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). Управление миграционными процессами в настоящее время в крае распределено между территориальными органами федеральных органов исполнительной власти и краевыми органами исполнительной власти. При этом органы исполнительной власти не имеют полномочий по реализации государственной политики в сфере адаптации и интеграции мигрантов. Ряд вопросов анкеты раскрывают отношение коренного населения к проблеме социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов.

Первый вопрос посвящен русскому языку. Сохранение русского языка как государственного языка и языка межнационального общения является

приоритетом государственной национальной политики Российской Федерации. Владение русским языком и знание русской культуры рассматриваются как главное условие успешной адаптации иностранных мигрантов, приезжающих в различные субъекты Российской Федерации и для осуществления трудовой деятельности, и на постоянное место жительство. Русский язык является самым действенным способом преодоления правовых и социальных барьеров в принимающем обществе. Большинство опрошенных приморцев (85%) полностью поддерживают необходимость обучения мигрантов русскому языку, студентов согласных с этим утверждением еще больше (94%). 30% студентов и 39% респондентов массового опроса считают, что платить за обучение мигранты должны сами, соответственно 20% и 15% утверждают, что обучать нужно только тех, кто хочет остаться жить в России, и только 9% (массовый опрос) и 4 % (студенты) респондентов против обучения приезжих.

Чем больше социальных и культурных границ преодолевает мигрант, тем сложнее проходят процессы адаптации и интеграции мигранта к новым условиям жизни, когда меняется все: климат, одежда, пища, общественные отношения, экономические стратегии.

Остро в крае стоит вопрос правовой поддержки мигрантов. Есть в Приморье общественные организации, предоставляющие правовую информацию по вопросам миграции. Их можно условно разделить на две группы. Первая - это организации, созданные экспертами из числа юристов и специалистов, ранее занимавшихся решением миграционных вопросов. Таких организаций в краевом центре три. Вторая группа - это организации, созданные мигрантскими этногруппами и активно оказывающие услуги по адаптации вновь прибывающим землякам, как правило, на коммерческой основе (5 организаций в краевом центре). Эксперты считают, что вовлеченность общественников в эту деятельность может быть оценена на 2,6 балла, а средний балл эффективности от такой деятельности достаточно скромный 1,8 балла, хотя типичная оценка в целом 2 балла. Как правило, правовая информация, необходимая мигранту на новом месте, связана с вопросами трудоустройства, обеспеченности жильем, медицинской помощью. В основном для решения этих вопросов мигранты обращаются к землякам. Т.е. интеграция, связанная с инкорпорированием мигрантов в социальные институты принимающего сообщества в большей степени осуществляется этническими и конфессиональными активистами, являющимися членами не только национально-культурных объединений, но и религиозных организаций, сотрудниками организаций, оказывающих коммерческие услуги по трудоустройству, представителями предпринимательского сообщества «диаспоры». Эксперты придерживаются мнения, что не всегда эта помощь вписывается в рамки правового поля, поэтому поста-

вили достаточно скромные оценки деятельности по содействию легальному трудоустройству мигрантов (вовлеченность 1,9 балла; эффект 1,4) и содействию развития легального и безопасного рынка временного жилья (вовлеченность 1,2 балла; эффект 1,0 балла). Организацией "горячей линии" по вопросам миграции в крае в основном занимаются общественники Приморской региональной общественной организации «Консультативный центр по вопросам миграции и межэтнических отношений» и Фонда правовой поддержки мигрантов. Эффективность данной деятельности была оценена в период массового прибытия в край граждан Украины, вынужденно покинувших территорию Украины. На горячую линию круглосуточно поступали звонки из Мариуполя, Горловки, Донецка. Сегодня Фонд правовой поддержки мигрантов в рамках реализации проекта, поддержанного фондом президентских грантов, организовал "горячую линию" для старообрядцев, переселившихся в Приморский край по Государственной программе добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников, а также для потенциальных соотечественников, старообрядцев проживающих в Боливии. Как видим, мониторинг в сфере миграции и «горячие линии» по вопросам миграции не стали массовым видом деятельности и соответственно оценены экспертами так: вовлеченность - 2,2 балла, эффективность - 1,5 балла. В информационном и медийном пространстве региона не присутствует тема социальной поддержки мигрантов, не освещается деятельность общественных этнокультурных объединений и религиозных организаций по поддержке своих земляков, поэтому, по мнению экспертов, участие общественности в социальной поддержке мигрантов может быть оценена на 2,0 балла, а эффект от этой деятельности оценен на 1,8 балла. Оценить реализацию социально значимых проектов сотрудничества местного населения и мигрантов треть экспертов затруднились, поставившие оценки считают, что вовлеченность общественности в данные проекты равна 1,6 балла, а эффективность 1,2 балла.

Адаптация и интеграция мигрантов (иностранных граждан) в российское общество это двусторонний процесс, в котором важны не только намерения мигрантов, но и установки принимающего сообщества. От того будут ли представители местного населения деятельными участниками процесса или они займут позицию сторонних индифферентных наблюдателей, во многом зависит эффективность взаимной социокультурной адаптации мигрантов и принимающего сообщества. Респонденты приморцы демонстрируют ту и другую стратегию на взаимодействие с инокультурными мигрантами. Значительная часть опрошенных 83% (студенты) 72% (респонденты массового опроса) за деятельное общение в процессе адаптации и интеграции. Они считают, что приезжих необходимо информировать о традициях и культуре принимающей стороны. 10% участников од-

ного и другого опроса готовы раздавать информационные листовки мигрантам. 24% студентов и 20% участников массового опроса считают, что можно привлекать мигрантов к участию в общественной жизни. 50% студентов и 72% респондентов массового опроса предлагают использовать и тот, и другой способ информирования мигрантов. 6% студентов и 13% респондентов массового опроса проголосовали против любых мер по информированию мигрантов (индифферентные наблюдатели). Любопытны инициативные ответы 7% респондентов массового опроса, которые по большей части содержат мнение о том, что мигранты должны сами узнавать культуру принимающего сообщества до приезда в страну-реципиент («привлекать только тех, кто знает и уважает местную культуру», «не знают, пусть сидят у себя дома», «въезжая в страну, человек уже должен знать традиции», 13 ответов из 22). Но, несмотря на существующие индифферентные настроения в отношении мигрантов, данные опроса показали, что большинство студентов (73%) и респондентов массового опроса (62%) не только готовы информировать мигрантов о местной культуре и традициях, но и поддерживают интеграцию мигрантов в местное сообщество.

Важная роль в вопросах социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов, отводится общественным структурам или институтам гражданского общества. Данная деятельность особенно актуальна в ситуации, когда органы исполнительной власти и местного самоуправления не имеют полномочий, связанных с решением миграционных вопросов. Реальную ситуацию участия общественных структур в вопросах реализации государственной миграционной политики в Приморском крае эксперты оценивали по пятибалльной шкале (1-крайне редкое участие; 2 – эпизодическое участие; 3- то редко, то часто; 4 –почти регулярное; 5 – постоянное). Общий типичный балл оценки составил 1,9 балла (нет или мало участия). Треть экспертов поставила низкие оценки, а четверть посчитала, что данная деятельность может быть оценена на средний и высокий балл. Неоднозначная оценка вовлеченности общественных структур в реализацию государственной миграционной политики в Приморском крае связана в первую очередь, с отсутствием четких критериев для оценки данной деятельности, что обусловлено полемичностью теоретического и практического инструментария для решения миграционных проблем. Административные усилия со стороны отдельных управленческих структур, которые, как было уже отмечено, не имеют специальных полномочий для решения вопросов в сфере миграций, сводятся к реализации типичных для них форм и методов деятельности. Это создание различных общественных экспертных советов, комиссий и проведение в рамках этих структур совещаний, семинаров и круглых столов. В 17 городских округах и муниципальных районах края

созданы консультативные или координационные советы по делам национальностей, религиозных организаций и профилактике экстремизма.

80% экспертов оценили участие представителей некоммерческого сектора Приморья в общественных советах по вопросам миграции при органах власти. Средний балл оценок равен 2,7 балла (это наивысший средний балл по вопросу об участии и эффективности участия НКО в реализации государственной миграционной политики в Приморском крае), типичный балл – 5 баллов (постоянное участие). Особого эффекта от данной деятельности эксперты не видят, и средний балл оценки эффективности участия НКО в общественных советах составил всего 1,8 балла. В тоже время, это наивысший балл оценки эффективности деятельности общественных структур в деле реализации миграционной политики.

Определенный, достаточно значимый вклад, в сравнении с оценкой остальных видов деятельности по реализации миграционной политики, по мнению экспертов, общественность вносит в практическую адаптацию и интеграцию мигрантов (2,3 балла), но эффективность вклада оценена на 1,6 балла. Здесь можно не согласиться с оценкой экспертов, так как в Приморском крае все спорные вопросы, связанные с присутствием на территории края инокультурных мигрантов решаются с активным участием руководителей и лидеров национально-культурных общественных объединений, религиозных организаций и НКО консультативно-правового характера. Третье место эксперты отвели содействию НКО межрегиональному / международному сотрудничеству в сфере миграции (оценка участия составляет 2,3 балла, эффективность участия – 1,5 балла). Приморье приграничный регион, активно принимающий мигрантов из соседних стран КНР и КНДР. Межрегиональному и международному сотрудничеству особенно активно содействуют общественные объединения корейцев. Взаимодействие с китайским приграничьем носит в основном экономическо-туристический характер.

Туризм – одна из наиболее перспективных отраслей в Приморье. Турпоток в край ежегодно заметно увеличивается. Так, в 2015 г. регион посетили примерно 2 миллиона российских и зарубежных гостей, в 2016 – 3 миллиона, в 2017 – 4 миллиона. В 2018 г. по предварительным данным турпоток в край превысил 5 миллионов человек. Край занимает ведущие позиции в общероссийских тематических рейтингах и исследованиях. Аналитическое агентство ТурСтат составило рейтинг самых популярных у туристов городов и регионов России по итогам 2018 г. Приморский край вошел в пятерку победителей, приняв примерно 5 млн. туристов. Столица краевого центра г. Владивосток, принявший свыше 3 миллионов путешественников в 2018 г., вошла в пятерку самых популярных у туристов мест

в России.[5] Интенсивный туристический обмен между Приморьем и приграничными провинциями Северо-восточного Китая существует уже несколько десятков лет, поэтому ответы у участников и студенческого опроса и массового опроса совпали. 33 % респондентов положительно, 53% нейтрально относятся к развитию туризма со станами, из которых прибывают мигранты. Противников развития туризма с территориями, поставляющими трудовых мигрантов краю, среди респондентов студентов больше (11%), а среди приморцев массового опроса всего лишь 7%. О туристическом обмене со странами Центральной Азии сегодня говорить сложно, основным препятствием к его развитию является удаленность данных территорий и высокая стоимость проезда. Если нет спроса, нет и предложений, так в декабре 2018 г. не было ни одного предложения по туристической поездке в Узбекистан.

Единодушны респонденты двух опросов в отношении ресторанов и кафе национальной кухни тех стран, из которых приезжают мигранты. Больше половины студентов (60%) и участников массового опроса (56%) положительно относятся к их кулинарныме традициям. Треть тех и других респондентов нейтрально относится к таким кафе и ресторанам, против только 5% студентов и 6% приморцев массового опроса. Возможно, последние, так же как респонденты, которые высказали инициативные мнения (2%), разделяют опасения о нарушении санитарных норм в кафе и ресторанах, организованных мигрантами. Речь, скорее всего, идет о мигрантах из Центральной Азии, так как «чифаньки» (местное обозначение кафе или ресторана китайской кухни, образовано от китайского глагола «есть» («чи фан»)) или «китайки», появившиеся в начале 90-х годов, после открытия границ, сегодня есть в каждом районе города и края. Китайская кухня в Приморье всегда занимала самый низкий ценовой сегмент. Этот факт, а также большие порции и лояльность к употреблению принесенного с собой алкоголя сделали «китайки» любимым местом для праздничных застолий приморцев. В региональном общественном сознании китайская кухня не ассоциируются сегодня с миграционным фактором.

Национальная кухня стала обязательным элементом праздников и общественных мероприятий, посвященных памятным датам общероссийским и региональным. Выставки-дегустации национальных блюд проводятся национально-культурными общественными объединениями региона. Респонденты эксперты достаточно высоко оценили эту деятельность общественников (вовлеченность 2,7 балла; эффект: 2,3 – средний балл; 2 – типич-

[5] Приморский край стал одним из самых популярных туристских регионов России в 2018 году (https://www.primorsky.ru/news/155977)

ный балл), присвоив самый высокий балл эффективности в деятельности НКО по адаптации и интеграции мигрантов в Приморье.

В Приморском крае пока нет специальных культурных центров, знакомящих приморцев с художественными промыслами, танцами, музыкой народов из государств Центральной Азии из которых приезжают в край трудовые мигранты, но 56% респондентов положительно, а 42 % студентов и 35% респондентов массового опроса нейтрально относятся к возможности знакомства с иной культурой и традициями в таких центрах. Против, высказались лишь 7 участников одного опроса и 6% другого. Не случайно участники экспертного опроса поставили низкие оценки деятельности НКО по организации мероприятий, формирующих уважительное отношение мигрантов к культуре и традициям местных жителей (вовлеченность – 2,2 балла; эффект: 1,8 – средний балл; 2 – типичный балл). Не проявляют особой активности общественники в содействии культурному обмену, общению и повышению взаимного доверия мигрантов и местного населения (вовлеченность – 2,2 балла; эффект: 1,7 – средний балл; 2 – типичный балл). Некоторую помощь оказывают НКО мигрантам при изучении языка, истории и культуры Российской Федерации (вовлеченность – 2,0 балла; эффект: 1,5 – средний балл; 1– типичный балл). Деятельность по распространению взаимной просветительской информации для мигрантов и населения налажена крайне слабо в регионе и оценивается экспертами так: вовлеченность общественности – 1,6 балла, эффективность деятельности – 1,3 балла; типичный балл – 1 (крайне слабый эффект). Информирование местных жителей о культурных отличиях мигрантов необходимо повысить, а пока общественность занимается просвещением в данном направлении на 1,6 балла и эффект от их усилий равен 1,3 балла. Практически не участвуют общественные объединения в адаптации детей мигрантов в школах (вовлеченность – 1,5 балл; эффективность – 1,3 балла).

Необходимо отметить, что в Приморском крае есть все возможности для знакомства с культурой народов Китая и традициями корейского народа. В краевом центре работает Институт Конфуция, культурно-образовательный центр, способствующий распространению китайского языка и лучших достижений традиционной культуры Китая, в г. Уссурийске для всех желающих познакомиться с корейской традиционной культурой есть корейский культурный центр, самый большой культурный центр за пределами Республики Корея.

В ответах респондентов на вопрос об изучении языков соседних стран, из которых приезжают мигранты, прослеживаются те же тенденции, которые уже были продемонстрированы в ответах на два предыдущих вопроса о традиционных кухнях и национальной культуре. Так среди участников массового опроса 6% респондентов отрицательно отнеслись к перспективе

изучения языков мигрантов, хотя подавляющее большинство опрошенных положительно (52%) или нейтрально (38%) смотрят на эти проблемы. Ситуация с изучением языков соседних стран в Приморье очень благоприятная. Восточные языки китайский, корейский, японский, в меньшей степени вьетнамский изучают в средней, в высшей школе и на многочисленных языковых курсах все желающие. Но когда мы сегодня говорим о языках мигрантов, то сразу у приморцев возникают ассоциации с языками выходцев из государств Средней Азии. Эти языки не изучают в Приморье, но если бы это были свободные, бесплатные лекции и в этом была бы профессиональная необходимость, то, судя по инициативным ответам, местные жители приветствовали бы эти начинания.

Кто же они, представители местного населения, принявшие участие в опросах? Характеристика респондентов массового опроса и опроса студентов совпадают. Так, 68% опрошенных студентов и 82% респондентов массового опроса общаются с окружающими только на русском языке. Около 13% респондентов-приморцев используют для общения английский язык, оставшиеся 5% в повседневном общении прибегают к помощи украинского, китайского, корейского, японского, якутского, армянского, азербайджанского, грузинского, таджикского, узбекского, татарского, тувинского, немецкого, испанского и даже – игрового клингонского.[6] Число студентов, общающихся в поседневной жизни на других языках больше в трое. Они также используют для общения английский язык, китайский, украинский, корейский, японский, армянский, азербайджанский, узбекский, якутский, осетинский, испанский, французский. Билингвизм характерен для 6% студентов, 100% студентов родным языком считают русский язык. 1% респондентов назвали родным армянский, азербайджанский, осетинский, китайский, якутский, узбекский, французский. Доля билингвов среди участников массового опроса (русский и второй родной язык (украинский, татарский)) 5%, для остальных 94% единственным родным языком является русский язык. 3% респондентов назвали родным украинский язык, 1% – английский, 1% – якутский, 0,3% – тувинский, 0,3% – азербайджанский. 1% респондентов испытывают стеснение, общаясь на родном языке, 2% респондентов хотели бы общаться на родном языке, но не владеют им, 6% опрошенных хотели бы общаться на родном языке, но окружающие его не знают. Подавляющее большинство опрошенных (85%) не испытывают никаких проблем при общении на родном языке, таких студентов на 12% меньше. Так же большинство студентов (80%) и респондентов массового

[6] Клингонский язык — искусственный язык, разработанный лингвистом Марком Окрандом по заказу Paramount Studios для одной из инопланетных рас в вымышленной вселенной сериала «Звёздный путь» (https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1995).

опроса (81%), не встречались за последний год с негативным отношением к себе из-за языка, религии или национальности. Тем не менее, 12% приморцев массового опроса и 10% опрошенных студентов считают, что были подвержены дискриминации из-за культурной инаковости.

В рейтинге коллективных идентичностей респондентов приморцев абсолютным лидером стала государственная идентичность. 78% респондентов считают, что в повседневной жизни их должны воспринимать как граждан Российской Федерации. В рейтинге коллективных идентичностей студентов из Владивостока абсолютным лидером так же стала государственная идентичность (72%). На втором месте располагается региональная идентичность. Только 8% участников массового опроса и 11% студенческого заявили о своей любви и привязанности к малой родине (возможно, незначительное число региональных идентичностей (слабая укорененность большинства приморцев в регионе) определяет миграционную активность приморцев, которая прослеживается в ответах на вопрос о миграционных планах жителей края. Этническая идентичность замыкает тройку важных символических групповых солидарностей, выявив 6% респондентов массового опроса с актуализированной этничностью и 7% респондентов студентов. Студенты были более свободны в инициативных ответах (7%), идентифицируя себя как человека и личность (9 ответов), как гражданина мира (4 ответа). И конечно в студенческой среде нашелся один эльф и один агностик.

В оценке своего материального положения студенты были более оптимистичны. 15% студентов оценили свое материальное положение как хорошее, в массовом опросе оптимисты составили 10%. В целом, половина опрощенных считают его нормальным, пятая часть – затруднительным, 5% оценили свое материальное положение как тяжелое.

Из числа опрошенных 89% проживают в Приморском крае свыше 10 лет, причем 72% - с рождения. 22% опрошенных приехали в Приморский край из других регионов России, в основном это другие территории Дальневосточного федерального округа и Сибирского (Иркутская, Магаданская, Сахалинская, Амурская области, Камчатский край, Забайкальский край, Якутия, Бурятия). Приезжают в Приморье из Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодарского края, Калининградской области (это регионы, куда обычно приморцы, уезжают, и иногда возвращаются обратно), а также Украины, Армении, Узбекистана, Киргизии, Грузии, Казахстана. 55% опрошенных не планируют покидать Приморье, 13% хотят уехать в другой российский регион, отдавая предпочтение Санкт-Петербургу (10 ответов), Москве (9 ответов) Краснодарскому краю (6), т.е., стремятся в Центр (5). Есть такие, кто хотел бы уехать, но нет для этого средств, а у некоторых - возможности («Да, из нынешней России, хоть на Луну). 14% респондентов

планируют уехать на постоянное местожительство заграницу (6 ответов), те из ник, кто определился, как правило, выбирает страны Азиатско-Тихоокеанского региона (США (5 ответов), Канада (4 ответа), Япония (4 ответа), Республика Корея (2 ответа)). Студентов, стремящихся уехать на постоянное местожительство заграницу больше – 21%. Почти треть респондентов в каждом опросе хотят уехать из Приморья навсегда. Это подтверждает выводы экспертов о неэффективности управленческих решений и масштабных проектов по развитию Дальнего Востока и о необходимости в первую очередь принимать меры к закреплению здесь коренного населения, особенно молодежи.

На вопрос о национальной принадлежности 89% респондентов указали русскую национальность, 5% – отнесли себя к украинцам, 2% затруднились с ответом. В студенческой среде 2% считают себя корейцами, 2% – китайцами. На тех, кто считает себя белорусами, марийцами, узбеками, корейцами, татарами и славянами приходится по 1% ответов. 9% респондентов выбрали другие этнические идентификации (человек мира, россиянин, гражданин РФ, сахаляр). 12% респондентов указали вторую национальность. Лидируют в этой группе те, у кого русские первая национальность. Это: русские-украинцы (12 ответов), русские-татары (2 ответа), русские (далее - р.) – белорусы, р.-корейцы, р.-немцы, р.-поляки (старожильческие этнические группы), р.-армяне, р.-узбеки, р.-езиды и р.-марийцы. Часть респондентов указали русскую национальность второй. Это: азербайджанцы-р., корейцы-р., узбеки-р., карелы-р., украинцы-р.,белорусы-р. Есть среди респондентов приморцы, имеющие амбивалентную идентичность без русского компонента. Это: белорусы-поляки, евреи-немцы, евреи-армяне, буряты-марийцы, татары-украинцы, тувинец-гражданин РФ.

Большинство участников массового опроса (40%) имеют высшее образование, 15% – неоконченное высшее, 27% – среднее специальное, 17% – среднее, неполное среднее – 1%. 63% респондентов на момент опроса работали, 10% - пенсионеры, 13% - учащиеся, 1% – безработные, 0,3% – занимались домашним хозяйством. 13% респондентов выбрали ответ «иное», так как являются работающими пенсионерами или работающими студентами.

Исследования показали, что у всех респондентов Приморья антимиграционные настроения тесно переплетены со стереотипными представлениями в отношении иностранных трудовых мигрантов из государств Центральной Азии, особенно узбеков. Значительная часть экспертов солидарны с общественными стереотипами о том, что мигранты не знают русского языка и местных норм поведения (50%), ухудшают криминогенную ситуацию в крае (40%). В перечень «претензий» к мигрантам со стороны местного населения, особенно к выходцам из Узбекистана, Таджикистана, Кир-

гизии и Китая, входят представления о том, что мигранты работают нелегально (37%), изменяют этнический состав населения (37%), занимают рабочие места (30%), из-за них усиливается опасность терроризма (34%) и появляются другие религии (27%). Менее всего, по определению экспертов, приморцев тревожит распространение мигрантами болезней (7%), а также их возможности проживать замкнуто (7%). Треть экспертов убеждена, что общественное отношение к мигрантам в Приморье положительное или нейтральное.

Приток безвизовых иностранных трудовых мигрантов из Центральной Азии на фоне нарастающего оттока местного населения, формирует теневую сферу занятости. 80% въезжающих в Приморский край – это граждане Узбекистана. Эта страна не является членом ЕврАзЭС, для ее граждан существуют определенные требования - свою трудовую деятельность они должны оформлять через получение патента, что не требуется для граждан Киргизии, Армении, Казахстана, Белоруссии (мигранты из этих стран устраиваются в Приморье так же, как и российские граждане). На оформление патента прибывших мигрантов отводится всего 30 дней с момента пересечения иностранцем российской границы (дорога до Владивостока в среднем у мигранта из Узбекистана занимает 7 дней). Прибывший мигрант должен на собственные средства заключить договор добровольного медстрахования, пройти медицинский осмотр, сдать экзамен по русскому языку, истории России и основам российского законодательства, попасть на прием к чиновнику в управление по вопросам миграции, чтобы лично сдать пакет документов на патент. Иногда приехавшие из Узбекистана не успевают оформить документы в предусмотренный законом срок. С учетом того, что из-за отсутствия средств, выехать домой не представляется возможным, такие мигранты пополняют ряды нелегалов,[7] активно используют потенциал и ресурсы неформальных этническо-земляческих сетей в ходе социально-экономической адаптации. Все это приводит к изоляции мигрантов от принимающего сообщества и его государственных и гражданских институтов, формируя мигрантофибии и этнофобии в отношении иностранных трудовых мигрантов из Узбекистана и других государств Центральной Азии.

Ответы на вопросы об особенностях адаптации и интеграции иностранных граждан в Приморском крае показывают, что в общественном сознании приморцев иностранные граждане из Китая и Кореи, осуществляющие трудовую деятельность в регионе, ассоциируются с миграционными проблемами не всегда, что обусловлено совокупностью взаимосвя-

[7] Пинаев К. Сергей Пушкарев: Трудовые мигранты в Приморье настроены работать (https://www.dv.kp.ru/daily/26745/3773471)

занных факторов исторического, геополитического, экономического и информационного порядка. В медийном пространстве сегодня можно найти только положительной тональности материалы о легальном и управляемом потоке рабочей силы из стран Восточной Азии, прежде всего Китая, Северной Кореи, Вьетнама.[8] Для приглашения этих рабочих, работодатель проходит ряд согласований. Квоты работодателям на иностранную рабочую силу определяет межведомственная комиссия, в работе которой участвуют департамент труда, налоговая служба, миграционная служба. Всегда можно отследить пребывание иностранца с трудовой визой территории края. И как считает ряд ведущих экспертов, сам поток этих работников не вызывает опасений и не несет угроз рынку труда.

На основе полученных результатов можно рекомендовать органам исполнительной власти и местного самоуправления включить в план реализации государственной национальной политики обязательные мероприятия, нацеленные на укрепление на Дальнем Востоке межнационального согласия и гражданского единства, не ограничиваясь проведением отдельных этнографических праздников.

Учитывая чрезмерно быстрое внесение поправок в законы, связанных с пребыванием в РФ иностранной рабочей силы, необходимо оперативное информационное обеспечение соответствующих служб в государствах-миграционных донорах. Особенно это актуально для Приморья в целях эффективного миграционного сотрудничества с КНР, КНДР и странами СНГ.

При освещении проблем миграции следует шире показывать ее позитивные стороны, сделать возможно более публичными сведения о вкладе иностранных мигрантов в развитие страны и региона.

Для решения миграционных проблем, необходимо в первую очередь обратить внимание на решение проблем местного населения, т.е реализацией специальных мер поддержки и закрепления здесь постоянного населения, которое открыто для любых новаций, в том числе, связанных с адаптацией и интеграцией мигрантов. Половина респондентов положительно относится к интеграции иностранных трудовых мигрантов в местное региональное сообщество, более чем треть - нейтральны в этом вопросе, лишь несколько процентов отрицательно настроены на перспективу совместной жизни с мигрантами.

Дело за малым, необходимо определить специалистов из числа государственных служащих, в обязанности которых будет входить организация деятельности по адаптации и интеграции мигрантов в российском социу-

[8] Абашева Е. Миграционный "безвиз" в Приморье стал острой проблемой (http://www.zrpress.ru/business/primorje_11.12.2018_92335)

ме. Начать свою деятельность такой специалист может с наведения порядка в сфере обучения мигрантов русскому языку. Напомним, что 1 сентября 2017 г. в силу вступил новый закон, подписанный президентом РФ. Отныне при вступлении в гражданство РФ человек должен принести присягу: «Я, добровольно и осознанно принимая гражданство РФ, клянусь соблюдать конституцию и законодательство РФ, права и свободы её граждан, исполнять обязанности гражданина РФ на благо государства и общества, защищать свободу и независимость РФ, быть верным России, уважать её культуру, историю и традиции». А на поверку выходит, что обретя долгожданное российское гражданство, на торжественной процедуре получения документов новоиспеченный россиянин не всегда способен произнести присягу по-русски.

Мигранты в Тобольске и проблема культурного шока

Квашнин Ю.Н.

В советское время население Тобольска – русские, сибирские татары и небольшое число представителей других национальностей – проживало в деревянных домах в подгорной части города. Окраиной Тобольска в нагорной части были русское и татарское кладбища. За ними начиналась лесная чаща. Экономика города удовлетворяла многие потребности жителей в продуктах и промышленных товарах, обеспечивала занятость населения и его культурные запросы. Среди предприятий были пищекомбинат, мясокомбинат, ковровая фабрика, деревообрабатывающий завод, зверосовхоз, винзавод, пивзавод, промкомбинат, биофабрика, косторезная фабрика, типография, драматический театр, кинотеатр.

Изменения социальной и культурной среды стали происходить с 1974 г. с началом строительства гиганта отечественной нефтехимии «Тобольского нефтехимического комплекса». Город был объявлен Всесоюзной комсомольской стройкой. В мае того года прибыл первый комсомольский строительный отряд «Корчагинец»[1]. Под строительство общежитий, жилых домов и инфраструктуры за кладбищами вырубили почти весь лес. К 1984 г. окраина города отодвинулась дальше к северу до ТЭЦ, а концу XX в. дошла до спуска с горы, ведущего к железнодорожному вокзалу.

Появление новых рабочих мест и возможность заработка, вызвали волну переселений деревенских жителей сначала из ближайших окрестностей Тобольска, а с прокладкой шоссейных дорог – населения отдаленных деревень Тобольского, Вагайского и Уватского районов. Потянулись в Тобольск и специалисты разных профессий из других регионов СССР, востребованные на новых предприятиях и развивающейся инфраструктуре города. Благодаря переселенцам механический прирост населения в Тобольске в 1980-1990-е гг. снова, как и в конце XIX – начале XX в. превысил естественный.

Специалисты называют развитие старых и постройку новых городов в советское время урбанизацией на волне индустриализации. «Внедряясь в старые города, промышленность, естественно, расширяла их экономическую базу, обеспечивала многофункциональность, но в то же время наделяла своего рода «промышленным флюсом». Получая значение приоритетной отрасли, промышленность подчас лишала ресурсов другие виды деятельности. С ней же было связано и ухудшение экологической ситуации»[2]. Эти слова в полной мере относятся к Тобольску. «Промышленным флюсом» для него стал «Тобольск-Нефтехим». Вытеснение других видов деятельности происходило постепенно, по мере строительства комплекса и наращивания его мощностей. Людские ресурсы плавно перетекали из мелких и средних производств на крупное. Постепенно, одно за другим, закрылись: ковровая фабрика, пивоваренный завод, швейная фабрика, зверосовхоз,

[1] История Тобольска в датах //Родная сторона. 10.04.2012 (http://rodnaya-storona.ru/node/49).
[2] Лаппо Г. Итоги российской урбанизации к концу XX века //Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М.: ОГИ, 2005. С. 193.

мастерская по пошиву изделий из меха и другие предприятия[3]. Природе был нанесен значительный ущерб вырубкой нескольких сотен гектаров лесных массивов. В Тобольске и его округе на почве стали оседать вредные вещества, от разносившихся ветром дыма и пара нефтехимического производства.

С 2010 г. на смену старым, закрывшимся предприятиям стали приходить новые. По официальным данным на 2017 г., в Тобольске сосредоточено около 10% основного экономического потенциала промышленного комплекса Тюменской области. Ежегодно предприятиями города выпускается продукции на сумму около 7 млрд. рублей. Основная доля в общем объеме промышленного производства города Тобольска приходится на электроэнергетику – 48%, нефтехимическую отрасль – 47%. Все остальные отрасли, включая пищевую, перерабатывающую, легкую, деревообрабатывающую, полиграфическую промышленность, стройиндустрию, машиностроение, производство стройматериалов, народные промыслы составляют всего 5%. В Тобольске работает 79 предприятий различных организационно-правовых форм собственности, из них 38 занимаются производством продуктов питания, в том числе хлеба и хлебобулочных изделий, 32 выпускают продукцию производственно-технического назначения, 9 – товары народного потребления. Также в городе работают 3 транспортных предприятия, 26 предприятий жилищно-коммунального хозяйства, 25 гостиниц, 23 учебных заведения, 1 медицинское учреждение, около двух десятков крупных и средних торговых центров.[4]

В 2010 г. в Тобольске развернулась новое масштабное строительство комбината «Тобольск-Полимер»[5]. В 2016 г. ООО «СИБУР-Тобольск» объединил «Тобольск-Нефтехим», «Тобольск-Полимер», Тобольскую ТЭЦ.[6] В 2014 г. рядом с уже освоенной промышленной площадкой был заложен новый нефтехимический комплекс «ЗапСибНефтехим». К марту 2015 г. на стройке была выполнена основная часть подготовительных работ. В феврале 2016 г. выполнены работы по обустройству фундаментов. По словам председателя правления ПАО «СИБУР Холдинг» (Москва) Д.В. Конова, комплекс планируют возвести всего за четыре года, на строительной площадке в пиковый период одновременно должны будут трудиться 17 тысяч человек. Первые партии полимеров намерены получить уже к концу 2019 г.[7] По информации другого источника, ожидается, что в 2019 г. за-

[3] Хотя нельзя сказать, что все работники обанкротившихся тобольских предприятий перешли на работу в «Тобольскнефтехим». На фоне общероссийского кризиса производства в Тобольске стала активно развиваться торговля, появилось два крупных рынка – «Северный» и «Южный», открылись новые продуктовые и промтоварные магазины. Некоторые люди, потерявшие работу, стали «челноками», привозившими товары из Екатеринбурга, Новосибирска или из Китая и Турции. Часть тоболяков стала работать вахтами на нефтегазодобывающих предприятиях в ХМАО и ЯНАО.

[4] Бизнес-карта товаропроизводителей г. Тобольска //Администрация города Тобольска (https://tobolsk.admtyumen.ru/mo/Tobolsk/economics/more.htm?id=10823306@cmsArticle).

[5] «Тобольск-Полимер»: финишная прямая //Тюменские известия. Парламентская газета. 21.11.2012 (http://old.t-i.ru/article/24888).

[6] Тобольские "Нефтехим", "Полимер" и ТЭЦ стали одним предприятием //NewsProm.Ru. 02 декабря 2016 (http://newsprom.ru/news/Ekonomika/227140.html)

[7] Тобольская летопись: СИБУР впишет свои страницы //Тюменские известия. Парламентская газета. 23 июля 2015. (https://t-i.ru/article/new/4996).

вершатся строительно-монтажные работы, будет достигнута механическая готовность к запуску производства. Пуск назначен на 2020 г.[8]

При строительстве таких крупных предприятий требуется значительное количество рабочей силы. Изыскать ее в Тобольске не было возможности в 1970-е гг. при строительстве «Тобольск-Нефтехима», не представляется и сейчас. Однако, если в советское время обходились собственными силами (комсомольские строительные отряды, контрактация своих рабочих), то в новых экономических условиях для строительства привлекают трудовых мигрантов из стран СНГ и контрактников из дальнего зарубежья.

На протяжении последних семи лет приток и отток мигрантов и контрактников в Тобольске происходил волнообразно. Первые приезжали сами, вторых привозили, по мере необходимости в рабочей силе на городских предприятиях. Очередная волна приезжих схлынула в начале 2016 г., когда были выполнены основные работы по укладке фундамента на стройке «ЗапСибНефтехима». В марте 2017 г. председатель комитета по делам национальностей администрации Тюменской области Е.М. Воробьев отчитался, что в первом квартале года миграционный поток в область снизился на 30%. Всего в разных городах области работало семь-восемь тысяч мигрантов. Большинство из них в Тобольске.[9]

Затем в город нахлынула новая волна «иноземцев». По данным отдела по вопросам миграции МО МВД «Тобольский», на конец августа 2016 г. в городе проживало 10,5 тыс. иностранцев. Больше всего среди них было граждан Узбекистана, Казахстана и Таджикистана (около 6,5 тыс. чел.), также выходцы из Турции, Германии, Франции, Северной Кореи. Большинство узбеков, казахов, таджиков, корейцев, а также турки жили не в микрорайонах города, а в вахтовых городках промзоны «СИБУРа». До конца года ожидалось прибытие в Тобольск до 1500 китайцев, работавших до этого на строительных площадках города Набережные Челны.[10]

«Их действительно очень много», призналась интернет-изданию «Тобольск.ru» Ольга Кирочкина, начальник отдела по вопросам миграции МО МВД России «Тобольский». Здесь, а также в издании «ФедералПресс», были опубликованы подробные данные о численности иностранцев в Тобольске на 30 августа 2016 г.: свыше 4000 граждан Узбекистана, более 1500 Казахстана, более 1000 Таджикистана, более 800 Киргизстана, 500 граждан Турции и столько же Украины, более 300 азербайджанцев, более сотни граждан Германии, полсотни французов, примерно столько же граждан Северной Кореи, а также полтора десятка индийцев. К концу года должна увеличиться численность индийцев, возможно, прибытие небольшого числа филиппинцев и 1500 китайцев[11]. Итого более 10 тыс. иностранцев на стотысячный Тобольск. В этой сводке не учтены внутрироссийские мигранты, в частности, выходцы из республик Северного Кавказа.

---

[8] Главная стройка СИБУРа //24РосИнфо. 28 апреля 2017 (http://24ri.ru/down/open/glavnaja-strojka-sibura.html) .

[9] Поток мигрантов в Тюменскую область снизился //72.RU (http://72.ru/text/newsline/149647956103168.html).

[10] В Тобольске за год стало в четыре раза больше мигрантов //NewsProm.Ru. 30 августа 2016 (http://newsprom.ru/news/Obschestvo/224760.html).

[11] «Их действительно очень много». 10% жителей Тобольска – иностранцы //Тобольск.ru. 30 августа 2016 (http://tobolsk.ru/news/126/40977); Более десяти процентов жителей Тобольска – трудовые мигранты. «ФедералПресс» 31 августа 2016 (http://fedpress.ru/news/72/society/1668747).

По сведениям на конец 2016 г., опубликованным в официальных пресс-релизах ООО «СИБУР-Тобольск», иностранные рабочие проживали на территории, прилегающей к строительной площадке в комфортных условиях. «Сданы в эксплуатацию две очереди вахтового городка – это 18 общежитий, 2 столовые и банно-прачечный корпус, комнаты отдыха и религиозные помещения. В начале будущего года откроется оборудованная медсанчасть, торговый центр, в котором будет работать аптечный пункт, отдел с продуктами и товарами первой необходимости, а также салон с бытовыми услугами. Кроме того, начнет работу досуговый центр, где будут размещены спортивные залы и кинокомнаты. Система безопасности в вахтовом городке подразумевает жесткие требования к соблюдению правопорядка строителями. В случае фиксации алкогольного или других видов опьянения незамедлительно составляется акт с последующим увольнением и выдворением строителя с площадки. Для дополнительного контроля на территории городка размещен участковый пункт полиции, регулярно проходят совместные рейды тобольской полиции и службы безопасности тобольской площадки СИБУРа. Также рейды проводят по местам жительства сотрудников подрядных организаций в городе».[12] Единственное, что не предусмотрено в этих почти райских условиях – это общение приезжих на заработки мужчин с женским полом.

Сообщения в СМИ о приезде в тихий и спокойный Тобольск большого числа мигрантов вызвали у местных жителей настороженность. За 9 месяцев 2016 г. иностранцами в Тобольске было совершено 29 преступлений (из общего числа 1600), среди которых кражи, пьяная езда на автомобилях, подделка документов, причинение телесных повреждений, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, убийство. Один из правонарушителей был работником ООО «СИБУР»[13].

Во второй половине 2016 г. в интернетных соцсетях стали распространяться сообщения о большом количестве чрезвычайных происшествий в Тобольске с участием мигрантов. Тоболяки начали обращаться в различные инстанции с просьбой обеспечить безопасность жителей города. По мнению некоторых горожан, главный источник угрозы – это рабочие из Турции и стран СНГ, занятые на Тобольской промышленной площадке «СИБУРа». Высказывалось мнение, что органы правопорядка либо не справляются со складывающейся в результате этого криминогенной обстановкой, либо попустительствуют тем правонарушениям, свидетелями которых являются, боясь причинить ущерб имиджа коммерческому предприятию[14]. Автор письма, направленного в общественную организацию «Тюменский городской родительский комитет» (ТГРК) писал о Тобольске: «Всегда это был тихий, уютный городок, где не страшно было отпустить ребенка в школу одного, где не было опасений за малыша, оставленного в детском саду.

[12] Темы безопасности и кадровой политики стали основными на шестом заседании Общественного совета Тобольской площадки СИБУРа //Интерфакс. 21 ноября 2016 (www.interfax.ru/pressreleases/537931).

[13] Прокурор Тобольска опроверг модную тему, что приехавшие иностранцы-рабочие бесчинствуют //Тобольск-Информ. 15.10.2016 (http://tobolsk.info/2016/36081-prokuror-tobolska-oproverg-modnuyu-temu-chto-priekhavshie-inostrantsy-rabochie-beschinstvuyut).

[14] «Возможно, большая стройка "Сибура" привлекла нелегалов…» //Информационное агентство "Znak". 12 декабря 2016 (www.znak.com/2016-12-12/100_tysyachnyy_tobolsk_vzbudorazhen_sluhami_o_massovyh_napadeniyah_migrantov_na_lyudey).

Сейчас ситуация изменилась в корне. Город наводнили приезжие граждане Турции и СНГ, легальные и нелегальные мигранты. Несмотря на свою занятость на "стройке века" доступ в город им разрешен, а в городе они ведут себя аморально! Посещают заведения увеселительные, где торгуют алкоголем, регулярно эти визиты оканчиваются поножовщиной. Мигранты увязываются за женщинами, подростками, предлагают вступить в интимные отношения. Полиция бездействует, так как у властей как будто договоренность с заказчиком стройки "не мешать". Думаю, даже смысла нет говорить, что показатели по ВИЧ и туберкулезу выросли в городе кратно»[15]. Несмотря на то, что никаких документальных свидетельств о бесчинствах иностранцев автор письма не обнародовал, представители ТГРК посчитали своим долгом обратиться к главе Тобольска Владимиру Мазуру с просьбой обеспечить безопасность жителей города.

Ознакомившись с письмом общественников администрация города через пресс-секретаря главы Анастасию Гулину высказала мнение о том, что «тяжелая атмосфера» нагнетается беспочвенно. В администрации проводилась специальная встреча с представителями городской прокуратуры, полиции и СМИ. Для публичного доступа были открыты все данные о количестве преступлений и о том, кто их совершает. Резюме этой встречи – мигранты пока не оказывают сколько-нибудь заметного влияния на картину городской преступности. Пресс-секретарь считает, что жители города терпимы к приезжим – об этом свидетельствует отсутствие преступлений, совершенных по мотивам национальной вражды[16].

Однако ситуация не так проста, как пытаются представить ее в тобольской администрации. Большинство жителей Тобольска не разбираются в национальной принадлежности приезжих, но среди массы выходцев из Азии выделяют турок. В большинстве своем именно турецкие рабочие ведут себя в городе очень развязно. До недавнего времени турки большими компаниями свободно гуляли вечерами по улицам Тобольска. Они ходили в городские кафе и общались с девушками и женщинами, которые не прочь были завести кратковременные знакомства с «восточными» мужчинами. Именно о турках (увязываются за женщинами, подростками, предлагают вступить в интимные отношения) писал аноним в своем письме в ТГРК. Автору данной статьи приходилось неоднократно слышать от знакомых о половой распущенности турецких рабочих, заводивших романы то с одной, то с другой женщиной, а то и с несколькими одновременно. Не раз и не два в тобольских кафе и на улицах завязывались драки, в которых местные жители били турецких рабочих за их фривольное отношение к женщинам.

Попытки ограничить турецким рабочим пребывание в городе и общение с женским полом привело к тому, что в местах проживания в промзоне «СИБУРа» они начали вступать в гомосексуальные половые отношения друг с другом. Об этом неоднократно доводилось слышать от знакомых, которые работают обслуживающим персоналом в их общежитиях. На все замечания турки отвечали, - А что тут такого? Мы же женам не изменяем.

[15] Там же.
[16] Там же.

Много шума наделали слухи в соцсетях о том, что турки убили мать и дочь в ландшафтном парке Тобольска и изнасиловали таксиста и подростка. На одном из сайтов по сбору петиций даже появилось обращение к лидеру ЛДПР Жириновскому о сложившейся ситуации. Люди выходили на уличные пикеты с требованиями защитить их от произвола иностранцев. Однако в полиции Тобольска разгневанных граждан поспешили успокоить, сказав, что никаких заявлений по якобы имевшим места преступлениям, к ним не поступало[17].

Интересное заявление сделал в конце июля 2016 г. прокурор Тобольска Евгений Бирюков, – «Иностранцы практически не влияют на криминальную сферу. Пока не влияют». Прогнозируя будущее, он сказал, что с ростом числа иностранцев вырастет и число преступлений с их участием[18].

Обвинить власти Тобольска в бездействии и попустительстве мигрантам какой бы национальности они ни были, конечно же нельзя. Судя по материалам из открытых источников, вопросы миграционной политики в Тюменской области начали решать еще десять лет назад. В Тобольске регулярно проводились операции «нелегальный мигрант», в ходе которых сотрудники силовых ведомств выявляли нарушения норм пребывания мигрантов и осуществления ими трудовой деятельности[19], задерживали тех, кто распространял наркотики и экстремистскую литературу[20]. Для иностранных граждан, желающих получить патент на работу, разрешение на временное проживание или вид на жительство в 2015 г. в Тобольске был открыт центр адаптационных практик и тестирования на владение русским языком[21].

Однако несмотря на все меры профилактики сократить количество преступлений, совершаемых мигрантами, не удалось. За шесть месяцев 2017 г. иностранцами было совершено 26 преступлений (за тот же период 2016 г. – 24). К строительству нефтехимического комплекса имели отношение 12 нарушителей закона. За незаконный оборот наркотических средств были взяты под стражу и депортированы 7 граждан Узбекистана и Таджикистана[22].

Продолжались в 2017 г. и столкновения тоболяков с турецкими рабочими. В середине февраля одна из потасовок в кафе переросла в массовую драку, которую пришлось разнимать представителям «Росгвардии». Всего к месту конфликта было направлено четыре группы задержания. Участники драки на требования пра-

[17] Тролли в соцсетях кошмарят жителей Тобольска //Tumix.ru. 19 октября 2016 (https://tumix.ru/news/20396/trolli-v-sotssetyah-koshmaryat-zhitelej-tobolska).

[18] Прокурор Тобольска прогнозирует рост преступности с участием мигрантов-строителей //Информационное агентство "Znak". 28 июля 2016 (https://www.znak.com/2016-07-28/prokuror_tobolska_prognoziruet_rost_prestupnosti_s_uchastiem_migrantov_stroiteley).

[19] В Тобольске ищут нелегальных мигрантов //«Наш Город РУ». 27.01.2009 (http://www.nashgorod.ru/news/news16789.html).

[20] В Тобольске задержали два десятка экстремистов-исламистов //Общественный контроль власти. 30.08.2013 (http://obkon.ucoz.com/forum/33-434-1).

[21] В тобольске открылся центр тестирования мигрантов //Комсомольская правда. 22 мая 2015 (https://www.kp.ru/online/news/2064637/).

[22] В Тобольске основная масса мигрантов работают на стройке //«Тобольск-Информ». 06.07.2017 (http://tobolsk.info/2017/39287-v-tobolske-osnovnaya-massa-migrantov-rabotayut-na-strojke); От общего числа преступлений в Тобольске лишь 2,3% совершены иностранцами //«Тобольск-Информ». 24.07.2017 (http://tobolsk.info/2017/39476-ot-obshchego-chisla-prestuplenij-v-tobolske-lish-2-3-soversheny-inostrantsami).

воохранителей не реагировали и оказывали им сопротивление. В пылу драки один из жителей города попытался выхватить у росгвардейца автомат и применить его по назначению в сторону противников. Чтобы не поднимать лишнего шума, в СМИ не писали, что драка произошла именно с турками[23]. Об этом рассказывали сами участники событий и информация довольно быстро распространилась по всему Тобольску.

Закончить хочется небольшими выдержками из диалога по поводу трудовой миграции в Тобольске, который получился на страницах газеты «Тобольская правда», и был перепечатан некоторыми тюменскими интернет-изданиями. Публикация пятилетней давности, но суть проблемы остается актуальной. Некая жительница Тобольска Анна Щербинина в статье, озаглавленной «Мой узбекский сын», делится собственным опытом общения с трудовыми мигрантами. Она наняла для строительства своего дома троих нелегалов из Узбекистана, которые, по ее словам, быстро и качественно справились с работой. «Если честно, – пишет Анна, – у Шерзода и его соотечественников есть чему поучиться: уважительному отношению к старшим, сильному мужскому началу, в котором доминирует забота о своей семье, способности довольствоваться малым, выживать в нелегких условиях, в чужой стране, а некоторые приезжают в Россию, не зная ни слова по-русски, так что язык, как и строительные навыки, осваивают по ходу дела. Думаю, эти ребята, смекалистые, удивительно работоспособные, приветливые, могут в чем-то послужить примером и для нашей молодежи»[24].

Анне отвечает известный тобольский журналист Дмитрий Карасиер. Он рассеивает розовый флер, остающийся после прочтения ее статьи. Мигранты, по его наблюдениям, «выполняют ту же работу, что и коренное население, но за гораздо меньшее вознаграждение». И, дальше, – «Не стану утверждать, что мол-де тоболяки все работы всегда выполняют качественно с высокой степенью надежности – зависит от конкретного случая. Но совершенно точно видел, как плиточники-иноземцы мостили дорожки прямо по обледеневшей почве, как размазывали другие такие же асфальт тонюсеньким слоем, вдохновенно прихлопывая его лопатами (!) и напевая неизменное: «Вай, мама-джан»… И то – им же здесь не жить, и что станется с тем асфальтом через год их совершенно не интересует. Да, признаю, на уборке дорог «люди в оранжевом» работают добросовестно, но что касается всего остального – под великим сомнением. Без трудовых мигрантов современная Россия уже немыслима. Но все-таки очень хочется, чтобы наша молодежь брала пример не только с этих «смекалистых и работоспособных ребят», но и со своих земляков. Поверьте, и среди них немало отличных работников и порядочных людей»[25]. По официальным данным, более 28 тыс. иностранных граждан было поставлено на учет в Тобольске только за семь месяцев 2017 г.[26] Нет ясности, чего ждать тоболякам от новой волны мигрантов и к чему готовиться.

[23] Жителей Тюменской обвиняют в избиении росгвардейцев //«72.ру». 21 февраля 2017 (http://72.ru/text/newsline/268882803990528.html?full=3).
[24] Трудовая миграция: хорошо или плохо //Тюмень Медиа. 01 ноября 2012 (http://tyumedia.ru/108370.html).
[25] Там же.
[26] Тобольск привлекает все больше зарубежных мигрантов //Тюменская линия (https://t-l.ru/230423.html).

Национальные идентичности в Австрии

Холлер Е.В.

Если ввести в строке поиска Google «Австрия», то в разделе картинок появятся изображения национального флага, популярных туристических мест вроде Гальштатта, типичный альпийский ландшафт, традиционный австрийский костюм. Можно думать, что эти образы являются лишь клише-ожиданиями обычного туриста, сродни русской матрешке, медведю с балалайкой и шапкой-ушанкой, но, как выяснилось, эти редуцированные до символов образы являются составными частями австрийкой национальной идентичности. Сегодня, когда по сей день актуален вопрос массовой миграции, беженцев и разобщённости Евросоюза, роль национальных и региональных идентичностей становится все более значимой и резонансной и ввиду усилившегося в Австрии спроса на идентичности в национальном контексте, они становятся все ярче, отчетливее и упрощённее. Довольно известная цитата Брубэйкера и Купера про идентичность в переводе на русский звучит примерно так: «Идентичность имеет свойства обозначать слишком много (в глубоком смысле), слишком мало (в слабом смысле) или совсем ничего (из-за двойственности понятия) […] Если идентичность везде, то она и нигде»[1]. Эта фраза заставляет задуматься, насколько, с одной стороны, избита и исчерпана, а с другой не исследована тема идентичности. В своей работе я не стала акцентировать внимание на позитивистско-дискриптивном представлении актуальных для Австрии идентичностей, но провела их деконструкцию.

Объектом моего исследования послужили австрийские идентичности. Понятие не случайно взято во множественном числе, поскольку на противоположных полюсах находятся национальная и наднациональная, или постнациональная, идентичности. Хотелось бы подчеркнуть, что оба полюса собирательные и отражают некую субсистенцию идентичностей – т.е. комплексную собирательную картину, которую можно конструировать и деконструировать, но нельзя уловить её воплощение в комплексе – только составные части.

Методы исследования были разнообразными, но все в ключе качественного этнологического исследования. Во-первых, я провела интервью с информантами различного возраста, социального происхождения и этнического бэкграунда. Во-вторых, был использован метод включенного наблюдения, в-третьих – поскольку идентичности очень сложно выделить только лишь из интервью – я привлекла метод нарратив-анализа и качест-

[1] Brubaker, Rogers and Frederick Cooper, “Beyond 'Identity'”, Theory and Society 29, 2000 г: 1-47

венного контент-анализа прессы, телепередач, выставок, так или иначе посвященных концепции «австрийскости». Помимо этого, был проведен анализ учебных материалов для старшей школы, в которых также присутствует дискурс национальной идентичности. Можно обозначить всю совокупность методов по термину знаменитого антрополога Джорджа Маркуса «Многоместная этнография» (Multi-cited Ethnography), согласно которой системный подход к объекту совершается с разных ракурсов и в разных измерениях.

Для деконструкции идентичностей я создала условную полярную схему. С ее помощью я выделяю составные части идентичностей и выявляю актуальные тенденции. Два полюса по горизонтали представлены противопоставлением «локальное – глобальное», по вертикали – «власть – народ». Эти оси выдают вектор происхождения ингредиента: навязывается ли он сверху (top down) или идет из народа (bottom up); Теория „top down“, или «сверху вниз», представляет собой навязывание, иногда даже агрессивное идентичностей сверху, то есть со стороны властей и влиятельных СМИ. Этот концепт идентичностей сверху вниз поддерживает американский антрополог Лоурен Лив: она видит в на первый взгляд безобидных движениях в защиту собственной самоидентификации работу глобальной машины идентичностей, которая действует в интересах власть имущих, но выдает конечный продукт под видом собственных чувств и желаний индивидуумов. Лив также ссылается на понятие «культурализм» Арджуна Аппадураи, под которым подразумевается нацеленная мобилизация культурных отличий, которая выгодна национальным и транснациональным политикам.[2] Но, на мой взгляд, все не так однобоко, есть и противоположное движение „Bottom up“, (снизу вверх), которое отражает осознанные и даже неосознанные желания и потребности людей, которые возможно и происходят как реакция на определенные глобальные события.

Горизонтальная ось показывает нам, является ли ингредиент сугубо австрийским явлением (локальное) или берет свои корни в мировой практике (глобальное). На локальном полюсе главной составляющей идентичности является регионализм, выраженный в Австрии ностальгией по империи и панальпизмом, или альпийской идиллией, лоббируемыми сверху, а также спросом на традиционность, исходящую от народа. На противоположной стороне находятся космополитические веяния, выраженные в членстве Австрии в ЕС, наличии в Вене штаб-квартиры ООН, а также политика мультикультурализма и такие глобальные процессы, как миграции и эмансипация.

[2] Leve L. Identity // Current Anthropology. 2011.Vol. 52. No. 4 (August 2011) // The University of Chicago Press im Auftrag von Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, Stable, pp/ 513–535. (http://www.jstor.org/stable/10.1086/660999)

Поподробнее хотелось бы остановиться на той части нашей схемы, в которой царствуют альпийская идиллия или ностальгия по империи. Лучше всего и нагляднее панальпизм представлен в популярном австрийском журнале Servus. Пролистав его любой выпуск, вы найдете большое количество изображений деревенской идиллии с деревянным домиком, фермерскими продуктами и мирно пасущимися альпийскими коровами на фоне горного пейзажа, а также счастливых австрийцев в национальных костюмах, которые пекут штрудели по бабушкиному рецепту. Общий посыл контента журнала – это природа, экологическая устойчивость, преемственность традиций и здоровый образ жизни. Все вышеперечисленные образы, несмотря на заштампованность, являются распространёнными автостереотипами австрийцев, ведь потребителями журнала являются отнюдь не туристы, а, в основном, немолодые местные жители.

Второй ингредиент национальной идентичности – ностальгии по империи – лучше всего воплощен австрийским фильмом-трилогией Эрнста Маришки «Сисси» о жене Франца Иосифа – культовой королеве Елизавете. Поддерживающий мифический образ естественности и душевности королевской семьи, фильм выражает некую ностальгию по этой же мифической империи.[3] К тому же, этот образ распространился за пределы Австрии и теперь активно используется и продается в туриндустрии.

Эти две на самом деле противоположные составляющие австрийских идентичностей соединяются в одном географическом регионе Австрии: Зальцкаммергут (Salzkammergut). В этом регионе туризм существовал уже с начала девятнадцатого века и уже тогда втягивал в себя три сословия: буржуазное, крестьянское и рабочее. И именно там нивелировались разногласия между ними. Даже сами Габсбурги, которые любили проводить время в своей резиденции на курорте Бад Ишль, там деполитизировались. И вот эта идиллия совместного времяпрепровождения в Зальцкаммергуте способствовала появлению первой фаворизуемой национальной идентичности, где все равны, и никто не угнетен. Как утверждал австрийский историк Томас Хельмут, австрийская идентичность состоит из ностальгических воспоминаний о габсбургской монархии и гордости за неповторимую австрийскую природу.[4] Именно в Зальцкаммергут оба этих компонента сливаются воедино. Поэтому я соединила идею панальпизма и имперскую ностальгию в одну национальную идентичность «Зальцкаммергут». Мои респонденты подкрепили гипотезу своими ответами: «нужно только прой-

[3] Guldin, R. Politische Landschaften. Zum Verhältnis von Raum und nationaler Identität. Edition Kulturwissenschaft, Vol 48. Transcript Verlag, 2014. C.40

[4] Helmuth, T. Die Erfindung des Salzkammerguts. Imaginationen alpiner Räume und ihre gesellschaftlichen Funktionen // Die Alpen! Zur europäischen Wahrnehmungsgeschichte seit der Renaissance, под ред. Mathieu, J, Boscani Leoni, S., Bern: Peter Lang, 2005. C. 359

ти вокруг Аузее (озеро в Зальцкаммергут), по пути ты встретишь людей, одетых в треккинговые ботинки в сочетании с платьями и шляпами».[5] Интересно, что большинство респондентов обозначили именно Зальцкаммергут в качестве места, которое они обязательно порекомендовали бы посетить приезжим.

Спрос на подобную национальную идентичность порождается и противоположными силами глобализации. Здесь мы имеем дело с космополитизмом и его порождением – наднациональной или постнациональной идентичностью. Типичный пример подобного феномена мы встречаем во Франкфурте на Майне – финансовом центре Европы – там живут бизнесмены, банкиры и специалисты из многих стран мира, что отразилось на облике и репутации города как международного мегаполиса. А жители Франкфурта – это часто представители новых, постидентичных, культур, которые Майк Фезерстоун назвал «третьими культурами» („third cultures“)[6]. Но если во Франкфурте, люди вынуждены подстраиваться под сложившуюся постидентичную культуру, то в Австрии этот феномен имеет осознанную подноготную. Многие австрийцы критично относятся к концепту национального государства и отказываются от национальной идентичности: «Нации и границы – мне это все неважно. Возможно, я мечтательница, но я вижу нас всех как одно большое целое»[7]; «мы уже не в том времени, где нации и государства должны держаться поодиночке, всегда есть связи: и это касается не только торговых связей, но также между людьми, и эти связи не должны больше ограничиваться»[8].

Top down космополитизм подпитывают экономика и политика Евросоюза, наличие Шенгенского соглашения, благодаря которому отсутствуют границы между многими странами Европы, модная теперь политика мультикультурализма, а также все та же ностальгия по Империи, только немного с другой стороны, поскольку в этом случае империя уже выдается за пример исторически сложившегося мультикультурного пространства.

Важный компонент представляет собой нейтралитет, который является маркером Австрии со времен холодной войны, где Австрия не относилась ни к одному из блоков, по сегодняшний день, когда Австрия не является членом НАТО. Даже в актуальной сегодня позиции по отношению к России, Австрия пытается взять нейтральную сторону.

В связи с этими факторами мы обозначаем собирательную идентичность «нейтральный гражданин мира». Очевидно, что на обе эти собира-

[5] Полевые материалы автора: интервью с Margarete K., Австрия, Зальцкаммергут, 2016
[6] Featherstone, M. Undoing culture. Globalization, Postmodernism and Identity. London, Thousand Oaks, New Dehli (Sage), 1995.
[7] Полевые материалы автора: интервью с Bianca F., Австрия, Вена, 2015
[8] Полевые материалы автора: интервью с Mrs. S., Австрия, Вена, 2015

тельные идентичности – «Зальцкаммергут» и «нейтральный гражданин мира» оказывается влияние со всех сторон: глобально, локально, сверху и снизу.

Помимо противопоставления этих векторов есть и симбиоз, который обозначен термином глокализация. Это двухсторонний процесс, когда интерес к местному (локальному) вызван реакцией на глобализацию, но в то же время глубоко вплетен в нее.[9]

Хороший пример глокализации – это стратегия включения местных деликатесов в интернациональную кухню Макдональдса: например, акция «Хюттенгауди» предлагала свиной шницель с маринованными огурчиками и луком, в «бургере», а также известное мороженное McFlurry со вкусом яблочного штруделя. Еще одно наглядное проявление глокализации – это Октоберфест – изначально локальная баварская культурная традиция, ставшая настолько популярной, что распространилась на весь мир. Сегодня Октоберфест проводится и в Вене, но праздник не является калькой с немецкого оригинала. Его адаптировали под местную публику, стилизовав громадные шатры под альпийские хижины, играя австрийскую народную музыку и продавая местные деликатесы.

Обе вышеописанные собирательные идентичности являются на сегодняшний день актуальными для австрийского общества, однако, в своем исследовании я провожу более глубокую и доскональную деконструкцию национальной идентичности – идентичности Зальцкаммергут. Ее многослойность привлекла меня гораздо больше. Для начала рассмотрим идентичность на языковом уровне. На нем особо выделяются и чаще всего встречаются в контексте национальной идентичности следующие дискурсы:

- Brauchtumspflege (почитание традиции и обычаев),
- Bodenständigkeit (оседлость + традиционность)
- Gemütlichkeit (душевность)
- Wiener Schmäh (венский юмор)

Естественно, языковые компоненты, присутствующие в нарративах, чаще всего не стоят особняком, а зачатую являются составными частями автостереотипов – самых функциональных способов выражения идентичностей. Согласно Генри Таджфелу мы категоризируем группу, к которой принадлежим, изначально позитивно и стереотипично. Это означает, что мы очерчиваем свою идентичность путем включения или исключения из группы, а, после того как выбрали свою группу, с помощью стереотипов позитивируем ее, даже ее непривлекательные черты, выдавая их за поло-

[9] Bormann R. Raum, Zeit, Identität. Sozialtheoretische Verortungen kultureller Prozesse. Forschung Soziolo-gie. Opladen: Leske+Budrich, 2001. C. 310.

жительные.[10] Как раз с помощью вышеперечисленных языковых маркеров информанты и СМИ позитивируют черты собственной национальной идентичности. Так венский юмор (Wiener Schmäh), который многие принимают за хамоватый, рассматривается как интересная особенность. Вот как объясняют, что такое венский юмор, мои респонденты:

> «очень черный юмор, много сарказма, много цинизма, но и равнодушия, то есть не воспринимать вещи всерьез»[11]
>
> «немного сарказма, когда выдают трагичное за комичное, а в комичное добавляют немного остроты. Сегодня это стала туристическим образом, когда официанты в кафе нарочно ведут себя высокомерно, что придает им шарм, и становится туристической достопримечательностью».[12]

С помощью своего юмора венцы ретушируют некий характерный для них снобизм. Вот типичный анекдот: проблема каждого венца в том, что он терпеть не может жить в Вене, но еще бóльшая проблема в том, что и в других местах тоже.

Но, пожалуй, самый распространенный автостереотип и одновременно способ позитивации собственной идентичности предоставляет дискурс «австрийской душевности» (Gemütlichkeit). Это многозначное слово. Поначалу оно являлось антонимом немецкому трудолюбию, пропагандируемому Максом Вебером, а также северонемецкому протестантскому миру. Сегодня дискурс вылился в общее противопоставление Австрии с Германией. Таким образом, вместо использования негативных черт, вроде «ленивый» или «не очень продуктивный», употребляется слово «душевный»: «Австрийцы очень душевные. Немцы, особенно северные, не такие. Австрийцы не воспринимают все так серьезно, они не такие педанты»[13]

Наряду с основными компонентами национальной идентичности, хотелось бы кратко уделить внимание способам «продвижения» национальных идентичностей в Австрии. Во-первых, это так называемая ивентизация (от англ. „event“ – мероприятие, событие) идентичностей: когда устраиваются специальные мероприятия, где чествуется национальная, а чаще, региональная идентичность. Так, например, фестиваль «Штирийская деревня», посвященный штирийской гастрономической традиции, проводится ежегодно под стенами венской ратуши. А знаменитая венская, даже аристократическая, традиция проведения балов перекочевала в другие регионы и стала общедоступной для всех слоев общества, превратившись, на-

[10] Tajfel,H. Gruppenkonflikt und Vorurteil. Entstehung und Funktion sozialer Stereotypen, Bern u. a.: Hans Huber Verlag, 1982. C. 102-103

[11] Полевые материалы автора: интервью с Bianca F., Австрия, Вена, 2015

[12] Полевые материалы автора: интервью с Regina H., Австрия, Вена, 2016

[13] Полевые материалы автора: интервью с Edeltraud H., Австрия, Капфенберг, 2016

пример, в «крестьянские балы» или «охотничьи балы». Так региональная идентичность, которая не соответствует твоей собственной региональной, становится частью общенациональной идентичности. Теперь не нужно быть штирийцем, чтобы включить штирийскость в свою национальную идентичность.

Огромное, пожалуй, самое значительное влияние на конструкцию национальной идентичности top down оказывает историческая рефлексия. С одной стороны, ее отсутствие и намеренное чествование ушедшего в историю габитуса. Например, сложившиеся несколько веков назад исторические стереотипы до сих пор являются существенными компонентами австрийской идентичности: Вена по сей день считается музыкальной столицей Европы благодаря давно творившим в ней композиторам. Также налицо идеализация деревенского, старинного, доиндустриального: мода на биопродукты и региональные фермерские продукты, которые стали потребляемыми символами национальной идентичности. Они используют в своем продвижении дискурс «назад к корням», который создает доверительное отношение к старому, прошлому, а также подпитывает идентичность, основанную на сельском, камерном, чистом, далеком от глобализации. С другой стороны, очевидна слишком педалируемая историческая рефлексия на тему нацистского прошлого в Австрии и Германии, которая способствовала включению поствоенного комплекса в национальную идентичность. Особенные проявления этот комплекс имеет, однако, в Австрии, где с одной стороны поощряется саркастическое восприятие себя как первых жертв режима и как оппортунистов, а с другой поствоенный комплекс навязывается даже ученикам старших классов, которые сталкиваются с подачей национальной идентичности именно через призму нелицеприятного прошлого даже в учебниках по истории. Столь критичное рассмотрение этой темы придает дискурсу национальной идентичности хотя и рефлексивный, но весьма негативный окрас. Поэтому в США, Франции, Швеции, Китае и России дискурс национальной идентичности не несет в себе отталкивающую коннотацию, а в Австрии и Германии приравнивается к понятию националистический,[14] из-за чего так велик спрос на наднациональные идентичности.

Подводя итоги, можно утверждать, что сегодня тема национальной идентичности стала очень чувствительной, и именно во время этой сенсибилизации общество активно рефлексирует над этим понятием. Это сродни определению „Breakdown“ (слом), введенное Дж. Зигоном, когда что-то обыденное и регулярное приобретает вдруг особо важный смысл. Так, за-

[14] Collier, P. Exodus. Warum wir Einwanderung neu regeln müssen [Exodus.Immigration and Multiculturalism in the 21st Century]. München:Pantheon, 2016. C.23

бивая гвоздь молотком, мы в большинстве своем делаем это машинально и не придаем ни малейшего значения этому действию, но как только молоток попадает нам по пальцам, мы тут же переносим все свое внимание на палец и молоток, бросая остальные дела.[15] Точно так же и национальная идентичность становится ощущаемой и очень актуальной именно в данный резонансный период усиленных миграций и кризиса беженцев в Европе.

Вернемся к нашим стереотипичным картинкам, которые выдает Google при запросе «Австрия». Мы видим, что туристические образы порой мало чем отличаются от автостереотипов, из которых складывается национальная австрийская идентичность. Но в защиту этой стратегии конструирования идентичности, нужно сказать, что чем сложнее объект, тем упрощеннее и редуцированнее будет его выражение в матрице идентичностей. Поэтому штириец сможет вам рассказать о тонких различиях между верхними и нижними штирийцами, а будучи, например, в России будет идентифицировать себя с австрийцем по набору нескольких поверхностных символов, как балы, классическая музыка, Моцарт, горы. По сути тенденция склонения к идентичности «нейтральный гражданин мира» – это тоже симплификация путем отказа от объединений и различий.

И национальные и наднациональные идентичности – это восприятие себя и позиционирование в групповом контексте. И эта группа требует объединяющих черт, общих принципов для всех ее членов. Поэтому эти коллективные объединяющие черты сводятся к стереотипам, к символам и шутливым образам. А чтобы отличаться от других групп, ее членам необходимо найти свое УТП (уникальное торговое предложение), которое выделяло бы именно их на «рынке идентичностей». Поэтому люди делают из имеющихся позитивных нарративов пэтчворк, конструируя свою уникальную национальную идентичность, или находят свое УТП в отказе от национальной идентичности и становятся «нейтральным гражданином мира». В любом случае, и национальные, и наднациональные идентичности чрезвычайно актуальны для сегодняшней Австрии, поэтому их обе можно смело назвать австрийскими.

[15] Zigon, J. Moral breakdown and the ethical demand. A theoretical framework for an anthropology of moralities, – SAGE Publications (London, Los Angeles, New Delhi and Singapore), 2007, Vol 7(2): 131–150. C. 136

Авторы

Аккиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований - филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения "Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»". Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Амелин Веналий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета. Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Барышная Наталия Александровна – доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор кафедры государственного управления (Высшей школы государственного управления) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (филиал в г. Балаково). Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Белова Наталья Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН.

Бойко Иван Иванович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Чувашского гуманитарного института гуманитарных наук. Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Бубликов Василий Валерьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Волгин Владимир Леонидович – кандидат политических наук, независимый исследователь, эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем (РНЦ).

Воронцов Владимир Степанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН. Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Габдрафиков Ильдар Махмутович – кандидат исторически наук, старший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Джумаева Дженетхан Каирбековна - аспирант Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д.Алиева.

Долгова Алевтина Петровна – кандидат филологических наук, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, ведущий научный сотрудник, г. Чебоксары.

Ермак Галина Геннадьевна – кандидат исторических наук, зав. отделом, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток). Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Загребин Алексей Егорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Профессор РАН, заслуженный деятель науки Удмуртской Республики.

Зорин Владимир Юрьевич – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти Института этнологии и антропологии РАН. Член Президиума Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям.

Ивагин Александр Петрович – заместитель председателя комитета по внутренней политике Правительства Хабаровского края.

Илизарова Валерия Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Исполнительный директор Ассоциации антропологов и этнологов России.

Каменских Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН.

Квашнин Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН.

Кульбачевская Ольга Вячеславовна – научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН.

Кочергин Алексей Анатольевич – кандидат социологических наук, заместитель руководителя программной дирекции, начальник отдела анализа и управления телевизионным контентом ГУП КК "Телерадиокомпания "НТК" (г. Краснодар); эксперт Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем. Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Лыткина Татьяна Степановна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера.

Малькова Вера Константиновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН.

Мартыненко Александр Валентинович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева. Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Мартынова Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских и американских исследований, главный редактор журнала «Вестник антропологии» Института этнологии и антропологии РАН, заслуженный деятель науки.

Мокин Константин Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры Государственного и муниципального управления (Высшая школа государственного управления) Балаковского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Мотрич Екатерина Леонидовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник лаборатории пространственной экономики Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, г. Хабаровск. Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Мухаметшина Наталья Семеновна – доктор политических наук, профессор, Самарский государственный технический университет.

Николаев Василий Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН.

Орешин Сергей Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти Института этнологии и антропологии РАН.

Орлова Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, руководитель направления «Социология» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл. Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Плеханов Артемий Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН.

Пивнева Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН.

Подлесных Ольга Николаевна – научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН.

Родионова Елизавета Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский Государственный университет.

Руднев Вячеслав Валентинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН.

Савин Игорь Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, зав. сектором Центральной Азии. Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Сенюшкина Татьяна Александровна – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, заслуженный работник образования Республики Крым. Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Смирнова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, проректор по учебной работе, профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Достоевского.

Старченко Роман Александрович – кандидат исторических наук, заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН, исполнительный директор Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем.

Степанов Валерий Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН. Член комиссии Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, член комиссии Правительства Российской Федерации по проведению Всероссийской переписи населения.

Суетина Юлия Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

Тишков Валерий Александрович – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН, директор Сети этнологического мониторинга (EAWARN), член Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям.

Фаузер Виктор Вильгельмович – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией демографии и социального управления Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера.

Фаузер Галина Николаевна – научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера.

Харитонова Валентина Григорьевна – кандидат исторических наук, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, ведущий научный сотрудник, г. Чебоксары.

Холлер Екатерина Викторовна – кандидат исторических наук, независимый исследователь, Вена, Австрия.

Чемышев Михаил Валерьевич – главный специалист-эксперт Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл.

Черникова Виктория Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии исторического факультета Воронежского государственного университета. Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Черных Александр Васильевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий сектором этнологических исследований Отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Шабаев Юрий Петрович – доктор исторических наук, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории ФИЦ коми научный центр Уральского отделения РАН, профессор кафедры социально-политических наук и международных отношений Гуманитарного института Сыктывкарского университета им. Питирима Сорокина. Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Шевцова Елена Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры менеджмента Сибирского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Щербина Елена Анатольевна – кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР. Эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN). Член Экспертного совета ФАДН.

Яловицына Светлана Эрккиевна – кандидат исторических наук, заместитель директора по НИР, старший научный сотрудник сектора истории, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ
Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика

ISBN 978-5-4211-0241-0

9 78 5421 102410

Научн. корректура: Кульбачевская О.В.

Подписано к печати 01.08.2019
Формат 70x100 1/16
Усл.печ.л. 28,4

Тираж 500 экз. Заказ N172

ИЭА РАН
Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в типографии ФГБНУ «Росинформагротех».
141261, пос. Правдинский Московской обл., ул. Лесная, 60
Тел.(495) 993-44-04